САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

XI МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

25 апреля 2020 года

М а т е р и а л ы

Санкт-Петербург
2020

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

XI МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

25 апреля 2020 года

М а т е р и а л ы

Санкт-Петербург
2020

УДК 34::33(08)
ББК 67:65я43
А43

Под редакцией

А. А. САПОЖКОВА *заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента.*

Е. В. ЕЛАГИНОЙ *доцента кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидата юридических наук, доцента.*

А43 **Актуальные проблемы государства, права и экономики** : материалы XI Межвузовской научной конференции студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 25 апреля 2020 года / Санкт- Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. — Санкт-Петербург : СПб ЮИ (ф) УП РФ, 2020. — 1 CD-R(41,1 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD — ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — ISBN 978-5-6043806-2-8. — Номер госрегистрации 0322002028. — Текст : электронный.

УДК 34::33(08)
ББК 67:65я43

Материалы печатаются в редакции авторов

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА, ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ 15

Бондарчук А.Д. Суд присяжных в России: тенденции развития, аргументы за и против ..... —

Боровцов И.В. Деконструктивизм Мишеля Фуко 19

Сергеенко Р.А. О некоторых проблемах реализации концепции социального государства в России 23

Чуранов Д.А. О некоторых трудностях понимания генезиса рационалистической правовой мысли 26

Шишкин О.Е. Концепция мирового правительства в современных реалиях 32

II. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА 38

Беликова А.Д. Пародия как объект авторских прав ..... —

Болдыревская Ю.П. Правовые последствия пандемии коронавируса для туристического бизнеса 42

Гибтенко Н.А. К вопросу о соотношении нематериальных благ и личных неимущественных прав в гражданском праве 46

Дальхеев А.А. Особенности элемента воли в составе виндикационного правоотношения 50

Евтодьева А.О. Судебная неустойка (астрент): зарубежные модели и перспективы для Республики Беларусь 54

Заря А.А. Проблемы применения института существенного изменения обстоятельств 58

Злобина Ю.А. Нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности 64

Корецкий Д.А. Принцип эстоппель как средство злоупотребления правом 67

Котюсова Е.Н. Применение арбитражными судами правовой конструкции «несправедливые условия договора» 71

Кравченко К.О. Вопросы приобретения статуса индивидуального предпринимателя несовершеннолетними гражданами Российской Федерации 77

Кузнецов С.С. Некоторые аспекты развития правовой защиты участников долевого строительства 80

Пряженцова К.А. К вопросу о правовой природе договора каршеринга 83

Работягова И.И. Понятие и правовая сущность инвестиций: историко-правовое влияние 88

Спирова К.В. Правовая оценка деятельности некоммерческих организаций по защите прав потребителей на качество и безопасность товаров (работ, услуг) 94

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА (ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС) 100

Андропова О.И., Голубев Г.А. Проблема эффективности деятельности ФССП России и пути её решения ..... —

Баканова Я.В., Нардина А.В. Электронное правосудие в гражданском процессе 105

Бубёнов М.Г., Данилов Д.А. Вступление прокурора в арбитражный процесс в целях обеспечения законности 110

Максимов А.М. К вопросу о заключении прокурора по делу в гражданском судопроизводстве 113

Машанова В.С., Романов А.С. К вопросу о защите прав определенной группы лиц в арбитражном процессе 118

Подгайная А.И. Стандарты доказывания в цивилистическом процессе в России 124

Реминная А.Е. Проблемы обращения взыскания на недвижимое имущество должника 129

Сильвенойнен Т.К. Актуальные вопросы судебного примирения в России: сравнительная характеристика 135

Тиханова К.А. Проблемные аспекты обращения взыскания на криптовалюту 139

Устюгова В.С. К вопросу о судебном решении по делам о сносе самовольной постройки 144

Шилова Н.А. Проблемы реализации института групповых исков в гражданском и арбитражном процессах ... 148

IV. ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 154

Азизова А.И. Примирительные процедуры в трудовых спорах ..... —

Афанасьева А.А. К вопросу о правовых категориях «социальная защита» и «социальное обеспечение» через призму конституционных положений 160

Беспалова О.В. Ученический договор – проблемы применения на практике 164

Глазистова Д.А. Тенденции правового регулирования кадровых вопросов с использованием интернет платформ 168

Григорьев М.А. Некоторые вопросы правового регулирования труда осужденных в Российской Федерации 172

Егорова Е.В. О некоторых особенностях регулирования труда дистанционных работников: проблемы теории и практики 176

Жбанков С.В. Актуальные проблемы регулирования оплаты труда 180

Лаврентьева Ю.А. Внедрение информационных технологий при предоставление отдельных видов социального обеспечения 186

Лемехов С.В. Особенности регулирования служебных отношений дипломатических работников в Российской Федерации 190

Мамедова А.Ф. Правовое регулирование дополнительной трудовой деятельности 196

Матвеева С.В. Особенности регулирования труда лиц, занятых на работах с вредными и опасными условиями труда: о чем говорит судебная практика? 200

Москалев Г.А. Проблемы оплаты труда работников при банкротстве работодателя – юридического лица при недостаточности имущества должника 205

Овчаренко Я.А. Проблемы, возникающие при оформлении трудовых правоотношений с лицами, не достигшими возраста восемнадцати лет 210

Росляков В.Д. Роль профессиональных союзов в борьбе с неформальной занятостью: модель совершенствования их деятельности 213

Смирнов В.А., Юдин А.М. Расторжение трудового договора по основаниям п. 7.1 ст. 81 ТК РФ 217

Уланова А.В. Проблема дискриминации женщин в трудовых отношениях 223

Федоров М.В. Проблемы правового регулирования прекращения трудового договора с руководителем организации 226

Чуклина В.М. Проблема выплаты заработной платы работнику предприятия-банкрота 230

Шейко А.Н. Нестандартные формы занятости в условиях пандемии коронавируса 234

Шинкевич П.А. Правовая характеристика предварительного испытания при приеме на работу 237

Якимчук Е.С. Моббинг как одна из форм дискриминации в сфере труда 241

V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ 247

Арефьева Е.В. Проблемы применения примечания к статье 131 УК РФ ..... —

Белисова А.А. Присвоение найденного: находка или кража? 252

Богаревич Е.И. Некоторые аспекты сравнительного анализа состава изнасилования в законодательстве различных стран 258

Бомбела Ю.И. О некоторых вопросах разграничения преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ 262

Борисов И.Д. Соотношение специальных видов хищений с преступлениями против собственности 267

Вольных А.А. Содержание понятия «врачебная ошибка» для целей применения Уголовного кодекса РФ 270

Григорян Н.Г. К вопросу о посредничестве в даче и получении взятки в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Армения 274

Ермошкин В.В, Соляков В.Е. Правомерность причинения вреда здоровью при задержании преступников военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии 280

Зайцева П.А. Субъективная сторона доведения до самоубийства 282

Козулина Д.В. О проблеме правомерности боевых операций по предупреждению и пресечению преступлений террористической направленности 287

Кругликова Д.А. Возможные тенденции влияния пандемии коронавируса на состояние преступности в Российской Федерации 292

Ленюский А.А, Харченко А.О. Судебный штраф и возмещение ущерба как обстоятельства освобождения от уголовной ответственности 297

Лустач К.Д. Некоторые вопросы квалификации незаконной рубки лесных насаждений 304

Мацкевич Р.В. Правовая природа условного осуждения 309

Николова В.И. Значительный ущерб в преступлениях против собственности 313

Равинская А.В. Торговля детьми: некоторые проблемы криминологической характеристики 318

Румянцева И.В. Проблемы отграничения хищения предметов, имеющих особую ценность, от смежных составов преступлений 324

Рябов И.М. Институт добровольного отказа от преступления: проблемы законодательной регламентации ... 329

Селиверстова М.А. Неосторожные тяжкие преступления 334

Синявская С.П. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном законодательстве 339

Ступак Е.С. Налоговая преступность в Российской Федерации: криминологический аспект 343

Токина Я.В. Некоторые проблемы уголовно-правовой характеристики преступлений, совершаемых общеопасным способом 348

Фисун А.С. Некоторые проблемы уголовной ответственности за незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции 353

VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА 359

Антонов И.И. Особенности обвинительной речи прокурора в суде с участием присяжных заседателей ..... —

Букина В.О., Сидоренко А.С. Вопросы назначения государственных защитников с помощью электронной системы 363

*Гусакова И.А.*Свидетельский иммунитет адвоката 366

Егорова Е.Ю. О перспективах использования электронных уголовных дел 372

Логанова А.Ю. О вопросах установления личности близнецов при производстве по уголовному делу 376

Медведева А.С. Сведущие лица в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних 378

Мельников А.И., Прохоров Д.А. Материалы налогового органа как повод для возбуждения уголовного дела 381

Отченаш А.Ю. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе 387

Сидоренко К.С. Запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу..... 392

Стадников А.А. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России 396

Тимошенко И.М. Некоторые вопросы участия прокурора в судебном рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа ... 399

Хучшов А.С. Роль прокурора при избрании судом меры пресечения по ходатайству следователя 405

VII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ 410

Белева М.О. Изучение прокурором протокола выемки по уголовному делу о получении взятки ..... —

Бичегкуева З.К., Евсеева Д.Ю. Проблемы использования цифровой фотографии при производстве следственных действий 415

Голубина А.А., Котина И.Д. Проблемы идентификации личности неопознанных трупов 420

Дудырина Е.С. К вопросу об использовании результатов судебной экспертизы запаховых следов в расследовании преступлений 425

Калинина Е.М. Использование специальных психологических знаний прокурором при поддержании государственного обвинения по уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности личности 429

Кускова В.А., Чугунова А.О. Применение камеры 360 градусов при производстве следственных действий 434

Самонченко Е.И. К вопросу об использовании прокурором криминалистических знаний при изучении протоколов следственных действий 439

Терно Д.А. Перспективы развития «улик поведения» в современной криминалистике 442

VIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 448

Архипова А.Ю., Архипова А.Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов при осуществлении контроля за лицами, условно-досрочно освободившимися из мест лишения свободы ..... —

Бердашкевич С.А. Проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов сквозь призму функций органов прокуратуры 452

Васильева Н.А. К вопросу об оспаривании прокурором сделок в арбитражном процессе 458

Горелик Д.Ю., Уставщикова А.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд в сфере образования 462

Егорова А.В., Левченко А.В. Прокурорская проверка в сфере льготного обеспечения граждан лекарственными средствами и медицинскими изделиями 468

Елькин С.В. Пределы прокурорского надзора за органами исполнительной власти в сфере охраны здоровья ... 474

Зверева Е.Д., Карапыш Ю.А. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи 478

Карцов П.А., Медведева Д.Ю. К вопросу о проверке прокурором законности ограничения конституционных прав граждан при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий 483

Саракуз А.С. Роль прокуратуры в механизме защиты жилищных прав граждан 487

Смакаева Р.А. Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением права инвалидов на лекарственное обеспечение 493

Сытник А.Н. Подготовка прокурором искового заявления в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц в сфере экологии 498

Томилова П.Н. Участие прокурора в апелляционном производстве 503

Трякшин Д.С. О роли международной ассоциации прокуроров 507

Чугайнова Е.А. Проблемы осуществления прокурорского надзора за исполнением законов руководителями дошкольных образовательных учреждений 511

Шеставин Д.А. Проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов органами прокуратуры: теория и практика 514

IX. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 519

Гостева Д.Д. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о донорстве органов и их трансплантации ..... —

Гумерова А.Ш. Интеграция юридического и медицинского аспектов в определении дееспособности, как конституционно-правовой категории 523

Денисенко Н.В. О реализации права женщин-интерсексов на участие в спортивных соревнованиях 528

Егорова З.С. Пределы регулирования свободы вероисповедания (на примере Черногории) 534

Косырев Е.В. Виды средств распространения наружной рекламы 539

Кулешова Д.А. Социальное сиротство и беспризорность как фактор совершения административных правонарушений среди несовершеннолетних 544

Кустова А.А. О правовой природе административного судопроизводства 548

Подтынников И.А. Пределы ответственности автомобильного перевозчика за достоверность сведений, сообщаемых таможенному органу 552

Филипенко Д.С. Некоторые проблемы рассмотрения административных дел о признании информации, размещенной в сети «интернет», запрещенной 556

Хван К.С. Принципы избирательного права: история становления и современное состояние 561

X. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА 566

Астратова А.Д. Некоторые проблемы обеспечения налоговой безопасности ..... —

Бессонова М.А., Симонян Н.А. Нефтегазовые доходы как основа бюджетной системы Российской Федерации 569

Васильев Н.А., Караваев Г.А. Квалификация структуры ведения бизнеса: разграничение дробления как законной оптимизации и как налогового правонарушения 573

Васильева А.С., Перекосова А.А. Проблемные аспекты применения упрощенной системы налогообложения 577

Ворышева К.В., Дресвянникова А.А. Проблемы привлечения к ответственности по ст. 116 Налогового кодекса Российской Федерации 581

Зубенко В.В., Кирюхина С.М. Криптовалюта как объект налогообложения 584

Крыштопин С.А. Проблемы реализации законодательства о специальном налоговом режиме «Налог на профессиональный доход» 589

Перевезенцева Н.Д. К вопросу о признании «дробления» бизнеса незаконным 592

Погомий И.Н., Филиппова А.И. К вопросу об обложении в РФ налогом процентного дохода гражданина от вкладов на сумму свыше 1 млн рублей 596

Пополитов Д.И., Северчуков Д.В. Проблемы правового регулирования деятельности букмекерских контор на территории Российской Федерации 599

Поречный Е.М. Проблемы развития института «самозанятых» в Российской Федерации, пути решения, зарубежный опыт 604

Скурлатов В.С., Трудников А.В. Медиация при урегулировании налоговых споров: проблема применения, перспективы развития и законодательного совершенствования в России 608

Сынков В.В. Актуальные проблемы применения процедуры медиации при производстве по делам о налоговых правонарушениях 612

XI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА 618

Арямина В.А., Цовян П.Г. Повышение эффективности государственного экологического надзора на федеральном и региональном уровне ..... —

Василюк В.Ю. Классификация типичных нарушений законодательства в сфере охраны и использования недр, выявляемых органами прокуратуры Российской Федерации ... 623

Воронина Н.А. Типичные нарушения законодательства в сфере охраны и использования водных биоресурсов, совершаемые пользователями 629

Захарова Е.Д. К вопросу об определении прокурором способа компенсации вреда почвам, причиненного в результате экологических правонарушений 634

Ишутина Н.С. Правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления в сфере недропользования 639

Павкова К.С. Правовой режим использования земельных участков, расположенных в береговой полосе общего доступа 644

Сорокина Д.А., Шадура М.Ю. Проблема поднятия уровня воды на Новочебоксарской ГЭС 649

Страхова В.В. О правах иностранных граждан и лиц без гражданства на земельные участки в РФ 652

Цыплеева А.А. Нормативно-правовые основы, проблемы и перспективы применения комплексных экологических разрешений 657

XII. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 661

Белов М.А. Социальный конструкционизм: к вопросу переосмысления природы права ..... —

Богданов Н.Е. Юридический неопозитивизм: от Рудольфа Штаммлера к Гансу Кельзену 666

Давар Д.Т. Эволюция «возрожденного» естественного права в России: от «Либертарно-юридической теории права» В.С. Нерсесянц к «Институциональной теории права» В.А. Четвернина 670

Лукин А.Д. Источники иудейского права и особенности его развития до образования современного израильского государства 675

Люлев М.А., Ушаков Р.М. Идеальное государство сквозь призму идеологии панславизма и опыт его реализации (середина XIX - начало XX вв.) 681

Малышевская А.М. Влияние правовых исследований Германии на становление административного права России 683

Михайлова А.Д. Судебный прецедент в Российской Федерации 687

Новикова М.И. Соотношение юридической ответственности и мер государственного принуждения 692

Онучина С.Л. Государство в политической системе общества 695

Орищенко А.С. Трансформация института смертной казни в сословно-представительной монархии российского образца 700

Чикарева Д.О. Антропология права как научно-исследовательская программа 705

Эпов И.С. Проблема понимания обеспечения общественной безопасности в контексте ограничения прав и свобод индивида 710

XIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА 716

Альбицкий А.Г., Мирошниченко А.Г. Форс-мажорные обстоятельства в международном частном праве континентального Китая на примере коронавируса (Covid-19) —

Артемьева М.А., Федейкина Д.А. Пределы исчерпания внутренних средств правовой защиты: необходимость и достаточность 722

Бойко Р.Э. Понятие электрической энергии и закрепление в законодательстве ЕАЭС и его стран-участниц ... 728

Галекбаров Г.В., Михайлов И.Н. Позиция ООН по вопросу о военных действиях в Косово: правовой аспект ... 732

Головизнина Л.А., Постригань К.А. Актуальные проблемы правового регулирования брачного договора в международном частном праве 736

Дементьев Д.О., Доброродова В.В. Взаимодействие органов прокуратуры на постсоветском пространстве в сферепротиводействия и борьбы с коррупцией 741

Железняк Е.А., Железняк Т.А. О поправках к Конституции Российской Федерации 2020 г., касающихся вопросов соотношения с международным правом 745

Поляк А.А., Шиляева Д.И. Актуальные проблемы заключения браков за рубежом и их признание 750

Радионов К.В. Особенности юридических коллизий в международном публичном праве 755

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ИНДЕКСА НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ 759

СЕКЦИЯ I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА, ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ

УДК 340.1

А.Д. БОНДАРЧУК

научный руководитель
Г.В. ДЫТЧЕНКО

СУД ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ

Суд присяжных является одной из форм осуществления правосудия, при которой факт совершения преступления и возможность снисхождения к подсудимому определяются коллегией граждан, не являющихся юристами, созданной путём случайной выборки. Споры о пользе или вреде такого вида правосудия ведутся давно в разных странах мира – России, Великобритании, США и т.д.

В качестве положительных сторон можно выделить такие, как преобладание морали при вынесении вердикта, в то время как закон, которым руководствуется судья, может быть несправедлив. Решение суда присяжных может показывать отношение общества к законам. Например, в тех случаях, когда вердикт расходится с законом, можно судить о недовольстве общества этим законом. Разбирательство при участии присяжных заседателей потенциально менее коррумпировано т.к. присяжные независимы от показателей, от которых зависим судья. Коллегиальность позволяет учесть множество мнений, что может повлиять на вердикт и, как следствие, исход дела.

Несмотря на это, присяжные не являются профессиональными юристами, что влияет на авторитетность их мнения. Более того, они в большей степени подвергнуты эмоциональному влиянию жизненных обстоятельств, чем судья, который руководствуется исключительно нормами закона. Присяжные не несут ответственности за свои решения.

Такие аргументы позволяет выделить давний исторический опыт использования института присяжных, прототип которого появился в древности. Новгородская ссудная грамота предполагала участие приставов в судебном разбирательстве. «А в тиуне одрине быти по приставу с сторону людем добрым, да судити им в правду крест поцеловав на сей на крестной грамоте». (Тиун должен рассматривать дело вместе с приставами с каждой стороны, принесшими соответствующую присягу судить по закону). Последующее развитие подобный институт получил в Судебниках 1497 и 1550 гг.

В судебную систему России суд присяжных вошел в 1864 году с судебной реформой Александра II. Разработкой законодательства о суде присяжных занимались Д.А. Ровинский, С.И. Зарудный и Н.А. Буцковский. Первое заседание с участием присяжных состоялось 21 августа 1866 г. В начале своей деятельности вердикты были в основном оправдательные – 25-35%, причиной чего являлась безграмотность и несоответствие народного правосознания законодательству[1]. В таком виде суд присяжных просуществовал до 1917 г., до принятия Декрета о суде № 1, которым был упразднен.

Возвращение суда присяжных стало обсуждаться в 1980-90-х годах. В основах законодательства СССР и союзных республик о судоустройстве сказано: «В порядке, установленном законодательством союзных республик, по делам о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет, вопрос о виновности подсудимого может решаться судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей)»[2]. С принятием поправок к Конституции РСФСР в 1991 году и с Конституцией России 1993 года право граждан на разбирательство с участием присяжных закрепилось на высшем законодательном уровне.

В современной России с 2008 по 2013 г. сокращалось количество дел, по которым присяжные могут выносить вердикт, а также права на суд присяжных лишились женщины, мужчины старше 65 лет и лица, обвиняемые в неоконченном преступлении. Данные изменения сократили количество дел, рассматриваемых присяжными. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в 2013 году с участием присяжных

[1] Чебулаева А. О История становления и развития суда присяжных в России// Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2011. №4. С. 91-92.

[2] Основы законодательства ССР и союзных республик о судоустройстве (Приняты ВС СССР 13.11.1989) // Справ.-прав. Система «КонсультантПлюс».

было рассмотрено 883 дела, а в 2014 – 492[1]. Реформой 2016 года разрешалось рассмотрение дела о тяжких и особо тяжких преступлениях судьей и двумя заседателями, и судьей и пятью заседателями в делах, наказанием за которое могут быть смертная казнь или пожизненное лишение свободы. По мнению А.И. Наносова, таким образом Верховный суд Российской Федерации фактически заменяет суд присяжных коллегией из судьи и судебных заседателей[2]. В феврале 2016 года суды присяжных создаются на районном уровне в составе 6 человек. В этом прослеживаются экономические причины – потребность в расширении залов суда для коллегии из 12 присяжных, их обеспечение жильем, защитой, а также компенсацией за время, потраченное на участие в разбирательстве.

Правовой основой функционирования института суда присяжных является уголовно-процессуальный кодекс, пленум Верховного суда Российской Федерации о производстве в суде с участием присяжных заседателей, Федеральный Закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции Российской Федерации», а также Конституция.

Внесение определенных поправок, которые свидетельствуют не столько о реформе, сколько о небольших изменениях, в вышеперечисленные нормативно-правовые акты позволяет выделить определенные тенденции в развитии суда присяжных. Во-первых, это сокращение подсудных дел. Так, например, в период с 2009 по 2013 года из рассмотрения судом присяжных исключили дела о терроризме, государственной диверсии, взятках, результатом чего стало лишь 23 состава, которые могут рассматриваться в суде с участием присяжных. Во-вторых, подсудность присяжных ограничена преимущественно тяжкими и особо тяжкими преступлениями. В этом аспекте можно говорить о большем общественном резонансе и, как следствие, более предвзятой оценке со стороны присяжных по отношению к подсудимому. В-третьих, сложность формирования коллегии присяжных. Присяжным заседателем может стать лицо, достигшее 25 лет, что не является примером неравного доступа к отпущению правосудия, а скорее обусловлено большей эмоциональной устойчивостью людей этого возраста,

[1] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki_2014_g.pdf (дата обращения: 10.04.2020)

[2] Насонов А. И. О реформировании суда с участием присяжных заседателей // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 246.

что повышает шансы на беспристрастие и непредвзятость при вынесении вердикта. В-четвертых, решение суда присяжных основывается на трех вопросах, которые не позволяют учесть многих обстоятельств дела, что может свидетельствовать о более упрощенном разбирательстве, решение которого может ставиться под сомнение, ввиду меньшего авторитета, чем у судьи.

Для объективности оценки института присяжных в Российской Федерации целесообразно сравнить его с аналогичным институтом за рубежом, например, с судом присяжных в Великобритании. Так же, как и в России, в Англии суд присяжных – коллегия из случайно выбранных людей, из чего вытекают, как и достоинства (преобладание морали), так и недостатки (эмоциональность присяжных). Суды присяжных в Российской Федерации и Великобритании, по мнению отдельных авторов, отличаются тем, что в России отсутствует система деления свидетелей со стороны защиты и стороны обвинения. Вместе с тем, следует отметить, что ч. 4 статьи 220 УПК РФ указано, что к обвинительному заключению прилагается список подлежащих вызову в судебное заседание лиц со стороны обвинения и защиты.

При этом, основным отличием является отсутствие в системе российского права системы прецедентов, как в Англии, что повышает ответственность английских присяжных за свой вердикт, потому что это решение может применяться в разрешении аналогичных дел. В Великобритании присяжный должен достигнуть возраста 18 лет, в то время как в России – 25. Это может показать различие в правоприменительной практике государств с одной стороны и о более серьезном подходе к отбору присяжных и их более значимой роли, с другой. Это подтверждается фактом меньшего перечня для отказа быть присяжным в Российской Федерации. Вышеперечисленные доводы позволяют сделать вывод о том, что суд присяжных в Российской Федерации имеет свои специфические черты и развивается с учетом исторических особенностей, но также заимствует определенные положения законодательства в зарубежных странах.

Таким образом, исследуя разные мнения о востребованности в современной России суда присяжных, следует отметить, что основными аргументами против данного института судебной системы являются некомпетентность присяжных в области права и их высокая эмоциональная подверженность. Вместе с тем развитие суда присяжных в России обеспечивает нравственные основы судебного разбирательства, противодействует коррупции и демонстрирует доверие общества действующей судебной власти.

Представляется, что анализ становления отечественного института суда присяжных, проходящего в соответствии с прогрессивными тенденциями гуманизации, позволяет сделать вывод о необходимости его развития, как одного из основных условий обеспечения демократического и правового статуса современного российского государства.

УДК 16

И.В. БОРОВЦОВ

научный руководитель
доцент Б.В. МАКОВ

ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ МИШЕЛЯ ФУКО

Деконструктивистский потенциал виден уже в ранних работах Мишеля Фуко. Описание фукольдианской критики западной мыслительной традиции следует начать с указания на то, как обсуждение научным сообществом проблем человеческого бытия затмевает первичность этих проблем по отношению к их обсуждению. Явления после попадания в поле зрения исследователей становятся феноменами и уже не существуют сами по себе – феноменология ограничивается рамками, сложившимися в академической среде, возникают определенные практики говорения – то, как ученые описывают феномены. Способы выражения этих практик в тексте Фуко именует дискурсами.

Рассматривая на протяжении своей интеллектуальной жизни феномен власти (в том числе ее частных проявлений – власти над пациентом, власти тюремного надзирателя и проч.), он приходит к выводу о конструировании дискурсов на основе нелогичных допущений. Так, не соответствует действительности представление о безумии как антиподе разума – разуму противопоставлено отсутствие разума, мышление же безумца суть не отсутствие разума, а совокупность закономерностей, поддающихся научному описанию[1]. Не менее ошибочным выглядит дискурс тюрьмы – там, где академическое сообщество привыкло видеть модернизацию и гуманизацию, Фуко, подробно рассматривая путь наказания от площадей с публичными казнями до его сокрытия от взгляда общества за воротами тюрьмы, вскрывает бесчеловечность абсо-

[1] См. подробнее: Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко – СПб. : Книга света. – 1997. – 576 с. – ISBN 5-7914-0023-3.

лютной власти тюремщика над заключенным и, прибегая к игре образов, присущей континентально-философской традиции, показывает, как общество превращается в «паноптикон» – тюрьму, смоделированную Джереми Бентамом, в которой камеры, расположенные по окружности, просматриваются из центральной башни – таким образом заключенные, не зная, наблюдают за ними или нет, вынуждены всегда вести себя соответственно тюремным нормам[1]. Процесс либерализации (от рабовладельческого общества к капиталистическому) у Фуко оборачивается становлением нового типа господства – пример «паноптикона» иллюстрирует переход от архаичной монархической власти к власти дисциплинарной, орудие которой не «полицейская дубинка», а повсеместно установленные камеры видеонаблюдения – символ перманентного надзора на учениками, пациентами, заключенными. Мы приходим к ошибочности дискурса власти в целом.

Дискурс не существует в отрыве от других дискурсов, в том числе от противоположного дискурса. Разделение реальности на противоположности само по себе составляет метадискурс. Деятельность человека Фуко сводит к дискурсивным практикам, которые в каждой эпохе образуют специфическое проблемное поле – эпистему. Указанный подход исходит из языкового характера мышления: реальность в глазах исследователя оказывается опосредованной текстом – совокупностью символов, неотделимой от контекста – этим объясняется отмеченная нами интердискурсивность. Не имея доступа к предмету исследования, мы можем работать только с уже организованным знанием – дискурсами. Описание реальности для ученого становится частью самой реальности. Такой подход содержит опасность гипостазирования – мыслительные феномены превращаются в онтологические сущности – так, например, мифологизированная «власть» предстает автономной силой, самостоятельно влияющей на человека.

На практике это выражается в отождествлении политической власти и государственного аппарата, однако, политическая власть (наряду с прочими разновидностями власти: врача над больным, учителя над учеником и т.д.) для Фуко не более чем частное проявление власти дискурсов, то есть власти знания. «Исторический анализ этой злостной воли к знанию обнаруживает, что всякое знание основывается на несправедливости (что нет права, даже в акте познания, на истину или обоснование истины) и что сам инстинкт к знанию зловреден (иногда губителен для счастья че-

[1] См. подробнее: Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко – М. : «Ad Marginem». – 1999. – 480 с. – ISBN 5-93321-010-2.

ловечества). Даже в той широко распространенной форме, которую она принимает сегодня, воля к знанию неспособна постичь универсальную истину <…> ее рост не связан с установлением и упрочением свободного субъекта; скорее она все больше порабощает его своим инстинктивным насилием» – заключает Фуко[1].

Относительное (сомнительное с точки зрения всеобщей истины) знание, добываемое наукой, навязывается людям как единственно верное. Складывается положение, в котором властный субъект «знает» лучше подвластного, как тому себя вести: таковы отношения подчинения, в которых находятся пациент, заключенный и, например, народные массы перед лицом потестарного лидера, лишающего их выбора, потому что ему лучше «известно», как и кто должен править. Жажда знания и связанной с ним власти конструирует дискурс на основе ошибочных допущений – в результате, образуется «метарассказ», тотализирующий взгляды исследователей на исследуемую реальность[2]. Исключением не является и «метарассказ» об управлении, легитимирующий известное представление о власти – так происходит ее гипостазирование.

Для демистификации подобных фантомов сознания и предназначена практика деконструкции. Если речевые практики однажды институционализировались, став дискурсом, вполне возможно произвести его перестройку. Такая демистифкация составляет право каждого на реинтерпретацию любых информационных материалов в поисках плюрализма возможных для них значений.

Взгляды на деконструкцию рознятся. Так или иначе, за основу берется дерридаианская деконструкция, предполагающая анализ традиционных бинарных оппозиций с целью релятивизации отношений левостороннего и правостороннего терминов[3]. Деконструкция в понимании Фуко являет собой процедуру обнаружения интердискурсивных зависимостей дискурса. Такая формулировка выглядит более точной, поскольку дискурс всегда конструируется исследователем, находящимся в рамках иного дискурса, возможно, даже дискурса другой сферы знания, откуда заимствуется аргументация.

---

[1] Фуко, М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко – СПб.: A-cad. – 1994. – С. 163. – ISBN: 5-85962-021-7.

[2] О концепции «метарассказов» см. подробнее: Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер, с фр. Н.А. Шматко – СПб: Алетейя. – 1998. – 1б0 с. – ISBN-5-89329-107-7.

[3] См., например: Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида – М.: «Ad Marginem». – 2000. – 511 с. – ISBN 5-93321-011-0.

Общая деконструктивистская проблематика состоит в утвержденной Дерридой неопределенности смысла текста, из которого можно солипсически вывести любую неограниченную интерпретацию. Деконструктивисты лишили себя теоретической возможности ограничить возможное наслаждение от произвольной деконструкции. Фукольдианский подход при такой постановке вопроса выгодно отличается социополитической направленностью, которую мы находим в его выступлении против репрессивной дисциплинарной власти как формы запрета и исключения. Фуко не дает нам лекарство, способное исцелить общество, но предостерегает нас от конструирования новых безосновательных дискурсов, порождающих волю к власти знания еще более губительную, чем когда-либо. В таком понимании его видение власти содержит потенцию вывода деконструктивистской теории из тупика непрекращающихся споров и безосновательных деконструкций.

Таким образом, возможным представляется описание эпистемы постмодерна – «выявление этого мышления, предшествующего всякому мышлению, этой системы прежде всех систем, и является задачей сегодняшней философии[1]». Однако по сей день нам не удается окончательно преодолеть постмодернистскую безысходность, состоящую в провозглашении бессмысленности попыток конструирования моделей общества. Решение этой проблемы первоначально стоит свести к вопросу о необходимости таких концепций – «ведь принимая их на веру, он [человек] тем самым якобы становится на путь интеграции, поглощения его сознания буржуазной «системой ценностей» – очередной системой метарассказов[2]». Здесь же важно не оказаться на дороге, ведущей к очередному «светлому будущему[3]» – «в этом центральном и централизованном человечестве, результате и инструменте сложных отношений власти, в телах и силах, подчиненных многочисленным механизмам «заключения», в объектах дискурсов, которые сами являются элементами этой стратегии, мы должны слышать далекий гул сражения[4]». Постмодерн восстает против этой централизованности и возвещает о господстве эклектизма.

---

[1] Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин – «Интрада». – 1996. – С. 59. – ISBN 5-87604-035-5.

[2] Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин – «Интрада». – 1996. – С. 213. – ISBN 5-87604-035-5.

[3] О «светлом будущем» см. подробнее: Гилинский, Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна / Я.И. Гилинский – «Алетейя». – 2017. – С. 18-19. – ISBN 978-5-906910-40-0.

[4] Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко – М. : «Ad Marginem». – 1999. – С. 454. – ISBN 5-93321-010-2.

УДК 34

Р.А. СЕРГЕЕНКО

научный руководитель
доцент Б.В. МАКОВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

В ходе общественно-политической дискуссии, которая проходила в период принятия решения о том, какой должна быть новая Россия и какие положения должна содержать демократическая Конституция, выяснялось следующее: большинство населения поддерживало тезис «Россия –социальное государство». И неудивительно, поскольку советский фундамент был довольно силен в сознании простых граждан, которым к тому же была необходима помощь во время экономического кризиса 90-х годов. С принятием нового Основного закона страны 12 декабря 1993 года была закреплена соответствующая концепция в статье 7: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»[1]. Недавно предложенные поправки в Конституцию также должны продолжить развитие данной концепции.

Однако, по мнению автора данной работы, развитие государства всеобщего благосостояния в нашей стране имеет серьезные проблемы, которые не решаются на протяжении многих лет и которые имеют серьезное отличие от проблем стран Европы и Северной Америки. Ведь последние столкнулись с иждивенчеством, снятием ответственности с индивида за его собственную судьбу, дефицитом бюджета и, как следствие, растущим государственным долгом, а также падением конкурентоспособности экономики вследствие относительной утраты стимулов у хозяйствующих субъектов[2]. Для Российской Федерации данные проблемы далеко не актуальны, а падение конкурентоспособности экономики и её роста ВВП вызваны коррупцией, недостаточно развитой судебной и правовой системой, бюрократизацией, не обосновано высоким

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 04.08.2014. - № 31. - ст. 4398.

[2] Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 182.

налогообложением, низким уровнем меритократии, отсутствием полноценного федерализма и высоким уровнем социального неравенства, который также снижает влияние на стимулы к развитию для экономических агентов, уменьшает спрос на товары и услуги.

В результате чего из «ловушки бедности» все меньше и меньше людей видят выход. Эти же самые проблемы приводят к неэффективности государственной поддержки слабозащищенных слоев населения. Несмотря на то, что государство накопило довольно большой резервный фонд за счет относительно высоких цен на нефть и улучшения качества налогообложения, он так и не будет реализован на социальную поддержку в должной мере. Вопрос о целесообразности такого решения остается дискуссионным.

Но даже в существующих мерах помощи имеются недостатки. На наш взгляд, таковым основным недостатком является поддержка конкретных социальных групп, деление которых не происходит по экономическому критерию: многодетные и молодые семьи, государственные служащие, пенсионеры, учащиеся и другие. В социальных программах все-таки мы должны исходить не из презумпции бедности и нуждаемости представителей определенных групп, а их реального имущественного положения.

Ресурсы ограничены. Социальная поддержка государством должна оказываться исходя из рациональных потребностей: в чем конкретно и в каком объеме необходима помощь нуждающемуся человеку или его семье, какими возможностями он обладает по решению своей проблемы, какой вклад сделал в результате своей трудовой деятельности в тот или иной фонд. Чиновникам при решении таких вопросов необходимо изучать положение обратившихся. В существующей системе отношений тем, кто нуждается в большей степени поддержки, государство не может помочь.

Социальная сфера общественных отношений в Российской Федерации имеет также проблемы, вызванные не совсем правильными решениями её государственной поддержки. В современных высокоразвитых и благополучных государствах экономика основана на инновациях, то есть на знаниях, вырабатываемых ее населением, включающих в себя образование, культуру, управленческие и другие интеллектуальные навыки. Прямым образом с человеческим капиталом связано состояние системы здравоохранения, жилищного фонда и продовольственного обеспечения[1].

[1] Капелюшников Р. А. Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию / Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. — М.: ГУВШЭ, 2003. — С. 645—671.

В сегодняшний период времени в России существуют проблемы, связанной с этой сферой. Так, рост числа количества учреждений, оказывающих услуги высшего профессионального образования, привел к уменьшению их качества вследствие нехватки высококвалифицированного преподавательского состава, вызванного его оттоком в другие сектора экономики или заграницу. Эти факторы вызвали падение конкурентоспособности Российских университетов как внутри страны, так и за её пределами. В частности, снизился спрос, снизилась актуальность на созданные в России интеллектуальные блага. Система здравоохранения имеет похожие проблемы, связанные с нехваткой медицинских работников, низким уровнем оплаты их труда и значительной дифференциацией заработной платы между обычным персоналом и руководителями, нехваткой качественного оборудования и бесплатных медикаментов. В свою очередь, пенсионная система и последняя реформа, связанная с резким повышением возраста на её выход, снижает в определённой степени стимулы к повышению своей заработной платы и «прозрачной» её выплате. Это также вызывает проблему роста числа «несостоявшихся» пенсионеров, которые будут дискриминированы на рынке труда и, следовательно, могут остаться без средств к существованию.

Проблемы социального государства в России имеют более широкий характер и затрагивают и другие незащищенные слои населения, однако именно эти представляются как наиболее важные и общие, поскольку, на наш взгляд, именно они мешают развитию стимулов в экономике и, как следствие, общему благосостоянию населения. Для их решения предлагается начать рассматривать отрасли и работников социальной сферы, связанных с развитием человеческого капитала и государственным бюджетом, не как «издержки» на социальные нужды, а как источники экономического роста, приоритетными отраслями, необходимыми для повышения качества жизни населения, то есть инвестициями в человеческий капитал. Необходимо увеличить вложения со стороны государства хотя бы на 6% от ВВП, а также использовать для этих нужд резервный фонд Национального благосостояния[1].

В заключении стоит сказать, что Российская Федерация в обозримом будущем должна не только начать перераспределять долю национального богатства в соответствии с реальными интересами

[1] Гушунц С. Ж., Кондратьева З. А. Анализ структуры расходов бюджета России и западных стран // В сборнике: Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы пути и их решения Сборник научных статей 8-ой Международной научно-практической конференции. 2018. С. 117—120.

всего населения, но и развивать справедливое общество. Чтобы избежать тех проблем, с которыми столкнулась, например, современная Европа, России необходимо начать уже сегодня развивать стимулы к экономическому развитию каждого хозяйствующего субъекта. Сделать это можно путем повышения персональной ответственности за свою личную судьбу и судьбу членов своей семьи посредством надлежащей правовой защиты результатов трудовой деятельностии частной собственности, прозрачной системой налогообложения и индивидуального накопления денежных средств в пенсионном, страховом, жилищном и других фондах.А для государства должно стать приоритетом получения каждым гражданином, сделавшим свой личный вклад в развитие, справедливой доли в национальном богатстве посредством субсидирования образования, науки, культуры, здравоохранения, а также возможности получения доступного жилья и общественных благ.

УДК 340.1

Д.А. ЧУРАНОВ

научный руководитель
доцент Б.В. МАКОВ

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПОНИМАНИЯ ГЕНЕЗИСА РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Доктрина правового рационализма, одной из важнейших идей которой является признание существования разумных оснований в праве[1], во многом определила развитие политико-правовой мысли, зародившейся в эпоху античности[2]. В настоящей статье пред-

[1] Т.е., разумные основания права могут быть поняты и соотнесены с иными надправовыми категориями независимо от воли законодателя.

[2] Принято считать, что идея «разумности права» зародилась в античности и воплотилась в ряде соответствующих политических и правовых учений (например, в доктрине естественного права, философии первых скептиков, стоической картине мира). Этот тезис, как представляется, справедлив, но имеет с тем ряд существенных оговорок. Важнейшей из них является то, что истоки рассматриваемой мысли усматриваются гораздо раньше, преимущественно у древневосточных мыслителей и богословов. Так, древнеегипетским естественно-правовым воззрениям соответствовало понятие Ма-ат, которое связывалось со справедливостью и разумными земными порядками, которым боги некогда научили меретов (египтян). Естественно-правовая категория шумеров прослеживается в естественных законах, которые были дарованы суровым богом солнца Шамашем. Нарушение последних неизбежно вело к божественной каре. Юсна-

лагается рассмотреть три основополагающие теории, выражающие сущность разумного начала в правовых явлениях – юснатурализм, теорию общественного договора, а также теологическую доктрину.

Сократовское учение о достижении высшей справедливости через истинное знание послужило не только решительным отказом от идей младших софистов, но и, вероятно, основой для формирования представлений о законах не как волевых предписаниях базилевсов, архонтов, царей, а как разумных установлений, призванных обеспечить гармонию космоса, полиса, человека. Не случайно в диалоге «Государство» Платон стремился устами Сократа доказать, что базовые принципы человеческого поведения, закрепленные в праве, разумны и могут быть поняты безотносительно к конкретному нормативному уложению. А знание закона гражданами полиса может быть получено с помощью ответов на правильно поставленные вопросы (известный сократовский метод майевтики).

Учение о разумности в праве развивали и другие классические и эллинистические философы вплоть до эпохи возникновения ранних средневековых варварских королевств. Так, например, Аристотель признавал примат закона перед всяким монархом, поскольку последний, насколько бы ни был разумен и бескорыстен, все равно подвержен различным аффектам, способным нарушить гармонию полисной жизни. Справедливый же закон всегда един и неизменен, и, естественно, не способен подвергаться неразумным вожделениям. Идея разумных оснований права в некотором смысле была свойственна учению древних стоиков. Зенон, Клеанф, Хрисипп впервые объявили о возможности существования некоего надправового критерия, названного ими судьбой. Эллинистические мыслители видели необходимым длительную подготовку человека к жизни, развитие им достойных физических и нравственных качеств, изучение наук, в том числе постижение права, для того чтобы не удивляться неожиданным ударам судьбы и быть готовым перенести их[1].

туралистские в определённом смысле идеи были известны задолго до эпохи античности и древнекитайским, и японским предгосударствам, где им придавалось соответствующее значение в морально-правовых категориях Дао и Тянь.

[1] Здесь, однако, требуется серьезное уточнение относительно условий возникновения учения стоиков. По-видимому, генезис эллинистической мысли никак не связан с усложнением и разрастанием предшествующих философских, политических и правовых взглядов, решительным пересмотром этических учений и т.д. Эпоха эллинизма, по справедливому выражению Бертрана Рассела, суть индивидуалистическая этика, возникшая вследствие завоеваний Александра Македонского, в эпоху, когда в городах царили хаос и произвол местных властей — полководцев-ставленников царя, когда каждый день случались погромы

Представители естественно-правовой мысли эпохи Нового времени видели своей основной целью создание некоего исчерпывающего универсального перечня фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Государство же неизбежно принимало указанные свободы, дополняя и совершенствуя их в своем законодательстве. Качественно новый виток развития естественно-правовая концепция приобрела во второй половине XIX—начале XX века. Усилиями П.И. Новгородцева, Г.И. Гессена, Р. Штаммлера возникло «возрожденное естественное право с меняющимся содержанием», смысл которого сводился к созданию «подвижного» перечня прав человека. Иными словами, чем совершеннее становятся механизм права, политическая система, эффективность правовых институтов, тем качественно и количественно новее станут новые универсальные права личности в таком государстве.

Сегодня идея рационализма права разрабатывается в основном сторонниками естественно-правовой теории. Сюда можно отнести теории юридической аргументации «взвешивания интересов» Роберта Алекси, принципов права Рональда Дворкина, юридического дискурса Джона Финниса. Несомненным преимуществом означенных концепций является признание их авторами наличия имманентной связи между правом и иными «надправовыми» критериями, среди которых важное место занимает мораль. Действительно, моральная оценка является важным компонентом правового диалога между органами государственной власти и населением страны. Однако указанные естественно-правовые концепции имеют с тем ряд существенных недостатков, о которых будет указано позднее.

С возникновением христианской картины мира возможность постижения разумной необходимости права связывалась с идеей божественного откровения. Последнее мыслилось возможным лишь при постоянном изучении священного писания и праведной жизни человека. Не случайно ius eclessia виделась средневековым богословам «писаным разумом». Идея разумности права в средние века развивалась в естественно-правовых доктринах патристов и схоластов (Аврелий Августин, Тертуллиан, Иоанн Скот Эриугена, Пьер Абеляр, св. Ансельм, Росцелин, Фома Аквинат): их аргу-

---

и гибли тысячи людей. Отсюда, собственно, и название этики и философии – индивидуалистические, в которых человек находил не высокую мораль и многообразные политические изощрения, а утешение и спасение. Таким образом, не следует представлять себе генезис правовой мысли как планомерное развитие сменяющих друг друга учений, суть которых пересмотр идей своих предшественников. Когда повествование дойдет до развития идей рационального в праве в Новое время, мы сможем еще надежнее убедиться в указанной мысли.

ментация до сих пор используется сторонниками этой доктрины, в особенности среди неотомистов, полагающих, что они способны продемонстрировать, как базовые человеческие ценности находят воплощение в конкретных позитивно установленных законах.

В Новое время происходит значительная переработка доктрины правовой рациональности. Некоторые исследователи замечают, однако, что «почва» к подобной переработке была подготовлена еще поздними схоластами-номиналистами (Иоанн Дунс Скот, Роджер Бекон, Уильям Оккам) и мыслителями эпохи раннего возрождения (Франческо Петрарка, Лоренцо Валла, Джаноццо Манетти). Думается, что это не совсем так. В своих трудах указанные богословы и мыслители действительно провозгласили достаточно революционную для их времени идею титанизма – веры во всесильность человека, а также некоторые другие (антропоцентризм, гуманизм и др.). Однако зарождение качественно нового учения о праве стало возможным в действительности лишь с возникновением первых национальных государств (XVI в.). Деятели позднего средневековья и времени треченто, пытаясь освободиться из уз канонических догматов, искали спасения в трудах античных философов и поэтов, и, приспосабливая свою систему идей под уже известную модель того или иного античного учения, лишь еще дальше отталкивались от папской «химеры». Таким образом, своими трудами мыслители данной эпохи преодолевали примат церкви, но не примат государства. Последнее же суждено было сделать политическим философам Нового времени…

Современное теологическое учение о праве представлено в божественной доктрине Жака Маритена. Продолжая традицию, заложенную Фомой Аквинским, философ представляет право как разумное начало, инициатором создания которого является Бог. Развивая теологическую и, в некотором отношении, естественно-правовую мысль, Маритен выступает резким противником рационалистической школы права. Осмысление правовых категорий возможно по Маритену, однако познание производится не суждениями и умозаключениями, а естественными склонностями человеческой природы, которые и направляют разум на постижение естественного права[1]. Очевидна заслуга указанного правоведа в разработке механизма постижения права, а именно с необходимостью использования морального сознания добродетельного человека.

[1] Брындина В. В. Права человека в неотомистской концепции Жака Маритена // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. № 1. С. 87.

С появлением же сторонников идеи общественного договора доктрина правового рационализма приобретает качественно новое содержание. Резюмируя учения об общественном договоре Гуго Гроция, Джона Локка, Самуэля Пуфендорфа, Христиана Вольфа, Христана Томазия, находим, что люди, желая прекратить безвластие и получить требуемую защиту, заключают первичный договор (pactum), который ограничивает их в правах, а затем вторичный договор (decretum), который делегирует полномочия выбранному суверену. Выбранный же глава государства в обмен на предоставленные ему права (до того безгранично принадлежавшие каждому индивиду во времена войны «всех против всех») наделяется известными обязанностями, главными из которых признаются защита населения от внешней угрозы, создание благоприятных условий для жизни, а также обеспечение каждого работой и материальным вознаграждением. Таким образом, можно заметить, что люди сознательно ограничивают себя в правах, имея негативный опыт анархии на стадии догосударственного образования, сознательно понимают сущность и назначение права, осознанно его конструируют (посредством выбранного суверена). Рационалистическая традиция права многим обязана и картезианской философии. Рене Декарт, Барух Спиноза, Готфрид Вильгельм Лейбниц последовательно проводили идею разумного обоснования господствующих законов, а также впервые заложили идеи правового реализма.

При всех заслугах указанных теоретических направлений права, в каждом из них так или иначе усматриваются серьезные недостатки. Так, главной проблемой теории естественного права в рамках решения вопроса разумного начала в праве сегодня является невозможность содержательного определения морали как основного критерия оценки законодательства. В современном мультикультурном обществе представители разных субкультур являются приверженцами разных концепций морали, что проблематизирует возможность единства правопорядка. Моральные категории оказываются растворенными в различных социальных группах, что во много связано с дифференциацией современного знания.

Серьезные противоречия заложены и в теологической доктрине права. Самым существенным недостатком является, по мнению автора, то, что указанная теория не дает рекомендаций по повышению функционирования государства и развитию правовой

системы. Права человека в неотомизме условно подразделяются на несколько групп (естественные, божественные, позитивные), однако сущностный потенциал совершенствования механизма права если не умаляется, то, во всяком случае, не усматривается. Более того, теологическая теория во многом скомпрометирована в процессе исторического развития аморальным поведением представителей мировых религий, в частности зверствами средневековой инквизиции, торговлей индульгенциями, симониями, допущением религиозного фанатизма и др[1].

Теория общественного договора являлась во многом революционной для своего времени. Как представляется, указанная доктрина сформировала целостное представление о праве и государстве, поскольку не только емко изобразила генезис государственных образований, но и процесс редукции правовых установлений с появлением власти в лице единоличного (а позднее и коллегиального) суверена. Тем не менее, и этой доктрине не удалось избежать существенных противоречий. Самыми серьезными видятся следующие. Во-первых, общественный договор дает абстрактное представление о первобытном обществе и его состоянии. Данная эпоха рисуется в учениях философов как лишенная всякой самоорганизации, руководства, в которой каждый человек движим исключительно личными предубеждениями и интересами и в любое время мог оказаться жертвой другого[2]. В связи с этим возникает важный вопрос: как человечество «дожило» до момента заключения первичного договора и создания первого государства, не истребив друг друга еще в эпоху первобытно - общинного строя? Во-вторых, общественный договор не объясняет, как организуется общество и как проявляется рационализм в праве в случае установления тоталитарных политических режимов в государстве. История знает немало примеров прихода к власти суровых автократов, надолго закреплявшихся на государственном поприще (тирании Писистрата, Поликрата, Периандра, диктатура Луция Корнелия Суллы, республика Кромвеля, абсолютизм монархий нового времени и др.). В подобных случаях разумные основания права словно растворяются в политической системе государства, а идея общественного договора и вовсе умаляется, ибо «новоизбранному» сатрапу никто и ни в какой форме не делегирует указанные права на власть.

[1] Чашин А. Н. Теория государства и права. М., 2019, С. 374.

[2] Против подобного понимания догосударственного состояния общества возражал разве что Ж.-Ж. Руссо.

УДК 327.7

О.Е. ШИШКИН

научный руководитель
доцент Б.В. МАКОВ

КОНЦЕПЦИЯ МИРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Вопрос существования «мирового» правительства возникает на рубеже индустриальной и постиндустриальной эпох жизни общества. Особенно остро данное явление начинает проявлять себя с момента возникновения транснациональных корпораций, с момента начала их претендования на места во власти[1].

Стоит заметить, что такой процесс закономерен, поскольку транснациональные корпорации, имея большое влияние в экономической сфере мирового сообщества и огромный финансовый потенциал, понимают, что в их руках находятся все необходимые инструменты, благодаря которым можно оказывать воздействие на политическую сферу жизни общества.

К тому же, подобно живому организму, который стремится выжить, обеспечивая стабильность своего существования, корпорации желают избежать «провала». Поэтому им «жизненно» необходимо сращение с властными структурами. Как говорил Льюис Кэрролл – английский математик, философ и писатель: «нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!»[2].

РИМСКИЙ КЛУБ

В 1965 году Аурелио Печчеи, итальянский промышленник, выступил с речью, которая оказалась вдохновляющей для Александра Кинга, шотландского главы науки в Организации экономического сотрудничества и развития. Эти двое обнаружили, что

[1] Борзова Елена Петровна Мировая политика и мировая культура: проблемы взаимосвязи // Вестник СПбГУК. 2011. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-politika-i-mirovaya-kultura-problemy-vzaimosvyazi (дата обращения: 13.04.2020).

[2] Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл - «Эксмо», 1871. – С. 16-17.

разделяют глубокую озабоченность относительно долгосрочного будущего планеты, что они назвали «затруднительным положением человечества»[1].

Три года спустя Кинг и Печчеи созвали в Риме совещание европейских ученых. Хотя эта попытка не смогла достичь единства, появилась основная группа единомышленников - мыслителей.

Их цель: продвижение трех основных идей, которые по-прежнему определяют Римский клуб сегодня: глобальная и долгосрочная перспектива, а также концепция “проблематичности”, представляющая собой кластер взаимосвязанных глобальных проблем.

На первом крупном собрании группы В 1970 году Джей Форрестер, профессор систем в Массачусетском технологическом институте, предложил использовать компьютерные модели, которые он разработал, чтобы изучить сложные проблемы, которые являлись наиболее значимыми для группы.

Уже в 1972 году был опубликован первый крупный отчет клуба «Пределы роста». Он разошелся миллионными тиражами по всему миру, вызвав споры в СМИ и придав импульс глобальному движению «За устойчивое развитие». Этот призыв к объективной, научной оценке влияния поведения человечества и использования ресурсов, до сих пор определяет Римский клуб сегодня. Их концепция еще тогда принципиально противостояла неоспоримой парадигме непрерывного материального роста и стремления к бесконечной экономической экспансии.

Спустя пятьдесят лет нет никаких сомнений в том, что экологический след человечества с каждым годом существенно превышает все допустимые рамки воздействия. Таким образом озабоченности Римского клуба не утратили своей актуальности.

В наше время организация включает в себя около 100 активных полноправных членов с постоянным секретариатом в Винтертуре, Швейцария с вспомогательным офисом в Брюсселе, Бельгия[2].

---

[1] Римский клуб: [Электронный ресурс]. URL: https://clubofrome.org/impact-hubs/ (дата обращения: 26.03.2020).

[2] Лейбин Валерий Моисеевич Римский клуб: хроника докладов // Философия и общество. 1997. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-klub-hronika-dokladov (дата обращения: 13.04.2020).

Основой их деятельности является разработка и продвижение «докладов Римскому клубу», самым известным из которых является «Пределы роста».

Во многих странах мира сторонники Клуба приняли решение создать Национальную ассоциацию. Такие объединения являются отдельными юридическими лицами.

На данный момент Римский клуб разрабатывает 4 проекта. На мой взгляд наиболее точно отражает концепцию мирового правительства проект «Инициатива по созданию новых цивилизаций», основная идея которого заключается в установлении роли человека как вида в рамках большего земного сообщества. Это необходимо для согласования основных ценностей, которые способствуют человеческому достоинству, уважению природы и защите общего достояния за пределами нынешних поколений. Такие ценности должны заложить основы культуры управления для всего, что мы делаем как человеческая раса.

Таким образом они утверждают, что Римский клуб перестраивается, дабы «бросить вызов человечеству, чтобы подняться до своего полного потенциала и стать хорошими распорядителями ограниченных ресурсов Земли». Их призыв основан на «необходимости смены парадигмы в нашей фундаментальной матрице убеждений и сложных экономических, финансовых и социальных системах, лежащих в основе наших повседневных взаимодействий. Мы полны решимости выявить и мобилизовать тех, кто уже участвует в поисках новой цивилизации, чтобы стать частью сети сетей для реализации этого видения».

Еще одна не менее актуальная и значимая программа Римского клуба – «Молодежное лидерство и межпоколенческий диалог», которая заявляет, что по всему миру проживает много более образованных, информированных и практически связанных молодых людей, которые думают о будущем человечества и переломных моментах. Многие хотят такой же динамики изменений систем, как и члены Римского клуба, и фундаментальных изменений в нынешних экономических, политических и социальных системах.

Программа лидерства будет сосредоточена на основных направлениях деятельности клуба: чрезвычайная ситуация с климатом, возникновение новой цивилизации, восстановление и перестройка экономики, и переосмысление финансов.

БИЛЬДЕРБЕРГСКИЙ КЛУБ

Ежегодное совещание в Бильдерберге является трехдневным форумом для неофициальных дискуссий, призванным содействовать диалогу между Европой и Северной Америкой[1]. Эта новаторская встреча выросла из потребности, выраженной ведущими личности по обе стороны Атлантики, что Западная и Северная Америка не работают вместе так тесно, как они должны работать по вопросам, представляющим общий интерес[2].

К участию в совещании приглашаются как правило 130 политических деятелей и экспертов из промышленности, финансов, труда, научных кругов и средств массовой информации.

Около двух третей участников приезжают обычно из Европы, а остальные - из Северной Америки; небольшой процент представителей наиболее развитых стран остальных материков.

Если говорить о стратификационном составе, то ситуация обстоит следующим образом: одна треть - из политической сферы (члены правительств), а остальные - из других областей.

Заседания проводятся в соответствии с правилом Chatham House, которое гласит, что участники могут свободно использовать полученную информацию, но ни личность, ни принадлежность спикеров (ораторов) или любого другого участника не могут быть раскрыты.

Руководящий комитет Клуба назначает Председателя или сопредседателей. Основные обязанности председателя заключаются в том, чтобы председательствовать в руководящем комитете и совместно с членами руководящего комитета готовить программу совещания, а также осуществлять отбор участников.

Руководство организации включало в себя в тот или иной период деятельности Клуба следующих персон:

Пол Вулфовиц – американский политик, президент Всемирного банка (2005-2007);

Глава дома Рокфеллеров – Дэвида Рокфеллер-младший;

---

[1] Бильдербергский клуб : [Электронный ресурс]. URL: https://bilderbergmeetings.org/ (дата обращения: 28.03.2020).

[2] Плащинский А.А. Доктрина мирового правительства: историческая ретроспектива, политологический анализ // Южно-российский журнал социальных наук. 2017. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-mirovogo-pravitelstva-istoricheskaya-retrospektiva-politologicheskiy-analiz (дата обращения: 13.04.2020).

Дональд Рамсфельд – политик из США, министр обороны во время президентства Джорджа Буша-младшего и Джеральда Форда;

Ричард Перл – бывший помощник министра обороны по глобальным стратегическим вопросам, который служил при президенте Рональде Рейган, политолог, политический деятель, участник сотрудничества США с Российской Федерации;

Ахляйтнер, Пол М. (Германия), казначей Фонда Бильдербергского клуба; председатель наблюдательного совета, Deutsche Bank AG (крупнейший банк ФРГ);

Элканн, Джон (Италия), председатель правления, Fiat Chrysler Automobiles;

Хедегаард, Конни (Дания), бывший европейский комиссар;

Миклтуэйт, Джон (США), главный редактор, Bloomberg LP;

Минтон Беддоуз, Zanny (Великобритания), главный редактор журнала The Economist;

Шмидт Эрик Э. (США), бывший генеральный директор и председатель правления компании Google LLC.

Первое совещание состоялось в гостинице «де Бильдерберг» в Остербеке, Нидерланды, 29-31 мая 1954 года. Представители экономической, социальной, политической и культурной сфер общественной жизни были приглашены на неофициальные дискуссии, с тем чтобы помочь лучше понять сложившуюся ситуацию в мире и основные тенденции ее развития, затрагивающие западные страны в трудный послевоенный период.

Последняя на данный момент Встреча Бильдербергского клуба проходила с 30 мая по 2 июня 2019 года в швейцарском городе Монтрё – это была 67-я встреча данной организации[1].

Для наглядности следует отразить статистику встреч, указав наиболее значимые и актуальные темы для Бильдербергского клуба сквозь призму всех периодов деятельности этой организации.

будущее Европы. Данная тема поднималась более 5 раз за всю историю Бильдербергского клуба: 1954, 1955, 2010, 2014, 2015. Причем вопрос создания Европейского Союза, который был образован как конфедерация в 1993 году, встал на повестку дня данного клуба в 1955 году;

[1] Лагутина Мария Львовна Мировая политика как инструмент управления новой системой международных отношений // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-politika-kak-instrument-upravleniya-novoy-sistemoy-mezhdunarodnyh-otnosheniy (дата обращения: 13.04.2020).

Россия и СССР. Не менее актуальная тематика, которая поднималась в том числе в 1954, 1958, 2015, 2018 годах;

господство США обсуждалось на заседании клуба в 1954, 2010, 2015 и 2018 годах. Как мы видим в последнее время данный вопрос стал наиболее актуален. Думается, это не случайно;

проблема искусственного интеллекта и его этика с 2010 года является неотъемлемой частью практически каждого заседания клуба;

восток, в частности Иран был актуален на заседании данной организации в 2010, 2015 и 2018 годах;

проблема климата не пользовалась особым интересом у участников Клуба: только в 2019 рассматривалась на заседании.

В заключении следует отметить, что концепция мирового правительства - вопрос достаточно дискуссионный[1].

Если же основываться исключительно на фактах, то тенденции возникновения единого для всего мира «Кабинета министров» не кажутся такими призрачными, поскольку информации по поводу деятельности определенных транснациональных организаций достаточно много. Например, программа Римского клуба по созданию новой цивилизации или программа «Золотого миллиарда». Причем, любой здравомыслящий человек может проследить в своей жизни определенные явления и процессы, подтверждающие внедрение данных проектов в действительность.

[1] Остхоф-мюнникс Габриэль Мировое правительство: потребности и реальность // Век глобализации. 2013. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoe-pravitelstvo-potrebnosti-i-realnost (дата обращения: 13.04.2020).

СЕКЦИЯ II

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

УДК 347.78

А.Д. БЕЛИКОВА

научный руководитель
доцент Н.Е. СОСИПАТРОВА

ПАРОДИЯ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКИХ ПРАВ

В современном авторском праве все большую актуальность приобретает принцип баланса интересов автора и общества. С одной стороны, произведение является результатом творческого труда, на который у автора возникает исключительное право, представляющее собой юридическую монополию по использованию произведения. С другой стороны, общество заинтересовано в свободном использовании результатов творческой деятельности автора без каких-либо препятствий и ограничений. В свете данного принципа авторского права интерес представляет такой объект, как пародия, создание и использование которой допускается без согласия автора или иного обладателя исключительного права на оригинальное произведение, которое легло в основу пародии (п. 4 ст. 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации[1] (Далее – ГК РФ).

Данный случай свободного использования произведения вынесен в отдельный пункт статьи не случайно, поскольку в отличие от иных способов при создании пародий не требуется не только согласие автора, но и указание источника. Выплата автору оригинального произведения вознаграждения не предусмотрена.

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

Специфика пародий заключается в том, что по своей природе подобное произведение можно отнести к числу производных, то есть созданных на основе первоначального произведения. В соответствии с пунктом3 статьи 1260 ГК РФ[1], создание производного произведения требует согласия автора оригинального произведения на осуществление переработки, в результате которой появляется производное произведение, однако для пародии действует специальная норма пункта 4 статьи 1274 ГК РФ[2].

Законодатель избрал такой способ регулирования создания и использования пародийных произведений, исходя из общественных интересов, поскольку подобное изъятие способствует культурному развитию общества и созданию новых самобытных произведений.

Пародия должна обладать признаками, позволяющими квалифицировать ее как таковую, в противном случае не только не будет возможности ее свободного использования, но и может наступить ответственность за нарушение прав автора произведения, положенного в основу пародии. Проблема заключается в отсутствии в нормативной правовой базе официальной дефиниции пародии, которая позволяла бы однозначно определить ее ключевые признаки.

Высший орган судебной системы также не раскрывает понятия «пародия»: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23 апреля 2019[3], по существу, дублирует норму пункта 4 статьи 1274 ГК РФ[4], не давая никаких дополнительных разъяснений.

Правовая доктрина содержит различные позиции относительно данного понятия. Например, В. Колосов в своей работе «Пародия в системе авторского права»[5] утверждает, что в юриспруденции к пародии относится произведение, высмеивающее другое (оригинальное) произведение или его части. Кроме того, автор предлагает проводить разграничение пародии в юридическом смысле

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации от 23.04.2019 № 10// Российская газета, 06.05.2019, N 96.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

[5] Колосов В. А. Пародия в системе авторского права // Закон. 2013. — № 9. — С. 120–132.

и непосредственно как жанр творчества, так как понимание «природы» пародии влияет на правовое регулирование отношений по ее созданию и использованию.

В сфере интеллектуальной собственности, отмечает В. Колосов, значимы именно пародии на произведения, где есть сатира, высмеивание того или иного произведения. Пародия же как жанр творчества порой вовсе не опирается на произведение. Так, есть пародии на личность, характеризующиеся имитацией привычек, поведения, голоса человека. Все это может посягать на нематериальные блага – честь, достоинство и деловую репутацию, частную жизнь, но при этом интеллектуальная собственность и авторские права никак не затрагиваются.

А.С Ворожевич[1] предлагает рассматривать под пародией произведение, цель которого – создание у читателя (зрителя, слушателя) комического эффекта за счет намеренного повторения уникальных черт уже известного (оригинального) произведения. В определении подчеркивается то, что пародийное произведение «умышленно» копирует специфические, характерные черты оригинального. Считаю, это действительно одна из наиболее характерных и определяющих черт данного жанра, законодатель не случайно не требует от автора пародии ссылки на произведение и его источник, поскольку само его содержание указывает на оригинальное.

Некоторые критерии по вопросу квалификации произведения как пародии предлагает и правоприменительная практика. В некоторых судебных актах выделяется в качестве обязательного признака пародии творческий характер работы автора-пародиста. Данная позиция отражена, например, в Постановлении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2013 года по делу № А4038278/2012[2], согласно которому любая пародия представляет собой новое произведение, созданное в результате творческой переработки другого произведения.

Важно отметить, что творческий характер должен проявляться в значительной мере, недостаточно изменения одной двух деталей, сцен, чтобы возникло новое произведение. Кроме того, возможно осуществление работы только с частью оригинального произведения, где только эта часть приобретает пародийный ха-

[1] Ворожевич А.С. Пародия как случай свободного использования объекта авторского права // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. — № 10. — С.15-24.

[2] URL:http://sudact.ru/arbitral/doc

рактер и соответствующую правовую защиту, однако в отношении остальной не переработанной части права автора-пародиста не действуют.

В названном Постановлении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации[1] подчеркивается роль и значение оригинального произведения, которое должно выступать «сердцевиной» пародии, а не быть лишь ее фоном. Очевидно, что судебная практика нацелена на то, что пародии должны создаваться с юмористической целью высмеивания иного произведения, а не только получения заработка на фоне нашумевшего результата труда другого лица.

Интересную позицию, позволяющая разграничить пародию и плагиат, выражена в решении Челябинского областного суда от 12 октября 2019 года[2]. Правоприменитель исходит из того, что автор пародии переосмысляет уже известное произведение и его части, в чем и выражается творческий характер его работы. Помимо этого, пародист всегда намеренно подчеркивает связь пародии с оригинальным произведением, стремясь повысить узнаваемость именно первоисточника, «плагиатор» же скорее стремится скрыть сходство. Таким образом, суд выделяет такие признаки пародии, как творческий характер деятельности пародиста и наличие явных ассоциаций пародии с оригинальным произведением.

Анализ вышеприведенных позиций позволяет сформулировать следующие черты, присущие пародии:

творческий характер работы автора-пародиста;

в основе пародии всегда должно лежать оригинальное произведение;

основная цель пародии – создание комического (юмористического) эффекта от переработки оригинального произведения;

пародийное произведение сохраняет связь с оригинальным, черты которого должны узнаваться в пародии. При этом оригинальное произведение не должно «перекрываться» пародийным или быть его фоном.

Названные признаки нельзя однозначно считать обязательными. Наличие единых законодательно закрепленных признаков значительно облегчило бы правоприменение и помогло отграничивать правомерное свободное использования произведения при создании пародии от нарушений прав авторов.

[1] URL:http://sudact.ru/arbitral/doc

[2] URL:http://sudact.ru/arbitral/doc

УДК 347.4

Ю.П. БОЛДЫРЕВСКАЯ

научный руководитель
доцент Н.Е. СОСИПАТРОВА

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА ДЛЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА

Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19)[1] - очень серьезное испытание для всего мирового сообщества. Она привела к негативным последствиям во многих сферах жизни, в том числе в туристическом секторе:

на сегодняшний день почти все государства, к ним относится и Российская Федерация, приостановили авиасообщение с зарубежными странами и ввели запрет на въезд иностранных граждан.[2] При сложившихся обстоятельствах под ударом оказываются не только туристы, которые приобрели туристические путевки, а теперь не могут ими воспользоваться из-за коронавируса, но и туроператоры (турагенты), которые из-за сильного падения объёма продаж, достигшего уровня 90-100%, несут значительные убытки. Выход из такой ситуации позволит найти принятие на государственном уровне правовых решений, учитывающих интересы обеих заинтересованных сторон.

Разрешая вопрос о правовых последствиях невозможности осуществить поездку для туристов, следует обратиться к ст. 451 Гражданского кодекса Российской Федерации[3] (далее – ГК РФ), допускающей расторжение или изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Согласно ст. 14 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Рос-

[1] В соответствии с информацией на официальном сайте ВОЗ короновирус был объявлен пандемией Генеральным директором ВОЗ на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 года. URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic (дата обращения: 17.04.2020).

[2] Актуальная информация о странах, в которых установлен запрет на въезд для иностранных граждан, опубликована на официальном сайте Федерального агентства по туризму (Ростуризм). URL: https://www.russiatourism.ru/urgent/16614/ (дата обращения: 17.04.2020).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ**.** 1994. №32. Ст.3301.

сийской Федерации»[1] (далее – ФЗ № 132) договор об оказании туристских услуг можно расторгнуть или изменить на основании ст. 451 ГК РФ при наличии обстоятельств, свидетельствующих о возникновении в стране временного пребывания туристов угрозы безопасности их жизни и здоровья. Безусловно, объявленная пандемия коронавируса относится к этой группе обстоятельств, однако для расторжения договора на основании ст. 451 ГК РФ и ст. 14 ФЗ № 132 наличие указанных обстоятельств должно подтверждаться решениями (рекомендациями) органов государственной власти РФ, субъектов РФ и органов местного самоуправления. Примером выступает Рекомендация Ростуризма от 27.02.2020 г., подтверждающая наличие угрозы безопасности туристов в Италии, Корее и Иране в связи со случаями заражения коронавирусом.[2]

Статья 14 ФЗ № 132 предусматривает, что при расторжении договора до начала путешествия туристам возвращается денежная сумма, равная общей цене туристского продукта. Но такой вариант развития событий может привести к ещё большим убыткам для туроператоров, и не так выгоден для самих туристов, как может показаться на первый взгляд. Ведь если туроператоры обанкротятся, возмещения туристам будут минимальными и несоответствующими стоимости тура.

Поэтому Правительство Российской Федерации разрабатывает различные меры поддержки для туроператоров. Одной из таких мер выступает возможность возврата туристам денежных сумм при расторжении договора не из средств самих туроператоров, а из фонда персональной ответственности туроператора, сформированного при Ассоциации «Турпомощь» (далее - фонд). В силу Федерального закона от 01.04.2020 N 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»[3] ФЗ №132 дополнен ст.11.8, позволяющей Правительству

[1] Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. — № 49. Ст.5491.

[2] Рекомендация Ростуризма от 27.02.2020 г. «О наличии угрозы безопасности туристов в Итальянской Республике, Республике Корея и Исламской Республике Иран». URL: https://www.russiatourism.ru/news/16568/ (дата обращения: 17.04.2020).

[3] Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.04.2020).

РФ в случае возникновения обстоятельств, указанных в ст. 14 данного закона, принять решение о возврате туристам уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм из средств фонда. Такое решение было принято Правительством РФ в Распоряжении от 4 апреля 2020 г. № 898-р.[1] А в соответствии с Постановлением Правительства от 8 апреля 2020 г. №461[2] туристу будут возвращены деньги из фонда при наличии следующих условий:

путешествие планировалось в период с начала действия ограничений, предусмотренных статьей 11.8 ФЗ №132 до 1 июня 2020 г.;

договор о реализации туристского продукта заключен до 4 апреля 2020г.;

туроператор не находится в процессе реорганизации или ликвидации, в отношении него не ввели процедуру банкротства;

туроператор должен не позднее 15 апреля 2020 г. предоставить в объединение туроператоров в сфере выездного туризма (в ассоциацию «Турпомощь») уведомление о возврате денежных средств, а если туроператор не предоставит уведомление, он может перечислить ежегодный взнос за 2020 год в фонд персональной ответственности туроператора не позднее 15 апреля 2021 г.;

в течение полугода с даты направления уведомления туроператор должен сформировать реестр требований туристов о возврате денег;

туристу необходимо до окончания формирования реестра предъявить туроператору указанное требование;

туроператору нужно подать в объединение документы, связанные с требованиями о возврате денег.

Только после этого, если все вышеперечисленные условия соблюдены, в течение 60 рабочих дней со дня поступления документов объединение перечислит деньги на банковский счет туриста.

Как пояснила в своем Обращении 8 апреля 2020 г. руководитель Ростуризма Догузова З.В., принятые решения дают туроператорам возможность перенести взносы в фонды персональной ответственности ассоциации «Турпомощь» на следующий год или получить доступ к уже накопленным фондам — при усло-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 4 апреля 2020 г. № 898-р. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.04.2020).

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 461 «Об утверждении правил возврата туристам и (или) иным заказчикам уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм из денежных средств фонда персональной ответственности туроператора». URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.04.2020).

вии их пополнения в текущем режиме[1]. Однако она считает, что данные меры не решат всех проблем. Да и сами туроператоры, как сообщает Ассоциация Туроператоров (АТОР), не спешат воспользоваться предоставленной им возможностью[2].

Почему же данные меры оказались недостаточно эффективными? Во-первых, стоит пояснить, что Распоряжение не обязывает туроператоров использовать денежные средства из фонда, а только даёт им такую возможность, которой они имеют право не пользоваться. Во-вторых, фонды начали формироваться туроператорами лишь с 2017 года, в полном объеме они не сформировались, поэтому там недостаточно средств, чтобы выплатить всем туристам деньги за аннулированные туры. В-третьих, процедура выплаты туристам денежных средств из фонда достаточно затяжная, они смогут получить свои деньги только по истечении 8-9 месяцев с даты подачи заявления в лучшем случае.

Таким образом, выплата туристам денежных средств из фонда не является эффективным решением проблемы. В связи с этим многие туроператоры делают туристам наиболее выгодное и разумное в нынешних условиях предложение – перебронировать аннулированный тур на другие даты с переносом денежных средств по фиксированному курсу валюты. Если туристы примут взвешенные решения и пойдут навстречу туроператорам, то они смогут как сохранить свои деньги, так и осуществить запланированную ими поездку без доплат по более выгодному курсу валюты в период, когда пандемия закончится.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что в условиях пандемии коронавируса вариант переноса поездок на будущие даты с депонированием средств более предпочтителен для туристов и туроператоров, чем расторжение договора об оказании туристских услуг на основании ст. 451ГК РФ и ст. 14 ФЗ №132. Такой подход служит компромиссом, учитывая интересы обеих сторон, он даёт возможность туроператорам выстоять в текущих условиях и сохранить свой бизнес, а также обеспечивает всех туристов оплаченным ими отдыхом после окончания пандемии.

---

[1] Обращения руководителя Ростуризма Догузовой З.В. от 8 апреля 2020 г. URL: https://www.russiatourism.ru/urgent/16653/ (дата обращения: 17.04.2020).

[2] На официальном сайте АТОР размещена информация о том, кто из туроператоров «распечатает» фонды для выплаты туристам. URL: https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/51205.html (дата обращения: 17.04.2020).

УДК 347

Н.А. ГИБТЕНКО

научный руководитель
доцент Н.А. НАЗАРОВА

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ И ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В российском гражданском законодательстве прочно закрепились, «личностные блага», именуемые нематериальными благами. В Гражданском кодексе РФ им посвящена отдельная глава, отражающая статьи, в которых содержатся основные признаки, классификация, а также способы их защиты. На сегодняшний день в юридической литературе не существует единого определения личных благ, поэтому они приобретают степень множественности в своём толковании и трактуются по-разному: «не противоправные проявления индивидуальных черт и стремлений человека»[1], «объекты отношений, в которых происходит индивидуализация личности посредством выявления и оценки её морально-политических и других моральных качеств»[2].

Институт «личных неимущественных благ» до сих пор вызывает бурную дискуссию среди российских цивилистов, к вопросу равнозначности и сопоставления понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права». Это наглядно прослеживается в их научных публикациях: в одних, авторы считают необходимым применять термин «нематериальные блага» к личным неимущественным правам[3], другие же, считают крайне недопустимым шагом к объединению двух понятий нематериальных благ и личных неимущественных прав в одно общее определение – «нематериальные блага»[4].

---

[1] Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза СС и капиталистических стран. М., 1941. — С.9.

[2] Собчак А.А., Егоров Н.Д. Основы гражданского законодательства: проблемы совершенствования // Советское государство и право. 1988. — №10. — С. 42.

[3] Толстой Ю.К., Сергеев А.П. Гражданское право. СПб, 1996 .— С.271.

[4] Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дисс. д.ю.н. Екб. 1994. — С.7.

Большинство научных деятелей изучают нематериальные блага в качестве ценностей, определяющих социальную деятельность человека. Их характеризующей особенностью выступает непосредственная связь с человеком, индивидуализирующая его неповторимость и уникальность (черты лица, внешность, высокий интеллект). Сравнивая различные исторические эпохи российского законодательства, стоит упомянуть, что в дореволюционной юридической литературе существовал схожий с современными ценностями «идеальный характер благ», сопоставимый с «личными благами», под которыми понималось: честь, свобода, здоровье.

Такой «идеальный характер благ» неоценим, вследствие невозможности его перевода в денежный эквивалент[1]. Термин «личные блага» был впервые использован советским правоведом М. Агарковым, который трактовал его как «блага, неотделимые от личности человека»[2]. До момента вступления в силу ГК РФ, в гражданском праве России имели место в качестве защиты объектов лишь некоторые основные нематериальные блага: личное изображение (логотип), честь и достоинство. Жизнь и здоровье граждан защищались отдельными материальными выплатами, направленными на компенсацию расходов. В настоящее время, в российском законодательстве существуют определённые положения, направленные на не отчуждаемость прав и свобод человека и другие нематериальные блага, находящиеся под защитой ГК РФ[3].

Таким образом, с развитием российского гражданского законодательства, по сравнению с его предшествующими эпохами, перечень неимущественных прав возрос в значительной степени. Это говорит о том, что все блага, содержащиеся в ст. 150 ГК РФ относятся к основным правам и свободам граждан, поэтому указанные права объединяет одно общее понятие – нематериальные блага. При этом гражданин осуществляет личные неимущественные права своими действиями, то есть благодаря своему поведению в обществе, формирует о себе представление о наличии или отсутствия у него деловых и профессиональных качеств.

---

[1] Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Общая часть. СПБ., 1911. Т.1. — С. 84.

[2] Агарков М.М. Гражданское право. М., 1938. — С. 138.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019)

Большинство нематериальных благ обладает рядом схожих признаков. Одним из них является признак нематериальности, который указывает на невозможность выражения в вещественном воплощении. Поэтому, большинство благ, за исключением окружающей среды и здоровья, не располагают материальными свойствами. В то же время их нельзя ни обменять, ни продать, следовательно, нематериальные блага объективно не существуют, а состоят лишь в связи с конкретной личностью, находя своё выражение в каждом из нас.

Однако, в научных кругах сформировались и иные взгляды, касающиеся нематериальных благ. Так, Т.А. Фадеева считает, что нематериальные блага по своей сущности предназначены для получения прибыли в гражданском обороте. По её мнению, признак нематериальности имеет условный характер, так как в случае ущемления нематериальных благ он может повлечь для носителей-субъектов ощутимые неприятные экономические последствия»[1]. Несомненно, с высоким темпом развития гражданского оборота, нематериальные блага (деловая репутация, личностные качества) приобретают высокую степень актуализации и в современных реалиях однозначно влияют на результат деятельности как физического, так и юридического лица. К сожалению, никто не застрахован от незаконных посягательств со стороны недобросовестных лиц, которые своими действиями как-то могут повлиять на сложившуюся деловую репутацию того или иного предприятия, путём распространения сведений, порочащих честь и достоинство, способных являться причиной уменьшения клиентской базы, снижения продаж товаров, что в последствии отрицательно скажется на экономическом состоянии лица, чьё право подверглось лишениям. Следовательно, влияние нематериальных благ на материальное положение какого-либо лица не умаляет свойству нематериальности, то есть они изначально не имеют вещественного воплощения в материальном (денежном) эквиваленте.

Помимо этого, из особенностей нематериальных благ, многие исследователи выделяют присущее их содержанию свойство «изменяемости», которое предоставляет гражданам право на смену имени, фамилии, религии, пола. Такие права реализуются путём изменения духовных качеств у индивида, под воздействием воз-

[1] Фадеева Т.А. Гражданское право//под ред. Толстого Ю.К., Сергеева А.П. СПБ. 1996. — С. 280.

раста, рода занятий, образования, воспитания[1]. Отсюда нематериальные блага выступают в качестве объектов гражданских прав, именно прав, а не правоотношений. Их личные неимущественные права имеют свою особенность в том, что они пользуются абсолютной защитой от любого их нарушителя.

В юридической литературе среди учёных-цивилистов существует ряд подходов к классификации нематериальных благ и неимущественных прав. Одна из них представлена О.А. Пешковой, которая предлагает классифицировать по принадлежности к их субъектам: физическим и юридическим лицам в зависимости от их целевой установки – это блага, направленные на физическое благополучие; на формирование индивидуальности; права, обеспечивающие автономию субъекта; и права, направленные на охрану интеллектуальной и иной деятельности[2]. Автором отмечено, что блага, направленные на физическое благополучие, могут иметь место лишь тогда, когда затрагиваются интересы физического лица, остальные же права и блага относятся как к физическим, так и к юридическим лицам.

Имеющиеся в юридической литературе классификации нематериальных благ и личных неимущественных прав, представленные учёными-цивилистами, безусловно, заслуживают должного внимания и право на существование. Общим в каждой из классификаций является закрепление сущности прав граждан с целью их дальнейшей и эффективной защиты.

Подводя итоги, следует сделать следующие выводы: нематериальные блага являются «идеальными» объектами субъективного права не представляющие собой какого-либо имущественного выражения, принадлежащие как физическим, так и юридическим лицам, для которых характерна «непередаваемость» и отсутствие в возможности их полного восстановления в случае посягательства на них. Таким образом, нематериальные блага – это такие блага, которые связаны с субъектами гражданских правоотношений, признаваемые государством и нуждающиеся в его правовом регулировании. Охрана нематериальных благ является в нынешнее время одной из немаловажных задач правовой системы развитого демократического общества.

---

[1] Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. — С. 13.

[2] Пешкова О.А. Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц. Дисс. к.ю.н. Волгоград, 1998. — С. 15.

УДК 347.2

А.А. ДАЛЬХЕЕВ

научный руководитель
профессор А.Н. КУЗБАГАРОВ

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕМЕНТА ВОЛИ В СОСТАВЕ ВИНДИКАЦИОННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

В настоящий момент вещное право является одним из центров цивилистической дискуссии, однако применительно к вопросам виндикационного правоотношения внимание преимущественно уделяется добросовестности, а остальные два элемента такие, как возмездность и воля, остаются без должного внимания.

Согласно ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ, ГК) виндикационный иск подлежит удовлетворения, если вещь выбыла из владения собственника помимо его воли. Следует разобраться с тем, что представляет из себя владения в настоящий период. Традиционно под владением, как элемент права собственности или ограниченного вещного права, со времён римского права, понимают фактическое господство над вещью[1]. Следует констатировать, что данный взгляд на владение в современных условиях пытаются пересмотреть. В настоящий момент относительно недвижимых вещей доктрина гражданского права разработало теорию так называемого книжного владения, согласно которой владельцем вещи признается лицо, указанное в реестре. При таком подходе понятие владения применительно к недвижимости отождествляется с состоянием «внесённости в реестр», а не фактического господства над объектом недвижимости[2]. Однако возникает следующая проблема – владение отождествляется с куда более широким понятием собственности, соответственно, в таком случае имущество будет считаться выбывшим по воле только в том случае, если собственник имел намерение перенести на другое лицо именно свой титул, следовательно, классический кейс: собственник передал во владельческую аренду свою квартиру, а арендатор отчудил её, попутно «подправив» запись в реестр, решается так, что владение выбыло помимо воли. Такое распределение рисков между собственником и приобретателем

[1] Новицкий И. Б. Римское право. М., 1997 — С. 62.

[2] Право собственности и способы его защиты в гражданском праве / М.А. Александрова. Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. — С. 90.

явно нарушает баланс их интересов. Для отечественного правопорядка поддержка концепции «книжного владения» крайне затруднительна и оптимальным является модель, при которой владение и запись в реестре разграничиваются. Данной позиции придерживается и Пленум Верховного Суда РФ и Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее также – Пленум 10/22), которые в п. 58 разъяснили: «Лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности[1]».

Далее следует рассмотреть отдельные случаи утраты владения над вещью, при которых нет однозначного представления о том, наличествует ли воля или нет. Напомним, что тот же Пленум 10/22 в п. 38 разъяснил: «Недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли». В связи с этим мы можем заключить, что высшие судебные инстанции ориентируют нижестоящие суды по возможности сохранять владельческий эффект при передаче имущества от собственника другому лицу.

Для начала рассмотрим ситуацию, при которой отчуждение имущества произошло по сделке, признанной недействительной по причине такого порока воли и волеизъявления, при котором гражданин был не в состоянии понимать значение своих действий и руководить ими. По данному вопросу наличествует правовая позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, сформулированная в Определении от 14 июля 2015 г. № 5-КГ15-83(далее также – Определение). Общий вывод коллегии был следующий: «Признание сделки недействительной на основании ст. 177 ГК свидетельствует о выбытии имущества помимо его воли[2]». Правила ст. 177 ГК закрепляют:

---

[1] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2010 г. № 10/22 // Российская газета. 2010. № 109.

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 5-КГ15-83. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1354106 (дата обращения: 01.03.2020).

«Сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения».

На первый взгляд кажется, что в случае, если установлены обстоятельства, предусмотренные упомянутой нормой, то вопрос о том, выбыла вещь по воли или нет, даже не стоит, поскольку невозможно говорить о воле, представляющей собой внутренне побуждение, у лица, не понимающего значение своих действий при формировании воли и её волеизъявлении. Однако стоит вспомнить теории распределения рисков между собственником и приобретателем. Так, если руководствоваться теорией «упречности поведения», суть которой: кто «больше виноват», тот и лишается блага[1] и рассматривать обстоятельства каждого конкретного случая, то вывод не будет таким очевидным. В приведенном Определении суд установил, что: «Виндикант оказался в состоянии, нарушения психической деятельности в виде выраженного интеллектуально-мнестического снижения, эмоционально-волевых нарушений, нарушений критических способностей, усугубившиеся систематическим приемом алкогольных напитков». Судом также было установлено, что истец злоупотребляла спиртными напитками с 1991 года, при этом стоит также упомянуть о перенесении истцом травмы головы в период, предшествующей сделке.

В ситуации, когда достоверно установлено, что лицо своими действиями, как правило аморальными, самостоятельно привело себя в ситуацию, при которой оно не в состоянии в юридически значимый отрезок времени понимать значение своих действий, то представляется правильным защитить приобретателя, а не собственника. При ином подходе правопорядок рискует защитить лицо, чьё поведении идёт вразрез с представлениями о нравственности, к тому же на приобретателя будет возложен риск того, что собственник проявлял нездоровый интерес к спиртосодержащей продукции. Последнее в особенности выглядит неуместным, учитывая, что в настоящий момент собственник не может защититься с помощью виндикационного иска, когда его контрагент оказался недобросовестным и отчудил вверенное ему имущество добросовестному приобретателю.

[1] Репин Р. Р. Тезисы к круглому столу «Выбытие вещи помимо воли собственника в рамках споров о виндикации» URL: https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/11/tezisy-radislava-repina.pdf (дата обращения: 01.03.2020).

Следующий проблемный вопрос, когда к наличию воли на передачу владения могут возникнуть вопросы, связан с признанием сделки недействительной в связи с насилием или угрозой насилия, обманом. Для разрешения данного вопроса следует разобраться с тем, возникает ли дефект относительно воли, когда лицо отчуждает своё имущество под влиянием угрозы или обмана. Сложность здесь связана также с тем, что в настоящий момент нет соответствующей правовой позиции, сформулированной высшими судебными инстанциями. В пользу того, что дефект воли при насилии отсутствует можно заявить следующее: лицо, претерпевающее насилие, формальный выбор имеет т.е. либо продолжать терпеть насилие (пытки, избиение, истязание) или всё же заключить сделку, к которой её принуждают. Однако такая позиция представляется излишне циничной, при этом в литературе подчеркивается, что: «Использование насилия или угроз является серьезным дефектом процесса совершения сделки. Такие сделки не могут поддерживаться правовой системой, так как противоречат базовой идее частного права – автономии воли[1]». С политико-правовой точки зрения признание какого-либо эффекта за действиями, совершенными под влиянием насилия или угрозы, будет стимулировать подобное противоправное поведение, зачастую являющееся преступным. В связи с этим недопустимо признание передачи имущества, как совершенного по воле, когда лицо совершило такую передачу под насилием или угрозой применения насилия.

Другой, более интересный аспект представляет собой сделка, совершённая под обманом. Здесь следует остановиться на том, влияет ли степень осмотрительности обманутого лица, когда оно пытается сослаться на такой обман. Особенно этот вопрос любопытен в том случае, когда доверчивость собственника граничит с абсолютной нерациональностью и глупостью. Например, собственник продает квартиру в центре Москвы другому человеку, который сообщил, что в этой самой квартире жил его предок – Чингисхан. Как итог: из его владения выбыл весьма ликвидный актив. Можно ли в таком случае говорить о том, что есть воля на выбытие вещи? С позиции автора в таком случае следует отдать предпочтение в пользу стабильности гражданского оборота, поскольку готовность лица в приведенном примере расстаться со своей собственностью была достаточно высокой, а приведённое в качестве примера обстоятельства только подтолкнуло его.

[1] Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2018. — С. 772.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы можем прийти к следующим выводам:

Воля на передачу владения при пороке воли и волеизъявления, предусмотренный ст. 177 ГК, по общему правилу отсутствует, за исключением случая, когда состояние, при котором лицо не может осознавать значение своих действий в юридически значимый момент, само привело себя в такое состояние;

Лицо не может считаться утратившим владение по воле, если его передача состоялась под воздействием насилия или угрозы насилия без исключений;

Передача владения, вызванная обманом, которому сопутствовало откровенное невежество лица, должно признаваться, как совершенное по воле.

УДК 347.4

А.О. ЕВТОДЬЕВА

научный руководитель
доцент Т.А. ГОРУПА

СУДЕБНАЯ НЕУСТОЙКА (АСТРЕНТ): ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Понятие неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств закреплено в ст. 311 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь. В соответствии с ней, неустойка – это определенная законодательством или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору, если иное не предусмотрено законодательными актами, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения [1].

В белорусском гражданском законодательстве закреплено два основных вида неустойки – законная и договорная. В случаях соотношения неустойки и убытков, выделяются также зачетная, штрафная, альтернативная и исключительная неустойки. Понятия же судебной неустойки, или астрента, часто ошибочно принимае-

[1] Гражданский Кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. : по состоянию на 20 июля 2017 года. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. – 656 с.

мых за судебный штраф, в ГК Республики Беларусь не существует, что является упущением и нуждается в дополнении рассматриваемой выше нормы.

Астрент в зарубежном законодательстве.

Впервые понятие «астрента» появилось во Франции в начале XIX века по инициативе судов, в результате их практики. Слово «astreinte» было неологизмом, выражающим идею давления на волю должника [1]. Астрент представлял собой обязанность выплаты, в дополнение к обязанности исполнить основное обязательство, увеличивающейся на определенную сумму за каждый день просрочки исполнения основного обязательства. Он трактовался одновременно и как мера принуждения должника и как способ компенсации убытков истца, хотя в последующем и по сей день остается во Франции частноправовым штрафом – который назначается в пользу взыскателя, а не государства. Целью этого штрафа является сделать исполнение обязательства выгоднее его неисполнения для обязанного лица, пусть изначально астрент и являлся лишь мерой устрашения, побуждая должника к исполнению обязательств в добровольном порядке.

Однако до сих пор астрент во Франции является мерой, определяемой преимущественно судом. Суд имеет право назначить судебную неустойку, даже если истец об этом не просит, что может противоречить диспозитивной основе регулирования гражданско-правовых отношений.

Сильно отличается в этом плане португальский астрент, появившийся лишь в 1983 году. В Португалии, для вынесения решения о взыскании средств за неисполнение должником обязательств судебного решения, является необходимым волеизъявление истца. Также и Италия, которая ограничивает власть суда при вынесении решения о присуждении астрента, а также уменьшает сферу применения штрафных обязательств и назначает наиболее эффективную цену иска [2].

В российском гражданском законодательстве институт судебной неустойки появился в 2015 году и унаследовал все основные элементы итальянского астрента:

размер взыскиваемой неустойки на случай неисполнения судебного решения не коррелирует с размером убытков истца;

---

[1] Годэмэ Е. Общая теория обязательств. / Перевод с французского И. Б. Новицкого. – М., 1948. – с. 360.

[2] Кручинин, Р. Н. Астрент: опыт зарубежных правопорядков, перспективы и проблемы института в России / Р. Н. Кручинин // Международный научный журнал «Синергия наук». – С. 597-613. – № 25. – 2018.

целью неустойки является побуждение должника к своевременному исполнению обязательства в натуре;

круг обязательств, по которым возможно наложение судебной неустойки: только гражданско-правовые неденежные отношения, кроме личностных;

присуждается как одновременно с вынесением судом решения о понуждении к исполнению обязательства в натуре, так и в последующем при его исполнении в рамках исполнительного производства;

применяется только по требованию истца [1].

Сущность астрента.

Как видно из зарубежной практики, астрент понимается по-разному, в зависимости от сформированного в государстве гражданского законодательства. Он отличается правомочиями суда в назначении неустойки, размере исковой цены, в отношениях применения, и даже в том, в чью пользу астрент может присуждаться. Он является как способом обеспечения исполнения обязательств кредитора, мерой воздействия на должника, так и судебным штрафом частноправового характера за просрочку исполнения судебного решения. Например, в Германии как таковой нормы об астренте нет, но существует крайне схожий с ней публично-правовой штраф за неисполнение судебного решения, обязывающего совершить какие-либо действия, который разные авторы называют аналогом астрента. Нет возможности выделить лучшую модель развития института астрента, так как законодательство зарубежных государств отличается друг от друга, как и понимание обязательственных и частноправовых отношений.

Если рассматривать модель применения астрента в Российской Федерации, стоит отметить, что российская судебная неустойка штрафом не является. До внесения рассматриваемой нормы в законодательство, уже существовало понятие штрафа на международном торговом и внутригосударственном уровне [2]. Однако эти понятия не являются тождественными, так как судебный штраф регулируется административно-процессуальными нормами, тогда как вид судебной неустойки – непосредственно гражданскими нормами материального права. Кроме этого, в отличие от судеб-

[1] Зобнина, А. А. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и практики / А. А. Зобнина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 5, № 3 (19). – 2017.

[2] Кольцова, Л. Н. Судебная неустойка (астрент) как мера ответственности должника за неисполнение судебного решения / Л. Н. Кольцова // Серия «Экономика, право и управление». – С. 103–106. – № 7. – 2018.

ной неустойки, которая присуждается в пользу кредитора, т.е. носит частноправовой характер и выполняет компенсационную функцию, судебный штраф взыскивается в доход федерального бюджета, а, следовательно, является мерой публично-правовой ответственности, выполняя при этом карательную функцию [1]. Астрент же выполняет функции предостережения и компенсационной выплаты.

В Республике Беларусь имеется административный штраф за неисполнение судебного решения. Так, ч. 2 ст. 24.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях определяет, что «Неисполнение должником в установленный судом, иным органом или судебным исполнителем срок исполнительного документа, не связанного с передачей денежных сумм, – влечет наложение штрафа в размере до пятидесяти базовых величин, а на юридическое лицо – до пятисот базовых величин». Определенные сходства с институтом гражданского астрента имеются, что тем не менее не делает их тождественными по юридической природе.

Астрент – это сугубо цивилистическое понятие, которое трактуется как разновидность неустойки в виде штрафа, взыскиваемого в пользу истца и определяемого судом, и применяемого в случае неисполнения должником неденежного обязательства, установленного судебным решением. То есть, это способ обеспечения исполнения обязательства. Он является дополнительной имущественной мерой для стимулирования исполнимости обязательства, установленного судебным актом, и не зависит как таковой от самого судебного решения.

В Республике Беларусь, несомненно, необходимо заимствовать институт судебной неустойки, практичность и эффективность которого проверена временем и зарубежной практикой.

В национальной юридической науке ученые и практикующие юристы эпизодически высказывают предложения о необходимости совершенствования норм Гражданского кодекса относительно института «астрент» в виде возможности взыскания с должника денежного штрафа, определяемого судом, в случае неисполнения должником обязательства в соответствии с судебным постановлением. Такие предложения, на наш взгляд, являются верным вектором развития законодательства в целях обеспечения стабильности гражданского оборота, повышения исполнительской дисциплины

[1] Зобнина, А. А. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и практики / А. А. Зобнина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 5, № 3 (19). – 2017.

его участниками. Поэтому мы предлагаем ГК Республики Беларусь дополнить нормами о судебной неустойке (астренте), в частности, дополнить ГК статьей 289.1, в которой определить, что в качестве гарантии защиты прав кредитора по неденежному обязательству и в целях стимулирования должника обеспечить исполнение обязательства в натуре, суд может присуждать в пользу кредитора денежные средства на случай неисполнения решения суда должником.

Таким образом, проанализировав содержание института астрента в зарубежном законодательстве и его практическое значение, считаем, что принятие гражданско-правовой материальной нормы о судебной неустойки и законодательное закрепление указанных положений, позволит увеличить количество реально исполненных судебных решений, тем самым повысить эффективность отправления правосудия.

УДК 347.4

А.А. ЗАРЯ

научный руководитель
доцент О.В. ДМИТРИЕВА

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Как известно, формальное выполнение условий договора не является целью гражданского оборота, поскольку главная его направленность – получение прибыли. В случаях, когда из ситуации явно следует, что соглашение стало убыточным в силу изменившихся обстоятельств, предполагается применение института существенного изменения обстоятельств.

Однако на деле судебная практика находится на уровне 20-х годов, когда советская юридическая литература отрицала возможность исключений из принципа pacta servanda sunt. Современные суды в большинстве случаев ищут, что не является существенным изменением. В результате образовался обширный пул негативной судебной практики, обосновывающей невозможность применения ст.451 ГК РФ в следующих случаях:

если обязательства сторон определены в иностранной валюте и не изменялись соглашением сторон, то договор остается в прежнем виде. Финансовый кризис явился объективным обсто-

ятельством, в условиях которого оказались все хозяйствующие субъекты, поэтому не является основанием для применения ст.451. (Постановление Президиума ВАС РФ от 7 августа 2001 г. № 4876/01)

экономические процессы, связанные с ростом инфляции, не могут считаться непредвидимым обстоятельством, поскольку контрагенты, заключая договор, должны были продумывать возможные изменения соответствующих показателей, в связи с чем вероятность увеличения цен на определенные товары не могла быть исключена. (Постановление Президиума ВАС РФ от 13 апреля 2010 г. N 1074/10 по делу N А40-90259/08-28-767).

возросшие эксплуатационные расходы по содержанию жилищного фонда нельзя рассматривать в качестве существенного изменения обстоятельств, которые стороны по договору не могли разумно предвидеть. (Постановление Президиума ВАС РФ от 4 марта 1997 г. N 1654/96)

увеличение выраженных в рублях платежей должника по кредитному договору из-за повышения курса валюты долга само по себе не свидетельствует о том, что изменилось соотношение имущественных интересов сторон, установленное договором. В связи с этим изменение курса иностранной валюты по отношению к рублю нельзя расценивать как существенное изменение обстоятельств, которое является основанием для изменения договора в соответствии со ст. 451 ГК РФ (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017), утв. Президиумом ВС РФ 16 февраля 2017 г.).

Во всех вышеперечисленных случаях видно, что главным критерием отказа в применении ст.451 ГК является предвидимость того или иного явления. Финансовые кризисы периодически случаются, не для кого не открытие, что курсы валют колеблются, то, что внешние издержки могут вырасти, тоже не секрет. Все эти события уже были в ближайшем прошлом, так почему бы их не предусмотреть? Примерно по такой логике действует сегодняшний суд. Другие, более важные аспекты института существенного изменения обстоятельств во внимание не принимаются.

Следуя такой логике, можно предвидеть любое событие, и поэтому нет оснований применения ст.451 ГК РФ. Этим и объясняется ее неприменение. Является ли такой подход верным? По мнению многих ученых, нет. Например, К.В. Нам замечает, что «даже то, что метеорит может упасть, так как они периодически падают. Или же инопланетяне прилетят и поработят Землю. Об

этом много написано в фантастических книгах»[1] Такие примеры, пусть и нереальные, показывают, что применение критерия предвидимости по отношению к ст. 451 ГК РФ довольно нелогично, поскольку предвидеть в смысле знания о существовании такого явления могут все. Но это не значит, что сторона согласится на договор с такими «предвидимыми» условиями (например, платить по кредиту больше из-за возможных колебаний валютного курса).

Знание о возможных изменениях обстоятельств не означает, что сторона соглашается на заведомо не выгодную для нее ни в финансовом, ни в ином другом плане сделку. Смысл в том, чтобы предвидимые риски укладывались в допустимые «размеры» волеизъявления на заключение сделки. К примеру, сторона может допускать колебание цен на материалы в определенных пределах, и впоследствии она рассчитывает, что эти условия не изменятся. Цель ст.451 ГК состоит не в принуждении исполнения договора во что бы то ни стало, а в обеспечении его исполнения ровно на тех условиях, на которые рассчитывали стороны.

Иногда возможность применения института существенного изменения обстоятельств включается непосредственно в конструкцию договора, что значительно повышает шансы на расторжение или изменение договора по ст.451 ГК РФ. Например, в п.6 ст.709 ГК РФ содержится следующее правило: «При существенном возрастании стоимости материалов и оборудования, предоставленных подрядчиком, а также оказываемых ему третьими лицами услуг, которые нельзя было предусмотреть при заключении договора, подрядчик имеет право требовать увеличения установленной цены, а при отказе заказчика выполнить это требование - расторжения договора в соответствии со статьей 451 ГК РФ настоящего Кодекса».

Здесь говорится о существенном изменении рыночной конъюнктуры, из-за чего подрядчик получает право воспользоваться ст.451 ГК РФ. При этом логично, что подрядчик, как лицо, занимающееся соответствующей деятельностью не первый день, понимает, что цены на материалы могут измениться, и предпринимает определенные меры для предотвращения вредных последствий. Но, если повышение цен превышает его ожидания, он получает указанное выше право. Заметим, что здесь не идет речь о предвидимости, ценовые колебания были и будут происходить;

[1] Нам К.В Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М: Статут, 2019.

в данном случае защищается право подрядчика исполнить договор на тех условиях, на которых он его заключил, поскольку на иные он бы не согласился. Аналогичное правило содержится в п.2 ст.959 ГК РФ.

Говоря о роли суда, следует упомянуть, что его функция заключается в том, чтобы нивелировать негативные последствия непредусмотрительности сторон в случае существенного изменения обстоятельств. При этом необходимо, чтобы суд производил свое вмешательство со строго определенной целью, не допускающей неосновательное обогащение одной стороны за счет другой.

Специфическим институтом является возможность суда дополнять (восполнять) договор, исходя из общей внутренней воли сторон и экономических условий, что представляет собой разновидность восполнительного толкования. Его отличием от судебного изменения или расторжения договора является следующее:

в случае восполнения пробелов в договоре имеет место отсутствие необходимого условия, которое бы в должной мере урегулировало отношения сторон, когда в нашем случае условия договора в целом не соответствуют изменившимся обстоятельствам.

восполняя, суд учитывает волю сторон сделки, когда при судебном изменении договор может коренным образом поменять свою направленность.

Английское договорное право знает схожий метод восполнения пробелов договора, называемый подразумеваемыми условиями (implied terms). Они могут быть взяты из статута, обычая или обычного права. При этом суд не может имплементировать в договор условия только потому, что их присутствие там кажется им разумным. Суды должны обосновать необходимость внесения того или иного условия, которое должное продолжать общую направленность договора.[1]

Подразумеваемые условия должны быть разумными и справедливыми, придавать договору необходимый экономический эффект, а также необходима их ясная и точная формулировка. Английские суды довольно негативно относятся к дополнению детализированных договоров, в которых присутствует рисковый характер.

[1] Ewan McKendrick Contract law 10th edition. ISBN 978-1137-29370-1 изд. Palgrave Macmillan, 2013. — С. 173.

Отечественное законодательство в целом сходно с вышеизложенным зарубежным опытом, в частности, ст.431 ГК РФ говорит нам, что «если правила … не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.»

Восполнительное толкование было бы полезно для института существенного изменения обстоятельств в случаях необходимости определения носителя риска, когда ни в договоре, ни в практике взаимоотношений сторон этот вопрос не был обговорен. В данном случае необходимость судебной интервенции обуславливается ограниченностью эвристических способностей сторон, присущими всем участникам оборота сверхоптимизмом, ограниченной рациональностью и т.д. Суд исправляет ошибки контрагентов и позволяет им достичь поставленных целей, извлечения выгоды из договора, его прекращения или сохранения баланса интересов сторон.

Тем самым такое вмешательство носит характер вынужденного патернализма и ограничения свободы договора. В данном контексте необходимо обратить внимание на очевидный приоритет изменения договора перед его расторжением, что характерно для зарубежных правопорядков (в том числе и для немецкого права, которое является для российского права ориентиром).

Во-первых, заключая договор, стороны рассчитывали на его выгодное исполнение, а не на расторжение, поэтому данная мера будет противоречить воле сторон. Одновременно законодательное закрепление примата изменения договора будет стимулировать стороны садиться за стол переговоров, поскольку ни один из контрагентов не знает, как суд распределит риски и расходы.

Во-вторых, подразумевается, что институт существенного изменения обстоятельств направлен на стабилизацию экономического оборота, а расторжение договора никак его не стабилизирует. Было бы логично, если бы суд приходил на помощь в случае соответствующих экстраординарных ситуаций. К тому же это соответствует современным правовым веяниям, а именно представлению договора не как незыблемой субстанции, а как инструмента для достижения совместных целей. В такой парадигме этот инструмент может изменяться сколь угодно много раз.

В некоторых случаях возникает ситуация, когда ни изменение, ни расторжение договора не урегулируют спорный вопрос. Поэтому суд может либо отправить стороны на самостоятельный пересмотр условий договора и его последующей адаптации, либо предложить сторонам оставить существующие условия в силе. В первом случае контрагенты могут изменить договор ретроспективно, перспективно или на настоящее время. Характерно, что суд не может поступить точно так же. Согласно ст. 453 ГК РФ, «в случае изменения или расторжения договора обязательства считаются измененными или прекращенными…при изменении или расторжении договора в судебном порядке - с момента вступления в законную силу решения суда об изменении или о расторжении договора.»

Процессуальные сроки рассмотрения дела довольно велики, а, учитывая возможность прохождения дела через апелляционную и кассационную инстанции, дело может затянуться на годы. Все это время стороны будут страдать от существенного изменения условий, поскольку факт ведения дела не освобождает их от обязанности исполнять по договору. Поэтому было бы логично предоставить суду право изменять условия договора как ретроспективно, так и перспективно в зависимости от конкретных особенностей дела, что вполне соответствует международной практике, где суд может «изменить договор…с определенной даты и на определенных условиях»[1]

Важный вопрос составляет характер действий суда при изменении или расторжении договора. П.3 ст.451 ГК РФ указывает на необходимость справедливого распределения расходов, понесенных сторонами в связи с исполнением договора при его расторжении, но при этом ничего не сказано о мерах, предпринимаемых при его изменении. Представляется, что в данном случае суду предоставлен широкий инструментарий для восстановления баланса интересов сторон.

При расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств стороны, кроме права на справедливое распределение расходов, имеют право на возврат ранее исполненного по сделке, что невозможно сделать при расторжении договора в обычном порядке. При этом ученые отмечают, что понятие расходов должно толковаться расширительно, но одновременно с соблюдением правила, что все траты должны быть связаны с исполнением договора.

[1] «Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)» от 1994, «Закон». 1995 г. № 12. Ст. 6.2.3

УДК 347.2/.3

Ю.А. ЗЛОБИНА

научный руководитель
доцент Г.Р. ИГБАЕВА

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Процессы глобализации и усложнение народнохозяйственных связей предопределили актуализацию использования интеллектуальной собственности. В настоящей момент в Конституции Российской Федерации закреплена охрана интеллектуальной собственности [1]. Согласно Гражданскому кодексу РФ, интеллектуальная собственность – это результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана [2].

Законодатель выделяет конкретное количество видов объектов интеллектуальной собственности, но с развитием науки и техники круг данных объектов расширяется. Наряду с произведениями искусства, науки, изобретениями и другими объектами известны нетрадиционные виды объектов: открытия, рационализаторские предложения, топологии интегральных микросхем, селекционные достижения, секрет производства (ноу-хау). Данные институты являются одними из наименее изученных разделов права интеллектуальной собственности.

Взгляды учёных-правоведов не едины в вопросе перечня объектов рассматриваемого института, несмотря на то, что традиционно рационализаторские предложения являлись элементом списка «нетрадиционных объектов», Ю.В. Применко пишет о том, что рационализаторские предложения более не относятся к данному институту, обосновывая это введением в действие 4 части Гражданского кодекса [3].

---

[1] Иванский В.П. Система государственного регулирования интеллектуальной собственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. — №6.

[2] Гражданский кодекс РФ [Текст]: офиц. текст. М.: Проспект, 2020.

[3] Применко Ю.В. К вопросу о классификации объектов интеллектуальной собственности // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: Материалы IV всероссийской научно-практической конференции. СПб. 2018.

Законодатель не закрепляет понятие «нетрадиционных объектов», но наука выделяет данное определение в связи с их особенностями. Впервые данное определение ввёл ученый-правовед А.П. Сергеев, обозначив необходимость введения института охраны нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности[1]. А.П. Сергеев выделил основной критерий рассматриваемых объектов: они пользуются правовой охраной вне рамок авторского и патентного права и законодательства о средствах индивидуализации[2].

Необходимо обозначит положения, которые легли в основу выделения в правовой науке понятия «нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности», рассмотреть особенности, отличающие данный институт от иных объектов, указанных в законодательстве.

Первый признак: нетрадиционные объекты являются результатами интеллектуальной деятельности. На данный момент законодатель переходит к другой категории, связанной с нематериальными благами: интеллектуальные права. В основу рассматриваемого вида объектов положены знания авторов, их умственная деятельность, связь мыслительных процессов, что более чем при других видах деятельности, показывает отношение автора к своей работе.

Немаловажно, что признание особых прав авторов на рассматриваемые объекты интеллектуальной собственности необходимо не только создателям, но и общественности, государству. Данный факт неразрывно связан с увеличением научно-технического прогресса, повышению мыслительной активности многих ученых, изобретателей, деятельность которых приводит к новым общественно значимым открытиям.

Стоит отметить, что авторское и патентное права, а также институт средств индивидуализации участников гражданского оборота – не могут обеспечить достойную правовую защиту рассматриваемым видам объектов интеллектуальной собственности ввиду их отличительных признаков: о мнению А.П. Сергеева, основным объектом авторского права является не содержание

[1] Екрасов В.Н. Нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности // Молодежь и XXI век, 2019: материалы IX Международной молодежной научной конференции. Курск. 2019.

[2] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. М.: Проспект, 2003. С. 29 с.

конкретного труда, произведения, продукта, а лишь форма, непосредственно связанная с использованием объекта[1]. Но именно содержание показывает важность и значимость «нетрадиционного объекта».

Что касается патентного права, оно обеспечивает защиту именно содержания, но существуют особенности, ограничивающие связь «нетрадиционных объектов» и данного института: патентная монополия и обязательное условие распространения информации о защищаемом объекте до третьих лиц. Перечисленные особенности патентного права требуют видоизменения, зачастую даже приобретения новых качеств объекта интеллектуальной собственности.

Таким образом, правовой режим объектов интеллектуальной собственности имеет некоторые особенности, а права авторов в основном имеют закрепление в качестве признания личных неимущественных прав, хотя правообладатели имеют возможность воспользоваться исключительным правом при условии их личной инициативы.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт нетрадиционных видов объектов интеллектуальной собственности несет в себе немало свойств, которые позволяют ученым закрепить не только определение данного института, но и его особый статус, заключающийся в специфике охраны нетрадиционных объектов.

Нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности являются одним из новейших и неизученных институтов права, данные объекты стремительно развиваются, что отражается в законодательстве. Они имеют особые отличительные признаки, правила, закрепляющие их охрану.

Современная правовая наука уделяет большое внимание резкому росту нововведений, не оставляя без внимания ни одну сферу общественной жизни. На данном этапе развития института нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности очень важно уделить большое внимание не только его признакам, но и изменениям, которым подвергается данный институт, а также тому, как эти изменения отражаются в законодательстве.

[1] Там же. С. 32.

УДК 347.1

Д.А. КОРЕЦКИЙ

научный руководитель
доцент Т.С. ЯЦЕНКО

ПРИНЦИП ЭСТОППЕЛЬ КАК СРЕДСТВО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Федеральными законами от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ и от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ[1] были внесены большие изменения в первую часть Гражданского кодекса РФ[2] (далее – ГК РФ), касающиеся общих положений об обязательствах. Были введены новые институты, позаимствованные из зарубежных правопорядков. Одним из таких стал принцип эстоппель.

Эстоппель представляет собой запрет на возражение, утверждение определенных фактов, если лицо вело себя непоследовательно и/или недобросовестно. В российском праве он нашел воплощение в нормах, посвященных недействительности сделки (абз. 4 п. 2 ст. 166 и п. 5 ст. 166 ГК РФ), недействительности договора (п. 3 ст. 432 ГК РФ), отказа от исполнения договора (п. 5 ст. 450.1 ГК РФ).

Для более полного представления о сущности данного принципа следует обратиться к стране его происхождения – Англии. Эстоппель был юридическим механизмом, с помощью которого можно было обходить те нормы права, которые являлись устаревшими, а их применение приводило к несправедливым решениям. Позже его содержание было расширено из-за введения принципа римского частного права – allegans contraria non est audiendus («противоречивые заявления стороны признаются в качестве неуслышанных»)[3].

---

[1] Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»// Российская газета. 2013. № 99; Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»// Российская газета. 2015. — № 52.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019)// Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] См.: Яценко Т.С. Функциональное назначение принципа эстоппель в англо-американском гражданском праве // Международное публичное и частное право. 2018. — № 5. — С. 37.

Судьи изначально использовали эстоппель справедливости (equitable estoppel), который был основан на праве справедливости (English equity courts). Однако с развитием и усложнением общественных отношений потребовалось увеличение количества эстопеллей. В различных государствах англо-саксонской правовой семьи существуют всевозможные виды данного принципа[1]. Разница между некоторыми из них обусловлена лишь страной применения, но практически все он объединены следующими признаками: 1) лицо полагается на утверждение и/или поведение другого лица, не может проверить достоверность, и совершает по отношению к нему соответствующие действия; 2) недобросовестное или непоследовательное поведение контрагента, который воспользовался оказанным доверием, повлекло ущерб для первой стороны.

Активное использование эстоппеля в странах общего права (common law) обусловлено несколькими причинами, образовавшимися в силу специфики исторического развития.

Во-первых, договорное право в странах англо-саксонской правовой семьи построено на доктрине встречного представления – это принцип, согласно которому обещание приобретает юридическую силу только тогда, когда оно предполагает ответную услугу (встречное представление)[2]. Таким образом, без встречного удовлетворения контракт не имеет юридической силы. В связи с этим в данной правовой системе не признаются безвозмездные сделки, в отличие от романо-германской семьи.

Во-вторых, эстоппель заменяет много институтов, которые в странах континентального права имеют самостоятельный характер. Например, эстоппель посредством представления (estopple by representation) может использоваться в качестве аналога преддоговорной ответственности (culpa in contrahendo).

В-третьих, англо-американское договорное право имеет и иные специфические особенности. В частности, в отличие от систем континентальной Европы, более важным элементом догово-

[1] Например, есть эстоппели материального права: эстоппель посредством представления (estopples by representation), эстоппель посредством данного обещания (promissory estoppel), эстоппель посредством поведения (estoppel by conduct) и др. Также существуют эстоппели процессуального права: эстоппель решением суда (estoppel by judgment), судебный эстоппель (judicial estoppel), эстоппель иностранным судебным решением в отношении конкретного лица (estoppel by foreign judgment in personam) и т.д. Подробнее о видах эстопелля см. Седова Ж.И., Зайцева В.Н. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте российской федерации// СПС КонсультантПлюс.

[2] Цит. по Короткова В.А. Эстоппель в гражданском праве (Опыты цивилистического исследования: Сборник статей (выпуск 2))// СПС КонсультантПлюс.

ра является не определение его существенных условий, а обоюдное намерение создать правовые отношения (intention to be legally bound), то есть, стороны ясно демонстрируют взаимное намерение вступить в правовые отношения и осознают правовые последствия такого шага[1]. Также существование контракта, а также его условия можно подтверждать любыми доказательствами, в том числе, и свидетельскими показаниями[2].

Таким образом, англо-американская правовая система из-за своей специфики изобрела и активно адаптировала под свои нужды принцип эстоппель, который используется уже многие столетия.

По нашему мнению, эстоппель является хорошим институтом, цель которого стимулировать добросовестное поведение участников гражданского оборота и пресекать обратное. Однако из-за своей оценочной природы возникают сложности с его правильным применением.

Так, в основе применения эстопелля лежит понятие добросовестности. Добрая совесть уже активно используется российскими правоприменителями, но полное понимание ее сути, а также связи с другими оценочными понятиями в практике отсутствует. Так, анализ судебной практики показал, что суды не совсем разграничивают недобросовестность и злоупотребление правом[3]. В мотивировочной части указывается, что к форме злоупотребления правом относится заведомо или очевидно недобросовестное поведение. Однако как раз злоупотребление правом и является формой недобросовестного поведения[4]. Такое мнение является устаревшим, так как основывается на той практике, когда добросовестность не была закреплена как принцип в ст. 1 ГК РФ.

В науке также нет единства мнений относительно содержания доброй совести. Часть ученых считают, что она выражается через моральные и этические представления о правильном и неправиль-

---

[1] Чиронова И.И. Сопоставительный анализ терминологической области «договорное право» в английском и русском языках// [Электронный ресурс] // URL: hse.ru/data/684/391/1240/Договоры.doc (дата обращения: 14.04.2020).

[2] Цит. по Оробинский В.В. Чему не учат на юрфаке: тайны договора… и не только// Ростов н/Д: Феникс. 2019. — С. 69.

[3] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.04.2016 по делу № А40-242723/15-156-2042// СПС КонсультантПлюс; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2018 № 14АП-8897/2018 по делу № А66-287/2015// СПС КонсультантПлюс.

[4] См. Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. — С. 111.

ном[1]. Другие полагают, что добросовестное поведение должно соответствовать ожидаемому и общепринятому поведениям, обычаям делового оборота[2]. Есть и те, кто выражает добрую совесть через иные оценочные понятия как, например, справедливость или разумность[3].

Таким образом, сложно применять эстоппель, основанный на доброй совести, общепризнанное понимание которой отсутствует и в законе, и в практике, и в науке.

Есть и иная проблема. Использование эстоппеля может иметь и форму злоупотребления правом – в виде конвалидации (исцелении) незаконной сделки. Уже существует правоприменительная практика, где суды признавали действительной сделку, которая противоречит закону, ссылаясь на п. 5 ст. 166 ГК РФ.

Так, уполномоченный орган (арендодатель) хотел признать договоры водопользования недействительными, ссылаясь на то, что оспариваемые сделки заключены в нарушение установленных процедур предоставления водного объекта в пользование (без размещения соответствующей информации о предоставлении водного объекта) и посягают на охраняемые законом интересы третьих лиц. Суд первой инстанции удовлетворил требования, а суд второй – отменил. Рассматривая жалобу, кассационный суд согласился, что договоры водопользования заключены в нарушение установленных процедур. Однако правоприменитель посчитал, что истец, обратившись в суд уже после начала действия договора, ведет себя недобросовестно. По мнению коллегии, заключенные сделки также не противоречат ни интересам третьих лиц, ни публичным интересам[4]. При этом иных аргументов, подтверждающих обоснованность решения, суд не представил.

---

[1] См. Кабанова И.А. Некоторые аспекты реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в правоотношениях с участием органов публичной власти и их должностных лиц // Гражданское право. 2014. — № 5. — С. 24.

[2] Гребенкина И.А. Принцип добросовестности в российском гражданском праве// Бюллетень нотариальной практики. 2011, № 2. С. 17.; Чукреев А.А. Добросовестность в системе принципов гражданского права// Журнал российского права. 2002. — № 11. — С. 103.

[3] Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. — № 8. — С. 52.

[4] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.02.2018 № Ф06-28909/2017 по делу № А55-10745/2017// СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, на данном примере можно увидеть то, чего опасался Покровский И.А., который полагал, что использование добросовестности приведет к судейскому произволу[1].

Подводя итог, считаем, что идея принципа эстоппель является отличной, однако его точная имплементация в наше законодательство может повлечь негативные последствия, так как англо-американская правовая система обладает своим набором уникальных черт. Возможно, следует обратиться к более близким к нам странам для заимствования опыта. Например, в Голландии, Германии и Бельгии существует юридический механизм, схожий с принципом эстоппель – non concedit venire contra factum proprium (никто не может отрицать последствия своих действий)[2]. Его идея заключается в том, что реализация субъективных прав и обязанностей не должна входить в противоречие со своим предыдущим поведением и требованием добросовестности. Все это должно сопровождаться не только заимствованием норм, но и обращению к доктрине и судебной практике. Разумеется, все это необходимо делать с поправкой на российскую правовую культуру и законодательство.

УДК 347.4

Е.Н. КОТЮСОВА

научный руководитель
доцент Н.Е. СОСИПАТРОВА

ПРИМЕНЕНИЕ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ «НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА»

Основой гражданского оборота является свобода договорных возможностей, автономия воли сторон. Особенно ярко принцип свободы договора проявляется в предпринимательских правоотношениях. Действительно, с юридической точки зрения обе стороны сделки являются равноправными субъектами права. Предполагается, что все предприниматели, открывая собственное

[1] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут. 1998. — С. 262.

[2] Цит. по Лашков Н.С. Критический анализ возможности заимствования английских доктрин waiver и estoppel российским правом// Закон. 2016. — № 7. — С. 14.

дело, должны осознавать последствия собственных управленческих решений, а также быть готовыми взять на себя риски, которые могут возникнуть в предпринимательской деятельности.

Однако в реальности некоторые представители бизнеса, особенно малого и среднего, при заключении различных сделок могут быть поставлены в затруднительное положение по согласованию отдельных условий договора. Во многом такая ситуация возникает из-за того, что контрагенты неравны в экономическом плане. Например, в дилерском договоре поставки автомобилей поставщиком выступает одна из дочерних компаний международного концерна, которая может «продавить» любую свою инициативу в отношении дилера – небольшого предприятия, заинтересованного в договоре с крупным контрагентом. В таком случае согласовать некоторые договорные условия, например, о размере неустойки, об одностороннем отказе от исполнения договора, о способах обеспечения исполнения обязательств становится почти невозможно, и более слабая компания вынуждена подчиниться требованию более сильного контрагента.

Для разрешения вышеуказанной проблемы Пленум ВАС РФ в постановлении от 14 марта 2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» ввёл понятие «несправедливые договорные условия», под которыми понимаются условия, явно обременительные для контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон[1]. При этом, исходя из системного толкования положений постановления Пленума ВАС РФ, можно увидеть ещё один признак рассматриваемых условий: они должны содержаться в договоре, который был предложен одной стороной, а другая не имела возможности внести в него какие-либо изменения. По мнению Карапетова А.Г. при оценке неравенства переговорных возможностей необходимо учитывать:

асимметрию информированности при совершении сделок в отношении сложных технических решений и продуктов;

подавляющую рыночную власть одной из сторон и отсутствие или ограниченность конкуренции на рынке;

чрезвычайность обстоятельств заключения договора[2].

---

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [Электронный ресурс] // URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/106573.html (дата обращения: 29.03.2020 г.).

[2] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. — С. 881.

Стоит согласиться, что существует необходимость в выработке некоторых ориентиров для правоприменителей, позволяющих им более четко определять, действительно ли у стороны сделки не было реальной возможности каким-либо образом влиять на содержание договора.

Таким образом, Пленум ВАС РФ сделал шаг навстречу бизнесменам, позволив им оспаривать в судебном порядке условия, которые они были вынуждены включить в договор несмотря на то, что они являются невыгодными. Позднее положение о несправедливых договорных условиях было отражено в п. 3 ст. 428 ГК РФ[1].

Стоит отметить, что патерналистский подход в правовом регулировании характерен, скорее, для потребительских договоров, и тот факт, что конструкция признания договорных условий несправедливыми будет распространяться и на предпринимателей, стал в своё время новеллой. Тем не менее, предоставленной возможностью бизнесмены сразу стали активно пользоваться: в судебной практике появились примеры оспаривания условий договоров как несправедливых.

Наиболее часто оспаривается условие о размере неустойки. Например, при рассмотрении одного из дел было установлено, что договором были предусмотрены различные размеры неустойки: для заказчика – 1 % от цены договора за каждый день просрочки оплаты, а для подрядчика – 0,1 % от стоимости заказа за каждый день просрочки, но не более 10 % стоимости заказа за нарушение срока поставки. Арбитражный суд Мурманской области самостоятельно инициировал проверку указанного условия, по итогам которой признал условие несправедливым и снизил общую сумму неустойки, поскольку усмотрел явную несоразмерность ответственности сторон. Таким образом, суд напомнил о необходимости соблюдения принципа соразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства, ведь неустойка должна носить компенсационный, а не карательный характер[2].

---

[1] Федеральный закон от 8 марта 2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, № 10, ст. 1412.

[2] Решение Арбитражного суда Мурманской области от 18 сентября 2019 года по делу № А42-3457/2019 [Электронный ресурс] // URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/14281d2d-33ae-45ff-8954-48e2dddf7892/a8a74cb8-5770-4f32-8894-f659d6da7ef0/A42-3457-2019_20190918_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 29.03.2020 г.)

Арбитражный суд республики Бурятия также по собственной инициативе проверил условия оспариваемого соглашения на предмет их справедливости и соответствия интересам обеих сторон. Судом было установлено, что кредитным договором процентная ставка за пользование кредитом увеличивается в случае обесценивания национальной валюты. Компенсация валютного риска по дополнительному соглашению, заключенному заёмщиком и кредитором, также поставлена в зависимость от обесценивания национальной валюты. Таким образом, при начислении процентов за пользование кредитом банком уже были учтены изменения (колебания) бивалютной корзины, и заключение дополнительного соглашения можно считать избыточным. В итоге суд пришёл к выводу, что соглашение заключено с пороком содержания (содержит явно обременительные, несправедливые договорные условия), поэтому оно является ничтожным[1].

Стоит отметить, что суды не всегда проявляют инициативу в проверке договорных условий на справедливость, а стараются вести процесс чётко в рамках заявленных требований и возражений.

В Арбитражный суд Нижегородской области обратился истец (заказчик) с требованием о взыскании 3 218 670,00 руб. договорной неустойки и 136 500,00 руб. штрафа за нарушение сроков выполнения работ.

В договоре устанавливалось, что нарушение подрядчиком сроков выполнения работ наказывается единовременным штрафом в размере 5 % от стоимости невыполненных работ, а также пени в размере 0,3 % от стоимости невыполненных работ за каждый день просрочки. В то же время ответственность заказчика за нарушение срока оплаты выполненных работ – всего 0,03 % от неоплаченной суммы за каждый день просрочки.

Ответчик (подрядчик) не заявил о несправедливости данного условия. Суд I инстанции также не поставил вопрос об оспаривании договорного условия как несправедливого, сославшись на ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, согласно которой «обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены»

[1] Решение Арбитражного суда республики Бурятия от 3 октября 2018 г. по делу № А10-2438/2017 [Электронный ресурс] // URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/464adb6d-103b-4b2a-bbe6-29433ddbad6b/3eecc50a-1449-49b9-bace-e5fbbaec8e98/A10-2438-2017__20181003.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.04.2020 г.)

и удовлетворил требования в полном объёме[1]. Суд апелляционной инстанции, напротив, отметил тот факт, что ответственность подрядчика за нарушение обязательств по договору превышает ответственность заказчика в 10 раз (без учета единовременного штрафа). Оценив заключенный сторонами договор, апелляционной суд пришел к выводу, что истец (заказчик) включил в договор несправедливые условия об ответственности, которые устанавливают приоритет прав заказчика, позволяют ему извлечь необоснованное преимущество, при этом не учитывают права подрядчика и являются для него обременительными. В итоге апелляционный суд, изменив условия договора, признал обоснованной неустойку из расчета 0,03 % за каждый день просрочки[2].

Кассационная инстанция данный судебный акт поддержала, однако в итоге Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ оставила в силе решение суда I инстанции, поскольку ответчик (подрядчик) не оспорил исковые требования ни по существу, ни по размеру, не заявил ходатайство о применении ч. 3 ст. 428 ГК РФ, которое можно было заявить только в суде I инстанции, в связи с этим и проиграл дело[3].

В другом деле истец заявил требование о признании недействительным (ничтожным) договор купли-продажи нежилого помещения, ссылаясь на ст. 10 и 428 ГК РФ, но не представил доказательств, что договор, содержит в себе условия, являющиеся явно обременительными для него и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон. В частности, истец не доказал, что при оформлении договора ответчик отказался рассматривать предложенные им изменения, ввиду чего у суда отсутствовали основания для применения положений ст. 10, 428 ГК РФ или ст.169 ГК РФ. Суд установил, что условия спорного

---

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002. № 30, ст. 3012.

[2] Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13 июня 2017 г. по делу № А43-26319/2016 [Электронный ресурс] // URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c0155e23-1ef6-4c80-9d1e-ee2cc0d43f41/b4f456ef-7676-446f-b833-decf2712692f/A43-26319-2016_20170613_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30.03.2020 г.)

[3] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г. по делу № А43-26319/2016 [Электронный ресурс] // URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c0155e23-1ef6-4c80-9d1e-ee2cc0d43f41/99f605da-f77e-437a-a5b8-c553a8c1f423/A43-26319-2016_20180529_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30.03.2020 г.)

договора в целом соответствуют правовой цели обязательства, в частности отражают его возмездный характер, поскольку содержат справедливую плату за объект сделки, условия об ответственности сторон и др.[1].

Ознакомившись с судебной практикой арбитражных судов, можно отметить, что она довольно неоднозначная. Нельзя сказать, что превалирует позиция непризнания условий несправедливыми или, наоборот, что суды всегда идут на уступки слабой стороне договора. Очень часто можно встретить случаи, когда суды самостоятельно проверяют спор на наличие несправедливых условий и констатируют, что данных условий в споре нет. Все дела рассматриваются индивидуально, при этом в одних случаях суды сами заявляют о наличии несправедливых условий, даже когда слабая сторона не просила об этом; в других же случаях суды указывают, что сторона не только должна сослаться на несправедливое с её точки зрение условие, но и доказать, что оно обременительно, явно несправедливо по отношению к ней, что оно было предложено контрагентом, и пострадавшая сторона предпринимала попытки изменить это условие, но при заключении договора ей это сделать не удалось.

Таким образом, арбитражные суды РФ довольно часто используют институт несправедливых условий для судебного контроля договоров. В некоторых случаях вмешательство судов в дела частных лиц оправданно, прежде всего – с целью защиты заведомо слабой стороны договора. В целом же при рассмотрении споров между хозяйствующими субъектами суды должны относиться к обеим сторонам как к равноправным участникам экономического оборота, наделённым автономией воли и осуществляющим предпринимательскую деятельность на свой риск, поэтому инициатива судов в оценке условий договора как несправедливых при отсутствии заявления об этом стороны в споре представляется неоправданным вмешательством в сферу частных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и отступлением от принципа свободы договора[2].

---

[1] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 23 октября 2017 г. по делу № А40-122325/2017 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/73fc8cf9-5710-40cc-a18e-36adda975782/144ff078-018e-4edb-bb80-2cccdf041ec2/A40-122325-2017_20171023_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.04.2020 г.)

[2] Сосипатрова Н.Е. Отказ поставщика от исполнения дилерского договора в свете ex post контроля // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. — № 2. — С. 131.

УДК 347

К.О. КРАВЧЕНКО

научный руководитель
профессор Н.М. ГОЛОВАНОВ

ВОПРОСЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ГРАЖДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В наше время все чаще и чаще несовершеннолетние граждане желают стать индивидуальными предпринимателями, создать свой бизнес для продвижения производимой продукции или предоставления услуг. В связи с этим возникает вопрос, каковы условия, чтобы в столь юном возрасте начать заниматься предпринимательством и какие документы необходим для регистрации в качестве субъекта предпринимательской деятельности?

В соответствии со ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) под предпринимательством понимается осуществляемая на свой риск, самостоятельная деятельность лица, нацеленная на систематическое получение прибыли. Указанная статья поясняет, что для получения статуса предпринимателя необходима соответствующая регистрация в этом качестве. Такая регистрация регулируется Федеральным законом от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Однако в названном законе не указывается, с какого именно возраста в Российской Федерации можно приобрести статус индивидуального предпринимателя.

Ученые-правоведы по-разному подходят к решению данного вопроса. Якунина В.В.[1], например, считает, что гражданину должно быть предоставлено право заниматься предпринимательством с 16 лет.

Для уяснения этого вопроса необходимо обратиться к ГК РФ и Семейному кодексу РФ (далее СК РФ).

[1] Якунина В. В. Гражданская правосубъектность индивидуального предпринимателя /В. В. Якунина. М., 2009. — С. 11 - 12.

В соответствии со ст. 54 СК РФ лица, недостригшие 18 лет, признаются детьми. Согласно ст. 26 ГК РФ, лица в возрасте между 14 и 18 годами считаются несовершеннолетним. Статья 27 ГК РФ уточняет, что в этом возрасте гражданин обладает ограниченной дееспособностью.

Для занятия предпринимательством, гражданин, как правило должен быть признан дееспособным, то есть способным приобретать права и нести обязанности, отвечать за свои действия. Полная дееспособность наступает с 18 лет (ст. 21 ГК РФ), н существуют несколько вариантов, когда гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью до достижения совершеннолетия[1].

К одному из таких вариантов можно отнести согласие на это обоих родителей, которое должно быть обязательно нотариально заверено. Объясняется это тем, что в соответствии со ст. 26 ГК РФ в возрасте между 14 и 18 годами подросток может совершать сделки с письменного согласия одного из родителей или иных законных представителей. Соответственно возможна и регистрация несовершеннолетнего в качестве индивидуального предпринимателя, начиная с 14 лет.

Следующим вариантом получения права на занятие предпринимательской деятельностью до достижения совершеннолетия является эмансипация - процедура, посредством которой гражданин в возрасте от 16 лет признается полностью дееспособным. Данная процедура осуществляется посредством вынесения органом опеки и попечительства соответствующего решения при наличии согласия обоих родителей, достижения возраста 16 лет и работы по трудовому договору. При отсутствии согласия родителей или одного из них положительное решение может вынести суд (ст. 27 ГК РФ). Когда гражданин признается эмансипированным, то законные представители перестают нести ответственность за подопечного. С этого момента гражданин сам отвечает по своим обязательствам.

Вступление в брак до 18 лет является еще одним вариантом, когда возможно осуществление предпринимательской деятельности до наступления совершеннолетия, поскольку с данным фактом закон связывает наступление полной дееспособности (п. 2 ст. 21 ГК РФ).

В соответствии со ст. 13 СК РФ по решению органа местного самоуправления допускается вступление в брак лицам в возрасте

[1] Ершова И. В. Предпринимательское право /И. В. Ершова. М., 2016. – С. 204.

16-17 лет (в некоторых субъектах РФ этот возраст составляет 14-15 лет), если на то есть уважительная причина (которая должна быть документально подтверждена)[1].

Разобравшись с вариантами приобретения статуса индивидуального предпринимателя до наступления совершеннолетия, рассмотрим вопрос, связанный с пакетом документов, представляемых при этом в регистрирующий орган.

Регистрация несовершеннолетнего гражданина в качестве индивидуального предпринимателя осуществляется по тем же правилам, что и достигшего 18 лет, но с некоторыми нюансами.

Так, необходим следующий пакет документов:

заявление о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя;

копия паспорта гражданина РФ;

копия свидетельства о присвоении ИНН (идентификационного номера налогоплательщика) (при отсутствии Идентификационного номера налогоплательщика, необходимо приложить заявление на его получение, для поставки на учет);

квитанция об уплате госпошлины;

нотариально удостоверенное согласие родителей на осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетним. Если в свидетельстве о рождении ребенка указан только один родитель, то необходимо приложить заверенную нотариусом копию свидетельства о рождении, иначе может последовать отказ в регистрации, так как налоговый орган может прийти к выводу об отказе второго родителя на регистрацию индивидуального предпринимателя. Если одного или обоих родителей нет по причине смерти или безвестного отсутствия, то следует представить свидетельство о смерти или решение суда о признании человека безвестно отсутствующим;

В зависимости от ситуации представляются:

копия решения органа опеки и попечительства об объявлении физического лица, регистрируемого в качестве индивидуального предпринимателя, полностью дееспособны или копию решения суда об этом;

копия свидетельства о заключении брака физическим лицом, регистрируемым в качестве индивидуального предпринимателя, а также все справки, послужившие основанием для заключения раннего брака (например, справка о беременности);

копия трудового договора (при эмансипации).

[1] Зенин И. А. Предпринимательское право /И. А. Зенин. М., 2008. – С. 299.

УДК 347.4

С.С. КУЗНЕЦОВ

научный руководитель
доцент Е.П. ГРУШЕВАЯ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

За годы действия Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ была проведена огромная работа по обеспечению защиты прав и законных интересов дольщиков. Первоначально данный закон ввёл государственную регистрацию договоров участия в долевом строительстве в качестве необходимой меры обеспечения обязательств. Также, в качестве данной меры был предусмотрен залог строящегося дома и прав на земельный участок, возникавший в силу закона с момента государственной регистрации договора участия в долевом строительстве.[1]

Федеральным законом от 18 июля 2006 года №111-ФЗ в качестве альтернативы залогу была предусмотрена возможность поручительства кредитной организации. Вместе с тем сохранялась норма о возникновении залога в силу закона. Соответственно, участник долевого строительства не имел права выбирать между поручительством и залогом, поскольку оставалось правило о возникновении права залога на объект долевого строительства с момента государственной регистрации договора. [2]

Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 294-ФЗ данное противоречие было исключено. Законом предусматривалось, что исполнение обязательств застройщика по передаче жилого помещения участнику долевого строительства также должно было гарантироваться или поручительством банка, или страхованием его гражданской ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по передаче жилья последнему. [3]

[1] Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 №214-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 111-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 294-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Однако механизм страхования ответственности девелоперов показал свою непродуктивность. Нередко при банкротстве строительной организации стоимость страхового полиса или проценты при поручительстве банка не могли покрыть всю сумму причинённого ущерба, тем более их было недостаточно, чтобы закончить возведение объекта долевого строительства. На практике в случае банкротства застройщика ни страховые компании, ни общества взаимного страхования не могли покрыть дольщикам ущерб: в результате этого количество недостроенного жилья и обманутых дольщиков продолжало увеличиваться. Непродуктивность функционирования данной схемы была также связана со сложностью оценки строительных и финансовых рисков, а также с происходившим в 2014-2015 гг. массовым отзывом лицензий у страховых компаний.

Следует согласиться с мнением В.В. Шарапова о том, что практика показала низкую эффективность механизма страхования как инструмента защиты частных инвесторов, поскольку, по мнению автора, вместо риска конфликта с застройщиками инвесторы получили риск спора со страховщиками, а вместо риска банкротства застройщика - риск банкротства страховщиков. [1]

В июне 2017 года на одном из заседаний Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации заместитель Министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации Н.Е. Стасишин раскритиковал систему страхования гражданской ответственности: «По данным Центрального банка, действующая система страхования находится на пределе возможностей по объему принимаемых рисков. Накоплена огромная ответственность у страховых компаний и у общества взаимного страхования, 91 процент ответственности приходится на четыре страховые компании. Общий объем страховых премий, собранных страховщиками за этот период, составил порядка 27,5 миллиарда рублей. Несмотря на наличие страховых случаев по застройщикам, находящимся в процедуре банкротства, на сегодняшний день ни одной выплаты не произведено». [2]

[1] Шарапов В.В. Обзор изменений и дополнений в Федеральный закон 214-ФЗ от 30.12.2004 // СПС «КонсультантПлюс». 2017.

[2] О проекте федерального закона № 139186-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в целях защиты прав участников долевого строительства): Материалы заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 14 июля 2017 года // Стенограмма заседаний. Бюллетень. 2017. № 48 (1596). С. 37.

В связи с этим, Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 218-ФЗ (Далее – Федеральный закон №218-ФЗ) вместо действующей системы ответственности вводятся императивные взносы в компенсационный фонд. А вариант страхования ответственности застройщика сохраняется только в качестве права, а не обязанности. [1] А.Р. Кирсанов считает, что компенсационный фонд будет защищать права дольщиков так же эффективно, как защищает права вкладчиков Агентство по страхованию вкладов.[2] Действительно, стоит отметить, что деятельность фонда аналогична деятельности агентства. Функционирование Агентства по страхованию вкладов направлено на то, чтобы лицо смогло получить денежные средства в пределах суммы вклада, если кредитная организация не может выполнить свои обязательства. А целью деятельности компенсационного фонда является защита прав, законных интересов и имущества дольщиков перед застройщиками, которые не выполняют взятые на себя обязательства и в отношении которых введены процедуры, применяемые в деле о банкротстве.

Официальная статистика подтверждает планомерную деятельность компенсационного фонда. По состоянию на март 2020 года с фондом работают 3750 застройщиков, 823 290 договоров долевого участия зарегистрировано в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, 3 771,6 миллиарда рублей - общая стоимость зарегистрированных квартир.[3]

Но есть спорные моменты в функционировании компенсационного фонда. К ним можно отнести, например, то, что площадь жилого помещения, за которое возвращаются денежные средства из данного фонда, не должна превышать ста двадцати квадратных метров. Соответственно, по неизвестным причинам приобретателей больших квартир законодатели поставили в невыгодное положение по отношению к другим дольщикам. На мой взгляд, данное ограничение стоит исключить из ч.2 ст. 13 Федерального закона № 218-ФЗ.

---

[1] О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 218-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Кирсанов А.Р. Законодательство о долевом строительстве: прошлое, настоящее и будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. — № 6. — С. 70.

[3] Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства [Электронный ресурс] URL: https://фонд214.рф/about/ (Дата обращения: 01.03.2020).

Также, проблематичным моментом является следующее: решение о том, какая схема (выплата возмещения или достройка объекта долевого строительства) больше подходит дольщику, решает правление фонда. По моему мнению, лица участвуют в долевом строительстве для того, чтобы получить объект недвижимости в натуре, а не с целью через определённое время вернуть собственные денежные средства.

Можно сделать вывод, что законодателем проводится активная работа по обеспечению защиты прав участников долевого строительства жилья, установлению дополнительных гарантий, а также минимизации рисков, связанных с участием граждан в долевом строительстве. Но при этом остаются спорные положения законодательства в сфере защиты прав участников долевого строительства.

УДК 347.1

К.А. ПРЯЖЕНЦОВА

научный руководитель
доцент Н.В. ОСТРОУМОВ

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА КАРШЕРИНГА

С каждым днем информационные технологии охватывают все большее количество различных сфер общественной жизни. Они активно внедряются в трудовые правоотношения, заменяя в них работников или же вовсе становятся самостоятельными субъектами права. Исключением не стала и сфера перевозки людей.

В современных условиях мы наблюдаем тенденцию формирования новых механизмов взаимодействия в данной сфере, непосредственное участие в которых принимают IT-технологии. Таковой областью применения является и сфера каршеринга. Однако, как это часто происходит, технологии внедряются в жизнь людей с космической скоростью, а новая система правового регулирования, которая должна отражать все нюансы регулирования данной сферы, не создана.

В силу своей малоизученности, каршеринг имеет пробелы по вопросам, касающимся установления требований к участникам перевозок, контролем за деятельностью перевозчиков и т.п.

Для наиболее детального рассмотрения правовой природы каршеринга, обратимся к истории возникновения данного явления и рассмотрим точки зрения ряда авторов на дефиницию каршеринга.

Каршеринг (от англ. carsharing) – новое явление в области отечественной краткосрочной аренды транспортных средств без предоставления услуг по управлению и технической эксплуатации, являющееся его непоименованной разновидностью.

Такой вид передвижения приобретает все большую популярность благодаря экспоненциальному росту мобильных, спутниковых технологий и совершенствованию программного обеспечения, без которого его реализация долгое время представлялась затруднительной.

Как известно, корни современного каршеринга исходят из Швейцарии. Еще в 1948 году один из жилищных кооперативов Цюриха приобрел несколько автомобилей и предложил их для краткосрочной аренды участникам кооператива. Однако, это было лишь локальным единичным явлением[1].

Прорыв в технологиях, произошедший в конце 90-х, позволил снять проблемы, мешающие полноценному введению каршеринга. Распространение GPS-навигации позволило отслеживать местонахождение автомобилей, а проблема с быстрым доступом к арендуемому автомобилю была решена с помощью использования карт RFID-карт (англ. Radio Frequency IDentification) – способа автоматической идентификации объектов, в котором посредством радиосигналов считываются или записываются данные, хранящиеся в так называемых транспондерах, или RFID-метках. Это обеспечило развитие каршеринга в США и странах Европы[2] .

В России подобного рода компании появились лишь в начале 21 века. Первой отечественной каршеринг-компанией стало ООО «Ситикар» (более известное как Anytime), начавшая свою деятельность в 2013 году, а уже на начало 2018 года в России насчитывалось порядка 26 каршеринговых сервисов [3]. Как отмечает

[1] См.: Каршеринг онлайн [Электронный ресурс] URL.: http://carsharingonline.ru/karshering/ (дата обращения 09.04.2019).

[2] См.: Улицкая Н.М., Медведева Т.А. Каршеринг: история возникновения, тенденции развития и особенности в современной России [Электронный ресурс] URL.: https://elibrary.ru/item.asp?id=30093714 (дата обращения 09.04.2019).

[3] См.: Каршеринг (car sharing) рынок России [Электронный ресурс] URL.: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%88%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3_(car_sharing)_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 09.04.2019).

мэр г. Москвы С. С. Собянин, в настоящее время, один из таких проектов «Московский каршеринг», начавший 3 года назад с парка в 100 автомобилей, насчитывает в своем парке 11,5 тысяч автомобилей, на которых совершается более 60 тысяч поездок в день[1].

Стоит заметить, что в федеральном законодательстве отсутствует легальное определение. Единожды каршеринг как вид краткосрочной аренды упоминается в распоряжении Правительства РФ «Об утверждении стратегии развития автомобильной промышленности РФ на период до 2025 года»[2].

Подробнее понятие каршеринга описано в Постановлении Правительства Москвы[3] - как «предоставление юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими таксомоторные перевозки, легковых автомобилей в краткосрочную аренду на основе поминутной тарификации физическим лицам для целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

В юридической литературе существует определенный плюрализм по поводу определения каршеринга. Рассмотрим некоторые точки зрения.

Так, профессор Г. С. Працко и профессор О. Ю. Греченкова дают несколько определений данному явлению: как «краткосрочная аренда авто для внутригородских поездок», как «система аренды автомобиля без водителя для осуществления недолгих поездок», как «система аренды автомобиля на короткий срок с поминутной оплатой»[4].

Думается, указанные определения не являются справедливыми в силу их поверхностного характера и неточности. Во-первых, в договоре каршеринга может быть включено условие не только

---

[1] См.: Пост в twiiter-аккаунте Сергея Собянина от 15.0.2018 [Электронный ресурс] URL.: https://twitter.com/mossobyanin/status/1040965897278685185 (дата обращения 09.04.2019).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 № 831-р (ред. от 22.02.2019) «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года».

[3] Постановление Правительства Москвы от 31 августа 2011 г № 405-ПП «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве» (ред. от 08.08.2017). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MLAW;n=179658#013832691451972057 (дата обращения: 17.04.2019).

[4] См.: Працко Г.С., Греченкова О.Ю. Развития каршеринга в России и перспективы законодательного урегулирования каршеринговых отношений [Электронный ресурс] URL.: https://elibrary.ru/item.asp?id=35549277 (дата обращения 09.04.2019).

о передвижении внутри одного города, но междугородних поездках, в силу чего критерий «внутригородские поездки» отпадает. Так, каршеринговая компания «URAмобиль» предоставляет возможность использования арендуемого автомобиля для передвижения между Челябинском и Екатеринбургом[1].

Во-вторых, критерии «недолгая поездка», «короткий срок» с правовой точки зрения являются размытыми, неточными, поскольку охватывают промежуток времени от нескольких минут до нескольких дней, недель и месяцев, в силу чего порождают разночтения и нуждаются в конкретизации (например, сроком до 12 часов, до 24 часов и т.п.).

В-третьих, исследователи определяют каршеринг как «систему аренды». Обратившись к семи возможным толкованиям слова «система», данным в толковом словаре Ожегова, представляется, что словосочетание «система аренды» является неприменимым к каршерингу, поскольку в договоре аренды, разновидностью которой является каршеринг, не видится системности.

Более удачным, на наш взгляд, представляется определение каршеринга, данное М. П. Малиновским и Т. К. Аракелян. По мнению исследователей, каршеринг – это «краткосрочная аренда автомобиля с поминутной тарификацией, реализуемая через мобильное приложение»[2]. Таковым оно является из-за выделения одного из специфических, но важных признаков каршеринга – его реализация посредством мобильного приложения. Но идеальной данную дефиницию, опять же, назвать нельзя.

Проанализировав все вышеперечисленные мнения авторов, можно вывести ряд основополагающих признаков каршеринга:

в качестве арендодателей выступают индивидуальные предприниматели и юридические лица;

перевозка пассажиров легковым транспортом – основной вид деятельности указанных выше субъектов;

в качестве арендатором выступать могут только физические лица;

каршеринг не может быть связан с предпринимательской деятельностью арендатора;

автомобиль передается во временное владение и пользование;

чаще всего реализуется через мобильное приложение;

---

[1] См.: URAмобиль [Электронный ресурс] URL.: https://uramobil.ru/tariffs/?cities (дата обращения 09.04.2019).

[2] См.: Малиновский М. П., Т. К. Аракелян Каршеринг: проблемы участников и сторон [Электронный ресурс] URL.: https://elibrary.ru/item.asp?id=35670391 (дата обращения 09.04.2019).

по сроку использования каршеринг можно характеризовать как краткосрочную аренду.

Таким образом, по правовой природе договор каршеринга – консенсуальный, двусторонний, возмездный.

Говоря о предмете понятия каршеринга, стоит упомянуть точку зрения Т.А. Бубновской и Ю.Б. Суворова, определяющих каршеринг как договор проката.[1] Определяющим, по их мнению, является тот факт, что такие договоры заключаются с помощью мобильного приложения или сайта. А Шестакова, в свою очередь, считает, что каршеринг стоит квалифицировать как договор краткосрочной аренды автомобиля.[2]

Существует мнение, что каршеринг по своей правовой природе является договором аренды транспортного средства без экипажа. Статья 642 Гражданского Кодекса РФ закрепляет основные признаки такого рода договора – он является консенсуальным, взаимным, возмездным. В данной статье мы уже определили, что договор каршеринга по своей юридической природе таковым и является. Однако различия тоже присутствуют. Статья 643 Гражданского Кодекса РФ гласит, что договор аренды транспортного средства без экипажа предусматривает обязательную письменную форму. А каршеринг, в свою очередь, чаще всего используют мобильные приложения или сайты, на которых арендаторы должны пройти регистрацию и ввести свои паспортные данные, номер водительского удостоверения и т.п.

Еще одним отличием аренды транспортного средства без экипажа от каршеринга является то, что в последнем случает нельзя передавать автомобиль в субаренду. А также арендованный автомобиль не может быть использован в осуществлении предпринимательской деятельности арендатора.

Данные признаки указывают на возможность квалификации каршеринга как договор проката. Это связано с тем, что субъекты, цель договора, объект данных договоров совпадает. Более того, оба этих договора можно квалифицировать как публичные. Однако и тут не все складывается так гладко. Отличительными чертами являются сама форма договора, сроки, а также тот факт, что для проката невозможно возобновление договора на новый срок.

---

[1] См.: Бубновская Т.А., Суворов Ю.Б. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты //Юрист. 2018. № 7. С. 33.

[2] См.: Шестакова Е.В. Сложные вопросы изменений трудового законодательства в 2019 году // СПС «КонсультантПлюс». 2019 (дата обращения: 22.05.2019)

Таким образом, сравнив признаки договора каршеринга с договором проката, а также договором аренды транспортного средства без экипажа, стоит сказать, что, несмотря на ряд сходств, существует ряд нюансов, из-за которых невозможно приравнять каршеринг к какому-либо из указанных договоров. На наш взгляд, данное обстоятельство дает нам возможность говорить о том, что каршеринг – самостоятельный вид договора аренды, имеющий свои отличительные черты и ряд нюансов, отличающих его от других договоров.

УДК 347.2

И.И. РАБОТЯГОВА

научный руководитель
доцент О.М. КУНИЦКАЯ

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ВЛИЯНИЕ

Особое значение в развитии современного государства приобретает проблема правового регулирования инвестиционных отношений. Инвестиционная деятельность является важнейшим элементом экономической политики, а инвестиции – способом достижения экономического роста[1].

Предметом инвестиционных отношений и их правового регулирования выступают инвестиции. От того насколько точно и полно будет определена правовая сущность и содержание данной категории зависит насколько эффективно будут урегулированы соответствующие общественные отношения.

Как нам представляется, решению этой задачи может способствовать всестороннее изучение историко-правового опыта регулирования инвестиционных отношений, критическое переосмысление его влияния на выявление сущности инвестиций и выработку определения.

Учитывая общность исторического развития Республики Беларусь, Российской Федерации и иных государств, в т.ч. в период существования СССР, мы проводим анализ научных трудов соответствующих авторов.

[1] Панков Н.Н. Теоретико-экономические основы инвестиционной деятельности Республики Беларусь // Научные труды Респ. ин-та высшей школы. 2018. — №. 17. — С. 367-381.

Термин «инвестиции» появляется в законодательстве и правовой литературе с начала 90-х гг. XX столетия. Однако сами инвестиционные отношения возникли гораздо раньше. Некоторые исследователи проводят научные работы именно со времени «возникновения отечественных инвестиций – середина XVII в. – конец 90-х гг. XX в., а иностранных инвестиций с середины XVI в. до конца 90-х гг. XX в.[1]

По мнению В.В. Паращенко «в экономике инвестиции получили свое широкое распространение одновременно с зарождением капиталистических отношений» [2]. Примечательно, что авторы, которые связывают исследование проблем развития инвестиционных отношений и их правового регулирования с реализацией государственной инвестиционной политики, приходят к выводу, что и государственное воздействие на нормы права, регулирующие инвестиционные отношения, также берет начало с момента установления капиталистического способа производства [3].

На сегодняшний день в научной литературе нет однозначного мнения по поводу выделения этапов становления и развития инвестиционного законодательства.

Белорусские авторы на основании анализа литературных источников становление и развитие данного законодательства условно делит на три периода: дореволюционный, советский и современный [4].

В.Д. Макаревич, в свою очередь, выделяет этапы развития белорусского инвестиционного процесса: 1) становление инвестиционного законодательства (1991–2000 гг.); 2) развитие ин-

---

[1] Деревякин А.А. Правовое регулирование инвестиционных отношений в России: историко-правовой анализ. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – 22 с.

[2] Паращенко В.В. Основные этапы становления и развития инвестиционного законодательства Республики Беларусь // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф. (21 февр. 2019 г., г. Минск) / УО Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск, 2019. – С. 127-128.

[3] Белицкая А.В. Правовое обеспечение государственной инвестиционной политики. Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018. – 618 с.

[4] Паращенко В.В. Основные этапы становления и развития инвестиционного законодательства Республики Беларусь // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф. (21 февр. 2019 г., г. Минск) / УО Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск, 2019. – С. 127-128.

вестиционного законодательства на основе кодификации (2001–2003 гг.); 3) развитие и совершенствование инвестиционного законодательства (с 2004 г.) [1].

В дореволюционный период (VI – начало XX в.) инвестиционное законодательство, как таковое отсутствовало, не употреблялся и сам термин «инвестиции». В эпоху первоначального накопления капитала купец или промышленник выступал в качестве единоличного деятеля, вкладывающего инвестиции в развитие своего хозяйства. Позднее появились объединения предпринимателей в форме коллективного инвестирования. Возникновение акционерных обществ, созданных с целью совершения крупных торговых операций и торговых морских перевозок, способствовало развитию портфельного инвестирования.

В статутах Великого Княжества Литовского 1529, 1566, 1588 г. нашли свое отражение гражданские правоотношения (об имуществе, видах собственности и т. д.). С середины XIX в. на территории Беларуси было распространено российское законодательство. Свод законов Российской империи 1833 г. регулировал в том числе имущественные отношения. Высказывается мнение, что этот период следует рассматривать в качестве предпосылки возникновения предпринимательского (хозяйственного) права.

До Октябрьской революции 1917 г. инвестиции развивались по двум смежным направлениям: инвестиции в добычу ресурсов и иностранные инвестиции. Инвестиции привлекались в те области, которые вызывали повышенный интерес, в первую очередь, для государства.

В советский период (начало XX в. – 1991 г.) коренным образом изменились отношения собственности. Предпринимательские отношения не получили своего нормативного признания.

Одно из первых упоминаний об иностранных инвестициях содержится в Декрете СНК от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий», где определялись условия применении иностранного капитала для использования естественных богатств РСФСР.

В послевоенное время появлялись зачатки рыночной экономики (рынок денег, товаров и труда), Законом СССР «О государственных предприятиях (объединениях)» 1987 г. вводятся понятия: «полный хозяйственный расчет» и «самофинансирование», закрепляется норма, по которой доход коллектива является источником развития предприятия.

[1] Макаревич В.Д. Понятие и признаки инвестиционной деятельности Республики Беларусь // Промышленно-торговое право. 2012. № 7. С. 82-86.

Термин «инвестиции» в указанный период практически не использовался [1]. Базисным понятием являлось понятие «капитальные вложения». Впоследствии термин «инвестиции» получил более широкое распространение, однако использовался преимущественно для обозначения капитальных вложений, в первую очередь, в материальные активы. В сущности, инвестиции сводились к реальным инвестициям – вложениям в строительство и реконструкцию объектов капитального строительства. В правовой доктрине вслед за экономическими реалиями также разрабатывались проблемы именно реальных инвестиций внутри страны. В условиях плановой экономики говорить об инвестициях в те или иные финансовые инструменты, ценные бумаги не приходилось в связи с отсутствием рынка денежных капиталов, ограничением полномочий юридических и физических лиц по распоряжению активами и круга объектов, в которые могли быть направлены вложения [2].

С момента обретения Республикой Беларусь независимости в 1991 г. берет свое начало современный этап развития инвестиционного законодательства, принятия самостоятельных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы инвестиционной деятельности.

В настоящее время инвестиционное законодательство включает в себя более пятидесяти различных нормативных правовых актов, среди которых: Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях», в котором закреплены понятие, принципы и способы осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь; Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «О концессиях», устанавливающий правовые основы осуществления инвестиций на основании концессий; Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве», направленный на привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь и определяющий правовые условия государственно-частного партнерства, и ряд других нормативных правовых актов, в том числе акты международного права.

Белоруссий законодатель определяет инвестиции как любое имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие

---

[1] Вознесенская Н.Н. Правовое регулирование и защита иностранных инвестиций в России: монография. – М.: ВолтерсКлувер, 2011. – 312 с.

[2] Деревякин А.А. Правовое регулирование инвестиционных отношений в России: историко-правовой анализ. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – 22 с.

инвестору на законном основании, вкладываемые им на территории Республики Беларусь способами, предусмотренными Законом, в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого результата либо в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием. Закон относит к инвестициям: движимое и недвижимое имущество, в том числе акции, доли в уставном фонде, паи в имуществе коммерческой организации, созданной на территории Республики Беларусь, денежные средства, включая привлеченные, в том числе займы, кредиты; иные объекты гражданских прав, имеющие оценку их стоимости (не включая объекты, изъятые из оборота).

Определение инвестиций и их открытый перечень, заложенные в белорусском Законе об инвестициях, содержит в себе достаточно широкий смысл, означая под собой все виды имущественных (материальных) и интеллектуальных (нематериальных) ценностей, а также прав на них.

В Российской Федерации определение инвестиций в настоящее время закреплено в Законе РСФСР от 26 июня 1991 года № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР». Законодатель также придерживается мнения об определении инвестиций через объекты гражданских прав, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта.

В другом основополагающем законе в инвестиционной сфере – Федеральном законе от 9 июля 1999 года № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» инвестиции восприняты российским законодателем как процесс вложения объектов гражданских прав (а не как сам объект гражданских прав).

Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений», историческими предпосылками появления которого стал подход больше характерный для советской правовой науки, где финансовые инвестиции практически отсутствовали, посвящен только реальным инвестициям. То есть знак равенства между инвестициями и капитальными вложениями не ставится и реальным инвестициям противопоставляются финансовые (портфельными) инвестиции, которые носят спекулятивный характер. Законодатель в Федеральном законе от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ

«О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» отказался от включения в нормативные правовые акты определения портфельных инвестиций, однако впоследствии стал использовать категорию «инвестор» применительно к рынку ценных бумаг, то есть в отношении финансовых инвестиций. Также категория «инвестор» стала использоваться в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

О.М. Антипова полагает, что инвестициями являются как реальные, так и финансовые инвестиции. С позиций микроэкономики инвестиции представляют собой вложения частных и государственных субъектов инвестиционных отношений, направленные на производство новой стоимости и на приобретение активов, обладающих свойством возможности их использования в процессе создания новой стоимости, либо предоставляющих возможность получения части новой стоимости, которая будет произведена контрагентом субъекта, осуществляющего вложения, или третьим лицом [1]. Так финансовые инвестиции, не имея прямой направленности на получение мощностей, необходимых для создания новых стоимостей, тем не менее могут привести к такому эффекту.

Отметим, что к настоящему времени выработана следующая система признаков имущества, именуемого инвестициями: 1) всегда принадлежит лицу на вещном или ином праве; 2) отвлекается от целей удовлетворения текущих потребностей за счет иных средств, также, именуемых имуществом; 3) вкладывается в определенные объекты, создание, использование которых позволит получить прибыль и (или) достичь иной значимый эффект (результат), как правило, в будущем; 4) названные цели инвестиций могут быть как предпринимательскими (получение прибыли), так и некоммерческими (достижение иного значимого результата; 5) имущество служит, в первую очередь, удовлетворению интереса того лица, которому оно принадлежит – лица, вкладывающего инвестиции; 6) данное имущество в процессе вложения в определенные объекты часто связано с риском его утраты или утраты дохода (прибыли); 7) имеет оценку стоимости и предназначено (выделено) для внесения в любой не имеющий противоправного характера объект [2].

---

[1] Антипова О.М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности: анализ теоретических и практических проблем. – М.: Волтерс клувер, 2010. – 248 с.

[2] Куницкая О.М. Понятие и правовые формы государственно-частного партнерства, основанного на осуществлении инвестиций. Минск: Право и экономика, 2015. – 277 с.

По итогам проведенного исследования мы приходим к следующим выводам.

Исторические подходы к определению инвестиций и их сущности обусловлены экономические особенности развития той или иной страны.

Появление правовой категории «инвестиции» связано с появлением предпринимательских отношений, которые в свою очередь могут возникать и осуществляться в условиях рыночной экономики. Существенное влияние на их сущность может оказывать реализация государственной инвестиционной политики в определенный исторический период.

Инвестиционное законодательство, специально регулирующее осуществление инвестиций, появляется в том числе с целью отграничения инвестиционных от сходных правоотношений, а также законодательного закрепления понятия «инвестиции».

Различные виды инвестиций, нельзя рассматривать как конкурирующие и их необходимо рассматривать как принадлежащие инвестору на законных основаниях объекты гражданских прав, вкладываемые: 1) в определенные объекты; 2) определенными способами, установленными законодательно; 3) в определенных целях.

УДК 347.4

К.В. СПИРОВА

научный руководитель
доцент Е.П. ГРУШЕВАЯ

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА КАЧЕСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

В систему органов и организаций, осуществляющих защиту прав потребителей на качество и безопасность товаров (работ, услуг), входят и некоммерческие организации. В настоящее время в России в связи с широким распространением нарушений прав потребителей действует достаточно много общественных организаций, союзов, ассоциаций в данной сфере.

Результаты анализа деятельности ряда общественных объединений потребителей свидетельствуют о том, что несмотря на достаточно широкий перечень предоставленных законодателем

полномочий, в основном они занимаются разъяснительной и просветительской работой среди предпринимательских структур и граждан-потребителей. Однако опубликованная на официальных сайтах объединений информация не всегда является актуальной. Например, на сайте Союза потребителей РФ размещен обзор судебной практики только за 2013 год[1]; на сайте Общества защиты прав потребителей Свердловской области последние разъяснения законодательства датированы 2015 г.[2]; «Черный список», в котором перечислены недобросовестные компании, нарушающие права потребителей на качество и безопасность продукции, на сайте Общества защиты прав потребителей Пермского края не обновлялся с 2011 г.[3] Следовательно, систематически деятельность по повышению правовой грамотности населения не осуществляется.

Лишь некоторые из общественных объединений потребителей предпринимают активные действия, направленные на защиту прав потребителей на качество и безопасность товаров (работ, услуг). Так, общественная организация по защите прав потребителей «Общественная потребительская инициатива» выявила на сайте AliExpress многочисленные факты реализации опасных детских товаров. В ходе контрольных мероприятий было закуплено несколько наименований детских товаров, которые были направлены на исследование в региональный центр гигиены и эпидемиологии. Эксперты установили, что на сервисе AliExpress реализуются товары для детей с высоким индексом токсичности. Подобные нарушения могут повлечь аллергии и раздражения слизистых ребенка. После публикации информации о результатах исследований администрация AliExpress удалила страницы с указанными товарами. Более того, представители компании обещали блокировать выдачу в поиске детских товаров, не соответствующих законам России[4].

---

[1] Союз Потребителей Российской Федерации [Электронный ресурс] // Общероссийский союз общественных объединений: офиц. сайт. URL: http://souz-potrebiteley.ru/ (дата обращения 01.03.2020).

[2] Общество защиты прав потребителей Свердловской области [Электронный ресурс] // официальный сайт. URL: http://ozppso.ru/ (дата обращения 01.03.2020).

[3] Черный список [Электронный ресурс] // Общество защиты прав потребителей Пермского края: сайт. URL: http://www.potrebitel59.ru/chernyi-spisok (дата обращения 01.03.2020).

[4] Опасная продукция для детей на AliExpress [Электронный ресурс] // Общественная потребительская инициатива: сайт. URL: http://buyprotect.ru/novosti/168-opasnaya-produktsiya-dlya-detej-na-aliexpress.html (дата обращения 06.02.2020).

Следует отметить, что большое количество общественных объединений потребителей, призванных помогать гражданам, по своей сути являются коммерческими структурами. Услуги зачастую оказываются не на безвозмездной основе. Так, в общественной организации «Общество защиты прав потребителей «Резонанс» минимальная стоимость консультации продолжительностью не более 20 минут составляет 500 руб., анализ договора – от 2000 руб., подготовка претензии – от 2500 руб., представление интересов в суде – от 2500 до 10000 руб.[1], стоимость подготовки и подачи в суд искового заявления в общественной организации потребителей «Диалог» составляет 5000 рублей, участие юриста в суде – по 3000 рублей за каждое заседание[2]. В связи с этим за защитой в такие объединения может обратиться далеко не каждый гражданин-потребитель, пострадавший в результате приобретения товара (работы, услуги) ненадлежащего качества.

Кроме того, распространены случаи злоупотребления некоммерческими организациями по защите прав потребителей своими полномочиями. Недобросовестные сотрудники вместо выполнения важной социальной функции общественного контроля качества и безопасности продукции нередко подменяют свои уставные цели корыстными намерениями по обогащению за счет предпринимателей. Так, производители утверждают, что от общественной организации «Р.О.С.Контроль» поступают предложения провести платные экспертизы, и в случае их отклонения товары попадают в так называемый «черный список», публикуемый на сайте организации[3].

Представители Роспотребнадзора оценили деятельность «Р.О.С.Контроля» как манипулирование потребительским мнением и направили в редакции средств массовой информации письмо с предупреждением о «недопустимости формирования негативного отношения к продукции на основе сомнительной организации»[4]. Информация о результатах исследований, проведенных

[1] Услуги и цены [Электронный ресурс] // ОЗПП «Резонанс»: сайт. URL: http://www.zonaprav.ru/organisation/ (дата обращения 02.03.2020).

[2] Наши услуги [Электронный ресурс] // Межрегиональная общественная организация потребителей «Диалог»: сайт. URL: https://galoba.ru/%d1%83%d1%81%d0%bb%d1%83%d0%b3%b8/ (дата обращения 02.03.2020).

[3] Как производителей заставляют покупать места в рейтингах качества продуктов [Электронный ресурс] // Комсомольская правда: сайт. URL: https://www.spb.kp.ru (дата обращения 01.03.2020).

[4] Бесконтрольный «Росконтроль»: как частная компания манипулирует спросом на продукты питания [Электронный ресурс] // Комсомольская правда: сайт. URL: https://www.spb.kp.ru (дата обращения 22.02.2020).

организацией, периодически поступает в территориальные органы Роспотребнадзора, однако зачастую основания для принятия мер реагирования отсутствуют. Так, в письме Роспотребнадзора от 22 марта 2016 г. № 01/3461-16-29 «О протоколах исследования колбасных изделий, представленных РОО ОЗПП «Росконтроль»[1], указано, что при оформлении протоколов имеются нарушения требований ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий», в том числе нет ссылки на методы отбора образцов, даты получения объекта, отсутствуют сведения о потребительской упаковке продукции, о разъяснении проводившему исследования эксперту ответственности за дачу заведомо ложного заключения. В связи с этим протоколы не могут служить основанием для проведения контрольно-надзорных мероприятий[2].

В 2015 г. Правительством Российской Федерации учреждена автономная некоммерческая организация «Российская система качества» (далее – Роскачество), которая осуществляет независимые исследования качества товаров и публикует их результаты на своём портале[3].

Согласно Регламенту проведения веерных исследований, утвержденному приказом Роскачества № 82/с от 31 октября 2017 г., в течение 5 рабочих дней после подведения итогов веерного исследования информация о результатах испытаний продукции направляется уполномоченным контрольно-надзорным органам государственной власти, которые принимают необходимые меры реагирования.

Например, в ходе проведенного Роскачеством исследования сарафанов в 33 из 75 торговых марок были выявлены нарушения в показателях безопасности. После того, как Роскачество проинформировало об этом территориальные управления Роспотребнадзора, производители были привлечены к административной

[1] В 2018 г. организация изменила наименование с РОО ОЗПП «Росконтроль» на РОО ЗПП «Союз Потребителей «Р.О.С.Контроль».

[2] О протоколах исследования колбасных изделий, представленных РОО ОЗПП «Росконтроль» [Электронный ресурс]: письмо Роспотребнадзора от 22 марта 2016 г. № 01/3461-16-29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об учреждении автономной некоммерческой организации «Российская система качества» [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2015 г. № 780-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ответственности за нарушения требований технического регламента Таможенного союза 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков». По результатам повторного исследования Роскачества доля школьной формы с нарушениями снизилась на 20%[1].

Вместе с тем, по данным Роспотребнадзора, Роскачество направляет результаты не всех исследований. В частности, установлены факты ненаправления сведений о реализации икры, не соответствующей требованиям по показателям качества и безопасности[2]; случаи непредоставления материалов о лабораторных испытаниях образцов детского фруктового пюре, в которых были обнаружены следы пестицидов[3] и др.

Размещение информации о выявленных нарушениях на сайте Роскачества не является основанием для проведения Роспотребнадзором внеплановой проверки[4], поскольку названный сайт не зарегистрирован в качестве средства массовой информации в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»[5]. А информирование средств массовой информации о результатах проведенных испытаний не является одним из этапов веерных исследований[6].

---

[1] Производители школьных сарафанов для девочек устраняют нарушения [Электронный ресурс] // Роскачество: сайт. URL: https://rskrf.ru/news/ (дата обращения 22.02.2020).

[2] О надзоре за качеством и безопасностью продукции водных биоресурсов и икры [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: офиц. сайт. URL: https://rospotrebnadzor.ru (дата обращения 22.02.2020).

[3] Роспотребнадзор обратился в Роскачество из-за пестицидов в детском питании [Электронный ресурс] // РИА Новости: сайт. URL: https://ria.ru (дата обращения 22.02.2020).

[4] Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека государственной функции по проведению проверок деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан по выполнению требований санитарного законодательства, законодательства Российской Федерации в области защиты прав потребителей, правил продажи отдельных видов товаров [Электронный ресурс]: приказ Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 16 июля 2012 г. № 764. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1: текст с изм. и доп., вступ. в силу 1 января 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Об утверждении Регламента проведения веерных исследований [Электронный ресурс]: приказ Роскачества от 31 ноября 2017 г. № 82/с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Из сказанного следует, что на сегодняшний день отсутствует надлежащее системное взаимодействие между мониторинговой организацией и надзорным ведомством. Вместе с тем, сотрудничество посредством взаимного дополнения полномочий можно назвать одним из способов сокращения количества нарушений прав потребителей.

В целях повышения эффективности деятельности органов Роспотребнадзора необходимо установить обязанность Роскачества передавать сведения о результатах исследований в средства массовой информации. В таком случае у органов Роспотребнадзора будут достаточные правовые основания для производства проверок и принятия мер реагирования по фактам допущенных нарушений.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в настоящее время деятельность некоммерческих организаций в сфере защиты прав потребителей недостаточно эффективна. Возможности, которые заложены в законодательстве Российской Федерации, в должной степени не используются. Часть предоставленных законодателем прав в полном объеме не реализуется. При этом использование потенциала некоммерческих организаций в полном объеме может стать важнейшим фактором повышения уровня защищенности прав потребителей.

СЕКЦИЯ III

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА (ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС)

УДК 347.9

О.И. АНДРОПОВА,
Г.А. ГОЛУБЕВ

научный руководитель
доцент М. Ю. ПОРОХОВ

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФССП РОССИИ И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

Порядок организации и деятельности Федеральной службы судебный приставов России (далее – ФССП России) определен Федеральным законом от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», Положением о Федеральной службе судебных приставов, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов», Федеральным законом от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 328-ФЗ). ФССП России подведомственна Министерству юстиции Российской Федерации.

Одной из основополагающих задач ФССП России является организация и осуществление принудительного исполнения исполнительных документов. Именно данный орган должен гарантировать исполнимость вынесенного судебного решения, что особенно важно для взыскателя.

Реалии таковы, что в 2019 году только половина исполнительных производств, возбужденных ФССП России, были прекращены, из них менее половины – исполнением. Из оставшихся неис-

полненных производств только 15 % находятся на исполнении в ФССП России менее 2 месяцев[1]. Кроме того, велики показатели привлечения должностных лиц ФССП России к ответственности: за восемь месяцев 2019 года суды общей юрисдикции удовлетворили 295 исков о возмещении вреда, причиненном действиями судебных приставов-исполнителей, взыскано 377,5 миллиона рублей[2].

Информация об итогах деятельности ФССП России за 2019 год свидетельствует о том, что в отношении 136 федеральных служащих ФССП России, а также граждан, ранее проходивших службу в данном органе, возбуждено 142 уголовных дела по должностным преступлениям (для сравнения: за 2018 год –115 уголовных дел в отношении 112 работников)[3].

По статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2019 год было выявлено более 141 тыс. нарушений законодательства об исполнительном производстве судебными приставами-исполнителями, для устранения которых внесено 10,1 тыс. представлений, опротестовано 66,2 тыс. незаконных постановлений судебных приставов-исполнителей, к дисциплинарной ответственности привлечены 3,4 тыс. лиц, в суд направлено 627 заявлений, к административной ответственности привлечен 121 человек, объявлено 474 предостережения должностным лицам о недопустимости нарушения закона[4].

Приведенные данные подтверждают имеющиеся проблемы в работе ФССП России, которые существуют в неизменном виде многие годы. Процент реального исполнения остается катастрофически низким.

В ежегодных докладах должностные лица ФССП России подчеркивают возросшее количество числа дел в судах, что в свою очередь объясняет возросшее количество принудительного ис-

---

[1] Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России за январь-декабрь 2019 г. – URL: http://fssprus.ru/statistics/ (дата обращения: 24.03.2020).

[2] Приставы усилены. – URL: https://rg.ru/2019/10/03/rg-publikuet-zakon-o-sluzhbe-v-organah-prinuditelnogo-ispolneniia-rf.html (дата обращения: 24.03.2020).

[3] Информация об итогах деятельности Федеральной службы судебных приставов по профилактике и выявлению коррупционных и иных правонарушений в первом полугодии 2019 года. – URL: http://fssprus.ru/2641081/ (дата обращения: 23.03.2020).

[4] В Генеральной прокуратуре Российской Федерации сообщили, что в работе судебных приставов выявили значительное число нарушений. – URL: https://tass.ru/obschestvo/7678021 (дата обращения: 25.03.2020).

полнения[1]. С этим нельзя не согласиться, поскольку по итогам 2019 года в обороте ФССП России находилось около 103 млн. исполнительных производств, что превысило показатель 2018 года на 8 млн[2].

В среднем у одного судебного пристава-исполнителя на исполнении находилось 4,3 тыс. исполнительных производств, что в 16,3 раза превышает норму нагрузки судебного пристава-исполнителя, установленную постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации и Минюста России от 15.08.2002 № 60/1 «Об утверждении норм нагрузки судебных приставов»[3].

Должностной оклад судебного пристава-исполнителя составляет 4 927 рублей, с ежемесячными надбавками к нему от 60% до 90 %, а также за классный чин[4], что явно не соответствует объемам работ и затраченным силам. Неудовлетворенность заработной платой, чрезмерные нагрузки, постоянное нахождение между должником и взыскателем, оказывают неблагоприятное воздействие на работоспособность приставов, на их психоэмоциональное состояние, что объясняет высокую скорость сменяемости кадров. Например, за 9 месяцев 2019 года в УФССП по Белгородской области было принято 46 новых сотрудников, уволено – 77. Текучесть кадров в Управлении составила 14,83 %. В анкетах государственные гражданские служащие назвали причины увольнения: 17,5 % - низкий уровень оплаты труда; 45% - причины личного характера; 5 % - высокие служебные нагрузки; 32,5 % - прочие причины[5].

Существуют и другие причины низких показателей эффективности в работе приставов-исполнителей. Так, ранее Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» не предусматривал обязательного требования по наличию высшего образования к кандидату на указанную должность, а также к стажу службы. Однако при выполнении возложенных задач, судебному приставу-исполнителю требуются знания многих отраслей законодательства.

---

[1] Статистика Федеральной службы судебных приставов показывает, что в России исполнительное производство работает неэффективно. – URL: https://pravo.ru/news/200894/ (дата обращения: 25.03.2020).

[2] Федеральная служба судебных приставов подвела итоги деятельности за 2019 год. – URL: http://fssprus.ru/news/document27622717/ (дата обращения: 25.03.2020).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] О результатах работы УФССП России по Белгородской области за 9 месяцев 2019. – URL: http://r31.fssprus.ru/2594189/ (дата обращения: 24.03.2020).

Безусловно, положение дел не устраивает ни взыскателей, ни органы власти и аппарат ФССП России, поэтому появилась необходимость в реформировании деятельности органов принудительного исполнения. Так, с 01.01.2020 года вступил в законную силу Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В связи с изменениями ФССП России стала полноценной силовой структурой, которая полноправно вошла в систему правоохранительных органов Российской Федерации.

Федеральный закон № 328-ФЗ установил требования об обязательном наличии высшего образования для среднего, старшего и высшего начальствующего составов. Предполагается, что уровень знаний и квалификации судебных приставов-исполнителей должен изменится в лучшую сторону, что повысит эффективность их деятельности. Также установлено основание для отказа в приеме на службу, а именно неоднократное в течение года, предшествующего дню поступления на службу в органы принудительного исполнения, привлечение в судебном порядке к административной ответственности, за умышленно совершенные административные правонарушения.

По результатам реформы, денежное содержание судебных приставов должно возрасти. Так по расчетам разработчиков проекта, средний оклад судебных приставов в 2020 году вырастет с 49,1 тысячи рублей до 58,1 тысячи рублей, а также казна дополнительно выделит в будущем году более 6,2 миллиарда рублей. Изменится пенсионное обеспечение[1].

Одни эксперты предполагают, что принятый закон позволит повысить социальную защищенность сотрудников ФССП России, укрепит кадровый состав ведомства, тем самым позволит службе эффективнее решать возложенные задачи, а другие считают, что Федеральный закон № 328-ФЗ не сможет кардинально улучшить существующую обстановку.

Имеются иные пути решения низкой эффективности деятельности приставов. Например, для предотвращения чрезмерной нагрузки и текучести кадров необходимо ввести институт наставничества, а именно закреплять за новым сотрудником опытного

[1] Погоны вне игры. – URL: https://rg.ru/2020/01/29/fssp-utverdila-poriadok-proverki-na-poligrafe-kandidatov-vpristavy.html (дата обращения: 26.03.2020).

куратора, который будет ему помогать на протяжении испытательного срока, консультировать по возникающим вопросам[1].

Другие авторы предлагают возродить старую систему премиального вознаграждения приставов, чтобы бороться с низкой заработной платой[2]. За свою работу они будут получать отчисления в виде процента от суммы долга, которые будут выплачиваться приставам только за полное или частичное исполнение исполнительного документа.

Некоторые исследователи, например, Залевская О. С., отмечают, что система оценки работы, принятая в ФССП России, поощряет взыскание «мелких», однотипных долгов, производство по которым полностью автоматизировано и не требует «очной» работы с должником, а также не стимулирует работу с крупными долгами. В связи с чем предлагается изменить существующую систему, сделав приоритетным показателем эффективности валовую сумму взысканий. Однако, это может породить новую проблему. Так, судебные приставы-исполнители будут обращаться внимание только на производства с большой суммой взыскания. Выходом может стать реформирование существующей системы оценки их работы, сочетающей как количественный показатель выполненной работы, так и валовую сумму взысканий.

Альтернативным решением может стать создание института частных судебных приставов[3]. Среди российских юристов есть много приверженцев данной идеи: А.Г. Рубцов, В.В. Захаров, В.В. Ярков. Такой переход должен способствовать сокращению расходов государства на финансирование аппарата исполнения, поскольку частным приставам необходимо будет получить лицензию на указанный вид деятельности. Такие системы успешно функционируют во Франции, Италии и в Нидерландах. Отличительной особенностью является то, что частный судебный исполнитель является свободным профессионалом, самостоятельно организующим свою деятельность и несущим имущественную ответственность за результаты своей работы[4]. Предполагается,

[1] Залевская О.С Специфика гражданской службы в государственных органах Российской Федерации и оценка ее эффективности. – 2018. – С. 187.

[2] Арзамасцев Н.И. Особенности полномочий судебных приставов-исполнителей. – 2019. – С. 114.

[3] Ткаченко В.В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов. – 2018. – С. 33.

[4] Система принудительного исполнения зарубежных государств. – URL: http://fssprus.ru/inter_razdel11 (дата обращения: 26.03.2020).

что частные приставы займутся взысканиями в пользу юридических лиц, а за ФССП России останется взыскание задолженностей в пользу госорганов и физических лиц[1].

Таким образом, на сегодняшний день статистика показывает низкий уровень эффективности деятельности ФССП России. Подчеркнем, что от качества деятельности органов принудительного исполнения зависит состояние правопорядка в стране. По мнению авторов статьи, предложенная законодателем реформа деятельности ФССП России является одним из путей решений проблемы, однако, существующую систему стоит продолжать совершенствовать, обращаясь к зарубежному опыту, а также к предложениям научного сообщества.

УДК 347.9

Я.В. БАКАНОВА,
А.В. НАРДИНА

научный руководитель
доцент М.Ю. ПОРОХОВ

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

С возрастанием нагрузки на систему судов общей юрисдикции возникает необходимость ее модернизации, внедрения новых технологий, которые бы способствовали обеспечению открытости и прозрачности правосудия, его доступности, эффективности рассмотрения дел, экономии времени. Важнейшим элементом такого развития является электронное правосудие, ставшее неотъемлемой частью судебной системы ряда мировых держав.

Так, согласно данным представленным на 1-ой международной конференции по онлайн-судопроизводству, прошедшей в Лондоне в 2018 г., 63 % всех заявлений на развод британцы подают по интернету, в Канаде более половины гражданских споров рассматриваются с 2017 г. в виртуальном трибунале, а в

[1] Минфин согласился на появлении в России частных судебных приставов. – URL: https://www.rbc.ru/economics/15/01/2020/5e1d7c8c9a794731d1c8ab7b (дата обращения: 25.03.2020).

Германии для проверки заявлений и прилагаемых к нему документов создана специальная система «Online-Mahnanrtag»[1].

Что представляет собой электронное правосудие в Российской Федерации? Согласно Концепции развития информатизации судов, электронное правосудие — способ осуществления правосудия, который основывается на использовании информационных технологий, позволяющих применять в судопроизводстве безбумажный обмен информацией в электронно-цифровом виде между всеми участниками судебного процесса[2]. К используемым в гражданском процессе технологиям относятся системы аудио- и видеозаписи, видеоконференцсвязи, электронная форма судебного приказа, электронный вариант подачи заявлений и документов, прилагаемых к ним, др. Проанализируем реализацию использования некоторых элементов электронного правосудия.

Одним из проблемных вопросов является извещение участников процесса о судебном заседании с использованием современных информационных технологий. Их разновидностью, согласно п. 36 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», являются СМС-уведомления, применение которых вызывает немало дискуссий. Положительные аспекты в работе суда связывают с ускорением их работы и экономией времени. Выделяются преимущества и для участника гражданского процесса: коммуникабельность, возможность при необходимости быстро найти информацию в телефоне[3], а также добровольность, заключающаяся в даче участником в письменной форме своего согласия на получение от суда уведомлений при помощи СМС-извещений на определенный номер. Однако после отправления сообщения на указанный номер риск неполучения ложится на участника, а обязанность суда по надлежащему извещению является исполненной. Данное положение не соот-

[1] Мировой опыт развития электронного правосудия. – URL: https://malina-group.com/virtualnoe-pravosudie-ili-elektronnyj-sudya-ostavit-sudej-bez-raboty/ (дата обращения: 08.03.2020).

[2] Концепция развития информатизации судов до 2020 года: утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 19.02.2015. № 439. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Саврасова Л.Н., Мешалкина А.В. Извещение участников гражданского судопроизводства с применением информационных технологий // Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 6. – С. 162.

ветствует ст. 113 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее - ГПК РФ), из которой следует, что уведомление должно фиксировать не только факт судебного извещения, но и факт его вручения. А в случае с СМС-извещением зафиксировать факт вручения конкретному лицу невозможно, в отличие, например, от заказного письма[1].

Электронное уведомление участников судопроизводства возможно и посредством e-mail-извещений. По аналогии с СМС-уведомлениями, оно осуществляется на добровольной основе путем дачи согласия в письменной форме. В случае отсутствия согласия или необходимости направить участнику документы или материалы, e-mail-извещение может являться лишь дополнением к другим способам извещения. Фиксирование факта направления и получения адресатом e-mail-писем происходит путем их распечатывания и приобщения к материалам дела[2]. Однако применение данного элемента электронного правосудия связано с информационными рисками: e-mail-письмо может попасть в «Спам» либо вследствие огромного потока ненужных писем в электронной почте лицо может не заметить извещение от суда. Так же существует и вероятность прочтения извещения не адресатом вследствие взлома, иных причин[3]. В целом система электронных извещений является целесообразным нововведением, гарантирующим процессуальные права лиц, участвующих в деле. Но для обеспечения снижения уровня рисков ненадлежащего извещения необходимо закрепить в ст. ст. 35 и 113 ГПК РФ обязанность адресата сообщить суду о получении электронного извещения тем же способом, которым получил такое извещение.

Другим аспектом электронного правосудия является применение видеоконференцсвязи (далее - ВКС). Её использование в гражданском процессе направлено на обеспечение доступности правосудия, а также облегчения предоставления доказательственной информации. В соответствии с ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ,

---

[1] Алексеев А.А. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 2. – С. 14.

[2] Гришанина Е.М. Возможность использования информационных технологий для извещения участников гражданского судопроизводства / Е.М. Гришанина // Право и суд в современном мире. Часть 3. М. – 2016. – №5. – С. 136.

[3] Молева Г.В., Гуськов Д.А. Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве // Научные тенденции: юриспруденция. СПб. – 2018. – С. 15.

при наличии в судах технической возможности осуществления ВКС лица, участвующие в деле, их представители, свидетели, эксперты, специалисты, переводчики могут участвовать в судебном заседании путем использования систем ВКС при условии заявления ими ходатайства об этом или по инициативе суда. Однако законодатель не дает разъяснения термину «техническая возможность». Поэтому в юридической литературе предлагается проводить аналогию с арбитражным законодательством, в котором под технической возможностью понимается наличие в суде исправной системы ВКС и объективной возможности провести судебное заседание данным способом в пределах установленного законом срока рассмотрения дел[1]. Несовершенство регулирования применения ВКС проявляется и в отсутствии в ГПК РФ, в отличие от АПК РФ, оснований отказа в удовлетворении ходатайства судом. Поэтому необходимо закрепить перечень таких оснований. Законодатель не предусмотрел и возможность обжалования определения суда об отказе в применении ВКС, что может привести к невозможности продолжения движения дела. Например, если лицо не имеет объективной возможности прибыть на место рассмотрения спора по причине неспособности к передвижению, содержания под стражей и т.д.[2] Несмотря на названные недостатки, применение ВКС позволяет избежать экономических затрат, связанных с проездом от места жительства (нахождения) до суда, сократить сроки судебного разбирательства[3]. Также предполагается, что онлайн-сервис «Госуслуги», пользующийся популярностью у населения, станет информационной платформой для системы ВКС: посредством него участники дела смогут выполнить онлайн-подключение к судебному заседанию.

---

[1] О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»: Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Ишонина А.С., Лапаев И.С. Проблемы законодательного регулирования порядка применения систем видеоконференц - связи в гражданском судопроизводстве // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LX междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК. – 2016. – № 4(55). – С. 14-15.

[3] Вейнгольд М.П. Перспективы использования видеоконференцсвязи в гражданском процессе // Евразийский союз ученых. М. – 2015. – № 1-2 (18). – С. 154-155.

Важное значение в осуществлении онлайн-правосудия играет Государственная автоматизированная система «Правосудие» (далее - ГАС «Правосудие»), являющаяся элементом «единого информационного пространства»[1]. Данный сервис позволяет определить истцу суд для подачи заявления, при помощи интерактивного помощника составить требование по иску, рассчитать и оплатить государственную пошлину, существенно повышает оперативность сбора и оформления судебных материалов при подготовке, слушании дел. Но на практике проявляются и его недостатки. Поэтому, по данным Минкомсвязи, в 2020 г. в пилотном режиме, а в 2022-2024 гг. полноценно, будут запущены 25 суперсервисов, в т.ч. «Правосудие онлайн» – модернизированный аналог ГАС «Правосудие», который предоставит «возможность ознакомления с материалами дела и удаленное участие в судебных заседаниях»[2]. Предпосылкой указанных нововведений, по словам руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ Онищенко В., является проект института «интернет-судей», рассматривающих дела удаленно в режиме онлайн. Полагаем, реализации будут препятствовать техническая необеспеченность судов, отсутствие навыков и большая загруженность сотрудников. Кроме того, возникает вопрос об осуществлении принципа непосредственности исследования доказательств.

Таким образом, развитие электронного правосудия в гражданском процессе имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Недостаточная проработанность законодательной основы, отсутствие необходимого технического оснащения судов и т.д. приводят к невозможности в полной мере применять существующие цифровые технологии. В то же время их применение позволяет не только ускорить рассмотрение дел в судах общей юрисдикции, но и повысить уровень доступности правосудия. Не рассмотренные нами вопросы использования электронных доказательств, вынесения электронных решений судами также имеют острую проблематику, поэтому должны подлежать более детальному изучению.

[1] Об информатизации судов: Постановление совета судей Российской Федерации от 11.04.2002 № 75. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Суд в режиме онлайн. – URL: https://fi»ance.rambler.ru/other/43264080/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 14.03.2020).

УДК 347.9

М.Г. БУБЁНОВ,
Д.А. ДАНИЛОВ

научный руководитель
профессор Н.А. ВАСИЛЬЧИКОВА

ВСТУПЛЕНИЕ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ

В правовой теории в узком смысле принято понимать законность как точное и неуклонное соблюдение и исполнение требований правового закона всеми субъектами прав.

В юридической литературе чаще всего встречается подход, согласно которому в качестве основных факторов обеспечения законности и реализации режима законности выступают т.н. «гарантии», которые трактуются как специальные меры, посредством которых обеспечивается реализация правовых норм. Традиционно в юридической литературе выделяют две большие группы гарантий: общие и специально-юридические.

В деятельности по обеспечению законности большую роль играют органы прокуратуры Российской Федерации, наделенные значительным количеством полномочий, которые используются ими для реализации надзорных и ненадзорных функций.

Одной из специальных гарантий законности выступает закрепленное ч. 5 ст. 52 АПК РФ право прокурора вступать в дело, рассматриваемое арбитражным судом по заявлению иного лица, на любой стадии арбитражного процесса в целях обеспечения законности.

Стоит отметить, что если прокурор участвует в деле на основании поданного им иска, то вступить в процесс в целях обеспечения законности он уже не может. Иными словами, совмещение двух форм не допускается.

Пункт 7 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 7 июля 2017 года № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном процессе» ориентирует прокуроров получать актуальную информацию о рассмотрении дел, требующих вступления прокурора в арбитражный процесс в целях обеспечения законности из «обращений граждан, юридических лиц, органов власти, из СМИ, в ходе надзорной деятельности».

Также стоит отметить, что современные технологии и достижения прогресса позволяют, сохраняя бумажный документооборот, провести информатизацию и начать документооборот

в электронной среде (посредством сети Интернет), тем самым оптимизировать ход арбитражного процесса, сделать судопроизводство более доступным, удобным для лиц, участвующих в процессе, и самого суда.

Для прокурора положительный эффект выражен в части постоянного мониторинга дел, принятых к производству судом и затрагивающих публичные интересы, и своевременного принятия решений о необходимости вступления в дело в целях обеспечения законности. Так, прокуроры все активнее обращают свое внимание на изучение информационной базы арбитражных дел, находящихся в производстве, на сайте «Мой Арбитр».

Порядок вступления прокурора в процесс законодательно не урегулирован. Заявление или ходатайство прокурора о вступлении в процесс направляется в арбитражный суд, что допускается на любой стадии арбитражного процесса.

Оценивая правильность использования понятий «заявление» и «ходатайство», а также исходя из положений информационного письма Генерального прокурора Российской Федерации, правил юридической техники и правовой природы рассматриваемых документов, можно с уверенностью сказать, более корректным будет термин «заявление».

Исходя из п. 7 Приказа № 473 прокуроры ориентированы на то, что при решении вопроса о вступлении в уже начатый другими лицами процесс по категориям дел, поименованным в ч. 1 ст. 52 АПК РФ необходимо исходить из его актуальности и сложности. Следует сказать, что обязанность по информированию прокуроров о делах, требующих прокурорского вмешательства со стороны арбитражного суда отсутствует, поэтому информацию прокуроры получают из обращений граждан, юридических лиц, органов власти, из СМИ, а также в ходе надзорной деятельности.

По результатам рассмотрения заявления прокурора и приняв положительное решение, арбитражный суд выносит определение о вступлении в дело прокурора (ст. 184 АПК РФ). С этого момента прокурор приобретает процессуальные права и несет обязанности лица, участвующего в деле (ст. 41 АПК РФ), с определенными исключениями.

Так, прокурор не дает объяснений по вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, и не участвует в прениях. Но, тем не менее, на прокуроре лежит обязанность по соблюдению требований закона всеми участниками процесса, а также содействию арбитражному суду в выяснении всех обстоятельств дела.

Вступление прокурора в дело возможно только по инициативе самого прокурора. АПК не предусматривает возможность привлечения к участию прокурора по инициативе арбитражного суда, а также случаев прямого предписания о рассмотрении дел с обязательным участием прокурора.

Вступив в процесс, прокурор не обязан давать заключение по делу, исходя из формулировки ч. 5 ст. 52 АПК РФ. Однако логичным и обоснованным видится применение аналогии с гражданским процессуальным законодательством, поэтому считаем необходимым в перспективе рассмотреть вопрос о внесении соответствующих изменений в ч. 5 ст. 52 АПК РФ, так как требуется унификация законодательства по такой форме участия прокурора в деле как дача заключения.

Указанный нами довод подтверждается материалами судебной практики. Так, «в деле о признании недействительным распоряжения Правительства Российской Федерации, рассматриваемом Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, старший прокурор Генеральной прокуратуры Российской Федерации выступила с заключением по предмету заявленного требования».

Требования, предъявляемые к такой форме участия прокурора в арбитражном процессе как вступление в дело в целях обеспечения законности, законодательно не закреплены. Однако, в любом случае, высказывание позиции прокурора в ходе судебного разбирательства должно быть логичным, основанным на нормах материального и процессуального права, все предложения и выводы прокурора – однозначными и основаны на анализе и оценке конкретных доказательств.

Вопрос реализации участия прокурора в деле в целях обеспечения законности рассматривался Европейским Судом по правам человека, где подтверждается возможность реализации данной формы участия прокурора без нарушения принципа баланса частных и публичных интересов.

Участвуя в арбитражном процессе в защиту публичных интересов на основании ч. 5 ст. 52 АПК РФ, прокурор в силу должностного положения обязан активно участвовать в рассмотрении дела, отстаивать правовую позицию. Положительный эффект усматривается в том, что по результатам участия в деле прокурор уже располагает сведениями о законности и обоснованности решений и законности определений арбитражного суда и может своевременно реализовать право, при наличии соответствующих оснований, на обжалование таких актов.

УДК 347.9

А.М. МАКСИМОВ

научный руководитель
кандидат юридических наук
Н.В. ТРУШАНОВА

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПРОКУРОРА ПО ДЕЛУ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу является предметом многолетних дискуссий. Прежде всего, некоторые процессуалисты высказывают мнение о нецелесообразности и даже бессмысленности существования такой формы. Подобный подход не учитывает цель дачи прокурором заключения по делу, которая и обуславливает высокую значимость такой формы участия.

ГПК РФ (ч. 3 ст. 45) предусмотрено, что прокурор вступает в процесс и дает заключение в целях осуществления возложенных на него полномочий, но такая формулировка едва ли отражает сущность данного института. Так, Васильчикова Н.А. считает, что заключение прокурора не только содействует вынесению законного и обоснованного решения, но и гарантирует осуществление задач гражданского судопроизводства[1].

Дополняет обозначенные позиции Токарева Е.В., справедливо полагая, что оказание содействия суду не является единственной целью дачи заключения[2]. Прокурор одновременно с законоохранительной функцией в данном случае осуществляет еще и правоохранительную функцию. Тем самым под защитой оказываются не столько закон и законность, сколько права, свободы и законные интересы лица в целом.

Таким образом, цель участия прокурора в форме дачи заключения по делу непосредственно связана с концепций публичного интереса, который направлен на обеспечение законности, а также косвенно на реализацию частных интересов путем защиты прав и свобод граждан.

---

[1] Васильчикова Н. А. Участие прокурора в гражданском процессе по отдельным категориям дел: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2008. – С. 19.

[2] Токарева Е.В. Защита Токарева Е. В. Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе: дис. канд. юрид. наук: 12.00.15. – СПб. – 2015. – С. 159.

Такая постановка цели неизбежно порождает вопрос о пределах участия прокурора в гражданском производстве в данной форме. Необходимость дачи заключения в той или иной категории дел, прежде всего, должно быть поставлено в зависимость от целевой направленности деятельности прокурора – защиты публичного интереса в широком смысле. При этом публичный интерес, как и любая другая оценочная категория, не может быть охвачен точечным указанием законодателя, как это предусмотрено ч. 3 ст. 45 ГПК РФ и другими федеральными законами. Данный факт в совокупности с подвижностью и изменчивостью рассматриваемой категории диктует необходимость и даже целесообразность расширения пределов участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения до любых дел, разрешение которых затрагивает публичные интересы. И, несмотря на то, что в юридической литературе предлагается множество вариантов расширения перечня дел, рассматриваемых с обязательным участием прокурора, такой перечень можно продолжать до бесконечности, что, в сущности, не решает проблемы.

Примечательное решение предлагает Токарева Е.В по аналогии со ст. 47 ГПК РФ[1] – помимо законодательного закрепления конкретного перечня дел с обязательным участием прокурора наделить суд правом по своей инициативе привлекать к участию в деле прокурора для дачи заключения в целях защиты публичного интереса. При этом судейское усмотрение будет ограничено целевой направленностью участия прокурора в форме дачи заключения по делу, а наиболее значимые категории дел – прямо указаны в законодательстве. По нашему мнению, предложенное решение определенно несет в себе потенциал и должно быть принято во внимание законодателем.

Вместе с тем, идея расширения пределов участия прокурора в гражданском судопроизводстве в данной форме воспринята не всеми. В данном контексте целесообразно упомянуть международную практику. Во-первых, вступление прокурора в начатый процесс должно соответствовать принципам исключительности и специального назначения, в соответствии с которыми участие прокурора в гражданском судопроизводстве допустимо только в особых случаях (под этим международное сообщество понима-

[1] Там же. С. 168-171.

ет, в том числе, необходимость защиты публичных интересов)[1]. Во-вторых, как указал ЕСПЧ, в случае дачи заключения по делу прокурор выступает «в качестве amicus curiare – юридического консультанта суда, в чьей объективности и беспристрастности никто не сомневается», поскольку «он находится как бы над спором сторон по делу»[2].

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу как институт не лишено и других проблем, которые во многом связаны с недостаточным нормативным регулированием. Так, ни ГПК РФ, ни другие нормативные правовые акты не раскрывают понятие «заключение прокурора». Проанализировав существующие в научной литературе определения, осмелимся предложить собственный вариант такового. По нашему мнению, заключение прокурора – это направленное на оказание содействия суду и защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства, основанное на правовой оценке фактических обстоятельств дела и представленных по нему доказательств, а также внутреннем убеждении мотивированное мнение прокурора о том, как должно быть разрешено дело.

ГПК РФ также не содержит требований к форме заключения. В связи с этим, можно согласиться с Васильчиковой Н.А. в том, что оно может быть как устным, так и письменным[3]. Учитывая значимость заключения прокурора, письменная форма целесообразна в случаях правовой и фактической сложности рассматриваемого дела. Это позволит прокурору более взвешено оценивать фактические обстоятельства дела и представленные доказательства, без спешки подготовить заключение. В свою очередь у суда появится возможность более детально ознакомиться с мотивированным мнением прокурора. Но если прокурор способен устно дать полноценное заключение (что вполне возможно в однотипных, не вызывающих затруднений делах), то нет смысла требовать от прокурора соблюдения письменной формы.

---

[1] Заключение Европейской Комиссии за демократию через верховенство права (Венецианской комиссии) № 340/2005 «О Российской Федерации»: (Страсбург, 10 – 11 июня 2005 года). – URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2005)014-e.

[2] Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 февраля 1996 г. по делу «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии» (жалоба № 19075/91) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. В. 2 т. Т. 2. Москва: Норма. – 2000. – С. 174 - 181. (Извлечение). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Васильчикова Н. А. Указ. соч. С. 19.

В связи с письменной формой заключения процессуалистами также обоснованно высказывается позиция о целесообразности предоставления прокурору перерыва для подготовки заключения на случай, если, оценив доводы лиц, участвующих в деле, прокурор изменил свое мнение по тому или иному вопросу. Сказанное вызывает необходимость дополнить ст. 169 ГПК РФ основанием, в соответствии с которым суд вправе отложить разбирательство дела по ходатайству прокурора для подготовки заключения по делу. Разрешая такое ходатайство, суд, в первую очередь, должен оценивать правовую и фактическую сложность дела, а также добросовестность заявленного прокурором ходатайства. При этом логично в целях исключения возможности затягивания разбирательства сделать такой срок ограниченным.

Интересную судебную практику на этот счет приводит Алиева И.Д.[1] Так, Определением Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ решение суда нижестоящей инстанции было отменено и дело направлено на новое рассмотрение в силу того, суд необоснованно оставил без рассмотрения и удовлетворения ходатайство прокурора об объявлении перерыва в судебном заседании для подготовки заключения по делу, лишив, по существу, прокурора права на дачу заключения.

В отличие от ГПК РФ, который не предусматривает указаний насчет содержания заключения прокурора, в юридической литературе эта тема освещена довольно широко в работах. Например, Исаенкова О. В. и Григорьев А. Н. полагают, что применительно к исковому производству заключение должно содержать: изложение сущности требований истца; изложение возражений ответчика; анализ фактических обстоятельств, установленных в ходе судебного разбирательства; анализ доказательств; вывод о применении закона; предложение о разрешении иска: удовлетворить полностью или частично, отказать в иске, прекратить производство по делу и т. п.[2]

Кроме того, Корулина Ю.В. в своих работах приводит структуру заключения прокурора, которое условно состоит из четырех частей: обращения к суду и лицам, участвующим в деле; описательная, мотивировочная и резюмирующая части. При этом, как справедливо указывает автор, прокурор в заключении должен

[1] Алиева А.Д. Указ. соч. С. 88.

[2] Исаенкова О. В., Григорьев А. Н. Участие прокурора в исковом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – №3. – С. 9-10.

«исчерпывающе высказаться по всем заявленным требованиям, не допуская альтернативы и не оставляя решение вопроса «на усмотрение суда»[1].

В целом же, в научной литературе можно отметить единство подходов к содержанию заключения прокурора, которое с учетом своей специфики так или иначе отражает содержание решения суда (ст. 198 ГПК РФ). Данный факт, по нашему мнению, вполне закономерен в контексте целевой направленности заключения прокурора.

Остается открытым вопрос о том, каким образом оформляется вступление прокурора в уже начатый процесс. Прежде всего, необходимо отметить, что сегодня суд не наделен правом самостоятельно привлекать прокурора к участию в деле. При этом нельзя рассматривать вступление прокурора в процесс для дачи заключения и как право в его чистом проявлении, так как, говоря о правах того или иного органа, стоит иметь в виду их неразрывную связь с обязанностями, характеризующую в целом соответствующее полномочие. Обязанность прокурора участвовать в рассмотрении дел, указанных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, вытекает из компетенции прокуратуры, установленной федеральным законодательством и подкрепляемой ведомственными организационно-распорядительными актами.

Такая постановка вопроса, с одной стороны, свидетельствует об активной роли прокурора по вступлению в инициированный другими лицами процесс, посредством которой прокурор обретает статус лица, участвующего в деле. Но, с другой стороны, даже проявляя пассивность, прокурор, тем не менее, обретает статус лица, участвующего в деле. Такое утверждение подтверждается устоявшейся судебной практикой, основанной на позициях Верховного Суда Российской Федерации. Это, в свою очередь, опровергает доводы тех процессуалистов, которые полагают, что вступление прокурора в начатый другими лицами процесс должно оформляться соответствующим определением суда.

Перечисленные выше факты свидетельствуют о том, что прокурор в данном случае – лицо sui generis, его участие в деле вытекает из самого закона и стоящей перед прокуратурой цели, а вступление в процесс не требует специального оформления. Именно поэтому вызывает недоумение позиция законодателя, согласно которой неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, не является препятствием к разбирательству дела.

[1] Корулина Ю.В. Указ. соч. С. 74-75.

И все же, данная проблема не является до конца решенной и требует дальнейшего теоретического осмысления. При этом стоит согласиться с мнением Васильчиковой Н.А., что особую значимость здесь имеет надлежащее извещение прокурора о времени и месте судебного заседания[1].

Подводя итог, еще раз отметим, что институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу не лишен проблем теоретического и практического характера. Эти проблемы связаны, прежде всего, с отсутствием должного внимания законодателя к вопросам правового регулирования дачи прокурором заключения. Представленные в работе предложения призваны повысить эффективность рассматриваемого института, значение которого трудно переценить. Однако, нельзя отрицать, что участие прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу требует дальнейшей теоретической разработки.

УДК 347.9

В.С. МАШАНОВА,
А.С. РОМАНОВ

научный руководитель
доцент М.Ю.ПОРОХОВ

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ГРУППЫ ЛИЦ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Конституция Российской Федерации в ст. 46 гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод[2]. На современном этапе развития российской экономики, в связи с усложнением складывающихся общественных отношений, имеют место новые ситуации нарушения права. При этом остается проблема ответственности за правонарушения, допущенные хозяйствующими субъектами, в тех случаях, когда неправомерные действия нарушают интересы широкого круга лиц.

[1] Васильчикова Н. А. Указ. соч. С. 18.

[2] Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12.12.1993. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В связи с этим, изучение института защиты прав определенной группы лиц является актуальным вопросом не только в теории арбитражного процесса, но и в практике применения норм законодательного регулирования этого механизма защиты нарушенных прав и охраняемых интересов.

Отсутствие правоприменительной практики заставляет задуматься о целесообразности существования данного инструмента защиты прав, а также отражает пробелы и несовершенства существующего порядка регулирования механизма защиты прав определенной группы лиц.

Федеральным законом № 191-ФЗ от 18.07.2019г. в Арбитражный Процессуальный Кодекс были внесены изменения, которые, по мнению теоретиков, повлекут существенную популяризацию института группового иска в арбитражном судопроизводстве.

В 2010 году в АПК РФ была включена глава 28.2 «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц» с целью упрощения процедуры защиты схожих правоотношений, а также для реализации принципа процессуальной экономии: введение института защиты прав определенной группы лиц должно было значительно снизить нагрузку на арбитражные суды.

Редакция АПК РФ, действовавшая до октября 2019 года предусматривала следующие особенности защиты прав и интересов группы лиц: группой лиц признавались не менее 5 субъектов единого спорного материального правоотношения, данная группа лиц имела право на обращение в суд с целью защиты нарушенных прав и законных интересов по трем категориям споров: к ним, в соответствии с положениями статьи 225.12 АПК РФ были отнесены корпоративные споры, споры, связанные с осуществлением деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также любые иные споры, отвечающие требованиям статьи 225.10 АПК. Лицо, обратившееся в суд в интересах определенной группы лиц, действовало без доверенности, пользовалось всеми правами, исполняло процессуальные обязанности истца. субъекты, чьи интересы отстаивал представитель, правами и обязанностями стороны, участвующей в деле, а именно истца, не наделялись. Закон предусматривал возможность замены лица-представителя в двух случаях: отказ представителя от иска и в случае обращения большинства (не указано, какого) лиц, присоединившихся к коллективному иску, при наличии серьезных оснований для прекращения полномочий представителя. Глава 28.2 не регламентировала порядок исполнения судебного решения в слу-

чае удовлетворения группового иска – это означает, что законодательно не закреплялись какие-либо гарантии соразмерного возмещения вреда/удовлетворения требований в заявленном размере[1].

Основная специфика института группового иска заключалась в порядке присоединения иных субъектов того же спорного материального правоотношения, а также правовой статус присоединившихся лиц. Для того, чтобы получить возможность реализовать свое конституционное право на судебную защиту, используя инструмент коллективного иска, лицо, являющееся субъектом спорного материального правоотношения, могло присоединиться к предъявляемым исковым требованиям после публичного опубликования предложения о присоединении в СМИ или после получения сообщения, направленного по почте. Решение о размещении публичного предложения принимается судом в ходе подготовки к судебному разбирательству по групповому иску. О том, что представитель должен публично уведомить возможных потенциальных участников судебного разбирательства, указывается в определении суда. Несмотря на столь детальное регламентирование процесса присоединения к заявленным требованиям, процессуальное положение присоединившихся субъектов оставалось неразъясненным. В соответствии с ч.3 ст. 225.16 АПК РФ присоединившиеся субъекты группового иска имели право на ознакомление с материалами дела, а также делать из них выписки, снимать копии. Иные процессуальные права, характерные для рассматриваемой категории присоединившихся субъектов главой 28.2 предусмотрены не были.

Также необходимо отметить, что, если субъект спорных материальных правоотношений не воспользовался правом на присоединение к требованиям о защите прав и интересов группы лиц, он теряет право на обращение в арбитражный суд в индивидуальном порядке. Это положение законодательства не согласуется с принципом диспозитивности, а также с конституционным правом на судебную защиту. По общему правилу, судебное решение не может влиять на права лиц, со стороны которых отсутствовало волеизъявление о судебной защите нарушенных прав.

Предполагалось, что новый институт станет широко применяемым инструментом для защиты прав определенных групп лиц, однако новелла в законодательстве не прижилась, по прошествии

[1] Арбитражный Процессуальный Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9 лет можно сделать вывод, что малочисленное количество судебной практики является идентификатором неэффективности данного процессуального инструмента.

Чтобы продемонстрировать неопределенность судебной практики применения института группового иска, обратимся к разбирательству по делу № А40-106587/11-6-913, материалы которого дошли до Высшего Арбитражного Суда.

Истец-представитель и присоединившиеся к заявленным требованиям физические лица являлись учредителями общих фондов банковского управления, созданных путем аккумулирования имущества учредителей. Отношения участников спорных правоотношений были урегулированы самостоятельными договорами присоединения в отношении различных фондов. Указанная группа лиц требовала взыскать убытки, причиненные в результате ненадлежащего исполнения банком положений договора доверительного управления имуществом. Суд первой инстанции прекратил производство по делу, так как счел, что данный спор не относится к компетенции арбитражного суда в связи с отсутствием у истца статуса индивидуального предпринимателя, характера правоотношений; самостоятельные договоры, заключенные между истцом, присоединившимися лицами с одной стороны, и ответчиком с другой, не являются основанием для признания объединившихся лиц «группой». Определением ВАС РФ от 20.07.2012 дело было передано в Президиум для рассмотрения в порядке надзорного производства, так как участие представителя и присоединившихся лиц в общих фондах банковского фонда имеет своей целью получение прибыли, что позволяет квалифицировать такую деятельность в качестве экономической - данный спор относится к компетенции арбитражных судов. Постановлением суда надзорной инстанции решение первой инстанции было отменено, дело направлено на новое рассмотрение в соответствующий суд[1].

В связи с этим, авторы Концепции единого гражданского процессуального кодекса в 2015 году, основываясь на научных работах, судебной практике, а также зарубежном опыте применения института защиты прав определенных групп лиц, пришли к мнению, что для популяризации инструмента защиты прав и интересов определенного круга лиц действующую законодательную

[1] Постановление от 25 апреля 2012 года по делу № А40-106587/2011 Федерального Арбитражного Суда Московского Округа [Электронный ресурс].

основу правового регулирования института групповых исков необходимо изменить. В качестве причин, которые препятствовали применению норм на практике, в концепции приведены:

сложность идентификации требований группы лиц как возникающих из единого, связывающего всех участников группы и ответчика правоотношения;

толкование группового иска как иска о признании, полное исключение возможности предъявления иска о присуждении;

отсутствие четких критериев, позволяющих отнести спор к категории групповых исков[1].

Масштабная реформа гражданского законодательства затронула институт защиты прав определенных групп лиц: положения, регламентирующие действие этого механизма защиты прав в арбитражном процессе, претерпели серьезные изменения.

Положения Федерального закона № 191 от 18.07.2019 закрепили следующие изменения: исключено понятие единого правоотношения - для возникновения права на подачу группового иска достаточно наличия однородных нарушенных прав или интересов, основу которых закладывают схожие фактические обстоятельства[2]. Именно эти изменения в критериях относимости того или иного спора к категории «групповые иски» должны оптимизировать применение норм главы 28.2 на практике. Количество субъектов не изменилось, однако лицо, представляющее интересы группы лиц в ходе арбитражного судопроизводства, не обязательно должно быть участником спорных материальных правоотношений. Увеличился срок рассмотрения по существу дел о нарушениях прав и законных интересов групп лиц – теперь арбитражный суд управомочен вести производство по такому делу в течение 8 месяцев. Также, в целях восполнения пробела законодательства в сфере регламентирования прав, присоединившихся к требованиям о защите прав и интересов группы лиц, законодатель дополнил главу 28.2 статьей 225.10-2, в которой якобы наделил присоединившихся лиц рядом прав, хотя сравнение двух редакций наглядно отражает стабильность в неопределенности процессуального статуса присоединившегося лица. Те 4 правомочия,

[1] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс].

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 июля 2019 № 191-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

которые сейчас перечислены в статье 225.10-2 в предыдущей редакции признавались за лицом, присоединившемся к требованиям группы лиц, просто не были сведены в единую статью.

Анализ статей предыдущей редакции АПК РФ продемонстрировал противоречие некоторых положений основополагающим признакам судопроизводства. Предполагалось, что изменения, привносимые законодателем, устранят это противоречие, однако текст действующей редакции говорит об обратном. В соответствии с положениями статьи 225.16 АПК РФ, в случае обращения субъекта, потенциально являющегося участником группы лиц, в арбитражный суд с заявлением к тому же ответчику и о том же предмете, суд в обязательном порядке разъясняет ем право на присоединение к групповому иску. Если лицо согласно на присоединение, то арбитражный суд выносит определение о присоединении данного субъекта к требованию о защите прав и законных интересов групп лиц и передает материалы в соответствующий арбитражный суд (ведущий судопроизводство по указанному групповому иску). В случае отказа от присоединения, производство по поданному индивидуальному иску приостанавливается до вступления в законную силу решения суда по групповому иску. В части 7 этой же статьи указывается на прекращение производства по исковому заявлению, если истец не воспользовался или отказался от присоединения к группе лиц по спору о том же предмете с единым ответчиком, и по этому спору имеется вступившее в законную силу решение арбитражного суда. И в дополнение к положениям этой статьи, обратимся к части 2 статьи 225.10 АПК РФ, в которой теперь закрепляется принадлежность субъекта к группе лиц, обратившейся в арбитражный суд за защитой нарушенных прав и интересов, вне зависимости от факта присоединения к требованиям. Такое императивное отнесение субъекта к группе лиц в отсутствие надлежаще оформленного волеизъявления является нарушением конституционного права на обращение в тот суд, к подсудности которого относится конкретное дело.

В ходе анализа нормативно-правовой базы, регламентирующей применение механизма защиты нарушенных прав и законных интересов граждан, автор пришел к выводу, что предыдущий нормативный массив не являлся достаточно эффективным, так как практика применения судами главы 28.2 АПК РФ практически отсутствует.

Однако изменения, введенные законодателем в 2019 году нельзя назвать достаточными для запуска использования этого механизма защиты прав определенной группы лиц: несоответствие некоторых положений основополагающим принципам судопроизводства, отсутствие правового закрепления прав, обязанностей и гарантий субъектов, присоединяющихся к требованиям о защите нарушенных прав и интересов группы лиц – эти не восполненные пробелы вновь станут препятствием для успешного практического применения этого института на практике.

Однако судить о неэффективности или эффективности изменений можно будет не ранее, чем через год – после того, как появится судебная практика по данным категориям дел.

УДК 347.9

А.И. ПОДГАЙНАЯ

научный руководитель
кандидат юридических наук
Ю.А. КОРОСТЕЛЁВА

СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИИ

Неотъемлемой частью любого судебного разбирательства является исследование и оценка судом представленных сторонами доказательств. Доказательства играют ключевую роль в разрешении дела. Именно от них зависит, какое решение примет суд, и будут ли защищены права и законные интересы граждан и организаций.

В последнее время суды стали уделять достаточно большое внимание стандартам доказывания. И если раньше понятие «стандарт доказывания» можно было встретить только в делах о банкротстве, то сейчас ситуация изменилась. Со ссылкой на стандарт доказывания теперь разрешаются и иные категории дел. К их числу можно отнести судебные споры, касающиеся добросовестности приобретения и владения[1], споры по искам о возмещении

[1] Решение Тракторозаводского районного суда г. Челябинска по делу № 2-2610/2018. – URL: http://trz.chel.sudrf.ru/ (Дата обращения: 08.03.2020).

убытков в форме упущенной выгоды[1], трудовые споры[2].

Как отмечает Соболева М.Ю., российской судебной практике «удачное» использование термина «стандарт доказывания» представляется затруднительным[3]. Суды по-разному понимают его значение. В судебных решениях можно встретить, что стандарты доказывания – это критерий достаточности доказательств[4], факты, требующие доказывания[5]. Под повышенным стандартом доказывания понимается обязанность суда провести более тщательную проверку обоснованности требований[6] или обязанность стороны представить суду ясные и убедительные доказательства[7]. Есть такие решения, где суды просто ссылаются на некий действующий стандарт доказывания[8], но не объясняют, что это значит, решения, где стандарт доказывания сводится к общему правилу доказывания[9].

Очень важно определить, чем же на самом деле является стандарт доказывания. Только при его четком понимании можно говорить о том, к кому он относится, какие могут быть виды стандартов доказывания, когда их нужно применять и стоит ли их устанавливать.

Карапетов А. Г. и Косарев А.С. считают, что стандарт доказывания – это минимальная степень апостериорной вероятности спорного факта, при которой суд приходит к выводу о признании

---

[1] Решение Няганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по делу № 2-780/2018. – URL: http://nyagan.hmao.sudrf.ru (Дата обращения: 08.03.2020).

[2] Решение Оймяконского районного суда Республики Саха (Якутия) по делу № 2-93-2017. – URL: http://nera.jak.sudrf.ru/ (Дата обращения: 08.03.2020).

[3] Соболева М.Ю. Стандарты доказывания в гражданском и арбитражном процессах в России // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 3. – С. 1118-1129.

[4] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 сентября 2019 г. по делу № А12-28759/2018. – URL: http://arbitr.ru/ (Дата обращения: 18.03.2020).

[5] Например, вышеуказанное решение по иску о возмещении убытков в форме упущенной выгоды.

[6] Решение Арбитражного Суда Ростовской области по делу № А53-19705/19. – URL: http://arbitr.ru/ (Дата обращения: 18.03.2020).

[7] Постановление Арбитражного Суда Западно-сибирского округа от 26 сентября 2019г. по делу № А46-509/2016. – URL: http://arbitr.ru/ (Дата обращения: 18.03.2020).

[8] Решение Самарского районного суда г. Самары от 2 октября 2018 г. по делу № 2-1318/2018. – URL: http://samarsky.sam.sudrf.ru/ (Дата обращения: 18.03.2020).

[9] Решение Анапского городского суда Краснодарского края по делу № 2-294/2019. – URL: http://anapa-gor.krd.sudrf.ru/ (Дата обращения: 09.03.2020).

его установленным[1]. Будылин С.Л полагает, что это критерий, на основании которого суд признает факт достоверным[2]. Эти определения сводятся к деятельности суда по оценки доказательств и установлению соответствия сформированной у него убежденности той степени уверенности, которая требуется по стандарту доказывания.

Однако, как было показано выше, исходя из некоторых судебных решений, можно сказать, что стандарты доказывания определяют предмет и бремя доказывания, то есть что и кому нужно доказывать. В научной среде есть мнение, согласно которому под стандартами доказывания понимается совокупность судебного познания как деятельности по установлению фактов и их оценке и судебного доказывания как деятельность участвующих в деле лиц по убеждению суда в достоверности фактов, обосновывающих их требования или возражения[3]. Как же в таком случае должен применять стандарт доказывания суд? Какая степень уверенности позволяет ему удовлетворить исковые требования или наоборот отказать в таковом?

Нужно понимать, что представленные сторонами доказательства оказывают непосредственное влияние на убежденность суда. Однако его решение об удовлетворении исковых требований или апелляционной, или кассационной жалобы зависит не только от имеющихся в деле доказательств и соответственно его убежденности в достоверности факта, но и от той степени убежденности, которая требуется в делах соответствующей категории.

Например, в делах, связанных с банкротством, конкурирующим кредиторам нужно доказать наличие обоснованных сомнений того, что кредитор, включенный в реестр требований, не может быть допущен к распределению конкурсной массы должника-банкрота[4]. В данном случае суд, указывая на необходимость доказывания соответствующих сомнений, показывает, что их доказанность согласуется с требуемой степенью убежденности и

[1] Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Приложение к журналу «Вестник экономического правосудия». – 2019. – № 5 (63). – С. 3-96.

[2] Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей. Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 3. – С. 25-57.

[3] Аргунов В.В., Долова М.О. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 2. – С. 76-104.

[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2018 г. № 308-ЭС18-9470 по делу № А32-42517/2015. – URL: http://www.vsrf.ru/ (Дата обращения: 20.03.2020).

что в таком случае он может удовлетворить исковые требования. Это не значит, что стандарт доказывания всего лишь определяет доказательства, которые стороны должны представить для разрешения дела в их пользу.

Если сторона не понимает, какой применяется в деле стандарт доказывания и что это обозначает, она может проявлять недостаточную доказательственную активность там, где это от нее требуется[1]. Указания суда на требуемую степень доказанности фактов позволяет сторонам не только лучше прогнозировать исход дела, но и более тщательно подготовиться к судебному разбирательству.

Следует сказать, что обозначение судом применяемого в деле стандарта доказывания приобретает особое значение, когда от стороны будет требоваться больше доказательственной активности, чем она предполагает, то есть в случае применения повышенного стандарта. Например, в деле по иску о привлечении лица к субсидиарной ответственности по обязательствам должника-банкрота истцу недостаточно доказать наличие сомнений в самостоятельности принятия должником решения, нужно представить доказательства, ясно и убедительно подтверждающие возможность этого лица прямо или опосредованно давать ему указания[2]. Очевидно, что для доказывания сомнений и для доказывания прямого контроля лица над должником требуются разные доказательства. Те доказательства, которые могут быть достаточными для убеждения суда в наличие сомнений, могут быть недостаточны для его убеждения в возможности лица давать должнику прямые указания.

Что же касается пониженного стандарта доказывания, то отсутствие указания суда на его применяемость в деле не создает для стороны угрозы проиграть спор. Проиграть спор сторона может в том случае, если суд необоснованно завышает требования к доказыванию фактов, и сторона их не выполняет. В такой ситуации представленные доказательства не позволяют сформировать у суда ту степень уверенности, которую он считает приемлемой для признания факта установленным. Однако в силу использо-

[1] Карапетов А.Г. Я не оставляю надежд, что когда-нибудь наше гражданское право достигнет уровня ведущих европейских правопорядков, и мы перестанем заниматься попугайством, а сами будем давать им прикурить: интервью. // Журнал РШЧП. – 2019. – № 4. – С. 4-36.

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 августа 2018 года № 308-ЭС17-6757 по делу №А22-941/2006. – URL: http://www.vsrf.ru/ (Дата обращения: 20.03.2020).

вания стандарта доказывания, не соответствующего делу, такая уверенность и не требуется. Это наглядно показывает, что в первую очередь суд должен понимать, какой стандарт доказывания и в каком деле надлежит применять. Только при таких условиях указание суда на применяемый стандарт доказывания будет иметь ценность для сторон.

Понимание стандарта доказывания как критерия достаточности доказательств тоже имеет некоторые неясности. Дело в том, что стандарт доказывания отражает степень убежденности суда, при которой он должен считать факт достоверным, однако это не определяет критериев оценки доказательств. Суд исследует и оценивает в деле имеющиеся доказательства, у него формируется определённая степень уверенности, а потом он сравнивает ее с той, которая должна быть по применяемому в деле стандарту доказывания. Это не значит, что суды, которым представлены одинаковые совокупности доказательств, одинаково их оценят[1]. Использование одинакового стандарта доказывания при разной оценке доказательств не может привести к принятию одинаковых решений. Достаточность доказательств как определенная их совокупность никак не влияет на применяемый стандарт доказывания. Критерий достаточности доказательств означает ту уверенность в достоверности факта, которую создают предъявленные доказательства, и которая позволяет признать факт достоверным.

В целом важно понимать, что требования к предъявляемым доказательствам, а точнее к степени достоверности фактов, которая ими подтверждается, взаимосвязаны и взаимообусловлены с требуемой степенью убежденности суда. Представленные доказательства формируют у суда определенную уверенность в действительности факта, а в зависимости от необходимой степени убежденности суда в достоверности факта будет определяться то, какие доказательства нужно представить, чтобы признать позицию той или иной стороны правдоподобной. Таким образом, стандарт доказывания не только отражает ту степень убежденности суда, при которой он признает факт достоверным, но и выражает собой меру оценки исполнения сторонами возложенного на них бремя доказывания[2], показывает, какую степень достоверности факта требуется доказать сторонам.

[1] Карапетов А.Г., Косарев А.С. Указ. соч. С. 3-96.

[2] Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М. – 2019. – С. 284.

Итак, суд должен осознавать, какая степень убежденности в действительности фактов по определенному спору будет приемлемой, то есть какой стандарт доказывания надлежит применять. Все это вопросы стандартов практики[1], суды должны выработать единые стандарты доказывания при рассмотрении идентичных дел. При подготовке дела к судебному разбирательству, в частности при определении обстоятельств, подлежащих доказыванию, и лиц, обязанных осуществлять это доказывание, нужно указывать на ту степень достоверности этих обстоятельств, которая требуется по соответствующему стандарту доказывания. В конечном счете судам следует улучшить изложение мотивировочной части судебных решений: необходимо не только основывать свои выводы на представленных доказательствах, но и объяснять, какой стандарт доказывания был применен, и почему одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

УДК 347

А.Е. РЕМИННАЯ

научный руководитель
доцент М.Ю. ПОРОХОВ

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО ДОЛЖНИКА

На сегодняшний день по официальным данным Банка России долг нефинансового сектора и домашних хозяйств по банковским кредитам и выпущенным долговым ценным бумагам на 1 января 2020 года составил 61,0 трлн рублей и увеличился за год на 4,9 трлн рублей, или на 8,6%, главным образом за счет роста банковского кредитования в рублях при сокращении задолженности секторов в иностранной валюте[2]. Кроме того, неисполнение субъектами своих денежных обязательств оказывает негативное влияние как на частноправовые отношения, так и на сферу публичных финансов, например, неплатежи по банковским кредитам обусловливают рост процентных ставок, поскольку кредитным орга-

[1] Смольников Д.И. Мифы о стандартах доказывания// Закон. – 2015. – №12. – С. 199-205.V

[2] Компании и граждане в 2019 году нарастили свой долг на 8,6% [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/press/event/?id=6365

низациям приходится закладывать в них свои риски[1]. В связи с этим возникают вопросы о погашении указанной задолженности, в том числе путем обращения взыскания на имущества должника – физического лица.

На основании ч. 1 ст. 69 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗ № 229) обращение взыскания на имущество должника включает изъятие имущества и (или) его реализацию, осуществляемую должником самостоятельно, или принудительную реализацию либо передачу взыскателю.

Также ч. 4 вышеуказанной статьи предусмотрено, что при отсутствии или недостаточности у должника денежных средств взыскание обращается на иное имущество, принадлежащее ему на праве собственности, хозяйственного ведения и (или) оперативного управления, за исключением имущества, изъятого из оборота, и имущества, на которое в соответствии с федеральным законом не может быть обращено взыскание, независимо от того, где и в чьем фактическом владении и (или) пользовании оно находится.

В соответствии со ст. 79 ФЗ № 229 взыскание не может быть обращено на принадлежащее должнику-гражданину на праве собственности имущество, перечень которого установлен Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ), в том числе в силу ст. 446 ГПК РФ на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением

Таким образом, законодатель предусматривает имущественный (исполнительский) иммунитет, целью которого является соблюдение закрепленного в п. 4 ст. 4 ФЗ № 229 принципа неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника–гражданина и членов его семьи, а также выступает процессуальной гарантией социально-экономических прав указанных лиц в сфере жилищных правоотношений. Данный иммунитет подразумевает два критерия: жилое помещение должно быть единственным у должника и пригодным для проживания.

[1] Белоусов А. Л. Обращение взыскания на единственное жилье как способ обеспечения исполнения обязательств должником // Финансы и кредит. – 2017. – Т. 23. – № 20. – С. 1173.

Стоит сказать, что зачастую единственное ликвидное имущество, стоимость которого может удовлетворить требования взыскателя, является как раз вышеуказанное жилое помещение.

Кроме того, должник, используя данный имущественный (исполнительский) иммунитет в целях ненадлежащего исполнения своих гражданско-правовых обязательств перед кредитором, злоупотребляет своими правами. Например, вкладывает денежные средства в дорогостоящее жилое помещение, которое является для них единственным пригодным жильем для проживания или, имея в собственности несколько жилых помещений, продает, оставляя у себя лишь единственное. Судебная практика богата примерами, когда таким имуществом выступает загородный особняк или же квартира в историческом центре города.

В связи с этим целесообразно закрепить правовую норму, которая предоставляла бы судебному приставу-исполнителю возможность обращения взыскания на жилое помещения, являющегося для должника и проживающих совместно членов его семьи, единственным пригодным для постоянного проживания, путем реализации такого помещения с целью удовлетворения требований взыскателей и приобретение иного помещения, пригодного для дальнейшего проживании граждан.

В одном из Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации отражено, что имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении жилых помещений предназначен не для того, чтобы в любом случае сохранить за гражданином-должником принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение, а для того, чтобы, не допуская нарушения самого существа конституционного права на жилище и умаления человеческого достоинства, гарантировать гражданину-должнику и членам его семьи уровень обеспеченности жильем, необходимый для нормального существования[1].

Стоит сказать, что данный иммунитет направлен на удовлетворение разумной потребности человека в жилом помещении, что должно быть гарантировано гражданину-должнику и членам его семьи в любом случае, даже в ущерб конституционно значимой цели исполнения судебных решений.

Также, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что ст. 446 ГПК РФ не содержит ориентиров для опреде-

[1] По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14.05.2012 № 11-П.

ления уровня обеспеченности жильем как разумно достаточного в связи с условиями развивающегося рынка жилья, что может повлечь за собой несоразмерное определения стоимости жилого помещения.

Кроме того, отсутствие законодательной нормы не позволяет обратить взыскание на такие жилые помещения, размеры которых могут значительно превышать средние показатели, а стоимость может быть достаточной для удовлетворения имущественных притязаний взыскателя без ущерба для существа конституционного права на жилище гражданина-должника и членов его семьи. В данном случае прослеживается необоснованное и несоразмерное ограничение прав взыскателей.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации указал о необходимости внесения изменений в гражданское процессуальное законодательство, в том числе установить критерии, которые позволяли бы определить жилое помещение как явно превышающее по своим характеристикам указанный уровень, порядок обращения взыскания на недвижимость. Однако в настоящее время законодательные положения не определены. Получается, что проблема есть, но решения нет, т.к., например, не выработаны формулы подсчета критерия «превышающий нормально существование». Кроме того, данное Постановление дает право судебному приставу-исполнителю продавать единственное пригодное жилое помещения должника, если оно превышает необходимый размер жилья для нормального существования, однако, данное право Федеральная служба судебных приставов не использует, ведь нет никаких нормативных правовых актов по применению данных полномочий, что порождает правовую проблему.

Необходимо упомянуть и второй критерий имущественного (исполнительского) иммунитета – пригодность жилого помещения для постоянного проживания. При обращении взыскания на указанный объект возникают ситуации, когда единственное жилое помещение должника непригодно для постоянного проживания в силу повреждений, например, из-за пожара, аварийного состояния, а вновь создаваемое еще не соответствует критерию пригодности, в частности не проведены инженерные сети, нет окон и т.д.[1] Можно ли обратить взыскание на такое имущество?

[1] Павлова Г. Г. Некоторые особенности обращения взыскания на жилое помещение // Вестник уральского института экономики, управления и права. – 2019. – № 1. – С. 74.

По нашему мнению, если такое непригодное жилое помещение является единственным для проживания, то нельзя, ведь, скорее всего, у должника нет денежных средств, чтобы закончить ремонтные работы. Кроме того, если объект вновь создаваемый, то его стоимость в отличие от первой категории, например, дома, получившего повреждения при пожаре, более значительна. Получается, что взыскатель, обращая взыскание на такое имущество, может нарушить законные интересы должника.

На сегодняшний день формируется окончательный вариант текста проекта Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве»», разработанный Минюстом России от 30.12.2016 г., в котором прописаны изменения, которые могут изменить процесс взыскания жилых помещений в исполнительном производстве. В частности, упомянутый иммунитет перестанет быть абсолютным, появляется возможность обратить взыскание на единственное и пригодное для постоянного проживания жилое помещение должника и членов его семьи. Также стоит отметить, что предлагаемые изменения прописывают порядок осуществление такой процедуры. Однако данным законопроектом не регулируются правоотношения по взысканию непригодного жилого помещение. Кроме того, появляется необходимость разработки методических рекомендации для судебных приставов-исполнителей о порядке обращения взыскания жилых помещений и для определения критериев оценивания такого имущества, в том числе, кто должен будет его осуществлять.

Если данный проект Федерального закона будет принят, то это станет одним из факторов для того, чтобы должник рассчитался с задолженностью, ведь появится возможность лишить его единственного жилого помещения, хоть и с предоставлением нового. Вряд ли лицо захочет на добровольных началах ухудшать свои жилищные условия, например, переехать из трехкомнатной квартиры в двухкомнатную. Однако для лица, у которого есть только дорогостоящее жилое помещение, это будет аргументом, чтобы как-то его сохранить.

Нельзя не отметить тот факт, что в настоящее время правопорядок Российской Федерации больше защищает интересы должников, нежели взыскателей, которым, чтобы обратить взыскание на имущество должника, необходимо обратиться в суд для реа-

лизации такого имущества[1]. Например, обращение взыскания на земельный участок в соответствии со ст. 278 ГК РФ или на имущество, находящееся у третьих лиц в силу ст. 77 № 229-ФЗ.

С чем сталкивается взыскатель на первом этапе с вышеуказанным обращением, так это уплата государственной пошлины, ведь суды зачастую утверждают, что необходимо оценить взыскиваемое имущество, а также уплатить данную пошлину ввиду имущественного характера требования.

Получается, что если у должника большая задолженность, а имущество дорогостоящее, то взыскатель, выигравшая сторона по делу, несет дополнительные расходы для реализации своего права.

На наш взгляд, это необоснованно, т.к. взыскатель оплатил уже государственную пошлину, а данные действия осуществляются в рамках исполнительного производства для более быстрого исполнения судебного решения по делу, т.е. нет самостоятельного характера.

В соответствии с ч. 3 ст. 68 № 229-ФЗ действия по обращению взыскания на имущество должника являются мерами принудительного исполнения судебного решения. Меры принудительного исполнения совершаются в целях получения с должника имущества, в том числе денежных средств, подлежащих взысканию по исполнительному документу и не носят имущественный характер сами по себе[2].

Значит, при обращении взыскания на имущество в судебном порядке государственная пошлина должна уплачиваться как за неимущественное требование.

Кроме того, в п. 3 Обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации за третий квартал 2011 года прописано данное положение, но практика судов идет в противоположную сторону, тем самым назрела необходимость пересмотра порядка о взыскании долгов в части обращения взыскания на имущество должника. Также необходимы разъяснения Верховного Суда Российской Федерации для урегулирования сложившейся ситуации.

Таким образом, необходимо актуализировать законодательство об исполнительном производстве, чтобы в полной мере восстанавливать нарушенные права и интересы граждан и организаций.

---

[1] Малимонов И. В., Король Л. Г. и др. Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики. Уфа. – 2015. – С. 201.

[2] Бусыгина О. С. Некоторые проблемы практики применения обращения взыскания на имущество должника // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4. – № 6. – С. 335.

УДК 347.9

Т.К. СИЛЬВЕНОЙНЕН

научный руководитель
доцент М.Ю. ПОРОХОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ привнёс ряд изменений в большое количество нормативных правовых актов, затрагивающих примирительные процедуры, используемые в гражданском процессе[1]. Так, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) появилась глава 14.1. «Примирительные процедуры. Мировое соглашение»[2], которая закрепила новую для отечественного цивилистического процесса примирительную процедуру – судебное примирение. Также указанный закон внёс ряд изменений в Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ[3] (далее – ФЗ «О медиации»), регулирующий процедуру медиации. Несмотря на расширение объёма альтернативных методов решения спора, подобный шаг законодателя имеет ряд недостатков, о которых будет сказано далее.

Одной из проблем введения института судебных примирителей может стать обесценивание медиации как примирительной процедуры на стадии рассмотрения дела в суде. Подобное положение вещей можно объяснить следующим.

Разрешение споров путём медиации не имело большого успеха у сторон конфликта. Согласно данным Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), примирительные процедуры с участием медиаторов в период с 2011 по 2017 гг. использовались при рассмотрении 0,008 % всех дел, рассматриваемых судами

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. Закон. Рос. Федерации от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2019. № 30. ст. 4099.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ : в ред. от 02.12.2019 № 137-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.

[3] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. Закон. Рос. Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ : в ред. от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. №31. ст. 4162.

общей юрисдикции[1]. Ещё одной проблемой «игнорирования» медиации спорящими сторонами, по мнению Жуйкова В.М., является психологический аспект: стороны, как правило, негативно настроены по отношению друг к другу и не согласны заключить перемирие по инициативе какой-либо из сторон[2]. В качестве проблемного аспекта Перевышин Н.В. выделяет пассивную роль медиатора в урегулировании спора[3]. Подобная позиция при проведении переговоров в условиях высокой напряжённости между сторонами может стать препятствием для достижения соглашения между ними.

Непосредственное преимущество судебного примирения над медиацией заключается в следующем. Во-первых, судебным примирителем, согласно ст. 156.3 ГПК РФ, является судья в отставке. Таким образом, примирению будет содействовать лицо с большим опытом работы в сфере юриспруденции, и, что немаловажно, с опытом работы в суде. Гражданско-процессуальное законодательство Германии предусматривает «судебную медиацию». Такая примирительная процедура предполагает проведение примирительной процедуры другим действующим судьёй, судьёй-медиатором[4]. Медиаторами, согласно ст.ст. 15, 16 ФЗ «О медиации» могут быть физические лица, как обладающие высшим (не обязательно юридическим) образованием, так и совершеннолетние дееспособные граждане без такового. Указанные обстоятельства могут склонить чашу весов в пользу судебного примирения, так как характеристики примирителя могут вызывать наибольшее доверие у сторон, нежели медиатор.

Во-вторых, судебный примиритель занимает активную позицию в разрешении спора между сторонами. Согласно п. 1 ст. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 31.10.2019 № 41 (далее – ППВС № 41), судебный примиритель наделён достаточно обширным перечнем полномочий при разрешении спора. Среди них имеются

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2020).

[2] Жуйков В.М. Роль суда в примирении сторон по гражданским делам // Российский судья. – 2019. – № 9. – С. 24 - 30.

[3] Перевышин Н.В. Необязывающий арбитраж при урегулировании семейно-правовых споров // Вопросы российского и международного права. Москва. – 2019. – Т. 9. – № 7-1. – С. 140-145.

[4] Герасимова С.И. Судебные примирительные процедуры в Германии, Франции и России // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 8. – С. 53-58.

такие как: ведение переговоров со сторонами и другими лицами, участвующими в деле, содействие сторонам в обмене документами и сведениями по обсуждаемым вопросам; возможность давать сторонам рекомендации для урегулирования спора и сохранения между ними деловых отношений и др.[1]. В это же время, ФЗ «О медиации» не даёт подробных рекомендаций по совершению медиатором тех или иных действий, отдавая регламентацию процедуры на усмотрение сторон. Более того, в ч. 5 ст. 11 данного закона указано, что медиатор вправе давать разъяснения по существу спора только с согласия сторон. Подобная ситуация может свести к минимуму участие медиатора в урегулировании спора, отведения ему роли психолога, ищущего неюридические причины спора, и (или) привести к неудовлетворительному результату медиации.

Важно отметить, что, несмотря на свою новизну, институт судебного примирения уже начал использоваться гражданами России при решении споров. В качестве подтверждения указанного можно привести апелляционное определение Московского городского суда от 24.01.2020 по делу № 33-6105/2020[2], в котором суд удовлетворил мировое соглашение, заключённое при содействии судебного примирителя.

Следующий комплекс проблем связан с регулированием процедуры судебного примирения, а также с порядком формирования списка судебных примирителей. Одним из неразрешённых вопросов является возможность суда, рассматривающего дело, оказывать влияние на срок примирительного процесса. Так, согласно п. 3 ст. 14 ППВС № 41, судебному примирителю надлежит уведомлять стороны и суд об обстоятельствах, препятствующих осуществлению процедуры, а также ставящих под сомнение его беспристрастность или независимость. Возможная реакция суда на подобное сообщение не получила должной фиксации. Во Франции, где существует аналогичная процедура, судебный примиритель обязан уведомить суд об обстоятельствах, указанных выше[3]. Судья, рассматривающий спор, может прекратить процедуру примирения, если будут иметь место обстоятельства, исключающее её дальнейшее проведение[4]. Данное полномочие суда препятству-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» : // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – №1.

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 24.01.2020 по делу № 33-6105/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2020).

[3] Герасимова С.И. Судебные примирительные процедуры в Германии, Франции и России // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 8. – С. 53-58.

[4] Там же.

ет затягиванию судебного разбирательства и способствует достижению целей гражданского судопроизводства (рассмотрение и разрешение дела в разумный срок).

В российском законодательстве не предусмотрен механизм контроля органов судебной власти за деятельностью судебных примирителей. В Гражданско-процессуальном кодексе Франции (далее – ГПК ФР) предусмотрена обязанность судебного примирителя ежегодно представлять доклад о своей деятельности Первому председателю апелляционного суда, Генеральному прокурору, а также в суд, в котором такое лицо осуществляет судебное примирение[1]. Наличие такой обязанности способствовало бы стимулированию повышения эффективности деятельности судебных примирителей, прозрачности совершаемых ими действий.

Проблемным является также вопрос, затрагивающий механизм определения кандидатур судебных примирителей. Постановление Пленума ВС РФ от 28.01.2020 № 1, утверждающее список судебных примирителей, содержит указание на место проживания примирителя, суд, в котором он работал до отставки, а также на его специализацию (например, «гражданское судопроизводство»)[2]. Согласно данному Постановлению, в некоторых субъектах Российской Федерации (далее – субъект РФ) действует только один судебный примиритель, который до отставки специализировался на административном судопроизводстве. Такое положение может способствовать снижению эффективности судебного примирения в соответствующих субъектах РФ по причине недостаточности опыта в гражданско-процессуальной сфере. Более того, наличие лишь единственного примирителя в субъекте может затягивать процесс примирения, в случаях, когда, к примеру, примиритель не может осуществлять свои обязанности в силу закона. Таковыми, согласно Постановлению Пленума ВС № 41, являются основания для отвода судьи (ч. 1 ст. 16 ГПК РФ), а также иные обстоятельства, ставящие под сомнение независимость и беспристрастность примирителя. В связи с подобными обстоятельствами процедура примирения лишается всякого смысла, тогда как и стороны, и суд могли уже затратить какое-либо время на претворение её

[1] Соловьёв А.А. О некоторых процедурах разрешения споров мирным путем (опыт Французской Республики) // Вестник Арбитражного Суда Московской Области [Электронный ресурс]. – URL: http://www.asmo.arbitr.ru (дата обращения: 15.03.2020).

[2] Постановление Пленума ВС РФ от 28.01.2020 № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2020).

в жизнь. Интересным будет обращение к опыту Французской Республики, где предусмотрена возможность судебного примирителя обращаться к другому примирителю с согласия сторон, осуществляющему свою деятельность в суде апелляционной инстанции[1]. Возможно, решением данной проблемы будет введение минимального количества судебных примирителей для субъекта РФ не ниже 3-х с разной специализацией или же фиксация в Постановлении Пленума ВС № 41 или в ГПК РФ возможности прибегнуть к помощи примирителя из другого субъекта РФ.

В завершение хочется отметить, что судебное примирение в России только начинает занимать своё место в системе примирительных процедур. Об этом свидетельствует небольшое количество разрешения споров при помощи судебного примирения. Быть может, в целях совершенствования этого института законодателю следует обратиться к зарубежному опыту его применения с адаптацией под действующее отечественное законодательство. Не менее важным будет проведение более чётких граней между различными примирительными процедурами, что способствовало бы эффективному достижению цели их введения в ГПК РФ.

УДК 347.9

К.А. ТИХАНОВА

научный руководитель
доцент М.Ю. ПОРОХОВ

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА КРИПТОВАЛЮТУ

За последнее десятилетие с развитием IT-индустрии криптовалюта приобрела фантастическую популярность. И теперь данный вопрос будоражит умы всего мира, инвесторов, и в особенности тех людей, кто пытается заниматься этой темой в России. Без юридического сопровождения говорить о чём-то более детальном и конструктивном не приходится. Главная проблема, возникающая на пути экспертов цифровой экономики, остаётся в определении правовой природы «виртуальной валюты»; здесь специалисты не могут прийти к единому мнению.

[1] Соловьёв А.А. О некоторых процедурах разрешения споров мирным путем (опыт Французской Республики) // Вестник Арбитражного Суда Московской Области [Электронный ресурс]. –URL: http://www.asmo.arbitr.ru (дата обращения: 15.03.2020).

Новый институт права «внедрился» в российскую действительность сверхбыстрыми темпами, однако опыт его применения не успел сформироваться на должном уровне главным образом ввиду того, что в данный момент подходы к определению и регулированию криптовалют в Российской Федерации на законодательном уровне не сформированы. Имеющиеся на сегодняшний день противоречивые заявления Центрального банка, Генеральной прокуратуры, Росфинмониторинга и т.д.[1] носят сугубо информационный характер, констатируя сложившую ситуацию и отражая позицию соответствующей государственной структуры о предлагаемых векторах развития законодательства в данной сфере[2].

Как сообщил президент Российской Ассоциации криптовалют и блокчейна (РАКИБ) Юрий Припачкин количество держателей криптовалют в России уже в середине 2018 года достигло трёх миллионов человек[3]. А на сегодняшний день в судебной практике всё чаще встречаются дела о должниках-владельцах криптовалют.

В большинстве случаев трудности возникают при рассмотрении гражданских дел в судах — например, при наследовании криптоактивов, или при разделе имущества между супругами и взыскании алиментов в случае развода, или при банкротстве физического лица, имеющего вложения в криптовалюты, или при наложении ареста на имущество должника судебными приставами[4]. И уже есть пример такой неоднозначной ситуации: дело о банкротстве, в рамках которого рассматривался вопрос о включении в конкурсную массу имеющейся у должника криптовалюты. Арбитражный суд Москвы в ходе рассмотрения дела пришёл к выводу о том, что криптовалюта, исходя из прямого толкования норм права, не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, её транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства, и в частности криптоактивы не подлежат включению в конкурсную массу, в силу невозможности обращения на них взыскания[5].

---

[1] Моисеева Е.Ю., Рубан А.А. Правовой Режим валюты нового поколения // Достижения вузовской науки. – 2015. – №14. – С. 3.

[2] Овчинников А.И., Фатхи В.И. Правовое регулирование криптовалют в России: современное состояние и перспективы развития // ЮП. – 2018. – № 4 (87). – С. 18.

[3] Подробнее на РБК: https://www.rbc.ru/crypto/news/5b62edea9a794749c997663b.

[4] Максуров А.А. Криптовалюта в гражданском, семейном и трудовом праве России // Имущественные отношения в РФ. – 2018. – №8 (203). – С. 97.

[5] Определение Арбитражного суда города Москва от 05 марта 2018 года. – URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/45c24bb9-9d22-4b57-8742-9a778f041b99/A40-124668 2017_20180305_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

Однако арбитражный апелляционный суд занял противоположную позицию, обосновав мотивировку своего решения тем, что статья 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации является открытым перечнем объектов гражданских прав, а значит, допустимо максимально широкое её толкование[1]. В итоге суд пришёл к обоснованному выводу о том, что любое имущество должника, имеющее экономическую ценность для кредиторов (включая криптовалюту), не может быть произвольно исключено из конкурсной массы без прямо предусмотренных статьями 131, 132, 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» либо иными федеральными законами оснований[2].

В то же время очевидно, что существует проблема наложения взыскания на цифровые активы в рамках исполнительного производства и ввиду того, что вся эта система является децентрализованной и нельзя наложить арест, изъять, конфисковать «крипту» без согласия владельца. То есть, чтобы проводить какие-либо операции с криптоактивами, необходимы данные для доступа или ключ от электронного кошелька, который известен только его обладателю. Однако такие владельцы, действуя в своих интересах, находят множество оправданий для того, чтобы не сообщать ключ правоохранительным органам и приставам.

Так, например, в деле о банкротстве физического лица[3] вырученные средства от реализации имущества гражданин направил на приобретение криптовалюты, однако скрыл этот факт от финансового управляющего и отказывался предоставить ему ключ от электронного кошелька. Должник ссылался на то, что направил финансовому управляющему пароль от биткоин-кошелька по почте, но по неизвестным и не зависящим от него причинам управляющий ключ не получил. Этот довод суд признал необоснованным ввиду того, что должник несёт ответственность за сохранность своего имущества до тех пор, пока имеющееся у него имущество не передано должным образом финансовому управляющему и не включено в конкурсную массу. Требования финансового управля-

[1] Мохрат П.М. Криптовалюта в конкурсной массе должника-банкрота. Правовая неопределенность // Закон и право. – 2019. – № 4. – С. 22.

[2] О включении криптовалюты в конкурсную массу должника. [Электронный ресурс]: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 г. по делу № А40-124668/2017. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об обязании должника передать финансовому управляющему данные доступа к биткоин-кошельку. [Электронный ресурс]: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2019 № Ф05-8713/2017. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ющего были удовлетворены судом, и должника обязали передать данные доступа к биткоин-кошельку управляющему для наложения на него ареста.

Помимо этого, при наложении взыскания на криптоактивы возникает ещё одна сложность – необходимость в доказывании принадлежности анонимного криптокошелька конкретному лицу. Анонимность пользователей криптовалют не позволяет с определённостью установить её принадлежность в криптокошельке, находящемся в сети Интернет, конкретному лицу[1]. Для установления прав на криптоактивы необходимо выяснить информацию об их собственнике, что весьма затруднительно в связи с тем, что в наиболее популярных криптовалютных системах владелец обезличен, и подтверждения собственности нельзя получить ни в каком виде. Соответственно, не получив подтверждения о принадлежности виртуальной валюты конкретному лицу, невозможно совершать исполнительные действия с цифровыми финансовыми активами, а также минимальна вероятность поиска самого владельца виртуального кошелька за счёт его анонимности[2]. Фактически происходит так: в системе отсутствует контролирующий центр, пользователи обезличены, и невозможно доподлинно установить принадлежность криптовалюты в криптокошельке с конкретным идентификатором именно интересующему нас должнику[3].

Существующие законопроекты, предлагающие решить эту проблему, предписывают операторам обмена цифровых финансовых активов открывать электронные кошельки (цифровые кошельки) только после прохождения процедуры идентификации личности владельца этого кошелька[4]. Однако, по сути, это никак не мешает использовать цифровые кошельки (холодные кошельки) и не сообщать о них. Например, если по какой-то должник не хочет показывать криптоактивы и операции с ними, то он может

[1] Невозможность выявления криптовалюты при формировании конкурсной массы должника. [Электронный ресурс]: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 N Ф06-38270/2018 по делу № А57-21957/2017. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Овчинников А.И., Фатхи В.И. Правовое регулирование криптовалют в России: современное состояние и перспективы развития // ЮП. – 2018. – № 4 (87). – С. 20.

[3] Кузнецов Ю.В. Суд без закона: правовой режим криптовалюты в деле о банкротстве // Экономическая политика. – 2018. – № 6. – С. 129.

[4] Овчинников А.И., Фатхи В.И. Указ. соч. С. 21.

использовать другие цифровые кошельки, открытые не у операторов ЦФА (по аналогии с иностранными активами и открытием счетов в банках заграницей). В итоге, законопроекты на сегодняшний день не готовы для утверждения и подписания, и законодателю ещё предстоит разработать модель правового регулирования виртуальных валют [1].

Имеющийся подход законодателей и правоприменителей не даёт возможности осуществлять судебную защиту владельцев криптовалют и увеличивает риски для недобросовестных лиц безнаказанно злоупотреблять их правами[2].

Процесс правового регулирования криптовалют должен идти по пути чёткого законодательного определения понятия криптовалюты, нормативного регулирования «обмена» криптовалюты на национальную валюту Российской Федерации и иностранную валюту, осуществления контроля за деятельностью «майнеров» и поставщиков услуг по обмену виртуальных валют, регулирования расчётных операций, определения особенностей налогообложения[3].

Из изложенного можно сделать общий вывод: отличия цифровых активов от традиционных не делают внесение криптовалюты в конкурсную массу должника технически невозможным или сомнительным с правовой точки зрения[4]. Однако государственные органы должны обладать технической возможностью осуществления механизма принудительного изъятия и реализации такого имущества.

В настоящее время и ближайшее будущее государство будет стремиться к тому, чтобы регулировать эту сферу, во-первых, для того, чтобы предотвратить сокрытие активов и источников дохода граждан и организаций, и, во-вторых, рынок криптовалют – хороший источник пополнения казны государства посредством налогообложения на прибыль физических и юридических лиц.

---

[1] Воскресенская Е.В. О необходимости правового регулирования виртуальных валют // Сибирское юридическое обозрение. – 2018. – № 2. – С. 151.

[2] Овчинников А.И., Фатхи В.И. Правовое регулирование криптовалют в России: современное состояние и перспективы развития // ЮП. – 2018. – № 4 (87). – С. 24.

[3] Там же.

[4] Мануилов А.В. Проблемы идентификации и оценки криптовалюты при внесении в конкурсную массу должника // Имущественные отношения в РФ. – 2018. – №11 (206). – С. 42.

УДК 347.9

В.С. УСТЮГОВА

научный руководитель
профессор Н.А. ВАСИЛЬЧИКОВА

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ РЕШЕНИИ ПО ДЕЛАМ О СНОСЕ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

После изменения в 2018 году редакции ст.222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) в научной литературе стали обсуждаться вопросы о возможности предъявления альтернативного иска и, соответственно, возможности вынесения судом альтернативного решения - о сносе самовольной постройки либо приведение ее в соответствие с требованиями законодательства, а также «право ответчика по иску защищаться не встречным иском о признании права собственности на самовольную постройку, а просить суд вынести альтернативное решение»[1].

Действительно, толкование положений пунктов 2 и 3.1 ст.222 ГК РФ вызывает интерес: если первая из норм указывает на то, что «самовольная постройка подлежит сносу или приведению в соответствие», то вторая называет «решение о сносе самовольной постройки либо решение о сносе самовольной постройки или ее приведении в соответствие». Такая нормативная конструкция и вызывает большое количество вопросов.

И если предъявление альтернативного искового заявления, на наш взгляд, возможно допустить, например, в ситуации, когда строительно-техническая экспертиза еще не была проведена и истец не имеет возможности однозначно определить, допускают ли технические характеристики постройки приведение последней в соответствие с установленными требованиями. То относительно названного способа защиты ответчика от иска следует отметить его «сомнительную» целесообразность, поскольку, во-первых, в некоторых случаях указанное требование может фактически свидетельствовать о признании иска, во-вторых, признание права собственности является наиболее благоприятным решением для ответчика, а решение о сносе либо приведе-

[1] Нестолий В.Г. Альтернативные судебные решения по искам о самовольных постройках // Правовые вопросы недвижимости. – 2018. – № 2. – С. 31 - 35.

нии постройки в соответствие требованиям и так с той или иной степенью вероятности будет принято судом по первоначально предъявленному иску.

Наибольшую дискуссионность вызывает именно вопрос о вынесении альтернативного судебного решения. Согласно пункту 11 Постановления Пленума № 23[1] решение суда является актом правосудия, окончательно разрешающим дело, поэтому резолютивная часть должна содержать исчерпывающие выводы, в ней должно быть четко сформулировано, что именно постановил суд по первоначальному и встречному требованию, кто, какие конкретно действия и в чью пользу должен произвести, т.е. соответствовать принципам определенности и окончательности. Соответствует ли альтернативное решение указанным принципам? На наш взгляд, нет. Следует согласиться с точной зрения исследователей, полагающих, что альтернативное решение «оставляет спор между сторонами по сути дела неразрешенным»[2] и значительно затрудняет его дальнейшее исполнение (как на стадии добровольного, так и принудительного исполнения).

В научной литературе указанные законодательные новеллы оцениваются по-разному: от признания возможности вынесения альтернативного решения суда, исходя из буквального толкования норм, до отрицания такой возможности. Например, Петрищев В.С. и Подмаркова А.С. указывают, что задача суда усложнилась и выбор будет состоять не из двух, а из трех вариантов: признать постройку подлежащей сносу, подлежащей приведению в соответствие или же признать на нее право собственности[3] (без возможности вынесения альтернативного решения). Однако, как бы то ни было, практика вынесения альтернативных решений уже существует[4].

В этой связи возникает следующий вопрос: означает ли формулировка «решение о сносе самовольной постройки или ее приведении в соответствие», что ответчик сам выбирает один из

---

[1] О судебном решении: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 № 23[Электронный ресурс] // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М. – 1966. – С. 74

[3] Петрищев В.С., Подмаркова А.С. Очередная реформа норм о самовольном строительстве: оценка новелл // Закон. – 2019. – № 2. – С. 68

[4] Решение Арбитражного суда Амурской области от 21.05.2019 по делу № А04-1556/2019[Электронный ресурс] // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

названных способов исполнения решения, или же постройка подлежит сносу лишь в случае, если не будет приведена в соответствие с требованиями законодательства? И далее: «может ли быть принято решение только о приведении самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями без указания на возможность ее сноса?»[1].

К сожалению, на настоящий момент приходится констатировать, что судебная практика лишь формируется и дать однозначно верные ответы на поставленные вопросы не представляется возможным.

Следует отметить, что положения ст.55.32, введенной в Градостроительный кодекс Российской Федерации тем же федеральным законом № 340-ФЗ, позволяют сделать вывод о том, что именно ответчик обладает правом определения способа исполнения решения суда.

А на второй вопрос наиболее верным было бы дать положительный ответ: несмотря на то, что в ГК РФ упоминание о приведении построек в соответствие требованиям законодательства появилось в 2018 году, допустимость вынесения решения о приведении постройки в соответствие требованиям законодательства была подтверждена еще Обзоре практики 2014 года[2]. Действующее законодательство также не содержит запретов и прямых ограничений на вынесение указанного вида решений.

Согласно положениям процессуального законодательства, вступившие в законную силу судебные акты являются обязательными и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации. Соответственно, после принятия судом решения о сносе или приведении в соответствие самовольно возведенной постройки актуальность приобретает вопрос о порядке реализации принятого решения.

Проблема заключается в том, на настоящее время параллельно существуют два порядка исполнения решений о сносе: в соответствии со ст.55.32 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее - ГрК РФ), а также на основании ст.107 закона «Об исполнительном производстве» (далее - Закон № 229-ФЗ). В это связи не ясно, как они соотносятся между собой, означает ли

[1] Прокуратура Челябинской области: [сайт]. – URL: http://www.chelproc.ru/prosveschenie/low/?id=3136 (дата обращения: 12.12.2018).

[2] Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством: утв. Президиумом ВС РФ 19 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

введение в ГрК РФ отдельной главы о сносе объектов капитального строительства, что снос в порядке, предусмотренном Законом № 229-ФЗ, больше применяться не должен?

Если обратиться к судебной практике, то можно встретить диаметрально противоположные решения. Например, в обзоре практики Белгородского краевого суда указывается на то, что «с 04.08.2018 законодатель установил иной порядок исполнения решений суда о сносе самовольных построек, предусматривающий, что указанные требования исполняются органами местного самоуправления, а не ФССП России»[1]. В другом же случае Ставропольский краевой суд, выступая в качестве суда апелляционной инстанции, отметил, что положения ст.55.32 ГрК РФ не исключают возможности принудительного исполнения судебного акта, вынесенного по самовольной постройке, силами ФССП России[2]. На наш взгляд, более верной является вторая позиция, тем более, что посвященные указанному вопросу положения законодательства об исполнительном производстве не признаны утратившими силу, материалы ведомственной статистической отчетности ФССП России, содержащие сведения о движении исполнительных производств о сносе самовольно возведенных строений также свидетельствуют, что положения Закона № 229-ФЗ продолжают применяться на практике.

Таким образом, буквальное толкование норм ст.222 ГК РФ стало допускать вынесение судом альтернативного решения, однако, в научной литературе не сложилось однозначного подхода к оценке указанного вида решений. На наш взгляд, закрепление на уровне закона возможности принимать решения о приведении построек в соответствие требованиям законодательства, следует рассматривать в качестве позитивной новации. В то же время вынесение альтернативных решений значительно затрудняет процедуру исполнения, предоставляет недобросовестным участникам возможности для затягивания и иного воспрепятствования осуществлению исполнения решений суда.

---

[1] Обзор судебной практики по гражданским делам за сентябрь 2019 года: подготовлен Белгородским областным судом// Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 18.06.2019 по делу № 33-4696/2019[Электронный ресурс] // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

УДК 347.9

Н.А. ШИЛОВА

научный руководитель
доцент М.Ю. ПОРОХОВ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ГРУППОВЫХ ИСКОВ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ

С 1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 18 июля 2019 г. N 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который изменил существующую модель группового иска гл. 28.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее-АПК РФ[1]), а также ввел соответствующую конструкцию и в гл. 22.3 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее-ГПК РФ[2]).

Однако еще в двухтысячные годы многие ученые выступали против института группового иска, полагая, что его введение может лишить заинтересованных лиц права самостоятельно защищать права в суде, а также нарушит принцип диспозитивности[3].

Для оценки вышесказанной точки зрения необходимо обратиться к сущности группового производства, т.е. множественности лиц на стороне истца. Именно количественный состав лиц при групповом процессе, который может существенно превышать число тех же соучастников, определяет разумность данной конструкции, которая позволяет получить реальную возможность возмещения вреда при наиболее низких издержках и рисках, имея при этом шансы противостоять финансово сильной стороне[4]. Вследствие этого мы разделяем позицию Шайхутдиновой А.И.,

[1] Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : текст с изм. и доп. на 02 дек. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : текст с изм. и доп. на 02 дек. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Шайхутдинова, А. И. Групповые (коллективные) иски в гражданском судопроизводстве России и Бразилии: сравнительно-правовое исследование / А.И. Шайхутдинова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 5. – С. 115.

[4] Аболонин, Г.О. Групповые иски в законодательстве и судебной практике США / Г.О. Аболонин // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 3. – С. 147.

согласно которой возложение личного участия на каждого присоединившегося члена группы могло бы привести к неразрешимым проблемам в судебном процессе[1]. Значит, наделение лиц, присоединившихся к требованию, всей полнотой прав лиц, участвующих в деле, противоречило бы самой конструкции группового производства.

Говоря о праве лиц на судебную защиту, обратимся к совокупности условий ст. 240.20 ГПК РФ, которая позволяет относить лицо к члену группы лиц, наделяя его возможностью присоединения к иску. При этом присоединение по избранной модели opt in происходит в активной форме через волеизъявление лица. Не воспользовавшись таким правом, истец не лишается возможности обратиться в суд с самостоятельным иском. Таким образом, лицо может присоединиться к групповому спору в случае, когда он действительно более удобен и выгоден по сравнению с индивидуальным исковым заявлением.

Однако сказанное вовсе не означает, что присоединившиеся к групповому требованию лица должны быть полностью процессуально бесправными субъектами[2].

Согласно ч.2 ст. 244.22 ГПК РФ только лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц (далее-истец-представитель) пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца. Лица, присоединившиеся к требованию, в отличие от последнего, имеют ограниченный характер прав, среди которых право:

знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии;

ходатайствовать в суде о замене истца-представителя;

присутствовать в судебном заседании, в том числе если оно объявлено закрытым;

отказаться от поданного заявления о присоединении к требованию;

вступить в дело в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора (ст. 244.23 ГПК РФ).

---

[1] Шайхутдинова, А. И. Групповые (коллективные) иски в гражданском судопроизводстве России и Бразилии: сравнительно—правовое исследование / А.И. Шайхутдинова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 5. – С. 112.

[2] Туманов, Д.А. О групповых исках в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ. Часть 2. / Д.А. Туманов // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 4. – С. 73.

Очевидно, что представленный перечень не способен в полной мере реализовать право на защиту присоединившихся лиц, следовательно, нуждается в дополнении.

Во-первых, законодатель должен внести соответствующие изменения, которые будут гарантировать всем членам группы лиц одинаковую возможность обжалования судебных актов.

На данный момент, согласно ст. 320 ГПК РФ, решение может быть обжаловано лицами, участвующими в деле, а также лицами, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом.

Члены группы лиц по ст. 34 ГПК РФ не относятся, к лицам, участвующим в деле, а, значит, присоединившиеся члены группы лиц, лишены права обжалования.

Правовое положение членов группы лиц, не присоединившихся к требованию, имеет некоторые отличия и зависит от того, был ли член группы извещен надлежащим образом о групповом иске. Если член группы был извещен представителем группы, но не присоединился к требованию, он не вправе обжаловать судебные акты. Если же член группы не был надлежащим образом извещен представителем группы, то он не имел возможности участвовать в групповом судебном процессе. В таком случае у него должно быть право обжалования судебных актов как у лица, которое не было привлечено к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которого был разрешен судом. Такая норма, например, содержится в ст. 42 АПК РФ, несмотря на то, что гл. 28. 2 АПК РФ также не предусматривает право обжалования.

Вместе с тем встает интересный вопрос: что собой представляет сама многочисленная группа как участник процессуальных отношений и куда отнести ее участников в рамках принятой классификации участников цивилистического процесса[1]? Судебная практика противоречива на этот счет: есть случаи отнесения к «иным лицам» и даже к истцам!

Во-вторых, согласно действующему законодательству, кандидатура истца-представителя указывается в исковом заявлении (ч.1 ст. 244.22 ГПК РФ). При этом из формулировок гл. 22.3 ГПК РФ неясно, будет ли истцом-представителем по умолчанию лицо,

[1] Долганичев, В.В. Новый групповой иск в России: краткий обзор / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 11. – С. 16.

которое обратилось с групповым иском[1]. В США предусмотрена иная процедура, по которой «ведущий истец» избирается судом из предложенных истцов-членов группы. При этом, обычно выбирают лицо, которое обладает наибольшим финансовым интересом в рассмотрении группового иска[2].

Действительно, лицо, имеющее наибольшую финансовую выгоду, способно наилучшим образом представлять в суде интересы группы. Однако право выбора кандидатуры истца-представителя не должно относиться к компетенции суда, поэтому необходимо предусмотреть процедуру согласования кандидатуры истца-представителя между членами группы.

Кроме того, неурегулированным остается вопрос о праве лиц, присоединившихся к требованию, на заключение мирового соглашения. Глава 22.3 ГПК РФ содержит явный пробел относительно особенностей регулирования данного вопроса. Какие варианты возможны?

Первый вариант - на основе полного консенсуса всех членов группы, в случае большого количества лиц на стороне истца сделает фактически невозможным использование института мирового соглашения при групповом споре.

Второй вариант - по большинству голосов членов группы, имеющих наибольший стоимостной объем требований. Например, вариант большинства избран в модельном производстве Германии. При этом в юридической литературе отмечается, что поскольку иным участникам по модельному делу не направляются отдельные извещения и они сами должны следить за движением дела, то получение их мнения представляется затруднительным[3]. Использование информационных технологий для оповещения потенциальных членов группы, на наш взгляд, смогло бы исправить такую ситуацию.

Третий вариант - заключение мирового соглашения истцом-представителем. Как мы уже говорили, истец-представитель наделен всеми процессуальными правами истца. Означает ли это наделение его правом на заключение мирового соглашения? Обращаясь к ст. 39 ГПК РФ, можем дать утвердительный ответ. Од-

[1] Тем же. С. 15.

[2] Аболонин, Г.О. Групповые иски в законодательстве и судебной практике США // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 3. – С. 145.

[3] Долганичев, В.В. Групповой иск и групповое производство в Германии / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 8. – С. 39.

нако, имея возможность совершать все процессуальные действия стороны, право представителя на заключение мирового соглашения по ч. 1 ст. 54 ГПК РФ должно быть специально оговорено в доверенности. А истец-представитель действует от имени группы лиц без таковой на основании заявления о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц (ч. 1 ст. 244.20 ГПК РФ).

Отсутствие специального регулирования оказывает влияние и на судебную практику. За отсутствием практики в гражданском процессе, обратимся к постановлению Арбитражного суда Северо-Западного округа, которым отменено определение об утверждении мирового соглашения нижестоящим судом в связи с кассационной жалобой Наумкиной С.Е. (отметим, что лицо, присоединившееся к требованию, успешно воспользовалось не указанным в гл. 28.2 АПК РФ правом на обжалование).

Податель жалобы указала, что имеющаяся сумма задолженности ответчика перед кредиторами гораздо больше той суммы, которую намерен выплатить Еремин С.А. по условиям утвержденного судом мирового соглашения, и сообщила о нарушении им законодательства о банкротстве.

Рассмотрев кассационную жалобу, суд, в частности, указал на необходимость единогласного одобрения условий мирового соглашения всеми лицами на стороне лица, подавшего заявление о привлечении к ответственности[1].

С одной стороны, рассмотренная практика свидетельствует об утверждении мирового соглашение на основе согласия всех членов группы лиц. С другой, данное положение опирается на особенности положения ст. 61.21 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[2], в связи чем возникает вопрос о возможности подобного толкования в отношении всех споров о защите прав группы лиц.

Считаем, что могут быть установлены особенности применительно к той или иной сфере рассматриваемого правоотношения. Однако по общему правилу в целях упрощения процедуры и,

[1] Постановление арбитражного суда Северо-западного округа № А21-5490/2018 от 29 апреля 2019 г. по делу № А21-5490/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/YqKHa7DNJVUo/ (дата обращения: 09.03.2020).

[2] О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ : текст с изм. и доп. на 18 марта 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

учитывая особенности конструкции группового процесса, право на утверждение мирового соглашения стоит закрепить за истцом-представителем.

Такие способы как право требования у суда прекращения истцом-представителем своих полномочий (п. 2 ч. 4 ст. 244.22 ГПК РФ), не утверждение судом мирового соглашения, противоречащего закону или нарушающего права и законные интересы других лиц (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ), право выхода из состава группы и подача личного иска, а также введенное право обжалования будут гарантиями соблюдения прав со стороны присоединившихся членов.

В заключение особое внимание необходимо уделить соблюдению баланса прав между истцом-представителем и присоединившимися к требованию лицами, для чего предлагается закрепить за последними право обжалования и право на согласование кандидатуры истца-представителя, в свою очередь право на заключение мирового соглашения необходимо оставить за истцом-представителем. Соответствующие изменения могут быть применены как к гл. 22.3 ГПК РФ, так и гл. 28.2 АПК РФ.

СЕКЦИЯ IV

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

А.И. АЗИЗОВА

научный руководитель
доцент С.В. СОЛОВЬЕВА

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ТРУДОВЫХ СПОРАХ

В настоящий момент примирительные процедуры являются недостаточно распространённым методом разрешения трудовых и иных споров в судебной практике Российской Федерации.

Нередко бывает, что между работником и работодателем возникают разного рода разногласия (споры), приводящие к судебным разбирательствам. В основном такого рода конфликты связаны с задержками заработной платы, непригодными условиями для работы и т.д. Данные конфликты однозначно нужно разрешать, прежде всего, стараясь избежать негативных последствий как для работника, так и для работодателя.

Трудовое законодательство выделяет два вида споров по субъектному составу: индивидуальные и коллективные.

Легальное определение индивидуальных трудовых споров содержится в статье 381 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ).

Индивидуальные трудовые споры – это разногласия (конфликты), возникающие между работником и работодателем, по вопросам связанным с осуществлением работником своих трудовых функций, переданные на рассмотрение специальным органам по разрешению трудовых споров, по вопросам применения трудового законодательства. В соответствии со статьёй 382 ТК РФ такие споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам и судами. Также индивидуальные трудовые споры могут

рассматриваться и рядом других органов в соответствии с частью 2 статьи 383 ТК РФ[1].

Другим видом споров являются коллективные трудовые споры, рассмотрению и разрешению которых посвящена глава 61 ТК РФ.

Разрешаются такие споры посредством примирительных процедур, легальное определение которых содержится в статье 398 ТК РФ. «Примирительные процедуры - рассмотрение коллективного трудового спора в целях его разрешения примирительной комиссией, с участием посредника и (или) в трудовом арбитраже»[1].

Таким образом, законодатель определяет органы по добровольному примирению работников и работодателей, участвующих в коллективных трудовых спорах, а именно: примирительную комиссию, трудовой арбитраж, посредников и т. д. Действуют они на основе общих принципов, закреплённых в Рекомендации МОТ №92 «О добровольном примирении и арбитраже»[2].

Результатом проведённых примирительных процедур, в индивидуальных трудовых спорах могут быть: мировое соглашение, частичный отказ от иска, полный отказ от иска, частичное (полное) признание иска, и т. п.

В основном выделяют 3 вида примирительных процедур в индивидуальных трудовых спорах, а именно:

переговоры;

медиация;

судебное примирение.

Переговоры предполагают за собой одну из наиболее простых и распространённых примирительных процедур, посредством которой стороны могут урегулировать разногласия непосредственно, либо путем содействия доверенных лиц без привлечения третьей стороны. На наш взгляд достоинство данной процедуры заключается в отсутствии необходимости официального разрешения и дополнительных расходов. Данную процедуру можно проводить как до, так и после судебного разбирательства, однако, чем раньше она будет проведена, тем раньше будет урегулирован спорный вопрос.

Медиация (посредничество). Легальное определение данного термина содержится в Федеральном законе от 27.07.2010 №193-

---

[1] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание Законодательства РФ. 2002. №1. ст. 3.

[2] Рекомендация МОТ №92 «О добровольном примирении и арбитраже» (Принята в г. Женеве 29.06.1951 на 34-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // «КонсультантПлюс», — URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15567#07156004383026329.

ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1]. Медиация является добровольной процедурой, в основе которой лежит идея взаимовыгодных решений.

На наш взгляд медиаторы должны обладать развитыми навыками в области ведения переговоров, иметь высокий авторитет, умение работать с конфликтами, а также неукоснительно соблюдать Кодекс профессиональной этики медиатора. В свою очередь статья 15 Федерального закона от 27.07.2010 №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», устанавливает требования, которые нужно предъявлять по отношению к медиаторам (например, достижение возраста 18 лет, отсутствие судимости и т.д.). А медиатором, осуществляющим деятельность на профессиональной основе, может стать лицо, соответствующее требованиям статьи 16 данного Федерального закона, а именно:

достижение возраста 25 лет;

высшее образование;

получение дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации[3].

Изначально, процедура медиации, возникшая в 2010 году, была направлена на снятие нагрузки с судов, однако судебная практика, указанная в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 18 января 2018 года №1 говорит об обратном. Там указывается статистика с 2011 по 2017 год, где указано, что только 0,008% от общего количества рассматриваемых дел в судах общей юрисдикции, и 0,002% от общего количества дел, рассматриваемых в арбитражных судах, были урегулированы с помощью медиации. Как следствие неэффективности политики в отношении такой процедуры, было предложено урегулировать различного рода споры путём судебного примирения[2].

С октября 2019 года, граждане РФ получили возможность примириться даже в случае вступившего в силу решения суда. Судебное примирение является новой примирительной процедурой,

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 №193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. №31. ст. 4162.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» // СПС: «КонсультантПлюс» [текст: электронный].

осуществляющейся в форме переговоров, посредством разрешения спора с помощью судебного примирителя. Данная процедура также является бесплатной, а перечень посредников (судебных примирителей), указан в Пленуме Верховного суда РФ.

Судебный примиритель — это посредник, который сможет объяснить гражданам все правовые последствия их действий и поможет найти решение возникшей проблемы, которое удовлетворит их с юридической точки зрения. Однако точные формулировки данного определения можно проследить в статье 138.5 АПК РФ[1], статье 137.6 КАС РФ[2], статье 153.6 ГПК РФ[3].

Постановлением пленума Верховного суда РФ от 28 января 2020 года был утверждён список судебных примирителей, действующих в настоящее время[4].

В соответствии с пунктом 3 статьи 138.5 АПК РФ, судебным примирителем может быть только судья, находящийся в отставке[5]. Однако его могут не включить в перечень судебных примирителей в случае:

если он хоть как-то участвует в осуществлении правосудия;

исполняет обязанности уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг (в соответствии с п. 2, 3 ст. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 №41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения»[9]);

пребывает на государственной службе.

Также стоит учесть абзац 2, пункт 3 статьи 15 Регламента, в соответствии с которым существует отдельное правило по отношению дел, рассматриваемых Верховным судом РФ, в данном случае судебным примирителем может стать только судья Верховного суда, либо судья Верховного арбитражного суда, находящийся в отставке[5].

---

[1] «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. ст. 3012.

[2] «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 №21-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 2015. №10. ст. 1391.

[3] «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. ст. 4532.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2020 №4 «Об утверждении в соответствии с пунктом 9 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года №3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» персональных составов президиумов судов» // СПС: «КонсультантПлюс» [текст: электронный].

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // СПС: «КонсультантПлюс» [текст: электронный].

По своей сути судебный примиритель не является участником судебного процесса, а, следовательно, он не вправе совершать действия, которые влекут за собой возникновение, изменение и прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в судебном разбирательстве, и других участников процесса.

Также стоить отметить то, что судебное примирение во многом вобрало в себя огромное количество положений из уже утратившей законную силу программы подготовки медиаторов, разработанной еще в 2011 году. Данная программа предполагала за собой обучение посредников в соответствии с тремя образовательными программами повышения квалификации.

Несмотря на внешние сходства, процедуры медиации и судебного примирения не являются тождественными. Основное различие заключается в том, что судебным примирителем может стать только судья, находящийся в отставке или представитель действующего аппарата суда. Иначе говоря, медиатор и судебный примиритель различаются по степени участия государства в такого рода процедуре: судебный примиритель - лицо, аккредитованное государством, представитель суда, в то время как медиатор чаще всего выступает в качестве частного субъекта, однако Постановление Пленума Верховного суда от 18.01.2018 №1 указало, что судья в отставке также может стать и медиатором, осуществляющим деятельность на профессиональной основе[4]. Помимо этого, примиритель вправе предлагать сторонам решение их проблемы, в то время как медиатор не предлагает решения по спору, а способствует сторонам в достижении ими самими взаимовыгодного решения.

В последнее время прослеживается активное внедрение технологий в различные сферы жизни общества. Исключением не стала и юриспруденция (в том числе сфера примирительных процедур). Многие профессии автоматизируются, то есть функции таких работников заменяют специально запрограммированными роботами. Возможно ли заменить медиатора или судебного примирителя искусственным интеллектом?

По поводу применения технологий искусственного интеллекта в качестве замены человеку ведутся многочисленные споры. Это обусловлено тем, что медиатор, как и судебный примиритель, в процессе осуществления своей деятельности выполняют ряд мыслительных задач, не предполагающих механические действия. В большинстве случаев роботы способны выполнять

не интеллектуальную, а механическую деятельность и решать задачи небольшой сложности. Как известно ряд роботов не способны мыслить и осознавать последствия своих действий, из чего вытекает неспособность искусственного интеллекта к анализу спорных ситуаций.

Помимо этого, медиатор способствует разрешению спора, исследуя эмоциональный фон конфликта на более глубоком уровне его существования, что ведет к удовлетворению интересов и потребностей сторон. Как следствие, невозможно заменить медиатора в процессе конфликтного разбирательства.

Однако в случае судебных примирителей ситуация иная. Существует прогноз их замены искусственным интеллектом (например, путем создания специального алгоритма заключения мировых соглашений), вот только скажется ли это в положительном ключе, мы узнаём с течением времени. На наш взгляд однозначный ответ на данный вопрос можно будет получить путем принятия кодифицированного акта, который закрепит правовой статус искусственного интеллекта в различных областях права.

Исходя из вышесказанного, введение нового вида примирительной процедуры (судебного примирения), послужило предпосылкой к популяризации примирительных процедур в Российской Федерации, которые в дальнейшем посодействуют не только облегчению работы судов, но и завершению судебного процесса с учётом пожеланий всех спорящих сторон.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить то, что, во-первых, судебное примирение — это новая процедура, применяемая в судебных процессах, которая возможно впоследствии упростит работу судов, путём правильного урегулирования спора в примирительном порядке.

Во-вторых, рассмотрев несколько видов примирительных процедур, необходимо отметить их диспозитивность, выражающуюся в самостоятельном выборе вида такой процедуры конфликтующими сторонами.

В-третьих, отсутствие у искусственного интеллекта мыслительной деятельности и эмоциональной составляющей говорит о том, что он не способен принимать осознанные и самостоятельные решения. Это свидетельствует о том, что отсутствует возможность замены медиатора искусственным интеллектом.

УДК 349.3

А.А. АФАНАСЬЕВА

научный руководитель
доцент О.Л. ВЕРБИНА

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЯХ «СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА» И «СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Основные права и свободы человека и гражданина, а также принципы, на основе которых происходит их реализация, закреплены в «Конституции Российской Федерации», принятой Всенародным голосованием 12.12.1993 г. (далее - Конституция РФ)[1]. В Конституции РФ встречаются словосочетания «социальная защита» и «социальное обеспечение». Но понятия этих терминов в Основном законе РФ не раскрыты. Вследствие этого отсутствует однозначное понимание содержания этих правовых категорий. Отсутствие понятий вышеназванных терминов порождает ещё одну проблему, связанную с вопросом определения соотношения социальной защиты и социального обеспечения. Несмотря на то, что в главах 1 и 2 Конституции РФ встречаются нормы, содержащие такие термины, эти нормы не имеют чётко выстроенной системы, они установлены отдельно друг от друга.

Заслуженный юрист РФ В.П. Галаганов рассматривает социальную защиту и социальное обеспечение как формы внешнего проявления РФ как социального государства[2]. С точки зрения содержания конституционной нормы его мнение является верным, но, провозглашая РФ социальным государством и включая в себя ряд гарантий социальной защиты, Конституция РФ не называет такого основополагающего термина как «социальное обеспечение».

Ряд гарантий, установленных в части 2 статьи 7 Конституции РФ подтверждает функционирование РФ как социального государства. Это и охрана труда и здоровья людей, и установление

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

[2] Галаганов В.П. Право социального обеспечения. — Москва: Академия. —2018. — С. 415.

гарантированного минимального размера оплаты труда, государственных пенсий, пособий, и обеспечение государственной поддержки семьи, отцовства, материнства, детства, пожилых граждан, инвалидов, а также иные гарантии социальной защиты. Ввиду этого взаимосвязь социального государства и социальной защиты не требует доказывания, она очевидна.

В широком смысле социальная защита является закреплённым на законодательном уровне обязательством государства предоставлять населению условия, необходимые для их жизнедеятельности и благосостояния не ниже того минимума, который установлен законодательством, а также сглаживать острые углы такого явления как социальное неравенство. Вследствие этого представляется очевидным тот факт, что государство несёт ответственность за обеспечение достойного уровня жизни населения страны. Несмотря на это будет не совсем точной мысль о том, что государство является своеобразным попечителем над каждым гражданином РФ. Обеспечение достойного уровня жизни граждан предполагает создание государством таких социальных, экономических, правовых и организационных возможностей, с помощью которых каждый человек, приложив собственные усилия, сможет обеспечить не только себе, но и своей семье, достойный уровень существования.

Одной из форм социальной защиты представляется такая форма как социальная поддержка. Доктор юридических наук В.Ш. Шайхатдинов под такой правовой категорией как социальная поддержка понимает меры по предоставлению помощи лицам, имеющим доход не ниже прожиточного минимума, но нуждающимся в дополнительной поддержке в связи со сложной жизненной ситуацией[1]. Предоставление мер социальной поддержки является дополнительной формой социальной защиты отдельных категорий населения. Право на социальную поддержку возникает в связи с принадлежностью гражданина к определённой категории лиц, которые нуждаются в дополнительной защите с учётом определённых обстоятельств. Одной из важнейших составляющих социальной защиты является социальное обеспечение. Характеристика социального обеспечения содержится в статье 39 Конституции РФ. Доктор юридических наук Ю.В. Васильева обращает внимание на тот факт, что в вышеназванной статье Конституции

[1] Социальная защита населения в регионе: учеб. пособие под общ. ред. В.Г. Попова. — Екатеринбург: УрАГС. —1999. —С. 352.

РФ не только не содержится реальных гарантий осуществления права на социальное обеспечение, в ней ещё отсутствует термин «право на социальное обеспечение»[1].

Отсутствие в Основном законе страны понятий терминов «социальное обеспечение» и «право граждан на социальное обеспечение» создаёт некоторую неопределённость о месте социального обеспечения в составе социальной защиты населения. Ввиду этого единства в определении вышеназванного термина не достигнуто и на сегодняшний день. Правовед Т.К. Миронова справедливо отмечает тот факт, что закрепления на конституционном уровне терминов «социальное обеспечение» и «право на социальное обеспечение» будет недостаточно для полноценного процветания государства. Граждане нуждаются в закреплении в Конституции РФ права на различные виды социального обеспечения. Представляется, что правовед К. Миронова исходит из того, что правом социального обеспечения регулируются отношения, возникающие в результате предоставления гражданам разных видов обеспечения[2]. Она раскрывает социальную защиту как деятельность государственных и негосударственных органов по осуществлению правовых, экономических, организационных мер, направленных на предупреждение или смягчение негативных последствий для человека в случае наступления социально значимых обстоятельств, а также на сохранение приемлемого уровня жизни[3]. Бутенко Е.И. предлагает ввести термин «социально-обеспечительные юридические факты» с целью выделения в праве социального обеспечения отдельных юридических фактов, которые будут обуславливать наступление материально - правовых последствий, а в связи с наступлением последних будет определяться необходимость предоставления лицу определённого вида социального обеспечения[4].

---

[1] Васильева Ю.В. Об отражении в законодательстве о социальном обеспечении положений Конституции РФ// Вестник Пермского университета. Сер: Юридические науки. —2010. —№ 1(7). — С. 184.

[2] Васильева Ю.В. Об отражении в законодательстве о социальном обеспечении положений Конституции РФ // Вестник Пермского университета. Сер: Юридические науки. —2010. —№ 1(7). —С. 184.

[3] Миронова Т.К. Право социального обеспечения и современные тенденции правового регулирования отношений в сфере социальной защиты: дис. … д-ра юрид. наук. — Москва: МГУ. —2017. —С.63.

[4] Бутенко Е.И. Соотношение понятий «социально-обеспечительные юридические факты» и «юридические факты в праве социального обеспечения» // Вестник Томского государственного университета. —2018. —№ 328. —С. 89.

Остаётся неопределённым вопрос о соотношении понятий «социальная защита» и «социальное обеспечение». Для разрешения этого далеко не лёгкого, на наш взгляд, вопроса можно произвести анализ международного опыта правового регулирования данных правовых категорий. Проанализируем Конвенцию № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», принятую в г. Женеве 28 июня 1952 года (далее - Конвенция № 102)[1]. Третий раздел Конвенции № 102 содержит положения о пособиях по болезни, в четвёртом установлены положения, связанные с выплатой пособий по безработице, разделы с пятого по десятый включают ряд положений, которые характеризуют выплату таких пособий как: пособие по старости, пособие в случае трудового увечья или профессионального заболевания, семейные пособия, пособие по беременности и родам, пособие по инвалидности, пособие по случаю потери кормильца. Таким образом, в Конвенции № 102 о минимальных нормах социального обеспечения установлены виды социальной защиты. Ввиду того, что в основу выделения видов социальной защиты в Конвенции № 102 о минимальных нормах социального обеспечения положены самые разнообразные критерии, можно сделать однозначный вывод о том, что такие правовые категории как «социальная защита» и «социальное обеспечение» не являются синонимами, а понимаются разными правовыми категориями. К тому же далеко не всегда объектом социальной защиты являются общественные отношения, связанные с социальным обеспечением.

Из смысла конституционные норм, регулирующих осуществление социальных прав человека и гражданина, по - нашему мнению, можно сделать вывод о том, что такая правовая категория как «социальная защита» является по своему содержанию более широкой, чем правовая категория «социальное обеспечение». Доказательством верности такого вывода является пункт «ж» части 1 статьи 72 Конституции РФ, в котором установлено положение о том, что к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ относится социальная защита, включая социальное обеспечение. Именно это конституционное положение является подтверждением факта, что социальное обеспечение является составной частью социальной защиты.

Исходя из вышеназванного, можно сделать вывод о том, что социальная защита является важнейшим принципом проявления Российской Федерации как социального государства. В соответ-

[1] Можаева В.Г. Правовые основы социальной защиты трудящихся // Социальная защита. —1995. —№ 1. —С. 11.

ствии с конституционно-правовыми положениями социальная защита является широкой правовой категорией, которая включает в себя и такую правовую категорию как «социальное обеспечение». Конституция РФ представляет составляющие социальной защиты. В неё включены такие важнейшие права и свободы человека и гражданина как: права и свободы в области труда, защиты семьи, отцовства, детства, материнства, обеспечения благополучной окружающей среды и охраны здоровья, а также социального обеспечения и социальной поддержки самых разных категорий граждан. На законодательном уровне раскрыты термины отдельных видов социальной защиты[1]. Одним из таких примеров является раскрытие понятия такого термина как «социальная защита инвалидов» в Федеральном законе РФ от 24.11.1995 №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»[2]. Но несмотря на вышеназванные важнейшие конституционно-правовые положения, на законодательном уровне до сих пор не раскрыты понятия социальной защиты и социального обеспечения, которые являются существенными для любого человека и гражданина. Представляется, что законодателю следует устранить данный «пробел» в законодательстве.

УДК 349.2

О.В. БЕСПАЛОВА

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

УЧЕНИЧЕСКИЙ ДОГОВОР – ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ

В современном мире работодателю для повышения эффективности производства предприятия необходимо поддерживать образовательную мобильность рабочего коллектива. С этой целью создаются различные программы по дополнительному образованию действующего персонала; помимо этого, осуществляется

[1] Фёдорова М.Ю. Социальная поддержка в системе социальной защиты населения: понятие и правовая природа. —Санкт-Петербург: ООО «Университетский изд. Консорциум «Юридическая книга». —2017. —С. 589.

[2] Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Собрание законодательства РФ, 27.11.1995, № 48, ст. 4563.

прием на работу новых сотрудников, уже прошедших соответствующее обучение и пригодных для выполнения подходящей трудовой функции. Для более большей продуктивности предприятия предпочитают заключать с лицом, желающим работать в организации ученический договор, так как это позволит принять на работу лицо, отвечающее всем требованиям работодателя.

На сегодняшний день ученический договор является одним из важных элементов трудовых правоотношений, ведь уже прошедшие обучение высококвалифицированные кадры, смогут с лёгкостью выполнять свои обязанности, используя современные методы и внедряя инновационные технологии.

Однако говорить о глобальном применении ученического договора в нашем государстве не стоит, ведь лишь очень немногие отечественные организации могут позволить себе обучение (переобучение) работников за свой счет.

Помимо проблем финансирования возникают затруднения, связанные с процедурой заключения, действия и прекращения ученического договора, т.к. каждый из этапов имеет свои нюансы, здесь требуется более детализированный подход, постоянное развитие рынка труда заставляют законодателя двигаться в том же направлении.

Основные положения ученического договора закреплены в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее - ТК РФ), отдельные аспекты раскрываются и в других статьях данного кодекса.

Правовая природа ученического договора вызывает постоянные споры, но при этом, некоторые положения являются постоянными, а именно:

— стороны ученического договора представлены работодателем и учеником;

— работодатель обязан гарантировать обучение ученика и выплачивать ему денежное пособие во время обучения;

— ученик обязан после учебы проработать у работодателя установленный срок.

Следует помнить, что если учеба лица осуществляется не работодателем, и лицо проходит обучение в образовательной организации по направлению и за счет работодателя, то ученический договор заключаться не будет, так как в этом случае будет действовать п. 2 ч. 1, ч. 2 и ч. 3 ст. 54 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», то есть будет заключен 201 договор об оказании платных образовательных услуг.

В ТК РФ четко не закреплено понятие «ученический договор», однако при применении его по традиции делят на два самостоятельных вида:

как дополнительное соглашение к трудовому договору, заключаемое между работником предприятия и работодателем

как соглашение, заключаемое между лицом, ищущим работу, и работодателем.

На фоне этого на практике при реализации ученического договора раскрывается проблемы, связанные с осуществлением прав и обязанностей сторон. Так, на сегодняшний день сложился опыт злоупотреблений, когда работодатель понятием «ученический договор» подменяет понятие «испытательный срок», понимая, что после того, как выйдет срок действия такого «ученического договора» расторжение с работником трудовых отношений не составит особого труда, нежели его увольнять как работника, не выдержавшего испытательный срок. Как можно исправить сложившуюся ситуацию?

Для начала следует на законодательном уровне разграничить понятия ученического договора и испытательного срока, нормативно закрепив при этом отдельные права работодателя при действии ученического договора и испытательного срока.

Также, в главе 32 ТК РФ, в большей степени прописаны обязанности работника нежели работодателя. К примеру, ничего не сказано об обязанности работодателя принять на работу лицо, прошедшего обучение работника, заключив с ним трудовой договор, а также не прописаны меры ответственности работодателя за отказ по неуважительным причинам принять работника на работу. Так, если сравнить нормы ученического договора с нормами договора о целевом обучении, которые регулируют подобные правоотношения, то договор о целевом обучении представляется ученику более выгодным, так как согласно ч. 6 ст. 56 ФЗ «Об образовании» трудоустройство в ту организацию, которая указана в договоре о целевом обучении, в соответствии с полученной квалификацией.

Используя этот пробел в законодательстве, недобросовестный работодатель, злоупотребляя своим правом, может без уважительных причин не трудоустраивать и не заключать трудовой договор с лицом, подписавшим ученический договор и прошедшим обучение.

Для защиты интересов ученика следует закрепить в гл. 32 ТК РФ обязанность работодателя принять на работу лицо, успешно прошедшего обучение, а также определить меры ответствен-

ности работодателя за фактическое нарушение договора, в виде различных компенсационных выплат.

Что касается ответственности работника перед работодателем, то законодателем разъяснены только процедурные вопросы возмещения затрат работодателю. Так, при применении ст. 207 и 249 ТК РФ неясно в каком договоре должна устанавливаться обязанность работника либо лица, ищущего работу, возместить расходы, понесенные работодателем в связи с его обучением.

Обращений в суд с иском к работникам, не выполнивших свои обязательства в связи с пройденным обучением, от работодателей не так уж и много.

Например, Архангельским областным судом была составлена справка по результатам рассмотрения судами Архангельской области гражданских дел, которые как раз-таки связаны с применением норм ТК РФ, регулирующих ответственность работника за причиненный работодателю ущерб; из анализа справки важно заметить, что из представленных на обобщение дел дела о возмещении затрат, связанных с обучением работника, составляют 1,2 %, или два дела.[1]

Еще одним проблемным моментом в области применения ученического договора является решение вопроса о том, законно ли взыскивать с работника денежные средства, выплаченные ему работодателем в качестве командировочных расходов, если обучение происходило с отрывом от работы и в другом населенном пункте? На основании ст.166 и ст.167 ТК РФ командировка выполняется на основании распоряжения работодателя в целях выполнения служебного поручения вне места нахождения работодателя, при этом работнику возмещаются расходы, непосредственно связанные с нею.

Статьей 187 ТК РФ гарантируется возмещение работодателем командировочных затрат кадрам, направляемым на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование с отрывом от работы в другую местность. Не маловажно отличать «профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование работника» от ученического договора, т.к. он может быть заключен и за неимением трудового договора.

[1] Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами Архангельской области гражданских дел, связанных с применением норм Трудового кодекса РФ, регулирующих материальную ответственность работника за ущерб, причиненный работодателю [Электронный ресурс]. —URL: https://www.lawmix.ru/obsh/46581 (дата обращения: 15.03.2020).

Соответственно, такие расходы не могут трактоваться как затраты, понесенные работодателем на обучение работника, следовательно, не подлежат возмещению работником в случае увольнения без уважительных причин до истечения срока, установленного соглашением об обучении.

Таким образом, при заключении ученического договора следует учитывать все тонкости правового регулирования ученического договора в действующем законодательстве, так как на практике видно, что оно является недостаточным. Во-первых, следует разграничить два отдельных вида договоров – с работником, уже работающим в организации, и с лицом, ищущим работу, поскольку доля наличия именно трудовых отношений в них имеет существенное различие. Во-вторых, если отдельные условия действия ученического договора не в полной мере детализированы в законодательстве, то следует их прописывать самостоятельно уже при заключении ученического договора, чтобы в дальнейшем избежать расхождений в решении вопросов, возникших при дальнейшем его действии как со стороны работодателя, так и со стороны работника.

УДК 347.2/.3

Д.А. ГЛАЗИСТОВА

научный руководитель
доцент Г.Р. ИГБАЕВА

ТЕНДЕНЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАДРОВЫХ ВОПРОСОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ ПЛАТФОРМ

Прогресс не стоит на месте, и с каждым годом появляется все больше и больше технологий, которые помогают людям. В связи с этим происходят крупные изменения в каждой сфере деятельности человека. Сфера труда не является исключением. За последние годы научные деятели и представители крупных компаний не раз заявляли о том, что происходит уход от традиционных должностных инструкций и строгих рабочих расписаний. Это порождает тенденцию к тому, что каждый работник постоянно повышает свою квалификацию, и все большее влияние на трудовую деятельность оказывают цифровые инструменты. Также необхо-

димо отметить, что постоянно растет число работников, которые предпочли бы отойти о концепции классических рабочий мест и офисов, заменяя это удаленной работой с выбором рабочего места самостоятельно.

Сфера труда, как и прогресс, также не стоит на месте, постоянно видоизменяясь, в связи, с чем появляются тенденции, способные удовлетворить потребности работников и работодателей. Законодатель Российской Федерации не может оставить без внимания вопросы регулирования сферы труда, поэтому новые веяния порождают необходимость изменения законодательства, появлению новых нормативно-правовых актов, что в свою очередь обосновывает увеличение судебной практики по спорам между работниками и работодателями.

28 июля 2017 года правительство Российской Федерации утвердило программу «Цифровая экономика Российской Федерации». С 1 января 2020 года появился новый проект по использованию электронных трудовых книжек. Уже более четырех лет россияне используют электронные листы нетрудоспособности. А с начала 2020 года Министерство труда объявило о начале очередного эксперимента – внедрение электронного кадрового документооборота. Стоит отметить, что данный эксперимент проводился ранее в крупных компаниях станы и с этого года любая компания имеет возможность подключиться к электронному кадровому документообороту.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что переход работодателей к электронному кадровому документообороту порождает необходимости использования работниками электронной цифровой подписи. Несмотря на то, что с 2011 года действует ФЗ от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи», не все россияне используют возможность получения данной подписи, так как у некоторых работников возникают вопросы о безопасности нововведения. Однако Министерство труда принимает все зависящие от него меры для перевода граждан Российской Федерации на электронную подпись. В связи, с чем Минтруд объявил о скором начале эксперимента, где любой желающий сможет опробовать электронную подпись для кадровых документов.

Еще одна тенденция, которая набирает обороты в последнее время – удаленная работа. Безусловно, работникам удобнее выполнять свои обязанности не на одном рабочем месте – в офисе, а в разных местах, сменяя обстановку, но это порожда-

ет некоторые проблемы с законодательным урегулированием. В большинстве случаев дистанционные работники заключают трудовой, а не гражданско-правовой договор с работодателями, который регулируется главой 49.1 Трудового Кодекса Российской Федерации. Но существуют проблемы – многие компании привлекают специалистов из других стран, так как в последнее время происходит утечка ценных специалистов из России. Но как заключать трудовой договор о дистанционной работе с иностранным лицом, постоянно проживающим за территорией РФ? С одной стороны, ст. 11 ТК РФ гласит, что трудовой договор может заключаться с иностранными лицами на территории Российской Федерации и данный договор имеет юридическую силу на всей территории нашей страны. Следовательно, работник может заключить трудовой договор о дистанционной работе, находясь на территории Российской Федерации вне зависимости от региона или города, но иностранный работник, постоянно проживающий за пределами Российской Федерации, не имеет возможности заключить данный договор. С другой стороны, положения этой же статьи Трудового Кодекса гласят о возможности заключения трудового договора с иностранным лицом на территории Российской Федерации. Соответственно, работник, может приехать в Россию для заключения трудового договора, но это не всегда удобно как для работников, так и для работодателей, так как работа будет выполняться дистанционно, следовательно, возможность заключить трудовой договор с работником, проживающим на территории другой страны, удобнее заключать дистанционно. В связи с чем, видеться необходимость восполнения пробела в законодательном регулировании трудовых договоров о дистанционной работе.

Следующую тенденцию также нельзя оставить без внимания – это активное использование социальных сетей. Работодателям удобнее связываться с работниками посредством WhatsApp или ВКонтакте, так как это ускоряет процесс обмена информации. Но как законодательно закрепить обмен рабочей информации посредством социальных сетей? И возможно ли доказать переписку в месенджерах как факт трудовой деятельности? Если на первый вопрос пока нельзя дать конкретного ответа, в связи с пробелом в законодательстве, то на второй вопрос существует ответ в виде судебной практики.

Так, Определение городского Суда по Санкт-Петербургу от 03.04.2019 по делу №33-7054/2019[1] гласит, что трудовые отношения возникают на основании фактического допущения к работе. Следовательно, необходимо исходить не только из наличия формальных актов (трудового договора, штатного расписания и т.д.), но и устанавливать признаки трудовых отношений. Работодателю доказать их отсутствие не удалось, а вот работник предоставил переписку в Telegram по рабочим вопросам с работодателем в качестве доказательства их наличия. По данному вопросу иск был удовлетворен.

Работодатели смотрят на использование социальных сетей с двух сторон, говоря о том, что, с одной стороны происходит быстрый обмен информации, а, с другой стороны, использование социальных сетей в рабочее время не всегда целевое. Так, к примеру, нельзя отследить, использует ли работник социальную сеть для решения рабочих вопросов или в личных целях.

Апелляционное определение Московского городского суда от 24.08.2012 года по делу №11-18398 вынесено по вопросу нецелевого использования социальных сетей в рабочее время.[2] Так, в удовлетворении иска об отмене приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности за нецелевое использование социальных сетей в рабочее время, взыскании стимулирующей набавки, компенсации морального вреда отказано правомерно. Так как доказано наличие оснований, соблюдение порядка и срока привлечения к дисциплинарной ответственности, совершенный истцом дисциплинарный проступок соответствует тяжести наложенного на него дисциплинарного взыскания.

Видится возможным решение проблем с использованием социальных сетей посредством принятия нормативно-правовых норм, регулирующих данный вопрос.

Стоит отметить, что развитие технологий и внедрение интернет платформ во все сферы деятельности человека порождают определенные изменения. Безусловно, прогресс не стоит на месте и трудовые отношения между работниками и работодателями видоизменяются. В связи с тем, что сфера труда активно использует технологические новинки, видеться необходимость в совершенствовании законодательства.

---

[1] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 03.04.2019 [Электронный ресурс]. № 33-7054/2019. —URL: https://www.v2b.ru.

[2] Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 24.08.2012 г. **[Электронный ресурс].** № 11-18398. —URL: https://base.garant.ru.

УДК 349.2

М.А. ГРИГОРЬЕВ

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Труд осуждённых в Российской Федерации регулируется как трудовым правом, так и уголовно-исполнительным. При этом уголовно-исполнительное право регулирует трудовые отношения заключённых там, где труд существенно отличается от труда свободных граждан. Учитывая, что цели и условия труда непосредственно связаны с режимом отбывания наказания, соответствующие правовые нормы расположены не в разделе XII Трудового кодекса Российской Федерации, который посвящён особенностям регулирования труда отдельных категорий работников, а в Главе 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК), которая рассматривает труд осужденных.

Стоит отметить, что таких статей в УИК немного (ст. ст. 103-108), а в некоторых из них содержатся прямые отсылки к трудовому праву. Так в части 2 статьи 103 УИК говорится, что несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. В части 1 статьи 104 можно заметить, что продолжительность рабочего времени осужденных, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. В соответствии с законодательством Российской Федерации о труде осужденные имеют право на оплату труда (ст. 105 УИК). И даже в тех моментах, когда прямые отсылки на нормы отсутствуют, практика говорит о том, что трудовые отношения всё равно регулируются нормами трудового права. Например, размер оплаты труда осужденных, которые отработали определенную месячную норму, не может быть ниже минимального размера оплаты труда.

В отличие от Трудового кодекса Российской Федерации, в котором в статье 4 сказано, что принудительный труд запрещен, Уголовно-исполнительный кодекс говорит об общей обязанности осужденных трудиться. Так в статье 103 УИК говорится, что каждый осужденный обязан трудиться на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. При этом адми-

нистрация исправительного учреждения должна привлекать осужденных к труду учитывая их пол, возраст, состояние здоровья и трудоспособность, по возможности, специальность, исходя из наличия рабочих мест. Таким образом, осужденные привлекаются к труду не по своему волеизъявлению, а в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства. Поскольку общественно полезный труд как средство исправления (ст. 9 УИК РФ) и обязанность (ст. ст. 11, 103 УИК РФ) осужденных является одной из составляющих процесса отбывания наказания, их трудовые отношения с администрацией исправительного учреждения носят специфический характер.

Однако некоторые учёные, например, А.В. Губенко, считают недопустимым обязательный труд в местах лишения свободы, так как он, по их мнению, противоречит части 2 статьи 37 Конституции РФ, в которой провозглашается запрет принудительного труда[1].

Поставить под сомнение данное суждение можно, взглянув на часть 4 статьи 15 и часть 3 статьи 55 Конституции РФ. Первая устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Поэтому, если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Российская Федерация ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1955 года и Конвенцию МОТ № 29 1930 года, которые не относят труд осужденных к запрещаемому ими принудительному или обязательному труду.

Вторая же статья говорит, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо. Таким образом, Уголовно-исполнительный кодекс, который устанавливает общую обязанность осужденных трудиться, и Трудовой кодекс Российской Федерации, исключающий такой труд из принудительного, являются федеральными законами, которые в данном отношении не противоречат Конституции.

Стоит отметить, что осужденные мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет, а также инвалиды первой и второй группы привлекаются к труду по их желанию. В данном случае действует принцип добровольности.

Согласно части 6 статьи 103 отказ осужденных от работы или её прекращение без уважительных причин является злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания и может повлечь за собой санкции. Подчеркну, что осужденные также лишены права на забастовку.

При этом стоит учитывать, что привлекать осужденных к труду можно лишь в тех местах, которые расположены непосредственно на территории исправительного учреждения, либо вне её при условии надлежащей охраны, и трудовая деятельность осужденных не должна противоречить основной задачи исправительных учреждений - перевоспитанию. К сожалению, далеко не всегда данные положения УИК реализуются на практике. Так нередки случаи, когда труд осужденных использует начальство исправительного учреждения в корыстных интересах. Судебная практика знает немало примеров, когда осужденные занимались строительством, ремонтном, выполняли иные хозяйственные работы вне пределов исправительного учреждения на личных участках администрации учреждений. Так, широкий резонанс приобрело дело в Курганской области. 30 октября 2019 года Курганский городской суд признал виновным в злоупотреблении полномочиями бывшего начальника УФСИН России по Курганской области. При строительстве собственного дома он незаконно использовал труд заключенных, один из которых сбежал. При этом бывший начальник вынудил подчиненных оформить этот инцидент как побег из колонии.

Ещё одной проблемой являются основания привлечения несовершеннолетних к труду, которые на мой взгляд являются противоречивыми. Так в части 2 статьи 103 говорится о том, что несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Это положение законодатель разместил в той части, которая исключает обязательный труд, основываясь на принципе добровольности и его свободы. Таким образом, мы приходим к выводу, что труд несовершеннолетних доброволен, за исключением работ по благоустройству (часть 1 статьи 106 УИК). Но практика говорит об обратном, так как прямого исключения для несовершеннолетних осужденных УИК не содержит, в отличие от первого предложения части 2 статьи 103 УИК[2].

Но нельзя забывать, что, хотя в УИК и не говорится о возрасте несовершеннолетних, в соответствии со статьёй 63 Трудового кодекса Российской Федерации трудовой договор заключается

с лицами, достигшими шестнадцатилетнего возраста. В определённых случаях заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими пятнадцатилетнего и четырнадцатилетнего возраста для выполнения работ, не причиняющих вред их здоровью. Поэтому говорить об обязанности несовершеннолетних трудиться можно лишь в том случае, когда они достигли возраста шестнадцати лет.

Оплата труда также полностью регулируется трудовым законодательством. Осужденные имеют право на оплату труда в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации о труде. Для осужденных, полностью отработавших определенную норму, размер заработной платы не должен быть ниже минимального размера оплаты труда. Те осужденные, которые работают в режиме неполного рабочего дня или неполной рабочей недели, получают заработную плату пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки.

Однако проблемы с выплатой заработной платы осужденным возникают повсеместно. Так, в начале 2018 года Ухтинская спецпрокуратура выявила нарушения трудового законодательства в исправительных учреждениях Республики Коми. При проведении проверки был выявлены факты несвоевременной выплаты заработной платы осужденным. Администрация исправительного учреждения выплатила заработную плату осужденным с задержкой от 2 до 10 дней, при этом компенсация за каждый день задержки, предусмотренная статьей 236 Трудового кодекса Российской Федерации, выплачена не была. Аналогичная ситуация произошла и в Вологодской области, где администрация исправительного учреждения неоднократно привлекала осужденных к работам в выходные и праздничные дни, при этом заработная плата в соответствии с нормами трудового законодательства им выплачена не была. К сожалению, схожие нарушения можно найти в каждом субъекте Российской Федерации.

Также стоит учитывать разницу между начисленной заработной платой и денежными средствами, начисленными на лицевой счет осужденного. Вторая сумма всегда будет меньше, поскольку зачислению на лицевой счёт предшествуют различные удержания. Размер, виды и очередность удержаний определяются 107 УИК. Однако полностью заработную плату удержать не могут, осужденному гарантирован минимум, который ему зачисляют на лицевой счет. В соответствии с частью 3 статьи 107 УИК в зависимости от категории работнику начисляется 25 или 50% доходов.

Этот момент оказывает значительное негативное влияние на мотивацию осужденных к труду[3].

Подводя итог, можно сделать вывод, что труд осужденных обладает значительной спецификой. Несмотря на то, что регулирование данной отрасли производится трудовым и уголовно-исправительным правом, законодатель не смог точно урегулировать некоторые вопросы, связанные с трудом. Возможно, следует внести изменения в статью 11 Трудового кодекса Российской Федерации, дополнив часть упоминанием осужденных, аналогично тому, как это сделано с государственными и муниципальными служащими. Учитывая, что с каждым годом число осужденных в Российской Федерации увеличивается, законодателю необходимо обратить внимание на некоторые неточности и устранить их, а так как 27 декабря 2019 года были внесены изменения в УИК, такая работа ведётся.

УДК 349.2

Е.В. Егорова

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТКИ

Довольно быстрое развитие информационно-телекоммуникационных технологий позволяет субъектам предпринимательской деятельности и по совместительству работодателям производить оптимизацию своей деятельности с целью повышения качества предоставляемых услуг и товаров, а также связанных с ними издержек производства. Примером такого решения служит привлечение труда дистанционных работников, сокращающего материальные и временные расходы на содержание и обслуживание стационарного рабочего места, транспортные услуги для прибытия на работу. Для лиц, деятельность которых относится к высокоинтеллектуальному труду: программисты, дизайнеры, юристы, менеджеры, аналитики и другие специалисты — подобные условия занятости, если иное не установлено трудовым договором о дистанционной работе, позволяют им быть свободными в выборе графика работы, а также самостоятельно организовывать рабочее

место и, как следствие, лучше и качественнее выполнять трудовую функцию[1]. В связи с этим в 2013 году в трудовой кодекс РФ была введена в действие глава 49.1, являющееся преимущественно диспозитивной и непосредственно регулирующая сравнительно новый характер труда.

Дистанционный работник не находится ни прямо, ни косвенно под контролем работодателя, поэтому все же возникает вопрос, каким образом руководство может организовать дисциплину труда таких сотрудников, чтобы быть уверенным в добросовестном исполнении возложенных на них обязанностей. Действующее законодательство данную проблему не урегулировало, поэтому предлагается следующий вариант её решения.

При составлении трудового договора о дистанционной работе представляется необходимым сформулировать специфические права и обязанности обоих субъектов, соблюдая при этом оптимальных их баланс[2].

На взгляд автора данной работы, первичным элементом для поддержания дисциплины труда служит именно взаимодействие работодателя с дистанционным работником, что должно найти отражение в соответствующем соглашении о работе. В нем важно указать положение о том, что стороны обязуются предпринимать все необходимые меры для поддержания постоянной коммуникации: использовать конкретные адреса электронных почт, номера телефонов, специальные и общие для всех сотрудников программы, предназначенные для выполнения работы или связи. А в случае каких-либо событий, препятствующих стандартному общению, — любым иным способом. Не менее важным является отражение конкретной периодичности осуществления взаимодействия, например, стороны обязуются проверять программы, предназначенные для выполнения трудовых функций, каждый рабо-

[1] Данный вывод был основан на исследовании отчетов наиболее крупных Североамериканских IT-компаний о применении ими дистанционного труда. В частности, для компаний такая экономия составляет несколько миллионов долларов в год. При этом отмечается повышение производительности труда на 15% Подробнее см.: Шестакова Е. В. Дистанционная работа. Журнал «Вопросы трудового права». —2010. —№ 9. —С. 49. [Электронный ресурс]. —URL: https://base.garant.ru/55061527/ (дата обращения: 04.04.2020).

[2] Ранее о процессуальных особенностях заключения трудового договора о дистанционной работе написал кандидат юридических наук, доцент РГГУ Коссов И. А., где подробно провел анализ соответствующих действий обеих сторон. Подробнее см.: Коссов И. А. Трудовой договор с дистанционным работником: особенности составления и заключения // Делопроизводство. —2015. —№ 1. —С. 105.

чий день, поддерживать связь раз в день и взаимно отчитываться в получении сообщений или же работник связывается с руководителем не менее одного раза в неделю и т.д. Не должно подразумеваться как само собой разумеющееся обоюдное информирование сторон о смене реквизитов, места жительства и связанного с ним часового пояса. Здесь важно также установить конкретные сроки предоставления информации об этом. Одновременно актуальным будет для организаций, которые обладают коммерческой тайной, ограничение этих способов и каналов связи в целях шифрования.

Другим элементом, служащим своего рода контролем над осуществлением трудовой дисциплины дистанционных работников, будет закрепление в трудовом договоре пунктов, которые прямо указывают сроки, порядок и формы сдачи сотрудником результатов своего труда, а также периоды, варианты и форматы отчетностей о процессе проделанной работы. Работодатель должен принять на себя обязательство вести соответствующий план-график работ, при этом составляя и корректируя его с учетом мнения и возможностей самого работника, что обеспечит право последнего на выбор по своему усмотрению режима рабочего времени и отдыха.

Говоря о мотивационной составляющей деятельности, важным будет отметить тот факт, что на данный момент оплата труда дистанционного сотрудника должна быть все-таки сдельной, поскольку не представляется возможным отследить, сколько времени было реально затрачено на выполнение работы. К тому же, анализ почасовой ставки оплаты “нетипичных” работников показывает, что последние получает меньшую заработную плату по сравнению с работниками, которые находятся под контролем работодателя. Материальные поощрения за безупречное выполнение соответствующего план-графика могут укрепить желание работать больше и качественнее, а также укрепить самодисциплину сотрудника.

Дистанционный характер работы не должен подразумевать для работника отсутствие его права на профессиональный и карьерный рост. Далеко не секрет, что полноценное общение какого-либо сотрудника с коллегами создает между ними не только сотрудничество, но и конкуренцию. Здесь для работодателя важным будет организация постоянного общения всего трудового коллектива посредством видеоконференцсвязи, совместного выполнения заданий, а также проведения учебных занятий с целью повышения квалификации своих сотрудников и, возможно, последующей ее независимой оценки. Последняя мера, на наш взгляд, должна также быть составной частью трудового договора,

поскольку и работник, и работодатель в современном, быстроменяющемся мире заинтересованы в непрерывном улучшении качества предоставляемых на рынке своих услуг и товаров.

На наш взгляд, сегодня в мире среди высокоразвитых стран существует тенденция усиления взаимодействия между высококвалифицированными кадрами и работодателями. Статья 312.5 Трудового Кодекса РФ предоставляет возможность работодателю инициировать расторжение трудового договора о дистанционной работе по основаниям, указанным в нём самом. С одной стороны, это положение, как уже было описано ранее, дает возможность работодателю при более свободных условиях труда для работника обезопасить себя. Но, с другой стороны, это положение не должно использоваться руководителями настолько широко, чтобы заключать с дистанционным работником кабальные, несправедливые для него условия наложения дисциплинарных взысканий с последующим увольнением. В интересах обеих сторон будет составление правила, содержанием которого служит, в первую очередь, разрешение споров и разногласий посредством переговоров через основные каналы связи и, возможно, при личной встрече. Ведь и работник-интеллектуал, и работодатель всегда дорожат своей деловой репутацией, имеющей свойство актива на рынке, и потому стараются ее приумножить.

В заключении стоит отметить, что в ближайшем будущем мы увидим стремительный рост числа дистанционных работников, вызванный развитием рыночных отношений и связанной с ней инфраструктурой, в частности информационно-телекоммуникационных технологий, меняющей характер и условия труда в положительную сторону для обеих сторон. Для государства, обладающим монопольным правом на конструирование законодательства, важно отслеживать происходящие изменения в общественных отношениях и своевременно вносить поправки в Трудовой Кодекс и связанное с ним законодательство. Непосредственно для работника и работодателя вышеперечисленные меры позволят не только улучшить дисциплину труда, его производительность и повысить качество предоставляемых услуг и товаров на рынке, но и защитить свои права и интересы в суде[1].

[1] Об этом свидетельствует судебная практика по делам, которые непосредственно связаны с дистанционным характером труда. Весьма интересным является дело № 2-3092/14, где истцу, принятому на работу по трудовому договору о дистанционной работе, на основании электронной переписки удалось добиться удовлетворения своих требований: выплаты задолженности и компенсации по заработной плате, оплаты больничного листа и восстановления на работе. Дока-

УДК 349.2 **С.В. Жбанков**

научный руководитель:
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА

Трудовой Кодекс регламентирует отношения между работодателем и сотрудниками. Ст. 136 обязует работодателя выплачивать заработную плату не реже чем каждый полмесяца, то есть не позднее 15 календарных дней со дня окончания периода, за который она начислена. Тем не менее работодатель систематически нарушает сроки и размер выплаты заработной платы, что подтверждается суммой невыплаченной заработной платы на 1 января 2020 г., которая составила 2114,2 млн рублей и по сравнению с 1 декабря 2019 г. снизилась на 793,6 млн рублей (на 27,3%) сообщается на сайте Федеральной службы государственной статистики.[1]

«Заработная плата является наиболее действенной мотивацией работников к труду. С развитием рыночных отношений труд стал товаром, а заработная плата – его стоимостью»» - утверждает старший преподаватель кафедры гражданского права Абдулгамидова Д.А.[2] На мой взгляд, речь идет о возрастании необходимости соответствия размера заработной платы и труда, проделанного работником.

Находясь в экономической зависимости от работодателя и опасаясь репрессий, в одиночку работники обращаются за защитой своих прав, в том числе и права на оплату труда, только в самых

зательством же по делу являлись как раз установленные каналы связи между работником и работодателем, указывающие на многочисленные контакты сторон, добросовестном выполнении истцом возложенных на него трудовых обязанностей, а также на попытку работника связаться с работодателем в период нетрудоспособности. Не менее важным являются доказательства, которые подтверждали неправомерность увольнения. Источник: дело № 2-3092/14. «Судебные и нормативные акты РФ». [Электронный ресурс]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/hHlohK2ULhVd/ (дата обращения: 04.04.2020).

[1] [Электронный ресурс]. —URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/8.htm.

[2]Абдулгамидова Д.А. Заработная плата как ключевой аспект современного рынка труда // [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarabotnaya-plata-kak-klyuchevoy-aspekt-sovremennogo-rynka-truda (дата обращения: 27.03.2020).

крайних случаях[1]. Нынешняя экономическая ситуация в стране лишь немногим работникам позволяет рисковать своим рабочим местом, поскольку для многих работников заработная плата является единственным доходом, который зачастую тратится не только на самого работника, но и на членов его семьи.

Тем не менее, задержка выплаты заработной платы сотрудникам, к сожалению, не редкость в современных реалиях. Такая ситуация складывается, как правило, не из-за того, что работодатель не хочет выплачивать зарплату своим работникам, а ввиду проблем с финансами, например, в кризисной ситуации, когда падают продажи.

Онлайн сервисом предоставления работы «Работа.ру» был проведен опрос среди экономически активного населения на счет задержки или невыплаты заработной платы. «Больше половины опрошенных отметили, что, хотя бы однажды получали зарплату с задержкой или вовсе оставались без денег. В такой ситуации оказывались 53% респондентов. Оставшимся 47% работодатель всегда платил вовремя», — сообщили аналитики.[2] Помимо того, половина опрошенных даже не пытались оказывать влияние на работодателя, использовать какие-то методы самозащиты или же прибегать к судебной защите своего права на своевременную выплату заработной платы, установленную ст. 136 ТК РФ. Исходя из такого поведения и складывается общая тенденция воздержания от споров с работодателем, что в итоге проявляется в систематических нарушениях последнего.

Росстат представляет статистику на 1 марта 2020 года, где указывает, что около 2,204 млрд рублей не выплачено работникам из-за отсутствия денежных средств у работодателя. Это является важнейшей причиной просроченной задолженности по заработной плате.[3] То есть у работодателя нет достаточного количества денежных средств, чтобы он мог не уменьшать расходы и в то же время получать фиксированную прибыль. Но, к сожалению, многие работодатели просто пренебрегают расходами на заработную плату работников в угоду своим потребностям в увеличении прибыли.

---

[1] Князева Н.А. Защита прав работников на своевременную и в полном объеме выплату заработной платы // [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-rabotnikov-na-svoevremennuyu-i-v-polnom-obeme-vyplatu-zarabotnoy-platy/viewer (дата обращения: 26.03.2020).

[2] [Электронный ресурс]. — URL: https://www.audit-it.ru/news/finance/828013.html.

[3] [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/8.htm.

Кроме того, данная проблема не осталась без внимания Прокуратуры Российской Федерации. 17 марта 2020 года Генеральный прокурор Российской Федерации призвал прокуроров некоторых субъектов предпринять дополнительные меры реагирования. По данным Генеральной прокуратуры задолженность в этих субъектах от 96 млн рублей[1].

Безусловно, работодатель может удерживать определенный процент заработной платы согласно ст. 138 ТК РФ, который не может превышать 20 процентов, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, - 50 процентов заработной платы, причитающейся работнику. При удержании из заработной платы по нескольким исполнительным документам за работником во всяком случае должно быть сохранено 50 процентов заработной платы. Указанные ограничения не распространяются на удержания из заработной платы при отбывании исправительных работ, взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, возмещении вреда, причиненного работодателем здоровью работника, возмещении вреда лицам, понесшим ущерб в связи со смертью кормильца, и возмещении ущерба, причиненного преступлением. Размер удержаний из заработной платы в этих случаях не может превышать 70 процентов. Не допускаются удержания из выплат, на которые в соответствии с федеральным законом не обращается взыскание.

Данную ситуацию можно разрешать различными методами, но мне бы хотелось остановиться поподробнее на вопросе о том, почему же работники не пользуются средствами самозащиты при задержке заработной платы.

В соответствии со ст. 142 и, находящей в системной единстве статьей 236 ТК РФ при нарушении работодателем установленного срока соответственно выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) других выплат, причитающихся работнику, работодатель обязан выплатить их с уплатой процентов (денежной компенсации) в размере не ниже 1/150 действующей в это время ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации от не выплаченных в срок сумм за каждый день задержки начиная со следующего дня после установленного срока выплаты по день фактического расчета включительно.

При неполной выплате в установленный срок заработной платы и (или) других выплат, причитающихся работнику, размер процентов (денежной компенсации) исчисляется из фактически не выплаченных в срок сумм.

[1] [Электронный ресурс]. — URL: https://tass.ru/ekonomika/8002011.

Выясним, что же представляет собой «самозащита». Самозащита - относительно новый институт в трудовом законодательстве. В трудовом праве самозащита заключается в самостоятельных активных правомерных действиях работников по охране индивидуальных трудовых прав, жизни и здоровья без обращения или параллельно с обращением в органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров либо в органы по надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства и правил охраны труда[1].

Однако, остается неясным неуверенность и опасение работников относительно применения самозащиты в рамках трудовых отношений. Как справедливо отмечает С. Колобова, «работники не рискуют открыто защищать свои права, вступать в конфликт с работодателем… поскольку обращение с жалобой… грозит потерей работы. Поэтому очень часто пострадавшему выгоднее отказаться от реализации предоставленных законом прав, чем вступать в спор…»[2].

Попытаемся выяснить почему же работники не рискуют отстаивать свои законные права и интересы.

На мой взгляд, есть две основные причины: серые заработные платы работников и безальтернативность в поиске работы.

Росстат представили информацию по объему «серых зарплат» в России за 2018 год, что составило 13 трлн рублей, что является 12,6% ВВП. По данный Росстата, каждый третий россиянин получал зарплату «в конверте» в прошлом году. Всего в 2018 году объем «серой» зарплаты составил 13,07 трлн рублей. Об этом сообщает «Рамблер».[3]

Выводы исследования на 23.02.2019, который провел Центр социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства (РАНХиГС): 32,5% опрошенных признались, что работают или подрабатывают «по-серому», без уплаты налогов. Если в масштабах России, получается, что в тени у нас примерно 25 млн человек.[4]

Как «серые» зарплаты влияют на решения работников о самозащите своих интересов?

---

[1] Уздимаева Н.И. Самозащита в трудовом праве Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samozaschita-v-trudovom-prave-rossiyskoy-federatsii (дата обращения 27.03.2020).

[2] Там же.

[3] [Электронный ресурс]. —URL: https://finance.rambler.ru/business/42625877-v-konverte-rosstat-podschital-serye-zarplaty/.

[4] [Электронный ресурс]. —URL: https://www.msk.kp.ru/daily/27046.3/4110439/.

У такого вида работников есть официальная зарплата, облагаемая налогами и есть неофициальная. Благодаря сочетанию двух видов доходов складывается приличная сумма. В случае, если работник будет претендовать на материальную ответственность со стороны работодателя, то речь будет идти об официальном среднем заработке за время приостановления работы по ч.2 ст.142 ТК РФ. То есть работник не сможет претендовать на возмещение всей заработной платы, включая «серую». Помимо того, работодатель скорее всего перестанет платить неофициальную заработную плату, а ограничиться лишь той, которая предусмотрена трудовым договором.

На мой взгляд, нет универсального средства решения данной проблемы, поскольку чтобы бороться с серыми зарплатами, отсутствием прогресса в развитии малого и среднего бизнеса требуется масштабные реформы, которые будут охватывать всю экономическую сферу Российской Федерации.

Однако, с 13 декабря 2019 года появился новый способ взыскать долги по зарплате. Опубликован Федеральный закон от 02.12.2019 № 393-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации по вопросам принудительного исполнения обязанности работодателя по выплате заработной платы и иных сумм, причитающихся работнику», который меняет подход к взысканию долгов по зарплате. Поправки внесены в ТК РФ и Закон об исполнительном производстве. Решение о принудительном исполнении обязанности работодателя погасить долги по начисленной, но не выплаченной в срок зарплате сможет принять инспектор труда. То же самое касается других трудовых выплат.

Государственные инспекторы по охране труда ведут надзор за соблюдением прав и свобод граждан, применением законодательства о труде в части обеспечения права на безопасные условия труда и имеют необходимые познания в технических вопросах[1].

Решение будет исполнительным документом. Его примут, если компания вовремя не выполнит предписание устранить нарушение, связанное с оплатой труда. В течение трех рабочих дней после принятия решение направят работодателю заказным письмом с уведомлением или в форме электронного документа. У компании будет 10 дней со дня получения, чтобы оспорить документ в суде.

[1] Пашкова Г.Г. Трудовое право: учеб. пособие. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, —2018. — С.258.

Если решение инспектора не исполнить, а срок обжалования истечет, электронный экземпляр исполнительного документа передадут в ФССП. Затем пристав вынесет постановление о возбуждении исполнительного производства и запросит у кредитной организации сведения о видах и номерах банковских счетов должника, количестве и движении денег в рублях и иностранной валюте.

Со дня, когда работодатель получит постановление, у него будет пять дней, чтобы добровольно выплатить долги. В противном случае пристав вынесет и направит в кредитную организацию постановление о взыскании денег. Их должны будут перевести взыскателю немедленно.

На мой взгляд, это отличное нововведение, поскольку инспектор труда будет являться дополнительным контролирующим органом «первой ступени», который будет ускорять процесс ликвидации нарушений законодательства о сроках выплаты заработной платы. Инспектор труда собственноручно будет принимать исполнительный документы, обязывающие работодателя под угрозой привлечения ФССП выплатить заработную плату вовремя.

Однако существует проблема, связанная с неустановленным сроком давности обращения работником в трудовую инспекцию. Если же инспекторы выявят очевидные нарушения норм трудового законодательства, работодателю будут даны предписания, обязательные к исполнению. Если инспектором будет установлено неправомерное привлечение к дисциплинарной ответственности работника, работодателю будет предъявлено предписание об устранении нарушенных прав работника, в случае выявления нарушений трудового законодательства работодатель будет привлечен к ответственности в соответствии с действующим законодательством.[1]

Исходя из этого, при установлении такого срока работник будет уверен в том, что у него есть время для того, чтобы обратиться за помощью в ГИТ и получить соответствующий ответ. Помимо того, это усложнит деятельность работодателя, поскольку он, оставив работника без заработной платы, будет понимать, что последний может пожаловаться в инспекцию труда, и будут предприняты определенные меры для восстановления работника и выплаты ему определенной суммы.

Таким образом, благодаря профилактической работе инспекторов труда, которые смогут осуществлять надзорные функции за соблюдением трудового законодательства в различных видах

[1] [Электронный ресурс]. —URL: https://base.garant.ru/57238994/.

юридических лиц, благодаря установлению сроков давности обращения в трудовую инспекцию, мы сможем уменьшить количество случаев задержки заработной платы работникам в Российской Федерации.

УДК 349.3

Ю.А. ЛАВРЕНТЬЕВА

научный руководитель
доцент Р.Р. ДОЛОТИНА

ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

На сегодняшний день наблюдается значительный рост развития в области электронных услуг, которые в большинстве своем ориентируются на оказание поддержки наиболее уязвимым группам населения. Учитывая характер общественных проблем — от гуманитарных кризисов и миграционных процессов до вопросов о поддержке пенсионеров, инвалидов или же семьей с детьми — технологии позволяют охватить всех, расширяя доступ к информации и услугам для тех, кто в них больше всего нуждается.

Большое внимание сосредоточено на предоставлении мобильных государственных услуг, к которым относятся: дистанционное обучение, здравоохранение и другие социальные услуги, которые оказывают положительное влияние на повседневную жизнь людей благодаря использованию информационных технических средств и ресурсов[1].

Развитие системы электронного предоставления различных государственных и муниципальных услуг способствует взаимодействию граждан с различными государственными органами, так как информационные технологии уже стали неотъемлемой частью всей их деятельности[2]. Структура этих органов подразделяется на отдельные части, которые регулируют вопросы различных проектов информатизации ведомств, в рамках которых реализуются планы внедрения автоматизированных информационных систем

[1] Бачило И. Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. —Москва: Юркомпани, —2012. — С. 280.

[2] Сулейманова Г. В. Право социального обеспечения: учебник. —Москва: КНОРУС, —2018. — С. 322.

в отдельных сферах. Таких как, межведомственный электронный документооборот, управление материально-техническими, финансовыми и кадровыми ресурсами, а также проекты интеграции государственных информационных систем между собой в рамках оказания электронных государственных и муниципальных услуг[1].

Внедрение информационных технологий при предоставлении социального обеспечения отдельным категориям граждан позволяет регулировать отношения по социальному обеспечению. Кардинальная реформация структуры социального обеспечения невозможна, так как она тормозится самим развитием общества. Однако следует попытаться создать комфортные условия для адаптации существующей системы социального обеспечения к новым условиям и использовать положительные тенденции социального обеспечения за рубежом, как ее фундамент[2]. И данная технология должна строиться на определенных принципах. Основными из которых являются принцип адресности, всеобщности, доступности и гарантированности социального обеспечения. Это позволит изменить существующее положение различных категорий граждан посредством оказания социальных выплат и услуг, которые позволят обеспечить достойную жизнь граждан и повысят уровень и качество социального обслуживания[3].

В Российской Федерации, как уже отмечалось раннее, основную функцию по принятию и выполнению различных услуг в сфере социального обеспечения осуществляет Портал государственных услуг РФ. Пенсионное обеспечение представляет собой целый блок различных действий, осуществляемых государственными или муниципальными органами при должном оформлении лицом заявки на исполнение определенной услуги. Основными направлениями являются:

пенсионные накопления;

выплата страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсии по государственному пенсионному обеспечению;

права и льготы пенсионеров;

услуги, представляемые работающим пенсионерам;

вопросы о получении пенсии;

пенсия по случаю потери кормильца;

пенсионеры-«северяне».

---

[1] Иншакова Е. Г. Электронное правительство в публичном управлении: монография. — Москва: Юрайт, 2—019. —С. 139.

[2] Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения: учебник для академического бакалавриата. — Москва: Юрайт, — 2018. — С. 441.

[3] Сидорова, А. А. Электронное правительство: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. — Москва: Юрайт, — 2018. — С. 165.

Однако процедура принятия и подачи заявления не является совершенной. Динамически изменяющийся мир и растущие демографические показатели предъявляют новые требования к государственному сектору. Граждане рассчитывают на предоставление правительственными органами услуги быстро, эффективно и прозрачно. Большинство не станет терпеть задержки вследствие неэффективных бюрократических систем и процессов или отсутствия взаимодействия между различными отделами.

На Портале также содержится рейтинг по жалобам граждан на отказ в исполнении услуги. Второе место занимает отказ в назначение страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению: 366 жалоб было подано за октябрь 2019 г[1].

Достоинствами Портала государственных услуг РФ для социального и пенсионного обеспечения являются:

возможность получения госуслуги вне зависимости от места нахождения лица;

снижение коррупционных рисков;

сокращение временных затрат;

сокращение числа документов, предоставляемых заявителем лично;

возможность отслеживать статус поданных запросов.

К недостаткам можно отнести следующие обстоятельства:

не все государственные услуги доступны в электронном формате;

возможны технические неполадки в работе Портала;

угроза «хакерской» атаки.

Таким образом, необходимо дальнейшее развитие системы, оказывающей услуги в сфере социального и пенсионного обеспечения граждан через информационно-технические ресурсы.

Во многих странах мира большое значение уделяется развитию электронного правительства для повышения уровня «социальной безопасности» незащищенных слоев населения. Рассмотрим некоторые элементы электронного правительства Республики Казахстан.

На официальном сайте Электронного правительства Республики Казахстан содержится перечень онлайн-услуг, за осуществлением которых граждане могут обратиться. Отдельным разделом выделены пенсионное обеспечение и Единый накопительный пенсионный фонд – ЕНПФ[2]. Остановимся подробнее на услугах в сфере пенсионного обеспечения.

[1] Портал государственных услуг РФ [Электронный ресурс]. —URL: https://www.gosuslugi.ru.

[2] Электронное правительство Республики Казахстан [Электронный ресурс]. —URL https://egov.kz/cms/ru/categories.

В отличие от российской системы обслуживания граждан в сфере как пенсионного обеспечения, так и в оказании социальной помощи наиболее незащищенным слоям общества в целом, с использованием информационно-технических средств, на сайте Электронного правительства Республике Казахстан расположены не только перечни услуг, их характеристика и описание. На этом портале возможно оставить запрос в тот или иной государственный орган напрямую, путём оставления заполненной должным образом заявки на сайте. То есть Электронное правительство Республики Казахстан является примером того, как две платформы, существующие отдельно друг от друга в Российской Федерации («Правительство Российской Федерации» и «Портал государственных услуг РФ») могут осуществлять услуги в сфере пенсионного обеспечения, упрощая способ обращения граждан и их взаимодействия с органами государственной власти. В РФ также осуществляется развитие государственных услуг в данном направлении благодаря принципу «одного окна». Принцип «одного окна» при предоставлении государственных услуг предусматривает исключение или максимально возможное ограничение участия заявителей (граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) в процессах сбора из разных инстанций и предоставления в разные инстанции различных документов и справок, подтверждающих права заявителей на получение государственных услуг.

Основываясь на статистических данных, представленных Электронным правительством Республики Казахстан, под названием «Удовлетворенность граждан услугами электронного правительства за 2019 г.», 1820 опрошенных были довольны работой портала в связи с выдачей информации о состоянии пенсионных накоплений, 13 - не удовлетворены, 7740 удовлетворены деятельностью о выдаче информации о поступлении и движении средств вкладчика единого накопительного пенсионного фонда, 55 опрошенных – нет[1].

По нашему мнению, необходимо внедрить опыт Республики Казахстан для создания единой платформы для осуществления государственных услуг в России. Это создаст условия для наиболее качественного и легкого взаимодействия граждан и государственных органов, а также государственных органов друг с другом, обеспечит их согласованность и слаженность работы.

[1] Удовлетворенность граждан услугами электронного правительства за 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://egov.kz/cms/ru/information/about/stat.

Электронное правительство Республики Казахстан включает в себя не только государственные услуги, новостной раздел, в него включается также нормативная правовая база, что в совокупности обеспечивает полную информированность лиц, желающих получить госуслугу.

Таким образом, информационные технологии имеют огромное значение для социального обеспечения людей, особенно в сфере оказания различных государственных услуг. На сегодняшний день социальное и пенсионное обеспечение осуществляется через различные порталы, сервисы и ресурсы - все это необходимо для защиты наиболее нуждающихся групп общества. Однако эти платформы нуждаются в доработке и модификации для осуществления лицами государственных услуг в более удобном формате.

УДК 349.2

С.В. ЛЕМЕХОВ

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современном научном сообществе существует проблема определения основополагающей отрасли права, используемой для регулирования служебных отношений дипломатических работников. Существует три правовые позиции относительно данного вопроса, служебные отношения дипломатических работников следует регулировать нормами трудового права, нормами административного законодательства или сочетанием трудового и административного права.

В связи с вышеизложенным, целесообразно сделать вывод, что служебные отношения дипломатических работников могут регулироваться как трудовым законодательством, которое представлено Трудовым Кодексом Российской Федерации (далее ТК РФ), так и административно-правовыми методами (в связи с тем, что дипломатические работники относят к категории государственных гражданских служащих, т.к. имеют единого работодателя в лице государства), которые представлены Федеральными законами «О государственной гражданской службе Российской Федера-

ции» от 27.07.2004 №79-ФЗ (далее ФЗ №79-ФЗ) и «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» от 27.07.2010 №205-ФЗ (ФЗ №205-ФЗ), а также различными локальными нормативно-правовыми актами или же сочетанием ТК РФ и административно-правовых методов, состоящих из определенных Федеральных законов и локальными актами МИД РФ.

На сегодняшний день активно формируется точка зрения, подразумевающая, что в регулировании служебных отношений государственных гражданских служащих (в т. ч. и дипломатических работников), преобладают нормы трудового законодательства. А.В. Артемов, анализируя ФЗ №79 – ФЗ пишет, что при применении данного закона заметно, что на половину состоит из заимствований из ТК РФ, не содержит принципиально иных от норм трудового права терминов. А.В. Артемов замечает, что все свелось к замене слова «трудовой» на «служебный» (служебный контракт, служебное время, служебный спор, служебное место). Отмечается, что лексическое содержание данных термином не изменилось, а в некоторых случаях сохранилась и «трудо-правовая» терминология (например, охрана труда, оплата труда и т. п.).[1]

В науке получила развитие позиция, что регулирование служебных отношений государственных гражданских служащих осуществляется исключительно административно-правовыми методами. Е.В. Скиллер-Котунова полагает, что, поступив на гражданскую службу на основании приказа о назначении, гражданин становится государственным гражданским служащим, иначе говоря, вступает в государственно-служебное правоотношение. Гражданские служащие имеют определенные права, обязаны соблюдать сформулированные ограничения (безотносительно к той должности, на которую он назначен, и органа, в котором осуществляется профессиональная служебная деятельность).[2] Очевидно, что именно на основе перечисленных особенностей, заключающихся в существовании определенных обязанностей, можно говорить о том, что деятельность государственных служащих регулируется не только трудовым правом, но и административно-правовыми методами, которые занимают доминирующую позицию.

---

[1] Артемов А.В. Трудовые правоотношения государственных служащих // Российское право: Образование. Практика. Наука. — 2010. — №5. — С. 101.

[2] Скиллер-Котунова Е.В. О некоторых проблемах процедурно-процессуального правового регулирования труда отдельных категорий государственных служащих // Вестник Омского университета. —2008. — №2 (14). — С. 87.

В современной науке рассматривается теория о дуализме норм трудового и административно-правового методов регулирования служебных отношений государственных служащих. С.Х. Джиоев отмечает, что правовые основы регламентации служебных отношений государственных гражданских служащих носят дуалистический характер, т.е. регулируется административно-правыми и трудо-правовыми методами, что вызывает двойную отраслевую принадлежность данных норм.[1] В связи с этим, данную теорию следует рассматривать со следующих позиций: трудовое законодательство носит основополагающий характер, а административно-правовое его дополняет. В данном случае, полагается, что трудовое законодательство и административное дополняют друг друга и формируют единую совокупность норм права, используемых для регулирования служебных отношений дипломатических работников. В этом случае трудовое законодательство формирует основы регулирования, основные права и обязанности служащих, а специализированные федеральные законы регулируют конкретный порядок реализации закрепленных прав и исполнении обязанностей. Например, право на отдых зафиксировано в ТК РФ, а вот порядок его осуществления для дипломатических работников зафиксирован в специализированных Федеральных Законах и локальных нормативных актах МИД РФ. К примеру, право на ежегодный оплачиваемый отпуск зафиксирован в ТК РФ, а срок этого ежегодного оплачиваемого отпуска для дипломатических работников устанавливается в соответствии с ФЗ №205 – ФЗ.

Наиболее интересным было бы рассмотреть регулирование служебных отношений на примере оплаты труда за служебную деятельность, а также гарантий и компенсаций, представляемых дипломатическим работникам.

Анализируя оплату труда работников, можно заметить следующий ряд особенностей. Например, ст.15 ФЗ №205-ФЗ говорит о том, что сотрудникам в период работы в загранучреждениях Министерства иностранных дел Российской Федерации выплачиваются: денежное содержание в иностранной валюте в виде месячного должностного оклада в иностранной валюте и ежемесячной надбавки к месячному должностному окладу в иностранной валюте за особые условия работы в государстве пребывания; месячный оклад в соответствии с замещаемой должностью федеральной государственной гражданской службы в рублях и месячный

[1] Джиоев С.Х. Правовое регулирование трудовых отношений федеральных государственных служащих. Дисс… канд. юрид. наук. —Москва. —1997. —С. 56.

оклад в соответствии с присвоенным классным чином федеральной государственной гражданской службы (дипломатическим рангом) в рублях, которые составляют оклад месячного денежного содержания (далее - оклад денежного содержания), а также ежемесячные и иные дополнительные выплаты (за исключением ежемесячного денежного поощрения) в рублях, предусмотренные статьей 50 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», размер которых устанавливается Президентом Российской Федерации. В случае перевода на работу в загранучреждение МИД РФ дипломатическому работнику уплачиваются подъемные, причем или в иностранной валюте, или в рублях. Стоит обратить внимание на то, что данные выплаты в случае прекращения служебных отношений по инициативе работника или в связи с совершением дисциплинарного проступка подлежат удержанию. [1]

Следует отметить, что служба дипломатического работника связана с угрозой для их жизни и здоровья, иногда они вынуждены проживать в государствах с нестабильной ситуацией. Государство, в соответствии с ФЗ №205-ФЗ берет на себя ряд обязательств по компенсации трудностей в связи с данными особенностями службы: надбавка в иностранной валюте к должностному окладу в размере 20% от оклада; 1 день работы в данных условиях учитывается в стаж как 1,5 дня. А в случаях, если в государстве введен режим ЧС или происходит вооруженный конфликт, то компенсации увеличиваются: надбавка к окладу устанавливается в размере 40% от базового оклада, а также 1 день службы в данных условиях равен 2 дням обычной службы.[2]

Необходимо обратить внимание на гарантии, предоставляемые работникам дипломатических представительств за рубежом. ФЗ №205-ФЗ от 27.07.2010 указываются следующие гарантии: необходимые меры защиты дипломатической службы и проживающих с ними членов семей, оплата медицинской помощи для работников и их семей, обеспечиваются жильем, компенсируются

[1] Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации: 27.07.2010 №205-ФЗ (последняя редакция): текст с изм. и доп. на 31 янв. 2020 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации: 27.07.2010 №205-ФЗ (последняя редакция): текст с изм. и доп. на 31 янв. 2020 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

транспортные расходы (в том числе и расходы на проезд в государство), компенсируются расходы на обучение проживающих совместно с ними детей. [1]

В свою очередь, ТК РФ, чаще всего, рассматривает гарантии индивидуально для работника, например, в ст. 183 говорит, что при временной нетрудоспособности работнику выплачивается пособие. Однако, имеются положения, согласно которым гарантии распространяются и на членов его семьи, например, ст. 169 ТК РФ гласит, что работодатель обязан возместить при переезде в другую местность, по договоренности с работодателем, возмещаются расходы по переезду не только самого работника, но и членов его семьи.[2]

Обратим внимание на то, что ФЗ №205-ФЗ предоставляет дополнительные гарантии членам семьи сотрудников, которые ТК РФ не определяет. Среди них есть гарантии на медицинскую помощь не только для самого работника, но и для членов его семьи; компенсация расходов на проживающих с ним несовершеннолетних детей. Трудовое право данные вопросы не регулирует, однако, не ограничивает инициативу работодателя к утверждению расширенного перечня гарантий для работников. В свою очередь, ФЗ №205-ФЗ закрепляет обязательные права дипломатических работников на перечисленные выше гарантии.

Выделяются схожие с ТК РФ гарантии, предоставляемые дипломатическим работникам и закрепленные в Приказ №11868: «Нормальная продолжительность служебного времени для гражданского служащего не может превышать 40 часов в неделю при пятидневной служебной неделе с двумя выходными днями; Накануне праздничных дней продолжительность рабочего дня сокращается на один час».[3] Аналогичные нормы содержит и ТК РФ, например, в ст. 91 и ст. 95 соответственно.

---

[1] Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации: 27.07.2010 № 205-ФЗ (последняя редакция): текст с изм. и доп. на 31 янв. 2020 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 31 янв. 2020 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении Служебного распорядка центрального аппарата Министерства иностранных дел Российской Федерации, территориальных органов - представительств МИД России на территории Российской Федерации, дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, представительств Российской Федерации при международных организациях (межгосударственных, межправительственных): Приказ Министерства иностранных дел Российской Федерации от 23 июня 2009 г. №11868 доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В свою очередь, имеется ряд отличий, содержащихся в ТК РФ и Приказе №11868. Например, ст. 115 гласит: «Ежегодный основной оплачиваемый отпуск предоставляется работникам продолжительностью 28 календарных дней». Приказ № 11868 устанавливает более длительный основной оплачиваемый отпуск: «Гражданским служащим устанавливается ежегодный основной оплачиваемый отпуск продолжительностью 30 календарных дней».[1]

Таким образом, специализированные нормативно-правовые акты указывают расширенный перечень гарантий, увеличивая перечень гарантий, установленных ТК РФ. Следовательно, можно говорить о явных особенностях регулирования служебных отношений дипломатических работников в отличие от регулирования трудовых отношений субъектов трудового права. Расширенный перечень гарантий позволяет сделать вывод о значимости данной категории государственных служащих. Данные гарантии сопоставимы с объемом ограничений и трудностей, вызванных прохождением службы в органах МИД РФ и направлены на их компенсацию.

В заключение необходимо отметить, что при регулировании служебных отношений с участием дипломатических работников необходимо использовать сочетания трудового и административного законодательства. В данном случае, трудовое законодательство будет формировать, к примеру, право на оплату труда и на гарантии и компенсации или же право на отдых, включая ежегодный оплачиваемый отпуск. Однако, для реализации данных положений в регулировании службы дипломатических работников имеется ряд особенностей, например, срок ежегодного оплачиваемого отпуска равняется 30 дням, а гарантии распространяются не только на самого дипломатического работника, а также на членов его семьи. Стоит отметить, что служба дипломатических работников оплачивается не только в рублях, но и в иностранной валюте. Полагается, что наиболее целесообразным является составление служебного контракта и иных документов, с участием дипломатических работников с учетом норм ТК РФ, а также норм ФЗ №79-ФЗ, ФЗ №205-ФЗ, а также иных локальных нормативных актов МИД РФ.

---

[1] Об утверждении Служебного распорядка центрального аппарата Министерства иностранных дел Российской Федерации, территориальных органов - представительств МИД России на территории Российской Федерации, дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, представительств Российской Федерации при международных организациях (межгосударственных, межправительственных): Приказ Министерства иностранных дел Российской Федерации от 23 июня 2009 г. №11868 доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 349.2

А.Ф. МАМЕДОВА

научный руководитель
доцент С.В. СОЛОВЬЕВА

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В правовой доктрине особый интерес в настоящее время вызывает формирующийся правовой институт дополнительной трудовой деятельности. Это деятельность, которая, помимо основной работы, предполагает право работника, заключившего трудовой договор с работодателем, заключать и другие трудовые договоры для выполнения другой регулярной оплачиваемой работы в свободное от основной работы время с тем же или другим (другими) работодателями (ст. 60.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее - ТК РФ)[1], либо возможность привлечения работника наряду с работой, определенной трудовым договором, к выполнению дополнительной работы у того же работодателя по другой или такой же профессии (должности) в течение установленной продолжительности рабочего дня (смены) (ст. 60.2 ТК РФ). Дополнительной трудовой деятельностью является и ее нетипичная форма проявления.

Исследователями изучаются вопросы нетипичного трудового договора, регламентирующего правоотношения, характеризующиеся не свойственными традиционным трудовым правоотношениям признаками. Наряду с этим, нетипичным трудовыми правоотношением предлагается считать и ту сферу трудовых отношений, которые не обладает всеми классическими признаками трудового правоотношения. Отмечаются сложности с формулированием понятийного аппарата. Так, понятие дополнительной трудовой деятельности происходит на основе оценочных категорий. Как следствие, дефиниции исследуемых понятий, как показывает анализ позиций ученых[2], не обладают сущностными признаками, позволяющими говорить о том, что рассматриваемые правовые институты уже сформированы. Однако очевидным является, на наш взгляд, то обстоятельство, что институт дополнительной трудовой деятельности нуждается в специальных исследованиях и правовой регламентации, с учетом его особенностей.

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.

[2] Селивёрстов Е.О. Совмещение должностных обязанностей работников // Международный студенческий научный вестник. —2019. —№ 1. —С. 65.

В чем эти особенности состоят? Прежде всего, дополнительную трудовую деятельность следует рассматривать как комплексное правовое явление, которое характеризуется двумя элементами: во-первых, наличием основной работы, во-вторых, выполнением трудовой деятельности, не предусмотренной по основной работе. При осуществлении основных трудовых правоотношений, работник может осуществлять и дополнительную трудовую деятельность. Иными словами, при осуществлении нескольких правоотношений с несколькими работодателями, одно из них все равно будет основным, а другие – дополнительными.

Работа за пределами установленной продолжительности рабочего времени выходит за рамки нормальной продолжительности рабочего дня (недели, года), может быть осуществлена лишь при наличии инициативы работника (в виде совместительства). Если же присутствует инициатива работодателя, то она называется сверхурочная работа. Совместительство предусматривает работу, выполняемую при условии заключения другого трудового договора.

Совместительство бывает двух форм:

внутреннее совместительство (заключается другой трудовой договор с этим же работодателем, по другой специальности, профессии, должности. Работа выполняется за рамками нормальной продолжительности рабочего дня, при согласии работодателя и при наличии заявления сотрудников;

внешнее совместительство (трудовой договор заключен с другим работодателем).

Трудовое законодательство достаточно подробно регламентирует дополнительную трудовую деятельность. Так, трудовое законодательство не допускает работу по совместительству граждан, которые не достигли 18 лет. Это касается работы с повышенной интенсивностью, работы во вредных или опасных условиях труда, когда основное место работы относится к тем же условиям. Работа большей длительности, чем нормальная продолжительность рабочего времени в день не может превышать 4-х часов. Не предусмотрено внутреннее совместительство при установке сокращенной продолжительности рабочего времени (исключением являются ситуации, предусмотренные действующими законами). Между тем, оформление трудовых правоотношений в сфере дополнительной трудовой деятельности характеризуется тем, что они часто являются предметом судебного рассмотрения. Так, например, отсутствие указания в трудовой книжке и приказах о назначении на должность по совместительству, не может расцениваться как единственное

основание полагать, что выполнения по дополнительной трудовой функции не было. Напротив, суду можно представить иные доказательства, которые будут оценены в совокупности. Приведем пример. Судом было рассмотрено гражданское дело по исковому заявлению П. к государственному учреждению – Управлению Пенсионного фонда РФ об оспаривании решения о включении периодов работы в стаж. Судом была рассмотрена законность оспариваемого решения в части исключения периодов курсов повышения квалификации и работы в должности педагога-психолога по совместительству. Согласно материалам дела, в спорные периоды истец работала в гимназии искусств в качестве учителя начальных классов, о чем имеется запись в трудовой книжке. На основании приказа П. назначена педагогом-психологом. Указания на выполнение указанной работы по совместительству запись в трудовой книжке не содержит. Исследованные доказательства позволяют суду сделать вывод о выполнении истцом дополнительной трудовой деятельности. Так, из представленных в материалы дела расчетных листков П. за спорный период следует, что истцу начислена повременная оплата, оплата за работу с книгоиздательской продукцией, доплата за классное руководство, работу с тетрадями, а также произведена оплата совмещения. Из представленных табелей учета рабочего времени за спорный период следует, что в отношении истца была учтена как работа в должности преподавателя в количестве 18 часов, так и в качестве психолога в количестве 6 часов. Производимая истцу в спорный период оплата за работу с книгоиздательской продукцией, доплата за классное руководство, работу с тетрадями также указывают на исполнение истцом педагогической деятельности[1].

Дополнительная трудовая деятельность обладает, помимо тех признаков, которые присущи трудовой деятельности в целом, также следующими характерными для этого правоотношения чертами: как правило, она возникает как потребность работника реализовать имеющиеся у него ресурсы, потребности, интересы, которые не в полной мере находят свое выражение по основному месту работы[2]. Дополнительная трудовая деятельность представляет собой выполнение трудовых функций сверх той меры, которая установлена по основному месту работы. Инициатором

[1] Решение Сосногорского городского суда от 22 августа 2019 г. по делу № 2-557/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Ефремов А.В. Трудовая деятельность в современном обществе и энергетические затраты на нее // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. —2020. —№ 2 (19). —С. 148.

дополнительной трудовой деятельности может быть, как сам работник, так и работодатель. Во втором случае это будет сверхурочная работа - деятельность, которую работники осуществляют по инициативе работодателя. Она выступает за рамки продолжительности рабочего времени, которое установлено для персонала.

Действительно, иногда работодатель заинтересован в повышении трудовой мобильности работника, в том, чтобы именно этот работник выполнял повышенный объем поручений, трудовых функций. Тогда все, что исполняется сверх меры по основной работе, будет относиться к дополнительному труду. И это дополнительное трудовое правоотношение необходимо правильно оформить[1]. Решение о выполнении дополнительной работы может прийти либо уже в момент заключения трудового договора, либо позже. В этом случае, необходимо подписание дополнительного соглашения между работником и работодателем, которое будет приложением к трудовому договору. И в этом аспекте следует указать на практический вопрос, который, на наш взгляд, имеет большое прикладное значение. Хотя в действующем законодательстве не предусмотрено запретов на дополнительную работу, мы все же считаем, что, исходя из принципа обеспечения благоприятных условий на труд, следует такие ограничения в ряде случаев установить. Важно предусмотреть и то, что при дополнительной работе осуществляется работником интеллектуальный и физический труд сверх установленной по основной работе меры, важно проанализировать, при каких видах работ такое напряжение может сказаться на качестве работы или на здоровье работника, осуществляющего дополнительную трудовую деятельность. Также важно исключить наличие неблагоприятных условий при дополнительной работе. Установление норм труда позволяет определить тот объем работ, который должен выполнять работник в силу заключенного трудового договора. В целях совершенствования трудового законодательства, регламентирующего дополнительную трудовую деятельность, сформулируем следующие предложения:

Считаем востребованным учет в судебных решениях законодательного закрепления нормативного положения о том, что работнику может быть предоставлена возможность выполнения работы по совместительству одновременно с основной работой при наличии согласия обоих работодателей (решении единственного работодате-

[1] Закалюжная Н.В. От классического трудового договора к нетипичным формам его проявления // Научные труды. Российская академия юридических наук Российская академия юридических наук, ООО «Издательство «Юрист». —Москва, —2019. —С. 626.

ля при внутреннем совместительстве). Это позволяет сторонам трудового договора определить наиболее приемлемые для них условия выполнения дополнительной трудовой деятельности. Данное положение подлежит анализу в судебных решениях и оценке судами при разрешении споров в данной сфере трудовых правоотношений.

Законодатель не учел возможности установления неполного рабочего времени по основной работе. Полагаем, что в этом случае должна быть предусмотрена возможность увеличения продолжительности рабочего времени по совместительству. Однако такое увеличение должно быть пропорционально времени, в течение которого работник свободен от исполнения трудовых обязанностей на основной работе.

В законодательстве следует закрепить положение о том, что прекращение трудового договора по основному месту работы не влечет за собой изменение сущности трудового договора по совместительству. Кроме того, в Трудовой кодекс РФ необходимо внести изменения, предусмотрев, что по соглашению сторон трудовой договор о работе по совместительству может быть изменен, и условие о работе по совместительству заменено на условие об основном месте работы.

В работе определены некоторые аспекты дополнительной трудовой деятельности, связанные с наиболее распространенной ее формой в вид совместительства. Однако сам вопрос регламентации дополнительной трудовой деятельности требует внимания и специальных научных исследований.

УДК 349.2

С.В. МАТВЕЕВА

научный руководитель
доцент С.В. СОЛОВЬЕВА

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЛИЦ, ЗАНЯТЫХ НА РАБОТАХ С ВРЕДНЫМИ И ОПАСНЫМИ УСЛОВИЯМИ ТРУДА: О ЧЕМ ГОВОРИТ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА?

В науке трудового права, одним из оснований дифференциации правового регулирования труда является степень вредности и опасности условий труда, которая, несомненно, отражаются в правовом регулировании рабочего времени, времени отдыха и оплаты труда работников.

В соответствии с Федеральным законом № 426-ФЗ[1], условия труда делятся на четыре класса по уровню опасности:

первым классом считаются оптимальные условия труда;

вторым классом являются допустимые условия, при которых работник подвергается воздействию вредных и (или) опасных веществ, но уровень воздействия не превышает допустимые нормы;

третьим классом являются вредные условия труда, при которых работник подвергается воздействию вредных и (или) опасных факторов, превышающих допустимые нормы;

четвертым классом являются опасные условия труда, при которых жизнь работника может быть под угрозой в течении рабочего дня или его части и высокая вероятность развития профессионального заболевания.

С 1 января 2020 года в соответствии с законодательными новациями[2] появились дополнительные механизмы контроля передачи отчетных документов о специальной оценке условий труда работодателями. У работника появилось право на выражение несогласия с результатами специальной оценки условий труда на рабочем месте, что подкрепляется обязанностью работодателя рассмотреть все замечания и отреагировать должным образом. Федеральным законом также вводится обязанность организаций, проводящих специальную оценку условий труда, передавать отчеты о сокращении области аккредитации и изменении состава экспертов в Министерство труда и социальной защиты РФ.

Законодательство при осуществлении трудовой функции во вредных и опасных условиях труда устанавливает ряд специальных норм-льгот и норм-ограничений. Так, несовершеннолетние граждане не допускаются до работы с вредными и опасными условиями труда, что закреплено в Постановление Правительства РФ № 163[3]. Согласно ст. 253 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее - ТК РФ)[4], ограничивается труд женщин на работах, связанных с данными условиями. Ст. 213 ТК РФ закрепляет

[1] Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» от 28.12.2013 № 426-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2014. №1. Ст.14.

[2] Федеральный закон от 27.12.2019 № 451-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» // СЗ РФ. 2019 г.№ 52. Ст. 7769 (Часть I).

[3] Постановление Правительства РФ от 25.02.2000 №163 (ред. от 20.06.2011) «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет» // СЗ РФ. 2000. №10. Ст. 1131.

[4] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 2002. №1. Ст. 3.

обязанность работников проходить медицинские осмотры, порядок прохождения которых закрепляется в Приказе Минздравсоцразвития России от 12.04.2011 № 302н[1]. Регулярное обучение и проверка знаний предусмотрены ст. 225 ТК РФ. Работники должны быть обеспечены такими средствами коллективной и индивидуальной защиты (ст. 221 ТК РФ), как спецодежда; средства защиты ног, рук, лица; дерматологические средства защиты и иное, предусмотренное Приказом Минздравсоцразвития России от 01.06.2009 № 290н[2]. Работодатель обязан выдавать молоко и иные равноценные пищевые продукты в дни занятости на работах (ст. 222 ТК РФ), что регламентируется Приказом Минздравсоцразвития России от 16.02.2009 № 45н[3]. Продолжительность труда не может превышать 36 часов в неделю (ст. 92 ТК РФ). Работникам предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого не может быть менее 7 календарных дней (ст. 117 ТК РФ). Заработная плата таких работников должна быть повышена не менее, чем на 4 % от тарифной ставки (ст. 147 ТК РФ).

Судебная практика свидетельствует о том, что основная часть трудовых споров, связанная с вредными и (или) опасными условиями труда, сопряжена с невыполнением работодателем своей обязанности по выплате компенсаций работникам.

---

[1] Приказ Минздравсоцразвития России от 12.04.2011 № 302н (ред. от 13.12.2019) «Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.10.2011 № 22111) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Минздравсоцразвития России от 01.06.2009 № 290н (ред. от 12.01.2015) «Об утверждении Межотраслевых правил обеспечения работников специальной одеждой, специальной обувью и другими средствами индивидуальной защиты» (Зарегистрировано в Минюсте России 10.09.2009 № 14742) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приказ Минздравсоцразвития России от 16.02.2009 № 45н (ред. от 20.02.2014) «Об утверждении норм и условий бесплатной выдачи работникам, занятым на работах с вредными условиями труда, молока или других равноценных пищевых продуктов, Порядка осуществления компенсационной выплаты в размере, эквивалентном стоимости молока или других равноценных пищевых продуктов, и Перечня вредных производственных факторов, при воздействии которых в профилактических целях рекомендуется употребление молока или других равноценных пищевых продуктов» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.04.2009 № 13795) // СПС «КонсультантПлюс».

В качестве примера данной группы трудовых споров можно привести определение Верховного Суда РФ от 12 августа 2019 г. № 25-КГ19-7[1].

Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ рассмотрела дело по иску гражданки Ш.Г.А. к Медико-санитарной части МВД РФ по Астраханской области о взыскании доплаты за работу во вредных условиях труда, оплаты за сверхурочную работу и т.д. Гражданка Ш.Г.А. работала в должности санитарки стационара медслужбы хозяйственного отдела и является инвалидом II группы, условия труда по данной должности являются вредными, при этом работодатель определил ей продолжительность рабочего времени 40 часов в неделю.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска гражданки Ш.Г.А. Апелляционная инстанция решение не изменила. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ определила решение Кировского районного суда и апелляционное определение судебной коллегии отменить. А также направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе суда.

К данной группе трудовых споров относится множество судебных дел. В качестве примером можно привести решение Сокольского районного суда (Вологодская область) от 20 августа 2019 г.[2]; решение Ширинского районного суда (Республика Хакасия) от 14 августа 2019 г.[3] и решение Кировского городского суда (Мурманская область) от 24 июля 2019 г.[4]

Анализ судебной практики позволил выявить еще одну группу трудовых споров, связанных с выполнением трудовой функции во вредных и (или) опасных условиях. Работникам, в целях получения компенсаций, необходимо установить факт вредности и (или) опасности условий либо путем проведения независимой от работодателя специальной оценки условий труда, либо путем признания специальной оценки условий труда, проведенной ра-

[1] ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВС РФ от 12.08.19 № 25-КГ19-7 – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.v2b.ru/documents/opredelenie-vs-rf-ot-12-08-19-25-kg19-7/ (дата обращения: 07.03.2020).

[2] Решение № 2-809/2019 2-809/2019~М-675/2019 М-675/2019 от 20 августа 2019 г. по делу № 2-809/2019 – [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/oxmEenNv8WrJ/ (дата обращения: 19.03.2020).

[3] Решение № 2-627/2019 2-627/2019~М-549/2019 М-549/2019 от 14 августа 2019 г. по делу № 2-627/2019 – [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ePMxRuboCYLD/ (дата обращения: 19.03.2020).

[4] Решение № 2-423/2019 2-423/2019~М-377/2019 М-377/2019 от 24 июля 2019 г. по делу № 2-423/2019 – [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/UkGGEWuDkJVf/ (дата обращения: 19.03.2020).

ботодателем, недостоверной. В качестве конкретного примера из судебной практики можно привести решение Кстовского городского суда Нижегородской области от 29 июля 2019 года[1]. В данном случае речь идет не о проведении специальной оценки условий труда, а о признании незаконной и отмене проведенной специальной оценки, ухудшающей положение работников. Истцы просили суд признать незаконными результаты специальной оценки условий труда рабочих мест работников, и соответственно обязать ответчика произвести перерасчет заработной платы работников. Суд удовлетворил исковые требования истцов к ГБУЗ НО «Кстовская центральная районная больница».

В качестве примеров дел из данной группы трудовых споров, можно привести решение Ачинского городского суда (Красноярский край) от 17 октября 2018 г[2]; решение Спасского районного суда (Рязанская область) от 14 апреля 2016 г. [3] и решение Ишимского городского суда (Тюменская область) от 15 мая 2019 г[4].

Проанализировав судебную практику по данным группам трудовых споров, мы можем сделать ряд выводов. У первой группы трудовых споров встречается одна особенность. Достаточно часто истец требует не только компенсационных выплат в связи с выполнением трудовой функции во вредных и (или) опасных условиях, но и выплаты премии, компенсации морального вреда и т.д. Данные требования, как правило, удовлетворяются частично. Таким образом, добиться значительно легче компенсации лечебно-профилактического питания и перерасчета заработной платы от работодателя.

Во второй группе споров по мнению работников, специальная оценка условий труда, проведенная работодателем, не всегда является достоверной и законной. Также, в судебной практике есть случаи, когда работники требуют провести независимую специ-

---

[1] Решение № 2-154/2019 2-154/2019(2-2876/2018;)~М-2405/2018 2-2876/2018 М-2405/2018 от 29 июля 2019 г. по делу № 2-154/2019 – [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/wlBxXWZPoKWX/ (дата обращения: 07.03.2020).

[2] Решение № 2-1053/2018 2-1053/2018~М-357/2018 М-357/2018 от 17 октября 2018 г. по делу № 2-1053/2018 – [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/PWG1s7AhaPo9/ (дата обращения: 07.03.2020).

[3] Решение № 2-411/2015 2-5/2016 2-5/2016(2-411/2015;)~М-341/2015 М-341/2015 от 14 апреля 2016 г. по делу № 2-411/2015 – [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/itFLBiGHrlHl/ (дата обращения: 07.03.2020)

[4] Решение № 2-332/2019 2-332/2019~М-137/2019 М-137/2019 от 15 мая 2019 г. по делу № 2-332/2019 – [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/DsaBeQrlLoWY/ (дата обращения: 07.03.2020)

альную оценку условий труда в целях установления факта вредности и (или) опасности. На устранение ряда проблем в этой области направлены изменения, введенные Федеральным законом от 27.12.2019. Изменения дают работникам возможность выразить свое несогласие с проведенной специальной оценкой условий труда, а также вводят дополнительные механизмы контроля передачи отчетов о специальной оценке условий труда.

УДК 349.2

Г.А. МОСКАЛЕВ

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

ПРОБЛЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ – ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПРИ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА

В настоящее время экономическая активность снижается[1], поэтому многие предприятия испытывают или в скором времени начнут ощущать финансовые затруднения в своей деятельности и могут стать несостоятельными и подвергнуться процедурам банкротства. Так, число юридических лиц, уже находящихся в процедурах банкротства, возросло за семь лет на 41,5%, с 25 855 до 36 596, за 2012 – 2018 гг.[2] Вместе с этим возникает вопрос об оплате труда работников данных организаций как за долги по заработной плате до введения процедур банкротства, так и образовавшихся в период их осуществления. Данная проблема особенно важна, так как по состоянию на 1 января 2020 года задолженность имелась перед 34 044 работниками, а у организаций, которые на-

[1] Экономическая активность в РФ достигла семимесячного минимума [Электронный ресурс]. // Коммерсантъ. 2020. № 41. –URL: https://www.kommersant.ru/doc/4277506; ЦБ ожидает снижения экономической активности в ближайшие кварталы [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. —URL: https://ria.ru/20200320/1568899903.html. Может повториться 2008 год: мировой экономике в 2020 году грозит спад [Электронный ресурс]. // ИА REGNUM. 2020. —URL: https://regnum.ru/news/economy/2893585.html.

[2] Почему банкротства в России неэффективны и как это исправить. Что ФНС предлагает сделать для защиты прав добросовестных кредиторов. —URL: https://www.rbc.ru/economics/24/06/2019/5d0cf3fc9a7947ccc62515b9 (дата обращения: 25.03.2020).

ходились в процессе конкурсного производства, присутствовала задолженность в размере 1094,906 миллионов рублей перед 16 979 работниками[1].

Стоит отметить, что российское законодательство в определенной степени защищает работника при процедуре банкротства. Так, в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) предусмотрено:

привилегированность требований работников по заработной плате и выплате выходных пособий, которые отнесены ко второй очереди по текущим платежам, а также реестровым требованиям кредиторов;

право работников на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании работодателя-должника банкротом;

право избрания своего представителя, который будет защищать их интересы в процессе производства по делу о банкротстве;

право работников на подачу заявления о привлечении учредителя должника к субсидиарной ответственности и другие положения.

В действующем законодательстве именно привилегированность требований работников по выплате заработной платы и выходных пособий является наиболее действенной гарантией. На данный факт указывал Конституционный суд, отмечая, что привилегированность требований работников является одной из государственных гарантий оплаты труда[2] и проявлением природы Российской Федерации как социального государства[3].

---

[1] Просроченная задолженность по заработной плате на 1 января 2020 года (статистический бюллетень) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. –URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/ (дата обращения: 26.03.2020).

[2] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки М. Г. Ершовой положением пункта 5 статьи 114 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 № 254-О. Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».

[3] «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств». [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П. Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».

При этом, если у организации-должника при реализации конкурсной массы не окажется ни средств, ни имущества на погашение своих обязательств или его будет недостаточно, то работники останутся ни с чем. Важно отметить, что данную проблему действующее законодательство не разрешает и никаких гарантий работникам не предоставляет. В таком случае, как справедливо указывает Волкова В. С., при недостаточности имущества должника работники, выполнявшие свои трудовые обязанности, но не получившие удовлетворение своих требований по заработной плате, занимались принудительным трудом, который запрещен российским законодательством[1].

Вместе с тем в Федеральном законе от 29.06.2015 № 186-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который значительно дополнил многие положения Закона о банкротстве, в п. 1 ст. 2 указано о том, что федеральным законом должен быть установлен порядок выплаты компенсации работнику в случае утраты заработной платы, причитающейся работнику, но не выплаченной работодателем, являющимся юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, в отношении которых возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве)[2]. Согласно п. 2 ст. 5 данного Закона эта норма вступит в силу с 1 января 2022 г. Таким образом, нет никаких гарантий, что предусмотренный вышеописанным положением федеральный закон будет принят или будет введен в действие с отсрочкой. Кроме того, не существует еще правовой нормы, которая предусматривает само право на получение данной компенсации.

Решением проблемы оплаты труда работников при банкротстве предприятия, на наш взгляд, должна стать ратификация международных договоров в той части, которой предусмотрено создание гарантийных учреждений, и имплементация их положений в национальное законодательство. Такими международными договорами являются Конвенция № 173 Международной организации труда «О защите требований, трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» и «Европейская социальная хартия». Российская Федерация ратифицировала данные документы, но не взяла обязательства выполнять некоторые их положения, а имен-

[1] Волкова В. С. Защита прав лиц, работающих по трудовым договорам, в условиях банкротства организации. // Трудовое право. 2019. № 7. С. 108-109.

[2] Федеральный закон от 29.06.2015 № 186-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

но, Раздел III Конвенции № 173 и ст. 25 «Европейской социальной хартии». Именно в этих нормах договоров содержится указание об обязанности государства создавать гарантийные учреждения для того, чтобы гарантировать удовлетворение требований работников. Данные положения, на наш взгляд, должны быть имплементированы в законодательство.

Поскольку в соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации Россия – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, постольку государство обязано создавать и обеспечивать действенные механизмы правовой защиты. Создание данного института предусматривает одну цель – предоставить гарантии работникам в случаях, когда организации-должнику, не хватает имущества и средств для погашения задолженностей по заработной плате.

Вместе с тем, можно следует задать справедливый вопрос о том, каким образом гарантийные учреждения будут функционировать. Достойной внимания по данной теме представляется позиция Игнатенко А. С., которая считает целесообразным введение в России обязательного социального страхования на случай утраты заработка вследствие банкротства работодателя. Кроме того, предлагается возложить обязанность страховщика на Фонд социального страхования РФ либо создать для указанной цели специальное гарантийное учреждение[1].

В разных странах по-разному разрешаются вопросы, связанные с финансированием. Так, в одних странах источниками финансирования являются исключительно взносы работодателей (Австрия, Дания, Норвегия, Польша), в других – средства государственного бюджета (Австралия, Словения), в-третьих – совместные взносы государства и работодателей (Греция, Словакия)[2].

Васильева Ю. В. и Жукова Т. М. в своей работе исследовали зарубежные модели защиты прав работников при банкротстве организаций. Среди рассмотренных заслуживает внимания модель, которая, как отмечают исследователи, предусматривает приоритет прав должника при наличии страховых фондов. Она исполь-

[1] Игнатенко А. С. Защита прав работников на оплату труда при несостоятельности работодателя // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. –URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-rabotnikov-na-oplatu-truda-prinesostoyatelnosti-rabotodatelya (дата обращения: 25.03.2020).

[2] Пахаруков А. А. Правовой режим требований об оплате труда в деле о банкротстве / А. А. Пахаруков // Baikal Research Journal. —2019. —Т. 10, —№ 1. —С. 97.

зуется в таких развитых странах, как Япония, Дания, Испания и др. Эту модель, по мнению ученых, можно назвать «гибридной», поскольку «она, с одной стороны, предоставляет некоторый приоритет правам работников, но, с другой стороны, признавая факт недостаточности имущества должника для удовлетворения требований всех кредиторов, предусматривает также страхование по безработице»[1]. Авторы отмечают, что данная модель смогла бы найти применение в России.

Вместе с тем необходимо отметить, что институт гарантийных учреждений при банкротстве организации в Российской Федерации предусмотрены, но только в отношениях долевого строительства между застройщиками и участниками долевого строительства (вкладчиками-дольщиками). В 2017 году была создана публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства», которая формирует компенсационный фонд за счет обязательных отчислений (взносов) застройщиков, ведет его учет, взаимодействует с органами исполнительной власти, выплачивает участникам долевого строительства (гражданам, заключившим договор участия в долевом строительстве) компенсации из фонда в случае банкротства застройщика при недостаточности его имущества для погашения требований[2]. В данном случае законодатель определенно защищает граждан от рисков, связанных с банкротством застройщиков и возлагает обязанность по отчислениям в гарантийный фонд на сами организации. На наш взгляд, в законодательстве о банкротстве также стоит предусмотреть аналогичный институт, фонд которого будет формироваться не только за счет взносов работодателя, который и так делает немалые отчисления в различные государственные фонды, но и при поддержке государства. Аккумулированные средства должны быть направлены на предоставление действенных гарантий работникам.

Таким образом, проблема оплаты труда работников при банкротстве решаема и требует принятия соответствующих федеральных законов. Новые нормативные правовые акты должны

---

[1] Васильева Ю. В., Жукова Т. М. Особенности правового положения работников в деле о банкротстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. —2014. —№ 2 (24). —С. 172-173.

[2] Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».

быть направлены на ратификацию положений международных договоров, предусматривающих создание гарантийных учреждений, которые должны финансироваться за счет совместных отчислений работодателя и государства. Данные учреждения должны, в случае недостаточности имущества работодателя погасить требования работников по оплате труда и выходным пособиям. Представляется, что с принятием таких мер работникам будет гарантирована оплата их труда при банкротстве организации.

УДК 349.2

Я.А. ОВЧАРЕНКО

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С ЛИЦАМИ, НЕДОСТИГШИМИ ВОЗРАСТА ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ

Современное общество одобряет и поощряет трудовую деятельность несовершеннолетних, поскольку труд – это один из элементов воспитания. Но работодателям необходимо помнить, что работники в возрасте до восемнадцати лет – это особая социальная группа, требующая особой защиты и дополнительных гарантий.

В настоящее время подростки все чаще стремятся найти себе работу, тем самым проявляя свою самостоятельность, а также стремление повысить свой материальный уровень. Как отмечают А.В. Буянова и А.Г. Чатоян, бедность является основной причиной, подталкивающей детей работать, поэтому чаще всего дополнительный заработок ищут дети из малоимущих, неблагополучных семей[1].

При трудоустройстве несовершеннолетний работник должен помнить, что заключение трудового договора – это главное основание возникновения трудовых отношений между работодателем и работником, поскольку в нем содержатся обязанности работника и работодателя, а также важные положения об условиях труда. Только при заключении трудового договора возможна защита со стороны закона.

[1] Буянова А.В., Чатоян А.Г. Ответственность работодателя за привлечение к труду несовершеннолетних // Социально-политические науки. —2017. —№5. —С. 99.

По общему правилу, установленному Трудовым кодексом Российской Федерации, заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет. Однако в ст. 63 ТК РФ закреплены исключения, при которых допускается заключение трудового договора с более раннего возраста.

С определенного возраста для того, чтобы заключить трудовой договор, необходимо получение согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства. Однако в ТК РФ существуют пробелы в регулировании данного вопроса.

Так, в ст. 63 ТК РФ установлено, что трудовой договор может быть заключен с лицом, получившим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью, либо с лицом, получающим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения в свободное от получения образования время легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью и без ущерба для освоения образовательной программы. Для такой категории работников трудовым законодательством предусмотрено получение письменного согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства.

Может возникнуть ситуация, когда один из родителей может возражать против заключения трудового договора с лицом в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет. На данную ситуацию в 2014 году Пленумом Верховного суда Российской Федерации был дан ответ, в соответствии с которым, необходимо учитывать мнения самого несовершеннолетнего и органа опеки и попечительства[1]. Однако, заключая трудовой договор, подросток уже выражает свое мнение (согласие) на заключение трудового договора, а также органы опеки и попечительства выдают письменное согласие. И возникает ряд вопросов, например, какое мнение должно сложиться у несовершеннолетнего и органов опеки попечительства при несогласии одного из родителей, должно ли оно каким-либо образом измениться? В какой форме должно быть выражено это мнение: в устной или письменной?

Полагаю, что выражение мнения на заключение трудового договора должно быть выражено только в письменной форме, поскольку оно будет официально подтверждено и закреплено, и в дальнейшем на данный документ можно будет опираться при

[1] Пункт 6 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних».

разрешении возникающих споров. Кроме того, согласие со стороны органов опеки и попечительства будет подписано конкретным должностным лицом, которое будет нести ответственность за достоверность и реальную необходимость выдачи такого согласия.

Также для работников, не достигшим возраста четырнадцати лет, которые осуществляют свою трудовую деятельность в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках, в ТК РФ необходимо получить согласие одного из родителей (опекуна) и разрешение органа опеки и попечительства с указанием максимально допустимой продолжительности ежедневной работы и других условий, в которых может выполняться работа. Однако не указано, в какой форме (устной или письменной) должно быть представлено такое согласие. Но в соответствии с п.6 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних», указано, что такое согласие должно быть получено в письменной форме. Кроме того, трудовой договор от имени работника подписывается родителем (опекуном).

Поскольку Постановления судов носят рекомендательный характер, считаю, что вопрос о форме получения согласия на заключение трудового договора должен быть урегулирован в трудовом законодательстве, закрепив положение о необходимости письменной формы согласия во всех случаях. Так, например, Шахбанова Ю.А. отмечает, что согласие может быть оформлено в качестве письма или заявления о согласии на работу несовершеннолетнего, подписанное одним из родителей и руководителем (уполномоченным лицом) органа опеки и попечительства по месту жительства работника, либо указать пункт о согласии родителей и в трудовом договоре после подписей представителя работодателя и работника[1].

Так, например, на сайте государственных услуг Санкт-Петербурга, закреплена форма заявления о согласии на трудоустройство несовершеннолетнего, достигшего возраста 14 лет (от родителя/законного представителя), в котором отражаются дата его принятия и регистрации[2]. Таким же образом следует поступить с оформлением заявления и для работников, не достигшим возраста четырнадцати лет, то есть оформление отдельного письменного документа, подписанного родителем (опекуном).

[1] Шахбанова Ю.А. Несовершеннолетние работники как субъекты трудовых отношений // Аллея науки. —2018. —Т.3. —№ 6 (22). —С. 537.

[2] [Электронный ресурс]. –URL: https://gu.spb.ru/docs/80943/.

Помимо этого, считаю необходимым рассмотреть вопрос о даче такого согласия в электронной форме, поскольку в настоящее время имеется тенденция к полному переходу на электронный кадровый документооборот. И данный документ не должен являться исключением.

В заключение следует отметить, что установление правовых гарантий в сфере трудовых отношений (в том числе на первоначальном этапе – при заключении трудового договора) является показателем социальной защищенности несовершеннолетних, что отражается на уровне развития общества и государства в целом. Поэтому в настоящий момент законодателю необходимо восполнить все имеющиеся пробелы с целью повышения правовой защищенности особой категории работников – работников в возрасте до восемнадцати лет.

УДК 349.2

В.Д. РОСЛЯКОВ

научный руководитель
доцент Г.А. РОГАЛЕВА

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В БОРЬБЕ С НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТЬЮ: МОДЕЛЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В зарубежной практике присутствуют разнообразные модели борьбы с теневой занятостью. Некоторые государства, наоборот, воспользовались данным явлением для поднятия уровня занятости населения, восстановления после мирового финансового кризиса. Так, в Германии, начиная с 2003 года возникла, так называемая, нетипичная занятость, в результате чего государство полностью стало выполнять роль «социального государства». Данное явление стали сравнивать с экономическим чудом, однако в настоящее время Правительство Германии ужесточила регулирование отношений труда. В чём же проявилась неэффективность данной политики? Дело в том, что с ростом подобной практики увеличилось число низкооплачиваемых работников, злоупотреблений работодателей.[1] То есть использование подобных средств дало лишь временный эффект.

[1] Супян Н.В. Нетипичная занятость в ФРГ // Современная Европа. 2015. С. 69 [Электронный ресурс]. –URL: https://cyberleninka.ru/article/n/netipichnaya-zanyatost-v-frg.

Применение подобных практик в Российской Федерации неприемлемо, так как социальная функция государства во многом обеспечивается за счёт средств фондов, которые образуются посредством соответствующих отчислений работодателей. Но решение проблемы ужесточением санкций за практику неформальных отношений в сфере занятости населения чрезмерно. Население само должно понимать необходимость соответствующего оформления трудовых отношений. По мнению автора данной работы, решению данной проблемы могут способствовать профессиональные союзы с учетом модернизации их деятельности.

Следует отметить, что начало модернизации профсоюзной деятельности в РФ уже положено. Так, традиционные профсоюзы, в частности Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР), начала стремительно терять свои позиции. Гораздо чаще работники различных российских компаний стали объединяться в независимые (альтернативные) профсоюзы.[1] Эта ситуация вызвана рядом причин.

Одной из основных причин сложившейся ситуации является неэффективность деятельности профсоюзов, входящих в состав ФНПР. Большинство указанных организаций, функция которых состоит в защите прав работников, занимаются совершенно иной деятельностью (организация праздников, борьба с хищениями и пьянством…). В итоге, защита работников от увольнений или неоправданных сокращений заработной платы остается без внимания профессиональных союзов. Не менее значимая причина кроется и в направленности деятельности указанных организаций, так как, в большинстве случаев, чувствуя свою зависимость от работодателей, они действуют в их интересах. По словам руководителя Центра социальной политики Института экономики РАН Евгения Гонтмахера «… вместо того, чтобы добиваться более удобного графика работы или снижения огромных различий между зарплатами самых высокооплачиваемых и самых низкооплачиваемых рабочих на производстве, ФНПР в лучшем случае требует повышения МРОТ до прожиточного минимума»[2]. Наконец, причиной является и «старение кадров», так как профлидеры преклонного возраста не желают уступать дорогу молодым и амбициозным кадрам. В результате всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что российская система профсоюзов нуждается в реформировании.

[1] Баранов Ю.В., Полянская С.Г. Проблемы профсоюзного движения в России // Омский научный вестник. —2012. —№ 2 (106). —С. 71.

[2] Там же. С. 71

В этом случае переход от традиционных профсоюзов к альтернативным должен осуществляется с опорой на следующие тенденции:

обеспечение роста доверия населения к деятельности профессиональных союзов.

стремление к международной интеграции профессиональных союзов, что позволит выйти и на мировые СМИ, с помощью которых можно также бороться за защиту прав работников.

активное взаимодействие с другими общественными организациями как общероссийскими, так и международными.

участие профлидеров и членов профессионального союза в различных образовательных программах.

Несмотря на то, что в данных тенденциях отмечается некоторое сближение с международной практикой, российские профсоюзы должны преследовать собственные цели, среди которых и борьба с неформальной занятостью.

Предлагается рассмотреть несколько моделей совершенствования организации и деятельности профессиональных союзов. Так, в одной из моделей вводится законодательное разграничение членства рядовых работников и представителей руководства в одной профсоюзной организации, что повышает уровень защищенности прав работников. Данное предложение имеет основание, поскольку возможность членства работодателей и его представителей в одном профессиональном союзе с рядовыми работниками оказывает влияние на его деятельность, что, соответственно, влияет и на защищенность рядовых работников. В этой связи предлагается закрепить в Федеральном законе «О профессиональных союзах, и правах и гарантиях их деятельности» положение, исключающее возможность членства в одном профсоюзе рядовых работников и представителей руководства различных уровней (менеджеры ИТР, кадровые службы организации и т.д.)[1]. В целом, следует сказать, что данная модель может быть эффективна в плане принятия решений профсоюзным органом, но также существует и влияние работодателя на отдельных членов, являющихся работниками организации.

Другая модель обращает внимание на ответственность сторон за невыполнение принятых обязательств по коллективно-договорному регулированию, а именно отсутствие её нормативного закрепления. То есть заключение коллективно-договорных от-

[1] Денищик А.Ю. Обеспечение благоприятных нормативно-правовых условий деятельности профсоюзных организации в РФ // Синергия. —2016. —№ 5. —С. 20.

ношений характеризуется некоторой формальностью.[1] Говорить о полном отсутствии ответственности работодателя неверно, так как ст. 5.31 КоАП РФ предусматривает подобный состав правонарушения. Однако, следует обратить внимание на санкцию данной нормы – предупреждение или наложение административного штрафа в размере от трёх тысяч до пяти тысяч рублей.[2] Для работодателя данная санкция не является препятствием в нарушении норм коллективного договора или соглашения, так как в некоторых случаях при нарушении указанных норм работодатель получает большую выгоду. В целях преодоления проблемы формальности коллективно-договорных отношений предлагается:

внести в ТК РФ положения, указывающие на обязательность пунктов об ответственности за неисполнение коллективно-договорных отношений в коллективном договоре;

ужесточить санкцию статьи 5.31 КоАП РФ.[3]

Указанные модели затрагивают важные проблемы профсоюзной деятельности в Российской Федерации, однако они не решают вопроса о независимости отдельных членов профсоюза от работодателя. Дело в том, что профсоюзные активисты, являясь одновременно сотрудниками организации, находятся в прямой зависимости от работодателя, но, при этом, они вынуждены и противостоять ему при защите прав работников. Данный аспект организационной работы профессиональных союзов, действительно, затрудняет их объективную деятельность. Учёные для решения данной проблемы предлагают ввести в ТК РФ нормы, повышающие защиту работников-членов профсоюза от увольнения. Однако можно попробовать и другие пути решения, например, увеличения государственного контроля в данной области общественных отношений.

Зависимость работника, являющегося членом профессионального союза, от работодателя можно уменьшить посредством введения специального контроля деятельности профессиональных союзов со стороны государства. Представляется, что учреждение специальных должностных лиц, которые одновременно будут являться членами профессионального союза организации, будет способствовать объективизации его деятельности, независимости от работодателя.

[1] Игошин А.Н., Черемухин А.Д. Сущность экономического роста, его типы и измерители // Вестник НГИЭИ. —2015. —№ 5 (48). —С. 52-58.

[2] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2020).

[3] Денищик А.Ю. Обеспечение благоприятных нормативно-правовых условий деятельности профсоюзных организации в РФ // Синергия. —2016. —№ 5. —С. 21.

В науке трудового права ранее предлагалось ввести институт освобожденного председателя, что в последнее время является достаточно распространенной практикой, в частности, в Белгородской области.[1] Указанная должность предполагает, что человек занимается профсоюзной деятельностью на профессиональной основе. В данной работе предлагается обеспечить данную должность государственной поддержкой, причём, вовсе не обязательно, что данная должность – это председатель профессионального союза.

Нововведение будет способствовать и борьбе с теневой занятостью, так как специальные должностные лица, контролирующие деятельность профсоюзов, а, соответственно, находящиеся внутри организации, будут заинтересованы и в соблюдении трудового законодательства, в том числе, касающегося должной формализации трудовых отношений. То есть увеличивается контроль за оформлением работников в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативно-правовыми актами, содержащими нормы трудового права, который может производиться посредством профсоюзных проверок.

Таким образом, современная модель профессионального союза в РФ представляет собой организацию, состоящую либо из представителей руководства, либо из работников, не занимающих руководящие должности, а также включающая элементы государственного контроля (специальное должностное лицо). Данная модель с учетом введения более строгих санкций за невыполнение положений коллективных договоров и соглашений может способствовать противодействию неформальной занятости.

УДК 349.2

В.А. СМИРНОВ, А.М. ЮДИН

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

РАСТОРЖЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ОСНОВАНИЯМ п. 7.1 ст. 81 ТК РФ

Существование коррупции в нашей стране признается на высшем уровне, для борьбы с ее непосредственными проявлениями и иными коррупциогенными факторами и законодателем были

[1] Денищик А.Ю. Обеспечение благоприятных нормативно-правовых условий деятельности профсоюзных организации в РФ // Синергия. —2016. —№ 5. —С. 21.

созданы эффективные барьеры в таких отраслях права, как уголовное и административное. Но в 2012 году законодатель пошел дальше и расширил инструментарий по противодействию коррупции дисциплинарными взысканиями: Федеральным законом от 03.12.2012 № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[1] были внесены поправки в Трудовой кодекс РФ (далее – ТК).

С одной стороны, данная мера может показаться избыточной, с другой же – она направлена на защиту интересов как государства, так и общества, поэтому важно рассмотреть данный вопрос более конкретно.

Во-первых, необходимо уточнить, что в ТК, основываясь на ч. 3 ст. 192[2], мера, предусмотренная п. 7.1 ст. 81, определяется как вид дисциплинарного взыскания. Причем применяться она может не к любому работнику, а лишь к категориям таковых, определенных законодателем, то есть круг обязанных лиц является закрытым и четко определенным.

Во-вторых, необходимо отметить размытость и ширину толкования данной нормы. Для начала дадим определение понятию «утрата доверия». А нет, не дадим, ведь оно нигде нормативно не закреплено. Но нетрудно догадаться, что это крайне субъективное понятие. Несмотря на определение оснований для потери работодателем или представителем нанимателя доверия к работнику, само их наличие не может свидетельствовать о таковом по двум причинам:

сложность понимания и пространность трактовки некоторых обязательств работника;

двухступенчатая модель вышеупомянутого проступка.

Говоря о неконкретности нормативно выдвигаемых требований, надо упомянуть о таком виновном бездействии, как «непринятие работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является». Достаточно ли любых действий, например, доклада руководителю струк-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»: Федер. закон от 03.12.2012 № 231-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (часть 4). Ст. 6954.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

турного подразделения или даже представителю нанимателя о существовании коррупциогенного фактора или есть необходимость в так называемом самоотводе? Каков порядок действий при возникновении конфликта интересов? Закон умалчивает.

Двухступенчатость же подразумевает обязательность одновременного присутствия пары взаимосвязанных между собой обстоятельств: и основания для утраты доверия, и непосредственной утраты доверия к работнику. Загвоздка в том, что работник может совершить иное, не предусмотренное п. 7.1 ст. 81 ТК РФ виновное действие, повлекшее утрату доверия работодателем, но ввиду отсутствия прямой причинно-следственной связи между действием (бездействием) и самой утратой доверия мы не можем говорить о возможности увольнения работника по рассматриваемому нами пункту. Кроме того, работник может совершить предусмотренное п. 7.1 ст. 81 ТК РФ действие (бездействие), которое не приведет к утрате работодателя к нему доверия.

Отсюда мы можем сделать следующий вывод: помимо того, что термин «утрата доверия» является субъективным, тяжело поддающимся определению и индивидуально ориентированным, для работодателя увольнение в связи с утратой доверия является одновременно и правом, и весьма удобно размытой формулировкой, хотя антикоррупционная норма должна отличаться определенностью, дабы не порождать новых рисков.

В-третьих, необходимо заметить, что в отличие от мер, предусмотренных п. 2 ст. 59.2 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О государственной гражданской службе Российской Федерации», где говорится, что «представитель нанимателя, которому стало известно о возникновении у гражданского служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, подлежит увольнению в связи с утратой доверия также в случае непринятия представителем нанимателя мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого является подчиненный ему гражданский служащий»[1], действие дисциплинарного взыскания за коррупционные проступки, которые охватываются п. 7.1 ст. 81 ТК РФ, не подразумевают ответственность работодателя за проступки работников.

[1] О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

В-четвертых, особенностью увольнения по данной норме является серьезность негативных последствий. Хотя правовое регулирование побочных эффектов обладает очевидными изъянами, можно выделить несколько, которые чаще всего встречаются в ведомственных нормативных актах и нормативно-правовых актах субъектов РФ: ограничение права на получение или лишение некоторых региональных наград, неполучение доплат к страховой пенсии либо пенсии за выслугу лет, обусловленных выполнением трудовых обязанностей, а также исключение из кадрового резерва на государственной (муниципальной) службе, размещение сведений в реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверие за совершение коррупционного проступка[1].

Как уже говорилось, далеко не любой работник может быть уволен по рассматриваемому нами основанию. Так, согласно самой норме, увольнение возможно только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено самим Трудовым кодексом, Федеральным законом, либо нормативным правовым актом Правительства или Президента Российской Федерации. Возможным в данной ситуации будет применение метода от обратного путем составления полного списка круга лиц, на которых будет распространяться действие п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Однако тут следует отметить, что перечень организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами чрезвычайно обширен, и исследование будет выходить за рамки данной статьи. Более практичным и, соответственно, не менее логичным будет выделение единого признака для всех категорий работников, попадающих под действие данной нормы, а именно – коррупционных рисков при исполнении трудовых функций.

Несмотря на то, что словосочетание «коррупционные риски» имеет достаточно широкое употребление, отсутствует единое и четкое определение данного понятия на законодательном уровне и не остается иного выбора, как прибегнуть к мнению ученых. Согласно мнению О.В. Казанченковой под коррупционными рисками следует понимать обстоятельства, факторы и явления, возникающие в процессе функционирования органов государственной власти, осуществления служебной деятельности государственных

[1] Кабанов П.А. Негативные последствия увольнения в связи с утратой доверия за совершение дисциплинарного коррупционного проступка // Мониторинг правоприменения. —2019. —№2 (31). —С.30-37.

служащих, создающие ситуацию возможного совершения коррупционного правонарушения[1].

Проведенный анализ дает возможность прийти вновь прийти к выводу о том, что п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ носит не только и не столько характер меры дисциплинарной ответственности, но и явный антикоррупционный характер.

Наконец, на невозможность расширительного толкования п. 7.1 ст. 81 ТК РФ указывает и судебная практика. Тут следует особо подчеркнуть, что как в п. 7.1 ст. 81 ТК РФ, так и в п. 7 ст. 81 ТК РФ, говорится об утрате доверия работнику. Однако если п. 7 находит своё распространение на любого работника, непосредственно обслуживающего денежные или торговые ценности независимо от того, в какой организации он работает, то п. 7.1 касается работников только тех организаций, которые прямо оговорены законом[2].

Выше были рассмотрены общая характеристика и субъектный состав нормы, но для полного понимания предмета исследования следует определиться с тем, какие именно действия дают основания для утраты доверия со стороны работодателя к работнику, то есть с объективной стороной п. 7.1 ст. 81 ТК РФ.

Как было отмечено ранее данная норма возникла в ТК РФ в связи с взятием курса на борьбу с коррупцией. Ранее понятие как конфликта интересов, так и личной заинтересованности уже было дано в п. 1 и 2 соответственно в ст. 10 ФЗ «О противодействии коррупции». Комплексное рассмотрение данных пунктов, дает возможность прийти к следующим выводам:

не урегулирование конфликта интересов может стать основанием для увольнения по п. 7.1 ст. 81 ТК РФ только в том случае, если это является обязанностью работника;

на урегулирование конфликта должна влиять личная заинтересованность, которая носит материальный характер либо подразумевает получение другой выгоды, которую не обязательно получает сам работник.

Однако в контексте рассматриваемого пункта нас будет интересовать не столько сам «конфликт интересов», сколько «непринятие мер по предотвращению или урегулированию конфлик-

[1] Казаченкова О. В. Конфликтный потенциал государственной службы как фактор возникновения коррупционных рисков// Административное и муниципальное право, —2010. —№2. —С. 37.

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 15 января 2015 года по делу №33-36 // [Электронный ресурс]. –URL: https://rospravosudie.com/court-saratovskijoblastnoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-505147023.

та интересов». Тут стоит указать на то, что перечень действий, необходимых для принятия мер по урегулированию конфликта интересов является открытым. Данный факт видится вполне логичным и закономерным по одной просто причине – непредсказуемости ситуаций, при которых возникает конфликт интересов. С другой стороны, свобода толкования наделяет свободой для злоупотреблений.

Наконец, говоря про непредставление или представление неполных, или недостоверных сведений, следует отметить, что в самом общем виде правила представления сведений содержатся в Методических рекомендациях по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки, изданных Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Методические рекомендации содержат перечень необходимых сведений, таких как сведения о расходах, доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Однако, если мы обратимся к самому п. 7.1 ст. 81 ТК РФ, то можем увидеть некоторое противоречие – сам пункт дает перечень шире.

Но даже непредставление сведений не всегда будет считать дисциплинарным проступком, потому как главным тут будет именно возникновение недоверия у работодателя в связи с этим фактом. Так, суды, вынося решение по данной категории дел, указывают на то, что само по себе непредставление работником своевременно сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, не является основанием для применения крайней меры дисциплинарного взыскания. Соответственно, в случае если работодатель не представит доказательств того, что в связи с непредставлением сведений он утерял доверие к работнику, то суд встанет на сторону последнего[1].

Всё это приводит нас к выводу о том, что несмотря на оценочный характер термина «утрата доверия», работодатель должен подходить к суждению о действиях работника объективно и не в праве судить их произвольно, по своему усмотрению. Однако следует отметить, что мы вновь сталкиваемся с ситуацией, где норме явно не хватает конкретики, что вновь дает поле для злоупотреблений.

[1] Апелляционное определение Мурманского областного суда от 15 октября 2014 года по делу № 33- 3144/2014 // [Электронный ресурс]. –URL: http://oblsud.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=20.

Вывод нашего исследования заключается в следующем – любое нововведение, как и первый блин, поначалу всегда выходит комом. В сложившейся среде общественно-правовых отношений, данный метод борьбы с коррупционерами и возможностями для реализации средств, добытых преступным путем в ходе недобросовестного исполнения служебного долга, является сырым, а иначе – несовершенным. Противодействие коррупции, сродни естественным наукам, не терпит неточностей, сродни правосудию, не терпит извилистых путей отправления. На данном этапе развития противостояние с нерадивыми должностными лицами может привести к расширению неформальных рычагов давления представителей нанимателей на своих подчиненных, так как рамки и механизм применения такого института пока еще является недоработанным, и, в какой-то мере, сама возможность «увольнения по статье» создает новые коррупциогенные факторы, новые риски.

УДК 349.2

А.В. УЛАНОВА

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

ПРОБЛЕМА ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В настоящее время не обсуждается, что трудовое законодательство возникло из объединения двух ветвей права: гражданской и административной, вернее, фабричного законодательства об охране труда.

У женщин продолжительность рабочего дня была такой же, как у мужчин. Во многих отраслях женщины полностью вытеснили рабочих-мужчин, потому что они согласились получать пониженную заработную плату. Проделанная работа характеризовалась однообразием, тяжестью и вредностью условий труда.

18-часовое рабочее время также разрушило традиционные взгляды на семью: женщины, которые работали как мужчины, больше не могли быть «хранительницами домашнего очага».

Введение ограничений ночной работы и продолжительности рабочего времени для несовершеннолетних и женщин изначально было обусловлено заботой государства о национальной безопас-

ности, а не об их здоровье.[1] Таким образом, постепенное повышение образовательного и культурного уровня трудящихся стало предметом национальных интересов государства.

Общей проблемой реализации права на труд является дискриминация в отношении женщин. На основе формулировки ТК Российской Федерации о запрещении дискриминации в сфере труда, дискриминация может быть определена как ограничение в трудовых правах и свободах, которые зависят от пола и расы, цвета кожи, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника.

В Трудовом кодексе также содержится открытый перечень оснований для дискриминации.

Ряд конвенций Международной организации труда также посвящены проблеме дискриминации в отношении женщин в трудовых отношениях.

Проблема дискриминации женщин в сфере занятости актуальна как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Отмечается, что ситуация на рынке труда не благоприятна для женщин; при приеме на работу работодатель отдает предпочтение мужчинам, игнорируя профессиональные качества женщин, в результате чего молодые женщины теряют квалификацию и долго не могут устроиться на работу.

Несмотря на запрещение дискриминации в отношении женщин при приеме на работу, преимущества, предоставляемые мужчине очевидны. Наиболее опасной тенденцией является распространение информации об этом предпочтении, открытое размещение объявлений с указанием пола кандидата на эту должность.

Законодательство многих зарубежных стран запрещает указывать в объявлении пол и возраст подходящего кандидата: например, бельгийский закон запрещает ссылку на пол работника в опубликованных объявлениях о работе.

Во Франции лицо, отказывающееся от найма по признаку пола, национальности и т. д., подлежит тюремному заключению на срок от двух месяцев до одного года и/или штрафу в размере двух тысяч франков. Суд может потребовать, чтобы приговор был опубликован в газетах за счет автора.

В Швеции закон обязывает предпринимателей обеспечивать справедливое распределение рабочих мест между мужчинами и женщинами, например, если два кандидата подают заявления на

[1] Rich A. Of Women Born: Motherhood as Experience and Institutions. W.W. Norton & Company. New York-London, —2017.

работу, на равных условиях должен быть принят кандидат того же пола, которого не хватает на предприятии.[1]

Учитывая объем особого регулирования женского труда в России, получается, что на практике работодатель, использующий женский труд, находится в гораздо менее благоприятном положении, чем работодатель, использующий мужской труд.

В дополнение к стандартным задачам, необходимость перевода беременной женщины на более легкую работу, поиск сотрудника, который может заменить её, его обучение, выплата разницы в заработной плате. В этих условиях становится ясным характер нарушений трудового законодательства женщин, рассматриваемых на конкретной работе. Эксперты отмечают, что государство должно компенсировать работодателям, которые используют труд женщин и лиц с семейными обязанностями, расходы, связанные с решением проблемы обеспечения женщинам равных возможностей для участия в воспроизводстве населения.

Разделы трехсторонних соглашений основаны на защите прав и гарантий женщин. Работодатели обязаны создавать условия труда, позволяющие совмещать работу с семейными обязанностями (введение мобильного рабочего графика, освобождение от сверхурочной работы, установление неполного рабочего дня, повышение квалификации в рабочее время). Необходимо, также, предусматривать административную ответственность работодателя за несоблюдение или ненадлежащее исполнение закона.

В начале XXI в. теоретически произошел возврат к всемирно известной дилемме: будь то формальное равенство возможностей для мужчин и женщин без каких-либо преимуществ (эгалитарный феминизм) или сохранение преимуществ для женщин, связанных с особенностями их тела и материнства (неолиберальный феминизм). В постсоветский период стала популярной патриархальная теория. Очевидно, что внутренняя доктрина и трудовое право все еще находятся на перепутье между классическим либерализмом американского типа и европейской континентальной моделью гендерного равенства.

Дискриминация на рабочем месте принимает различные формы. Наиболее распространенными являются дискриминация в оплате труда и дискриминация на рабочем месте.

Я считаю, что политика ликвидации дискриминации по признаку пола в сфере труда должна быть последовательной и инклюзивной. Любые индивидуальные меры на местном уровне будут

[1] Мезенцева Е. Гендерная проблематика в экономической теории Введение в Гендерные исследования. Ч. I. Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. —Харьков: ХЦГ. —Санкт-Петербург: Алетейя, —2016.

неэффективными, если они останутся необеспеченными ответными мерами во всех областях регулирования общественной жизни. С этой точки зрения, меры, принятые для искоренения дискриминации, могут быть не только запретительными, но и предотвращать дискриминацию. Если возможно, все предварительные условия (по крайней мере, в законе) должны быть отменены.

Совершенствование механизма реализации запретительных правил дискриминации в области трудовых отношений требует следующих законодательных нововведений: смягчении части обязанности работодателя финансировать дополнительные права трудящихся и передаче их государству, представленному Фондом социального страхования, распространении ряда гарантий только на женщин детородного возраста, принятии законов, запрещающих дискриминацию по признаку пола в трудовых отношениях, наложении бремени доказывания в спорах о дискриминации работодателя, создании специализированного судебного органа для рассмотрения индивидуальных трудовых споров.[1]

Подводя итог, можно сделать вывод, что дискриминация в сфере труда, к сожалению, остается неизбежным спутником трудовых отношений. Четкий механизм следования букве закона ещё не выработан, несмотря на наличие действующего законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов, в действующем законодательстве необходимо более четко отобразить соответствующие современным условиям пути решения проблемы дискриминации женщин в сфере трудовых отношений.

УДК 349.2

М.В. ФЕДОРОВ

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РУКОВОДИТЕЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ

Правовое положение руководителя организации, а также его юридическая ответственность – дискуссионные и сложные вопросы для многих дисциплин современного российского права.

[1] Гендерный фактор при приеме на работу /THESIS. 2016. № 4. 17. The Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) [Электронный ресурс]. –URL:hh.ru/article/2152.

В первую очередь, это связано с высоким уровнем индивидуальной ответственности самого руководителя, его ведущей роли в обеспечении успешного существования организации. Однако, учитывая и интересы работодателя, требуется особый механизм контроля за таким работником, а именно особый порядок и основания прекращения трудового договора. На сегодняшний день, существуют спорные моменты в трактовке законодательства, касающегося процедуры расторжения трудового договора. Все это вызывает проблемы в применении норм как со стороны руководителя, так и со стороны работодателя, в результате стороны нередко обращаются в суд за разрешением их спора.

Основным документом, регулирующим вопросы труда руководителей организации, является Трудовой кодекс РФ, а именно глава 43. Согласно статье 273 руководитель организации – это физическое лицо, которое осуществляет руководство этой организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа[1]. Между тем, кроме общих оснований прекращения трудового договора Трудовой кодекс РФ содержит также специальные основания, которые касаются непосредственно руководителя организации (пп. 4, 9, 10, 13 ст. 81; пп. 1, 2 ч. 1 и пп. 1, 2 ч. 2 ст. 278).

Наиболее спорными, но в тоже время распространенными, являются: основание, предусмотренное п. 2 ч. 1 ст. 278 Трудового кодекса РФ, а также основание, предусмотренное п. 2 ч. 2 ст. 278 ТК РФ.

В первом случае работодателю предоставляется право уволить руководителя без объяснения мотивов и причин увольнения. Положение данной статьи было предметом рассмотрения в Конституционном суде РФ[2], в результате норма была признана непротиворечащей Конституции. Суд сделал вывод, что закрепленное за работодателем право расторгнуть трудовой договор без указания конкретных мотивов направлено на реализацию и защиту прав собственника на владение, пользование и распоря-

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации по состоянию на 15 августа 2019 года. —Москва: Издательство АСТ, —2019. —С. 166.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2005 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.03.2020).

жение своим имущество ведущая роль в управлении, которым отведена непосредственно руководителю организации. Однако, даже после вынесения выше упомянутого постановления, данная норма остается предметом многих дискуссий, о чем свидетельствуют и дальнейшие жалобы граждан в Конституционный суд РФ по факту нарушения трудового законодательства, связанного с положениями п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ[1]. Конституционный суд стоит на стороне работодателя и не высказывает ограничений на возможное злоупотребление правом на расторжение трудового договора. Опираясь на общие принципы правового регулирования трудовых отношений, закрепленных в статье 2 Трудового кодекса, становится понятно, что п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ вступает с ними в противоречие и дает реальную возможность для дискриминации работника. Данная норма ограничивает право работника в зависимости от должностного положения, а в последующем не дает судам защищать законные права работника. В тоже время, данная норма подразумевает у работодателя, а именно у уполномоченного орган юридического лица, либо собственника имущества организации, либо уполномоченного собственником лицо (орган), неограниченное право усмотрения при принятии решения о расторжении трудового договора, в том числе работодатель может действовать произвольно и вопреки смыслу п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ, руководствуясь прежде всего своим личным интересом. Именно поэтому, данная норма нуждается в изменениях, в соответствии с действующим трудовым законодательством.

В таком случае неоднозначен и вопрос выплаты компенсации руководителю при увольнении, предусмотренной ст. 279 Трудового кодекса РФ. Так как, работодатель, в соответствии со п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ, может быть освобожден обязанности мотивировать свое решение, а значит и доказывать вину работника, то отраженное в статье 279 ТК РФ положение: «при отсутствии виновных действий» – нецелесообразно, ведь вину руководителя, в таком случае, необходимо доказать, а значит статьи 279 ТК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ находятся в противоречии. В данном случае можно согласиться с позицией Глухова Александра Викторовича, который предлагает изложить ст. 279 ТК РФ в следующей редакции: «В случае прекращения трудового договора с руководителем

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2011 г. № 539-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Сибсервисстройреконструкция» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 278 и статьей 279 Трудового кодекса Российской Федерации. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.03.2020).

организации в соответствии с пунктами 2 статьи 278 настоящего Кодекса ему выплачивается компенсация в размере, определяемом трудовым договором, но не ниже трехкратного среднего месячного заработка»[1].

Дополнительные основания при расторжении трудового договора с руководителем, которые могут быть установлены в нем же в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 278 ТК РФ, аналогично вызывают правовые проблемы. Законодатель предоставил работодателю дополнительных механизм контроля за деятельностью руководителя, который, в отличии от п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ, не требует выплату компенсации.

Интересен, в первую очередь, вопрос критериев договорных оснований расторжения трудового договора, ведь законодатель не дал определенного перечня, оставляя за работодателем право его формирования. Зачастую, работодатели обращаются к типовым договорам, например, «Примерный трудовой договор с руководителем федерального унитарного предприятия», в котором отражены некоторые дополнительные основания. Хотя трудовое законодательство прямо не ограничивает возможные формулировки таких оснований, но работодателю необходимо ориентироваться на принципы трудового права и общие гарантии, предусмотренные в Трудовом кодексе РФ[2].

Необходимо также затронуть и порядок увольнения по договорным основаниям. В данном случае судебная практика разделилась. В ч. 3 ст. 192 Трудового кодекса РФ перечислены дисциплинарные взыскания, к которым относится увольнение работника. В ст. 193 Трудового кодекса РФ указан порядок их применения. Примечательно, что ч. 3 ст. 192 Трудового кодекса РФ не содержит бланкетной нормы, отсылающей к п. 2 ч. 2 ст. 278 Трудового кодекса РФ. Что и вызывает проблемы при решении вопроса порядка привлечения к дисциплинарной ответственности. В одних случаях, суды указывают на то, что увольнение по п. 2 ч. 2 ст. 278 Трудового кодекса РФ не является мерой дисциплинарного взыскания. Работодателю необходимо представить лишь доказательство того, что обстоятельства, которые предусмотрены в трудовом договоре в качестве основания для прекращения трудового договора, имели

[1] Глухов А.В. Расторжение трудового договора с руководителем организации // Юридическая наука. ת2012. —№ 1. —С. 74.

[2] Катрич Н.А. «Договорные» основания прекращения трудового договора с руководителем организации // Социально-экономические и Гуманитарные науки сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции. —2019. —С. 81.

место быть[1]. В других случаях суды придерживаются мнения о необходимости соблюдать процедуры применения дисциплинарного взыскания при увольнениях по рассматриваемым основаниям[2]. Наиболее вероятным решением данной проблемы будет включение в ч. 3 ст. 192 Трудового кодекса основания, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 278 ТК РФ, чтобы обеспечить руководителю гарантию права, в соответствие с которым работодатель обязан доказать вину и факт совершения дисциплинарного проступка.

Таким образом, вопрос прекращения трудового договора с руководителем организации на сегодняшний день остается актуальным для научного сообщества и требует дополнительного анализа с целью последующего реформирования законодателем.

УДК 349.2

В.М. ЧУКЛИНА

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

ПРОБЛЕМА ВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОТНИКУ ПРЕДПРИЯТИЯ-БАНКРОТА

Во всем мире на протяжении многих лет рыночной экономической системе сопутствует банкротство. При осуществлении процедуры банкротства приходится решать, как экономические, так и юридические вопросы, в частности выплата заработной платы и выходных пособий работникам. В Российской Федерации на законодательном уровне данные вопросы решены не в полной мере, причиной этому может послужить относительно небольшой срок существования рыночной экономики, так как еще тридцать лет назад при командно-административной системе понятие «банкротство» отсутствовало.

Согласно ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации[3], каждый имеет право на вознаграждение за труд. Трудовое за-

[1] Определение Московского городского суда от 19 июня 2014 г. № 4г/8-3852 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2020).

[2] Определение Новосибирского областного суда от 10 июля 2014 г. по делу № 33-5635/2014 //СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2020).

[3] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс.

конодательство также закрепляет право каждого на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы[1]. Кроме этого, Трудовой кодекс Российской Федерации в ст. 130 также гарантирует оплату труда работникам, в случае, когда работодатель прекратил свою деятельности или является неплатежеспособным[2]. На мой взгляд, данная норма является отсылочной к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ от 26.10.2002 (далее – Закон о несостоятельности)[3], на основании которого юридическое лицо признается несостоятельным.

В соответствии со ст. 2 Закона о несостоятельности работники признаются кредиторами, то есть лицами, которые имеют право требовать от должника исполнения денежных обязательств об оплате труда. При этом удовлетворение требований работников о выплате заработной платы и выходных пособий осуществляется во вторую очередь.

В соответствии с п. 2 ст. 142 Закона о несостоятельности, требования кредиторов-работников удовлетворяются после полного удовлетворения требований кредиторов первой очереди. Причем при недостаточности средств у должника для удовлетворения требований кредиторов одной очереди в полном объеме, денежные средства, оставшиеся после удовлетворения требований предыдущей очереди кредиторов, распределяются пропорционально суммам требований соответствующей очереди. Отсюда вытекает, что, хотя трудовое законодательство и гарантирует оплату труда работника работодателя-банкрота, но нет гарантии, что такая заработная плата будет выплачена в полном объеме.

Помимо этого, исходя из п. 9 ст. 142 Закона о несостоятельности при недостаточности денежных средств и имущества для погашения задолженности, требования кредиторов, которые не были удовлетворены по этой причине, считаются погашенными. Следовательно, требования работников-кредиторов о выплате заработной платы и выходных пособий могут оказаться погашенными таким же способом. В данном случае положение п. 9 ст. 142 Закона о несостоятельности вступает в противоречие со ст. 130 Трудового кодекса РФ. Отсюда вытекают следующие вопросы:

---

[1] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Там же.

[3] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // СПС КонсультантПлюс.

(1) нормы какого законодательства, гражданского или трудового, применяют судьи Российской Федерации и (2) и какие пути решения данной проблемы применяются в мировой практике?

Исходя из анализа судебной практики, в большинстве случаев правоприменитель опирается на положения п. 9 ст. 142 Закона о несостоятельности, так как положения Закона о несостоятельности являются единственным законодательно закрепленным механизмом распределения имущества должника и погашения требований кредиторов.

Проблема отказа в удовлетворении требований работников работодателя-банкрота об оплате труда стоит еще с начала 2000-х годов. Конституционный суд РФ в Определении от 8 июня 2004 г. № 254-О[1] признал, что положения п. 9 ст. 142 Закона о несостоятельности соответствуют Конституции РФ. Также в данном Определении Конституционный суд РФ высказался о том, что разрешение вопроса о предоставлении новых дополнительных государственных гарантий работникам предприятия-банкрота, введении иных способов защиты их интересов (создание гарантийных учреждений и др.), связано с дальнейшим совершенствованием законодательства о банкротстве, и является прерогативой законодателя[2]. Однако до сих пор на законодательном уровне данная проблема не решена. В 2016 году в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен Законопроект № 1012488-6 «Об обязательном социальном страховании на случай утраты причитающейся работнику заработной платы вследствие несостоятельности (банкротства) работодателя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3], но еще на стадии рассмотрения Советом Государственной Думы он был вернут субъекту права законодательной инициативы для выполнения требований Конституции РФ и Регламента Государственной Думы.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 № 254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки М.Г. Ершовой положением пункта 5 статьи 114 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Там же.

[3] Законопроект № 1012488-6 «Об обязательном социальном страховании на случай утраты причитающейся работнику заработной платы вследствие несостоятельности (банкротства) работодателя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Система обеспечения законодательной деятельности // –URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz#data_source_tab_b.

На данный момент данная проблема отражена в таком документе как «Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года», утвержденном Председателем Правительства РФ 29 сентября 2018 г. В п. 1.8.1. указано, что основным направлением деятельности является установление порядка выплаты компенсации работнику в случае утраты заработной платы, не выплаченной работодателем, в отношении которого возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве).

Исходя из анализа мировой практики и положений Конвенции № 173 Международной организации труда (далее – МОТ) от 23 июня 1992 года «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя»[1] и Рекомендации № 180 МОТ от 23 июня 1992 года «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя»[2] можно сделать вывод, что существует два способа удовлетворения требований кредиторов-работников: (1) защита требований путем привилегии и (2) защита требований путем гарантийных учреждений.

Первый вариант заключается в удовлетворении требований работников-кредиторов об оплате труда в первоочередном порядке. Данный способ нашел отражение в российском законодательстве. Так, в соответствии с п. 1 ст. 64 Гражданского кодекса Российской Федерации удовлетворение требований кредиторов-работников осуществляется во вторую очередь после погашения текущих расходов и удовлетворения требований граждан, перед которыми ликвидируемое юридическое лицо несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, составляющих первую очередь. Зачастую у работодателя-банкрота хватает денежных средств лишь на погашение текущих расходов и удовлетворение требований первой очереди.

Второй вариант заключается в создании фондов социальной гарантии, за счет которых будет осуществляться удовлетворение требований кредиторов-работников, в случае недостаточности средств у работодателя-банкрота для первоочередного удовлетворения требований работников об оплате труда и выплаты выходных пособий. Данный способ, к сожалению, не предусмотрен законодательством Российской Федерации, хотя указанный выше законопроект предусматривает создание организаций страхования заработной платы.

---

[1] Конвенции № 173 МОТ от 23.06.1992 «О защите требований, трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Рекомендации № 180 МОТ от 23 июня 1992 года «О защите требований, трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» // СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, можно прийти к выводу, что правоприменитель в Российской Федерации вынужден применять нормы гражданского законодательства, тем самым нарушая гарантии работников на выплату заработной платы и выходных пособий, в случае банкротства работодателя.

С целью решения данной проблемы необходимо обратиться к мировой практике и актам МОТ и дополнить законодательство нормативным правовым актом, в котором отразился бы такой способ, как создание фондов социальной гарантии, благодаря которым будут удовлетворены требования кредиторов-работников, вне зависимости от очередности погашения требований остальных кредиторов несостоятельного работодателя.

УДК 349.2

А.Н. ШЕЙКО

научный руководитель
доцент Г.Р. ИГБАЕВА

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Трудовое законодательство вследствие развития общества в ближайшие годы ждут серьезные изменения. Это вызвано фундаментальным переустройством экономической и социальной среды. Современный уровень развития систем искусственного интеллекта, слияние технологий влекут трансформацию сферы труда, характеризующуюся как исчезновением многих рабочих мест и профессий, так и появлением новых. Цифровизация позволяет задействовать роботов в производстве, что приводит к отказу от части интеллектуального труда и в значительной степени от физического труда. [1]

Ученые выделяют три промышленные революции, изменившие содержание труда: индустриализация (переход от ручного труда к машинному), электрификация и автоматизация (внедрение вычислительной техники в производство, сферы услуг и управление). Современное состояние мировой экономики говорит о начале четвертой промышленной революции. Способность стран и предприятий использовать новые цифровые ресурсы ста-

[1] Филипова И.А. Правовое регулирование труда-2020: смена парадигмы как следствие цифровизации экономики// «Юрист», —2018, —№11.

нет главным фактором их конкурентоспособности. Цифровизация приведет к новым типам занятости, изменению характера и условий работы, трансформации рынков труда. Ключевыми изменениями на рынке труда станут:

появление новых рабочих мест и профессий (в сферах электронной коммерции, программного обеспечения, кибербезопасности);

исчезновение ряда старых рабочий мест (лектор, копирайтер, турагент, парковщик, почтальон);

изменение условий труда. приоритетными станут: удаленная работа, работа через интернет-платформы;

увеличение объемов работы, требующих цифровые навыки.

В отличии от предыдущих промышленных революций, предстоящая цифровизация затронет абсолютно все работы, даже считающиеся высококвалифицированными (юриспруденция, образование, здравоохранение).

Важно отметить, что на данный момент законодательно закрепленного понятия нестандартной формы занятости не разработано. В любом случае, ее принято понимать, как занятость, по какому-либо критерию отличающуюся от стандартной. В.Е. Гимпельсон и Р.И. Капелюшников определяют нестандартную занятость как трудовые отношения, отклоняющиеся от стандартной модели полной, регулируемой и открытой занятости у одного работодателя в течении длительного времени по одному или нескольким из критериев (продолжительность рабочего времени, условия оплаты труда, длительность трудовых отношений).[1]

Классифицировать нестандартные формы занятости можно по двум критериям: традиционные и новые формы нестандартной занятости. К традиционным следует отнести временную, посменную, неполную занятости, надомный труд, самозанятость и сверхзанятость. К новым формам нестандартной занятости относят заемный труд, формы с гибким рабочим временем, телетруд (дистанционная занятость), фриланс.[2]

Однозначно, существуют некоторые проблемы в сфере изучения нестандартных форм занятости. Например, в официальной информации, представленной Росстатом, учитываются преимущественно «традиционные» формы нестандартной занятости:

[1] Дорохова Н.В. Анализ подходов к классификации форм нестандартной занятости населения// Вестник воронежского государственного университета инженерных технологий. —2017. —С. 381.

[2] Мусаев Б.А. Нестандартная занятость как форма реализации условий нового экономического уклада//интернет-журнал науковедение. —2017. —С. 41.

неполная занятость, сверхзанятость, временная занятость. Также многие российские исследователи изучают «традиционные» формы нестандартной занятости, гибкая занятость остается недостаточно исследованной.

Примером предприятия, применяемого формы нестандартной занятости в России в 2019 г. может служить ЗАО «Центральный научно-исследовательский институт судового машиностроения». Группами работников, для которых применяются данные формы занятости являются инженеры-конструкторы, инженеры-электроники, программисты и экономисты. Применение таких форм занятости, как неполная занятость, работа с гибким началом и окончанием рабочего дня и труд фрилансеров обусловлено стремлением работодателя сократить издержки на персонал, создать условия для роста производительности, причем у работников всегда остается право выбора формы занятости. Следует сказать, что гибкие формы занятости дают ряд преимуществ не только работодателю, но и работнику, позволяя распределять рабочее время по своему усмотрению; выбирать те часы работы, которые удобны. Это повышает работоспособность сотрудников и производительность труда, позволяет сочетать работу с обучением в учебном заведении, положительно влияет на трудовую мотивацию.[1]

Несмотря на ряд преимуществ, государственная политика на рынке труда в связи с дестандартизацией занятости слабо меняется. Это связано с консерватизмом системы государственного управления. Только в 2019 году Государственная Дума приняла в первом чтении законопроект об электронных трудовых книжках. Необходимы серьезные изменения в трудовом законодательстве, так как общество выходит на новый уровень развития, сопровождаемый цифровизацией.

С другой стороны, Правительством РФ сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Концепция правового регулирования должна включать оформление трудовых отношений в цифровой экономике, безбумажное взаимодействие работников и работодателей.[2]

Следует отметить, что кардинальные изменения в правовом регулировании труда в ближайшие годы объективно неизбежны. Это связано с формированием новой среды, новых профессий (биоэтик, ГМО-агроном, координатор образовательной онлайн

[1] [Электронный ресурс]. –URL: www.sudmash.ru (дата обращения: 03.03.2020).

[2] [Электронный ресурс]. –URL: www.government.ru (дата обращения: 03.03.2020).

платформы, специалист по адаптации мигрантов) и потребности в новых стандартах безопасности из-за внедрения искусственного интеллекта во многие сферы жизни.

Таким образом, в ближайшие годы будут преобладать следующие тенденции: сокращение оплаты низкоквалифицированного труда; интеграция роботов в производство, логистику и сферу услуг; рост рынка гибкой занятости, внештатных сотрудников-фрилансеров; прозрачность информации о потенциальных работодателях и работниках (интернет-сервисы, социальные сети с отзывами).

Вывод: необходимо мягкое регулирование на законодательном уровне трудовой сферы общества, что обусловлено началом четвертой промышленной революции и цифровизации экономики. Но как урегулировать отношения, которые по прогнозам ученых массово начнут возникать в следующие несколько лет? Ведь неправильные решения могут привести к серьезным негативным последствиям из-за неподготовленности общества к новым реалиям. Потребуется достаточно продолжительное время для регулирования возникших вопросов как на уровне национального законодательства, так и на международном уровне.

УДК 349.2

П.А. ШИНКЕВИЧ

научный руководитель
доцент Е.В. МОТИНА

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИСПЫТАНИЯ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ

Наниматель заинтересован в приеме на работу квалифицированных специалистов, которые будут успешно справляться со своей работой и соответствовать требованиям нанимателя. Прежде чем начинать долгосрочные трудовые отношения, наниматель хочет убедиться, что работник, которого он принимает на работу, действительно ему подходит. С этим связано широкое распространение такого условия трудового договора как условие о предварительном испытании. Для работника предварительное испытание также имеет свои преимущества, поскольку он знакомится с условиями, которые предлагает ему наниматель и принимает решение о дальнейшей работе. Особенности трудового дого-

вора с предварительным испытанием предусмотрены в ст. 28, 29 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК).

В Кодексе законов о труде БССР 1929 г. данное понятие не нашло правового закрепления. Статья 1 Кодекса законов о труде БССР 1972 г. (далее – КЗоТ БССР 1972 г.) содержала термин «испытание при приёме на работу». Термин, используемый сейчас, получил закрепление лишь с принятием ТК 1999 года.

Предварительное испытание – это дополнительное условие трудового договора (ст. 19 ТК), которое устанавливается по соглашению сторон с целью проверки соответствия работника поручаемой ему работе при приеме на работу.

В науке трудового права предлагается использовать термин «испытательный срок»[1]. Однако такое предложение не нашло своего закрепления в трудовом законодательстве Республики Беларусь. Вопрос применения терминологии довольно дискуссионный, поскольку предназначение данного условия связано с проверкой испытуемого уже после заключения с ним трудового договора, а не предшествует ему. Из этого следует вывод, что предварительным данное условие не является. Для сравнения, в КЗоТ БССР 1972 г. содежалось такое понятие как «испытание при приеме на работу»[2], без указания на порядок его установления.

Среди ученых встречается мнение о том, что соглашение сторон о включении данного условия в договор носит предварительный характер. Так наниматель проверяет способность работника квалифицированно выполнять свои трудовые обязанности, что прямо закреплено в ч. 1 ст. 28 ТК, а работник знакомится с условиями производства[3]. По мнению К.Л. Томашевского, проверка является предварительной исходя из буквального толкования ч. 4 ст. 28, которая гласит, что если условие о предварительном испытании в договоре отсутствует, то работник принят без предварительного испытания[4]. Согласно данному подходу, испытание является предварительным, поскольку устанавливается при приёме на работу, а не в ходе трудовых правоотношений.

---

[1] Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь. В 2 т. Т. 1 / под общ. Ред. Л. И. Липень. —Минск : Амалфея, —2014. —С. 160.

[2] Кодекс законов о труде Белорусской ССР: Принят третьей сес. Верховного Совета БССР восьмого созыва 23 июня 1972г. : Офиц. Текст с изм. и доп. на 1 марта 1988г. —Минск: Беларусь, 1988. —С. 13

[3] Трудовое право : учебник / В. И. Семенков, Г. А. Василевич, Г. Б. Шишко и др.; под общ. Ред. В. И. Семенкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, —2006. —С . 193.

[4] Томашевский, К.Л. Трудовое право : учеб. Пособие / К. Л. Томашевский, Е. А. Волк. —Минск : Амалфея, —2019. —С. 174.

Таким образом, среди учёных нет единого понимания относительно характера данного условия и того, что в отношении испытания можно считать предварительным. В толковом словаре понятие «предварительный» означает «предшествующий чему-л. основному, главному»[1]. Полагаем, что применение термина «испытательный срок» было бы более удачным, поскольку проверка работника осуществляется после заключения трудового договора, а не предшествует ему. Однако полагаем, что необходимости внесения изменения в ТК нет, поскольку в настоящее время данная правовая категория является устоявшейся.

Еще одним важным аспектом является вопрос о необходимости указания факта установления предварительного испытания в приказе (распоряжении) о приеме на работу. В ст. 28 ТК закреплена норма, согласно которой в трудовом договоре обязательно должно быть указание на установление предварительного испытания для работника. Однако не говорится о такой необходимости в отношении актов нанимателя. Некоторые ученые отмечают, что указание на условие об испытании должно содержаться как в трудовом договоре, так и в актах нанимателя о приеме работника на работу[2]. Исходя из содержания норм ТК, данный подход является рекомендательным. Подчеркнем, что именно трудовой договор как юридический факт порождает соотвествующие правовые последствия предварительного испытания. Приказ нанимателя не является в данном случае правоустановительным актом. Однако для работника такое указание в приказе имеет дополнительную информационную составляющую.

В ст. 29 ТК закреплена норма, согласно которой каждая из сторон вправе расторгнуть договор с предварительным испытанием до истечения срока испытания, письменно предупредив об этом другую сторону за три дня либо в день истечения срока предварительного испытания. Данную норму следует толковать буквально. Соотвественно, срок предупреждения не может быть более или менее трех дней. При этом минимальный срок предварительного испытания не установлен в действующем законодательстве. Если срок испытания составляет до трех дней включительно, то возможности предупредить нанимателя заранее о прекращении договора нет. В таком случае, единственный вариант предупредить другую сторону о прекращении с ним трудовых отношений – в день истечения срока испытания.

[1] Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — Москва: «Альта-Принт», —2007. —С. 767.

[2] Важенкова, Т.И. Трудовое право : учеб. Пособие / Т.И. Важенкова. —Минск : Амалфея, —2008. —С. 151.

Интересно, что в Трудовом кодексе Республики Казахстан содержится норма, устанавливающая, что для руководителей организаций, главных бухгалтеров и их заместителей, руководителей филиалов, представительств и иных обособленных структурных подразделений срок предварительного испытания составляет шесть месяцев, если иное не установлено законом[1]. При этом общий срок для остальных категорий работников составляет не более трёх месяцев. В законодательстве Республики Беларусь аналогичный подход не получил закрепления, однако полагаем, что подход казахского Законодателя является удачным исходя из повышенной ответственности, сопряженной с трудовой функцией данных категорий работников.

Дискуссию в научном сообществе вызывает и правовая природа предварительного испытания как определенного срока, поскольку в зависимости от признания данного срока материальным либо нематериальным зависит порядок его исчисления. По мнению К.И. Кеник, срок предварительного испытания начинает течь с первого дня работы[2], т.е. автор придерживается позиции, что срок материальный. Такой же позиции придерживается и В.И. Кривой[3]. В то же время из толкования ст. 10 ТК можно сделать вывод, что срок предварительного испытания является нематериальным, поскольку заключение трудового договора с предварительным испытанием ведет к возникновению трудовых отношений. В ст. 10 ТК устанавливаются общие правила исчисления нематериальных сроков, и в таком случае исчисление срока будет начинаться на следующий день после календарной даты, которой определено его начало. Таким образом, существуют определенные разногласия о возможности исчисления данного срока в соответствии с правилами, установленными в ст. 10 ТК. Однако необходимо иметь в виду, что срок предварительного испытания является частью общего срока трудового договора, соответственно, такой срок будет являться материальным.

---

[1] Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2020 г.) // –URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38910832#pos=2;42, (дата обращения: 02.03.2020).

[2] Кеник, К.И. Регулирование труда государственных служащих в Республике Беларусь / К.И. Кеник. —Минск : Амалфея, —2007. —С.64.

[3] Кривой, В.И. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь для профессионалов в 40 выпусках. Вып. 1. Гл. 1. Ст. 16-29 / Под ред. В.И. Кривого. —Могилев: Могилев. обл. укруп. тип., —2007. —С. 107.

Таким образом, несмотря на то, что норма о предварительном испытании не является новой ни для ТК, ни для Кодекса законов о труде БССР 1972г., среди ученых продолжаются споры относительно различных аспектов данной правовой категории.

Предлагаем следующие подходы к разрешению дискуссионных моментов. Признать несоответствие объема используемого в законодательстве термина его семантике, однако сохранить термин, использующийся в трудовом законодательстве в настоящее время, поскольку он является устоявшимся. Кроме того, считаем необходимым обратить внимание на значимости трудового договора как юридического факта и отсутствии необходимости в дублировании условия о предварительном испытании в акте нанимателя о приеме на работу. При этом такое указание может иметь дополнительный информационный характер. Предлагаем также заменить существующую формулировку нормы ст. 29 ТК на «до истечения срока испытания при приеме на работу, предупредив об этом другую сторону письменно». По нашему мнению, внимания заслуживает идея о разграничении максимальной и минимальной длительности испытания в зависимости от трудовой функции работника.

УДК 349.2

Е.С. ЯКИМЧУК

научный руководитель
доцент Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

МОББИНГ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ТРУДА

В настоящей работе рассматривается проблема моббинга на рабочем месте — подверженности работника психологическим раздражителям, источником которого являются коллеги.

Конрад Лоренц впервые в книге «Агрессия» использовал термин “моббинг”. Иллюстрацией служила ситуация, в которой стадные животные нападали на хищника с целью самозащиты — функции моббинга[1].

[1] Лоренц Конрад. “Агрессия”. перевод Швейник Г.Ф. —Москва: Издательская группа “Прогресс”. —1994. —С. 7.

Опираясь на работы предшественника, Петер Пауль Хайнеманн опубликовал книгу «Моббинг. Групповое насилие среди детей и взрослых», где рассказывает о «стычке» между жертвой и группой учащихся[1], благодаря которой он смог выделить этапы процесса моббинга.

Продолжая исследование, Дэвид А. Лэйн дает определяет буллинга (равного моббингу) как длительного физического или психического насилия со стороны индивида или группы в отношении индивида.[2]

В России исследования фактически начаты генетиком Эфроимсоном В.П., который писал о неэтической конкуренции, имея в виду острые отношения в среде коллег. Самим моббингом начнут интересоваться после того, как выяснятся его последствия в виде падения производительности предприятия и наличия психосоматических заболеваний у работников – жертв моббинга.[3]

Моббинг в сфере труда ученые начали изучать с момента выхода книги Х. Лейманна «Моббинг — преследование на работе», где автор впервые говорит о психосоциальных рисках на рабочем месте. В широком смысле под моббингом в сфере труда автор понимает форму агрессивного поведения, которая выражается в негативных коммуникативных действиях лица или группы лиц (субъекта), направленных против индивида (объекта). Моббинг включает широкий спектр негативного поведения, действия которого происходят на частой основе и в течение длительного периода времени[4]. Х. Лейманн выделил 45 типичных для моббинга вариаций поведения и разделил их на пять категорий, в зависимости от того, на что был направлен психотеррор.

Позже ученые выделят разновидности моббинга: вертикальный — «боссинг» — то есть поддержание эскалации конфликта осуществляется начальником и горизонтальный — психотеррор, исходящий от коллег.

Согласно Соловьеву А.В. в российской практике существует еще и институциональный моббинг — моральное преследование

---

[1] Huesmann, L. R., and Eron, L. D. Childhood aggression and adult criminality. In J. McCord (Ed.). New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

[2] Лейн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия /Под ред. Дэвида Лейна и Эндрю Миллера. —Санкт-Петербург: Питер. —2001. —С. 240–274.

[3] Терещенко Г.Ф. Психологическое притеснение (моббинг) на рабочем месте как социальный феномен // Гаудеамус. —2012 —№ 19. —С. 160–165.

[4] Leymann H. Mobbing and Psychological Terror at Workplaces // Violence and Victims. 1990. № 5. P. 119-126.

работников с использованием институтов аттестации персонала, квалификационных экзаменов, рассмотрения служебных споров (ст. 48, 49, 69, 70 Федерального закона от 27.07.04 № 79 ФЗ[1]).[2]

Первооткрывателями моббинга в России стали Угнич Э.А. и Заржевский С.Г. Ученые проанализировали результаты исследований по подверженности работников моббингу за год в зарубежных странах. А ввиду отсутствия статистических данных в России ими было проведено исследование, в котором приняли участие 5000 совершеннолетних экономически активных граждан нашей страны. По его результатам 2250 (45%) опрошенных были подвержены различным моббинг-действиям за последний год, наибольшее распространение из которых получили: неконструктивная критика со стороны руководителя, упреки в ошибках и неточностях, поручение заданий, выходящих за рамки компетенций, ругань, крики, оскорбления[3].

Значительное количество моббинг-атак совершается руководителями (в 76% случаев), группой коллег — в отношении 900 человек (18%), моббинг «один на один» — в отношении 1250 граждан (25%). Половина респондентов ответила, что была вынуждена сменить место работы по причине психологического насилия.

В результате авторы сделали вывод, что Россия занимает второе место в мире по уровню масштабности моббинг-процесса. Проблема обостряется еще и тем, что руководители не стремятся снизить уровень моббинга, напротив, сами являются непосредственным источником психоатак. Причину этого авторы видят в низком уровне развитости менеджмента, сформировавшегося в условиях перехода от советской экономики к рыночной системе в сжатые сроки.

В сфере международно-правового регулирования моббинга основополагающий договор — Европейская социальная хартия (пересмотренная) от 3 мая 1996 года. В Первой части, ратифицированной Россией в 2009 г.[4], раскрывается принцип защиты

---

[1] Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ О государственной гражданской службе Российской Федерации. 31.07.2004 г. Российская газета - Федеральный выпуск № 0 (3539)

[2] Соловьев А.В. Моббинг: психологический террор на рабочем месте // Справочник кадровика. —2008. —№ 9. —С.115–120

[3] Современные проблемы управления человеческими ресурсами: монография /под ред. Свиридовой Л.В., Романова В.В. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы. —2011. —С. 322-330.

[4] Федеральный закон от 03.06.2009 № 101-ФЗ «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 03.05.1996» //Собрание законодательства РФ. 2009.№ 23. Ст. 2756.

человеческого достоинства. Интерес же представляет нератифицированная статья 26, призывающая принимать все необходимые меры для защиты работников от сексуальных домогательств и содействовать предотвращению других моббинг-действий.

Следующим шагом правового закрепления "моббинга" стала директива Совета Европейского Союза 89/391/ЕЭС от 1989 года о введении мер, содействующих улучшению безопасности и здоровья работников, которая в ст. 6 обязывает работодателей обеспечивать здоровые и безопасные условия труда[1]. Директива представляет собой базис для модернизации национальных законодательств.

В 2003 г. принята Глобальная стратегия по охране труда на конференции МОТ, признающая право работников на защиту достоинства. В 2004 г. МОТ опубликовала Свод правил противодействия насилию на рабочих местах. А объединенный комитет МОТ/ВОЗ подтвердил, что «охрана труда должна быть направлена на достижение и поддержание высочайшего уровня психического благополучия работников всех профессий»[2].

Таким образом, в международном правовом пространстве уже появились антимоббинговые ориентиры. И хотя в ряде стран отсутствует специальное законодательство, правовая защита там возможна посредством применения ряда законов, как, например, в Великобритании.

В отечественном законодательстве моббинг — физическое или психическое воздействие одного лица на другое, нарушающее гарантированное Конституцией право граждан на личную неприкосновенность. При этом нет четкой дефиниции и правовых последствий моббинга на рабочем месте, не установлены и меры правовой защиты.

Сейчас некоторые отечественные авторы рассматривают проблему моббинга с точки зрения обеспечения права работника на защиту чести и достоинства. Другие — в рамках международной концепции охраны труда. Третьи изучают моббинг в различных его проявлениях[3].

В современной России антимоббинговые нормы исчерпываются декларацией в ст. 2 ТК РФ принципа обеспечения права работников на защиту своего достоинства в период трудовой

[1] Workplace Bullying and Harassment. 2013 JILPT Seminar on Workplace Bullying and Harassment. The Japan //JILPT report. 2013. № 12. P. 40.

[2] Безопасный труд — право каждого человека. Доклад МОТ к Всемирному дню охраны труда — 2009.

[3] Коновалова В. Моббинг как моббинг: источники и последствия психотеррора // Кадровик. Кадровый менеджмент. —2011. —№ 3. —С. 105–113.

деятельности, право на справедливые условия труда (которое не предоставляет реальной возможности его применения для защиты от моббинга, поскольку не предполагает требуемых правовых гарантий) и правовыми положениями о защите от принудительного труда (ст. 4 ТК РФ) и дискриминации (ст. 3 ТК РФ). Отсутствуют в Кодексе и меры по обеспечению защиты от психологического насилия в числе основных направлений государственной политики в области охраны труда в ст. 210[1].

Ст. 237 ТК РФ регулирует вопросы компенсации морального вреда, причиненного работнику неправомерными деяниями работодателя. При этом размер компенсации определяется соглашением сторон или судом.

Однако возникают две проблемы. Первая - доказать неправомерные деяния работодателя при условии отсутствия прямого запрета на психологическое насилие в Кодексе. Не все действия работодателя можно отнести к неправомерным, поэтому в случаях, когда работнику потребуется правовая защита, получить он ее не сможет. Заведомо безнадежна и ситуация, когда работник стал жертвой горизонтального моббинга.

Вторая — доказать наличие нравственных и физических страданий. Согласно п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 суд вправе удовлетворить требование работника о компенсации морального вреда, причиненного любыми неправомерными деяниями работодателя, опираясь на степень и характеристику причиненного вреда[2]. Часто размеры такой компенсации не превышают 5–10 тыс. руб., поэтому мы присоединяемся мнению Шведова А.Л., полагающего, что денежная компенсация не способна восстановить первоначальное психофизическое состояние жертвы моббинга[3].

Работником может быть задействовано другое средство правовой защиты — ссылка на злоупотребление правом работодателем. В таком случае сторону работника займет профсоюз. Но в отечественном законодательстве нет четкого закрепления правового института защиты от злоупотреблений работодательской

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - № 1.

[2] Постановление Пленума Верхового Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

[3] Шведов А.Л. Право работника на компенсацию морального вреда // Адвокат. —2005. —№ 3. —С. 93.

властью с помощью социально-партнерских механизмов. Невозможна защита от моббинга и в тех организациях, где профсоюза нет вообще.

Проблема моббинга в основном находится в сфере социальной ответственности работодателей, понимающих, что выгоднее разрешать конфликтные ситуации на ранней стадии или вообще предотвращать их. Так, по мнению А.В. Соловьева существуют следующие пути решения. Политика нетерпимости моббинга должна быть сформулирована и провозглашена на корпоративном уровне. Для предотвращения его проявлений работодателю необходимо периодически проводить соответствующее информирование. В организации необходимо установить специальные механизмы для пострадавших, нуждающихся в помощи и возмещении вреда. В целях борьбы с проявлениями моббинга в организации должны быть разработаны и внедрены процедуры рассмотрения жалоб работников. Т.е. эффективным средством предотвращения моббинга будет грамотная организация всех систем управления персоналом.

Также на законодательном уровне необходимо закрепить дефиницию моббинга, рассмотреть возможность ратификации Россией ст. 26 Европейской социальной Хартии и разработать ряд работающих в современных условиях правовых антимоббинговых средств защиты.

Таким образом, только комплексное воздействие на всех уровнях управления способно обеспечить защиту работника от психологического насилия на работе. Огласка данной проблемы является относительно молодой в нашей стране, однако динамика исследований позволяет сказать, что в ближайшем будущем феномен моббинга встанет в один ряд с другими важнейшими проблемами не только трудового законодательства.

СЕКЦИЯ V

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

УДК 343.2/.7

Е.В. АРЕФЬЕВА

научный руководитель
доцент Д.Ю. КРАЕВ

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ 131 УК РФ

В соответствии с примечанием к ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 131, а также п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. ч. 3-5 ст. 134 и ч. ч. 2-4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, т.е. не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий. Данное примечание к ст. 131 УК РФ вызывает много вопросов при правоприменении.

Во-первых, представляется непонятным указание в примечании на ч. 3 ст. 134 и ч. 2 ст. 135 УК РФ, т.к. в данных нормах рассматриваются соответствующие деяния, совершенные в отношении лица в возрасте от 12 до 14 лет. А примечание к ст. 131 УК РФ рассматривает ситуацию, когда эти деяния совершаются в отношении лица, не достигшего 12 лет.

Во-вторых, согласно примечанию к ст. 131 УК РФ «добровольные» деяния, указанные в ч. 1 ст. 131 или ч. 1 ст. 132 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, будут квалифицироваться по п. «б» ч. 4 ст. 131 или п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Однако указание на такую квалификацию представляется излишним в отношении ч. ч. 3-5 ст. 134 УК РФ, потому что такие деяния охватываются ст. ст. 131 или 132 УК РФ.

В качестве способа совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 131, 132 УК РФ, указано использование беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего). Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (далее – ПП ВС РФ № 16) изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу возраста (в частности малолетние) не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному[1].

Лицо, не достигшее 12-летнего возраста, полностью подходит под данное в ПП ВС РФ № 16 определение. Будет рациональнее в примечании просто указать позицию ВС РФ о том, что лицо, не достигшее 12-летнего возраста ко времени совершения полового сношения, мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера находится в беспомощном состоянии, так как оно в силу возраста не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление посягающему лицу.

В таком случае указанные ранее деяния, совершенные с согласия лица, не достигшего 12 лет, будут признаваться совершенными с использованием беспомощного состояния. А так как этот способ уже указан в диспозициях ст. ст. 131 и 132 УК РФ, такие деяния все равно будут квалифицироваться по п. «б» ч. 4 ст. 131 или по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

В-третьих, согласно примечанию к ст. 131 УК РФ развратные действия, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, должны квалифицироваться по п. «б» ч. 4 ст. 131 (132) УК РФ. Однако сразу возникает вопрос: какое именно деяние необходимо вменять виновному: изнасилование, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характер? Наиболее верным представляется квалификация по ст. 132 УК РФ, как иные действия сексуального характера, ведь изнасилование совершается путем введения полового члена во влагалище женщины, мужеложство – путем введения полового члена в анус другого мужчины, лесбиянство – путем совершения сексуального контак-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»//Российская газета от 12.12.2014 №284.

та между женщинами, в котором участвует половой орган хотя бы одной из них. Иные действия сексуального характера – удовлетворение половой потребностями иными способами.

Однако, развратные действия выделены в самостоятельный состав (ст. 135 УК РФ), значит это такие действия, которые не подпадают под признаки деяний, указанных в ст. ст. 131, 132 УК РФ.

Примечание к ст. 131 УК РФ приравнивает развратные действия к деяниям, предусмотренным ст. ст. 131, 132 УК РФ, т.е. формально действия виновного лица подпадают под определение развратных действий, например, совершение полового акта в присутствии 10-летнего лица, а приговор выносится по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, т.е. за иные действия сексуального характера, совершенные в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста.

Выходом из данной ситуации могло бы быть дополнение ст. 135 УК РФ самостоятельным квалифицирующим признаком совершения развратных действий «в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста», т.к. нельзя толковать одни и те же деяния в отношении разных потерпевших по-разному. Согласно примечанию к ст. 131 УК РФ, совершение полового акта в присутствии лица, не достигшего 12 лет, квалифицируется по ст. 131 (132) УК РФ. Те же деяния в отношении лица, достигшего 12 лет, признаются развратными действиями.

Так же представляется неясным, почему в ПП ВС РФ № 16 указывается, что уголовная ответственность за деяния, предусмотренные примечанием к ст. 131 УК РФ, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 20 УК РФ подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления 14-летнего возраста[1].

Так, лицо, не достигшее 18 лет, совершило развратные действия в отношении лица, не достигшего 12 лет. По приговору Брянского областного суда от 12.09.2014 г. Ш. оправдан по обвинению в совершении 2-х преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, за отсутствием в его деяниях состава преступления (посягающее лицо не достигло возраста уголовной ответственности, предусмотренного ст. 135 УК РФ – 18 лет). Судебная коллегия по уголовным делам 26.11.2014 г. оправдательный приговор отменила, ссылаясь на примечание к ст. 131 УК РФ[2].

---

[1] Там же.

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 26.11.2014 г. №83-АПУ14-15// Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс].– URL: http://www.supcourt.ru/files/14906/ (дата обращения: 16.02.2020).

Однако в ст. 135 УК РФ законодателем прямо предусмотрен специальный субъект – лицо, достигшее 18-летнего возраста. Согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления предусмотренного УК РФ. Одним из таких признаков является достижения лицом возраста уголовной ответственности.

В. П. Кашепов указывает, что достижение определенного возраста как условие привлечения лица к уголовной ответственности – это объективная характеристика способности лица осознавать социальное значение своих действий или руководить ими[1]

Так, закрепление возрастных признаков призвано обеспечить привлечение к уголовной ответственности только тех лиц, которые находятся на такой степени интеллектуального возрастного развития, которая позволяет осознавать недопустимость совершения общественно опасного деяния.

В современной научной литературе принято различать хронологический, биологический, психологический и социальный возраст. В каждой из этих возрастных категорий отражается соответствующее понимание времени жизни человека как физического объекта, как биологического организма, как неповторимой психологической индивидуальности, как члена общества соответственно[2].

Например, Р.И. Михеев определяет возраст в 2 смыслах:

календарный период, прошедший от рождения и до любого хронологического момента в жизни человека (широкий смысл);

такой календарный период психофизиологического состояния в жизни человека, с которым связаны специфические медико-биологические, социально-психологические и правовые изменения (узкий смысл)[3].

В п. 4.1 Пекинских правил указывается, что при установлении возраста уголовной ответственности должны учитываться аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости[4]. Это значит, что в расчет должны быть приняты этапы формирования

[1] Уголовное право Российской Федерации: учебник / А. А. Гравина, В. П. Кашепов, Т. О. Кошаева, И. Л. Марогулова, В.И. Руднев. М., 1999. – С. 85.

[2] Кроник А. А., Головаха Е. И. Психологический возраст личности.–СПб.: Прогресс. – 2012.– С. 246.

[3] Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., – 1995. – С. 17.

[4] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): Резолюция от 29.11.1985 № 40/33. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и социализации личности, этапы расширения круга общественно значимых связей и отношений лица и приобретение им социального опыта.

Таким образом, при определении целесообразности закрепления конкретного возраста уголовной ответственности необходимо исходить из совокупности нескольких критериев: тяжесть совершенного преступления; способность осознавать общественную опасность деяния и, наконец, относительная распространенность совершения данных преступлений лицами именно этого возраста[1].

Как уже отмечено, установление определенного возраста уголовной ответственности связано с осознанием лицом той общественной опасности, которую несет собой совершаемое им деяние. В частности, в ст. 135 УК РФ законодатель устанавливает в качестве обязательного признака субъекта достижение лицом 18 лет. Таким образом, законодатель указывает, что осознавать общественную опасность развратных действий в отношении лиц, не достигших 16 лет, и последствия таких действий может только совершеннолетнее лицо.

В соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ и п. 20 ПП ВС РФ № 16 развратные действия, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, в полной мере осознаются лицом, не достигшим 18 лет. Тогда возникает вопрос: «Зачем в ст. 135 УК РФ установлен специальный возраст субъекта?».

Рассмотрим следующие ситуации, например, лицо мужского пола, достигшее 15 лет, показывает порнографические материалы:

ровеснице (15 лет) – уголовной ответственности нет, так как нет субъекта преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ;

сестре (10 лет) – наступает уголовная ответственность по п. «б» ч. 4 ст. 131 (132) УК РФ, так как виновный достиг возраста уголовной ответственности по ст. ст. 131 и 132.

Получается, что в отношении потерпевшего, достигшего к моменту совершения развратных действий 12-летнего возраста, лицо не осознает общественную опасность (поэтому и нет уголовной ответственности), а в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, этот же субъект полностью осознает общественную опасность развратных действий и несет наказание по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

[1] Уголовное право. Общая часть: учебник/ под ред. А. Н. Тарбагаева. – М.: Проспект. – 2012.– С. 151.

Однако, по нашему мнению, лицо должно подлежать уголовной ответственности за совершение развратных действий в отношении любого потерпевшего, не достигшего 16-летнего возраста, только после достижения 18-летнего возраста, на что прямо указывает законодатель в диспозиции ст. 135 УК РФ.

Резюмируя вышесказанное, хочется отметить неоднозначность примечания к ст. 131 УК РФ, в связи с чем предлагается внести следующие изменения:

1. Указать в примечании, что лицо, не достигшее ко времени совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 131 и 132 УК РФ, 12-летнего возраста находится в беспомощном состоянии, так как оно в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному посягающему лицу;

2. Дополнить ст. 135 УК РФ самостоятельным квалифицирующим признаком совершения развратных действий «в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста».

УДК 343.2/.7

А.А. БЕЛИСОВА

научный руководитель
профессор Р.Д. ШАРАПОВ

ПРИСВОЕНИЕ НАЙДЕННОГО: НАХОДКА ИЛИ КРАЖА?

Несмотря на то, что кража является одним из самых распространенных преступлений против собственности, до сих пор остаются неразрешенными некоторые вопросы при квалификации данного вида преступления, в частности актуален вопрос об уголовно-правовой оценке присвоения найденного имущества. Представляется, что наибольшую сложность в квалификации действий по присвоению найденного вызывает межотраслевой характер такого поведения, а именно, с одной стороны, указанные действия подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а с другой стороны, гражданским законодательством закреплены нормы о находке, содержащиеся в статьях 227-229 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), тем самым не признавая присвоение найденного имущества сферой уголовно-правового регулирования.

Анализируя определения понятия хищения, изложенного в примечании к ст. 158 УК РФ, и диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ, можно сделать вывод о том, что кража – перемещение чужого имущества в пространстве с постоянного или временного его местонахождения, в результате которого собственник или иной владелец лишается контроля над своим имуществом, перестает обладать им, а виновный становится фактическим владельцем имущества.

Некоторые суды пришли к выводу, что «сама особенность предмета преступления не позволяет считать его хищением, так как исключается не только само по себе изъятие у потерпевшего, либо его возможность, но и возможность причинения в результате присвоения этой вещи имущественного ущерба собственнику, так как такой ущерб уже был причинен, но причиной являлись не действия виновного, а сама по себе случайная утрата данной вещи самим собственником»[1].

Для правильной юридической оценки действий лица необходимо ответить на вопрос: какое имущество считается выбывшим из его обладания на момент присвоения имущества виновным?

Скляров С.В. делает вывод о том, что «находящимися в обладании собственника следует считать имущество, находящееся в жилище, помещении, транспортном средстве, охраняемых местах и т.д., где оно осознанно оставлено собственником для постоянного или временного хранения»[2].

Помимо вышеперечисленного имущества, можно отнести такое имущество, к которому открыт доступ в любом другом месте, где оно временно оставлено собственником для хранения без присмотра.

В судебной практике к имуществу, находящемуся в обладании собственника, также относят забытые вещи, т.е. вещи, оставленные собственником в известном ему месте по рассеянности, невнимательности или в силу каких-то других обстоятельств.

Так, обсуждая вопрос о юридической квалификации действий С., суд пришел к выводу о том, что «при решении вопроса об отграничении кражи имущества от присвоения найденного следует исходить из понятия владения имуществом и различием между потерянной и забытой вещью. Если забытая вещь находится в ме-

[1] Апелляционное постановление Томского областного суда от 12 мая 2016 г. по делу № 22-823/2016. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/58ABEdMraCHl/

[2] Скляров С. В. Кража забытого имущества // Уголовное право. – 2017. – № 3. – С. 68.

сте, известном собственнику или владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или иным способом ее получить, лицо, присвоившее эту вещь, совершает кражу. Потерянная вещь — это предмет, не имеющий идентификационных признаков принадлежности и находящийся в месте, которое собственнику или владельцу неизвестно»[1].

Если обратиться к мнению ученых, то Багаутдинов Ф.Н. и Валиуллин Л.Ф. полагают, что основным критерием разграничения кражи и находки служит факт сообщения или несообщения лицом, нашедшим вещь, компетентным лицам, указанным в нормах ГК РФ[2]. Так, в соответствии со ст. 227 ГК РФ нашедший вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи или кого-либо другого из известных ему лиц. Если вещь найдена в помещении или на транспорте, то нашедший вещь обязан сдать ее лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта, в этом случае указанные лица приобретают права и обязанности лица, нашедшего вещь.

По мнению авторов, иной подход должен применяться в случаях, когда вещь была найдена вне помещения или транспорта. В данном случае необходимо установить реальную возможность лица, нашедшего вещь, сообщить об этом в полицию или орган местного самоуправления, как этого требует п. 2 ст. 227 ГК РФ. Исследователи также считают, что лица, нашедшие забытую или потерянную вещь в помещении или на транспорте, но не уведомившие об этом компетентных лиц, совершили преступление, предусмотренное ст. 158 ГК РФ, аналогично лицам, которые, например, в помещении или на транспорте, из кармана украли кошелек посетителя или пассажира. Однако, как указывают авторы, в первом случае умысел возник внезапно, во втором случае имело место быть заранее спланированное действие.

Также Багаутдинов Ф.Н. и Валиуллин Л.Ф., предлагают включить в действующий УК РФ норму, предусматривающую ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного имущества, которая была ранее предусмотрена в ст. 148.4 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.[3].

---

[1] Приговор Новоуренгойского городского суда от 23 ноября 2016 г. по делу № 1-308/2016. [Электронный ресурс] – Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/SpXejePfiebg/

[2] Багаутдинов Ф.Н., Валиуллин Л.Ф. Кража или находка - проблемы разграничения // Законность. – 2017. – № 6. – С. 46 - 47.

[3] Там же.

По данному аспекту Скляров В.С. также высказал мнение о том, что «установление факта, что у виновного имелась возможность сообщить об обнаруженном имуществе, что виновный не подождал возвращения собственника, что имел реальную возможность возвратить имущество потерпевшему, не предпринял мер для установления владельца имущества, не может повлиять на уголовно-правовую оценку его действий»[1].

Критиками данного подхода выступают Лукинов А.С. и Малявкин К.О., которые отмечают в целом ошибочность вышеуказанной позиции. Авторы аргументируют свое мнение тем, что место утраты вещи не должно иметь значения. В случае несообщения лицом, нашедшим вещь, об этом компетентным лицам в независимости от того, где она была найдена: в помещении, в транспорте, на улице или в ином месте, указанное умолчание об этом свидетельствует о нарушении правил обращения с находкой, а не о краже, следовательно, в данных действиях нет признаков преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. Лукинов А.С. и Малявкин К.О. формулируют правило, согласно которому, если лицо, не приняло никаких активных действий для утраты вещи владельцем или собственником, а лишь пассивно присвоило потерянную или забытую вещь, то такие действия не преступны. Специалисты называют указанное правило «единственным мерилом преступности содеянного»[2].

Следует отметить, что такая позиция соответствует судебной практике. Так, в одном из определений Московского областного суда был сделан вывод о том, что в соответствии с действующим законодательством лицо, утаившее находку либо не заявившее о ней, не несет уголовной ответственности[3].

Некоторые суды при рассмотрении уголовных дел утверждают, что «вещи, оставленные без присмотра в специальных местах (вокзал, аэропорт, служебное помещение и т.д.) считаются находящимися во владении лиц, которым они принадлежат».

---

[1] Скляров С. В. Кража забытого имущества // Уголовное право. – 2017. – № 3. – С. 69

[2] Лукинов А.С., Малявкин К.О. Кража или находка - трудности и заблуждения // Законность. – 2017. – № 10. – С. 42 - 43.

[3] Бюллетень судебной практики Московского областного суда за второй квартал 2011 года (утв. президиумом Мособлсуда 24.10.2011) [Электронный ресурс] – URL: http://lawru.info/dok/2011/10/24/n883923.htm (Дата обращения: 10.04.2020).

Таким образом, мы видим, что при вынесении решений существует определенное расхождение позиций судов. Так, в одном случае признается хищением присвоение чужого имущества, оставленного в магазинах, железнодорожном вокзале, а в другом не признают присвоение имущества, оставленного на столике в кафе, хотя все указанные места посещает неопределенный круг лиц.

Кандидаты юридических наук Антонов И.М. и Швейгер А.О. считают, что в правоприменении наибольшую сложность вызывает разграничение таких понятий, как потерянное и забытое имущество, что напрямую зависит от квалификации действий лица в качестве кражи или присвоения найденного.

О том, что правоприменительные органы зачастую не видят разницы между двумя понятиями, свидетельствуют нижеприведенные приговоры. Гражданин, работая в качестве водителя такси, подвозил потерпевшую до дома, в автомобиле потерпевшая случайно оставила мобильный телефон. Обнаружив пропажу, она сообщила об этом диспетчеру службы такси, который, в свою очередь, уведомил об этом водителя. Осмотрев автомобиль, водитель обнаружил мобильный телефон и, скрыв данный факт, присвоил его себе. За данные действия водитель такси был осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ[1]. В другом деле подсудимая была оправдана за совершение подобных действий[2].

Антонов И.М. и Швейгер А.О. полагают, что по смыслу ст. 227 ГК РФ потерянное имущество представляет собой вещи, выбывшие из фактического владения помимо воли собственника или законного владельца. При этом собственник не лишается права на потерянное имущество, поскольку имеет возможность его истребовать у лица, нашедшего вещь.

Забытое имущество оставляется собственником также помимо воли, однако в данном случае, собственник знает или предполагает о месте нахождения вещи и может за ней вернуться. Вещь находится во фактическом владении собственника, но остается временно без присмотра. При этом необходимо, чтобы нашедший вещь знал и осознавал, что собственник может в любой момент

[1] Дело № 1-276/2011, приговор Кинешемского городского суда Ивановской области в отношении Ветрова [Электронный ресурс] – URL: http://www.gcourts.ru/case/6457982 (Дата обращения: 10.04.2020).

[2] Уголовное дело № 1(1)/2012 года, приговор Бугурусланского районного суда Оренбургской области в отношении Садыковой [Электронный ресурс] – URL: http://www.gcourts.ru/case/10443113 (Дата обращения: 10.04.2020).

вернуться за забытой вещью. Именно это и нужно поставить во главу угла. Статус имущества: забытое, потерянное или оставленное без присмотра.

Ученые отмечают, что количество случаев присвоения найденного огромно, и при этом лица, нарушившие обязанность возврата имущества, не несут ответственности, поэтому авторы задаются вопросом о пробельности правового регулирования подобных отношений. Так, Антонов И.М. и Швейгер А.О. также считают необходимым в действующий УК РФ включить норму о присвоении найденного или случайно оказавшегося у виновного имущества[1].

Важно отметить, что Верховный Суд Российской Федерации в одном из определений также высказал позицию о том, что присвоение оставленного имущества, должно квалифицироваться в качестве кражи, нормы гражданского законодательства о находке в данном случае не могут быть применимы[2].

Некоторыми учеными справедливо было отмечено, что в целях защиты имущественных прав собственника и более прозрачного и четкого регулирования данной сферы отношений, следует в действующий УК РФ включить норму, предусматривающую ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного имущества, ранее существовавшую в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.

Таким образом, на наш взгляд, каждое судебное разбирательство требует исследования всех фактических обстоятельств, в частности, при разграничении норм о находке и краже, следует учитывать при каких обстоятельствах вещь выбыла из владения собственника. Так, если вещь была утеряна, нашедший ее знал или осознавал, что собственник за ней не может вернуться, собственник не знает, в каком конкретном месте он оставил вещь, не совершал никаких активный действий, способствовавших выбытию вещи из владения, то применимы нормы гражданского законодательства о находке. В противном же случае поведения лица может расцениваться как кража, и будет квалифицироваться по ст. 158, с применением определенных ее частей в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

---

[1] Антонов И.М., Швейгер А.О. Проблемы уголовно-правовой оценки присвоения найденного имущества // Российский следователь. – 2018. –№ 1.– С. 71 - 74.

[2] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.04.2017 № 75-УД17-2 [Электронный ресурс] – URL: http://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19042017-n-75-ud17-2/ (Дата обращения: 15.04.2020).

УДК 343.2/.7

Е.И. БОГАРЕВИЧ

научный руководитель
И.И. ВЕРХОВОДКО

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СОСТАВА ИЗНАСИЛОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН

Изнасилование определяется как вид сексуального насилия, как правило, означающий совершение полового акта одним или несколькими людьми с другим человеком без согласия последнего. Изнасилование является одним из половых преступлений, однако более конкретное определение этого преступления в разных государствах отличается, а, соответственно, наблюдается дифференциация содержания его уголовно-правовых признаков.

Основные отличия заключены в таких элементах состава, как объект, объективная сторона и субъект. С объективной стороны изнасилование представляет собой половое сношение, то есть совершение естественного физиологического гетеросексуального полового акта. В законодательстве Республики Беларусь, как и Российской Федерации, установлено, что лицом, пострадавшим от изнасилования, может быть только женщина. Относительно субъекта этого преступления возникает вопрос.

Сравнивая уголовное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации, следует отметить схожий подход к понятию изнасилования, однако интересным представляется существование различных позиций в распределении ролей при соучастии в рассматриваемом преступлении. Если в изнасиловании участвуют только лица мужского пола, то вопросов не возникает: как исполнитель рассматривается не только мужчина, совершающий половой акт непосредственно, но и мужчина, который оказывал содействие преступлению путём применения насилия к потерпевшей без совершения полового акта. Однако, когда в деле фигурирует лицо женского пола, то белорусский и российский подходы отличаются. В своих постановлениях по этой категории дел Пленум Верховного Суда Республики Беларусь уже на протяжении многих лет указывает, что субъектом изнасилования

может быть только мужчина[1]. В частности, в ныне действующем Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166-170 УК Республики Беларусь)» чётко установлено, что действия лица женского пола, оказавшего содействие в изнасиловании, выразившееся в применении или угрозе применения насилия, следует квалифицировать по ч. 6 ст. 16 и соответствующей части ст. 166 УК Республики Беларусь[2].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 г. Москва «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» такой оговорки для лиц женского пола не предусматривает. Более того, в Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации говорится о том, что, если женщина участвует в преодолении сопротивления потерпевшей, её следует признать соисполнителем изнасилования[3].

Однако обратимся к закону. Каких-либо особых указаний на специального субъекта в ст. 166 УК Республики Беларусь не содержится. В соответствии с ч. 3 ст. 16 данного кодекса исполнителем преступления признаётся лицо, непосредственно совершившее преступление, либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами, либо совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности или совершивших преступление по неосторожности[4]. Объективная сторона ст. 166 УК Республики Беларусь состоит, как указывалось выше, из гетеросексуального полового акта, совершенного вопреки воле

---

[1] О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166-170 УК) : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 27 сентября 2012 г. № 7 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. – 2020

[2] Там же.

[3] О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 4 декабря 2014 г. № 16 // Консультант Плюс: Российская Федерация. Технология Проф. [Электронный ресурс] – ООО «ЮрСпектр». – Минск. – 2020.

[4] Уголовный кодекс Республики Беларусь: Принят Палатой представителей 2 июня 1999г.: Одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Консультант плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. – 2020.

потерпевшей либо с использованием её беспомощного состояния. Виновное лицо будет являться исполнителем этого преступления и в случае выполнения части объективной стороны. Если сам половой акт в его естественном исполнении действительно может совершить только мужчина, то с подавлением воли потерпевшей (что является также частью объективной стороны) может справиться и лицо женского пола. Было бы несправедливо так сужать подход к определению субъекта изнасилования при толковании норм УК Республики Беларусь в иных нормативно-правовых актах, в то время как сам Уголовный кодекс не содержит таких ограничений.

Рассмотрим еще один вопрос, касающийся объема действий, образующих изнасилование. В Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 года появилась дифференциация ответственности за посягательство на половую свободу и неприкосновенность в зависимости от способа: ответственность за совершение насильственного полового гетеросексуального акта сформулирована в ст. 166, а все возможные иные действия сексуального характера, совершённые вопреки либо помимо воли потерпевшего, запрещены статьёй 167 УК Республики Беларусь .

Однако данная позиция не поддерживается большинством европейских стран. Так, например, Уголовный кодекс Франции приводит следующую формулировку: «Любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершённый в отношении другого лица путём насилия, принуждения, угрозы или обмана, является изнасилованием»[1]. А в Уголовном кодексе Швеции закреплено: «Лицо, которое путём насилия или угроз, являющихся или представляющихся пострадавшему лицу как непосредственная опасность, принуждает последнего к половому сношению или к занятию схожим половым действием, которые, учитывая природу насильственных действий и обстоятельства в целом, сравнимы с принудительным вступлением в половую связь, должно быть приговорено за изнасилование».

Ближайшим к нашему менталитету государством, которое применяет европейский подход к определению изнасилования, является Украина. В Уголовном кодексе Украины закреплено, что изнасилованием признаётся: «совершение действий сексуально-

[1] Уголовный кодекс Франции. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002 (перевод с французского канд. юрид. наук. доцента Н.Е. Крыловой) – 650 с.

го характера, связанных с вагинальным, анальным или оральным проникновением в тело другого лица с использованием гениталий или любого другого предмета, без добровольного согласия потерпевшего».

Исходя из формулировок приведённых статей, следует отметить, что по законодательству зарубежных стран потерпевшим от изнасилования может быть лицо как женского, так и мужского пола. В связи с этим субъектом изнасилования признаётся любой человек, независимо от пола. При этом также не имеет значения, в какой форме он удовлетворял свои сексуальные потребности, поскольку любое насильственное проникновение сексуального характера в соответствии с европейским законодательством признаётся изнасилованием. Отличительной чертой Уголовного кодекса Франции также можно выделить наличие в объективной стороне такого способа, как обман.

Следует отметить, что Уголовный кодекс БССР 1960 года не предусматривал такого преступления, как насильственные действия сексуального характера. С течением времени Пленум Верховного Суда сформулировал иной подход к понятию изнасилования, который отличался от действующего законодательства. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 9 от 16.12.1994 «О судебной практике по делам об изнасиловании», под изнасилованием понималось половое сношение с женщиной, совершённое вопреки её воле и согласию с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Половым сношением являлась также половая связь в извращенной форме, если виновный действовал с целью удовлетворения половой страсти[1]. Таким образом, если исходить из приведённой формулировки, то можно говорить о том, что в ст. 115 УК БССР 1960 года понятие изнасилования включало в себя действия (за исключением мужеложства: оно запрещалось отдельной статьёй УК 1960г.), которые предусмотрены в объективной стороне ст. 167 действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Таким образом, полагаем разумным подход к определению изнасилования как к любому насильственному сексуальному проникновению, независимо от пола субъекта или потерпевшего. В

[1] О судебной практике по делам об изнасиловании : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 16 декабря 1994 г. № 9 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. – 2020.

связи с этим представляется логичным «объединение» деяний, предусмотренных ст. 166 и ст. 167 УК Республики Беларусь в одной статье, и приведение их в единую формулировку понятия изнасилования: «любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершённый вопреки воле потерпевшей (потерпевшего) с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей (потерпевшему) или её (его) близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего)». Уголовный кодекс не разграничивает убийство, совершенное мужчиной, от убийства, совершенного женщиной, так почему мы должны заниматься подобной сегрегацией, когда речь идёт об изнасиловании? Также изменение понятия изнасилования повлечёт более единообразную практику привлечения к ответственности за половые преступления, и норма утратит гендерную окраску, что избавит её от дискриминационного характера.

УДК 343.27.7

Ю.И. БОМБЕЛА

научный руководитель
профессор Р.Д. ШАРАПОВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 285 и 286 УК РФ

Как показывает практика применения статей, предусматривающих ответственность за должностное злоупотребление и должностное превышение, у правоприменителей возникают трудности при квалификации данных составов. Более того, проблема их разграничения до сих пор не решена и в науке уголовного права.

Многие ждали, что с принятием нового постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 19) в 2009 году Верховный Суд РФ разрешит поставленный вопрос, однако этого не произошло, в связи с чем до сих пор в судебно-следственной практике не выработаны единые критерии для разграничения данных составов.

Некоторые авторы ст. 285 УК РФ считают общей по отношению к ст. 286 УК РФ[1]. Волженкин Б. В. превышение должностных полномочий относил к виду должностного злоупотребления[2]. Однако данные составы принято считать смежными.

Из текста уголовного закона прямо вытекает, что ст. 286 УК РФ не может быть совершена бездействием. Таким образом, получается, что все деяния, совершенные в форме бездействия, при наличии к тому оснований должны быть квалифицированы по ст. 285 УК РФ, разумеется, в том случае, если в действиях должностного лица будет установлен корыстный мотив.

В постановлении Пленума ВС РФ № 19 данные составы разграничиваются по объективной стороне[3]. Однако основная проблема, возникающая при квалификации, состоит в том, что в данном постановлении содержатся практически идентичные положения, относящиеся и к злоупотреблению должностными полномочиями, и к их превышению. Так, п. 15 постановления относит к должностному злоупотреблению действия, входящие в круг должностных полномочий лица, которое оно осуществляет при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения; в свою очередь к должностному превышению относя действия, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (п. 19).

Многие правоведы в данном случае придерживаются позиции, предложенной профессором Яни П. С., который отмечает, что в данном случае разграничивать данные составы следует по субъективной стороне, а критерием разграничения будет являться корыстный мотив. То есть если лицо совершает действия в отсутствие специальных оснований для их совершения, что подпадает под признаки как должностного злоупотребления, так и превышения, то «содеянное квалифицируется как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий в зависимости от наличия, в первом случае, либо отсутствия, во втором, мотива корыстной либо иной личной заинтересованности»[4].

---

[1] Рарог А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.И. Рарог; М.: Юрист. – 2016. – С. 421.

[2] Волженкин Б. В. Служебные преступления. – М. : Юристъ. – 2000. – С. 154.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Яни П. С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий // Законность. – 2011. –№ 12. –С. 12 – 16.

Однако как показывает практика, правоприменителю не всегда удается установить или доказать корыстный мотив, что приводит к тому, что за аналогичные деяния в одном случаи суды квалифицируют действия лица по ст. 285 УК РФ, а в другом – по ст. 286 УК РФ. Кроме того, зачастую вынося приговоры по ст. 286 УК РФ, суды отмечают, что преступления были совершены из корыстных мотивов.

Так, Алексеева Н. И. обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ. Она, «являясь должностным лицом, используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы из иной личной заинтересованности незаконно укрыла от учета преступление, совершенное неустановленным лицом, самостоятельно изготовив объяснение от имени потерпевшей , в котором указала заведомо ложные и несоответствующие действительности сведения, после чего склонила потерпевшую путем уговоров к подписанию данного объяснения, что та и сделала».

В решении суд указал на наличие иной личной заинтересованности, выразившейся в «нежелании выполнять предусмотренные УПК РФ процессуальные действия, направленные на раскрытие преступления, желании приукрасить действительное положение раскрываемости преступлений и повысить показатели работы, совершении преступления по мотивам карьеризма, выразившегося в желании создать благоприятное впечатление о своей работе перед руководством, с целью сокрытия от статистического учета нераскрытого преступления»[1].

В другом случае дознаватель Никонина М.И., достоверно знавшая о наличии в действиях неустановленных лиц признаков преступления и наличии поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, но не желавшая выполнять должным образом свои должностные обязанности, путем внесения в официальный документ, протокол осмотра места происшествия, заведомо ложных сведений, тем самым сфальсифицировав материалы доследственной проверки, укрыла преступление от учета из иной личной заинтересованности (характеризовавшейся в недопущении ухудшения показателей раскрываемости преступлений на обслуживаемой ей территории и улучшении показателей отдела полиции)[2].

[1] Постановление Курчатовский районный суд г. Челябинска от 16 июня 2017 по делу № 1-259/17. [Электронный ресурс]. – Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

[2] Приговор Ленинский районный суд г. Саратова Саратовской области от 16 июня 2017 по делу № 1-132/2017. [Электронный ресурс]. – Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

В этом случае суд квалифицировал действия Никониной М. И. по ч. 1 ст. 286 УК РФ, несмотря на наличие в приговоре указания на иную личную заинтересованность.

В данных почти идентичных случаях суды приходят к разному решению, в связи с тем, что во втором случае не был должным образом расписан в приговоре корыстный мотив преступления. Это говорит о том, что нельзя разграничивать настоящие составы по субъективной стороне.

Также встает вопрос о том, какие действия относятся к должностному превышению. Если руководствоваться разъяснениями, данными в постановлении Пленума ВС РФ № 19, то к превышению полномочий можно отнести действия, явно выходящие за пределы должностных полномочий. Отнесенные п. 19 постановления действия, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте, к превышению полномочий, по факту за рамки этих полномочий не выходят. То есть действия лица в рамках своей компетенции, но при отсутствии необходимых для принятия соответствующих решений оснований, нельзя рассматривать как явное превышение должностных полномочий.

По нашему мнению, более обоснованной представляется позиция профессора Боркова В. Н. Он предлагает разграничивать данные составы исключительно по объективной стороне. Указывая, что злоупотребление полномочиями совершается путем необоснованной их реализации, он отмечает невозможность отнесения действий, совершенных при наличии особых обстоятельств, к превышению полномочий, поскольку субъект действует в рамках представленных ему полномочий путем их необоснованной реализации. «Использование должностных полномочий создает юридические последствия для других лиц. Поэтому преступление, предусмотренное ст. 286 УК РФ, как действия за пределами полномочий, в отличие от злоупотребления, юридических последствий не порождает»[1].

Критикуя позицию Яни П. С., профессор Борков отмечает, что «деяние, содержащее признаки объективной стороны должностного злоупотребления, квалифицируется как превышение только по причине не установления присущего преступлению, предусмотренному ст. 285 УК РФ, специального мотива»[2].

---

[1] Векленко В. В., Борков В. Н. Расширительное толкование превышения должностных полномочий // Российский следователь. – 2019. – № 6. – С. 48 – 51.

[2] Борков В. Н. Отграничение злоупотребления должностными полномочиями от их превышения в России и Казахстане // Современное право. – 2019. – № 3. – С. 138 – 141.

Таким образом, в судах не будет происходить «искусственная» переквалификация действий лица из-за не установления корыстного мотива. Соответственно к превышению полномочий будут относиться лишь действия, относящиеся к полномочиям другого должностного лица, совершаемые лицом единолично, хотя могут быть произведены только коллегиально либо в установленном порядке, никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Указание в законе на мотив преступления, который является конструктивным признаком для ст. 285 УК РФ, необходимо для разграничения должностного злоупотребления и халатности. Поскольку и халатность может совершаться путем использования лицом своих служебных полномочий, то в отличие от злоупотребления в ней субъект не заинтересован, поскольку посягательство в целом является неосторожным.

Для деяний, заведомо ущербных для граждан и общества, иная мотивация кроме корыстной не характерна, о чем свидетельствует и наличие прямого умысла, что отмечает и Борков В. Н. По его мнению, «допущение косвенного умысла у субъекта преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, не согласуется с реальным механизмом причинения вреда должностным злоупотреблением. Незаконное использование должностных полномочий не влечет (т.е. не является причиной), а непосредственно выражается в ущербном юридически значимом решении, непосредственно нарушающем интересы личности, общества и государства»[1].

Таким образом, действующие сейчас разъяснения Пленума Верховного суда РФ, не позволяют окончательно разграничить данные составы преступлений. В связи с этим, предлагается внести изменения в п. 19 постановления Пленума ВС РФ № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», исключив из действий, относящихся к превышению должностных полномочий те, которые «могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц)».

[1] Борков В. Н. Установление мотива злоупотребления должностными полномочиями // Законность. – 2019. – № 5. – С. 29 – 34.

УДК 343.2/.7

И.Д. БОРИСОВ

научный руководитель
профессор А.Н. ПОПОВ

СООТНОШЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ ХИЩЕНИЙ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Верное разграничение хищений чужого имущества от смежных составов преступлений, осуществляемое посредством применения единичных правил квалификации преступлений и обеспечивающее их должную квалификацию, представляется необходимым для неукоснительного соблюдения норм уголовного закона.

Хищения, основным непосредственным объектом которых не являются общественные отношения, гарантирующие права собственности, так называемые «специальные хищения» – наиболее приближены к хищению чужого имущества, понятие которого содержится в примечании к ст.158 УК РФ, содержат ряд общих признаков, при этом принципиально различаются по ряду других.

Можно констатировать, что хищения, ответственность за которые предусмотрена главами 21, 24 и 25 УК РФ, схожи терминологически, а потому, требуют установления четких критерий разграничения для избежание подмены понятия хищения, предусмотренного ст.158 УК РФ.

Анализируя признаки специальных видов хищений, сквозь призму их соотношений с преступлениями против собственности, стоит отметить, что в связи с повышенной общественной опасностью для общества и государства уголовным законом предусмотрен специальный ряд норм, предусматривающих ответственность за бесконтрольное обращение с предметами, изъятыми или ограниченными в обороте[1].

На основании вышесказанного, можно отметить, что главным критерием соотношения хищения, как преступления против собственности и специального хищения является предмет преступления. Так, к специальным видам хищения относятся преступления, предусмотренные главами 24 и 25 УК РФ, и статьями 221 (хищение ядерных материалов или радиоактивных веществ), 226

[1] Брашнина О.А. Спорные вопросы отграничения специальных видов хищений от смежных составов преступлений // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – № 1. –С. 66 - 72.

(хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств) и 229 УК РФ (хищение наркотических или психотропных веществ и компонентов).

Понятие хищения трактуется неоднозначно. Данный феномен обуславливается тем, что существует множество характерных признаков, содержание которых может быть подвержено совершенно разным видениям. Данные положения раскрывают то или иное уголовно-правовое понятие. Таким образом можно сказать, что определение любой правовой дефиниции, безусловно, должно содержать свойственные только ей признаки. В понятии хищения содержатся признаки, которые служат главным и определяющим критерием всех его форм и видов, а также являются главным критерием разграничения хищения от иных уголовно-правовых деяний[1]. Таким образом, соотношение характерных признаков хищения как преступления против собственности и хищений специального вида представляется необходимым.

Прежде всего стоит отметить, что признак противоправности для специальных хищений приобретает особое значение. Как показывает практика, предмет посягательства данного вида преступлений уже находится я потенциальных «жертв» на незаконном основании. Однако, данный факт нисколько не умоляет угрозы охраняемым общественным отношениям в рассматриваемой сфере.

Касательно признака безвозмездности, на который прямо указывает примечание к ст.158 УК РФ, стоит сказать, что включение его в список обязательных признаков специальных видов хищения подвергается сомнению. Так, В.П. Тихий утверждает: «Безвозмездность не является основным признаком хищения оружия. Даже возмездное обращение виновным в свою пользу или пользу других лиц оружия следует квалифицировать как хищение»[2].

Корыстная цель также же, на наш взгляд, не будет являться обязательным признаком специального хищения, так как особенность свойств предметов таких преступлений позволяет сделать вывод, что для специального вида хищений не следует указывать на корыстную цель в качестве признака хищения, поскольку может иметь место и иная личная заинтересованность в изъятии и (или) обращении данных предметов.

[1] Савченко Д.А. Правовые средства охраны общественных отношений // Вопросы современной юриспруденции. – 2015. – № 45 - 46.

[2] Тихий В.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности. Харьков/– 1981. – С.91.

Признак причинение вреда собственнику или владельцу радиоактивных веществ, ядерных материалов, оружия, наркотических средств или психотропных веществ, на наш взгляд, не является обязательным признаком хищения данных предметов. С учетом потенциальной опасности дальнейшего использования вышеуказанных предметов и веществ, их стоимость может быть совсем не велика[1].

Так, в большинстве приговоров судов по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 221, 226 и 229 УК РФ, стоимость предмета или вещества не указывается вовсе. Суды отмечают лишь их размер и вид, что также свидетельствует о необязательность данного признака.

Вышесказанная позиция подтверждается материалами судебной практики. Так, Боготольским районным судом Красноярского края С. и В. были осуждены по п. «а» ч. 3 ст. 158 и п. «а» ч. 3 ст. 226 УК РФ. По материалам дела, П. и К. с помещения летней кухни совершили тайное хищение чужого имущества, а именно, 10 кг соли на сумму 380 р., бензопилы стоимостью 4320 р. и охотничьей винтовки ТОЗ-12, которая была изготовлена заводским способом и по классификации оружия относилась к нарезному огнестрельному оружию. В своем решении суд указал причиненный материальный ущерб, который составил 4700 рулей. Из приведенного примера можно сделать вывод, что суд не дал оценку ущербу, причиненного хищением нарезного огнестрельного оружия.

Подытожив оценку признаков специальных видов хищения, представляется необходимым разделить их на факультативные и основные. К последним относятся: противоправность, изъятие и (или) обращение в пользу виновного или иных лиц. Данные признаки присущи любому составу преступления, предусматривающему ответственность за специальные виды хищений. Факультативные признаки, такие как: корыстная цель, иная личная заинтересованность, безвозмездность, причинение имущественного вреда собственнику или иному владельцу данных предметов могут иметь место, однако их наличие или отсутствие не влияет на факт привлечения виновного лица к уголовной ответственности[2].

---

[1] Ульянова В.В. Проблемы реализации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С.442-447.

[2] Верченко Н.И., Брашнина О.А. Признаки специальных видов хищений // Современное право. – 2015. –№ 11. – С. 118 - 122.

На основании проведенного соотношения, для четкого понимания и разграничения дефиниции хищения в сфере экономики и хищения, как преступления против общественной безопасности и общественного порядка (специального хищения), предлагается закрепить в примечании к ст.221 УК РФ следующее определение хищения: «Под хищением в статьях настоящего раздела понимаются противоправное изъятие у собственника или иного их владельца, как законного, так и незаконного, предмета преступления и (или) обращение его в пользу виновного или других лиц, совершенные независимо от наличия или отсутствия у виновного корыстной цели».

УДК 343.1

А.А. ВОЛЬНЫХ

научный руководитель
кандидат юридических наук
Р.М. КРАВЧЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА» ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

Противоречивым явлением в юриспруденции, медицинской науке и на практике является «врачебная ошибка». На 7 съезде Национальной медицинской палаты Александр Бастрыкин отметил, что количество поступающих обращений пациентов и их родственников, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим качеством оказания медицинских услуг, не снижается[1]. Особую актуальность приобрела проблема юридической квалификации ошибочных действий медицинских работников, а также необходимость выработки единого правового подхода к пониманию медицинской терминологии и её закреплению на законодательном уровне.

Ошибочные действия медицинских работников квалифицируются по таким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации как причинение смерти по неосторожности (ст. 109) и причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118)[2].

[1] Медвестник. Портал российского врача. [Электронный ресурс] – URL: https://medvestnik.ru/content/news/Aleksandr-Bastrykin-chislo-soobshenii-o-vrachebnyh-oshibkah-rastet.html (дата обращения: 20.03.2020)

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ в ред. от 18.02.2020 // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954

Поскольку общие статьи не учитывают специфику преступлений в сфере медицинской деятельности, а также ввиду сложности отграничения неосторожных преступлений против жизни и здоровья, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи от «врачебных ошибок», в июле 2018 г. Следственный комитет Российской Федерации выступил с инициативой введения в Уголовный кодекс Российской Федерации специальных норм.

В частности, было предложено внести в УК РФ ст. 124.1 «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)» и ст.124.2 «Сокрытие нарушения оказания медицинской помощи»[1]. Предполагалось, что введение ст. 124.1 «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)» заменит практику привлечения к уголовной ответственности врачей по ст. 109 и ст. 118 УК РФ, однако при этом проекты указанных статьей не конкретизируют ответственность за «врачебную ошибку». Более того, Следственный комитет РФ так и не определил понятие «врачебной ошибки». Отметим, что, выступая в 2017 г. за криминализацию данной дефиниции, в 2019 г. глава СК РФ уже подчеркнул право врача на ошибку[2].

Сложность юридического понимания «врачебной ошибки» также обуславливается отсутствием единого подхода к определению данного понятия в теории медицинского права. На наш взгляд, наиболее верным является определение академика Давыдовского И.В.: «врачебная ошибка — это следствие добросовестного заблуждения врача при выполнении им профессиональных обязанностей».

Основу понимания анализируемого понятия составляет его содержание, выражающееся в причинах, порождающих «врачебную ошибку». Объективные причины заключаются в атипичном характере заболевания или внезапном появлении патологического процесса, комбинированном, особо сложном заболевании, врождённых аномалиях внутренних органов, сосудистой и нервной систем, особо трудных объективных внешних условиях при врачебном вмешательстве, общем несовершенстве медицинской науки и практики и др.[3]

---

[1] Новости следственного комитета. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sledcomrf.ru. (обращения: 20.03.2020)

[2] Российская газета [Электронный ресурс] – URL: https://rg.ru/2019/10/07/viacheslav-volodin-v-zakonoproekte-o-vrachebnyh-oshibkah-nuzhno-uchest-mneniia-vseh-storon.html (дата обращения:20.03.2020)

[3] Ибатулина Ю.Ф. Разграничение врачебной ошибки и ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. –№1. – С. 133

Причины субъективного характера врачебной ошибки связаны непосредственно с личностью медицинского работника: недостаточная квалификация, неполное обследование больного или сделанное с опозданием, недооценка тяжести состояния пациента, переоценка или неправильная оценка данных лабораторных и иных исследований, недоучет или переоценка клинических и анамнестических данных и др.[1].

Следовательно, при наличии субъективных причин врач не предвидит наступление негативных последствий, но может и должен предвидеть и осознавать характер своих действий. В данном случае причинение вреда здоровью или жизни пациента является следствием противоправного виновного поведения исполнителя. Указанное деяние не должно охватываться термином «врачебная ошибка», так как речь идёт о «медицинском деликте». Если медицинским деликтом был причинён тяжкий вред здоровью либо смерть по неосторожности, то такое деяние, в зависимости от наступивших последствий, должно квалифицироваться в соответствии с ч. 2 ст. 118 либо ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Причинение тяжкого вреда или смерти пациенту в силу объективных причин не предусматривает вины медицинского работника в виде умысла или неосторожности. Несмотря на наличие критерия объективной противоправности в действиях врача, он не осознаёт и не может осознавать неправомерность своих действий. Отсутствие вины свидетельствует о добросовестном исполнении профессиональных обязанностей в соответствии с порядками и стандартами оказания медицинской помощи. Причинно-следственная связь проявляется в том случае, когда наступил вред, однако ее может и не быть, так как ошибка не обязательно является причиной вреда, а вред может наступить вне зависимости от ошибки. Например, если ошибка была совершена, а наступление вреда не последовало, то это следует считать поводом для клинического разбора в сложившемся порядке. Врачебная ошибка может обусловить возникновение ятрогенного заболевания, однако отождествлять их между собой нельзя[2].

Таким образом, под «врачебной ошибкой» следует понимать невиновное неправомерное деяние врача, причиняющее вред здо-

[1] Максимова Ю.В. Медицинская ошибка как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности // Baikal Research Journal. – 2012. –№6. –С. 2

[2] Рыков В.А. Медикостраховая классификация ятрогенной патологии и некоторые подходы к ее оценке / Рыков В.А., Крипальский Л.Н., Даровский Б.П. // Архив патологии. – 1997. –№ 2. – С. 66-68.

ровью и/или жизни пациента по объективным причинам, с наличием причинно-следственной связи между неправомерным деянием и наступившим вредом[1]. Так называемое «добросовестное заблуждение» врача, связанное с субъективными причинами, является виновным деянием. В этом случае врачебная ошибка перестает быть ошибкой и должна обозначаться термином «медицинский деликт», предложенным Виноградовым А.З., как виновное противоправное деяние врача, причиняющее вред здоровью и/или жизни пациента и имеющее прямую причинно-следственную связь между противоправным поведением и причиненным вредом, с возникновением юридической ответственности[2].

Прежде всего, необходимо законодательно закрепить конкретизированное понятие «врачебной ошибки» в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ[3]. Правовая регламентация содержания и пределов «врачебной ошибки» существенно облегчит деятельность правоприменителя, отграничит врачебную ошибку от неосторожного исполнения медицинских обязанностей по субъективным причинам.

Предложенное определение «врачебной ошибки» должно выступать основанием, исключающим уголовную ответственность медицинского работника, т.к. в её основе заложены абсолютно объективные причины: ограниченность медицинских познаний в вопросах диагностики, несовершенство отдельных инструментальных медицинских методов диагностики и лечения; недостаточные условия для оказания надлежащей медицинской помощи пациенту с данным заболеванием в условиях конкретного лечебно-профилактического учреждения и др.[4]. К тому же, учитывая действующую презумпцию причинителя вреда, закреплённую в ч. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации[5], а так-

---

[1] Ибатулина Ю.Ф. Разграничение врачебной ошибки и ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. – №1. – С. 134.

[2] Ибатулина Ю.Ф. Там же. С. 135.

[3] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ: последняя редакция // Российская газета. №263. – 23.11.2011.

[4] Шевчук Е.П. «Врачебная ошибка» и «несчастный случай» в обязательствах по возмещению вреда при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. – 2012. – №2. – С.89

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Закон Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ: в действ. ред // Собрание законодательства Рос. Федерации. –1994. –№ 32. – Ст.3301.

же ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[1], права пациента в любом случае будут восстановлены в рамках искового производства посредством выплаты денежного возмещения.

Кроме того, считаем крайне нецелесообразным принятие специальных норм в отношении медицинских работников. По факту обращений граждан в 2019 г. было возбуждено 2,1 тыс. уголовных дел за год, но при этом до суда доведено лишь 332[2], что подтверждает объективность подхода правоохранительных органов к расследованию дел, связанных с ошибочными действиями медицинских работников, а указанные нововведения могут значительно увеличить массив возбуждаемых уголовных дел, привести к оттоку профессиональных кадров.

УДК 343

Н.Г. ГРИГОРЯН

научный руководитель
профессор В.И ТЮНИН

К ВОПРОСУ О ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ В ДАЧЕ И ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

В связи с особенностями квалификации взяточничества значительный интерес приобретает правильное толкование понятия «посредничество». Императив тщательного изучения данного вопроса для армянского уголовного законодательства более чем актуален: неправильная уголовно-правовая оценка деяний соучастника и посредника в составах дачи/получения взятки косвенно сказывается и на правильном применении поощрительной нормы, предусмотренной в ч. 4 ст. 312 УК РА (дача взятки). Проблема в том, что в армянском уголовном законодательстве для посредника во взяточничестве не предусмотрена поощрительная норма освобождения от уголовной ответственности.

[1] О защите прав потребителей: Федеральный закон от от 07.02.1992 № 2300-1: в ред. от 18.07.2019 [Электронный ресурс] – СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 25.03.2020)

[2] Уголовные дела о «врачебных ошибках» [Электронный ресурс] –URL: https://tass.ru/proisshestviya/7887249 (дата обращения:23.03.2020).

Несмотря на факт, что понятия «соучастие» и «посредничество» широко освещены в науке уголовного права и разъяснялись еще в советском уголовном законодательстве, теоретические взгляды и судебная практика иногда противоречат друг другу. Практические трудности возникают особенно в разграничении действий посредника от действий организатора и пособника во взяточничестве. Для решения проблемы в своём Постановлении «О судебной практике по делам о взяточничестве» от 31 июля 1962 года № 9 Пленум Верховного Суда СССР отметил, что посредником является тот, кто, действуя по просьбе или по поручению взяткодателя или взяткополучателя, способствует соглашению даче/получению взятки или реализует достигнувшее соглашение[1].

Следовательно, во взяточничестве посредниками считались лица, которые, во-первых, по инициативе взяткодателя или взяткополучателя способствовали созданию связей между ними, во-вторых, способствовали достижению соглашения («интеллектуальное посредничество») или непосредственно передавали взятку («физическое посредничество»).

Некоторые ученые считают, что по смыслу закона при наличии некоторых обстоятельств в составе взяточничества посредник может выступать исполнителем дачи или получения взятки, поскольку действует в интересах и по сговору с взяткодателем или взяткополучателем, а последние, в зависимости от конкретных обстоятельств, привлекаются к ответственности как соисполнители или соучастники[2]. Другая точка зрения заключается в том, что если должностному лицу взятка предоставляется через посредника, то действия посредника квалифицируются как пособничество в даче взятки[3]. Более того, в правоприменительной практике именно так квалифицировались действия посредника во взяточничестве до введения специальной статьи об ответственности за взяточничество.

Причиной взаимоисключающих подходов было отсутствие в уголовном законе РФ понятия «посредник». Проблема ещё более усугублялась, когда дело доходило до толкования п. 8 Поста-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 года № 9 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // Бюллетень Верховного Суда СССР №5. – 1962.

[2] Аникин А. Ответственность за взяточничество по новому УК // Законность. –1997. – №6.– С. 58.

[3] Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ 1996г. / Под. ред. А.В.Наумова.– М. – 1997.– С. 742.

новления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делом о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000г. №6[1], где отмечалось, что судьи должны учитывать, что уголовная ответственность посредника в даче/получении взятки наступает лишь в случаях, предусмотренных статей 33 УК РФ (виды соучастников преступления).

По мнению Г.М. Саргсяна, из вышесказанного следовало, что посредника можно было привлечь к уголовной ответственности в качестве исполнителя, а также как любого соучастника, в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела[2].

Однако посредничество во взяточничестве сейчас самостоятельный состав преступления. Идя навстречу обоснованному мнению многих ученых, российский законодатель 4 мая 2011 г. дополнил уголовный закон новой статьей – 291[1] УК РФ (посредничество во взяточничестве).

Следует отметить, что в отличие от взяткодателя, который заинтересован в соответствующих действиях взяткополучателя, посредник не стремится к совершению или не совершению должностным лицом тех или иных действий, соответствующих его интересам. Посредник представляет чужие интересы, выступает ни от своего имени, ни в коем случае не может быть инициатором в даче или получении взятки, а передаваемые посредником материальные средства как правило не являются его собственными.

Посредник, даже являясь должностным лицом, предмет взятки получает не для себя, а для доверяющего ему лица, при этом, часто должностного, которое обязано совершать определенные действия, вытекающие из интересов взяткодателя. В таком случае посредник выступает от имени взяткополучателя, который, в конечном счете, диктует условия дачи взятки. Возможны случаи, когда взяткополучатель, опасаясь разоблачения и желая остаться неизвестным для взяткодателя, поручает своему подчиненному выступать перед взяткодателем лицом, от которого зависит совершение желаемых деяний, получить взятку и потом передать ему. Хотя в этом случае взяткодатель не осознает, что

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2010 года № 6 (ред. от 22.05.2012г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ № 4. – 2000.

[2] См.: Г. М. Саргсян. Проблемы освобождения от уголовной ответственности взяткодателя: дис. … канд. юрид. наук. Ереван: Российско–Армянский (Славянский) юридический ун-т, – 2012. – С.135.

входит в связь только с «представителем» взяткополучателя, однозначно, что такой «представитель» выступает посредником в получении взятки[1].

Таким образом, взаимосвязь между посредником и взяткополучателем или взяткодателем (возможно также с обоими одновременно) выражается в действиях, которые не являются результатом собственной инициативы, а поручением (просьбой) взяткодателя или взяткополучателя. Иными словами, посредник только способствует совершению преступного акта со стороны взяткодателя или взяткополучателя, то есть является соучастником совершенных ими преступлений. Однако это является своеобразным соучастием одновременно в двух преступлениях, что и позволило законодателю выделить его как самостоятельное преступление – посредничество во взяточничестве.

В отличие от посредника во взяточничестве, пособник дачи или получения взятки может быть связан только с взяткодателем или только с взяткополучателем, например, предоставляя средства для дачи взятки или квартиру для встречи или переговоров и т.д.

Итак, первым отличительным признаком посредника является связь с двумя субъектами взяточничества, то есть одновременное способствование даче/получению взятки.

Второй характерный признак посредника заключается в том, что он действует не по собственной инициативе, а по поручению (просьбе) взяткодателя или взяткополучателя. В отличие от посредника, организатор, а также подстрекатель или пособник, выступающий в качестве соучастника в составах дачи/получения взятки, как правило, действует по своей инициативе.

Одновременно следует отметить, что определение посредничества во взяточничестве в УК РФ более удачно и четко. Так, если в диспозиции ст. 291[1] УК РФ посредничество во взяточничестве определяется как «… непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки», то в ст. 313 УК РА под посредничеством понимается «… способствование достижению соглашения или

[1] Цагикян С.Ш.; Квашис В. Е.; Волженкин Б.В. Борьба с взяточничеством.–1991.– С.137-138. Кузнецова Н.Ф. Советское уголовное право. Том 6. –1971. – 61-63.

реализации уже достигнутого соглашения относительно взятки между взяткодателем и взяткополучателем». Такое узкое понимание термина «посредничество» в армянском уголовном законодательстве сохранилось с советских времён. Как уже упоминалось, высший судебный орган СССР именно в своём Постановлении «О судебной практике по делам о взяточничестве» от 31 июля 1962 года № 9 именно так толковал «посредничество во взяточничестве»[1].

Однозначно, что в УК РФ действия посредника в установлении понятия физического и интеллектуального посредничества более четки и не дают поводов для серьёзных разногласий, что нельзя сказать о его определении в армянском уголовном законодательстве, поскольку буквальное толкование закона может привести к идентификации посредника и соучастника[2].

Определенный интерес представляют также квалифицирующие признаки, предусмотренные для данного состава. Здесь также подходы российского законодателя более обоснованны. Основой этих признаков в составе посредничества во взяточничестве является вполне справедливое сопоставление квалифицирующих признаков дачи/получения взятки. Армянский законодатель же, в ч. 2 ст. 313 УК РА, как квалифицирующий признак предусматривает только посредничество во взяточничестве, совершенное с использованием должностного положения. Такие квалифицирующие признаки как группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, в крупном или особо крупном размерах для посредничества во взяточничестве армянское уголовное законодательство не предусматривает. Не трудно догадаться с какими серьезными проблемами сталкиваются судебно-следственные органы при квалификации посредничества во взяточничестве, если в действиях посредника имеются такие признаки.

Другое отличающее обстоятельство – ч.5 ст. 291[1] УК РФ предусматривает ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, а так же наличие поощрительной нормы в примечании к статье 291[1] УК РФ, согласно которой, лицо,

[1] Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о взяточничестве» от 31 июля 1962 года № 9 // Бюллетень Верховного Суда СССР №5. – 1962.

[2] См.: Г. М. Саргсян. Проблемы освобождения от уголовной ответственности взяткодателя: дис. … канд. юрид. наук. Ереван: Российско–Армянский (Славянский) юридический ун-т. – 2012. – С.135.

совершившее посредничество во взяточничестве освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело.

Однозначно, что законодательное определение «посредничества во взяточничестве» в российском уголовном законодательстве решено более удачно и однозначно приемлемо для УК РА. Более того, в армянском уголовном законодательстве составы дачи/получения взятки предусмотрены в усеченном виде. Дача взятки считается оконченным преступлением с момента предложения или обещания взятки (статья 312 УК РА), а получение взятки (статья 311 УК РА) – с момента требования или обещания получить, или принятия предложения. Следовательно, не предусматривая эти деяния в составе посредничества во взяточничестве, армянский законодатель нарушает системность составов дачи/получения взятки и посредничества во взяточничестве, а также принцип соразмерности уголовного наказания. Это, безусловно, снижает эффективность уголовно-правового противодействия взяточничеству и негативно влияет на правоприменительную практику. Тоже самое касается и поощрительной нормы, которую в отношении посредника армянский законодатель не предусматривает.

Обобщая можно констатировать, что уголовно-правовое регулирование состава «посредничество во взяточничестве» в российском законодательстве более удачное, охватывает «физическое» и «интеллектуальное» посредничество, квалифицирующие признаки состава сопоставляются с аналогичными признаками составов дачи/получения взятки, отдельной частью предусматривается ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, одновременно в примечании к статье 291^1 УК РФ как эффективное средство противодействия взяточничеству предусматривается поощрительная норма для посредника.

Что касается статьи 313 УК РА, то она превратилась в забытую законодателем «мёртвую» норму, и внедрение российского опыта значительным образом облегчит проблемы правоприменительной практики, сохранит системность и взаимосвязь входящих в понятие «взяточничество» преступлений.

УДК 343

В.В. ЕРМОШКИН,
В.Е. СОЛЯКОВ

научный руководитель
профессор Ю.А. ЕВСТРАТОВА

ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ПРЕСТУПНИКОВ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ (СОТРУДНИКАМИ) ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, причинение вреда гражданину не всегда является преступлением. Обстоятельства, исключающие преступность деяния закреплены в главе 8 УК РФ. В статье 38 данной главы говорится о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, которое, на наш взгляд, идет в разрез с Федеральный законом № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

В Уголовном Кодексе говорится о том, что любой гражданин вправе задержать лицо, совершившее преступление, если при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.[1] В данной статье не учитывается тяжесть преступного деяния.

Напротив, в Федеральном законе № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» указан ряд особенностей применения оружия и специальных средств для задержания лица, что, во-первых: сокращает полномочия военнослужащего (сотрудника), а во-вторых: создает ряд сложных и спорных ситуаций, в которых обычному правоохранителю бывает не под силу разобраться.

Согласно пункта 4 части 1 статьи 21 Федерального закона законе № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», военнослужащие и сотрудники вправе применять оружие для задержания лиц, застигнутых при совершении деяния с признаками тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья и собственности. [2]

[1] п. 1 ст. 38 УК РФ. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление

[2] п. 4 ч.1 ст.21 Федерального закона законе № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»

Возникает коллизия, уменьшающая право применения оружия сотрудниками и военнослужащими войск национальной гвардии.

Так, в статье 38 УК РФ сказано, что не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.[1]

А в ст. 21 Федерального закона № 226 «О ВНГ» применение оружия возможно лишь для задержания лиц, застигнутых при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающихся скрыться либо оказывающих вооруженное сопротивление. [2]

Оружие нельзя применять при задержании лиц, которые застигнуты не при совершении преступления, а только лишь после установления их причастности к этому деянию. Профессионалу в данной сфере сложно квалифицировать и понять, где преступление средней тяжести, а где тяжкое или особо тяжкое. А что делать тогда обычному рядовому сотруднику правоохранительных органов?

Ч. 13 ст. 18 Федерального закона № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» разрешает военнослужащему ВНГ при задержании лица, совершившего преступление, при отсутствии у него специальных средств или оружия использовать любые подручные средства. При этом никакие ограничения, ни по категориям преступлений, ни в отношении конкретных лиц действовать уже не будут, так как подручные средства не являются ни оружием, ни специальными средствами.[3]

Каким образом понять нам какие предметы использовать вместо оружия, а какие вместо специальных средств? Например, случилась ситуация, в которой у него не оказалось оружия и специальных средств, а оказалась, допустим, арматура, и как применить ее правильно, оставаясь в рамках закона. Если проводить аналогию, то использование подручных средств также должно быть ограничено. Например, по тяжести преступления, то закон это не

[1] ст. 38 УК РФ. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление

[2] ст. 21 Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)

[3] ч. 13 ст. 18 Федеральный закон № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»

регламентирует, т. е. возникают вопросы: 1- можно ли мне использовать их для самообороны? (определенно, да) 2- Можно ли использовать для задержания лиц, совершивших административное правонарушение? (вопрос)

В итоге, ограничение Федеральный законном № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» права применения оружия и специальных средств военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии сокращает их возможности по предупреждению преступлений и задержанию преступников по сравнению с правомочиями которые гарантируются Уголовным Кодексом Российской Федерации. Так как закон и кодекс обладают одинаковой юридической силой, то целесообразно привести нормы Федерального закона № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», касающиеся законности применения оружия и специальных средств при задержании лиц, совершивших преступление, в соответствие со статьей 38 Уголовного Кодекса РФ. Таким образом будет решена проблема не единообразного применения закона.

УДК 343.2/.7

П.А. ЗАЙЦЕВА

научный руководитель
доцент Д. Ю. КРАЕВ

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

Любое преступление характеризуется не только своей внешней формой, проявляющейся в объективной стороне, но и во внутренней составляющей. Она формируется в рамках психической активности лица, совершающего преступление, и складывается в такой элемент состава преступления как субъективная сторона.

К признакам субъективной стороны относятся вина, мотив и цель. В рамках настоящей статьи нами будет рассмотрена проблема, касающаяся форм вины преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ – доведение до самоубийства.

Отсутствие указания в диспозиции ст. 110 УК РФ на форму вины, а также тот факт, что последствие в виде смерти наступает от действия или бездействия не преступника, а потерпевшего, стало причиной возникновения различных подходов к рассматриваемой проблеме.

В науке выделяется множество подходов к содержанию возможных форм и видов вины при доведении до самоубийства. В данной работе нами будет рассмотрено три наиболее распространенных и часто встречающихся подхода, а именно:

совершение преступления с прямым или косвенным умыслом;

с косвенным умыслом и неосторожностью;

совершение преступления как умышленно (прямой и косвенный умысел), так и по неосторожности (легкомыслие и небрежность).[1]

Рыжовым Э.В. в рамках рассматриваемой проблемы была проанализирована судебная практика. Анализ 57 изученных обвинительных приговоров (постановлений, определений) судов показал, что в 12 из них в качестве формы вины в доведении до самоубийства судом указан прямой умысел, в 17 – косвенный умысел, в 4 – вид умысла не конкретизирован, в 4 – преступная небрежность, в 20 – форма вины не указана вообще и, исходя из текста судебного акта, вывод об этом сделать не представляется возможным.[2]

Таким образом, в судебной практике формой вины, с которой совершалось данное преступление, чаще всего признавался умысел. При этом значительное число судебных решений, в которых не указана форма вины, свидетельствует о том, что судами не во всех случаях учитываются рекомендации науки уголовного права.

Перейдем к более подробному рассмотрению описанных выше подходов.

Считается, что виновный совершает преступление с прямым умыслом, если он желает наступления общественно опасного последствия, с косвенным – если не желает, но сознательно допускает наступление последствий или относится к ним безразлично. Однако виновный, так или иначе, обязательно должен предвидеть смерть потерпевшего как итог своего преступного деяния. Аргументация приверженцев данной позиции строится на психическом отношении виновного к самоубийству потерпевшего. Например, Альбертович К.Е. считает, что сама формулировка «доведение до самоубийства» предполагает, что своими действиями (бездействием) виновный как бы подводит потерпевшего к намеченному результату, конечной цели своего деяния. Однако, данный подход критикуется. Из анализа судебной и следственной практики

[1] Рыжов Э.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: диссертация / Э.В. Рыжов – Москва. – 2019. – С. 93.

[2] Рыжов Э.В. Там же. С. 102.

следует, что зачастую виновный не мог предвидеть наступления такого последствия как суицид. Это обусловлено тем, что не всегда он осведомлен о психологических особенностях потерпевшего, его впечатлительности и эмоциональной неустойчивости.

Так, приговором Донецкого районного суда Ростовской области от 21.01.2014 года по делу № 1-19/2014 Ш. признан виновным в совершении доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Установлено, что Ш. проживал совместно с потерпевшей Е. и в ходе бытовых конфликтов систематически унижал ее человеческое достоинство - избивал ее, оскорблял, вывешивал из окна, удерживая за руки, а также высказывал угрозы убийством. Указанными действиями подсудимый довел Е. до состояния личностной дезадаптации и хронического психоэмоционального напряжения, которое было связано с психотравмирующей семейной ситуацией. В результате чего потерпевшая совершила самоубийство, выпрыгнув из окна своей квартиры на 5 этаже. В результате полученных травм она погибла. Суд, вынося приговор, указал, что Ш., совершая насилие над Е., небрежно относился к возможным последствиям в виде дальнейшего самоубийства потерпевшей.[1]

Приверженцы второго подхода считают, что если у виновного присутствует прямой умысел на смерть потерпевшего, то содеянное им следует квалифицировать как убийство. Значит, доведение до самоубийства может быть совершено лишь при косвенном умысле или по неосторожности. Этой точки зрения придерживался, например, Шаргородский М.Д. Он утверждал, что виновный либо допускает возможность того, что он жестоким обращением или иными способами доводит потерпевшего до самоубийства, либо предвидит это, но не допускает. Возможна ситуация, когда он не предвидит подобной возможности, хотя и должен был ее предвидеть, что и говорит о наличии неосторожности.[2]

Указанная позиция видится оспоримой, в силу особенностей объективной стороны таких преступлений как убийство и доведение до самоубийства. В данном случае приравнивать опосредованное убийство и доведение до самоубийства представляется нелогичным. В отличие от убийства, виновный не совершает действий, непосредственно приводящих к смерти потерпевшего.

---

[1] Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] – URL: https://donecky--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=39728137&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 27.03.2020 г.)

[2] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Под ред. М. Д. Шаргородского и Н. А. Беляева. Л. – 1962. – С. 220–221.

Потерпевший сам принимает решение расстаться с жизнью и сам же приводит его в исполнение, руководимый сознанием и волей.[1] Состав убийства в подобных ситуациях может наличествовать лишь в том случае, когда потерпевшим является малолетнее или невменяемое лицо.

Наконец, перейдем к третьему подходу, согласно которому при совершении доведения до самоубийства мы можем говорить о любой форме вины. Он представляется наиболее аргументированным.

В самой диспозиции ст. 110 УК РФ указание на форму вины отсутствует. Попов А.Н. отмечает, что сам факт угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего уже может привести к его самоубийству. И если виновный не желал или не допускал подобного результата, то это вовсе не означает, что он не должен отвечать за доведение до самоубийства.[2] Противоправное поведение виновного в этом случае побуждает и подталкивает потерпевшего совершить суицид. Поэтому вина в форме легкомыслия или небрежности исключена быть не может.

Противники данной позиции ссылаются на ст. 24 УК РФ: «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ».[3] Встает вопрос о том, как квалифицировать деяние, если в ст. 110 УК РФ нет указания на неосторожную форму вины.

Для разрешения данного вопроса обратимся к доктринальному толкованию ч. 2 ст. 24 УК РФ. Так, отмечается, что устанавливать форму вины в подобных случаях – обязанность правоприменителя. «Часть 2 статьи 24 свидетельствует о том, что если в диспозиции статьи Особенной части УК не указана конкретная форма вины в основном или квалифицированном составе преступления, то вина может быть либо только умышленной (в одних составах) или же умышленной и неосторожной (в других составах). Применительно к каждому составу преступления содержание вины устанавливается путем толкования уголовного закона с учетом

[1] Авакян Р.З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние. –Ереван: Изд-во АН АрмССР. – 1971. –С. 72.

[2] Попов А. Н. О формах вины по уголовному законодательству России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3 (59). С. 65.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

особенностей объективной стороны преступления, включенных в число признаков его состава, характеристик мотива и цели деяния (наличие последних свидетельствует только о прямом умысле) и иных обстоятельств».[1] Очевидно, что и в других статьях Особенной части УК РФ отсутствие неосторожной формы вины вовсе не говорит о том, что такие преступления не могут быть совершены по неосторожности.

В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» также разъясняется, что «исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления».

Во избежание возможности объективного вменения и оценки любого незначительного оскорбления или однократного насилия как способа доведения до самоубийства стоит также отметить, что доведение до самоубийства по неосторожности совершается только тогда, когда потерпевший в результате деяния виновного лица переживает страдания, при которых для него снижается или полностью утрачивается ценность собственной жизни. Правоприменителю для правильной квалификации следует всегда исходить из полной совокупности признаков как объективной, так и субъективной стороны.

Таким образом, наиболее разумным представляется использование на практике третьего подхода, согласно которому совершение доведения до самоубийства может предусматривать любую форму вины. Данный подход представляется более гибким и универсальным в условиях настоящего времени. К тому же, большинство стран СНГ в своих Уголовных кодексах предусматривают наличие как умысла, так и неосторожности при совершении рассматриваемого состава преступления. Например, Уголовными кодексами Армении и Болгарии закреплено, что данное деяние совершается с косвенным умыслом или по

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е издание, переработанное и дополненное / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2013 // СПС КонсультантПлюс.

неосторожности, а высшие судебные органы Узбекистана дали рекомендации относительно субъективной стороны этого преступления в специальном Постановлении от 11 сентября 1998 г. (п. 6): «с субъективной стороны доведение до самоубийства характеризуется косвенным умыслом или неосторожностью по отношению к последствиям».[1]

Очевидна необходимость приведения судебной практики по ст. 110 УК РФ к единообразию. Сделать это представляется возможным посредством издания специального Постановления Пленума Верховного суда РФ, посвященному разъяснению проблем, связанных с доведением до самоубийства, а также со смежными ему составами.

УДК 343.2

Д.В. КОЗУЛИНА

научный руководитель
доцент В.Н. ШИХАНОВ

О ПРОБЛЕМЕ ПРАВОМЕРНОСТИ БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Проблема противодействия терроризму как явлению, представляющему угрозу интересам личности, стабильности развития общества и целостности государства, признается одной из наиболее актуальных в контексте современной политической реальности. Угроза от международных террористических организаций по-прежнему представляет собой глобальную проблему всего человечества. Если прежде методы противодействия терроризму по большей части сводились к проведению полицейских операций, то в настоящее время существование масштабных террористических организаций, выполняющих квазигосударственные функции и дислоцирующихся на определенных территориях, обуславливает борьбу с терроризмом в

[1] Хатуев В.Б. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве: статья // Актуальные проблемы российского права. – Москва – 2019. – № 9 (106). – С. 27-40.

новых условиях, что в последующем выливается в масштабные боестолкновения, которые порой могут достигать статуса вооруженных конфликтов немеждународного характера, когда для устранения и пресечения враждебной деятельности террористических формирований применяются авиация, ракеты, артиллерия (на территории Сирии, Ливии, Ирака).

В России порядок ведения боевых операций по предупреждению и пресечению преступлений террористической направленности регламентируется Постановлением Правительства РФ от 06.06.2007 № 352 «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму» вместе с Положениями о применении оружия и боевой техники для устранения угрозы террористического акта или пресечения такого террористического акта». Этот документ устанавливает исключительные случаи применения оружия на поражения без предупреждения. К таким случаям отнесены:

наличие достоверной информации о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и существование реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы[1];

обнаружение внутри запретного для плавания или временно опасного для плавания района либо фиксация движения с большой скоростью в направлении военного корабля, плавательного средства, охраняемого объекта самоходного подводного транспортировщика заряда взрывчатого вещества (торпеды), если промедление в применении оружия может привести к гибели людей либо наступлению экологической катастрофы[2];

промедление в применении оружия, боевой техники и специальных средств создает непосредственную опасность для жизни или здоровья гражданских лиц, военнослужащих и других лиц,

[1] См.: п. 6 Положения о применении оружия и боевой техники вооруженными силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или пресечения такого террористического акта, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г. – № 352. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: п.12 Положения о применении оружия и боевой техники вооруженными силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации и при обеспечении безопасности национального морского судоходства, в том числе в подводной среде, или для пресечения такого террористического акта, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г. –№ 352. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

участвующих в контртеррористической операции, либо реальную угрозу безопасности охраняемых объектов, вооружения и транспортных средств[1];

предупреждение о применении оружия и боевой техники является невозможным.

Названное Постановление Правительства Российской Федерации оставляет открытыми два вопроса. Первое – в условиях Сирии, Ирака операции носят конфликтный террористический характер по цели, но по своей сути они гораздо ближе к общевойсковым, с активным использованием диверсионно-разведывательных групп, Сил специальных операций. Второе – правовая оценка контртеррористических операций. Уголовно-правовая оценка правомерности боевых операций по предупреждению и пресечению преступлений террористической направленности является прерогативой УК РФ. Так, например, ст. 22 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет, что «лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом»[2] признается правомерным – на основании, в том числе, ч. 1 ст. 37 УК РФ (т.е. это – необходимая оборона).

Главное в том, что упомянутое выше Постановление Правительства и УК РФ оставляют открытым вопрос о допустимости целого ряда фактически совершаемых оперативно-боевых мероприятий.

во-первых, это действия по наведению огня артиллерии и авиации в условиях, когда противник фактически еще не начал осуществлять нападение, опасное для жизни, а, например, находится на стадии приготовления к такому нападению (в пунктах постоянной или временной дислокации);

во-вторых, это действия по пресечению длящихся преступлений таких, как ношение и хранения оружия, взрывчатых веществ

---

[1] См.: п. 8 Положения о применении вооруженными силами Российской Федерации оружия, боевой техники и специальных средств при участии в проведении контртеррористической операции, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г. – № 352. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 г. – № 35-ФЗ : в ред. от 18 апреля 2018 г. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

и взрывных устройств, участие в незаконном вооруженном формировании или террористическом сообществе;

в-третьих, не рассмотрены случаи, когда предупреждение о готовности применить вооружение возможно, но, с позиции боевой тактики, может привести к провалу операции ввиду утраты эффекта неожиданности, а потому – к недостижению конечной цели. Это касается боевой работы из засад. Соответствующие кадры были широко растиражированы на годовщину Сил специальных операций в 2020 голу в сети Интернет.

Вследствие таких пробелов военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов Российской Федерации, участвующие в контртеррористических мероприятиях, поставлены в неудобное правовое положение. Например, за исполнение приказа о проведении в Чечне операции по обнаружению и ликвидации международного террориста Хаттаба военнослужащие группы спецназа ГРУ во главе с капитаном Эдуардом Ульманом были признаны виновными в убийстве и превышении должностных полномочий, и приговорены к лишению свободы. С позиции тактики действия диверсионно-разведывательной группы в условиях засады разведчики действовали в целом верно, однако, такая работа допустима в условиях войны. Вместе с тем, на территории Чеченской Республики в тот момент не действовало какое-либо военно-уголовное законодательство, а потому действия разведчиков получили правовую оценку по правилам уголовного закона мирного времени.

Действующий Уголовный закон, несмотря на специфическую обстановку и вопреки предположениям правоведов, не учитывает военной обстановки и, соответственно, не содержит обстоятельств, признающих правомерными причинение смерти или тяжкого вреда здоровью противнику при проведении целого ряда оперативно-боевых мероприятий по предупреждению и пресечению преступлений террористической направленности.

Так, атака противника на стадии приготовления к нападению (при наличии достоверной информации разведки о подготовке нападения), также как и атака противника из засады, не может быть квалифицирована как необходимая оборона либо как крайняя необходимость вследствие отсутствия такого обязательного условия, как наличность посягательства или реальность и неизбежность опасности.

Если посягательство не налично, другими словами, противник еще не начал предпринимать конкретных действий, направленных на достижение преступного результата путем применения наси-

лия, но разработал план преступных действий, изготовил орудия и средства совершения преступления, приискал соучастников, то права на необходимую оборону, равно как и права на причинение вреда в условиях крайней необходимости ещё не возникает. Уничтожение или ранение лиц, подготавливающих нападение, в таких условиях не является превышением пределов необходимой обороны или крайней необходимости, так как самого права на причинение вреда ещё не возникло.

Значит ли это, что в условиях действующего УК РФ военнослужащие должны нести ответственность за убийство или причинение тяжкого вреда здоровью на общих основаниях?

Рассматривая вопрос о пресечении преступлений, предусмотренных ст.ст. 222, 222[1], 208, 205[4], 205[5] УК РФ, стоит обратить внимание на то, что Пленум Верховного суда РФ, действительно, допускает состояние необходимой обороны, которое вызвано посягательством, имеющим длящийся или продолжаемый характер[1]. Но в то же время, данные преступления не являются посягательствами, опасными для жизни (например, установлено, что несколько лиц находятся в землянках в лесу, они являются участниками террористического сообщества, вооружены, но в данный момент времени действий по нападению не совершают). Значит, причинение вреда для пресечения незаконного оборота оружия или участия в террористическом сообществе будет оцениваться по правилам ч. 2 ст. 37 УК РФ. Следовательно, за умышленное причинение смерти этим лицам или тяжкого вреда здоровью военнослужащие должны подлежать уголовной ответственности по ст.ст. 108 или 114 УК по законам мирного времени.

Причинение смерти боевикам при целенаправленном применении оружия и боевой техники на поражение, в том числе, наведение артиллерии, ракет на командные пункты, лагеря подготовки и объекты инфраструктуры террористических организаций не может быть расценено как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. При указанных обстоятельствах априори отсутствует цель доставления задерживаемых преступников к органам власти, следовательно, отсутствует и условие правомерности причинения вреда, указанное в ст. 38 УК РФ.

[1] См.: п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Рос. газ. – 2012. –№ 227.

Таким образом, дополнение главы 8 УК РФ новыми обстоятельствами, исключающими преступность деяния, признающими правомерным причинения вреда противнику в ходе проведения оперативно-боевых операций по противодействию терроризму, с очевидностью восполнило бы пробел, существующий в действительности.

УДК 343.9

Д.А. КРУГЛИКОВА

научный руководитель
доцент Е.Р. КЕЙДУНОВА

ВОЗМОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) оказало огромное влияние на все социальные процессы в обществе. Введенные в государстве меры по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения приостановили работу многих организаций, ограничили конституционные права и свободы граждан. Указанные мероприятия не могли не повлиять на экономику. В нынешней ситуации, когда большинство граждан находятся на самоизоляции и не работают, доходы населения стремительно снижаются, несмотря на объявление Президентом РФ нерабочих дней с сохранением заработной платы. Поскольку заработная плата во многих организациях формируется из полученной прибыли за месяц, у многих предприятий нет никаких существенных накоплений, позволяющих спокойно «пережить» нерабочие дни, а предоставляемые государством меры поддержки недостаточно реагируют на запросы бизнеса, то самым рациональным решением для предпринимателей становится закрытие предприятий и увольнение людей.

В указанных условиях вполне логично ожидать рост преступности. Известно, что одной из наиболее значимых потенциальных причин обострения и эскалации преступности в современном

мире выступает экономический фактор[1]. Например, в последние годы ввиду относительного стабильного развития экономики, улучшения материального благополучия населения сохранялась тенденция сокращения числа регистрируемых преступлений, но прогнозируем, что в ближайшее время это изменится. Попытаемся оценить возможные тенденции развития преступности в Российской Федерации в период пандемии и после.

Интересен доклад Полицейской службы Европейского союза (далее – Европол) за март 2020 года, в котором констатируется увеличивающееся число случаев киберпреступности, мошенничества, краж и подделок[2]. Это вполне предсказуемо. Если ранее законопослушный гражданин никогда бы не решился совершать преступление ввиду наличия достаточного количества денежных средств, обеспечивающих минимальные нужды, то теперь в связи со снижением своих доходов ему легче решиться на совершение противоправных действий. Здесь идет речь непосредственно о криминологической концепции Гэри Стэнли Беккера, обосновавшего с экономической точки зрения подход к преступности. Так, на законопослушность нельзя надеяться, если речь идет о более выгодной возможности[3]. В сложившихся условиях самоизоляции и карантина наиболее выгодной возможностью как раз становятся киберпреступления и мошенничества. Преступность перепрофилируется, люди переходят на новые способы совершения преступлений. В разы легче получить доступ к охраняемой информации, обмануть граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию. При этом нельзя также забывать о преступлениях, которые совершаются не сложившимися субъектами преступлений, а теми самими законопослушными гражданами, которые идут на совершение противоправных действий виду отсутствия для них законного способа преодоления трудностей.

---

[1] Криминология: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / О. С. Капинус [и др.] ; под общей редакцией О. С. Капинус. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 1132 с. — (Бакалавр. Специалист. Магистр). — ISBN 978-5-534-09795-5. — Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. с. 145 — URL: https://urait.ru/bcode/428579/p.145 (дата обращения: 14.04.2020).

[2] Pandemic profiteering: how criminals exploit the covid-19 crisis [Электронный ресурс] – URL: https://www.europol.europa.eu/publications-documents/pandemic-profiteering-how-criminals-exploit-covid-19-crisis (дата обращения: 13.04.2020).

[3] Г. Беккер Преступление и наказание: экономический подход [Электронный ресурс] – URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=./in/becker/works/becker_w5.txt&img=works.jpg&name=becker (дата обращения: 14.04.2020).

Развитие киберпреступности стало возможным в связи с переходом граждан на дистанционный (удаленный) режим работы. Если раньше работники подключались к компьютерам, защищенным от внешних атак, то из-за вынужденного перехода на менее защищенные личные компьютеры, получение данных, с которыми они работают, стало проще. В январе - феврале 2020 года зарегистрировано более 60 тысяч преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации[1]. Такие цифры обусловлены введением организациями (еще до введения государством ограничительных мер) способов по предотвращению распространения коронавирусной инфекции. Полагаем, в апреле-мае мы сможем увидеть рост числа киберпреступлений. Большинство будут связанны с хищением информации, как у юридических лиц, так и у физических. Если про первые нами уже было сказано, то вторые входят в группу риска в связи с введением цифровых пропусков. Для их оформления нужно сообщить сведения о персональных данных. Ускоренное введение порядка получения цифровых пропусков не могло предусмотреть все способы обеспечения защиты информации, поэтому опытный хакер сможет легко их получить и использовать в дальнейшем в противозаконных целях.

Обман и злоупотребление доверием как способы совершения преступлений и до пандемии были довольно распространены. Так, половину всех зарегистрированных преступлений за 2019 год составили хищения чужого имущества, совершённые путём: кражи, мошенничества, грабежа, разбоя[2]. Но активный рост случаев мошенничества в настоящее время наблюдается повсеместно. Из статистических данных это пока что не видно, но представить подборку мошенничеств уже можно. Вот некоторые из них. Самый распространенный вид мошенничества еще до эпидемии это звонок из «Сбербанка», в котором предлагают какую-то услугу и для ее предоставления спрашивают банковские реквизиты. Несмотря на простоту данного метода, он никуда не ушел, а наоборот количество звонков от таких мошенников увеличилось в связи с большим количеством свободного времени, а также ростом нервной напряженности населения. Популярной темой для

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-февраль 2020 года [Электронный ресурс] – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19897618/ (дата обращения: 14.04.2020).

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года [Электронный ресурс] – URL:https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/18781448 (дата обращения: 14.04.2020).

звонков у мошенников также стала компенсация ущерба от введенных государством ограничительных мер. Гражданам предлагают получить социальные выплаты и материальную помощь, для перечисления которой необходимо предоставить данные банковской карты. Наивные граждане передают всю необходимую информацию добровольно, поскольку знают, что личный прием в государственных органах в настоящее время ограничен, а государство обещало предоставить своим малоимущим гражданам социальную поддержку. Все чаще поступают звонки из учреждений здравоохранения. По телефону сообщают, что гражданин контактировал с больными коронавирусом, поэтому необходимо провести платный тест. И это только известные автору случаи, на самом деле новых видов мошенничества, появившихся за время пандемии, намного больше.

Предложение депутатов от 25.03.2020, внесенное в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, об усилении уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения COVID-19 было утверждено в короткие сроки и уже 01.04.2020 данные изменения были внесены в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). В этом не стоило сомневаться, поскольку принимаемые в последние несколько лет поправки в уголовное законодательство одобряются без обдумывания в должной мере, носят стихийный порядок. Полагаем, что в связи с введением данных изменений будет наблюдаться рост преступлений по ст. 236 УК РФ. Уже сейчас гражданам не так страшны административные штрафы, предусмотренные за нарушение режима самоизоляции, как голод и отсутствие каких-либо перспектив. Они покидают места проживания и выходят на работу, посещают общественные места. Такие граждане не только не боятся заразиться коронавирусной инфекцией, но также стать причиной массового заболевание людей, в том числе своих близких.

УК РФ также был дополнен двумя новыми статьями 207.1 – публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан и 207.2 – публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия. Их введение в условиях пандемии коронавируса не оправдано, принято в отсутствие необходимых социально-криминологических предпосылок. Считаем, что данные деяния не отвечают той степени общественной опасности, которая характеризует пре-

ступления. Новости с ложной информацией всегда были и будут, поэтому при нормальной государственной обстановке статистика по возбуждению уголовных дел по данным составам будет нулевой. Полагаем, рост преступности по указанным статьям будет кратковременным и вызван только в рамках «эмоционального отклика» государства на происходящие в обществе события.

Считаем, что резко увеличится количество преступлений по ст. 145.1 УК РФ. В большинстве случаев субъектом преступления будут работодатели, которые не будут выплачивать заработную плату своим работникам в целях сокращения своих расходов. Также может появиться рост преступлений по ст.ст. 144.1 и 145 УК РФ, поскольку не все работодатели смогут правильно оформить процедуру сокращения численности штата.

Еще одной проблемой является домашнее насилие. В Российских семьях оно не редкость, как правило, преступлению предшествует период конфликтных отношений, выражающийся в постоянных ссорах, криках, небольших ссадинах, синяках, ухудшении подготовки к занятиям (что касается детей) или к работе. Вынужденную самоизоляцию, во время которой граждане находятся все время вместе, сложно выносить даже благополучным семьям. Что и говорить про те ячейки общества, где существует нехватка финансов, алкоголизм, отсутствует взаимопонимание между родственниками. В связи с этим полагаем, что в скором времени следует ожидать рост насильственных преступлений в семьях.

Известный питерский юрист А.И. Кирпичников сказал: «Коррупция — хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата всех времен и всех народов»[1]. Пандемия коронавируса не исключение, так как именно в трудные для государства времена коррупция носит массовый характер. Одним из главных признаков коррупции (помимо латентности) является конфликт между действиями должностного лица и интересами общества. В нашем случае конфликт может быть связан с отсутствием определенных разрешений у членов общества на осуществление конкретного вида деятельности, ограниченного законом, и полномочиями должностного лица, наделенного данные ограничения снимать или «послаблять». Полагаем, что в ближайшее время будет наблюдаться рост следующих видов преступлений: взяточничество (290-291.2, 304 УК РФ), превышение и злоупо-

[1] Кирпичиков А.И. Взятка и преступность [Электронный ресурс] –URL:http://gendocs.ru/v47549/кирпичников_а.и._взятка_и_коррупция_в_россии (дата обращения 15.04.2020).

требление полномочиями, в том числе нецелевые расходования вверенных денежных средств (285-285.2, 286 УК РФ), а также злоупотребления в сфере закупок товаров для обеспечения государственных нужд (например, при покупке лекарств, средств индивидуальной защиты и дорогостоящего оборудования – по ст.ст. 200.4-200.6 УК РФ).

Можно еще много говорить о влиянии пандемии и следующим за ней экономическом кризисе на преступность, но это не ответит на основной вопрос – как именно можно предотвратить совершение преступлений? Поскольку преступность – это закономерное социально-правовое явление, то воздействовать на нее нужно социальными и правовыми средствами. Конечно, искоренить совершение преступлений полностью невозможно, но проведенный нами анализ ясно дал понять, что увеличение мер государственной поддержки в социальном секторе позволит предотвратить совершение некоторых преступлений.

УДК 343

А.А. ЛЕНЮСКИЙ,
А.О. ХАРЧЕНКО

научный руководитель
профессор А.Н. ПОПОВ

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ И ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В основе функционирования охранительных отраслей права лежит принцип «стимул – реакция». Переложив концепцию бихевиоризма на уголовно-правовые реалии, определим, что стимулом в данном случае выступают различные общественные отношения иных отраслей права, а содержание уголовно-правовых норм есть не что иное, как реакция. Особенно наглядно данную взаимосвязь можно проследить на относительно свежем примере, когда Уголовный кодекс был дополнен ст. 76.1, 76.2 и Главой 15.2, определившими правила освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба или с назначением судебного штрафа.

С определенных позиций, прежде всего с экономических, подобные нововведения нельзя не признать полезными. Пополнение бюджета государства, уменьшение статистических показателей по

количеству лиц, привлеченных к ответственности, освобождение правоохранительных органов от необходимости расследования и рассмотрения в судах отдельных категорий дел. Налицо определенно положительный эффект для общества и обвиняемого. Однако в этом ли заключался общественный вызов (стимул), а также как данные изменения характеризуют современное уголовное право?

Для ответа на данный вопрос проанализируем содержание рассматриваемых статей и тех изменений, что они внесли в современное уголовное право. Статья 76.1 УК РФ в части первой предусматривает освобождение от ответственности за налоговые преступления (за исключением ст. 199.2 УК РФ), в случае полного возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе РФ. В части второй статьи 76.1 УК РФ в качестве условия освобождения от ответственности выдвигается требование возмещения ущерба (дохода, убытков и др.) от преступления и перечисления в федеральный бюджет двукратной суммы ущерба (дохода, убытков и др.).

В первую очередь, привлекает внимание то обстоятельство, что из 32 преступлений, поименованных в ст. 76.1 УК РФ 22 относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности. Таким образом, можно говорить, что в большей степени подобный шаг законодателя являлся посылом к отечественному бизнесу. В определенном мере это справедливо, рассматриваемые преступления зачастую находятся на стыке с гражданскими, налоговыми и иными правонарушениями других отраслей, а самому бизнесу, как и государству, выгоднее практиковать наказания «рублем».

По всей видимости, подобный подход хорошо себя зарекомендовал, т.к. в 2016 году УК РФ дополняется ст. 76.2 – возможностью освободить виновное лицо от наказания и назначить в качестве иной меры уголовно-правового характера судебный штраф при совершении впервые любого преступления небольшой и средней тяжести.

Вместе с тем, еще до появления в УК РФ судебного штрафа, в науке уже высказывались опасения по поводу подобного активного использования финансовых мер в уголовном праве. Так, М.Б. Кострова прямо признавала, что: «к настоящему времени у российского уголовного права появилась новая функция – фискальная»[1]. Несмотря на то, что критика данного автора относи-

[1] Кострова М.Б. «Фискальная» функция российского уголовного права как новое явление эпохи финансово-экономических перемен? / М.Б. Кострова // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: материалы IX Российского Конгресса уголовного права, 29-30 мая 2014 г. –М.: Юрлитинформ. – 2014. – С. 44.

лась к ст. 76.1 УК РФ, ее содержание во многом можно распространить и на ст. 76.2 УК РФ.

Позволим выразить собственное мнение по данному вопросу. Мы, также как и указанный автор (хоть и по иным основаниям), считаем подобную практику потенциально опасной. Здесь необходимо отметить, что, на наш взгляд, современному уголовному праву действительно присуща фискальная функция, но не в связи с наличием в нем штрафа как такового. Штраф, являясь финансовым инструментом, оказывает превентивное воздействие и содержит в себе некий карательный элемент. В то же время, он не парализует экономический сектор, как это могло бы быть при применении иных санкций, например, при лишении свободы или при запрете заниматься определенной деятельностью. Иными словами, «кара рублем» позволяет достигать классических целей уголовного права с применением минимально-допустимой репрессии. Однако сказанное относится лишь к наказанию в виде штрафа и не может быть применено к финансовым мерам, предусмотренным в ст. 76.1 и 76.2 УК РФ (в виде иных мер уголовно-правового характера), поскольку, на наш взгляд, они созданы для совершенно иных целей и противоречат некоторым правовым институтам, на которых уголовное право базируется.

Наказание и иная мера уголовно-правового характера должны отличаться друг от друга сущностно, а не только расположением в различных главах кодекса. Однако если мы посмотрим определение штрафа в ст. 45 УК РФ и судебного штрафа в ст. 104.4 УК РФ мы увидим, что они полностью совпадают. В обоих случаях это денежное взыскание. Единственными отличиями штрафа как наказания и как иной меры уголовно-правового характера являются его размер (не может превышать половину максимального размера штрафа как наказания в статье Особенной части УК РФ, либо 250 тысяч, если штраф как наказание отсутствует в статье Особенной части), а также отсутствие судимости при назначении судебного штрафа. Таким образом, в своей содержательной части рассматриваемые институты полностью совпадают. В связи с этим, в дальнейшем штраф как иную меру уголовно-правового характера допустимо обозначить как «наказание по существу». В итоге законодатель, как отметила Н.Е. Крылова, решил намеренно игнорировать различную правовую природу наказания и иных мер уголовно-правового характера[1].

[1] Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. / Н.Е. Крылова // Закон. – 2015. – № 8. – С. 99.

Еще во время обсуждения законопроекта, предлагающего подобные изменения, Л.В. Иногамова-Хегай, утверждала, что идея использовать меру уголовно-правового воздействия с одинаковым наименованием и содержанием в качестве двух совершенно разных мер уголовно-правового характера «десистематизирует» законодательство и внесет сложности в правоприменение.[1]

Однако закон был принят и на сегодняшний день мы имеем дело с ситуацией, когда наказание (хоть оно и названо по-другому, но является таковым по сути) назначается без привлечения виновного лица к ответственности. Как отмечал Верховный Суд РФ в п. 1 своего Постановления Пленума от 27 июня 2013 года № 19: «Освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)». Однако подобные уголовно-правовые меры, являясь «наказанием по существу» и освобождая от осуждения, не освобождают от основной составляющей – карательного воздействия. Подобная практика может открыть путь к дальнейшему попиранию основ уголовного права и уголовного процесса, к пересмотру соотношения центральных уголовно-правовых категорий: уголовной ответственности и наказания. Это обстоятельство подводит нас к следующей проблеме.

Статья 25.1 УПК РФ предусматривает, что при основаниях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ судья сначала прекращает уголовное дело и после назначает лицу судебный штраф. Таким образом «наказание по существу» назначается лицу, которое не было признано виновным. Более того, вопрос его виновности вообще не рассматривается в судебном заседании. Подобное противоречит принципу вины и справедливости. Такое положение дел В.М. Степашин небезосновательно называет «бесцеремонным внедрением в УК РФ презумпции виновности».[2] Конечно, возражение подсудимого не позволяет применить «наказание по сути», но, чтобы подсластить эту пилюлю законодатель гарантировал отсутствие судимости. Подобная страховка иной

[1] Иногамова-Хегай Л.В. Наказание физического и юридического лица как форма реализации уголовной ответственности и его назначение / Л.В. Иногамова-Хегай // Библиотека уголовного права и криминологии. –2016. – № 5. – С. 142.

[2] Степашин В.М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности. – Правоприменение. – 2017. – №1. – С. 126

раз может склонить подсудимых согласиться на такие условия без выяснения каких-либо фактических обстоятельств, особенно, если вспомнить существующую статистику обвинительных приговоров.

Возмещение ущерба как безусловное основание освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1 УК РФ), на наш взгляд, свидетельствует об определенном пренебрежении законодателя экономическими преступлениями. Предложив не применять уголовно-правовые институты к лицам, которые в трехкратном размере возместят ущерб (доход, выгоду и др.), законодатель фактически признал, что:

общественную опасность данных преступлений можно сосчитать;

лица, совершившие указанные преступления рассматриваются не как лица, нарушившие определенный запрет и разрушающие общую матрицу общественных отношений, а как должники;

при возврате и компенсации «сверх», государство теряет какой-либо уголовно-правовой интерес к указанным лицам.

Данные выводы подтверждаются и рядом других обстоятельств. В ст. 76.1 УК РФ среди субъектов получателей возмещения, граждане и организации указаны лишь при возмещении ущерба. Государство же, кроме ущерба является получателем дохода, выгоды и др. Помимо этого, государство во всех случаях дополнительно получает денежное возмещение, равное двукратной сумме ущерба (либо дохода, убытков, и др.). На каком основании потерпевшему, например, в рамках вымогательства или растраты не причитается ничего сверх того, что у него было изъято, а государство получает удвоенную сумму? Публичность данных отношений безусловна, однако такой сильный перенос центра тяжести на государственные интересы объяснить сложно.

Кроме того, подобная мера привела к тому, что государство получило возможность обращать в свой доход суммы большие, чем могли быть назначены при наказании. Так, например, рассмотрим ситуацию причинения имущественного ущерба обманом или при злоупотреблении доверием на сумму 250 тысяч рублей. В случае назначения наказания по ч.1 ст. 165 УК РФ виновное лицо может быть привлечено к обязанности уплатить штраф размером до 300 тысяч рублей. В случае же применения ст. 76.1 УК РФ виновное лицо должно в общей сложности заплатить 750 тысяч рублей (250 тыс. рублей потерпевшему, ко-

торым, опять же, может являться и государство, и двукратный размер в федеральный бюджет). В некоторых случаях у виновного элементарно может не быть в наличии 750 тысяч рублей, а для применения ст. 76.1 УК РФ он должен выплатить их до вынесения приговора судьей. Штраф как наказание, мало того, что в 2,5 раза меньше, так еще и в силу ст. 46 УК РФ может быть рассрочен на 5 лет. В итоге более обеспеченные граждане «выкупают» себя у государства в обмен на отсутствие судимости, что можно расценивать как нарушение равенства всех перед законом и судом.

Как отмечается в Постановлении, возмещение ущерба может быть произведено не только обвиняемым, но и другими лицами. В чем же тогда состоит индивидуализация и потребность виновному лицу понести какие-либо лишения за совершенные действия? По существу, в случае «выкупа», осуществленного (скорее всего, на возмездной основе) третьими лицами, можно говорить о смене лиц в обязательстве (смене кредитора), что лишний раз свидетельствует об отсутствии уголовно-правового интереса государства к виновному лицу как таковому и о желании тем или иным способом пополнить федеральный бюджет.

Включая в УК РФ рассматриваемые статьи (ст. 76 с индексом), законодатель, вероятно, рассматривал их как частные случаи примирения с потерпевшим. Из этого можно предположить, что деятельное раскаяние в подобных случаях законодателя не интересует. Так, виновное лицо может «не перестать быть общественно опасным», как это указано в ст. 75 УК РФ и вовсе не чувствовать своей вины. При этом совершать указанное деяние можно сколько угодно раз, поскольку освобождение от ответственности исключает судимость, а значит, каждое подобное деяние для целей УК РФ признается совершенным впервые. Если воспринимать государство как потерпевшего, с которым в данном случае мирится обвиняемый, то ст. 76.1 и 76.2 УК РФ прямо указали на то, что примирение возможно только деньгами. Статья 76 УК РФ при примирении и ст. 75 УК РФ при отсутствии объективной возможности совершить иные действия, признают заглаживание вреда достаточным основанием, для освобождения от уголовной ответственности. Во всех случаях лицо должно проявить положительное посткриминальное поведение в виде заглаживания вреда, только по ст. 75 УК РФ и 76 УК РФ этого может быть достаточно, а по

новым основаниям суд дополнительно наложит денежное взыскание (ст. 76.2 УК РФ), либо потребует двукратное возмещение «сверх» (ст. 76.1 УК РФ). Интересно, что ранее существующая редакция Постановления в п. 16 предусматривала запрет на применение норм ст. 75 и 76 УК РФ, в случаях частичного или полного невыполнения условий ст. 76.1 УК РФ, что делало ее специальной нормой. Данная практика перестала существовать лишь через два с половиной года, когда данный пункт был исключен, а Постановление пополнилось п. 15.1 с противоположенным содержанием. При этом на сегодняшний день для судебного штрафа подобная оговорка отсутствует. Несмотря на то, что более невыполнение условий ст. 76.1 УК РФ не блокирует применение общих оснований освобождения от ответственности, существо их соотношения осталось неизменным. Новая мера не столько делает положение обвиняемого лучше, сколько иногда дает право суду освободить от ответственности, при прочих равных, по своему усмотрению «просто так» или гарантированно, но за дополнительную плату.

Изложенные доводы подводят нас к выводу о том, что расширение круга обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности, хотя и внешне направлены на улучшение положения обвиняемого, не являются таковыми по своей сути. Отказ государства от уголовного преследования подменяется использованием репрессивных мер в упрощенном порядке, которые дублируют уголовное наказание. Помимо десистематизации уголовного законодательства, практическая целесообразность введения таких мер также в некоторой степени остается под сомнением. Анализ ст. 76.1 УК РФ показывает, что сумма возмещения может превышать возможное наказание в виде штрафа. В итоге, в преимущественном положении оказываются лица, имеющие финансовую возможность «откупиться» от ответственности, что нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом. В некоторых случаях различие между новыми и старыми основаниями освобождения от уголовной ответственности заключается лишь в праве или обязанности суда, которые определяются в итоге суммой пополнения бюджета. Все изложенное не может не натолкнуть на вывод о появлении у уголовного права новой, «фискальной» функции, направленной на пополнение бюджета государства.

УДК 343.3/.7

К.Д. ЛУСТАЧ

научный руководитель
доцент Д.А. БЕЗБОРОДОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Леса России являются одним из важнейших природных ресурсов страны. Они стабилизируют газовый состав атмосферы, водный режим, континентальный и глобальный климат, являются экономически ценным источником древесины. Нельзя обойти стороной существующую в настоящее время проблему незаконной рубки лесных насаждений, которая признана государством как комплексная, имеющая межведомственный характер. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений предусмотрена статьёй 260 Уголовного кодекса РФ, которая обладает рядом недостатков, в силу чего не в полной мере справляется с задачей уголовно-правовой охраны лесов.

Анализируя предмет преступления, предусмотренного статьёй 260 УК РФ, необходимо понимать, что его характеристика в данном случае имеет принципиальное значение для квалификации общественно опасных деяний по этой статье и их отграничения от иных составов преступлений и составов административных правонарушений.

Согласно диспозиции указанной статьи предметом преступления являются лесные насаждения и не отнесённые к лесным насаждениям деревья, кустарники и лианы. Для уяснения сущностных признаков дерева, кустарника и лианы не обойтись без специальных знаний в области дендрологии — науки, изучающей древесные и кустарниковые растения.

Так, под деревом следует понимать растение с чётко выраженным главным деревянистым стволом, функционирующим всю его жизнь, который может быть разветвлённым или неветвящимся, высотой от 2-5 до 100 и более метров и диаметром от нескольких десятков сантиметров до 10 и более метров. К деревьям относятся растения, принадлежащие следующим родам[1]: дуб, бук, вяз, берёза, ольха, рябина, яблоня и др. Продолжительность жизни дерева — от десятков до тысяч лет.

[1] Под родом здесь понимается основная надвидовая таксономическая категория (ранг) биологической систематики, объединяющая близкие по происхождению виды.

Кустарник представляет собой растение высотой от 1 до 5-6 метров с диаметром ствола от 1-2 до 5-8 сантиметров, у которого главный стебель быстро сменяется большим количеством вторичных стеблей, заменяемых, в свою очередь, порослевыми побегами следующих порядков. В отличие от деревьев длительность жизни кустарников невелика: от 10-20 до 40 лет, реже — более 40 лет. Примерами кустарников являются лещина, барбарис, сирень, можжевельник.

Лианы — это растения с гибкими неустойчивыми стеблями, которые для своего роста в высоту нуждаются в опоре (к ним относятся виноград, плющ, хмель и др. растения).

Согласно классификации советского ботаника И.Г. Серебрякова, все три указанные жизненные формы растений относятся к группе древесных. Это позволяет сделать вывод, что растения полудревесных жизненных форм — полукустарники, полукустарнички, полукустарниковые и полукустарничковые лианы — предметом рассматриваемого преступления не являются. Это предполагается вполне обоснованным ввиду повышенной значимости экологической функции, выполняемой древесными растениями; к тому же, естественное восстановление тех же кустарничков происходит быстрее, чем у деревьев, кустарников и лиан.

Таким образом, предметом преступления, предусмотренного статьёй 260 УК РФ, могут выступать деревья, кустарники и лианы, которые можно объединить понятием «древесно-кустарниковая растительность»[1].

Уголовно-правовая охрана предоставляется тем объектам древесно-кустарниковой растительности, которые обладают следующими признаками: материальным, экологическим и юридическим.

Материальный признак означает, что предметом рассматриваемого преступления могут быть деревья, кустарники и лианы, которые объективно существуют, имеют материализованное выражение.

Экологический признак означает, что объект природной среды является неотъемлемым элементом экологической системы и выполняют в этой системе экологически значимую функцию, и в результате этого имеют экологическую ценность. Лесная растительность выполняет, в частности, следующие экологически значимые функции: средозащитная; водоохранная и водорегулирующая; почвозащитная; рекреационная.

[1] Например, именно таким термином обозначен предмет незаконной рубки в ст. 277 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Указанному признаку не удовлетворяют буреломные[1] и сухостойные[2] деревья, поэтому быть предметом преступления они не могут, что и было разъяснено Верховным Судом РФ в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее — Постановление Пленума ВС РФ №21). Однако ветровальные деревья необоснованно исключаются Верховным Судом из круга предметов преступлений незаконной рубки. Они выполняют большинство вышеназванных экологических функций, а слабовыраженная способность противостоять ветровалу или её отсутствие отнюдь не означает, что растение не имеет экологической ценности. Следует также учитывать, что ветроустойчивость деревьев обусловлена не только принадлежностью к тому или иному роду, но и условиями произрастания: дренированностью почвы, уровнем грунтовых вод и т.п.

В том же пункте Постановления Пленума ВС РФ № 21 указывается, что деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения, на приусадебных земельных участках, на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства и т.п., не относятся к предмету рассматриваемого преступления. Обоснование анализируемой позиции Верховного Суда РФ можно найти в том, что при незаконной рубке деревьев, кустарников и лиан, произрастающих на вышеперечисленных зонах, на первое место выступает такой объект уголовно-правовой охраны, как собственность, что, однако, не умаляет экологической функции таких растений, ведь их экологическая ценность как объективное качество не может зависеть от правового режима земель, на которых они произрастают. Однако вывод о том, что, по сути, любые жизнеспособные деревья и кустарники выполняют экологическую функцию, не означает, что все они должны быть предметом рассматриваемого преступления. На наш взгляд, для разрешения этого противоречия экологический критерий требует конкретизации: лесные насаждения должны выполнять экологическую функцию, которая является социально значимой и способствует реализации публичного интереса в обеспечении права на благоприятную окружающую среду. В связи с этим не должны признаваться преступны-

[1] Бурелом — деревья, сломанные ветром, обычно ниже кроны.
[2] Сухостой — усохшие, стоящие на корню деревья.

ми, например, действия собственников многоквартирного дома, осуществляющих рубку деревьев на придомовой территории. В случае же, когда произрастающие на перечисленных выше территориях насаждения вырубаются лицом, не являющимся собственником или владельцем земельного участка, содеянное должно квалифицироваться как преступление против собственности. Таким образом, экологический критерий имеет двоякое содержание: ценность растений должна складывается из естественно-научного (собственно экологического) и социально-правового аспектов.

Наконец, юридический признак означает, что объекты природной среды должны находиться под правовой охраной. Для признания деяния преступлением и квалификации его по ст. 260 УК РФ необходимо установить, что рубка конкретных лесных насаждений запрещена конкретным нормативно-правовым актом. Так, в субъектах РФ принимаются законы об охране городских зелёных насаждений[1], в муниципальных образованиях — правила благоустройства. Следует отметить, что указанными актами, как правило, запрещается рубка любых лесных насаждений в пределах соответствующего территориального образования без специального разрешения, и устанавливается порядок его получения. Однако наши предыдущие рассуждения позволяют сделать вывод, что такой запрет не означает во всех случаях наличия состава незаконной рубки; необходимо всякий раз выяснять, отвечает ли предмет рубки всем трём критериям.

Диспозиция ст. 260 УК РФ обладает бланкетностью, и с учётом существенно дифференцированного режима правовой охраны лесных насаждений уголовно-правовая оценка конкретного деяния представляется довольно затруднительной. В свете этого положительным примером выступает норма ст. 340 УК Республики Казахстан, в которой, во-первых, разграничена уголовная ответственность за незаконную порубку деревьев и кустарников в зависимости от того, входят ли они в лесной фонд, во-вторых, установлен чёткий круг предметов преступления: 1) деревья и кустарники, не входящие в лесной фонд и запрещенные к порубке, кроме деревьев и кустарников на приусадебных, дачных и садовых участках; 2) лесные культуры, сеянцы и саженцы в лесных питомниках и на плантациях; 3) молодняки естественного проис-

[1] Например, Закон Санкт-Петербурга от 28.06.2010 №396-88 «О зеленых насаждениях в Санкт-Петербурге», Закон г. Москвы от 05.05.1999 №17 «О защите зеленых насаждений».

хождения, подроста, самосев на площадях, предназначенных для воспроизводства лесов и лесоразведения; 4) деревья и кустарники, входящие в лесной фонд.

Состав рассматриваемого преступления относится к составам с альтернативными действиями и предусматривает ответственность за следующие деяния: 1) незаконная рубка лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан; 2) их незаконное повреждение до степени прекращения роста.

Некоторые авторы полагают, что рубка может быть проведена также путем выкапывания или выкорчевывания деревьев и кустарников либо каким-то иным способом отделения дерева от земли[1]. Однако выкапывание и выкорчевывание деревьев и кустарников являются способами их изъятия из естественной природной среды, но не способами рубки. Поскольку не происходит отделения насаждения от корня, нет и рубки как таковой. Следовательно, перечень способов рубки является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Вместе с тем следует понимать, что выкапывание и выкорчёвывание деревьев приводят к тому же результату, что и их рубка — к гибели растения, следовательно, такие деяния также должны быть криминализированы. Так, например, в соответствии со ст. 277 УК Республики Беларусь уголовно наказуемыми являются незаконные уничтожение, удаление, изъятие или повреждение до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности.

Уголовно наказуемой является незаконная рубка и повреждение до степени прекращения роста, если эти деяния совершены в значительном размере. Примечание к ст. 260 УК РФ для определения размера ущерба отсылает нас к постановлению Правительства РФ, которыми утверждены соответствующие таксы и методики. Т.е., уголовный закон приравнивает размер преступления к ущербу, что логически противоречиво. Размер незаконной рубки — это количественный показатель преступного деяния, он характеризует масштаб самого деяния, который может исчисляться как объём вырубленной древесины или количество вырубленных деревьев. Ущерб же представляет собой денежную оценку причинённого преступлением вреда, его стоимостное выражение. Необходимо заменить термин «размер» термином «ущерб» либо, следуя пути УК Республики Беларусь, использовать словосочетание «размер ущерба».

[1] Дубовик О.Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. – М., – 1998. – С. 330.

С учётом изложенного, с целью более эффективной реализации уголовно-правовой политики предлагаем внести соответствующие изменения в УК РФ: дифференцировать уголовную ответственность за незаконную рубку в зависимости от конкретных видов лесных насаждений и режима их правовой охраны; установить уголовную ответственность за выкапывание и выкорчевывание деревьев и кустарников; вместо значительного, крупного или особо крупного размера преступления закрепить в уголовном законе последствия в виде причинения ущерба в различных размерах, а также изменить положения Постановления Пленума ВС РФ №21, исключающие ветровальные деревья из круга предметов незаконной рубки.

УДК. 343.2/.7

Р.В. МАЦКЕВИЧ

научный руководитель
доцент А.Г. АНТОНОВ

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

В данной работе хотелось бы поговорить о такой уголовно-правовой норме, как условное осуждение. Этой норме посвящена ст. 73 УК РФ, в которой говорится: «Если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным». Однако ни в указанной статье, ни в других частях уголовного закона не определено понятие условного осуждения.

Если говорить об актуальности выбранной темы, то заметим, что в последние годы в российской и мировой практике применение альтернативных мер уголовного наказания возрастает.[1] Согласно статистике судебного департамента условное осуждение было применено к 26,3% осужденных в России за первую половину 2019 года, а это более четверти всех обвинительных приговоров. Как можно видеть из представленных цифр, суды при определении наказания достаточно часто прибегают к условному

[1] Байбурин Р.И., Лифанова М.В. Правовая природа условного осуждения // Символ науки. – 2019. – №11. [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-uslovnogo-osuzhdeniya

осуждению, при этом данный правовой институт в настоящее время характеризируется неопределенностью, связанной с правовой природой исследуемого явления и его понятием.

В зависимости от того, как определена юридическая природа условного осуждения, решается ряд вопросов при назначении наказания по совокупности приговоров, при отмене условного осуждения, при включении условного осуждения в систему наказаний или отказе от этого, при определении места условного осуждения в системе Общей части УК РФ и т.п.

Теперь хотелось бы рассмотреть различные подходы к определению сущности условного осуждения, сложившиеся в юридической науке. Для этого рассмотрим ряд позиций авторов, высказавшихся по этому поводу, и проанализируем их взгляды для того, чтобы определить наиболее приемлемый.

Так, во-первых, в условном осуждении признают наказание. Д.В. Ривман утверждал, что условное осуждение по своей правовой сути есть собой особый вид уголовного наказания, для которого свойственны все отличительные черты наказания.[1] Данная точка зрения является достаточно популярной и среди других авторов. Понятие условного осуждения рассматривает, как вид уголовного наказания в своей работе Эрхитуева Т. И. Так она вводит понятие «случайного преступника», для которого страх исполнения в отношении его определенного судом наказания может оказать большее эмоциональное воздействие и способствовать его исправлению, чем реальное исполнение наказания. Уголовное осуждение, по ее мнению, будет являться наиболее приемлемым видом наказания, чем реальное исполнение наказания.[2]

А. Н. Тарасов предлагает рассматривать условное осуждение, как «комбинированное» наказание. По его мнению, это «форма уголовного наказания, предусматривающая условное отбывание основного наказания в случаях возможного законного поведения осужденного, свидетельствующего о его исправлении, и приводящая к отмене условного осуждения по мотивам исправления осужденного и снятия судимости».[3]

---

[1] Ривман В. Д. О юридической природе условного осуждения и участия общественности в перевоспитании условно осужденных // Вестнки ЛГУ. – 1965. –№ 23. –С. 144.

[2] Эрхитуева Т. И. Значение условного осуждения и условно-досрочного освобождения для достижения целей наказания // Человек: преступление и наказание. –2018. – № 1. – С. 57–63.

[3] Тарасов А. Н. Условное осуждение по законодательству России: вопросы теории и практики: Дис. … канд. юрид. наук. – Казань, – 2003. – С. 6

Данные точки зрения объединены взглядом на условное осуждение, как на наказание. Не можем согласиться с этими суждениями по ряду причин. Начнем с того, что в ст. 44 УК РФ, перечисляющей исчерпывающий перечень видов уголовного наказания, условное осуждение не предусмотрено. Аргумент легко устраняется путем включения условного осуждения в содержание статьи. Далее заметим, что условным постановляется не само осуждение, а уже назначенное при осуждении наказание. Наложение на наказание другого «наказания» — условного осуждения — или дополнение первых вторым противоречит принципу справедливости, закрепленному в УК РФ. И последнее по этому вопросу. При назначении наказания по совокупности приговоров ст. 70 УК РФ в случае совершения нового преступления в течение испытательного срока ч. 5 ст. 74 УК РФ окончательное наказание определяется не путем присоединения «неотбытой части» условного осуждения к наказанию, а путем присоединения срока наказания, назначенного условно.

В подтверждение своей позиции обратимся к Вахненко А.А., который стоит на том, что условное осуждение нельзя считать видом наказания. По его мнению, формулировки судов, из смысла которых следует обратное, необходимо считать неверными. В пример позиции автора можно привести Апелляционное постановление № 22-1557/2016 от 15 июля 2016 г. по делу № 22-1557/2016, в котором сказано: «назначенное осужденному Грызунову А.Д. наказание с применением ст. 73 УК РФ считать несправедливым, вследствие его чрезмерной мягкости». Вахненко А.А. считает, такие формулировки судов некорректны и должны быть заменены: «вследствие мягкости назначенной меры уголовно-правовой ответственности».[1]

Теперь обратимся к авторам Б. З. Маликову и Н. С. Малолеткиной, которые называют условное осуждение самостоятельной «формой реализации уголовной ответственности».[2] Основной формой реализации уголовной ответственности является наказание. При условном осуждении наказание избирается обязательно, но его исполнение допустимо только частично — в части дополнительного наказания ч. 4 ст. 73 УК РФ. Невыполнение условно

[1] Вахненко А. А. Правовая природа условного осуждения: вопросы теории и практики // Развитие общественных наук российскими студентами. – 2017. – №5. [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-uslovnogo-osuzhdeniya-voprosy-teorii-i-praktiki

[2] Маликов Б. З., Малолеткина Н. С. Условное осуждение – форма реализации уголовной ответственности: проблемы сущности и исполнения: монография. – Уфа. –2012. – С. 4, 22.

осужденным возложенных на него обязанностей влечет применение назначенного по приговору суда наказания в полной мере ч. 5 ст. 73 УК РФ. Вне данных обстоятельств условное осуждение немыслимо, следовательно, не может рассматриваться в рамках уголовно-правовых отношений самостоятельно. Условного осуждения в прямом значении этого выражения не существует. Осуждение реально: выносится обвинительный приговор, назначается наказание, возникает судимость. Условным считается наказание, на что указывается в резолютивной части приговора.

В соответствии с другой позицией, в условном осуждении признают отсрочку исполнения приговора. Невозможно поддержать данную точку зрения, поскольку отсрочка подразумевает перерыв в реализации, возможность выполнения в более поздний срок. При условном осуждении наказание не переносится и не откладывается в исполнении; оно автоматически аннулируется вместе со всеми уголовно-правовыми последствиями совершенного преступления п. «а» ч. 3, ч. 6 ст. 86 УК РФ.

Ко всему прочему существует точка зрения, согласно которой в условном осуждении признают особый порядок назначения наказания, применения наказания, исполнения наказания, реализации назначенного наказания. К авторам, придерживающимся таких взглядов, относится Дядькин Д.С., он в своей работе говорит об условном осуждении, как об особом порядке назначения наказания.[1] Представляется, что и этот взгляд на вопрос не является верным. Назначая условное осуждение, суд выносит приговор в обычном порядке, в соответствии с требованиями ст. ст. 60–72 УК РФ. Отсутствуют изъятия из общих правил и применительно к применению, исполнению, реализации наказания, поскольку основное наказание фактически отсутствует, осужденным не отбывается, а дополнительное наказание, если назначено, отбывается по тем же правилам, что и для иных категорий осужденных.

Как мы видим, взгляд на условное осуждение разнится от автора к автору, выбранная тема является действительно очень объемной и в тоже время спорной. Помимо уже рассмотренных взглядов, существуют и другие подходы к определению условного осуждения, которые не будут рассмотрены в настоящей статье. Вот их примеры: условное осуждение, как система испытания, неприменение наказания под условием, особое средство воспитательного характера, условное освобождение осужденного от уго-

[1] Дядькин Д. С. Теоретические основы назначения уголовного наказания. – СПб.: Юридический центр Пресс. –2006. –С. 386

ловного наказания или реального отбывания наказания. По нашему мнению, все эти воззрения не раскрывают истинную правовую природу условного осуждения.

В конце работы хотелось бы обратиться к авторам, чья точка зрения наиболее соответствует созданной законодателем юридической конструкции под названием условное осуждение. Как мы уже выяснили, нельзя понимать данный институт дословно. Необходимо дать его понятие исходя из его механизма осуществления и тех задач, которые перед ним поставлены. Поэтому здесь отметим предложение Кадникова Н. Г., считающего, что ст. 73 УК РФ более правильно было бы озаглавить как «Условное неприменение наказания» по примеру Модельного УК стран СНГ.[1] Считаем, что предложенная формулировка является наиболее верной. Переименование статьи позволило устранить неточность в формулировке, созданную законодателем.

Подводя итог, хотелось бы обратиться к понятию условного осуждения, данному Бурановым Г. К. и Будылиным Н. С. Они считают правильным определять условное осуждение следующим образом: это вид освобождения осужденного от отбывания основного наказания под условием выполнения им возложенных обязанностей в течение установленного срока.[2] Представленная позиция авторов видится наиболее правильной, т.к. она раскрывает особенности условного осуждения в том виде, в котором они описаны в УК РФ.

УДК 343.2/.7

В.И. НИКОЛОВА

научный руководитель
доцент Д.А. БЕЗБОРОДОВ

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ УЩЕРБ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Глава 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит в себе нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступлений против собственно-

[1] Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография. – М.: ЮИ МВД РФ. – 2000. –С. 133

[2] Буранов Г. К., Будылин Н. С. Понятие и социально-правовая природа условного осуждения // Актуальные вопросы юридических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. – Чита: Издательство Молодой ученый. – 2018. – С. 44 [Электронный ресурс] URL https://moluch.ru/conf/law/archive/284/14055/

сти, в том числе повлекших за собой значительный ущерб потерпевшему. Указанное последствие закреплено законодателем в качестве признака как основных, так и квалифицирующих составов преступлений. В других признаках, позволяющих разграничить мелкое хищение, простое хищение, хищение в крупном и особо крупном размерах, установлена фиксированная минимальная и максимальная границы стоимости предмета посягательства, необходимые для наступления уголовной ответственности по соответствующей части статьи. В отличие от них, значительный ущерб – это оценочное понятие в силу того, что он не выражен в денежной стоимости и определяется в каждом конкретном случае индивидуально с учётом обстоятельств дела.

Причинить значительный ущерб вследствие преступного посягательства возможно как физическим, так и юридическим лицам. Только гражданам значительный ущерб причиняется при совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 2 ст. 159 УК РФ, ч. 2 ст. 159.3 УК РФ, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ, ч. 2 ст. 159.6 УК РФ, ч. 2 ст. 160 УК РФ. Причинить значительный ущерб и физическим, и юридическим лицам возможно в рамках ч. 5 ст. 159 УК РФ и ст. 167 УК РФ.

В примечании 2 ст. 158 УК РФ указано, что для граждан наличие значительного ущерба во всех статьях главы 21, кроме ч. 5 ст. 159 УК РФ, определяется с учётом их имущественного положения, но не может быть менее 5000 рублей. Кроме того, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в п. 24, от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в п. 31 и от 05.06.2002 № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» в п.6 разъясняют, что помимо имущественного положения потерпевшего должны учитываться стоимость имущества и стоимость его восстановления, если речь идёт о ст. 167 УК РФ, род деятельности потерпевшего, наличие у него источника дохода (размер заработной платы, пенсии и др.), наличие иждивенцев, совокупный доход членов его семьи, с которыми он ведёт совместное хозяйство, значимость имущества для потерпевшего, мнение потерпевшего с учётом всех описанных обстоятельств. Для юридических лиц значительный ущерб рассчитывается с учётом их финансово-экономического состояния.

Значительным ущербом в ч. 5 ст. 159 УК РФ в соответствии с примечанием 1 ст. 159 и п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» признаётся ущерб, причинённый гражданину – индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу – коммерческой организации, в размере не менее 10 тысячи рублей, который исчисляется из стоимости похищенного имущества на момент совершения преступления без учёта имущественного положения потерпевшего.

Несмотря на наличие вышеуказанных разъяснений касаемо определения значительности ущерба, судебная практика остается достаточно противоречивой. К примеру, одни суды при определении значительного ущерба из всей совокупности обстоятельств учитывают только стоимость имущества и размер дохода потерпевшего[1], другие - только стоимость имущества[2], третьи исходят из стоимости имущества, размера заработной платы и имеющихся у потерпевшего расходов[3].

Отсутствие единообразного применения норм о значительном ущербе правоприменителем объясняется неоднозначностью формулировок, используемых законодателем, в частности, имущественное положение, значимость имущества для потерпевшего, финансово-экономическое состояние. Следовательно, судам предоставлена возможность вольно интерпретировать закон, что негативно сказывается на практике, а кроме того, нарушает принцип единообразного применения законодательства и даже является коррупциогенным фактором.

Под ущербом в уголовном праве, с учётом гражданского законодательства, понимается учёт стоимости утраченного имущества или затрат, необходимых для его восстановления и имущественного положения потерпевшего. Принимая во внимание понятие ущерба и примечание 1 к ст. 159 УК РФ, следует согласиться с мнением, что в ч. 5 ст. 159 УК РФ «значительный ущерб» надле-

[1] Приговор Центрального районного суда г. Волгограда от 07.09.2017 г. по делу 1-306/2017 [Электронный ресурс] // Судебная практика «sud-praktika.ru»: сайт. – URL: http://sud-praktika.ru/ (дата обращения: 20.03.2020.

[2] Приговор Центрального районного суда г. Кемерово от 14.06.2017 г. по делу № 1-101/2017 [Электронный ресурс] // Судебная практика «sud-praktika.ru»: сайт. – URL: http://sud-praktika.ru/ (дата обращения: 20.03.2020).

[3] Приговор Центрального районного суда г. Кемерово от 15.12.2017 г. по делу № 1-739/2017 [Электронный ресурс] // Судебная практика «sud-praktika.ru»: сайт. – URL: http://sud-praktika.ru/ (дата обращения: 20.03.2020).

жит заменить на «значительный размер», потому что «ущерб» и «размер» - не одно и то же, потому как «размер» всегда формально определён в законе[1].

Рассуждая об определении значительного ущерба гражданину, представляется правильным мнение, что Верховный Суд РФ расширил перечень самостоятельных обстоятельств, свидетельствующих о значительности ущерба, являющихся на самом деле показателями имущественного положения гражданина. Имущественное положение гражданина должно оцениваться в зависимости от дохода потерпевшего и членов его семьи, наличия иждивенцев и их количества, размера расходов[2], принимая во внимания минимальный размер оплаты труда и прожиточный минимум в зависимости от того, к какой категории относятся потерпевший и его члены семьи[3].

Так, возникает закономерный вопрос: должна ли учитываться недвижимость, имеющуюся у потерпевшего и его членов семьи, при определении значительного ущерба? Резюмируя уже сказанное, главное при оценке имущественного положения гражданина – имущество. В гражданском праве имущество делится на движимое (деньги, ценные бумаги) и недвижимое (недвижимость). В разъяснениях Верховного Суда РФ и научной литературе упоминается только движимое имущество, что кажется существенным упущением, поскольку недвижимое имущество, как и движимое, определяет имущественное положение потерпевшего. Например, когда у потерпевшего с заработной платой 15000 рублей украли 10000 рублей, но при этом у него имеются в собственности три квартиры в центре города. В такой ситуации значительный ущерб потерпевшему причинён не был.

Ещё одна категория, наряду с имущественным положением, необходимая для определения значительности ущерба – значимость имущества для потерпевшего, предполагает установление степени нуждаемости в утраченном имуществе[4].

---

[1] Боровков А. А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. ч. 5-7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : дис. … канд. юрид. наук. – Красноярск. – 2018. – С. 116.

[2] Ермакова О. В. Значительный ущерб гражданину как преступное последствие кражи: проблемы правоприменительной практики // Уголовная юстиция. –2019. – № 14. – С. 12.

[3] Кочои С. М. Хищение чужого имущества: значение категорий «размер» и «ущерб» // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. –№ 3 (39). – С. 90.

[4] Бойцов А. И. Преступления против собственности. – СПб. : Юридический центр Пресс. – С. 505.

Как было упомянуто ранее, для юридических лиц значительность ущерба рассчитывается с учётом его финансово-экономического состояния, однако, такая формулировка является общей, поэтому ущерб для юридического лица стоит считать значительным в случае, если оно не сможет осуществлять свою деятельность на прежнем уровне, то есть производить продукцию в прежнем объёме, содержать прежнее количество работников и выплачивать им прежнее вознаграждение за труд, в прежнем режиме использовать оборудование[1].

Исходя из вышеизложенного, законодателю целесообразно отказаться от признака значительного ущерба по следующим основаниям:

1. Согласно ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации государством признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Вместе с тем, глава 21 «Преступления против собственности» УК РФ в основном признаёт причинение значительного ущерба только частной собственности, что может расцениваться как дискриминация.

2. Законодатель противопоставил имущественное положение потерпевшего минимально возможной сумме значительного ущерба, что является достаточно спорным, так как в нашей стране имеется имущественное расслоение[2]. Так, если одному гражданину, зарабатывающему 80000 рублей, причинён ущерб в размере 5000, а другому причинён ущерб на сумму 4000, но его доход составляет всего 7000 рублей, то для первого гражданина значительного ущерба не будет, а причинение значительного ущерба второму гражданину очевидно, но он не будет признан таковым.

3. Лицо, совершая преступление против собственности, вряд ли всегда располагает данными о материальном положении или финансово-экономическом состоянии потерпевшего, чтобы предвидеть, что своим деянием причинит ему значительный ущерб, а ведь в умышленных преступлениях умыслом виновного должны отхватываться все вменяемые ему основные и квалифицирующие признаки[3]. Для избежание объективного вменения необходимо

---

[1] Горлач М. Ю. Определение значительности ущерба, причинённого собственнику // Следователь. – 2002. – № 8. –С. 2.

[2] Амиянц К. А. Проблема установления оценочных последствий при квалификации преступлений в сфере экономики // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. –2014. –С. 2.

[3] Бойцов А. И. Указ. соч. С. 504.

заменить признак «значительного ущерба» на «значительный размер» в точно фиксируемой сумме[1].

4. Вопросы, касающиеся наличия ущерба (сверх стоимости имущества) должны разрешаться в соответствии со ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации путём подачи потерпевшим гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства, а также отдельно по правилам гражданского судопроизводства.

УДК 343

А.В. РАВИНСКАЯ

научный руководитель
доцент Д.В. КАРЕЛИН

ТОРГОВЛЯ ДЕТЬМИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

На сегодняшний день торговля детьми приобрела характер высокоприбыльной транснациональной формы криминала.

Данный феномен является относительно «молодым» и малоизученным, из чего следует ряд проблем: от отсутствия полной достоверной статистической базы, повышенного уровня латентности торговли детьми до пробелов в отечественном законодательстве таких, как: упразднение ст. 152 УК РФ (сейчас п. «б» ч. 2 ст. 127.1), которое, по сути, привело к частичной декриминализации общественно-опасных посягательств на несовершеннолетних, в том числе изменив в ст. 127.1 диспозицию, предусматривающую уголовную ответственность только при наличии цели купли-продажи и иных сделок; несовершенство отечественного законодательства в сфере усыновления и др.

Так, исследование состояния, уровня, динамики и факторов данной преступности может способствовать выработки мер предупреждения таких преступлений, что послужит поводом для совершенствования нашего уголовного законодательства.

К сожалению, официальные статистические показатели состояния, структуры и динамики не полностью отражают фактическое положение данного вида преступлений.

[1] Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. –М. : ЛексЭст. – 2005. – С. 334.

Таким образом, сводные статистические данные судебной статистики о количестве осужденных в Российской Федерации по статьей 127.1 УК РФ, можно сказать, вообще не отражают реальной картины относительно торговли людьми (количество несовершеннолетних из них неизвестно): в 2015 году всего 39 человек (из них 2 по ч.1, 31 – ч.2, 6 – ч.3); в 2016 году всего 24 человека (из них 0 по ч.1, 23 – ч.2, 1 – ч.3); в 2017 году всего 26 человек (из них 0 по ч.1, 12 – ч.2, 14 – ч.3); в 2018 году всего 18 человек (из них 2 по ч.1, 16– ч.2, 0 – ч.3); в 2019 году 13 человек (из них 0 по ч.1, 11 – ч.2, 2 – ч.3)[1].

Однако, согласно данным Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), более 1 миллиона 200 тысяч несовершеннолетних ежегодно становятся жертвами торговли детьми[2], когда такой вид криминальной деятельности приносит транснациональным синдикатам порядка 10 миллиардов долларов прибыли[3].

Из чего следует вывод, что, к сожалению, данный вид преступности имеет высокую латентность, которая зависит от ряда факторов и условий.

Во-первых, часто торговлю людьми, а в частности и детьми осуществляют преступные группы, обладающие высокой степенью организованности и криминального профессионализма. Такие группы обладают различными средствами технологий и коммуникаций, системами защиты от обнаружения и разоблачения, привлечения виновных к установленной законом ответственности; высоким уровнем сокрытия и маскировки преступлений.

Осенью 2019 года полиция Греции в результате крупномасштабной операции обезвредила банду, занимавшуюся с 2016 года незаконной передачей детей на усыновление, торговлей яйцеклетками и вербовкой суррогатных матерей. Было арестовано 12 человек, возбуждены уголовные дела в отношении причастных 66 человек (в том числе юрист, акушер-гинеколог, а также сотрудники частных клиник медицины вспомогательной репродукции). В частности, было зарегистрировано 22 случая незаконной передачи приемных детей, а также 24 случая донорства яйцеклеток.

---

[1] Данные судебной статистики / Сводные статистические сведения о состоянии судимости за 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 годы/ Форма№10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ» [Электронный ресурс] – URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 16.04.2020).

[2] Торговля людьми: тяжелые факты. [Электронный ресурс] – URL: http://www.unodc.org/documents/blueheart/factsheet_russian.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

[3] Онхонова О. А. Торговля несовершеннолетними // Молодой ученый. – 2016. –№ 20. – С. 547.

Во-вторых, торговля людьми нередко «крышуется» коррумпированными чиновниками (особенно в сфере усыновления и удочерения) и маскируется под деятельность различных международных агентств по трудоустройству, посреднических организаций, спортивных детских школ и так далее.

Например, 27 февраля 2019 года опубликован доклад Специального докладчика по вопросу торговли детьми и их сексуальной эксплуатации о том, что в ООН обеспокоены эксплуатацией детей в спорте. Так, в 2018 году в Аргентине была раскрыта группа педофилов, виновных посягательствах в отношении десятков подростков из футбольных клубов[1].

В-третьих, несовершеннолетние являются наиболее уязвимой группой населения и обладают повышенной виктимностью. Они наиболее доверчивы, наивны, поэтому нередко они не просто не заявляют на своего «обидчика», а, наоборот, защищают его.

Так, живя на улице, 12-летняя Катя познакомилась с 20-летним парнем. Он пообещал помочь ей и пригласил жить с ним в другом городе. Катя подумала, что он сможет о ней позаботиться и что хоть кому-то небезразлична. Поначалу парень хорошо относился к Кате, но вскоре стал говорить, что им нужны деньги, и она должна помочь ему их заработать, постепенно убедив девушку спать с другими мужчинами[2].

В-четвертых, возможности увеличения количества фактов торговли людьми, совершаемой в отношении заведомо несовершеннолетних, а впоследствии и использования их труда, нередко связаны с категорией дел о безвестном исчезновении несовершеннолетних.

Как отмечают Л.И. Беляева и Н.Г. Кулакова, своеобразную «группу риска» составляют дети-воспитанники школ-интернатов и детских домов, которые дети самовольно покидают по причине жестокого обращения с ними, унижения со стороны педагогов и так далее. Дети, лишенные родительского попечения, наиболее склонны к бродяжничеству, в большей степени подвержены опасности стать жертвами насилия и преступлений или быть вовлеченными в преступную деятельность[3].

---

[1] Торговля детьми и сексуальная эксплуатация проникли в спорт [Электронный ресурс] URL: http://www.unic.ru/event/2019-02-27/v-oon/torgovlya-detmi-i-seksualnaya-ekspluatatsiya-pronikli-v-sport (дата обращения: 16.04.2020).

[2] Пока есть спрос: как продают и покупают детей в России. [Электронный ресурс] – URL: https://paperpaper.ru/det/ (дата обращения: 16.04.2020).

[3] Беляева Л.И. Торговля несовершеннолетними и меры борьбы с ней // Л.И. Беляева, Н.Г. Кулакова. – Москва. –2003. –С. 95.

В 2016 году в Петербурге был арестован 55-летний бизнесмен, которого в дальнейшем обвинили в организации гарема из шестерых мальчиков от 8 до 15 лет. Дети в свою очередь были взяты под опеку из детских домов Петербурга и других регионов. По данным следствия, мальчики ходили по особняку голыми и спали с опекуном в одной кровати. Также в деле упоминались систематические побои за «провинности». Однако по заключению психологов, дети любят мужчину, но «их представления о семейной жизни видоизменены». В содеянном мужчина признался не сразу, однако будучи в СИЗО написал явку с повинной и более того – пообещал рассказать следователям о коррумпированных чиновниках, без помощи которых он не смог бы получить опеку над шестью мальчиками[1].

В-пятых, данная ситуация усугубляется высоким уровнем незаконной миграции, в ходе которой осуществляется «купля-продажа» людей, в том числе детей, а также еще большим уровнем законной миграции, в результате чего мигранты, как правило, стран СНГ продают своих детей либо являются соучастниками похищения и продаже российских детей.

Осенью 2019 года в Санкт-Петербурге гражданка Узбекистана продала своего пятидневного сына, жизнь которого оценила в 280 тысяч рублей, сотруднику полиции, представившемуся покупателем[2].

Таким образом, неизвестная часть преступных деяний, связанных с торговлей детьми может быть отнесена к тому или иному виду латентной преступности: естественной, искусственной или пограничной.

Необходимым условием возникновения торговли детьми являлось, с одной стороны, – криминальный спрос на девочек и мальчиков, что объясняется высокой степенью прибыльности и «безопасности» данного вида деятельности, с другой – ответное предложение.

Объективных условий для торговли людьми в нашей стране много: фактически открытость границ Российской Федерации со странами СНГ; рост миграционных потоков как между

[1] Пока есть спрос: как продают и покупают детей в России. [Электронный ресурс] – URL: https://paperpaper.ru/det/ (дата обращения: 16.04.2020).

[2] В Санкт-Петербурге 27-летняя гражданка Узбекистана пыталась продать своего новорожденного сына за 280 тысяч рублей [Электронный ресурс]. – URL: https://tj.sputniknews.ru/asia/20181116/1027443846/saint-petersburg-uzbekistan-sud-grazhdanka-prodazha-rebenok.html

государствами, так и внутри государства; глобализация организованной преступности, расширение возможностей криминальных групп в организации устойчивых каналов поставки «живого товара».

Так, еще в 90-ых годах XX века созрели все условия для зарождения в России торговли людьми, которая прежде всего обусловлена разницей в социальном положении различных слоев населения и в уровне доходов между различными регионами, а также глубоким реформированием социальных структур, связанным с резким снижением объема социальных гарантий, появлением безработицы. Люди были вынуждены покидать постоянное место жительства, выезжать за пределы своего региона или страны в целях заработка. Одновременно с этим в процветающих государствах вырос спрос на «живой товар», секс-индустрия превратилась в прибыльный бизнес и породила устойчивый спрос на рабов, в том числе несовершеннолетних. Кроме того, в систему причин и условий продажи детей в России следует включать резкое снижение уровня жизни и маргинализацию населения: одинокие матери, высокий уровень семей мигрантов из стран СНГ; лица, страдающие нарко- и алкогольной зависимостью; не имеющие постоянного места жительства или источника дохода. Бесспорно, что кризис института семьи, распространение домашнего насилия, семейного неблагополучия, бедность, в силу которой невозможно обеспечить ни себя, ни детей тем более, являются ключевыми причинами становления и роста торговли людьми, а также уязвимости больших групп населения перед лицом разных форм криминальной эксплуатации.

Так, условия и причины преступности оказывают определяющее воздействие на принятие решения о совершении деяния, а также формирование мотива и цели.

Основными целями торговли в свою очередь выступают:

торговля детьми для получения коммерческой сексуальной эксплуатации (в сфере развлечений и предоставления сексуальных услуг; в предоставлении сексуальных услуг в местах расположения войск; в организации секс-туризма; в производстве порнографии

торговля детьми в целях эксплуатации рабского труда.

торговля детьми в целях попрошайничества или карманного воровства. в том числе практикуется «аренда» детей у родителей-алкоголиков, -наркоманов.

торговля детьми, особенно новорожденными с целью незаконного усыновления или удочерения.

торговля детьми в целях трансплантации тканей органов. в том числе практикуется донорство женских яйцеклеток.

торговля несовершеннолетними девочками в целях принудительного замужества (для использования в домашнем хозяйстве, для вынашивания и рождения детей).

торговля преимущественно несовершеннолетними мальчиками в целях использования в вооруженных формированиях, в том числе террористических группах.

Следовательно мотив таких преступлений прежде всего корыстный, иногда желание избавиться от ребенка или улучшить условия для проживания ребенка в обеспеченной семье, а вместе с тем и свои за счет избавления от такой «обузы» и получения денег за это.

Механизм преступления состоит в следующем: заставить несовершеннолетнего добровольно совершать действия сексуального характера, позировать для порнографических съемок, преступники побуждают его к употреблению алкогольных напитков, наркотиков, психотропных препаратов. Одурманивающий эффект значительно меняет психическое состояние ребенка, нарушая его способность к контролю над поведением и осознанию происходящего. Для заманивания же используют следующие способы: пользуются доверчивостью и забирают ребенка прямо из учреждения образования; заманивают в машину, предлагая какую-то ценную вещь взамен; используют сверстников или детей постарше для вербовки; похищают в темное время суток и др.

Таким образом, исследование даже такой краткой криминологической характеристики торговли детьми, дает возможность выработки мер по предупреждению таких преступлений, что служит базой для нахождения путей совершенствования российского законодательства в сфере усыновления, а также криминализации посреднической деятельности по усыновлению; криминализации торговли детьми в самостоятельной норме УК РФ, диспозиция которой будет предусматривать уголовную ответственность вне зависимости от цели совершения купли-продажи и иных сделок, поместив ее в гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

УДК 343.2/.7

И.В. РУМЯНЦЕВА

научный руководитель
доцент А.В. ЗАРУБИН

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ, ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Согласно утвержденной Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года основной проблемой государственной культурной политики является сохранение археологического наследия, в том числе его защита от грабительских раскопок[1].

В настоящее время многие страны страдают от незаконных раскопок. Общественный резонанс вызвал случай разрушения храмового комплекса Айн-Дара в Сирии вследствие незаконных раскопок, проводимых турецкими оккупантами с использованием бульдозеров. Директор Главного управления музеев Сирии Махмуд Хаммуд говорит о том, что древние артефакты, находящиеся в пределах данного важнейшего археологического объекта классической эпохи, были вывезены за границу[2]. В результате оказались утраченными множество огромных базальтовых скульптур, разрушены важнейшие скульптуры комплекса, что не поддается оценке.

Действительно, незаконное проведение археологических раскопок может привести к потере национального достояния страны и невозможности точно установить принадлежность археологического предмета к определенной эпохе.

Именно поэтому ст. 243.2 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания, придает ценность не самому археологическому предмету, а культурному слою (среде), в которой он был обнаружен.

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 №326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. –Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Комплекс Айн-Дара в провинции Алеппо турецкие наемники подвергли огромным разрушениям [Электронный ресурс] // SANA: [сайт]. [2019]. –URL: https://www.sana.sy/ru/?p=214975

Вместе с тем, несмотря на определенные особенности диспозиции статьи, возникают проблемы определения принадлежности археологического предмета, а также разграничения совершенного преступления с хищением предметов, имеющих особую ценность. Здесь сразу же следует оговориться, что археологические предметы, рассматриваемые в рамках данной статьи, могут быть как культурными ценностями, так и предметами, имеющими особую ценность.

Во-первых, возникает конкуренция ст. 164 УК РФ и ст. 243.2 УК РФ ввиду того, что под «изъятием» в ст. 243.2 УК РФ понимаются действия незаконные, схожие с хищением.

Клебанов Л.Р. указывает, что незаконные археологические раскопки, направленные на поиск, завладение такими ценностями, или увенчавшиеся таким завладением, должны квалифицироваться как хищение культурных ценностей (при установлении всех признаков хищения)[1]. Однако так можно было квалифицировать до введения в действие ст. 243.2 УК РФ.

На наш взгляд было бы логичным предусмотреть ответственность только за незаконный поиск, повлекший повреждение культурного слоя. Соответственно в случае изменения диспозиции статьи квалифицировать по совокупности ст. 243.2 УК РФ и статей Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за хищения.

На необходимость квалификации деяния как хищения также указывает Кондрашова Т.В.[2], обращая внимание на несостоятельность ст. 243.2 УК РФ.

Также открытым остается вопрос в случае хищения археологического предмета, имеющего особую ценность, повлекшее повреждение культурного слоя, т.к. п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ предусматривает при совершении хищения уничтожение, порчу или разрушение именно предметов, имеющих особую ценность, а не самого культурного слоя.

Во-вторых, с введением ст. 243.3 УК РФ появилась проблема разграничения хищения предметов, имеющих особую ценность и уклонения от обязательной передачи таких предметов и культурных ценностей.

---

[1] Клебанов Л.Р. Преступления против археологического наследия: понятие, признаки, виды, особенности квалификации (окончание) // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. –2013. –№4. –С. 35.

[2] Кондрашова Т.В. Культурные ценности под защитой российского уголовного права // Российский юридический журнал. – 2016. – № 5.

Согласно ч. 3 ст. 49 Федерального закона от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности. По смыслу данной нормы такие предметы автоматически становятся государственной собственностью, если не найдены на частной территории или территории муниципального образования.

Однако определенные противоречия вызывает норма Федерального закона от 26.05.1996 №54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», которая предопределила проблему принадлежности культурных ценностей. По смыслу ст. 14 данного закона найденные археологические предметы принадлежат тому уровню (федеральному, уровню субъектов), в Музейный фонд которого они были переданы.

В связи с этим Воробьева С.Л. отмечает, что отнесение предметов археологии, происходящих с объекта археологического наследия, к не федеральной форме собственности, противоречит нормам права[1]. Вместе с тем все археологические предметы, полученные в ходе археологических раскопок в любых местах, являются федеральной собственностью[2].

Помимо этого, еще большая проблема возникает на транснациональном уровне. Сложно себе представить, сколько археологических предметов, принадлежащих одной стране, находятся вне пределов своей родины. Так, вопрос права собственности на сокровища, находящиеся на затонувшем в 1771 г. судне «Фрау Мария» не решен до сих пор. Одновременно четыре страны претендуют на эти ценности (Россия, т.к. ценности были оплачены российской стороной; Швеция, т.к. судно на тот момент затонуло в ее водах; Финляндия, т.к. судно найдено в территориальных водах страны; Голландия, т.к. судно шло под голландским флагом)[3].

Подобных ситуаций великое множество. На данный момент такая проблема трудноразрешима и международное законодательство не дает четкого и полного ответа на все возникающие

[1] Воробьева С.Л. Комплектование, учет, хранение и научное описание археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и практический опыт. Научно-методическое пособие. – Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан. – 2019. –С. 22

[2] Там же.

[3] Коваль В.Н., Стаценко О.С. Подводное культурное наследие: вопросы правового обеспечения [Электронный ресурс] // Юрист. –2016. – № 14. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вопросы, а национальное законодательства стран по-разному подходит к охране объектов культурного наследия.

В связи с этим в научной литературе предпринимаются попытки решить этот вопрос. В частности, указывается на необходимость в первую очередь модернизировать национальное законодательство[1].

В случае обнаружения археологических предметов гражданином либо лицом в круг трудовых и служебных обязанностей которых входило проведение раскопок и поиска археологических предметов, такие предметы подлежат передаче в собственность лица, которому принадлежит имущество, где они были сокрыты. В ч. 2 ст. 13 Модельного закона стран СНГ четко установлена обязанность по передаче археологических предметов после их изучения государству[2].

Российское законодательство уточняет данную обязанность, предписывая исполнителям археологических полевых работ в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) передать в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, в государственную часть Музейного фонда РФ (п. 13 ст. 45.1)[3]. Помимо этого, порядок передачи регламентирован и другими правовыми актами[4].

Однако исполнение такой профессиональной обязанности затруднительна, т.к. также отсутствует четко регламентированная процедура передачи, что в итоге приводит к их хищению.

При уклонении лицо правомерно использует чужое имущество и предоставляемые ему услуги[5], т.е. в данном случае на основании разрешения (открытого листа). Правомерность является одним из самых главных критериев отграничения от хищения. Однако,

---

[1] Там же.

[2] Постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 29 ноября 2013 г. №39-16 «О новой редакции модельного закона «Об охране археологического наследия». [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Кодекс».

[3] Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 27.11.2015 №2877 «О порядке передачи государству археологических предметов, обнаруженных физическими и (или) юридическими лицами в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в ст. 30 Федерального закона от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» работ по использованию лесов и иных работ».

[5] Мороз Д.Г. Причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь): механизм и формы совершения деяния // Право.BY. –2016. –№ 3 (41). –С. 91.

когда у лица заканчивается обязанность по передаче найденных предметов и следует говорить о хищении имущества? В течение срока, отведенного на передачу археологических предметов, нельзя говорить об уклонении, т.к. у лица есть время для исполнения своей обязанности. Если же срок истекает, то и обязанность лица считается неисполненной.

Ввиду отсутствия практики по ст. 243.3 УК РФ невозможно судить о позиции судов по данному вопросу. Однако считаем, что в большинстве случаев следует говорить о хищении, т.к. предположить случаи, когда лицо изымает археологические предметы, не имея целью обратить данное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, невозможно.

Вместе с тем должен существовать четкий срок, который будет свидетельствовать об уклонении от исполнения обязанности. По истечении же данного срока следует привлекать лицо за хищение.

Значительно проще обстоит дело, когда лицо изначально не имело намерения отдавать археологические предметы. Здесь следует обратиться к ранее действующему постановлению Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» от 11 июля 1972 г. № 4, в котором указывалось, что невозвращение государственного или общественного имущества должно влечь уголовную ответственность за мошенничество в тех случаях, когда виновный имел намерение путем обмана и злоупотребления доверием обратить это имущество в свою собственность[1]. Данные положения можно было бы применить к поиску и изъятию археологических предметов.

Исходя из данного анализа, можно сделать вывод о том, что квалифицировать как хищение культурных ценностей можно говорить в двух случаях: если у лица изначально не было намерения найденные ценности отдавать в собственность государства, а также, если производится незаконный вывоз найденных археологических предметов.

Недостаточная регламентация не позволяет нам говорить о каких-либо иных случаях, в которых возможна квалификация по статьям, предусматривающим ответственность за хищение.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что появление новых норм в уголовном законодательстве в отношении культурных ценностей привело к появлению ряда проблем, с которыми не

[1] Аистова, Л. С. Незаконное предпринимательство и смежные составы: учебное пособие / Л. С. Аистова. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ. – 2005. – С. 65.

может справиться ни наука, ни правоприменительная практика. Огромное количество противоречий в дефинициях, разрозненность уголовно-правовых норм, посвященных культурным ценностям, а также схожесть установленных диспозиций приводит к невозможности эффективного применения новых норм.

УДК 343.2/.7

И.М. РЯБОВ

научный руководитель
профессор Р.Д. ШАРАПОВ

ИНСТИТУТ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В ч. 2 ст.31 УК РФ устанавливается, что лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца. Основная дискуссия по этому вопросу в теории уголовного права сводится к отнесению добровольного отказа либо к основаниям, исключающим уголовную ответственность, либо к основаниям освобождения от уголовной ответственности. Ответ на этот вопрос следует искать в том, имеют ли признаки преступления действия, совершенные до добровольного отказа, поскольку освободить от ответственности можно только лицо, которое совершило преступление. Иначе говоря, есть ли состав неоконченного преступления. Приведем две основные точки зрения:

поскольку приготовление и покушение в качестве признака имеют «невозможность доведения преступления до конца по независящим от лица обстоятельствам», добровольный отказ нельзя считать преступлением, поскольку в нем возможность доведения преступления до конца присутствует[1];

субъективный характер причины недоведения преступления до конца не может влиять на то, что уже объективно совершено. Отказ от уголовного преследования лица при добровольном отказе происходит не потому, что в содеянном нет признаков соста-

[1] Актуальные проблемы уголовного права: учение о преступлении: научно-практическое пособие под общ. ред. А. Н. Попова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. –С.23

ва неоконченного преступления, а потому что уголовный закон стимулирует позитивное поведение лица, начавшего преступное посягательство[1].

Очевидно одно: неопределенность законодателя, не отнесшего добровольный отказ ни к обстоятельствам, исключающим ответственность, ни к основаниям освобождения от уголовной ответственности объективно не способствует единообразию и частоте применения данного института. Наша позиция такова: добровольный отказ исключает уголовную ответственность, поскольку отсутствуют два признака преступления:

вина (то есть у лица присутствует возможность довести до конца преступное намерение);

общественная опасность (лицо своим волевым актом отказалось от преступной деятельности).[2]

Можно выделить два недостатка признания добровольного отказа основанием для освобождения от уголовной ответственности:

это сблизит его с деятельным раскаянием, так как в таком случае оба они будут являться нереабилитирующими основаниями. Справедливо ли уравнивать действия лиц, одно из которых совершило оконченное преступление, а второй отказалось на стадии приготовления или покушения? Безусловно, нет;

исключение уголовной ответственности лица при добровольном отказе есть форма уголовно-правового поощрения лица за «заслугу», тогда как освобождение от уголовной ответственности – это деятельность правоприменителя, что предполагает судебное усмотрение[3].

Легальная дефиниция ст. 31 УК РФ не содержит всех существенных признаков добровольного отказа, за что обоснованно подвергается критике в научной литературе[4]. Можно выделить три основных признака добровольного отказа:

добровольность, включающую интеллектуальный и волевой аспекты;

окончательность - лицо прерывает свои действия без намерения совершить их в будущем в отношении того же объекта, на-

---

[1] Звечаровский И.Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца. – СПб: Юридический центр Пресс. – 2008. – С.25

[2] Решетников А.Ю. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8 (81). –С.123.

[3] Тарханов И.А. Современные проблемы характеристики добровольного отказа и законодательной регламентации правовых последствий // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2007. – С. 198.

[4] Безуглый С.Н. Условия добровольного отказа от преступления // Научные ведомости, серия Философия. Социология. Право. –2016. – № 3 (224). – С.131

пример при более благоприятных обстоятельствах. признак окончательности необходимо относить к конкретному деянию, а не всей последующей преступной деятельности;

безусловность - лицо прекращает преступную деятельность без выдвижения каких-либо требований к объекту посягательства.

Некоторые авторы ошибочно выделяют такой признак как отсутствие в деянии состава другого преступления, но это не препятствует признанию добровольного отказа от одного преступления и привлечению лица к ответственности по фактически наступившим последствиям

Добровольность отказа заключается в том, что лицо осознавало возможность доведения преступления до конца (интеллектуальный критерий) и по собственной воле прекратило преступные действия (волевой критерий). Наличие такой возможности должно быть как в объективной реальности, так и в сознании лица. Но возможны и ситуации, когда такой возможности в действительности не было, но в сознании лица она присутствует, и добровольный отказ будет налицо. Ярким примером этого является совершение лицом приготовительной преступной деятельности при проведении ОРМ (следовательно, объективной возможности довести преступление до конца не было), но лицо отказывается от реализации преступного намерения по своей воле.

В ряде работ для установления интеллектуального критерия добровольности предлагается выделять препятствия к доведению преступления до конца. Их классифицируют на непреодолимые, существенно затрудняющие и затрудняющие, и допускают возможность добровольного отказа только при затрудняющих условиях[1]. Вышеуказанный пример показывает несостоятельность практического применения данной классификации, поскольку мы должны оценивать возможность доведения преступления до конца не по объективным препятствиям, а по тому, как они отражаются в сознании лица.

Волевой момент добровольности заключается в том, что лицо прекращает доведение преступления до конца по собственной воле. Это положение отнюдь не исключает того, что побудить его могут другие лица: важно, чтобы лицо при этом само сознавало возможность доведения преступления до конца[2].

---

[1] Орлова А. И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск. – 2007. –С.6

[2] Решетников А.Ю. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8 (81). – С.126.

Также следует отметить, что мотивы, в результате которых у лица сформировалась воля, значения не имеют.

Судебными инстанциями в схожих ситуациях добровольность отказа трактуется по-разному. Два лица (А. и Б.) с целью совершения кражи проникли в квартиру. В тот момент, когда они укладывали похищенное имущество в сумки, в дверь квартиры зашел сосед, увидев которого, Б., нанес соседу смертельное ножевое ранение. Оставив похищенное в квартире, лица скрылись с места преступления. С учетом того, что в данной ситуации отсутствовала реальная угроза задержания, по обстоятельствам дела А. и Б. осознавали возможность довести кражу до конца, суд признал их действия добровольным отказом от доведения кражи до конца[1].

Схожий пример с противоположным решением. Г. с целью завладения денежными средствами проник в квартиру А. Во время поиска денег похититель услышал звук дверей и понял, что вернулась хозяйка. Когда потерпевшая обнаружила Г., он стал наносить ей удары ножом. После того как А. перестала подавать признаки жизни, Г. принял меры к сокрытию следов преступления и ушел из квартиры. Действия Г. квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ указала: то, что после совершения убийства осужденный не продолжил поиски денежных средств в квартире, не свидетельствует о наличии у него добровольного отказа, поскольку его первоначальные действия, направленные на кражу, были прерваны не по его воле, а вынужденно, так как он был застигнут хозяйкой квартиры на месте преступления[2].

В настоящее время практикообразующим является второй пример (поскольку внесен в Обзор практики ВС): добровольного отказа от кражи нет, необходима квалификация действий лица как покушение на кражу. Такой подход исходит из того, что законодатель делит единое, по сути, преступление – хищение – на различные самостоятельные составы. Поэтому и отказ нельзя признавать добровольным, поскольку лицо осознавало возможность продолжения не начатого им преступления (кражи), а уже другого правонарушения (грабежа или разбоя), т. е. добровольность отказа от кражи уже исключается, оно не было доведено до конца по независящим обстоятельствам (обнаружение собственником). С

[1] Звечаровский И.Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца. – С.28

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2013 г. [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 3 июля 2013. – Определение № 49-О13-12

другой стороны, следуя фикционному подходу уголовного закона, если лицо в нашей ситуации решит продолжить свое преступное намерение, то оно совершит два преступления: покушение на кражу и разбой. Но это противоречит рекомендации пункта 5 Постановления Пленума ВС №29 «О краже, грабеже и разбое», который устанавливает, что в случае перерастания преступления его следует квалифицировать только как грабеж или разбой. Таким образом, следует дополнить указанное Постановление пунктом 5.1 следующего содержания: если при обнаружении виновного в процессе совершения кражи другими лицами, он отказывается от дальнейшей реализации преступного посягательства, его действия следует квалифицировать как добровольный отказ от грабежа или разбоя и покушение на кражу.

Наиболее дискуссионным является вопрос о возможности добровольного отказа на той стадии, когда лицо выполнило все необходимые и достаточные действия, которые требовались для достижения преступного результата (оконченное покушение). Существует позиция, что при оконченном покушении исключаются такие признаки добровольного отказа, как его окончательность и осознание возможности доведения преступления до конца[1]. Мы с этим согласиться не можем. Наиболее удачным критерием возможности добровольного отказа на данной стадии является критерий контроля лица за развитием причинной связи, то есть если причиной недоведения преступления до конца и ненаступления возможных последствий были зависящие от виновного обстоятельства, и в результате его действий последствия не наступили, это будет являться добровольным отказом в активной форме.

Указанная проблема актуальна при разграничении покушения на убийство и причинении вреда здоровью. Сравним две ситуации:

1. З. во время ссоры с сожительницей Г. нанес ей удар лезвием топора по голове. Но после нанесения удара З. прекратил свои действия, принял меры по оказанию помощи потерпевшей. Смерть Г. не наступила ввиду медицинского вмешательства.

2. Мать решила избавиться от полугодовалого ребенка и ножом нанесла ему удар в область груди. Удар оказался несмертельным. Тогда К. нанесла второй удар, который также не причинил смертельного ранения. От боли ребенок кричал и плакал. Не выдержав страданий ребенка, женщина перевязала его пеленками и до-

[1] Желудева А.Р. Особенности добровольного отказа от преступления на различных стадиях реализации преступного намерения // Научный журнал «Студенческий форум» выпуск №11(11). – 2008. – С. 135

ставила в ближайшее медицинское учреждение, где ему оказали квалифицированную медицинскую помощь. В результате ударов ножом ребенку был причинен вред здоровью средней тяжести.

В первом случае деяние должно квалифицироваться как причинение тяжкого вреда здоровью, а во втором как покушение на убийство. Руководствоваться необходимо все тем же критерием: в первой ситуации смерть не наступила в результате своевременного вмешательства виновного, а именно его действий по оказанию помощи, когда существовала реальная опасность для жизни, поэтому содеянное следует считать добровольным отказом от убийства и по наступившим последствиям причинением тяжкого вреда здоровью; если же экспертом будет установлено, что нанесенные ранения были неопасными для жизни, то последующий отказ от попыток убийства не может признаваться добровольным отказом от этого преступления.

УДК 343.2/.7

М.А. СЕЛИВЕРСТОВА

научный руководитель
кандидат юридических наук
Р.М. КРАВЧЕНКО

НЕОСТОРОЖНЫЕ ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Неосторожные тяжкие преступления не являются новшеством: они существовали изначально в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) с момента его принятия и до 2001 года. Полагаем, что указанная категория была ликвидирована в связи с учетом законодателем специфики неосторожных преступлений, а именно их сравнительно небольшой общественной опасности и меньшей эффективности наказания «как средства самозащиты общества и предупреждения преступлений»[1].

Федеральным законом от 17.06.2019 № 146-ФЗ категория неосторожных тяжких преступлений была возвращена в УК РФ. Теперь преступлениями средней тяжести признаются неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 10 лет лишения свободы, а тяжкими неосторожными

[1] Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб. и доп. – СПб: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс». – 2018. – С. 385.

преступлениями признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 15 лет лишения свободы. Но с какой целью это было сделано?

Согласно пояснительной записке к данному законопроекту, внесение изменений в ст. 15 УК РФ обусловлено увеличением санкций ст. 263 и 264 УК РФ[1], которые на данный момент являются единственными неосторожными тяжкими преступлениями. Так, наказание по ч.4 ст. 264 УК РФ ранее составляло от 2 до 7 лет лишения свободы, теперь - от 5 до 12 лет; размер наказания по ч.6 указанной статьи вырос почти вдвое: был от 4 до 9 лет лишения свободы, стал от 8 до 15 лет. Представляется необоснованным перекраивание основополагающих норм Общей части ради корректировки только двух составов Особенной части УК РФ.

Это объясняет описание неосторожных тяжких преступлений как деяний, за совершение которых максимальное наказание «не превышает 15 лет лишения свободы» вместо «превышает 10 лет лишения свободы», поскольку в нынешней редакции УК РФ нет неосторожных преступлений с санкцией больше, чем в статьях 263 и 264. Однако с точки зрения юридической техники более корректной является вторая формулировка, т.к., исходя из ч.2 ст. 56 УК РФ, лишение свободы назначается на срок от 2 месяцев до 20 лет без привязки к какой-либо форме вины.

Само изменение санкций нарушает системность Особенной части УК РФ. Так, ч.4 ст. 263 УК РФ предусматривает наказание от 8 до 15 лет лишения свободы. Получается, что указанный состав является более общественно опасным, чем умышленные преступления (к примеру, убийство) и преступления с двойной формой вины (к примеру, причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего), поскольку в перечисленных составах нижний предел санкции гораздо меньше.

Более того, в УК РФ неоднократно встречаются составы неосторожных преступлений, повлекших по неосторожности смерть двух и более лиц: нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ч. 3 ст. 215 УК РФ), нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных горных работ (ч. 3 ст. 216 УК РФ), нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов (ч. 3 ст. 217 УК РФ) и т.д., за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет. Представляется несправедли-

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона № 685843-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // [Эл. ресурс] – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/685843-7 (дата обращения 08.03.2020).

вым, что размер санкций за преступления с одной и той же формой вины и с одними и теми же последствиями отличается более чем в 2 раза.

Также в пояснительной записке указано, что ужесточение ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения направлено на снижение уровня смертности в результате дорожно-транспортных происшествий к 2024 году до уровня, не превышающего 4 человек на 100 тысяч населения, а к 2030 году - к нулевому уровню. Указанная цель явно недостижима, потому что даже в самых благополучных и прогрессивных государствах уровень смертности от ДТП не равен нулю: в Японии и Германии он составляет 4,1, в Финляндии 4,7 человек на 100 тысяч населения. На данный момент в России указанный индекс составил 18 человек на 100 тысяч населения. Это означает, что проблема носит системный характер, и она не может быть решена одномоментно путем изменения уголовного законодательства.

В период с 2017 по 2018 г. смертность на дорогах по вине нетрезвых водителей составила примерно 30% от всех ДТП со смертельным исходом и около половины от преступных нарушений ПДД, повлекших лишение жизни человека.

В первом полугодии 2018 года из 468 человек, привлечённых к ответственности по ч. 4 ст. 264 УК РФ, осуждено условно 65 лиц или 13,8% от общего числа осуждённых. В 2017 году осуждено 1 048 лиц, из которых 166 (15%) условно. Также в среднем 15% осуждённых по ч. 4 ст. 264 УК РФ приговаривались к наказанию ниже нижнего предела.

По ч. 6 ст. 264 УК РФ в 2017 году было осуждено 152 человека, из которых 4 условно, еще 4 лица – к наказанию от 1 до 2 лет, 6 человек – от 2 до 3 лет и 83 лица – от 3 до 5 лет лишения свободы. Таким образом, более 62% осуждённых по ч. 6 ст. 264 УК РФ назначается наказание ниже медианы санкции.

В 2016 г. средний срок лишения свободы по ч. 4 ст. 264 УК РФ составил 2 года 10 месяцев, ч. 6 ст. 264 УК РФ — 5 лет лишения свободы.

Указанную статистику неоднозначно интерпретируют. По мнению законодателя и некоторых исследователей, судебная практика «носит явно выраженный либеральный характер практически по всем категориям дел»[1], поэтому ее необходимо корректиро-

[1] Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Проблема оценки тяжести неосторожных преступлений, связанных с лишением жизни // Всероссийский криминологический журнал. –2017. –Т. 11. – № 4. – С. 681.

вать законодательными мерами. Автор придерживается позиции, выраженной в официальном отзыве Правительства РФ к проекту указанного ФЗ, исходя из которой суды к уже существующим мерам ответственности относятся как к избыточно репрессивным[1].

Вышеописанные изменения уголовного законодательства отражают несколько неблагоприятных тенденций, сложившихся в законотворческой деятельности:

во-первых, превалирование «принципа устрашения: чем строже наказание, тем выше его общепредупредительная роль, а смягчение наказания означает снижение роли общей и возрастание роли частной превенции»[2]. На фоне общемирового кризиса наказания очевидно, что усиление уголовной ответственности не обладает достаточным превентивным потенциалом для большинства видов преступлений, и в особенности для неосторожных;

во-вторых, недопустимо, когда решения законодателя в области уголовной политики не основаны на криминологических исследованиях и искусственно меняют тяжесть преступлений, что распространяется как на уменьшение, так и на увеличение санкции;

в-третьих, нередко корректировка законов «осуществляется директивным путем и в целях, лежащих далеко от правового поля»[3]. Но какова фактическая цель, преследуемая законодателем? Полагаем, она кроется в правовых последствиях, которые испытают на себе виновные.

Пожалуй, наиболее значимым последствием указанных изменений является невозможность применения мер освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ).

Данные меры часто использовались судами. Согласно отчету Судебного департамента при ВС РФ «Об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел», в первом полугодии

---

[1] Официальный отзыв Правительства Российской Федерации к проекту федерального закона № 685843-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // [Эл. ресурс] –URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/685843-7 (дата обращения 08.03.2020).

[2] Тамбовцев Е.А. Краткая криминологическая характеристика дорожно-транспортных преступлений // Российский следователь. –2007. – № 6. – С. 18.

[3] Бабаев М.М. Уголовная политика и преступность как взаимодействие // Современные проблемы уголовной политики: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 25.09.2015 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России. – 2015. –Т. 1. –С. 32.

2019 г. по ч. 5 и 6 ст. 264 УК РФ было прекращено 6 дел в связи с применением судебного штрафа и 12 дел в связи с примирением с потерпевшим при общем числе лиц, в отношении которых было принят судебный акт по существу обвинения, в 305 человек, т.е. всего 5% виновных было освобождено от уголовной ответственности. По ч. 3 и 4 ст. 264 УК РФ было освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим 436 лиц, в связи с применением судебного штрафа – 94 лица, т.е. 23,8% виновных было освобождено от уголовной ответственности.

По указанной категории дел существенно увеличиваются сроки давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ), давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ), судимости (ст. 86 УК РФ), а также сроки фактического отбывания наказания для применения условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ) и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ).

Возникает коллизия между п. «а» и п. «б» ч.1 ст. 58 УК РФ: лицо, совершившее неосторожное преступление, должно отбывать наказание в колонии-поселении, а лицо, совершившее тяжкое преступление – в колонии общего режима. Остается нерешенным вопрос, в каком исправительном учреждении должно отбывать наказание лицо, совершившее неосторожное тяжкое преступление.

По данной категории дел не исключено применение условного осуждения, изменение категории преступления и назначение наказания ниже низшего предела, следовательно, в распоряжении правоприменителя остается несколько мер, направленных на смягчение уголовной ответственности. Полагаем, что суды будут чаще прибегать к ним за неимением мер освобождения от уголовной ответственности.

Автор не отрицает плачевность ситуации, сложившейся в сфере борьбы с транспортными преступлениями. По статистике количество лиц, погибших в результате преступлений против безопасности дорожного движения, в 2016 г. всего на 2,6 % ниже, чем число лиц, погибших от убийств. Полагаем, что уменьшить смертность на дорогах возможно только широким превентивным воздействием на все элементы системы «водитель-автомобиль-дорога», а не сверхкриминализацией транспортных преступлений, т.е. необходимо бороться с причинами проблемы, а не её следствием. Вариантов множество: ужесточение административной ответственности за нарушение ПДД и обеспечение неотвратимости административного наказания, выработка культуры во-

ждения, усложнение процедуры выдачи прав и т.д. К сожалению, именно профилактическое направление - едва ли не самое слабо развитое среди всех направлений борьбы с преступностью.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что последние изменения уголовного законодательства, связанные с возвращением категории неосторожных тяжких преступлений в УК РФ и существенным увеличением санкций ст. 263 и 264 УК РФ являются по меньшей мере неэффективными, т.к. они не направлены на достижение заявленной цели. Фактически, они порождают правовые коллизии, нарушают системность Особенной части УК РФ и существенно ухудшают положение осуждённых.

УДК 343.2/7

С.П. СИНЯВСКАЯ

научный руководитель
профессор М.Ю. ПАВЛИК

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Развитие современной юридической науки в некоторой степени обусловлено научно-техническим прогрессом, происходящем в постиндустриальном глобальном обществе. Появление и внедрение цифровых и информационно-коммуникационных технологий в различные сферы повседневной жизни людей требуют создания эффективных механизмов правового регулирования с целью защиты персональных данных граждан, а также иной информации, находящейся на электронных носителях от преступных посягательств, нацеленных на завладение чужого имущества.

Для решения данной проблемы необходим государственный государственного подхода, который в разных странах может значительно отличаться в силу исторических особенностей развития их правовых и политико-административных систем. Исследование ряда работ[1], посвященных анализу зарубежного законода-

[1] Демрюга Р. И. Компьютерная информация как предмет посягательства при неправомерном доступе: сравнительный анализ законодательства США и России. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. –№6. –С. 130–133. Комаров А. А. Компьютерное мошенничества в России

тельства в сфере компьютерных преступлений, выявил различные основания для выделения признаков этого вида преступления и определения наказаний за них. Например, в некоторых странах англо-саксонской системы (США, Великобритания) не существует «единого кодифицированного акта, «цементирующего» весь массив уголовного законодательства».[1] В качестве характерного примера можно привести США, где помимо системы федерального уголовного законодательства имеется еще 50 самостоятельных систем, в каждой из которых действует свой свод уголовного законодательства.

Вышеупомянутые особенности американской правовой системы необходимо также учитывать при рассмотрении законодательства данной страны в отношении преступлений, связанных с компьютерным мошенничеством. Соединенные штаты Америки, являясь государством, лидирующем в цифровой экономике, инициировало принятие законов, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в области компьютерной информации. Принимая во внимание опасные последствия несанкционированного доступа и использования компьютеров и компьютерных сетей для национальной безопасности, Конгресс США в 1984 году принял Закон «Мошенничество и злоупотребления с использованием компьютера» (The Computer Fraud and Abuse Act), установив тем самым меры воздействия за противоправные деяния, предметом посягательств которых является «защищенный компьютер» (protected computer), т. е. компьютер с защищенной информацией, доступ или уничтожение которой запрещен. Федеральный статус данного Закона указывает на то, что защите подлежит только наиболее важная для американского общества и государства информация, хранящаяся в компьютерах. Преступное посягательство на иные ее виды рассматривается правоохранительными органами штатов в соответствии с их законодательствами.

Несмотря на тот факт, что данный вид преступления носит международный характер, среди юридического сообщества до сих пор не сформировалось единого мнения насчет понятия «компьютерное мошенничество». Сравнительный анализ американского (Computer Fraud and Abuse Act) и немецкого законов

и США: анализ количественных показателей на 2002-2012 г. г. Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – №1 (35). –С. 172– 177. Мазуров В. А., Потапов Д. П., Сорокин В. В. Компьютерные преступления: анализ уголовного законодательства США и Германии. Известия Алтайского государственного университета. – 2005. – №2(36). – С. 59–66.

[1] Есакова Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие. – М.: Проспект. – 2009, – С. 92.

(Strafgezetzbuch §263a Computerbetrug) о компьютерных мошенничествах не дают четкого определения этого вида правонарушения, ограничиваясь описанием неправомерного поведения преступника в момент совершения деяния, который:

1. «…with intent to defraud, accesses a protected computer without authorization, or exceeds authorized access, and by means of such conduct furthers the intended fraud and obtains anything of value…» («… с намерением обмануть получает неавторизированный доступ к защищенному компьютеру, и посредством такого поведения способствует предполагаемому мошенничеству и получает нечто, представляющее ценность…»)[1];

2. «…in der Absicht, sich oder einem Dritten einen rechtswidrigen Vermögensvorteil zu verschaffen, das Vermögen eines anderen dadurch beschädigt, daß er das Ergebnis eines Datenverarbeitungsvorgangs durch unrichtige Gestaltung des Programms, durch Verwendung unrichtiger oder unvollständiger Daten, durch unbefugte Verwendung von Daten oder sonst durch unbefugte Einwirkung auf den Ablauf beeinflußt…»[2] («…действует с целью получения для себя или третьего лица противоправной имущественной выгоды и этим наносит вред имуществу другого лица тем, что он воздействует на результат обработки данных ЭВМ, составляя неправильные программы, используя неправильные или неполные данные, неправомочно применяя данные или влияя на такой процесс каким-либо иным неправомочным воздействие…»)[3].

Из вышеприведенных дефиниций «компьютерное мошенничество» видно, что каким бы разнообразным не было их наполнение, можно сделать вывод, что под компьютерным мошенничеством законодатели данных стран имели в виду получение представляющей определённую ценность выгоды посредством определенных манипуляций с компьютером.

По сравнению с зарубежными странами уголовное преследование за правонарушения в сфере компьютерного мошенничества в российском законодательстве появилось сравнительно недавно, что не отрицает того факта, что преступления подобного рода существовали до принятия Федерального закона № 207 от 29.11.2012, дополнившего Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 159.6. Правоприменительная практика, несомненно, накопила достаточный опыт

[1] Computer Fraud and Abuse Act. — URL: http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030#a_4 (датаобращения: 29.04.2020)

[2] DeutschesStrafgesetzbuch. URL: http://www. http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/__263a.html(дата обращения: 29.04.2020)

[3] Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. – Юридический центр, 2003. – 201 С. 161.

борьбы с преступным поведением в этой сфере деятельности, давая этим «деяниям иную оценку, исходя из тех возможностей, которые предоставлял закон»[1], а именно: ст. ст. 159, 165 или 272-274 УК РФ.

Однако, несмотря на появление долгожданной уголовно-правовой нормы, данное событие вызвало неоднозначную реакцию со стороны юридической общественности (Н. А. Лопашенко, А. А. Комаров, Г. В. Шумихин, А. А. Энгельгард). С одной стороны, «необходимость криминализации компьютерного мошенничества назрела давно», кроме того «с включением ст. 159.6 УК РФ в национальное законодательство разрешен вопрос об участии Российской Федерации в мировых интеграционных процессах в сфере борьбы с киберпреступностью»[2]. С другой стороны, многие специалисты в области уголовного права критически отнеслись к тому, что законодатель отнёс данный вид имущественного преступления к мошенничеству, так как «в анализируемой же норме речь идет фактически о компьютерной информации, как правило … не предполагающей участие в этой схеме конкретного собственника имущества … в описанной в законе ситуации правильнее говорить о тайном хищении»[3].

Некоторые исследователи, принимая во внимание несовпадение признаков объективной стороны ст. 159.6 со ст. 159, предлагают отнести данный вид преступления к самостоятельной форме хищения[4], что способствовало бы также устранению конкуренции между специальными нормами ст. ст. 159.1-159.3, 159.5 «со специальной нормой, предусматривающей ответственность за иную, нежели мошенничество, форму хищения»[5].

В этой связи интересно было бы обратить внимание на законотворческий опыт Федеративной Республики Германии, законодатели которой, выделив данный тип хищения в отдельную статью в Уголовном кодексе, попытались избежать правовой коллизии

---

[1] Комаров А. А. Компьютерное мошенничества в России и США: анализ количественных показателей на 2002-2012 г. г. Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – №1 (35). – С. 173.

[2] Елин В. М. Мошенничество в сфере компьютерной информации как новый состав преступления. Правовые вопросы бизнес-информатики. – 2013. – №2 (24). – С. 71.

[3] Лопашенко Н. А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы. Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. –2015. – Т. 9. – № 3. – С. 507.

[4] Шумилин В. Г. Седьмая форма хищения чужого имущества. Вестник Пермского университета. – 2014. –№2 (24). – С. 231.

[5] Энгельгардт А. А. О понимании мошенничества в сфере компьютерной информации. – 2016. – №8. – Юридические науки. – С. 88.

между новый и «старым» составом мошенничества, перенеся ответственность за совершение правонарушения на «неправильную» (unrichtige) компьютерную программу, которая, работая согласно заданному человеком неточному алгоритму, использует «неправильные и неполные» (unrichtiger oder unvollständiger) данные, чтобы достичь желаемого для автора программы результата[1]. Однако данный подход решения проблемы представляется сомнительным, ибо в этом случае обману в таких ситуациях с помощью ложной информации подвергается не человек, а программа[2].

Принимая во внимание вышесказанное, хотелось бы отметить, что процесс создания нормативно-правовых актов на современном этапе требует от их авторов не только профессионального умения, но и глубокого понимания процессов, происходящих в окружающем их мире. Внедрение в различные сферы жизни человека высокотехнологических устройств, посредством которых могут совершаться противоправные деяния, требует от лиц, занимающихся законотворческой деятельностью постоянной готовности откликнуться на вызовы времени с целью защитить общество от виртуального влияния.

УДК 343.9

Е.С. СТУПАК

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

НАЛОГОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Налоговая преступность в Российской Федерации не является новым социально-правовым явлением. С начала 90-х годов XX века появилась тенденция реформирования налогового законодательства, которая сопровождается внесением многочисленных изменений и дополнений в законодательные акты в части предупреждения налоговых преступлений, усовершенствования исчисления, уплаты налогов и сборов и ужесточения налоговой ответственности налогоплательщиков.

[1] Энгельгардт А. А. О понимании мошенничества в сфере компьютерной информации. – 2016. – №8. – Юридические науки. – С. 87.

[2] Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. – Москва: Проспект. – 2004. – С. 463.

Налоговый Кодекс Российской Федерации определяет налоговое правонарушение как виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое Налоговым Кодексом РФ установлена ответственность[1]. В научном сообществе к числу основных характеристик налоговой преступности относят состояние, динамику, уровень, латентность и структуру[2].

В научной литературе указывается, что налоговая преступность подрывает основы бюджетной политики государства путем использования «коррупционных ловушек» законодательства в целях получения незаконных доходов[3]. Иными словами, пробелы законодательства становятся «почвой» для совершенствования преступных «навыков».

По данным статистики Генеральной Прокуратуры РФ за 2018 год было обнаружено свыше 41 тыс. нарушений налогового законодательства. В декабре 2019 года Генеральная Прокуратура РФ отметила снижение налоговых преступлений на 4,1 %[4]. Однако уже в феврале 2020 года число выявленных преступлений увеличивается на 0,4 %.

По мнению Коровяковского Д. Г., судить об истинном состоянии налоговой преступности можно используя экономико-правовой анализ, основу которого составляет экономическая информация. На базе этого, показателями налоговой преступности являются: существенный разрыв между официальными и реальными доходами населения; очевидная разница между расходами некоторых граждан и декларируемыми ими доходами; скрытая занятость населения; объём денежной наличности, находящейся

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ : текст с изм. и доп. на 01.04.2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Понятия советской криминологии : методическое пособие / Долгова А.И., Коробейников Б.В., Кудрявцев В.Н., Панкратов В.В. : отв. ред.: Карпец И.И. – Москва: Всесоюз, 1985. - 100 с. - URL: http://lawlibrary.ru/izdanie9618.html

[3] Босаков, В.Н. Налоговая преступность: состояние, региональные особенности и тенденции предупреждения (по материалам Северо- Кавказского федерального округа): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Виктор Николаевич Босаков; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ставропольский государственный университет». – Ростов-на-Дону, 2012. – 27 с.

[4] URL: http://crimestat.ru/analytics

в небанковском обороте; преобладание бартерных отношений, натуральная оплата субъектов коммерческой деятельности; повышение объемов капиталов, незаконно вывозимых за рубеж[1].

Согласно данным Федеральной налоговой службы РФ с 2012 по 2018 года исследователями отмечены следующие устойчивые тенденции:

из общего числа зарегистрированных преступлений экономической направленности предварительно расследованных преступлений на 30-40% меньше;

из общего числа предварительно расследованных подобных преступлений от 10-20% преступлений не направляются в суд;

50-60% преступлений, дела по которым направлены в суд, не раскрываются. Анализ динамики за 2014-2018 года, позволяет отметить неуклонный прирост налоговых преступлений по РФ[2].

Шувалов М. Н. считает, что налоговая преступность в России не знает географического ограничения, а существует во всех регионах государства. Однако, удельный вес этих преступлений совершается в тех регионах, где сосредоточен основной промышленный, торговый и финансово-экономический потенциал государства, сосредоточены главные финансовые капиталы, наблюдается самая большая популяция и плотность населения страны[3]. На мой взгляд, учёный акцентирует внимание на то, что налоговые преступления преимущественно выявляются и расследуются именно в центральных регионах. Основными причинами латентности налоговых преступлений является, во-первых, отсутствие потерпевших, заинтересованных в их выявлении, поскольку в результате совершения указанных преступлений затрагиваются интересы государства. К иным причинам можно отнести отсутствие явных следов преступления и большой разрыв во времени между моментом совершения и моментов выявления преступлений. На мой взгляд, данные причины являются следствием не только латентности налоговой преступности, но и порождают недостатки в работе органов, расследующих налоговые преступле-

[1] Коровяковский Д. Г. Налоговые преступления и налоговая преступность / Д. Г. Коровяковский // Бухгалтер и закон. — 2005.— № 10. — С. 18-24. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-prestupleniya-i-nalogovaya-prestupnost-1

[2] URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total

[3] Противодействие налоговой преступности : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва 31.05.2018 г. / ред.: Багмета А. М. ; Московская Академия Следственного Комитета Российской Федерации. – Москва, 2018. – С. 104-107. – URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=http%3A%2F%2Facademy-skrf.ru%2Fscience%2Fpublishing%2Fcollection_of_forums%2F2018%2Fsb310518.pdf

ния. Это объясняется тем, что в преступной среде растёт уровень интеллектуального обеспечения, идет интенсивный поиск и реализация новых способов совершения налоговых преступлений, что в свою очередь отражается на качестве выявления и расследования налоговых преступлений.

Многие исследователи также отмечают неоднозначность и противоречивость состава налоговых преступлений, далеко не идеальное регулирование существующим законодательством вопросов уголовной ответственности в сфере налогообложения, которое создаёт возможность для ухода от налогообложения и провоцирует на создание различных схем незаконной минимизации налоговых обязательств, которые становится все сложнее квалифицировать как противоправные действия[1].

Говоря о налоговой преступности как о социально-правовом явлении, зарубежные и отечественные криминологи подчеркивают взаимосвязь и взаимообусловленность административной деликтности и преступности, что, в сущности, относится к правонарушениям с пограничными составами налоговых преступлений, а также правонарушениям, которые сами по себе создают условия для совершения преступлений. На данную взаимообусловленность указывал доктор юридических наук Кучеров И. И. По его мнению, для определения масштабов противоправной деятельности в налоговой сфере необходимо использовать данные о налоговых проступках. При этом, он исходил из того, что административные правонарушения обычно предшествуют переходу на преступный путь и вызываются теми же причинами, что и преступления, поэтому их изучение позволяет спрогнозировать тенденции преступности и спланировать предупредительные мероприятия[2]. Кроме того, в отношении преступлений, совершаемых в налоговой сфере, прослеживается их тесная связь с налоговыми правонарушениями. Она определяется прежде всего тем, что налоговые правонарушения являются своеобразным предкрими-

[1] Жерновой М. В., Елисеева О. А. Криминологические аспекты уголовно-правовой характеристики налоговых преступлений / М. В. Жерновой, О.А. Елисеева // Грамота. – 2015. – № 1. – С. 66-70. – URL: http://www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/15.html

[2] Кучеров И. И. Налоговая преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дисс. …док. юр. наук : 12.00.08 / Илья Ильич Кучеров ; Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Российский Федерации. – Москва, 1999. – URL: https://www.dissercat.com/content/nalogovaya-prestupnost-kriminologicheskie-i-ugolovno-pravovye-problemy

нальным «фоном» налоговых преступлений, а в ряде случаев они отличаются друг от друга лишь по количественному показателю – размеру сокрытых объектов налогообложения.

По мнению Жернового М. В. и Елисеевой О. А., особенность современной фискальной политики заключается в том, что существующая налоговая система РФ находится в острой зависимости от ее восприятия налогоплательщиками. Ученые даже проводят аналогию данной зависимости реципиента с донорами. При этом противоречия, возникающие при такой зависимости, объясняются различными экономическими интересами государства и населения, отсутствием грамотной политики их согласования между всеми участниками налоговых правоотношений. Необходимо также выделять и нравственно-психологические причины совершения противоправных деяний, к которым относятся: небольшой авторитет налогового законодательства по причине несоблюдения в нем принципов общности (наличие льгот) и приоритета государственного интереса.

Представляется, что одной из основных причин, из-за которых налогоплательщики совершают налоговые преступления, является постоянный поиск схем по снижению собственного налогового бремени. В данном случае целесообразно привести пример возможного варианта схемы ухода от налогов. В большинстве случаев налогоплательщик, совершая налоговое преступление, осознаёт противоправный характер своего деяния и испытывает беспокойство о том, что что оно станет известно правоохранительным органам. В иных случаях, уклонение, напротив, находится в рамках законодательства, то есть является правомерным, но состоит в поиске его пробелов, позволяющих снизить налоговые платежи, при этом налогоплательщик информирует государственные органы о причинах снижения налоговых платежей. Иными словами, отличие правомерного уклонения от уплаты налогов от противоправного лежит там, где законная деятельность граничит с противоправной. Именно это и побуждает в конечном итоге отдельных российских налогоплательщиков нарушать уголовно-правовые запреты[1].

[1] Противодействие налоговой преступности : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва 31.05.2018 г. / ред.: Багмета А. М. ; Московская Академия Следственного Комитета Российской Федерации. – Москва, 2018. – С. 90-94. – URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=http%3A%2F%2Facademy-skrf.ru%2Fscience%2Fpublishing%2Fcollection_of_forums%2F2018%2Fsb310518.pdf

Подводя итог, следует отметить, что анализ состояния и динамики налоговой преступности свидетельствуют о том, что ситуация с криминализацией экономики практически не контролируется государством. Снижение уровня преступности усложняется такими причинами, как высокая степень латентности налоговой преступности, образовательный уровень налоговых преступников, обладающих в том числе достаточными знаниями в области права, что позволяет им совершать преступления с различными ухищрениями и нередко избегать ответственности[1].

На сегодняшний день населению необходимо показать, что налогоплательщик является персонифицированным союзником органов публичной власти, заинтересованного в успешной реализации проводимых законодательных инициатив и налоговых преобразований. В связи с этим, следует уделять внимание переосмыслению в общественном сознании сущности и содержанию фискальной политики, а также решению этической стороны проблемы, направленных на повышение благосостояния современного российского общества и сохранение единства интересов российского общества и государства, как объединяющего целого.

УДК 343.2/.7

Я.В. ТОКИНА

научный руководитель
П.В. ФЕДЫШИНА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ

Среди значительного массива существующих способов совершения преступления, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) получили закрепление лишь те из них, которые способны создавать градацию в уровне общественной опасности. Возможность поставления в опасность неопределенного числа правоохраняемых благ и социально значимых интересов позволила выделить в ряде составов в качестве квалифициру-

[1] Козлов В. А. Значение криминалистической характеристики для установления субъекта налоговых преступлений / В. А. Козлов // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 75-86. URL: http://lawlibrary.ru/article1169486.html

ющего признака общеопасный способ совершения преступления.[1] При отсутствии законодательного толкования содержание указанного понятия раскрывается в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ только лишь в отношении убийства, совершенного общеопасным способом. Так, в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее – ППВС РФ) указывается следующее: «Под общеопасным способом убийства следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица».[2] Применительно к иным преступлениям, совершаемым общеопасным способом, в имеющихся ППВС РФ встречается лишь косвенное упоминание об общеопасном способе, без конкретизации его сущности. Например, в пункте 6 ППВС РФ от 05.06.2002 № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» содержится указание на невозможность квалификации совершенного преступления по ч. 2 ст. 167 УК РФ в случае, если избранный лицом способ в определенных условиях исключает возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также чужому имуществу.[3]

Сопоставление указанных разъяснений позволяет отметить одну из ключевых проблем квалификации преступлений, совершаемых общеопасным способом, основывающуюся на необходимости определения круга правоохраняемых объектов, которые должны подвергаться угрозе причинения вреда в случае применения указанного способа совершения преступления. Возникает закономерный вопрос, в каком соотношении должны находиться объект, являющийся главной целью посягательства, и объекты, параллельно подвергающиеся опасности? Для его разрешения

[1] Федышина, П. В. Способ совершения преступления: учебное пособие / П. В. Федышина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – С. 17.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // СПС «КонсультантПлюс».

целесообразно сказать о сущности самого общеопасного способа без привязки к конкретным составам преступлений. Данный способ приобрел квалифицирующее значение в связи с тем, что виновный, посягая на правоохраняемые интересы основного потерпевшего, параллельно создает опасность причинения вреда интересам неопределенного круга лиц (здесь и далее - под основным потерпевшим будет пониматься лицо, являющееся для субъекта главной целью посягательства).[1]

Следует отметить, что судебная практика отличается непоследовательностью в части признания факта совершения преступления общеопасным способом. Так, в случае умышленного причинения смерти основному потерпевшему общеопасный способ инкриминируется лицу только в случае наличия опасности для жизни хотя бы еще одного человека, при этом имеющаяся опасность для иных объектов уголовно-правовой охраны, как правило, во внимание не принимается. Если же совершено умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества общеопасным способом, то для вменения данного признака достаточно либо опасности для имущества, принадлежащего иным лицам, либо её отсутствия, но обязательного наличия при этом угрозы причинения вреда их жизни и здоровью. Рассматриваемая проблематика кроется в необходимости установления достаточности объема тех объектов, в отношении которых в конкретном случае создается опасность причинения вреда.

В рамках правоприменительной деятельности представляется возможным придерживаться следующих позиций. Общеопасный характер применяемого способа будет признаваться таковым в случае, если опасность причинения вреда была создана для охраняемых законом общественных отношений, расположенных вместе с основным объектом посягательства в одной главе УК РФ. Однако в тех случаях, когда применение конкретного способа совершения преступления привело к созданию опасности для жизни и здоровья хотя бы еще одного лица, возможно инкриминировать рассматриваемый признак состава преступления в соответствии с имеющейся приоритетной задачей Уголовного закона, закрепленной в ст. 2 УК РФ, и выраженной в виде необходимости охраны прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем фактически наступившие последствия будут требовать самостоятельной уголовно-правовой оценки.

[1] Кругликов, Л.Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи, 2000-2009 гг. / Л.Л. Кругликов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ. – 2010. – С. 458.

Общеопасный способ совершения преступления относится к категории оценочных признаков, что порождает на практике некоторые сложности при квалификации преступлений. Необходимость определять в каждом отдельно взятом случае общеопасный характер применяемого способа требует выделения таких его свойств, которые смогли бы ориентировать правоприменителя в части установления наличия данного квалифицирующего признака.

К объективным характеристикам общеопасного способа можно отнести определенные свойства используемых орудий и средств, механизм их применения, а также обстановку совершения общественно опасного деяния.[1]

Подробнее следовало бы остановиться на рассмотрении субъективных признаков общеопасного способа, специфика которых сводится к условному разъединению формы вины на две составляющие. Так, в случае если совершение преступления сопряжено с применением общеопасного способа, надлежит исследовать психическое отношение субъекта применительно не только к последствиям, связуемым с основным потерпевшим, но и с иными лицами, чьи правоохраняемые интересы ставятся под угрозу причинения вреда.

Стремление к определенным последствиям или же отношение к ним как к нежелательным, но допускаемым, детерминирует избрание соответствующего способа совершения преступления. Подобный выбор носит осознанный характер, в связи с этим можно заключить, что все преступления, совершаемые общеопасным способом, следует признавать умышленными. Ошибочным видится признание подобных общественно опасных деяний преступлениями, совершаемыми с несколькими умыслами, однако их специфика предусматривает существование соотношения нескольких видов умысла относительно последствий, возможность наступления которых имеется как для основного потерпевшего, так и для и иных лиц.

Условно можно выделить следующую комбинацию видов умысла: «прямой-прямой», «прямой-косвенный», «косвенный-прямой», «косвенный-косвенный». Конструкция умысла «прямой-прямой» не отражает суть используемого общеопасного способа, поскольку создаваемая опасность будет фактически реа-

[1] Резанов, С.В. Особенности квалификации убийства, совершенного общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. –2017. –№ 1. – С. 45.

лизована и исчерпана в наступивших последствиях, что исключает возможность вменения данного квалифицирующего признака. Равным образом соотношение «косвенный-прямой» не дает оснований признавать применяемый способ общеопасным. Весьма затруднительно представить такую ситуацию, при которой виновный, применяя указанный способ совершения преступления, расценивает определенные последствия для основного потерпевшего в качестве побочных и стремится к их наступлению применительно к иным лицам, - в таком случае произойдёт смещение главной цели посягательства с основного потерпевшего на лиц, безразличных для субъекта.

Наиболее правильными следует признавать сочетания умыслов «прямой-косвенный» и «косвенный-косвенный» по следующим причинам. Избирая определенный способ совершения преступления, виновный стремится к наступлению общественно опасных последствий для основного потерпевшего, но при этом допускает возможность причинения вреда иным лицам или же относится к этому безразлично. Психическое отношение субъекта, выраженное косвенным умыслом по отношению к двум представленным категориям, предполагает, что виновный, применяя общеопасный способ совершения преступления, предвидит возможность наступления преступного результата как для основного потерпевшего, так и для иных лиц, не желает его реализации, однако при этом он не предпринимает никаких волевых усилий для предотвращения возникновения общественно опасных последствий.[1] Крайне важно оценивать все компоненты субъективной стороны, поскольку в большинстве случаев именно по психическому отношению лица к совершенному деянию становится возможными разграничение нескольких составов преступлений и дача правильной уголовно-правовой оценки содеянному. Кроме того, необходимо исследовать психическое отношение виновного к общественно опасному деянию и к возможным последствиям во взаимосвязи с внешним выражением преступления, совершаемого общеопасным способом.

Таким образом, пути решения сложившихся в правоприменительной практике проблем можно выразить в следующих позициях:

при определении минимального достаточного объема тех объектов, которые должны быть поставлены в опасность для признания применяемого способа общеопасным, устанавливать факт создания угрозы причинения вреда социально значимым благам, входящим

[1] Попов, А.Н. Доктринальное толкование умысла виновного при совершении убийства общеопасным способом // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 51.

вместе с основным объектом в одну главу УК РФ. Вместе с тем, закрепить презумпцию, в соответствии с которой, в случае заведомого создания угрозы для жизни и здоровья хотя бы одного человека, при отсутствии таковой для одновидовых объектов, признавать преступление совершенным общеопасным способом.

оценку субъективной стороны состава производить путем анализа психического отношения виновного к своему деянию и к последствиям, наступление которых возможно не только для основного потерпевшего, но и для иных лиц. При этом необходимо соотносить направленность умысла с внешним отражением применяемого способа в объективной действительности.

Имеющиеся в судебно-следственной практике проблемы, безусловно, требуют дальнейшего расширения сферы исследования вопросов квалификации преступлений, совершаемых общеопасным способом.

УДК 343

А.С. ФИСУН

научный руководитель
доцент А.В. ЗАРУБИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И (ИЛИ) ОБОРОТ ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

Вопросы уголовной ответственности за незаконный оборот алкогольсодержащей продукции остаются актуальными и по сегодняшний день, о чем свидетельствуют материалы судебной практики и данный статистики о об объемах реализуемого контрафактного алкоголя.

Управлением Роспотребнадзора только в Санкт-Петербурге в 2019 году зарегистрировано 15448 случаев острых отравлений спиртосодержащей продукцией, содержащей этиловый спирт, этанол, в том числе из них 185 случаев с летальным исходом[1].

[1] Об итогах по отравлению алкоголем// Управление Роспотребнадзора по городу Санкт-Петербургу. – URL: http://78.rospotrebnadzor.ru/731/-/asset_publisher/E2xt

Основной причиной отравлений спиртосодержащей продукцией является употребление как пищевой, так и непищевой этанолсодержащей продукции. Случаи отравлений становятся следствием использования алкогольной продукции, изготовленной в домашних условиях, или приобретенной вне специализированных магазинов, имеющих лицензию на продажу алкоголя, в том числе в результате покупки алкогольных напитков, реализуемых путем дистанционной торговли в сети Интернет.

Представляется, что состав преступления по ст. 171.3 УК РФ формальный. Объективная сторона состава преступления характеризуется альтернативными действиями, а именно производство, закупка (в том числе, импорт), поставка (в том числе, экспорт), хранение, перевозка и (или) розничная продажа этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере. На практике данная деятельность чаще всего осуществляется группой лиц по предварительному сговору, в тех случаях, когда первый исполнитель производит, а второй сбывает алкогольную продукцию без лицензии.

На практике довольно трудно разграничить ст. 171.3 УК РФ со ст. 171 УК РФ, например, когда осуществляется оборот алкогольной продукции не только в отсутствие лицензии, но и регистрации.

Состав преступления по ст. 171 УК РФ формально-материальный. Данная норма применяется при осуществлении предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере.

При этом необходимо обратить внимание, что для ст. 171 УК РФ в соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ крупным ущербом, доходом в крупном размере признаются ущерб, доход в сумме, превышающей 2 млн 250 тыс. рублей, а особо крупным — 9 млн рублей.

Крупным размером в ст. 171.3 УК РФ признается стоимость этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство и (или) оборот которых осуществляются без соответствующей лицензии, превышающая 100 тыс. рублей, а особо крупным — 1 млн рублей.

Следовательно, если лицо осуществляет производство и сбыт алкогольсодержащей продукции без регистрации, то его действия не подлежат квалификации по ст. 171.3 УК РФ. Проблема заключается в том, что не каждый подпольный производитель и сбытчик фальсифицированной алкогольсодержащей продукции извлекает из данной деятельности доход на сумму 2 млн 250 тысяч рублей, в результате чего в его действиях отсутствует состав преступления по ст. 171 УК РФ, но не исключает квалификации по ст. 14.17 КоАП РФ или ст. 14.17.1 КоАП РФ.

Существуют также проблемы разграничения мошенничества (ст. 159 УК РФ) и незаконного производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции (ст. 171.3 УК РФ), в частности, когда виновные осуществляют реализацию фальсифицированных спиртосодержащих напитков, под видом подлинных, обманывая потребителей данной продукции относительно качества и иных характеристик товара, влияющих на его стоимость[1].

Например, организованная группа лиц осуществляла преступную деятельность, связанную с незаконным оборотом, продажей алкогольной продукции под видом спиртных напитков и хищениями денежных средств потенциальных покупателей путем обмана последних, посредством реализации нелегальных товаров под видом оригинальной алкогольной продукции. Алкоголь был оформлен специальными этикетками и пробками, изготовленными с использованием чужих товарных знаков.

Действия подсудимых были квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ, а также по ч. 6 ст. 171.1, ч. 3 ст. 180 УК РФ[2].

По мнению Б. В. Волженкина подобные деяния следует квалифицировать по совокупности преступлений: «то, что субъект, не будучи зарегистрирован как предприниматель или не имея лицензии, стал заниматься производством (реализацией) алкогольной продукции, дает основание для вменения ст. 171 УК РФ, а то, что реализовывалась фальсифицированная продукция, — для вменения ст. 159 УК РФ»[3].

---

[1] Кравченко Р. М. Особенности квалификации небезопасного выполнения работ и оказания услуг при осуществлении незаконной предпринимательской деятельности // Российский судья. –2017. –№ 9. –С. 40.

[2] Приговор Златоустовского городского суда Челябинской области № 1-412/2016 от 19 августа 2016 г. по делу № 1-412/2016// Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ecclHiSODG54/

[3] Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. – СПб., – 2007. – С. 222.

По мнению А.В. Зарубина «квалификация сбыта фальсифицированной алкогольной продукции путем обмана как мошенничество по ст. 159 УК РФ возможна только при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 171.3, 171.4 УК РФ[1].

По нашему мнению, квалификация преступления по ст. 159 УК РФ в части сбыта фальсифицированной алкогольной продукции возможна только при наличии конкретного потерпевшего, например, в случае сбыта фальсифицированной алкогольной продукции через Интернет.

В том случае если производство и сбыт фальсифицированной алкогольной продукции происходит в промышленных объемах, то деяние следует квалифицировать по ст. 171.3 УК РФ.

Во многих случаях производство и сбыт фальсифицированной спиртосодержащей продукции часто сопряжены с использованием поддельных товарных знаков. Квалификация по ст. 159 УК РФ, ст. 171.3 УК РФ и ст. 238 УК РФ возможна, по нашему мнению, в том случае, если лицо незаконно изготавливает алкогольную продукцию, которая создаёт угрозу жизни или здоровью потребителей, только при реальной совокупности преступлений.

Целесообразно внести изменения в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 года № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», уточнив сферу применения ст. 171.3 УК РФ[2].

Остаются нерешенными вопросы относительно предмета оборота по ст. 171.3 УК РФ, в случае незаконного производства или оборота фармацевтического этилового спирта или спиртосодержащей продукции, которую используют в медицинских целях. В данном случае возникает конкуренция составов преступлений, предусмотренных ст. 171.3 УК РФ и ст. 235.1 УК РФ.

Согласно ст. 18 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.03.2020) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» лицензированию подлежат производство этилового спирта

[1] Зарубин А.В. Проблемы квалификации незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // КриминалистЪ. –2019. –№ 3 [28]. – С.5.

[2] Зарубин А.В. Указ. соч. С.5.

для производства фармацевтической субстанции спирта этилового (этанола). Следовательно, под действие данного закона подпадает как продукция по ст. 235.1 УК РФ, так и по ст. 171.3 УК РФ. В том случае, если продукция производится с целью ее розничной реализации, то деяние следует квалифицировать по ст. 171.3 УК РФ.

Практике известны случаи, когда преступники в состав спиртосодержащей продукции добавляли метиловый спирт (метанол). Например, группа лиц по предварительному сговору на территории г. Иркутска, систематически приобретали у неустановленных лиц спиртосодержащую продукцию. Данную спиртосодержащую жидкость «Боярышник» они реализовывали неограниченному кругу потребителей через нанятых ими продавцов, в том числе в качестве спиртных напитков, в отсутствие документов, удостоверяющих легальность производства товара и его оборота.

Согласно экспертному заключению в изъятых спиртосодержащих жидкостях, обнаружен метиловый спирт в концентрации, которая превышает нормативные показатели. Обнаруженная концентрация метилового спирта не соответствует ГОСТу № «Спирт этиловый-сырец из пищевого сырья. Технические условия». Таким образом, указанные спиртосодержащие жидкости являются опасными для здоровья и жизни человека при употреблении их внутрь. Действия подсудимых суд квалифицировал по п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ[1].

Квалифицировать действия подсудимых по ст. 171. 3 УК РФ невозможно, так как метиловый спирт (метанол) не относится к перечню продуктов, подпадающих по действие Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.03.2020) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Сходным с составом преступления по ст. 171.3 УК РФ является контрабанда алкогольной продукции (ст. 200.2 УК РФ).

В соответствии с п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде», если лицо наряду с незаконным перемещени-

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Иркутска № 1-495/2018 от 4 сентября 2018 г. по делу № 1-495/2018// Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/HKEYpAVuIeLQ/

ем через таможенную границу, Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза предметов, перечисленных в ст.ст. 226.1 и 229.1 УК РФ, совершает умышленное противоправное деяние, связанное с незаконным оборотом этих предметов, в том числе их перевозку, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 226.1 и (или) ст. 229.1 УК РФ и соответствующими статьями УК РФ.

В диспозиции ст. 171. 3 УК РФ перечислены такие альтернативные действия, как производство, закупка (в том числе импорт), поставка (в том числе экспорт), поэтому представляется возможным квалифицировать экспорт алкогольсодержащей продукции по ст. 171.3 УК РФ в совокупности со ст. 200.2 УК РФ, если данная продукция превышает сумму в 250 тыс. рублей.

В то же время, если в диспозиции ст. 171. 3 УК РФ перечислены действия, которые являются способом совершения преступления по ст. 200.2 УК РФ при квалификации действий по совокупности может нарушаться принцип справедливости, указанный в ст. 6 УК РФ. В то же время, так как Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» не содержит соответствующих разъяснений по данному вопросу, вполне возможно говорить о квалификации по совокупности составов ст. 171. 3 УК РФ и ст. 200.2 УК РФ.

СЕКЦИЯ VI

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

УДК 343.1

И.И. АНТОНОВ

научный руководитель
профессор В.С. ШАДРИН

ОСОБЕННОСТИ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ПРОКУРОРА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Выступление прокурора с обвинительной речью в прениях сторон перед присяжными заседателями осуществляется в соответствии со статьями 292 и 336 УПК РФ с учетом особенностей рассмотрения дела в суде с участием присяжных заседателей, в том числе их полномочий и содержания поставленных перед ними вопросов.

Несмотря на то, что этап судебных прений является не только завершающим, но и фактически ключевым для судопроизводства по уголовному делу, нередки случаи выступлений государственных обвинителей следующего характера: «Все доказательства, подтверждающие виновность подсудимого, являлись предметом исследования в ходе судебного следствия, в связи с чем задерживаться на их анализе и оценке не будем, перейдем к вопросам предлагаемого обвинением наказания…»[1]. Представляется, что подобный подход по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, недопустим, несмотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство не содержит каких-либо требований к структуре и содержанию выступления ни государственного обвинителя, ни защитника. Фактически выступление сторон носит произвольный характер, в зависимости от обстоя-

[1] См., например: Соловьев С.А. Процессуальная ценность обвинительного заключения на современном этапе (практический аспект) // Адвокатская практика. 2016. – № 1. – С. 32.

тельств и особенностей дела, объема и специфики исследованных доказательств[1]. Значение выступления государственного обвинителя, выступающего от имени Российской Федерации, не стоит недооценивать и, тем более, умалять.

Существует мнение о различии фигур процессуальных сторон – защитника и обвинителя, в соответствии которым первый видится более гуманным, поскольку представляет конкретного человека, но не лишенным определенной доли аморальности, ввиду сложившегося стереотипа о том, что адвокаты помогают виновным избежать наказания. При этом фигура государственного обвинителя ассоциируется с законом, что изначально в глазах присяжных склоняет чашу весов на его сторону и зачастую воздействует сильнее, чем красноречие защиты[2].

Однако и в этом случае обвинительная речь в судебных прениях не может становиться простой формальностью, а является способом убеждения суда в законности и обоснованности уголовного преследования подсудимого, через которую прокурор реализует свою процессуальную функцию в уголовном судопроизводстве[3].

Представляется верным, что судебная речь прокурора должна быть построена из следующих элементов: введение, основная часть и заключение.

Вступление предназначено для установления с присяжными заседателями психологического контакта, пробуждения интереса и доверия к себе и своему выступлению[4], настроить на восприятие основной части. Стоит помнить, о краткости и ясности используемых слов и выражений.

Основная часть строится на системном анализе и оценке всех представленных суду доказательств с учетом фабулы инкриминируемого подсудимому деяния. Часто государственные обвинители тактически выбирают последовательность изложения в соответствии с порядком представления доказательств в ходе судебного следствия, что объясняется возможностью мысленного воспроизведения судом в своей памяти содержания упомянутых

---

[1] Желтобрюхов С.П. Прения сторон и последнее слово подсудимого // Российская юстиция. 2018. – № 9. – С. 32.

[2] Шестак В.А. Психологические особенности взаимодействия сторон уголовного процесса с присяжными заседателями / В.А.Шестак // Мировой судья. 2019. № 8. С. 17.

[3] Гатауллин З.Ш. Обоснование обвинения в прениях сторон // Российская юстиция. 2009. – № 6. – С. 48.

[4] В. Фалилеев Демонстрационный характер формирования доказательств, представляемых суду присяжных // Законность, – № 8, 2017. – С. 11.

прокурором моментов[1]. Выигрышным также считается формулирование риторических вопросов, позволяющих акцентировать внимание на имеющих значение для дела юридических фактах, противопоставляя или предлагая следовать логике доводов противоположной стороны. Другим распространенным и эффективным приемом доказывания, применяемого государственным обвинителем, является анализ доказательств в последовательности от менее весомых к более значимым[2].

В суде присяжных нельзя забывать о том, что речь прокурора должна быть точна и доступна слушателям для понимания. Отсутствие точности может дать дополнительные преимущества защитнику, выступающему, как правило, следом и имеющему шансы учесть недостатки речи прокурора. Пренебрежение требованием о понятности речи, особенно для профессионально деформированного прокурорского работника, может повлечь недостаточное убеждение присяжных, которые окажутся неспособными уловить и осмыслить сказанное, а впоследствии и вынести справедливый вердикт. Кроме того, соблюдение указанных критериев позволит прокурору сохранить и укрепить установленный на вступлении психологический контакт.

В качестве примера из практики государственного обвинения прокуратуры Санкт-Петербурга можно привести следующий: по делу о мошенничестве, совершённом сотрудниками налоговой инспекции посредством незаконного внесения изменений в единый государственный реестр юридических лиц, государственным обвинителем в прениях сторон преступная схема была представлена на примере возможных мошенничеств с квартирами обычных граждан. Подобное сравнение сделало обвинение, предъявленное подсудимым, доступным для восприятия лицами, не имеющими отношения к бизнесу, и по делу впоследствии был вынесен обвинительный вердикт.[3]

---

[1] Исаенко В.Н. Анализ доказательств прокурором в судебных прениях // Актуальные проблемы российского права. 2018. – № 9. – С. 221.

[2] Волнянская Л.Т., Данилова Н.А., Евдокимов С.Г., Иванов И.И., Иванова Я.И., Исаюк-Саевская А.Р., Кириллова Н.П., Коршунова О.Н., Кузуб Л.Н., Кушниренко С.П., Пименова З.И., Питерцев С.К., Севастьяник И.К., Серова Е.Б., Степанов А.А., Сухарникова Л.В., Челышева О.В. Руководство для государственного обвинителя (под ред. О.Н. Коршуновой) (учебное пособие; 4-е изд., испр. и доп.). - М.: «Юстиция», 2019. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[3] Мариинская Н.В. Прения государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей // Законность, № 4, апрель 2018 г., – С. 12.

При этом, каким бы эмоционально насыщенным не было выступление государственного обвинителя, оно не должно противоречить положениям п. 2.1.12 Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации, утвержденного приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114, согласно которым государственный обвинитель в отношениях с другими участниками судебного процесса должен проявлять принципиальность, корректность, непредвзятость и уважение[1].

Если стороной защиты неверно изложены фактические обстоятельства дела, искажена позиция государственного обвинения, без достаточных оснований осуществлена попытка скомпрометировать доказательства обвинения, допущены нетактичные высказывания в отношении участников судебного разбирательства либо сделана озвучены неисследованные в судебном заседании доказательства, государственному обвинителю необходимо реализовать свое право на реплику. Отказ от реплики в таких случаях означает согласие с доводами стороны защиты и создаст у присяжных заседателей впечатление пассивности государственного обвинителя, дискредитирует обоснованность его позиции. Выступление государственного обвинителя с репликой должно быть кратким, но емким, с приведением мотивов несогласия с выступлением процессуальных оппонентов.[2]

Право реплики предоставляет прокурору возможность обратить внимание присяжных заседателей на необоснованные положения в речи других участников судопроизводства, неточности или фактические ошибки, касающиеся имеющих значение для дела обстоятельств, а также на иные недобросовестные методы защиты.

В то же время иногда представляется тактически верным планировать отложение на стадию реплик некоторых значимых умозаключений, предвосхищая и учитывая сказанное в прениях стороной защиты, оставив внимание за позицией государственного обвинения. Таким образом, судебные прения, являющиеся заключительным этапом судебного разбирательства с непосред-

[1] Владыкина Т.А. Прения сторон в суде присяжных // Российский судья. - М.: Юрист, 2015, – № 11. – С. 35.

[2] Шестак В.А. Поддержание военными прокурорами государственного обвинения по уголовным делам, рассматриваемым гарнизонными военными судами с участием присяжных заседателей // Российский следователь. 2017. – № 16. – С. 20.

ственным участием присяжных заседателей, играет важную роль, позволяя им понять, кто прав, а кто отстаивает свою точку зрения без достаточных на то оснований[1].

Особенностью производства по делам с участием присяжных заседателей, к которой должен быть готов поддерживающий государственное обвинение прокурор, является то, что в действительности судебные прения сторон в процессе (включая последнее слово подсудимого) проводятся дважды: первый раз с участием коллегии присяжных заседателей, которая затем выносит вердикт, второй раз без участия присяжных заседателей после обсуждения последствий вердикта перед удалением судьи в совещательную комнату для постановления приговора[2].

Таким образом, поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей на этапе судебных прений обладает рядом особенностей, без учета которых невозможна реализация фундаментальных принципов осуществления уголовного судопроизводства. Указанное требует от участвующего в деле прокурора неукоснительного соблюдения требований Уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации, а также знания психологии и криминалистической тактики.

УДК 343.1

В.О. БУКИНА,
А.С. СИДОРЕНКО

научный руководитель
доцент М.А. БАРАНОВА

ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЩИТНИКОВ С ПОМОЩЬЮ ЭЛЕКТРОННОЙ СИСТЕМЫ

В наши дни электронные технологии применяются повсеместно, внедряясь в различные сферы жизни человека, в том числе – и в процесс осуществления правосудия. Одним из последних нововведений в этой области стало внедрение в отдельных субъектах Российской Федерации новой системы назначения государственных защитников – электронной.

[1] Алексова А. Особенности речи государственного обвинителя в прениях сторон при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей // Законность, № 7, июль 2014 г. – С. 15.

[2] Зуев Ю.Г. Уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей: курс лекций. Москва: Проспект, 2018. 168 с.

Функционирование электронных «очередей» для адвокатов осуществляется с помощью электронной системы «Адвокатура», объединяющей как адвокатов, так и представителей судебного аппарата, органов следствия и дознания. Судья, рассматривающий дело, или следователь (дознаватель) оставляет заявку о необходимости назначения государственного защитника. После того, как заявка попадает в систему, первому по очередности адвокату автоматически направляется извещение в виде SMS-сообщения, письма на электронную почту или уведомления в личный кабинет. После получения извещения у адвоката есть порядка 15 минут для отклика на заявку. В случае отказа или истечения времени заявка автоматически направляется следующему в очереди защитнику.

В случае отказа защитника возникает вопрос о его ответственности за подобные действия. Так, п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» устанавливает обязанность адвоката участвовать в качестве бесплатного защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда.[1]В случае отказа от участия в процессе обеспечения защиты адвокат может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.[2] Однако, на наш взгляд, при этом необходимо учитывать уважительность причин такого отказа (например, высокая нагрузка и невозможность взять еще одно дело, состояния здоровья и др.).

Другим, не менее важным аспектом является вопрос о том, как будет формироваться подобная «очередь». Для допуска к работе по назначению необходимо обращение в Адвокатскую палату с заявлением, на основании которого специальная комиссия изучает квалификацию претендента и проверяет, не допускал ли он серьезных нарушений при осуществлении профессиональной деятельности, при их обнаружении его не допускают к работе государственным защитником. После завершения всех процедур данные адвоката вносятся в электронную систему[3].

Порядок, формирования очереди, должен определяться случайным образом, чтобы исключить возможность вмешательства

---

[1] См.: Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. – № 23. Ст. 2102.

[2] См.: Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (ред. от 20.04.2017) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. – № 2.

[3] См.: Адвокатов поставили в электронную очередь // Коммерсантъ. URL https://www.kommersant.ru/doc/3243443(дата обращения: 17.04.2019).

заинтересованных лиц. Однако, остается открытым вопрос о времени принятии решения адвокатом. На наш взгляд 15 минут для ознакомления с делом недостаточно. Вследствие такого «беглого» ознакомления с материалами дела, в дальнейшем могут возникнуть определенные трудности. Например, государственный защитник взял дело и представляет интересы конкретного лица, а в процессе производства станет известно, что данный защитник не может представлять это лицо, например, если выявится личная заинтересованность защитника (родство со стороной обвинения).

Безусловно, данная электронная система обладает и преимуществами, в первую очередь, ее введение направлено на борьбу с «карманными» адвокатами, существование которых приводит к нарушению принципа состязательности сторон и злоупотреблению полномочиями. Вторым достоинством данной системы является ускорение процесса работы адвокатов вследствие сокращения бумажной работы. Более того, благодаря подобной электронной системе назначения адвокатов появляется возможность онлайн отследить историю работы адвоката по назначению и защиты интересов конкретного подозреваемого или обвиняемого, определить в каком деле происходит частая смена адвокатов, и выяснить причины этого явления. Например, можно будет отследить, когда суды или сторона обвинения пытаются избавиться от «неудобного» защитника. В-третьих, данная электронная система позволит вести учет рабочего времени адвокатов по назначению, собирать информацию для статистики и анализа и в результате делать прогнозы и планировать нагрузку на адвокатов.

Исходя из этого, в 2018 году Министерством юстиции были предприняты попытки внесения изменений в статьи 50 и 75 УПК РФ, связанные с внедрением электронной системы назначения защитника, путем представления законопроекта. Основной целью законопроекта является реализация принципа независимости адвокатуры, исключающего влияние органов дознания, предварительного следствия или суда на распределение поручений на защиту по назначению между адвокатами. Однако данный проект на сегодняшний момент не был реализован и не внесен в Государственную Думу РФ. Причинами этого стали недоработанность проекта и финансовые трудности, связанные с внедрением автоматизированной информационной системой.

Согласно данным, представленным ФПА РФ, введены и успешно используются специализированные компьютерные программы для распределения поручений в 7 субъектах Российской Федера-

ции, а в 9 субъектах – распределение осуществляется сотрудниками Центров. Для дальнейшего распространения положительной практики и придания ей обязательности, предлагается дополнить ст. 50 УПК РФ, а также как следствие в ст. 75 УПК РФ для обеспечения гарантий соблюдения указанного требования.

На наш взгляд, необходимо внести следующие изменения в УПК РФ. Статью 50 дополнить частью 2.1 следующего содержания: «Назначение защитника дознавателем, следователем или судом осуществляется посредством применения системы электронного назначения государственных защитников «Адвокатура»».

Одновременно с этим ввести п. 1.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, согласно которому «Показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу с участием защитника, назначенного с нарушением требований, установленных ч. 2.1 ст. 50 УПК РФ, являются недопустимыми доказательствами».

В соответствии с данными изменениями следует внести аналогичные изменения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности адвокатуре в РФ»[1], а также Министерству юстиции РФ необходимо издать подзаконный акт, регламентирующий порядок применения данной программы, основные требования, порядок учета адвокатов, порядок оформления заявки, вопросы финансирования и пр.

УДК 343.1

И.А. ГУСАКОВА

научный руководитель
доцент Н.В. СИДОРОВА

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ АДВОКАТА

Свидетель в уголовном процессе выполняет значимую роль: благодаря ему можно получить необходимые сведения о совершенном преступлении либо его подробности, которые являются ключевыми, и именно с помощью них можно разрешить уголовное дело.

[1] См.: Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. – № 23. Ст. 2102.

В силу части 1 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ «в качестве свидетеля может быть вызвано любое лицо, которому известны или могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела». Из данного положения делаем вывод, что дача свидетельских показаний об известных обстоятельствах уголовного дела является гражданским долгом каждого гражданина. В случае, если свидетеля вызвали для дачи показаний, но он не явился без уважительных причин, то данное лицо подлежит приводу. Однако из обязанности давать свидетельские показания есть исключения, которые закреплены в законодательстве.

Как известно, некоторые лица обладают свидетельским иммунитетом в уголовном процессе, под которым в пункте 40 статьи 5 Уголовно-процессуально кодекса Российской Федерации понимается «право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». В теории отмечается, что данное право является исключением из принципа равенства человека и гражданина перед законом и судом[1].

Все эти лица перечислены в части 3 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Но возникает вопрос: эти лица полностью освобождены от дачи показаний или все же при желании могут их дать?

В науке уголовно-процессуального права свидетельский иммунитет подразделяют на два вида: относительный и абсолютный[2]. Данная классификация производится в зависимости от характера волеизъявления лица, который наделен свидетельским иммунитетом (он самостоятельно отказывается от дачи показаний либо же его и так невозможно допросить в силу установленного законом запрета).

Суть относительного свидетельского иммунитета состоит в том, что лицо, которые вызвано в качестве свидетеля, имеет право отказаться от дачи показаний и не может быть привлечено к ответственности за такой отказ. В данном случае перед началом допроса лицу должно быть разъяснено право отказаться от дачи

[1] Адорожная В.А. Содержание принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве / В.А. Адорожная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. – № 5. – С. 136 – 139.

[2] Смолькова И.В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве // И.В. Смолькова. М: Юрлитинформ. 2014. 352 с.

показаний, и если он не воспользуется этим правом, то можно проводить допрос. Относительный свидетельский иммунитет основан на положениях части 1 статьи 51 Конституции РФ, согласно которым «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников...». Круг лиц, обладающих таким видом иммунитета в уголовном процессе, закреплен в пункте 4 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ и включает супруга, супругу, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, братьев и сестер, а также дедушек, бабушек и внуков.

Относительный свидетельский иммунитет имеют также члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы по поводу обстоятельств, ставших им известными в связи с осуществлением полномочий (пункт 5 части 3 статьи 56 Уголовно-процессуально кодекса РФ). Закон допускает допрос указанных лиц, но только с их согласия.

Абсолютный свидетельский иммунитет – это установленный законом запрет допрашивать лица об обстоятельствах, которые ему известны. Его отличие от относительного свидетельского иммунитета заключается в том, что если лицо обладает таким видом иммунитета, то на допрос его вызвать нельзя, то есть нельзя привлечь в качестве свидетеля. Более того, если лицо самостоятельно, добровольно изъявляет желание дать показания по делу, допросить его в качестве свидетеля невозможно, поскольку закон установил полный запрет на такие действия. Данное обстоятельство обусловлено тем, что лицо, давая показания по делу, разглашает сведения не о себе, а о другом человеке, тем самым получая возможность нарушить его права и интересы. Чтобы этого не происходило, законодатель предоставил некоторым категориям лиц такой свидетельский иммунитет.

Исходя из анализа части 3 статьи 56 Уголовно- процессуального кодекса РФ, абсолютным свидетельским иммунитетом обладают следующие лица:

судья, присяжный заседатель об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному делу;

священнослужитель - об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди;

должностное лицо налогового органа- об обстоятельствах, которые стали ему известны из специальной декларации;

арбитр (третейский судья) - об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе арбитража (третейского разбирательства).

Считаем их свидетельский иммунитет абсолютным, так как даже на законодательном уровне не выделяется никаких исключений, чтобы указанных лиц можно было вызвать и допросить. То есть установлен полный запрет для вызова этих лиц на допрос.

Таким образом, если лицо наделено абсолютным свидетельским иммунитетом, то оно не имеет возможности давать показания ни при каких обстоятельствах (хочет он этого или нет). Имея относительный свидетельский иммунитет, лицо получает право отказаться от дачи показаний (если желает этого).

Дискуссионным в науке является вопрос: свидетельский иммунитет адвоката является абсолютным или относительным?

Свидетельский иммунитет адвоката предусмотрен частью 2 статьи 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 № 63-ФЗ[1], а также пунктами 2 и 3 части 3 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Конституционный Суд РФ подтвердил важную роль свидетельского иммунитета адвоката в сохранении адвокатской тайны, отметив, что он служит обеспечением права каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (часть 1 статьи 23 Конституции РФ) и является гарантией того, что информация о частной жизни, доверенная лицом в целях собственной защиты только адвокату, не будет вопреки воле этого лица использована в иных целях, в том числе как свидетельство против него самого (статья 24 и часть 1 статьи 51 Конституции РФ).

Однако, как подчеркнул Конституционный Суд РФ, такие гарантии должны распространяться лишь на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами, которые не выходят за рамки оказания профессиональной юридической помощи в порядке, установленном законом, то есть не связаны с нарушениями ни со стороны адвоката, ни со стороны его доверителя, за которые их можно привлечь к уголовной ответственности[2].

---

[1] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ: по сост. на 15 декабря 2019 г.// Собрание законодательства РФ. 2002. – № 23. Ст. 2102.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панова Владимира Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 188 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 689-О [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 16.12.2019).

Также в своем Определении от 6 июня 2016 года № 1232-О Конституционный Суд РФ пояснил часть 2 и 2 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, указав, что не являются адвокатской тайной сведения, из которых можно сделать вывод, что в отношениях между адвокатом и его доверителем (или в связи с этими отношениями) есть признаки преступления[1].

По общему правилу, адвокат не может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи. Но из данного правила есть исключения.

Первое исключение выделяет сам закон - если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого (пункт 2 части 3 статьи 56 Уголовно-процессуально кодекса РФ) или адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь (пункт 3 части 3 статьи 56 Уголовно-процессуально кодекса РФ). Данное правило не соответствует позиции ученых о том, что свидетельский иммунитет адвоката является абсолютным[2].

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался о том, что адвокат может быть допрошен в качестве свидетеля даже о тех сведениях, которые ему стали известны в результате оказания правовой помощи. Самым первым решением по данному вопросу было Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О по жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича[3]. Указанным определением суд признал допрос адвоката-защитника об обстоятельствах, которые составляют адвокатскую тайну, но только при условии, если это в интересах подзащитного или если инициирует допрос сам защитник или его подзащитный. Уже на основании данного Определения Конституционного Суда РФ в часть 3 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ в

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плетнева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2016 № 1232-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 1. 2008.

[2] Мельниченко Р.Г. Адвокатам разрешили давать показания против своих клиентов? / Р.Г. Мельниченко // Адвокат. 2008. – № 7. – С. 3-6.

[3] По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. – № 4.

2017 году внесены изменения, которые легально закрепляют названную правовую позицию суда в отношении адвоката и защитника подозреваемого, обвиняемого[1].

Второе исключение выделено в Определении Конституционного Суда от 16 июля 2009 г. № 970-О-О, согласно которому адвокатов можно допрашивать о нарушениях уголовно-процессуального закона, которые были допущены во время досудебной подготовки дела. Но данным полномочием обладает исключительно суд: он вправе задавать адвокату вопросы относительно имевших место нарушений уголовно-процессуального закона, не спрашивая при этом информацию, которую лицо доверило адвокату, а также иную информацию об обстоятельствах, которая стала ему известна в связи с его профессиональной деятельностью[2].

Но данное положение не закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, что вызывает вопросы. Ведь это исключение также имеет важное практическое значение. Кроме того, процессуальные иммунитеты и связанные с ними гарантии должны быть закреплены только в Уголовно-процессуальном кодексе РФ[3].

Поскольку в научной литературе отмечается, что свидетельский иммунитет - это не право указанных в части 3 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ лиц отказаться от дачи показаний, а запрет самого вызова их на допрос, то можно сделать вывод, что свидетельский иммунитет адвоката является относительным, так как на допрос он все же может быть вызван при определенных обстоятельствах.

Некоторые учены поддерживают позицию, что свидетельский иммунитет адвоката никогда не был абсолютным. Он всегда был привилегией, которую можно снять при наличии определенных обстоятельств[4].

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ: по сост. на 16 декабря 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. – № 17. Ст. 2455.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 970-О-О [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 16.12.2019).

[3] Казаков А.А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства / А.А. Казаков // Lex russica. 2016. – № 4. – С. 115 - 123.

[4] Таран А. С. Свидетельский иммунитет адвоката: исторические параллели / А. С. Таран // Адвокатская практика. 2016. – № 1. – С. 56-61.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время увеличивается количество незаконных допросов адвокатов в качестве свидетеля с целью дальнейшего его отвода как защитника (представителя). Количество незаконных вызовов адвокатов на допрос выросло на 71,4% (с 98 в 2016 году до 168 в 2017 году)[1].

Полагаем, что условиями вызова на допрос адвоката в качестве свидетеля является следующее:

если о допросе адвоката ходатайствует сам подозреваемый (обвиняемый);

если дача показаний адвокатом необходима для защиты прав и законных интересов непосредственно подозреваемого (обвиняемого);

если подозреваемый (обвиняемый) выразил согласие на допрос адвоката, который осуществлял его защиту.

Как уже отмечалось выше, если о допросе адвоката ходатайствует сторона обвинения, то адвокат может дать показания только о допущенных нарушениях уголовно-процессуального законодательства РФ при производстве следственных и иных процессуальных действий.

На основании изложенного можно сделать вывод, что свидетельский иммунитет адвоката носит относительный характер, так как Уголовно-процессуальный кодекс РФ и решения Конституционного Суда РФ выделяют обстоятельства, при которых адвокат может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля. Если бы его иммунитет был абсолютным, то никаких исключений относительно допроса адвоката закон бы не предусматривал.

УДК 343.1

Е.Ю. ЕГОРОВА

научный руководитель
доцент М.А. БАРАНОВА

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

XXI век – это век информационных технологий. Разработана Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, согласно которой основным направлением внутренней политики РФ является формирование ин-

[1] Федеральная палата адвокатов РФ. М., 2018. URL: http://fparf.ru (дата обращения: 15.12.2019).

формационного пространства[1]. Во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. была разработана Национальная программа «Цифровая экономика РФ» на срок до 2024 г. включительно[2].

Данная программа предусматривает увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников. Предполагается разработка технологических решений, обеспечивающих развитие информационных систем электронного правительства как цифровой платформы.

Цифровые технологии являются заметным признаком развития и современного права. По мнению Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, человечество вступило в новую эру цифровой реальности, а на смену привычному классическому праву приходит цифровое право[3]. Одним из направлений развития уголовного процесса является использование электронного документооборота и формирование электронного правосудия.

Во многих зарубежных странах уже сложилась определенная система электронного ведения уголовных дел. Например, в Бельгии в 2005 году был создан проект электронного правосудия «Phenix», в рамках которого, помимо системы электронного документооборота судов, «электронный файл» мог пополняться полицией, адвокатом, сторонами[4]. В Азербайджане при расследовании налоговых преступлений применяется программа «Электронное уголовное дело» уже с 2016 года[5].

Постепенно системы электронного судопроизводства внедряются и в Канаде, США, Германии. Что касается Российской Фе-

---

[1] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

[3] Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Рос. газ. 30.05.2018., – С. 23-26.

[4] Сергеев, С. М. Правовое регулирование и применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве : дисс. . канд. юрид. наук / С. М. Сергеев. — Казань, 2018. – С. 52-54.

[5] Марковичева Е.В. Элементы электронного правосудия в российском уголовном процессе: проблемы и перспективы // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 октября 2016 г. Орел, 2016. С. 248.

дерации, то подобная практика практически отсутствует, однако предпринимаются попытки ее создания.

Многие ученые, в частности А.Ф. Пальчикова, активно обсуждают вопросы о возможности активного использования электронных уголовных дел. Нельзя не согласиться с точкой зрения А.Ф. Абдулвалиева, который предлагает формировать электронный носитель, который предназначен для хранения цифровой информации[1]. Он полностью бы заменял бумажное уголовное дело, его можно было бы использовать совместно с портативным компьютером для собирания доказательств в рамках расследования. Электронная форма уголовного дела может ограничиться всего лишь одним цифровым носителем, в котором будут содержаться все материалы по делу.

Представляется разумным рассмотреть положительные и отрицательные моменты использования электронных уголовных дел.

Первая проблема заключается в возможности фальсификации следователем информации. То, что следователь имеет доступ к цифровой информации, будет вызывать сомнения в ее достоверности. Существует возможность раскрытия персональных данных, а также кражи профессиональной и служебной тайны[2]. Таким образом, возникает необходимость в дополнительной защите электронных материалов уголовного дела, а также сведений, содержащих секретную информацию. Данный вопрос на сегодняшний день является нерешенным.

Определенные риски связаны и с тем, что довольно легко будет внести какие-либо изменения в цифровую информацию, поэтому предоставление ее участникам процесса для ознакомления также будет иметь некоторые трудности. Так в 2015 году в г. Москве следователь отказал обвиняемому по окончании расследования в ознакомлении с материалами уголовного дела, которые имелись только в электронной форме[3].

---

[1] Абдулвалиев А.Ф. Опять про электронное уголовное дело // Право и политика. 2013. – № 1. – С. 15−18.

[2] Пастухов, П. С. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства / П. С. Пастухов, М. Лосавио // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — № 36. — С. 231—236.

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 22.06.2015. Дело № 10-7831/2015.

Суд апелляционной инстанции поддержал сторону следователя, указав на то, что любое подключение накопителей информации может повлечь нарушение целостности содержимого, что можно выявить только после проведения компьютерно-технической судебной экспертизы. При этом положениями УПК РФ не предусмотрена возможность снятия копии информации, содержащейся на электронных накопителях, с целью ознакомления с материалами уголовного дела[1].

Также можно обозначить отсутствие хорошей защищенности электронной информации от вредоносных программ; отсутствие единой процессуальной формы электронного уголовного дела; недостаточную техническую оснащенность судебно-следственных органов[2]. При наличии данных недостатков невозможно качественно формировать электронные уголовные дела.

Однако имеются и положительные стороны. Во-первых, значительно упростится пересылка материалов дела, например, от одного отдела полиции в другой, от следователя - прокурору, от прокурора в суд на рассмотрение, что будет существенно экономить время. Во-вторых, сократятся бумажные расходы. В-третьих, это компактность хранения и легкость копирования. В-четвертых, повысятся требования к эффективности деятельности судебно-следственных органов и их ответственности. Таким образом, можно сказать, что замена бумажного уголовного дела электронным видится как вполне эффективная и рациональная перспектива.

Подводя итог, можно сделать вывод, что внедрение в уголовный процесс электронных дел имеет как преимущества, так и недостатки. Подобное нововведение позволит решить многие существующие проблемы, но при этом создаст новые. Не исключено, что в перспективе технические средства полностью вытеснят бумажные уголовно-процессуальные документы. Необходимо объективно подходить к развитию информационных технологий. Поэтому следует решать существующие проблемы уже на законодательном уровне, учитывая положительный опыт зарубежных стран и собственные национальные интересы.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 30.01.2020) // СПС Консультант плюс // http ://www .consultant.ru.

[2] Абдулвалиев А.Ф. Опять про электронное уголовное дело // Право и политика. 2013. – № 1. – С. 15−18.

УДК 343.1

А.Ю. ЛОГАНОВА

научный руководитель
Т.В. ЧЕБОТАРЕВА

О ВОПРОСАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ БЛИЗНЕЦОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

На сегодняшний день в следственной практике остаются проблемные вопросы, касающиеся института установления личности подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе. Известно, что весь процесс расследования по уголовному делу направлен на установление личности преступника. В соответствии с ч. 1 ст. 73, ч. 2 ст. 171 и другими положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ, одним из обязательных условий привлечения лица к уголовной ответственности является установление его личности[1]. Процедуры, применяемые в целях идентификации личности подозреваемого (обвиняемого) должны строго контролироваться для недопущения ошибки[2]. Это становиться особенно актуальным в случаях, когда преступления совершаются близнецами. При этом, преступления могут быть совершены одним из них отдельно или в соучастии, в том числе друг с другом. Проблемой установления личности в этой ситуации будет использование ими внешнего сходства в целях уклонения от уголовной ответственности. В связи с этим, процесс расследования преступлений с участием близнецов может оказаться затруднительным или вовсе невозможным.

В первую очередь, в ходе предварительного расследования могут возникнуть трудности в установлении личности подозреваемого (обвиняемого). Например, в ситуации, когда лицо умышленно оговаривает своего брата-близнеца в совершении преступления. Во-вторых, это обусловлено нецелесообразностью либо неэффективностью проведения ряда следственных действий, а именно: проведение очной ставки, предъявление для опознания

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 7 апреля 2020 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 12 апреля 2020 г.) // СЗ.РФ. 2001. – № 52. Ст. 4921.

[2] Кудрявцева Т.Г. Надлежащее установление личности виновного лица // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: материалы междунар. науч. конф. М.: Издательство ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012. – С. 215-217.

живого лица, предъявление для опознания по фотографии и других. Вероятность использования при предъявлении обвинения таких доказательств, как запись с камер наружного наблюдения, записи телефонных переговоров, показаний потерпевшего, свидетелей и иных также будет практически исключена. В этом случае личность подозреваемого (обвиняемого) может быть установлена с помощью анализа следов, оставленных на месте преступления и выявленных судебной экспертизой, или на основании его признательных показаний.

Проблемы привлечения к уголовной ответственности близнецов подтверждаются следственной практикой. Так, в результате дорожно-транспортного происшествия был совершен наезд на пешехода, и водитель транспортного средства скрылся с места преступления. Следствием было установлено, что за рулем находился один из братьев-близнецов. Давать показания они отказывались на основании ст. 51 Конституции РФ. Свидетель при предъявлении для опознания близнецов не смог объективно определить, кто находился за рулем автомобиля. Следователь назначил освидетельствование, однако телесных повреждений, полученных при ДТП, обнаружено не было. Запись с камер наружного видеонаблюдения не позволяла установить, кто находился за рулем автомобиля из-за внешнего сходства. Исходя из этого, в данной ситуации был реализовано положение принципа презумпции невиновности, согласно которому все неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого, и уголовное преследование в отношении близнецов было прекращено[1].

Таким образом, процесс установления личности подозреваемого (обвиняемого) может быть затруднен в случае, если преступление совершено одним из близнецов. В целях повышения эффективности идентификации личности при таких обстоятельствах представляется необходимым:

наиболее тщательно проверять алиби каждого из близнецов, в том числе выяснять местоположения с помощью операторов сотовой связи[2];

---

[1] Хайдаров А.А., Диденко Н.С., Хасанов Р.Р. О проблемах, возникающих при установлении личности близнецов в ходе производства по уголовному делу // ЮП. 2018. – №2 (85). – С. 51-53.

[2] Хайдаров А.А. Получение информации о местонахождении лица, транспортного средства или иного объекта как новое следственное действие // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. – № 4(60). – С.106.

обращать особое внимание на поиск биологических следов;

постараться определить отличительные признаки каждого из них, в том числе самые незначительные (стиль одежды, прическа, признаки речи, вредные привычки) в целях последующей постановки вопросов о них перед потерпевшим, свидетелем.

УДК 343.1

А.С. МЕДВЕДЕВА

научный руководитель
доцент Е.В. ЕЛАГИНА

СВЕДУЩИЕ ЛИЦА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Несовершеннолетие участника уголовного судопроизводства зачастую усложняет ход расследования вследствие различных сопутствующих ему особенностей. Принадлежность несовершеннолетних к субкультурам, использование молодежного сленга объективно требуют применения специальных лингвистических и культурологических знаний. Определенное количество преступлений по делам об экстремизме совершается несовершеннолетними, что также обуславливает необходимость привлечения сведущих лиц иных компетенций (переводчиков, культурологов, религиоведов). Огромное значение также имеют различные психофизиологические особенности несовершеннолетних.

Как отмечает Щерба[1] С.П., в ходе уголовного судопроизводства перед следователем могут встать такие задачи, которые он не сможет эффективно решить в рамках своей компетенции. Это свидетельствует о необходимости привлечения различных сведущих лиц к уголовному процессу с участием несовершеннолетних, на которых могут быть возложены различные задачи.

В качестве идентификационных задач могут выступать, в частности, установление факта принадлежности почерка конкретному несовершеннолетнему (но не являющемуся малолетним) лицу, проводимое в рамках экспертизы рукописного текста.

[1] Щерба С.П. Реализация в уголовном процессе России и Казахстана общепризнанных принципов и норм международного права по делам несовершеннолетних // Проблемы усиления гарантий прав участников уголовного процесса. Материалы международной научно-практической конференции. г. Алматы, 2003 г. – С. 72 – 77

В качестве диагностических задач применительно к уголовному судопроизводству с участием несовершеннолетних могут выступать, в частности, определение идеологической составляющей продукта речевой деятельности и выявление особенностей религиозного дискурса, установление диалекта при проведении фоноскопической экспертизы, выявление психических патологий и особенностей при проведении психолого-психиатрической экспертизы.

Необходимость привлечения педагогов, психологов, психиатров, тифло- и сурдопереводчиков, сексологов обусловлена психофизиологическими особенностями несовершеннолетних; привлечение таких сведущих лиц, как лингвисты, религиоведы, культурологи, этнологи и переводчики обусловлено социальными характеристиками несовершеннолетних, которые имеют значение для следствия: политические и религиозные взгляды, особенности языковой компетенции и использования языка.

Задачи педагога и психолога в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего – это, в первую очередь, содействие в установлении контакта, выявление особенностей личности несовершеннолетнего и иные. Такая задача, как активация памяти и недопущение искажения воспоминаний первостепенна при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних свидетелей. Одной из наиболее важных задач является предотвращение психической ретравматизации. Реализация этой задачи представляется одной из приоритетных еще и потому, что ретравматизация может спровоцировать запуск механизма психической защиты в форме вытеснения значимой для оценки событий информации.

Большое значение имеют задачи, по результату реализации которых восполняется (компенсируется) какой-либо недостаток несовершеннолетнего, препятствующий его полноценному участию в уголовном судопроизводстве. Это могут быть физические либо психические недостатки, а также недостаточное владение языком уголовного судопроизводства. К таким сведущим лицам можно отнести переводчиков, тифло- и сурдопереводчиков, дефектологов, тифлопсихологов, сурдопсихологов.

Приведенное описание функций сведущих лиц и решаемых задач неизбежно поднимает вопрос об организации их взаимодействия как друг с другом, так и со следователем в рамках уголовного судопроизводства. Для решения указанного вопроса представляется необходимым применение комплексного подхо-

да как при реализации специальных знаний сведущими лицами, участие которых в производстве по делу обусловлено несовершеннолетием одного либо нескольких участников уголовного судопроизводства, так и при организации расследования. Подобный подход активно применяется в зарубежных странах. В частности, в Испании существуют специальные комиссии, включающие психологов, педагогов и социальных работников, которые по запросу прокурора составляют отчеты о несовершеннолетнем[1]. Также представляется эффективным привлечение к уголовному судопроизводству сведущих лиц, обладающих сразу несколькими видами специальных знаний. Подобное комплексирование способствует снижению психологической нагрузки на несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства путем сокращения количества незнакомых ему взрослых участников процесса и времени проведения предварительного расследования в целом. Кроме того, необходимо обеспечивать согласованность действий сведущих лиц и межведомственного взаимодействия, соблюдение очередности производства следственных действий, которая в наибольшей мере способствует реализации задач расследования, в том числе очередности производства экспертиз, разрешение вопроса о необходимости назначения комплексной экспертизы и вопроса о том, эксперты каких специальностей должны быть привлечены. В соответствии с традиционными для уголовного процесса представлениями, разрешение данных вопросов находится в компетенции лица, осуществляющего расследование либо дознание. Вместе с тем при производстве по делам с участием несовершеннолетних даже для разрешения подобных вопросов организации расследования могут потребоваться специальные знания.

Каждая из задач привлечения сведущих лиц к уголовному судопроизводству с участием несовершеннолетних обладает своей спецификой и направлена на индивидуализацию уголовного процесса по делам несовершеннолетних, нейтрализацию возможного негативного влияния особенностей несовершеннолетних на ход уголовного судопроизводства. Поэтому представляется необходимым дальнейшее детальное изучение вопроса об эффективной организации привлечения сведущих лиц к уголовному судопроизводству с участием несовершеннолетних.

[1] Зайцева Л.Л. Социальное и психологическое сопровождение правосудия по делам несовершеннолетних / Л.Л. Зайцева, О.В. Петрова // Совершенствование судебной системы в Республике Беларусь посредством развития специализации судов: сб. науч. тр. / редкол.: А.В. Барков (гл. ред.) [и др.]. Минск: «Четыре Четверти», 2013. – С. 71 – 87

УДК 343

А.И. МЕЛЬНИКОВ,
Д.А. ПРОХОРОВ

научный руководитель
доцент С.П. КУШНИРЕНКО

МАТЕРИАЛЫ НАЛОГОВОГО ОРГАНА КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Налоговое законодательство создало больше
преступников, чем любой другой законодательный акт
(Барри Голдуомер)

Неописуемое богатство – доходы, не указанные
в налоговой декларации
(А.В. Брызгалин)

Налоговая преступность является одним из существенных слагаемых экономической преступности. В 2019 г. в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации (далее – Следственный комитет РФ) поступило 61 654 сообщения об экономических преступлениях, в том числе 4 464 сообщения о налоговых преступлениях. По результатам рассмотрения сообщений о преступлениях данной категории было возбуждено 2 560 уголовных дел (материалы ДСП)[1].

Указанные преступления не только крайне негативно сказываются на финансово-экономическом состоянии общества и государства, но и оказывают существенное влияние на преступность в целом. Данные обстоятельства предопределяют важность борьбы с налоговыми преступлениями, в том числе уголовно-правовыми и криминалистическими средствами.

В настоящее время согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) поводами для возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям могут выступать:

[1] О состоянии преступности в Российской Федерации и результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года // Материалы к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2019 год и задачах на 2020 год». Москва. 2020. С. 54.

заявление о преступлении (от любого лица, например, работника, бывшего учредителя, партнера или конкурента);

явка с повинной (учитывая специфику налоговых преступлений, применение данного повода на практике вызывает определенные сомнения, однако предположить такой вариант развития событий мы можем);

постановление прокурора о направлении материалов в Следственный комитет РФ для решения вопроса об уголовном преследовании;

сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из любых иных источников (к таковым относятся сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой выявлено деяние, содержащее признаки налогового преступления).

С принятием Федерального закона от 22.10.2014 г. № 308-ФЗ[1] была признана утратившей силу ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ. Тем самым из УПК РФ была исключена норма о допустимости возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях исключительно на основании материалов, направленных в Следственный комитет РФ налоговыми органами. Тем не менее сообщения налоговых органов о фактах нарушения налогового законодательства продолжают оставаться одним из основных поводов для возбуждения уголовных дел рассматриваемой категории. Согласно статистическим данным в 1 квартале 2018 г. было возбуждено 386 уголовных дел за неуплату налогов, в том числе в рамках ст. 32 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) 374 дела на сумму 17,1 млрд руб. (в 1 квартале 2017 года в рамках ст. 32 НК РФ возбуждено 437 уголовных дел)[2].

Нормативной основой, которая обязывает контролирующие органы Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС РФ) направлять материалы в следственные органы, является ч. 3 ст. 32 НК РФ. Проанализировав содержание данной правовой нормы, можно констатировать, что для решения вопроса о возбуждении в отношении налогоплательщика уголовного дела должны быть одновременно соблюдены следующие условия:

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон Рос. Федерации от 22.10.2014 № 308-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Новоселов К.В. Взаимодействие налоговых и следственных органов при выявлении и пресечении налоговых преступлений // Противодействие налоговой преступности : материалы Всероссийской научно-практической конференции / Московская академия Следственного комитета Российской Федерации ; [под общ. ред. А.М. Багмета]. Москва. 2018. С. 13.

вынесено и вступило в силу решение налоговой инспекции о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности;

налогоплательщику направлено требование об уплате налога, которое он не исполнил в полном объеме в установленный срок;

со дня окончания срока, установленного для исполнения требования об уплате налога, прошло 2 месяца;

размер недоимки (крупный или особо крупный) позволяет предполагать факт совершения правонарушения, содержащего признаки преступления.

В течение 10 рабочих дней со дня выявления указанных обстоятельств налоговая инспекция направляет материалы в следственные органы (п. 6 ст. 6.1, п. 3 ст. 32 НК РФ). Согласно разъяснениям ФНС РФ должностное лицо налогового органа, направившее указанные материалы, в соответствии со ст. 141 УПК РФ является заявителем[1]. Однако анализ судебной практики дает основания усомниться в категоричности данного разъяснения. В частности, в одном из апелляционных постановлений судом было указано, что «в случае возбуждения уголовного дела налоговый орган участником уголовного судопроизводства по делу не является, в связи с чем в случае отказа в возбуждении уголовного дела ущерба его конституционным правам и свободам, как участника уголовного судопроизводства, не причиняется, доступ к правосудию не затрудняется»[2]. Исходя из этого постановления, можно сделать вывод, что все-таки полноценным участником проверки сообщения о преступлении (в отличие от обычного заявителя) должностное лицо налогового органа считать нельзя. Скорее участие налогового органа в рамках проверки сообщения о преступлении ограничивается информационно-обеспечительным, в каком-то смысле вспомогательным характером, несмотря на то, что контролирующий орган принимает участие в формировании повода и установлении основания для возбуждения уголовного дела.

Л.И. Александрова указывает, что основанием вынесения оправдательных приговоров по налоговым преступлениям зачастую являются «недоброкачественные материалы налоговой проверки, в том числе нарушения установленной процедуры

[1] О направлении материалов для решения вопроса о возбуждении уголовных дел в следственные органы и органы внутренних дел [Электронный ресурс] : Письмо ФНС России от 21.08.2012 № АС-4-2/13747@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Апелляционное постановление Московского городского суда от 10.11.2014 по делу № 10-14820/14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проведения проверки, неправильный расчет налога, подлежащего уплате, ошибки в квалификации сделок, на основе которых произведен расчет налога, и другие»[1]. В этой связи весьма актуальным является вопрос о проверке соблюдения налоговыми органами процедуры привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности до направления ими материалов в следственные органы.

Состав таких материалов определен пунктами 5 – 8 Протокола № 1 к Соглашению о взаимодействии между Следственным комитетом Российской Федерации и Федеральной налоговой службой от 13.02.2012 № 101-162-12/ММВ-27-2/3 (далее – Протокол № 1). В п. 5 Протокола № 1 указывается перечень материалов, направляемых налоговыми органами при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, предусмотренного ст. 198 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В силу особого доказательственного значения следует охарактеризовать наиболее важные материалы налоговой проверки.

1. Копии налоговых деклараций и документы, содержащие сведения о том, в каком порядке и в какие сроки физическое лицо должно было представить налоговому органу эти декларации. Стоит отметить, что ознакомление следователя с декларациями должно найти свое отражение в обвинительном заключении, в противном случае, как показывает анализ судебной практики, это может послужить основанием для возвращения уголовного дела прокурору. В частности, одним из оснований для возвращения уголовного дела прокурору для Московского областного суда явилось неуказание перечня «доказательств, подтверждающих обвинение, а также доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое их содержание. Из обвинительного заключения не следует, осмотрены ли следователем налоговые декларации… и какое отношение они имеют к предмету расследования (курсив наш. – М.А., П.Д.)»[2].

---

[1] Александрова Л.И. Особенности расследования уклонения от уплаты налогов (по материалам обобщения следственной практики) [Электронный ресурс] // **Российский следователь. 2018. № 4.** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Апелляционное постановление Московского городского суда от 10.10.2018 № 10-18080/18 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Копия акта налоговой проверки со всеми приложениями. Акт налоговой проверки является источником информации и одним из основных доказательств, раскрывающих механизм налогового преступления и содержащий документальное его обоснование. Это предопределяет то, что проверка указанного акта приобретает особое значение. Условно весь процесс оценки акта налоговой проверки следователем можно разделить на несколько этапов. Первый заключается в том, что следователь осуществляет «внешнюю» оценку акта с точки зрения правильности его оформления, не затрагивая его содержание. Второй этап представляет собой формальную «внутреннюю» оценку, которая включает в себя проверку обязательных реквизитов (при этом не затрагивая сущности выявленных нарушений). Третий этап предполагает оценку следователем фактических данных, содержащихся в акте.

3. В перечень материалов также входят: копия вступившего в силу решения о привлечении к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах; копия апелляционной жалобы (при наличии); копия жалобы на вступившее в силу решение налогового органа (с соответствующим решением по ней). В случае отсутствия указанных материалов следователю необходимо проверить, обжалуется ли налогоплательщиком решение налогового органа о привлечении его к налоговой ответственности. Необходимость этого объясняется тем, что гипотетически возможна ситуация, при которой в рамках обжалования решения налогового органа происходит отмена (изменение) данного решения с уменьшением суммы недоимки по налогам и сборам, в результате чего сумма такой недоимки становится меньше размера ущерба, причиненного налоговым преступлением, установленного примечанием к ст. ст. 198 – 199 УК РФ, а значит следователю необходимо вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, поскольку вступившие в законную силу судебные решения имеют преюдициальный характер (ст. 90 УПК РФ). Например, Московский городской суд посчитал обоснованным и законным возвращение уголовного дела прокурору, поскольку кроме отмененного арбитражным судом решения налогового органа (которым был установлен размер неуплаченных налогов) других сведений о размере неуплаченных налогов в деле нет[1].

[1] Апелляционное постановление Московского городского суда от 08.06.2017 № 10-9432/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В судебной практике встречаются примеры, в которых неправильный вывод о наличии либо отсутствии преюдициального значения может послужить основанием для отмены приговора и возвращения уголовного дела прокурору. Так Волгоградский областной суд указал, что признание арбитражным судом решения ИФНС недействительным не позволяет считать предъявленное обвинение конкретизированным, а объективную сторону преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, раскрытой в обвинительном заключении, как того требует п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ[1]. Как итог, в рамках производства в суде апелляционной инстанции приговор был отменен, обвиняемый освобожден из-под стражи, а дело направлено прокурору.

Безусловно, применение преюдиции на этапе возбуждения уголовного дела вызывает наиболее острые вопросы, которые касаются вероятных противоречий между обнародованными выводами суда и информацией, добытой на этапе проверки сообщения о преступлении. Тем не менее решения судов общей юрисдикции, арбитражных судов должны оцениваться в совокупности с иными собранными доказательствами согласно требованиям ст. 88 УПК РФ и не могут предопределять решения вопроса о наличии события преступления и виновности лица[2]. В противном случае следователь лишается процессуальной самостоятельности и превращается в статиста, вынужденного пассивно наблюдать за спором налогоплательщика с налоговым органом.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что возможность налогового органа формировать повод для возбуждения уголовного дела является важной составляющей в выявлении налоговых преступлений. В свою очередь, материалы налоговой проверки по-прежнему имеют большое значение при расследовании преступлений указанной категории, и поэтому анализ этих материалов, их проверка и оценка остаются неотъемлемой частью деятельности следователя на этапе возбуждения уголовного дела.

---

[1] Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 12.02.2019 № 22-403/19. URL: https://advotax.ru/800-priznanie-arbitrazhnym-sudom.html (дата обращения: 28.03.2020).

[2] Эта идея получила свою интерпретацию в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко».

УДК 343.1

А.Ю. ОТЧЕНАШ

научный руководитель
доцент Е.В. ЕЛАГИНА

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Несовершеннолетие участника уголовно-процессуальных отношений обуславливает специфические требования к осуществлению процессуальной деятельности в ходе осуществления производства по уголовным делам, кроме того, возрастные особенности несовершеннолетних (психологического и интеллектуального характера) вызывают необходимость в дополнительных гарантиях защиты их прав и законных интересов. С целью установления контакта с несовершеннолетним, выявления его индивидуальных особенностей, создания благоприятной психологической атмосферы, благодаря которой тот сможет дать достоверные показания, формулирования корректных вопросов и недопущения негативного воздействия правоприменителя на личность несовершеннолетнего к участию в уголовном судопроизводстве привлекаются педагог и психолог[1].

В чем же заключаются пробелы в законодательстве в определении процессуального статуса педагога и психолога? В первую очередь – это проблема самостоятельности процессуального статуса данных участников уголовного процесса, обозначенная еще в середине XX века, которая не разрешена до сих пор. Одна группа ученых (О. Пюсса,[2] А.А. Новиков[3]) относит педагога и психолога к «специалистам», а именно помощникам следователя, содействующим в установлении контакта с несовершеннолетним. Другая группа исследователей (М.С. Строгович[4], С.В. Тетюев[5]) полагает,

[1] Подробнее о целях привлечения данных лиц см. Елагина Е.В., Григорян Г.С. «Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних» // Криминалистъ. —2010. — № 2 (7). — С. 66-70.

[2] Пюсса О. Участие педагога в допросе несовершеннолетних // Правоведение, 1966. № 4. С. 163.

[3] Новиков А.А. Институт специалиста в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2007. — С. 8.

[4] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 2. М., 1970. — С. 473.

[5] Тетюев С.В. Педагог (психолог), участвующий в допросе несовершеннолетнего, и «иные» участники уголовного судопроизводства: общее и особенное // Российский юридический журнал. 2014. — № 6. — С. 135.

что «педагог» и «психолог» – это самостоятельные процессуальные участники.

Чтобы сформулировать собственную позицию по данному вопросу, обратимся к определению понятия «специалист», закрепленному в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ)[1]. Специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Казалось бы, и педагог, и психолог охватываются данным определением, однако, их специфическая задача – обеспечение прав и защита интересов несовершеннолетних – позволяет сделать вывод о процессуальной самостоятельности данных участников уголовного судопроизводства. Мы полностью разделяем точку зрения, в соответствии с которой педагог и психолог – самостоятельные участники уголовного процесса и могут быть отнесены к категории «иные участники».

УПК РФ закрепляет три случая обязательного участия педагога (психолога) при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля на стадии предварительного расследования: если лицо не достигло возраста 16 лет; если лицо достигло возраста 16 лет, но страдает психическим расстройством; если лицо достигло возраста 16 лет, но отстает в психическом развитии (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Привлечение к участию педагога или психолога в случае, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель старше 16 лет, возможно по усмотрению следователя.

К сожалению, зачастую правоприменитель пренебрегает требованиями УПК РФ об обязательном участии педагога или психолога. Так, Президиумом Омского областного суда была удовлетворена кассационная жалоба осужденной, в которой она просит отменить приговор в связи с нарушением норм уголовно-процессуального закона в ходе предварительного расследования и в судебном заседании. В частности, допрос одиннадцатилетнего потерпевшего был осуществлен в судебном заседании без участия педагога, о чем следует из протокола судебного заседания.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СЗ РФ. — № 52 (ч. I). Ст.4921.

Однако, согласно ч. 1 ст. 280 УПК РФ, участие педагога при допросе несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля в возрасте до 14 лет является обязательным. Данные требования не были выполнены судом первой инстанции, а также судом апелляционной инстанции, признавшим выводы суда первой инстанции основанными на доказательствах, отвечающих требованиям ст. 88 УПК РФ, в том числе и требованиям допустимости.[1] В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 показания субъекта ст. 425 УПК РФ, полученные без участия педагога или психолога, являются недопустимыми доказательствами.[2]

Законодатель не указывает, в каких случаях необходимо участие педагога, а в каких – психолога. Обязательным является участие психолога только в случае, если несовершеннолетний потерпевший, свидетель не достиг возраста 16 лет либо достиг этого возраста, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии и только лишь по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 191 УПК РФ). Во всех остальных случаях выбор педагога или психолога остается на усмотрение следователя. В связи с этим ряд ученых придерживается мнения о тождественности понятий «педагог» и «психолог». Правоприменители так же не видят разницы между указанными процессуальными участниками.

Понятие «педагог» раскрывается в п. 62 ст. 5 УПК РФ, согласно которому это «педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся». Данное определение вызывает множество нареканий. Цель участия педагога, как и психолога — обеспечение прав и защита интересов несовершеннолетних. Однако возникает вопрос, путем совершения каких действий педагог достигает эту цель? В чем заключается его функция? Педагог должен «знать предмет» и «уметь обучать и воспитывать»? Или он должен «знать и понимать» несовершеннолетнего? В приведенном выше определении не содержатся ответы на поставленные нами вопросы.

---

[1] Постановление Президиума Омского областного суда от 19.11.2018 по делу N 44У114/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2020).

[2] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. — № 29. 2011.

Психология подростка имеет свою безусловную специфику. Подростки отличаются стремлением к освобождению от опеки и контроля взрослых, конфликтностью, потребностью в самоутверждении (в том числе выражающейся в делинквентной форме отклоняющегося поведения – преступности), раздражительностью, эмоциональной возбудимостью.

Задача психологии в рамках уголовного процесса – обеспечение принятия правильных процессуальных решений с учётом индивидуальных особенностей личности, поэтому, на наш взгляд, учитывая психологические особенности несовершеннолетнего подростка-обвиняемого или подозреваемого, более эффективным будет участие в производстве по уголовному делу психолога, работающего с данной возрастной группой, а не педагога.

Кроме того, если мы говорим о несовершеннолетних, страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии, то участие педагога при проведении следственных действий в отношении таких лиц так же лишено смысла, так как именно психология исследует особенности формирования, развития и проявления психических явлений и процессов.

В таком случае мы можем предположить, что педагог мог бы быть приглашен для участия при производстве следственных действий в отношении несовершеннолетних дошкольного возраста и учащихся начальной школы, причем как обвиняемых и подозреваемых, так и потерпевших и свидетелей. Однако изменение нами возрастных параметров несовершеннолетнего, в отношении которого могли бы производиться следственные действия с участием педагога, не вносит ясности в проблему отсутствия правовой регламентации функции данного участника уголовного процесса.

Мы разделяем мнение Е. В. Елагиной о том, что законодателю целесообразно внести изменения в уголовно-процессуальный закон, исключив такого участника, как педагог, оставив только психолога[1], и настаиваем на более детальном правовом регулировании института психолога. Поскольку определение понятия «психолог» в УПК РФ отсутствует, считаем необходимым закрепить его в ст. 5 УПК РФ, конкретизировав требования, предъявля-

[1] Елагина Е. В. Участие педагога в допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего (ст.ст. 191, 280 УПК РФ), подозреваемого или обвиняемого (ч. 3 ст. 425 УПК РФ) // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Н. А. Васильчикова, Е. В. Баркалова, Е. В. Елагина и др. ; под ред. Г. В. Штадлера. СПб., 2018 (Серия «В помощь прокурору» ; Вып. 7). – С. 166.

емые к данному участнику: наличие высшего психологического образования со специализацией в области детской и подростковой психологии и опыта работы в качестве психолога.

Стоит отметить различие в правовой регламентации участия педагога и психолога на стадии предварительного расследования и стадии судебного разбирательства:

в ст. 280 УПК РФ участие психолога не предусмотрено, в том числе и по делам о половой неприкосновенности несовершеннолетнего, в отличие от ст. 191 УПК РФ. Кроме того, ст. 280 УПК РФ регламентирует участие педагога только при проведении допроса несовершеннолетнего, тогда как в ст. 191 УПК РФ представлен широкий круг следственных действий, хотя в ходе судебного следствия, помимо допроса, могут быть проведены и иные следственные действия, указанные в ст. 191 УПК РФ;

в ст. 280 УПК РФ говорится о физических и психических недостатках потерпевшего и свидетеля, а в ст. ст. 191 и 425 УПК РФ о психическом расстройстве и отставании в психическом развитии несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого. Понятие «психические недостатки» не раскрывается законодателем, и если предположить, что данное понятие подразумевает отставание в психическом развитии и наличие психического расстройства, возникает вопрос: почему тогда в ст. ст. 191 и 425 УПК РФ данные обстоятельства не указываются обобщающим их понятием «психические недостатки»?

Мы считаем, что необходимо предусмотреть обязательное участие психолога по уголовным делам с участием несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого подросткового возраста, а также если несовершеннолетний страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии независимо от его возраста как в ст. 190, так и в ст. 280 УПК РФ. Положение УПК РФ об обязательном участии психолога по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего в ч. 4 ст. 191 УПК РФ оставить без изменения и аналогичным положением дополнить ст. 280 УПК РФ. В остальных случаях вопрос о привлечении к участию психолога оставить на усмотрение правоприменителя.

Кроме того, с учетом этого нам видится разумным расширение круга следственных действий с обязательным участием психолога в ст. 280 УПК РФ, а именно добавление очной ставки, проверки показаний на месте и предъявления для опознания.

Также мы настаиваем на раскрытии законодателем понятия «психические недостатки». На наш взгляд, целесообразно было бы включить в круг лиц, имеющих психические недостатки, лиц, страдающих психическим расстройством и отстающих в психическом развитии.

Полнота объема процессуальных полномочий обеспечивает эффективность участия того или иного участника уголовного судопроизводства, но права педагога и психолога в УПК РФ регламентированы явно недостаточно, и если применительно к судебным стадиям можно говорить о том, что законодатель предусмотрел определенные права педагога (ч. 2, 3 ст. 280 УПК РФ), то применительно к досудебным стадиям можно говорить лишь о некоторой конкретизации прав педагога / психолога при допросе только несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого).

С учетом высказанного нами ранее предложения об исключении педагога как участника уголовного судопроизводства, необходимо конкретизировать и закрепить права психолога в уголовном судопроизводстве вне зависимости от стадии. В частности, предусмотреть право возражать против некорректных формулировок вопросов, задаваемых несовершеннолетнему субъектом допроса, а также право обжаловать действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя и суда, в случае нарушения прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Представляется, что устранение законодателем пробелов, отмеченных в данной публикации, будет способствовать обеспечению эффективного участия рассмотренных нами участников уголовного процесса.

УДК 343.1

К.С. СИДОРЕНКО

научный руководитель
доцент Н.М. ПЕРЕТЯТЬКО

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ

Одним из самых дискуссионных институтов в уголовно-процессуальном законодательстве считается институт мер пресечения. Это обусловлено тем, что его применение зачастую связано с принуждением, во многом затрагивает и в какой-то степени даже

ограничивает конституционные права граждан. В силу этого, неотъемлемой задачей деятельности государства является разработка политики, направленной на гуманизацию и индивидуализацию уголовно-процессуального законодательства. Фактически у правоприменителя должна быть при каждом конкретном случае применения меры пресечения альтернатива в сторону выбора менее строгой.

В связи с этим 18 апреля 2018 года Федеральным законом № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»[1] была дополнена глава 13 Уголовно-процессуального кодекса РФ[2] (далее УПК РФ) совершенно новой мерой пресечения, получившей название запрет определённых действий (ст. 105.1 УПК РФ). Это новелла для уголовно-процессуального законодательства, поскольку ранее такая мера пресечения не была известна ни советскому, ни российскому уголовно-процессуальному законодательству Причиной ее введения послужила недостаточная эффективность применения залога и домашнего ареста в качестве реальной альтернативы заключению под стражей, как самой строгой меры пресечения. Дополняя систему данного института более мягкой мерой, назначаемой по приговору суда, законодатель полагал, что это послужит соблюдению баланса гарантий прав личности и интересов правосудия, а также позволит оптимизировать применении мер пресечения, не связанных с изоляции от общества.

Запрет определенных действий представляет собой возложение на подозреваемого и (или) обвиняемого выполнения определенных действий, которые прямо регламентируются законодательством. В отношении вышеуказанных лиц может быть избрано одно или несколько следующих запретов, которые предусмотрены в УПК РФ. К таковым относятся:

запрет выходить за пределы жилого помещения, собственником которого данное лицо является в определённые периоды времени;

---

[1] Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. — № 17. Ст. 2421.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 18 февраля 2020 г. № 25-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921. 2020. — № 8. Ст. 919.

запрет находится данному лицу в определенных местах, участвовать в мероприятиях или посещать их;

запрет на общение с определенными лицами;

запрет на возможность отправления и получения почтово-телеграфных отправлений;

запрет на использование средств связи и сети «Интернет», за исключением использования таких средств для вызова скорой помощи, сотрудников правоохранительных органов и аварийных служб;

запрет на управление транспортным средством, при условии, что преступление, которое совершило лицо связано с нарушением правил дорожного движения.

Следует иметь ввиду, что данные запреты избираются в отношении обвиняемого и (или) подозреваемого только на основании решения суда. Причем суд обязательно учитывает личность лица, фактические обстоятельства произошедшего и сведения, полученные в результаты дачи показаний сторонами. Еще не мало важной особенностью является то, что запрет определенных действий может быть применен как в качестве самостоятельной меры пресечения, так и выступать дополнительной (факультативной) мерой. Те есть при избрании меры пресечения в виде залога или домешенного ареста, суд может также возложить на обвиняемого один или несколько запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ.

В свою очередь, на практике возникает достаточное количество проблем по поводу применения новой нормы. Так, в первую очередь, возникают вопросы у судов по поводу применения данной нормы. Поэтому с целью формирования единообразной судебной практики следовало бы дополнить соответствующее Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»[1] разъяснениями, которые бы четко регламентировали порядок применения запрета определенных действий и конкретизировало данные нормы.

В свою очередь большинство сотрудников правоохранительных органов считают данную меру недостаточно надежной именно в обеспечении не воспрепятствования со стороны обвиняемого (подозреваемого) по уголовному делу. Например, при современном

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. 2013. 27 декабря.

развитии цифровой экономики и электронных технологий в случае назначения лицу запрета пользоваться сетью «Интернет» и средствами связи почти невозможно проверить реальное исполнение данного запрета. Кроме того, запрет определенных действий в основном рассматривают в качестве более мягкой интерпретации домашнего ареста, нежели как альтернатива заключения под стражу, если он назначается в качестве самостоятельной меры пресечения. Возможна ситуация и наоборот, когда запрет определенных действия выступает дополнительной мер по отношению, например, к том уже домашнему аресту. Также следует отметить, что любое новшество требует определенных затрат на свою реализацию. Согласно ст. 105.1 УПК РФ надзор на соблюдением данных запретов возложен на федеральный орган исполнения наказаний, следовательно для его осуществления необходимо приобретение новых технических средств, их обслуживание и переквалификация персонала. Все это ставит под вопрос экономическую целесообразность введения данной меры пресечения. Именно поэтому говорить об экономическом преимуществе запрета определенных действий перед заключением под стражей невозможно.

Как показывает статистика, применение запрета определенных действий как альтернативы заключению под стражу очень мала, но все же есть. Возможно, причиной этого служит совсем короткий срок существования данной нормы. Так, например, судья Октябрьского районного суда г. Саратова отказал в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, назначив ему меру пресечения в виде запрета определенных действий, а именно не менять место жительство без разрешения следователя, не уклоняться и самостоятельно являться по вызовам к следователю или в суд, а также не общаться с лицами, которые проходят по данному уголовному делу в качестве подозреваемых, обвиняемых и свидетелей. Всего районными (городскими) судами г. Саратова за 2018 и первое полугодие 2019 года было вынесено 5 решений суда об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий[1]. Судами г. Москвы за тот же период было удовлетворено 19 ходатайств следователей об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий (из них лишь 4 как альтернатива заключению под стражу)[2].

[1] Саратовский областной суд: официальный сайт. – 2020. – URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru. (дата обращения 13.03.2020)

[2] Управление Судебного департамента в городе Москве: официальный сайт. – 2020. – URL: http://usd.msk.sudrf.ru. (дата обращения 13.03.2020)

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что институт запрета определенных действий в настоящее время не стал альтернативой институту заключения под стражу, но тем менее, как показывает практика, такие случаи имеют место быть. Однако при усовершенствовании законодателем данной нормы, и устранении всех пробелов, есть большой потенциал ее реализации и более широкого применения.

УДК 343.1

А.А. СТАДНИКОВ

научный руководитель
доцент Н.М. ПЕРЕТЯТЬКО

ЗАЛОГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Меры пресечения в уголовном процессе – это меры принудительного воздействия, которые временно ограничивают права обвиняемого, но в исключительных, предусмотренных в законе случаях и подозреваемого, применяемые органами дознания, следствием и судом с целью обеспечения явки лица по вызову и создания надлежащих условий предварительного расследования, а также для обеспечения исполнения приговора.

Актуальность применения залога в российском уголовном процессе характеризуется с одной стороны, необходимостью гуманизация уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения, а с другой – повышением ее эффективности. Несмотря на то, что залог, с точки зрения теории, представляется наиболее эффективной психолого-принудительной мерой пресечения, судебная практика говорит о предпочтении залогу такой меры, как заключения под стражу. Принятие Федерального закона от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ[1], положило начало реформированию системы мер пресечения, переходу на более совершенный метод их применения и превращению залога из эксклюзивной в рядовую меру пресечения. Данные изменения можно увидеть на основе возможности сочетать залог с возложенной судом обязанностью соблюдать один или несколько запретов, которые входят в содержание новой меры пресечения, предусмотренной статьей 105.1 УПК РФ.

[1] Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. — № 17. Ст. 2421.

Согласно основным статистическим показателям судов общей юрисдикции количество рассматриваемых ходатайств о применении меры пресечения в виде залога за первое полугодие 2019 года составило лишь 52 ходатайства, из которых судами было удовлетворено 41. По сравнению с 2018 г. число ходатайств составило 109, из которых удовлетворено 89. Ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу во многом превосходят по количеству показатели применения залога: за 2019 год из 52 836 ходатайств о заключении под стражу судами удовлетворено 47 951[1]. На основании данной статистики можно судить о непопулярности залога в Российской Федерации. Причины столь редкого применения судами залога как меры пресечения и предпочтения ему заключение под стражу до конца не ясны.

Размер залога имеет важное значение, поскольку, не являясь санкцией ни в уголовно-правовом, ни в уголовно-процессуальном смысле, он должен создавать у лица заинтересованность в исполнении процессуальных обязанностей надлежащим образом. Поэтому размер должен быть существенным в каждом случае и для каждого лица, к которому он применяется.

Говорить о неэффективности залога как меры пресечения нельзя, поскольку согласно статистике судов общей юрисдикции из общей суммы залогов порядка 180 млн. рублей в доход государства обращено за 2019 год всего 1 миллион рублей. Это подтверждает тот факт, что лица, в отношении которых избран залог всегда соблюдают возложенные на них процессуальные обязанности, за редким исключением. Причина непопулярности залога состоит в том, что он одновременно должен быть и существенным для лица и соразмерным его имущественным возможностям, вследствие чего, образуются две основные проблемы:

установление реального имущественного положения;

определение размера залога исходя из материальной обеспеченности лица.

Согласно Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41[2], при определении размера залога суду необходимо обладать полной информацией об имущественном положе-

[1] Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2018-2019 г.: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – 2020. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360 (дата обращения: 14.03.2020).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. 2013. 27 декабря.

нии обвиняемого (подозреваемого). В тоже время законодатель оказал помощь суду в определении размера залога, установив так называемые минимальные размеры: по преступлениям небольшой и средней тяжести – не менее 50 000 рублей; по тяжким и особо тяжким преступлениях – не менее 500 000 рублей. Данные позиции не являются удачными, потому что для многих они будут как существенными, так и соразмерными тяжести деяния, но вследствие относительно небольшого материального достатка применить к такому лицу залог не представляется возможным. Либо возникает ситуация, когда материальное положение установлено не в полной мере, и лицо в дальнейшем воспользуется этим для нарушения возложенных на него процессуальных обязанностей. Эти ситуации и объясняют указанные проблемы. Непопулярен залог не только в России, но и других европейских странах, например, Итальянский Уголовно- процессуальный кодекс не содержит в себе залога в принципе. Законодатель обосновал свой отказ от данной меры пресечения тем, что недопустимо дискриминировать малообеспеченные слои населения. США являются страной, где популярен залог, где нет минимальных размеров залога, и он применяется не редко в совокупности с иными мерами.

Каким же образом решить проблему непопулярности применения залога? Выделить однозначные пути решения довольно сложно, поскольку данная проблема происходит не из-за пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, а скорее из-за существующей экономической ситуации. Возможно стоит отказаться от наличия минимальных размеров залога, на примере США, и определять его только исходя из имущественного положения и иных критериев, а в случае невозможности установить реальное имущественное положение применять к таким лицам иные меры пресечения. Кроме того, стоит обратить внимание и на категории преступлений при применении залога. Например, при экономических преступлениях применение залога трудно назвать в полной мере разумным. Необходимость решения данной проблемы трактуется, прежде всего, пользой для государства – при избрании данной меры, не ограничивается личная свобода гражданина, а значит государству нет необходимости затрачивать бюджетные средства на содержание лица, находящегося под стражей.

УДК 343.1

И.М. ТИМОШЕНКО

научный руководитель
профессор Т.Г. НИКОЛАЕВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАССМОТРЕНИИ ХОДАТАЙСТВА О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Роль прокурора при освобождении лица, совершившего преступление от уголовной ответственности с применением к такому лицу иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, заключается в обеспечении законности прекращения или отказа в прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа в ходе судебного производства[1].

Один из вопросов, который возникает в научной среде, а также в правоприменительной практике, кто должен поддерживать в суде ходатайство следователя о назначении подозреваемому (обвиняемому) судебного штрафа: следователь, руководитель следственного органа или прокурор?

Уголовно-процессуальный закон не содержит указания, что при рассмотрении судом ходатайства следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа должен участвовать следователь, руководитель следственного органа[2].

Как показывает практика, в судебном заседании наряду с прокурором зачастую участвует следователь, либо руководитель следственного органа, который давал согласие на направление

[1] Согласно ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ судебное разбирательство по уголовному делу, которое прекращается с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа осуществляется с обязательным участием государственного обвинителя.

[2] Согласно п. 25.4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», судам следует рассматривать ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в порядке части 6 статьи 108 УПК РФ, то есть в начале заседания судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности. Затем прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица.

ходатайства следователя о применении судебного штрафа в суд. Несмотря на то, что прокурор и руководитель следственного органа (следователь) являются представителями стороны обвинения их позиции по вопросам поддержания в суде ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа зачастую противоречат друг другу, чего, конечно же, быть не должно.

Например, органом предварительного расследования П. обвинялся в совершении кражи (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Следователь ходатайствовал перед судом о прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа в отношении П., так как он обвиняется в совершении преступления средней тяжести, вину в совершении преступления признал, возместил причиненный ущерб в полном объеме, ранее к уголовной ответственности не привлекался, в связи с чем, обвиняемому может быть назначен судебный штраф.

Государственный обвинитель указал, что место нахождения обвиняемого неизвестно, а значит оснований для удовлетворения ходатайства не имеется, ввиду того, что сведения об участии П. в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. Такое обстоятельство препятствует освобождению П. от уголовной ответственности и назначению ему судебного штрафа[1].

В момент совершения кражи знакомый обвиняемого А. разговаривал с потерпевшей, просил ее сфотографироваться вместе с П., а после того, как имущество потерпевшей было похищено, П. и А. с места совершения преступления скрылись. Вместе с тем, органами следствия не принято процессуальное решение в порядке ст.ст.144-145 УПК РФ в отношении А. Кроме того, П. по месту его регистрации не проживает, а указанный с его слов адрес не является его местом жительства.

[1] Согласно п. 25.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», судья принимает решение об удовлетворении ходатайства при отсутствии обстоятельств, препятствующих освобождению лица от уголовной ответственности и назначению ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. К таковым могут быть отнесены, в частности, следующие обстоятельства: подозреваемый, обвиняемый не подтвердил в судебном заседании свое согласие на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию; сведения об участии подозреваемого, обвиняемого в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

Исходя из вышеизложенного, суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа[1].

Вышеуказанный пример демонстрирует, что следователь, не проведя необходимый комплекс следственных и процессуальных действий, направленных на изобличение лица, виновного в совершении преступления, решил прекратить неперспективное уголовное дело с помощью упрощенной процедуры назначения судебного штрафа. Суд, в свою очередь, согласился с мнением прокурора о том, что сведения о совершенном преступлении П., изложенные в постановлении следователя о прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа в отношении обвиняемого, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, и принял законное и обоснованное решение.

Имеют место ситуации, когда органы предварительного следствия умышленно занижают квалификацию по уголовному делу, опасаясь указаний прокурора о возвращения уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, и обращаются в суд с ходатайством о прекращении неперспективного уголовного дела с назначением судебного штрафа.

Так, следователь СО ОМВД России по Хасанскому району Приморского края обратился в суд с ходатайством об освобождении от уголовной ответственности М. с применением к нему судебного штрафа, мотивируя тем, что обвиняемый не судим, впервые совершил преступления средней тяжести (ч.1 ст.161, ч.1 ст.161 УК РФ), вину свою полностью признал, возместил причиненный преступлением ущерб путем возврата похищенного, которое по результатам рассмотрения было удовлетворено судом.

В апелляционном представлении прокурор Хасанского района Приморского края посчитал постановление суда незаконным и необоснованным, поскольку квалификация содеянного М. следователем занижена, в действиях М. содержатся признаки преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ с отягчающим обстоятельством «группой лиц». Судом апелляционной инстанции было удовлетворено апелляционное представление государственного обвинителя[2].

---

[1] Постановление Геленджикского городского суда Краснодарского края от 27 сентября 2019 г. по делу № 1-383/2019 [Электронный ресурс] // URL:https://sudact.ru/regular/doc/NMTHDvffjb1/?regular-txt= (дата обращения: 03.04.20).

[2] Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 3 июня 2019 г. по делу № 22-2157/2019 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/7Jg3oFa09xW4/?regular-txt=& (дата обращения: 20.02.2020).

В данном случае, государственному обвинителю пришлось прибегнуть к апелляционному обжалованию для устранения нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, виду принятия судом незаконного решения.

Возникает вопрос, а какова необходимость участия в суде следователя или руководителя следственного органа при прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа к подсудимому, если следователь, руководитель следственного органа не наделен полномочиями по поддержанию ходатайства в суде о назначении судебного штрафа, позицию с прокурором не согласовывает по вопросу применения судебного штрафа, к тому же, опасаясь указаний прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, злоупотребляет правом на обращение в суд с ходатайством о применении судебного штрафа.

По этому вопросу высказался Ю.А. Цветков[1] указав, что не видит катастрофы во взаимодействии следователя с судом без проверки прокурора по вопросу прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа лицу, совершившему преступление.

Позволим себе не согласиться с данной позицией ученого ввиду того, что судебная и прокурорская практика говорит об обратном, возможность органам предварительного следствия обойти прокурора приводит не только к неоднородной правоприменительной практике, но и принятию судами незаконных и необоснованных решений по вопросу применения судебного штрафа.

Автор солидаризируется с мнением А.А. Хайдарова[2], который справедливо отмечает, что только прокурор должен согласовывать и поддерживать ходатайство о применении судебного штрафа в ходе досудебного и судебного производства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В прокурорской практике известны ситуации, когда суды неверно толкуют нормы, регламентирующие порядок прекращения уголовного дела (уголовного преследования) с назначением

[1] Цветков, Ю.А. Следователи применяют судебный штраф // Уголовный процесс. 2018. — № 3. — С.10.

[2] Хайдаров, А.А. Кто должен поддерживать в суде ходатайство следователя о назначении подозреваемому (обвиняемому) меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа? // Законность. 2018. — № 8. — С.33.

судебного штрафа: например, возвращают прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ материалы уголовного дела с ходатайством следователя о применении судебного штрафа.

Так, на рассмотрение районного суда Архангельской области поступило ходатайство органа предварительного следствия об освобождении от уголовной ответственности с применением судебного штрафа в отношении лица, совершившего преступление. Однако, в указанном документе из восьми листов отсутствовал лист № 4.

В связи с неполнотой представленных материалов суд в рамках предварительного слушания возвращает уголовное дело прокурору ввиду невозможности принятия законного решения по заявленному ходатайству[1]. В данной ситуации у суда не было законных оснований для проведения предварительного слушания и возвращения уголовного дела прокурору[2]. Суд должен был руководствоваться рекомендациями Верховного Суда РФ, разъясняющими порядок применения положений ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ[3]: если постановление о возбуждении перед судом ходатайства составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, что исключает возможность рассмотрения ходатайства и вынесения решения в соответствии с частью 5 статьи 446.2 УПК РФ, судья отказывает в принятии его к рассмотрению и возвращает вместе с материалами уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору[4].

Ввиду того, что к ходатайству о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа не были приложены все необходимые материалы уголовного дела, суду необходимо было

---

[1] Практика прокуратуры Архангельской области на период 20.12.2019.

[2] Согласно ч. 2 ст. 446.1 УПК РФ, производство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа осуществляется по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом, с особенностями, предусмотренными главой 51.1 УПК РФ.

[3] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 №19 с изм. и доп. (п. 25.2).

[4] Ходатайство не может быть принято судом к рассмотрению в случаях: когда оно возбуждено без согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по основанию, предусмотренному статьей 25.1 УПК РФ; когда не соблюдены условия освобождения от уголовной ответственности (к примеру, лицо подозревается или обвиняется в совершении тяжкого преступления, у него имеется неснятая или непогашенная судимость); к ходатайству не приложены все материалы уголовного дела.

вынести постановление об отказе в принятии ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа к рассмотрению.

Таким образом, государственный обвинитель должен обжаловать в апелляционном порядке принятые судами незаконные и необоснованные решения о применении судебного штрафа в случае неверного толкования судами норм, регламентирующих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа, в частности, положений ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ.

Кроме того, большинство опрошенных в ходе настоящего исследования прокуроров (30 из 52)[1], указали, что типичным основанием апелляционного обжалования судебных решений первой инстанции по вопросам применения судебного штрафа является существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Резюмируя вышеизложенное, автор приходит к выводу о том, что прокурору при поддержании государственного обвинения по делам об освобождении от уголовной ответственности с применением судебного штрафа в случае расхождения с позицией следователя и руководителя следственного органа, суда следует:[2]

в ходе разбирательства в суде первой инстанции заявить ходатайство о возвращении уголовного дела руководителю следственного органа в порядке п. 2 ч.5 ст.446.2 УПК РФ (в случае умышленного занижения квалификации органами предварительного следствия;

вынести апелляционное представление на незаконное и необоснованное решение суда о возвращении прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ материалов уголовного дела с ходатайством следователя о назначении судебного штрафа; в случае умышленного занижения квалификации органами предварительного следствия.

---

[1] Проходивших повышение квалификации в СПБЮИ (ф) УП РФ по программе повышения квалификации старших прокуроров, прокуроров отделов, управлений, прокуратур субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратур, заместителей прокуроров городов и районов и приравненных к ним специализированных прокуратур, участвующих в рассмотрении уголовных дел судами на период 2020 года.

[2] Вышеуказанные рекомендации должны найти отражение в приказе Генерального прокурора России от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

УДК 343.1

А.С. ХУЧШОВ

научный руководитель
профессор В.С. ШАДРИН

РОЛЬ ПРОКУРОРА ПРИ ИЗБРАНИИ СУДОМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО ХОДАТАЙСТВУ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В современном уголовном судопроизводстве очень важную роль играет институт применения мер процессуального принуждения, одним из видов которых являются меры пресечения. Согласно ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) только суд вправе принимать решение об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий, как в наибольшей степени ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина. При этом, безусловно, важна роль прокурора, который осуществляет от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

В настоящее время в науке ведется дискуссия о роли прокурора при избрании судом мер пресечения. Обращаясь к истории регулирования данного вопроса, можно отметить, что до 2007 г. у прокурора имелось полномочие давать согласие как дознавателю, так и следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения. После изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ, полномочия прокурора были значительно сокращены, и вышеуказанное полномочие по даче согласия на возбуждение ходатайства у прокурора осталось только в отношении дознавателя, в отношении же ходатайства следователя согласие теперь дается руководителем следственного органа.

В соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ прокурор участвует в рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения, независимо от того, следователем или дознавателем было возбуждено ходатайство. Согласно ч. 6 ст. 108 УПК РФ в судебном заседании прокурор или по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его.

Нужно отметить, что в настоящее время у следователя отсутствует обязанность направлять прокурору копии постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения и прилагаемых к нему материалов. Соответственно, если ходатайство дознавателя прокурор может изучить при даче согласия, то в отношении ходатайства следователя возникает проблема возможности ознакомления прокурора с соответствующими материалами, и, как следствие, возможности качественной подготовки к судебному заседанию. Это в свою очередь, как отмечает прокурор Архангельской области Наседкин В.А., приводит к тому, что в силу отсутствия у прокурора возможности заранее выработать свое мнение о необходимости избрания меры пресечения, возникает ситуация, при которой «прокурор при обосновании ходатайства в судебном заседании почти всегда придерживается позиции следователя и лишь в единичных случаях высказывает мнение, отличное от его позиции»[1].

При этом, если мнение прокурора будет отличаться от мнения следователя, изложенного в ходатайстве, это будет означать наличие спора между ними. Представляется, что такая ситуация недопустима, так как и следователь, и прокурор относятся к одной стороне обвинения, и суд, разрешая спор между ними, как участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, будет сам становиться органом уголовного преследования, что нарушит принцип состязательности сторон, предусмотренный ст. 15 УПК РФ[2].

Для решения указанных проблем в науке предлагаются различные варианты изменений уголовно-процессуального закона. Так, предлагается дополнить УПК РФ положением, согласно которому следователь будет обязан заранее направлять прокурору копии ходатайства об избрании меры пресечения и обосновывающих его материалов, что, по мнению авторов, позволило бы выработать единую, соответствующую закону позицию представителей стороны обвинения перед судом[3].

---

[1] Наседкин В.А. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов - действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. 2016. — № 3. — С. 3-4.

[2] Халиулин А.Г. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в современном уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. — № 11. — С. 30.

[3] Манова Н.С. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения // Законность. 2017. — № 12. — С. 6-10.

Другой предлагаемый вариант – возвращение прокурору полномочия по даче согласия следователю на возбуждение ходатайства об избрании меры пресечения[1].

Высказываются предложения о том, чтобы предоставить прокурору право отзывать ходатайство следователя из суда или заявлять об отказе от ходатайства, который будет обязательным для суда и, соответственно, будет влечь прекращение производства по ходатайству[2].

Еще один вариант предлагался Колоколовым Н.А.: при разногласиях между следователем и прокурором, решение должен принимать вышестоящий прокурор[3].

Выше были рассмотрены точки зрения о необходимости расширения роли прокурора и объема его полномочий при избрании судом мер пресечения. Однако есть и иные мнения, обосновывающие необходимость сохранения нынешнего правового положения прокурора, или даже большего сокращения его полномочий.

Например, некоторые авторы отмечают тот факт, что следователь лишь возбуждает ходатайство об избрании меры пресечения, не разрешая самостоятельно данный вопрос. Окончательное решение же принимается судом, который в ходе заседания рассматривает мнения всех участников, в том числе прокурора[4]. Если же прокурор не убедил суд в отсутствии оснований для удовлетворения ходатайства, законодатель предоставил ему право обжаловать решение суда, а значит отсутствует необходимость расширения полномочий прокурора в данной сфере[5].

---

[1] Халиулин А.Г. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в современном уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 30; Оксюк Т.Л. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. — № 3. — С. 4.

[2] Рагулин А.В. О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4. С. 60-61; Щерба С.П. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. — № 1. — С. 23.

[3] Колоколов Н.А. Последние новеллы УПК РФ: баланс обвинительной власти стабилизируется // Уголовное судопроизводство. 2009. — № 2. — С. 25-32.

[4] Дуруев Я.А. Проблемы реализации полномочий прокурора при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по делам, которые находятся в производстве у следователей // Актуальные вопросы в науке и практике: сборник статей по материалам X международной научно-практической конференции. Самара, 2018. С. 175.

[5] Ковтун Н.Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // Российская юстиция. 2010. — № 5. — С. 29-34.

Есть мнение, согласно которому участие прокурора в рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения является излишним в силу того, что если в настоящее время ходатайство составляется следователем, и согласовывается руководителем следственного органа, то именно они должны участвовать в судебном заседании, обосновывая свою позицию по вопросу избрания меры пресечения[1].

Представляется, что подход, согласно которому прокурор не должен участвовать в судебном заседании по избранию меры пресечения, является неверным, в силу того, что таким образом еще в большей степени будут ограничены его надзорные полномочия, так как прокурор не сможет дать свою оценку доводам следователя, изложенным в ходатайстве, а значит будет ограничена возможность защиты прокурором прав и свобод человека и гражданина.

Нынешняя ситуация, когда роль прокурора сводится только к обоснованию ходатайства следователя в суде и последующей возможности обжалования решения суда, также не в полной мере позволяет прокурору защищать права лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения. Изменение законодательства в части установления обязанности следователя направлять прокурору копии ходатайства и материалов, обосновывающих его, позволит прокурору более качественно готовиться к судебному заседанию, однако это не решит вопрос, связанный с возможным противоречием между позицией следователя и руководителя следственного органа с одной стороны, и прокурора – с другой.

В связи с этим более эффективным вариантом решения проблемы выглядит предоставление прокурору права согласовывать ходатайство следователя еще до направления в суд. Таким образом, прокурор, как и до 2007 г., будет давать согласие следователю на возбуждение ходатайства об избрании меры пресечения, соответственно, незаконные с точки зрения прокуро-

[1] Рябцева Е.В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства! (о соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 57-59; Попова Л.Н. Участие прокурора в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов VI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 70-летию образования Могилевского института МВД. Могилев: Могилевский институт МВД, 2018. — С. 332.

ра ходатайства не будут согласовываться, а значит исключится возможность спора между позицией следователя и прокурора в суде. Также, так как меры пресечения в значительной степени ограничивают права и свободы человека и гражданина, то для дополнительной гарантии их соблюдения и защиты согласование ходатайства следователя именно прокурором будет являться оправданным, так как прокурор, осуществляющий надзор, а не внутренний ведомственный контроль, в отличие от руководителя следственного органа, может более объективно и беспристрастно оценить доводы следователя, изложенные в ходатайстве.

При этом, если прокурор будет давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, то в данном случае возможно и предоставление ему полномочия по отказу от поддержания ходатайства, который будет обязательным для суда. Это позволит в судебном заседании всесторонне и с учетом мнения и доказательств, представляемых стороной защиты, проверить, имеются ли основания для удовлетворения заявленного следователем ходатайства, и если уже в судебном заседании при изучении таких материалов прокурор придет к выводу о том, что нет оснований для избрания меры пресечения, то обязательный для суда отказ прокурора от поддержания ходатайства, по аналогии с отказом от обвинения, также будет способствовать большей эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина.

СЕКЦИЯ VII

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.9

М.О. БЕЛЕВА

научный руководитель
профессор Н.А. ДАНИЛОВА

ИЗУЧЕНИЕ ПРОКУРОРОМ ПРОТОКОЛА ВЫЕМКИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ

Выемка – следственное действие, состоящее в принудительном изъятии определенных предметов и документов, имеющих значение для дела, если точно известно, где и у кого они находятся[1]. При расследовании получения взятки выемка является распространенным следственным действием и, как показывает анализ результатов опроса прокурорских работников, осуществляющих надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, а также участвующих в рассмотрении уголовных дел судами, проводится в 71% случаев.

У прокурора необходимость в изучении протоколов следственных действий (в том числе протокола выемки) возникает при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным заключением, а также при поступлении жалобы участника процесса, при приостановлении производства по уголовному делу, прекращении уголовного дела или уголовного преследования, а также при подготовке к поддержанию государственного обвинения в суде.

Как отмечается в научной литературе, изучение прокурором протоколов следственных действий должно носить комплексный характер и заключаться в проверке процессуальных документов как с точки зрения соблюдения требований уголовно-процессуального закона, так и качества, полноты, всесторонности прове-

[1] Уголовный процесс : учебник / Александрова Л. А. и др. под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. – Москва. - 2011. Доступ через информационно-правовой портал «Гарант».

денного следственного действия[1]. Таким образом, можно говорить о необходимости изучения прокурором протокола выемки в трех аспектах:

1) формальное «внешнее» изучение протокола, проверка соответствия его оформления нормам уголовно-процессуального закона;

2) изучение содержания протокола по существу;

3) сопоставление содержания протокола выемки с иными материалами уголовного дела.

В рамках формального изучения протокола выемки прокурору необходимо проверить наличие следующих данных:

наименования следственного действия;

места, времени его производства;

лиц, принимавших участие при производстве выемки;

факта разъяснения всем участникам следственного действия прав, обязанностей и ответственности;

применявшихся в ходе следственного действия технических средств, о предупреждении лиц, участвующих при производстве выемки, об их применении;

подписей лиц, участвующих при производстве выемки;

удостоверения надлежащим образом всех внесенных в протокол исправлений;

наличия записи о вручении копии протокола лицу, в помещении которого производилась выемка (или совершеннолетнему члену его семьи), представителю администрации организации, в помещении которой производилось следственное действие;

наличия постановления следователя о производстве выемки.

В ходе изучения прокурором протокола выемки по существу необходимо проверить:

имелись ли основания для производства следственного действия. Согласно ч.1 ст.183 УПК РФ выемка предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, может быть произведена в случае, если точно известно, где и у кого они находятся. При этом, как отмечается в юридической литературе, условием принятия решения о производстве следственного действия является наличие достаточных фактических данных, которые должны

[1] Данилова, Н. А., Николаева, Т. Г. Исследовательская деятельность прокурора в уголовном досудебном производстве: вопросы теории и практики // КриминалистЪ. - 2018. - №4. - С.23-24.; Шадрин В.С. Юбилейная конференция – веха в развитии Института и криминалистики // КриминалистЪ. - 2011. - №2 (9). - С.5.; Криминалистический анализ и оценка прокурором материалов уголовного дела: монография / отв. Ред. В.Н. Исаенко. - М. - 2013. - С.12.

содержаться в процессуальных документах, фиксирующих сведения, полученные из источников, названных в уголовно-процессуальном законе[1];

не подменено ли выемкой иное следственное или процессуальное действие;

соблюдались ли нормы уголовно-процессуального закона, определяющие круг лиц, участие которых является обязательным при производстве выемки: лица, уполномоченного на проведение следственного действия; специалистов; лиц, проживающих в жилом помещении, где проводилась выемка; представителя администрации организации, в которой проводилось следственное действие; понятых[2];

произведено ли следственное действие после возбуждения уголовного дела. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ производство выемки не допускается при проверке сообщения о преступлении;

не производилось ли следственное действие в ночное время (за исключением случаев, не терпящих отлагательства);

не имело ли места нарушение права лица, участвующего при производстве выемки, на защиту[3];

имеется ли решение суда о производстве выемки в жилище независимо от наличия (отсутствия) согласия проживающих в нем лиц (производство следственного действия без решения суда возможно лишь в случаях, не терпящих отлагательства). Судебное решение также требуется для проведения выемки в жилом и служебном помещении адвоката[4], для изъятия предметов и докумен-

---

[1] Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. М. - 2008. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Следует отметить, что согласно ч.1.1 ст.170 УПК РФ при производстве выемки участие понятых не является обязательным, решение вопроса о привлечении понятых оставлено на усмотрение следователя (исключение составляет выемка электронных носителей информации, которая проводится с участием не менее двух понятых). В случае проведения следственного действия без участия понятых прокурору необходимо проверить, соблюдены ли следователем требования о применении технических средств фиксации хода и результатов выемки.

[3] См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2017 г. № 1451-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

тов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях[1];

наличие (отсутствие) обстоятельств, не терпящих отлагательства, которые послужили основанием для производства выемки в жилище без решения суда. Помимо этого, прокурору необходимо удостовериться в выполнении следователем требований, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ, о вынесении постановления о производстве выемки и о направлении уведомления судье и прокурору в срок не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия;

полноту проведенного следственного действия и фиксации действий следователя в протоколе.

Прокурору необходимо проверить: соблюдена ли процедура производства выемки, отражены ли в протоколе действия, совершенные в ходе следственного действия, обстоятельства обнаружения предметов и документов.

В протоколе выемки должны найти отражение:

индивидуальные признаки местности, помещения, в котором производилось следственное действие;

факт предъявления лицу, в отношении которого производилась выемка, постановления либо судебного решения о производстве следственного действия;

предложение до начала проведения следственного действия добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы;

информация об обнаруженных и изъятых предметах и документах, их виде, количественных, качественных, индивидуальных характеристиках, месте и обстоятельствах обнаружения. В ходе проведения выемки при расследовании получения взятки возможно обнаружение и изъятие предмета взятки, его упаковки, фрагментов, документов к нему; документов, свидетельствующих о передаче должностному лицу предмета взятки; служебных документов, в которых содержатся сведения о совершении взяткополучателем действий (бездействия) в пользу взяткодателя; документов, связанных с совершением взяткополучателем аналогичных действий не за взятку в отношении иных лиц; документов, регламентирующих порядок прохождения документов, порядок разрешения вопроса; документов, характеризующих организацию, в которой работает должностное лицо, осуществляемую ей деятельность; документов, устанавливающих компетенцию и пол-

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 10-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

номочия должностного лица; документов, свидетельствующих об источниках средств у взяткодателя для приобретения предмета взятки; личных записей взяткодателя, взяткополучателя, посредника во взяточничестве, свидетельствующих о передаче (подготовке к передаче) взятки; документов, свидетельствующих об образе жизни взяткополучателя и других.

отражено ли в протоколе, при каких обстоятельствах были обнаружены объекты, выданы ли они добровольно или изъяты принудительно. Следует отметить, что на практике нередкими являются случаи, когда при производстве выемки следователем не осуществляется изъятие всех необходимых предметов, документов, что впоследствии приводит к недоказанности факта получения взятки должностным лицом[1];

соблюдены ли следователем нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие изъятие предметов, документов:

все ли обнаруженные и изъятые предметы, документы отражены и описаны в протоколе;

указаны ли места их обнаружения;

изымались ли подлинные документы;

описано ли в протоколе, как были упакованы изъятые предметы, документы, надлежащим ли образом.

По окончании изучения протокола выемки прокурору целесообразно сопоставить содержание протокола следственного действия с данными, имеющимися в иных материалах уголовного дела, и проверить:

если в ходе выемки не все предметы или документы были изъяты, обнаружены ли они в ходе иных следственных или процессуальных действий (например, в ходе обыска или осмотра места происшествия);

наличие (отсутствие) противоречий между сведениями, содержащимися в протоколе выемки и сведениями, содержащимися в иных процессуальных документах;

наличие (отсутствие) фактов привлечения одних и тех же понятых для производства нескольких следственных действий, фактов проведения нескольких следственных действия в одно и то же время одним и тем же лицом;

если в ходе следственных действий производилась фотосъемка, имеется ли приложение к протоколу следственного действия в виде фототаблицы, нет ли между ними противоречий;

[1] См. Апелляционное определение Московского городского суда от 27.12.2017 № 10-20193/2017. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

если на основании решения суда проведена выемка в жилище, совпадают ли адрес жилого помещения, указанный в решении суда, и адрес, указанный в протоколе, не было ли следственное действие проведено до получения судебного решения;

если изъятые в ходе выемки предметы, документы направлены для производства экспертизы, совпадают ли признаки предметов, документов в протоколе следственного действия, при производстве которого они были изъяты, постановлении о назначении экспертизы, заключении эксперта.

Таким образом, при изучении протокола выемки по уголовному делу о получении взятки прокурору необходимо проверить не только соблюдение следователем требований уголовно-процессуального закона, регламентирующих процедуру производства выемки, но и качество, полноту, всесторонность проведенного следственного действия: отражены ли в протоколе действия, совершенные в ходе выемки, обстоятельства обнаружения предметов и документов, все ли предметы, документы, имеющие значение для расследования преступления, обнаружены и изъяты, нет ли противоречий между информацией, содержащейся в протоколе выемки, и информацией, содержащейся в иных материалах уголовного дела, и другие обстоятельства. Комплексный подход к изучению протоколов следственных действий (в том числе протокола выемки) поможет прокурору оценить качество проведенного предварительного расследования и принять законное и обоснованное решение относительно дальнейшего движения уголовного дела о получении взятки.

УДК 343.98

З.К. БИЧЕГКУЕВА,
Д.Ю. ЕВСЕЕВА

научный руководитель
доцент М.А. ГРИГОРЬЕВА

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ФОТОГРАФИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Производство целого ряда следственных действий, таких как обыск, осмотр, следственный эксперимент сопровождается использованием научно-технических средств дополнительной фиксации хода и результатов следственных действий. Одним из

самых распространенных научно-технических средств, обеспечивающих объективизацию раскрытия и расследования преступлений, является цифровой фотоаппарат. Оформление результатов использования названного цифрового средства, применяемого в целях дополнительной фиксации хода и результатов следственных действий, происходит посредством оформления фототаблицы, являющейся приложением к протоколу следственного действия в соответствии с ч. 8 ст.166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Важно, чтобы фототаблица соответствовала ст.74 УПК РФ и была признана доказательством совершения преступления. Это означает, что полученные снимки должны устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следовательно, невозможно не упомянуть такие свойства доказательств, как относимость, допустимость, достоверность и достаточность (ч.3 ст. 75 и ч. 4 ст. 88 УПК РФ).

Фотоснимки, выполненные в ходе следственных действий, безусловно, имеют значительную практическую значимость и позволяют досконально оценить обстановку места производства следственного действия и ход такового. По справедливому мнению Ростовцева А.В., у цифровой фотографии есть ряд преимуществ перед традиционными пленочными фотоаппаратами (такими, как, например, «Зенит» и «ФЭД»):

возможность в оперативном режиме просмотреть снимки, в ходе съёмки которых были допущены ошибки;

возможность сохранения качества фотографии на достаточном уровне, обусловленная отсутствием необходимости в сканировании снимка;

возможность проведения более универсальной, чем для классической фотографии, съемки, без использования специальной фотоплёнки;

поддержание качества фотографии в процессе хранения при своевременном копировании на электронный носитель, а также соблюдении необходимых сроков службы носителя;

компактный размер аппарата цифровой фотосъёмки;

лучшая способность камеры к распознаванию и одновременной передаче светлых и темных деталей снимаемой сцены в формате цифровых фотографий без сжатия (RAW), чем у фотопленок. Кроме того, использование данного формата может исключить дальнейшую фальсификацию изображения, так как отредакти-

рованная копия сохраняется только в форматах JPEG или TIFF, и, следовательно, любое изменение снимка будет заметно[1]. Мы согласны с мнением Трущенкова И.В. о том, что качество данных признаков на фотоснимке должно обеспечивать возможность всеобъемлющего исследования[2]. Данным требованиям отвечает цифровой фотографический формат RAW, который, полагаем, следует избрать всеобщим для всех изображений, так как использование данного формата может исключить возможность фальсификации фотографии.

Согласно ч. 2 п. 5 ст. 74 УПК РФ, протоколы следственных и судебных действий с приложенными к ним фототаблицами являются доказательствами. Обязательным требованием является отображение в протоколе следственного действия, в соответствии с требованиями УПК РФ, условий получения, обработки и хранения полученных изображений. Нарушение или несоблюдение правил использования цифровой фотографии порождают сомнение в доказательности обвинения, поэтому, они могут быть исключены из процесса доказывания.

Существуют во многом дублирующие информацию из уголовно-процессуального закона ведомственные нормативные акты, например, приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», в котором указывается на необходимость отражения в материалах уголовного дела подробных сведений о дополнительной фиксации, в частности, вида, модели, производителя используемого устройства, а также вида, названия, версии программного обеспечения, режима приема и печати изображений.

Выше в тексте статьи упоминалось, что при использовании цифровых средств существует возможность фальсификация результатов их применения. Очевидным является факт, что на сегодняшний день существует ряд компьютерных программ, которые изменяют первоначальный вид «цифрового» снимка, например, программа «Photoshop», которая часто используется в этих целях, не требует высшего образования в сфере программирования. Именно поэтому следователю отредактировать цифровые изобра-

[1] Ростовцев А.В. Особенности использования цифровой фотографии при производстве следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. - 2015. - № 9. - С. 114-115.

[2] Трущенков И.В. Использование цифровой фотографии в криминалистических экспертизах: дис … канд. юрид. наук. - М. - 2011. - С. 100-103.

жения в данной программе не представляется сложным, и такого рода фальсификация происходит при производстве следственных действий с высокой периодичностью. В частности, легко может быть изменена четкость изображения, изображение лица человека отредактировано так, что оно может не соответствовать реальному возрасту на первоначальном изображении. Кроме того, в программе «Photoshop» возможно удаление изъянов и шрамов на коже, а также изменение цвета глаз и волос, а также может быть выполнена редакция документов (например, удалена печать или подпись с бланка и скопирована с одного документа в другой). Это далеко не исчерпывающий перечень действий по фальсификации полученных в ходе следственных действий фотоснимков, но выявление данного обстоятельства влечёт признание сфальсифицированных доказательств недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ. Если возникают подозрения о совершении монтажа, следует назначить фототехническую экспертизу. В отношении же следователя, осуществившего данную фальсификацию, может быть возбуждено уголовное дело по соответствующей части ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.

Мы согласны с мнением Холопова А.В., который отмечает, что осуществление печати фотоснимков непосредственно на месте совершения съёмки в присутствии понятых не может обеспечивать отсутствие дальнейшей фальсификации полученных фотографий. Задачей понятых на месте происшествия после печати снимка является сравнение изображения на фотографии и непосредственно того объекта, фотосъёмка которого была осуществлена. Кроме того, понятые удостоверяют фотоснимок подписями в фототаблице, создающейся на месте проведения следственного действия. Несмотря на то, что данная фототаблица прикрепляется в виде приложения к протоколу следственного действия, исходный носитель информации с цифровым фотоснимками часто к протоколу не прилагается, соответственно, файл, с которого распечатана фотография может быть позже отредактирован в компьютерном редакторе. Отсутствие самого исходного носителя в данном случае исключает возможность диагностики фотоснимка на предмет редактирования.

Ещё одним вариантом использования средств цифровой фотосъёмки является приложение карты памяти (диска, иного носителя информации) из цифрового фотоаппарата к протоколу следствен-

ного действия. Холоповым А.В. предлагается копировать информацию с карты памяти цифрового фотоаппарата на одноразовый оптический диск формата CD или DVD посредством персонального компьютера, поскольку информацию на одноразовом диске невозможно каким-либо образом модифицировать. Информация о копировании должна быть отражена в протоколе следственного действия. В данном случае необходимо приложить к протоколу следственного действия заключение фототехнической экспертизы, которая подтверждает, что в процессе копирования изображения на одноразовый диск, информация не была никаким образом отредактирована. Либо же следует использовать портативные универсальные многофункциональные рекордеры (Multi Function Recorders), например Sony DVDirect (Sony VRD-MC5), которые абсолютно исключают возможность редактирования изображения, так как информация не переносится на персональный компьютер, а копируется с карты памяти цифрового фотоаппарата на одноразовый диск[1].

Обращаясь к практике использования подобного вида устройств, невозможно не упомянуть позитивный опыт Следственного Комитета Вологодской области, отмеченный учёным-криминалистом Макарьиным А.А.[2] Важно отметить, что одноразовый диск также должен быть удостоверен подписями понятых, чтобы исключить возможность его подмены, конверт же с данным диском опечатывается и приобщается к протоколу следственного действия.

Печать может быть осуществлена как на фотобумаге, так и на обычной бумаге, не обеспечивающей хорошее качество полученной фотографии, а иногда и делающей невозможным исследование снимка. Помимо этого, фотоснимок может быть распечатан на обычном принтере, а не фотопринтере, что так же может свести на нет доказательственное значение распечатанной фотографии. К тому же, в отличие от фотоплёнки, которая сохраняет изображение в чётком виде, сохранённый на электронный носитель с цифрового фотоаппарата снимок представляет собой не что иное, как совокупность электронных чисел, находящихся в определённой последовательности, а значит, вероятность фальсификации

[1] Холопов А.В. Применение цифровых технологий фиксации аудиовизуальной информации в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2010. - 68 с.

[2] Макарьин А.А. Записывающее устройство «ADDONICS» // Законность. - 2006. - № 9. - С. 18—20.

данной фотографии велика. Именно поэтому необходимо создать электронную базу, где будет располагаться информация о всех действиях по редактированию снимков уполномоченными на такие действия лицами.

Таким образом, использование цифровых средств действительно является весьма актуальным при производстве следственных действий ввиду наглядности оформления в виде приложений к протоколам следственных действий фототаблиц. Однако, несмотря на видимые преимущества цифровой фотосъемки, описанные в данной статье, злободневной проблемой является фальсификация полученных материалов. Решением данной проблемы может стать использование описанного в работе формата RAW, в котором редактирование фотографии скрыть невозможно без последующего сохранения в другом формате. Помимо этого, к протоколу следственного действия может быть приложена карта памяти цифрового устройства, однако более надёжным является способ копирования информации с карты памяти на одноразовый диск, возможность редактирования которого исключена. Особенно надёжны в данном плане многофункциональные рекордеры, которые позволяют осуществить копирование без использования компьютера, а, значит, и без малейшей возможности модификации изображения. Кроме того, эффективным решением проблемы фальсификации фотоснимков будет создание специальной электронной базы, где будут отображаться все действия, направленные на любое изменение фотографии.

УДК 343

А.А. ГОЛУБИНА,
И.Д. КОТИНА

научный руководитель
доцент Е.В. ЕЛАГИНА

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ

Идентификация личности представляет собой процесс установления тождества опознаваемого субъекта конкретному лицу по характеризующим его отличительным признакам. Проблема идентификации личности неопознанных трупов не теряет своей актуальности, поскольку на протяжении всего существования

человечества случаются катастрофы, экстремальные ситуации, следствием чего является необходимость установления личности неопознанных тел посредством использования специальных методов. Несмотря на то, что технологический прогресс способствует появлению самых разнообразных модернизированных приборов и аппаратов, криминалисты все же сталкиваются с рядом проблем, которые не всегда удается разрешить и в современное время[1]. Особенного внимания заслуживают случаи, когда при обнаружении трупа следователям ничего не удается узнать о личности погибшего.

Серьезной проблемой является необходимость идентификации лиц, погибших в ходе вооруженных конфликтов, террористических актов, масштабных катастроф и техногенных аварий, то есть в тех ситуациях, когда жертвами становится множество людей, а количество неопознанных трупов составляет более 25%, поскольку гибель обусловлена большой силой и комбинированным действием поражающих факторов[2]. Летальный исход может наступать вследствие действия химических, механических и иных факторов, последствием воздействия которых является критически недостаточное количество генетического материала для идентификации трупов.

Для примера: в случае железнодорожной катастрофы тела, как правило, остаются на месте происшествия или в непосредственной близости от него. Эксперты в основном сталкиваются с целыми телами жертв, что позволяет идентифицировать останки традиционными методами (например, графическим и математическим методами при визуальном сравнении трупа с фотографиями на документах, найденных на месте происшествия). И, кроме того, специалисты могут собрать достаточное количество биологического материала для проведения генетической экспертизы. В случае авиационных катастроф дело обстоит иначе – известны случаи, когда при падении самолета эксперты находили на месте катастрофы тысячи фрагментов тел погибших. Трудность в данном случае заключается не только в сборе огромного количества

[1] Ючмарова Я.Э. Проблемы идентификации личности неопознанных трупов // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. - № 11(27). – 2018. – С. 721-724.

[2] Корниенко И. В., Колкутин В. В., Волков А. В. Молекулярно-генетическая идентификация заложников, погибших в результате террористического акта 1 – 3 сентября 2004 г. в Беслане // Судебно-медицинская экспертиза. - 2006. - Т. 49, № 5. - С. 32.

фрагментов, но и в том, что они могут быть рассредоточены на расстоянии нескольких километров от места катастрофы. Также стоит отметить, что многие авиационные катастрофы заканчиваются пожаром, что приводит к обугливанию останков тел и невозможности их сопоставления в ходе последующего проведения генетической экспертизы.

Выяснение данных о личности погибшего имеет большое значение для раскрытия и расследования преступления. В зависимости от того, кто является жертвой, можно установить его личностные особенности, возможные взаимоотношения с преступником, а также получить иную значимую информацию.

Существующие методы идентификации неопознанных трупов могут быть разделены на традиционные (устоявшиеся в криминалистической практике за внушительный промежуток времени) и нетрадиционные (вырабатываемые для единичных следственных ситуаций). К традиционным методам мы можем отнести метод непосредственного сопоставления информации, который заключается в сверке сведений в документах, удостоверяющих личность и информации, полученной при судебно-медицинском исследовании трупа либо неизвестного лица. Кроме того, устоявшимся является судебно-стоматологический метод, в ходе которого эксперты опознают личность погибшего путем выявления врожденных и приобретенных в процессе жизни особенностей строения челюстно-лицевой системы. Еще одним традиционным методом является остеометрический метод идентификации личности, который понимается как идентификация личности по костям.

На сегодняшний день наиболее распространенными являются молекулярно – генетический, дактилоскопический и дерматоглифический методы. В дактилоскопии и дерматоглифике отпечатки пальцев являются главными вспомогательными элементами при доказывании вины и установлении личности. Также стоит упомянуть о габитоскопии, которая включает в себя систему научных положений и основанных на них средствах и методах собирания, изучения и использования данных о внешнем облике человека в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Появление и внедрение в экспертную практику новых методов идентификации позволяет экспертам решать все больший круг задач.

Молекулярно-генетический идентификационный анализ по своей сути направлен на выявление индивидуальных особенностей, так сказать, «особых примет» генетической конституции конкретного человека. Этот подход не имеет аналогов среди использовавшихся ранее методов судебно-экспертной идентификации личности.

Эксперты для каждой конкретной ситуации подбирают оптимальное сочетание методов идентификации, так как иногда невозможно при помощи одного метода установить личность. Это может быть обусловлено, например, недостаточным количеством останков или частей тела, а также степенью их поражения. Сложность процесса идентификации также обусловлена тем, что проведение экспертизы может затянуться, и это приведет к существенным изменениям останков трупа и невозможности установления личности.

Однако, несмотря на усовершенствование методов, а также их разнообразие, проблема сбора и сохранения генетического материала неопознанного трупа, который необходим для идентификационного исследования, по-прежнему, является актуальной. Важно отметить, что молекулярно-генетическая экспертиза имеет целый ряд преимуществ перед остальными идентификационными методами:

ДНК на протяжении жизни человека не меняется, что позволяет проводить молекулярно-генетическую экспертизу в отношении трупов, относящихся к любой возрастной группе;

для проведения молекулярно-генетической экспертизы могут отбираться биологические материалы различного происхождения;

молекулярно-генетический метод экспертного исследования отличается большей объективностью, а также дополняет результаты традиционного судебного медицинского исследования трупа.

Согласно ч. 2 ст. 7 ФЗ № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее – № 224-ФЗ) неопознанные трупы подлежат обязательной геномной регистрации[1], которая представляет собой получение, хранение и использование биологического материала и содержащейся в нем индивидуаль-

[1] Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (с изм. От 17.12.2009) // Собрание законодательства РФ. - 08.12.2008. - № 49. - Ст. 5740.

ной информации об определенных фрагментах ДНК человека[1]. С помощью полученных данных значительно облегчается идентификация личности человека. В № 224-ФЗ также предусмотрена добровольная геномная регистрация, однако, она производится на платной основе, за счет лиц, изъявивших желание сдать свой генетический материал, что является препятствием для ее повсеместного использования.

Полагаем, что в интересах государства и общества было бы рациональным создать специализированные банки генетического материала, который будет получаться при рождении у каждого гражданина Российской Федерации за счет средств федерального бюджета. Кроме того, в условиях тотальной цифровизации реальной представляется возможность перенесения генетического материала в электронный код ДНК, который будет храниться на электронном носителе в генетических лабораториях, что позволит значительно сократить расходы, необходимые для строительства банков хранения генетического материала. Внедрение данной технологии позволит значительно сократить срок идентификации личности неопознанных трупов, благодаря чему мы сможем избежать утраты сохранившегося генетического материала.

Таким образом, потребность в использовании полученной экспертно-криминалистическими методами доказательной базы у следователей возрастает из-за происходящих в последнее время изменений характера и структуры преступности. Вопрос совершенствования такого приоритетного направления как экспертно-криминалистические учеты также является актуальным. Наиболее эффективными являются те учеты, которые позволяют по оставленным на месте происшествия следам идентифицировать преступников. Особенно хочется выделить вариант электронного кода ДНК, хранящегося на электронном носителе в генетических лабораториях. Безусловно, в части использования ДНК-учетов в раскрытии и расследовании преступлений определен ряд проблем организационного, ресурсного и правового характера, но возможное расширение баз данных позволит наиболее эффективно идентифицировать личности неопознанных трупов.

[1] Романовская О.В. Правовое регулирование геномной регистрации в Российской Федерации // Тр. Междунар. Симпозиума «Надежность и качество». – 2014. – Т. 2. – С. 10-12.

УДК 343.9

Е.С. ДУДЫРИНА

научный руководитель
кандидат юридических наук
Э.С. САРЫГИНА

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАПАХОВЫХ СЛЕДОВ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Судебная экспертиза запаховых следов человека – это самостоятельный вид судебной экспертизы из рода экспертиз тканей и выделений человека класса судебно-биологических экспертиз, предметом которой, с позиции ее нацеленности на помощь в расследовании, является установление фактических данных об участниках и событии преступления по пахнущим следам. В качестве исследуемых объектов выступают фиксированные на материальных носителях следы пота и крови человека, представленные характеризующими его пахнущими веществами (метаболитами).

Современное состояние экспертизы запаховых следов человека характеризуется высоким уровнем ее развития, а также появлением новых методик. Актуальным направлением современного развития теории и практики данного вида экспертизы является обобщение и систематизация научных знаний об особенностях ее производства, применения методов экспертного исследования, составляющих ее теоретический и научно-практический базис.

В научной литературе приводится множество определений понятия «запаховые следы человека», которое является центральным в теории экспертизы пахнущих веществ. Различные позиции можно встретить в трудах Моисеевой Т.Ф.[1], Старовойтова В.И.[2], Панфилова П.Б.[3], Грошенковой О.А.[4] и других ученых. Проана-

[1] Моисеева Т. Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека. - М.: Городец-издат, 2000. - С. 84.

[2] Старовойтов В.И. Экспертиза пахнущих следов человека в России // Аубакировские чтения: Материалы международной научно-практической конференции, 19 февраля 2016 г. Алматы: Казакстан Республикасы ІІМ Алматы академиясы. - 2016. – С. 315-326.

[3] Панфилов П.Б. Основные принципы обеспечения достоверных исследований запаховых следов человека с использованием собак-детекторов в судебной экспертизе: [учебное пособие] - М.: Юрлитинформ, 2007. – С. 23.

[4] Грошенкова О.А. Использование запаховых следов человека в расследовании преступлений: дисс. … канд. юрид. наук. – Саратов. - 2000. – С. 14.

лизировав мнения исследователей, с учетом современного уровня разработанности теории данной экспертизы, можно сформулировать определение запаховых следов человека. На наш взгляд, запаховые следы человека – это пахучие вещества, имеющие сложную многокомпонентную структуру, важнейшей составляющей которой являются жирные кислоты определенной фракции, отвечающие за индивидуальность запаховых следов.

Механизм образования запаховых следов человека в общем виде подчиняется общим принципам механизма следообразования и базируются на всеобщем свойстве отражения материальных объектов и явлений. В общем виде он может быть представлен как процесс отделения пахнущих веществ непосредственно с тела человека (либо отторжения фрагмента пахучего следа, сформировавшегося ранее при взаимодействии следовоспринимающего объекта со следообразующим – человеком или объектом-носителем его пахнущих следов)[1].

Для успешного проведения экспертизы необходимо соблюдение правил изъятия и фиксации запаховых следов. Пахнущие вещества – это сложный объект исследования, неправильное обращение с ними может привести к их утрате либо приведению в негодность. Существует немало примеров экспертной практики, демонстрирующих нарушение следователями и специалистами правил изъятия и хранения запаховых следов, которое привело к невозможности проведения экспертизы и, соответственно, утрате важной доказательственной информации[2]. Большое значение имеет своевременность изъятия предметов, содержащих запаховые следы, и отбор запаховых проб, так как промедление может привести к полной или частичной утрате значимой информации, необходимой для ольфакторного исследования.

Ольфакторный метод, применяемый при производстве данной экспертизы, является уникальным. Применение биосенсорных детекторов позволяет обеспечить высокую точность исследования. Экспертиза запаховых следов человека имеет ряд преимуществ перед иными видами судебно-биологических экспертиз. Например, в отличие от генетической экспертизы с помощью ольфактор-

[1] Старовойтов В.И. Методологические и процессуальные аспекты идентификации человека с использованием обоняния собак-детекторов: дисс. … канд. юрид. наук. - М. - 2005. – С. 99-100.

[2] Сергиевский Д.А. К вопросу о предоставлении на экспертизу запаховых следов человека объектов покрытых плесенью и гнилостными образованиями. - М.: Грамота. – С. 170-171.

ного метода можно различать монозиготных близнецов[1], успешно выявлять следы отдельных лиц из смеси нескольких запаховых следов. Кроме того, данный метод является неразрушающим; запаховые следы собирают с объектов испарением пахнущих веществ с последующей их конденсацией в специальных сборниках[2]. Микроследы и частицы, прочие следы сохраняются при этом на следоносителе, что позволяет в дальнейшем проводить и иные исследования объекта, представленного на экспертизу.

Помимо использования собак детекторов, в настоящее время активно разрабатываются инструментальные методы исследования, применяемые для решения диагностических вопросов. Например, для изучения групповых характеристик (веществ) в пахнущих следах человека большое значение имеет метод газовой хромато-масс-спектрометрии, который позволяет идентифицировать летучие органические соединения, происходящие от человека[3].

Основным направлением данной экспертизы является разрешение вопросов идентификационного характера. Вопросы же диагностического значения, кроме определения по запаховым следам биологического вида, (пол, возраст лица, оставившего запаховые следы и т.д.) данной экспертизой не решаются из-за отсутствия собак-детекторов, подготовленных в соответствующей специализации. Методические разработки по определению ряда диагностических свойств пахнущих следов человека известны еще с 90-х годов[4], однако в силу малой востребованности таких исследований подготовка узкоспециализированных собак-детекторов подобного профиля оказалась затратной и неэффективной.

---

[1] Снетков В.А., Старовойтов В.И. Криминалистическое значение запаховой характеристики человека (методологический аспект) // Вопросы теории криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы: Сб. научных трудов. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – С. 3-15.

[2] Старовойтов В.И., Мухин В.М., Зинкевич Э.П., Сулимов К.Т. Устройство для извлечения летучих веществ. Адсорбенты: Авт. свид. № 1673176 от 01.05.1991 г. по заявке № 967431 с приоритетом 10.11.1990 г. // Открытия. Изобретения: Бюллетень. - М. - 1991. - № 8. – С. 86.

[3] Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиронова Ю.С. Новые возможности ольфакторного экспертного метода в исследовании объектов биологического происхождения: инициативные научные исследования и результаты их применения в экспертной практике // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. - 2019. - №1 (88). - С. 105 – 114.

[4] Стегнова Т.В., Сулимов К.Т., Старовойтов В.И., Гриценко В.В. Установление некоторых диагностических признаков человека по запаховым следам: Методические рекомендации. - М.: ЭКЦ МВД России. - 1996. – С. 10.

Выводы эксперта о происхождении запаховых следов, обнаруженных на месте происшествия, от подозреваемого хоть и являются косвенным доказательством его причастности к совершенному преступления, однако в совокупности с другими доказательствами могут сыграть решающую роль в доказывании его вины. Следовательно, экспертиза запаховых следов человека является одним из важных доказательств. Как показывает практика, зачастую результаты данного вида исследований являются главным доказательством вины обвиняемого. В связи с этим заключение эксперта, как и иные доказательства, требует всесторонней проверки и оценки с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Правоприменителем заключение эксперта должно рассматриваться как с формальной, так и с содержательной стороны. Под элементами формального характера в оценке заключения эксперта понимаются соблюдение установленного процессуальным законодательством порядка назначения и производства экспертизы и правильность оформления заключения. Содержательная сторона оценки достоверности заключения эксперта включает в себя следующие пункты:

компетентность эксперта;

допустимость и достаточность материалов, направленных на исследование, их качество;

научная обоснованность применяемых методов, средств, методик исследования; правильность их использования;

полнота исследования и логичность изложения порядка его проведения;

ясность и обоснованность выводов эксперта, их соответствие промежуточным результатам и проведенному исследованию в целом, логическая непротиворечивость.

Только при условии соблюдения всех перечисленных требований заключение по судебной экспертизе запаховых следов человека может лечь в основу доказательственной базы.

Возможности данного вида экспертиз по своей природе уникальны. Однако зачастую следователи не используют данное средство доказывания в силу различных причин. В частности, это связано с недостаточным уровнем осведомленности лиц, осуществляющих расследование, об экспертизе пахнущих веществ, особенностях собирания запаховых следов человека и их представлении эксперту. На наш взгляд, было бы целесообразно разработать подробные рекомендации для следователей по назначению экспертизы пахнущих следов, что будет способствовать более эффективного взаимодействию органов предварительного расследования и экспертных учреждений.

Также считаем целесообразным учреждение в структуре Следственного комитета Российской Федерации лабораторий, производящих судебную экспертизу запаховых следов человека. На данный момент такие лаборатории существуют только в ряде экспертных подразделений МВД России. Наличие экспертов данной специализации в структуре СК России обеспечит большую доступность возможностей ольфакторного исследования для следователей данного ведомства.

Теоретические и научно-практические основы ольфакторного исследования постоянно совершенствуются, разрабатываются новые методики, которые повышают его эффективность. Экспертиза запаховых следов человека успешно зарекомендовала себя, в том числе, при расследовании резонансных уголовных дел, а также преступлений прошлых лет. Все это свидетельствует о необходимости расширения практики назначения данного вида экспертиз.

УДК 343.9

Е.М. КАЛИНИНА

научный руководитель
доцент Е.Б. СЕРОВА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРОКУРОРОМ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Говоря о психологической науке в целом и о практической психологии в частности, необходимо отметить, что обе они в своём развитии прошли длительный и непростой путь – как отмечается, «развитие практической психологии было в 1930-х годах прервано, а в середине 1970-х годов началось практически с нуля». Не углубляясь в особенности взаимосвязи этих двух дисциплин, видится уместным привести позицию М.А. Иванова и В.А. Штроо, согласно которой практическая – также называемая прикладной – психология существует значительно дольше бытия психологической науки: она, пишут авторы, «появляется с того момента, как человек был вынужден что-то делать… с чувствами и пережива-

ниями других людей, как-то организовывать совместное взаимодействие»[1]. Между тем, психология находит своё отражение во всех сферах жизни нашего общества, используясь в том числе и участниками уголовного судопроизводства.

Эффектная речь адвоката Петра Александрова по делу Веры Засулич как пример влияния на аудиторию, методика составления психологического профиля, заложенная в США, и следственная психология в Великобритании – все эти и многие другие примеры указывают на то, что невозможно разрешать последствия человеческих страстей без знания о человеческих душах и умения их направлять. Но несмотря на то, что эта наука – и теоретическая, и прикладная – и её методы хотя и использовались в той или иной мере в расследовании преступлений и судопроизводстве в течение долгого времени, до конца 20-го века – а в общественном сознании частично и поныне – они оставались недооценёнными. Тем не менее, как отмечается В.Ф. Енгалычевым, в 21-м веке можно с уверенностью утверждать о существенных успехах отечественной юридической психологии; запросы практики поспособствовали появлению большого количества исследований в более узких сферах – психологии допроса, психологии участников судебного процесса, психологии достоверности свидетельских показаний и др.[2]

Также исследователями справедливо отмечается, что для прокурора недостаточно исключительно познаний об общей теории и порядке осуществляемой им деятельности, необходимо использовать психологические знания, которые могут значительно облегчить её. Одним из направлений этой деятельности является поддержание государственного обвинения по преступлению против половой неприкосновенности личности.

Факт того, что нарушение половой неприкосновенности личности оказывает на жертву такого преступления разрушительное воздействие именно в психологическом и зачастую психическом плане, не вызывает сомнений – к примеру, жертвы изнасилования в 13 раз чаще, чем потерпевшие от иных преступлений, пытаются покончить с собой[3].

---

[1] Иванов М.А., Штроо В.А. Академическая и практическая психология // Организационная психология. - 2018. - №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-i-prakticheskaya-psihologiya (дата обращения: 02.04.2020).

[2] Енгалычев В.Ф. Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии: автореф. дис. …докт. псих. наук. Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. Санкт-Петербург. 2006.

[3] Малов А.А. Поддержание государственного обвинения по делам об изнасилованиях: криминалистический аспект: дис. …канд. юрид. наук. Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры, Санкт-Петербург, 2006.

Этот факт отмечается и в докладе Всемирной организации здравоохранения «Насилие и его влияние на здоровье»: «психическое влияние может быть таким же серьезным, как и физическое», «сексуальное насилие может приводить к смерти в результате суицида», «как и в случае с женщинами–жертвами сексуального насилия, исследования показывают, что жертвы-мужчины часто страдают от ряда психологических последствий как непосредственно после совершения акта насилия, так и много лет спустя».

Чрезвычайно важна подготовка самого государственного обвинителя в рассматриваемой области, его знания о возможных судебных ситуациях и способах их разрешения, а также способность не поддаваться на провокации. Важно понимать, что в уголовном судопроизводстве хотя и допустимо участие психолога, процесс применения специальных психологических знаний именно государственным обвинителем является едва ли не более существенным. Более того, по мнению С.В. Тетюева, предполагается не перекладывать на психолога несвойственные ему функции – например, определение тактики допроса[1].

Нами предлагаются две классификации психологических приёмов с двумя основаниями выделения – по объектам воздействия и по виду осуществляемой государственным обвинителем в судебном заседании деятельности. К первой относятся приёмы в отношении: подсудимого; свидетелей обвинения; потерпевшего; свидетелей защиты; присяжных (при их наличии); иных участников уголовного судопроизводства. Ко второй – деятельность прокурора в ходе: судебного допроса; прений; реплики.

Видится разумным уточнить, что перечень инструментов прокурора для воздействия на аудиторию в силу объективных причин достаточно скромен, а в ряде случаев судьёй, буквально толкующим положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не позволяется демонстрация для большей наглядности даже линейки или иных предметов. Особенно существенно данная проблема проявляется в судебном заседании с присяжными заседателями. Таким образом, прокурору остаётся умело сочетать психологические знания с искусством публичной речи – используемые в таком случае приёмы также называются психолого-риторическими.

Важность жертвы преступления как участника уголовного судопроизводства и взаимодействия с ней государственного об-

[1] Тетюев С.В. Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве по законодательству России и Туркменистана // Российская юстиции. - 2013. - № 5. - С. 33-37.

винителя отмечается и А.А. Маловым: «допрос потерпевшей в суде по делу об изнасиловании приобретает особенное ключевое значение, поскольку её показания являются одним из важнейших доказательств обвинения».

Тем не менее, будет недостаточным фокусироваться при применении различных методов практической психологии в ходе уголовного судопроизводства исключительно на личности жертвы, стратегический интерес вызывает и подсудимый – его отношение к происходящему, способность влиять на иных участников процесса. Так, необходимо иметь представление о различных типах лиц, совершающих сексуальные преступления, и действовать в соответствии с конкретной разновидностью личности.

Исходя из цели рассматриваемой деятельности – установления истины – и учитывая её характер, заключающийся в коренном противоречии интересов подсудимого и прокурора, наибольшей популярностью как в теории, так и на практике пользуются вопросы тактики допроса подсудимого. Приёмы психического воздействия имеют сверхзадачу – психологически разоружить противодействующее лицо, отмечает Шматкова Ю.А. [1]

Знания о личности конкретного преступника необходимы не только при составлении его психологического портрета на стадии расследования, но также и для эффективного взаимодействия с ним – и воздействия на него – в зале суда.

Изучение материалов уголовного дела, в частности, установление факта сокрытия преступления и его способы, должны указывать на тип личности насильника. Так, самоутверждающийся преступник, согласно классификации, предложенной Семериковой А.А.[2], с меньшей вероятностью будет методично уничтожать следы преступления и угрожать своим жертвам, чем иные.

Здесь обнаруживается достаточно существенный вопрос, охватывающий всю систему уголовного процесса - вопрос этичности. Возможно ли относиться к подсудимому как к заведомо виновному лицу? Допустимы ли манипуляции для достижения цели? Ответ на него впору отнести к разряду философских, но общепринятая позиция является таковой: нет. Прокурор, представляя государство, должен действовать честно и открыто.

---

[1] Шматкова Ю.А. Психологические приёмы допроса // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. - 2016. - № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihilogicheskie-priemy-doprosa (дата обращения 11.03.2020).

[2] Семерикова А.А. Типология насильственных сексуальных преступников. // Юридические исследования. – 2017. - № 10. – С. 11-19.

Обозначив актуальность рассматриваемого вопроса, хотелось бы отдельно остановиться на особенностях и существующих проблемах получения знаний в данной сфере. Как отмечается исследователями, практически во всех вузах уже несколько десятилетий преподаётся та или иная психологическая дисциплина. Так, например, в высших образовательных учреждениях МВД России изучаются несколько психологических курсов, в ходе которых рассматриваются вопросы как общепсихологической теории, так и практическое применение психологии, специальные вопросы правоохранительной деятельности. В высших образовательных учреждениях прокуратуры аналогично преподаётся дисциплина «Юридическая психология». Тем не менее, отмечается ряд проблем, с которыми сталкиваются обучающиеся, для которых психология не является профильным направлением: «перед преподавателем юридической психологии в юридическом вузе стоит нелегкая задача обучения студентов юристов практическим психологическим умениям за семестр», также Т.В. Мальцевой подчёркивается тот факт, что «на многих юридических факультетах студенты в рамках курса «Юридическая психология» впервые знакомятся с психологией как наукой»[1]. В связи с этим необходимо отметить, что получение психологических знаний и навыков не должно ограничиваться какой-то одной дисциплиной; это комплексный процесс, а потому видится уместным также говорить и о включении соответствующих разделов, в частности, посвящённых психологии допроса, и в криминалистику как учебную дисциплину.

В качестве вывода следует обозначить, что важность применения практической психологии прокурором в уголовном судопроизводстве по преступлению против половой неприкосновенности личности, как и в любом другом, неоспорима. Накопленные теория и практика являются тому наглядной иллюстрацией. Отсюда следует, что, во-первых, данная сфера обладает потенциалом научного развития, а во-вторых, прослеживается необходимость уделять существенное внимание изучению юридической психологии в ходе подготовки государственных обвинителей, не допуская формального подхода и адаптируя учебную программу под конкретные практические нужды, своевременно внедряя новые методики и делая акцент на закреплении полученных знаний о возможных ситуациях практической отработкой в ходе учебных занятий.

[1] Мальцева Т.В. К проблеме преподавания юридической психологии как учебной дисциплины юридического вуза // Вестник Московского университета МВД России. - 2013. - №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-prepodavaniya-yuridicheskoy-psihologii-kak-uchebnoy-distsipliny-yuridicheskogo-vuza (дата обращения: 02.04.2020).

УДК 343.1

В.А. КУСКОВА,
А.О. ЧУГУНОВА

научный руководитель
А.В. ПОЛЯКОВА

ПРИМЕНЕНИЕ КАМЕРЫ 360 ГРАДУСОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В век научно-технического развития общества криминалистическая фото- и видеофиксация находит все более широкое применение в следственной практике. В части 6 статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закреплена возможность применения технических средств, при этом законодателем не указан исчерпывающий их перечень. Соответственно, при производстве следственных действий могут применяться любые технические средства, которые отвечают определенным законным требованиям[1].

С применением технических средств в уголовном судопроизводстве связано ряд существенных проблем: для получения качественного фото- и видео материала необходимо использовать соответствующую техническим параметрам видео- и фотоаппаратуру. Однако не каждый орган внутренних дел способен приобрести дорогостоящую аппаратуру, которая обеспечивала бы достижение указанных в законе целей ее применения. В практике нередко для фиксации при производстве следственных действий используются смартфоны или фото- и видеокамеры ненадлежащего качества, что затрудняет работу следователя и специалиста. Например, использование смартфонов не соответствует принципу законности и допустимости, так как они имеют возможность выхода в Интернет, более того авто сохранение фото- и видео материала в облачных хранилищах может привести к утечке данных предварительного расследования.

Мы считаем, что решить вышеизложенные проблемы можно путем внедрения в следственную практику камеры 360 градусов (далее – камера 360°), которая не требуют значительных финансовых затрат, при этом не уступает качеству более дорогостоящей фото- и видеоаппаратуры. Использование данной камеры полу-

[1] Васюков В.Ф. Правовая основа применения технических средств при производстве следственных процессуальных действий / Васюков В.Ф., Семенов Е.А. // Вестник экономической безопасности. – 2016. - №5. – С. 135-139.

чило большой толчок в своем развитии в 2014-2015 годах и с тех пор их рынок развивается гораздо активнее, чем рынок «традиционных» камер.

Рассматриваемая камера состоит из нескольких объективов, каждый из которых фиксирует свою часть изображения, которые автоматически или полуавтоматически сшиваются, создавая единое сферическое пространство. Угол обзора – 360 по горизонтали и вертикали. Камеры дисплеем не оснащены, однако контроль над работой может осуществляться при помощи специального приложения, которое устанавливается на ПК, смартфоны и планшеты. Через приложение можно записывать видео, дистанционно управлять камерой (останавливать, приостанавливать видеосъемку), фотографировать и устанавливать параметры съемки (яркость, ISO, выдержка и т.д.) При просмотре видео- и фотоматериала на ПК имеется возможность изменения ракурса, увеличения/уменьшения изображения.

Нами были рассмотрены камеры, которые при наименьших затратах могли бы в полной мере справиться с конкретными задачами при производстве следственных действий. Данные были сведены в таблицу 1.

Таблица 1.

Марка и модель камеры 360°	Технические и ценовые характеристики	Достоинства и недостатки	
Insta360 Nano	две линзы, угол обзора каждой из которых 210; работает 70 мин – 1 ч, от аккумулятора 800 мАч; карта памяти microSD емкостью до 64 Гб; разрешение для фото и видео 3040×1520 (3k); автоматическое сшитие фото- и видео материала; средняя цена около 15 000 рублей	хорошее качество фото- и видеосъемки; выравнивание экспозиции с двух объективов на итоговом фото- и видеоматериале; возможность прямых трансляций; автономное использование камеры	заметное падение качества съемки при недостаточном освещении; невысокое разрешение фото- и видеоматериала по сравнению с классической плоской съемкой; быстрое разряжение аккумулятора

LG 360 Cam	две широкоугольные линзы, угол обзора каждой 200; работает 70 мин от аккумулятора 1200 мАч; имеется слот для MicroSD карт памяти любого объема; разрешение для фото и видео 2560×1440 (2K); автоматическое сшитие фото- и видео материала; средняя цена около 15 000 рублей	хорошая запись звука; возможность ручной настройки параметров съемки; работает от специального приложения, а также независимо от него; видео можно автоматически разделить его пополам, чтобы одновременно видеть изображение с обоих объективов; запоминание местоположения	слабый модуль Wi-Fi, что не позволяет управлять ею со смартфона на дальних расстояниях; необходимость использовать приложения для импортирования фото- и видеоматериала на ПК устройства, чтобы бесшовно склеить видео в автоматическом режиме
RicohThetaV	две широкоугольные объектива типа «fish-eye»; работает 130 мин от аккумулятора 1350 мАч; объем встроенной памяти - 19 Гб; разрешение для фото и видео 2560×1440 (4K); автоматическое сшитие фото- и видео материала; средняя цена около 27 000 рублей	высокое качество съемки при слабом освещении; хорошая запись пространственного звука; возможность прямых трансляций; позволяет снимать под водой, на глубине до 30 метров; может работать от специального приложения, а также независимо от него; возможность ручной настройки параметров съемки	возможность присутствия хроматических аберраций и бликов; высокий уровень шумов при съемке в ночное время; отсутствует функция стабилизации камеры

Изучив технические и ценовые характеристики камер 360°, можно сделать вывод о том, что она полностью соответствует общим требованиям, предъявляемым к техническим средствам, используемым при производстве следственных действий: отсут-

ствие опасности для жизни и здоровья лиц, участвующих при производстве следственных действий, достоверность и полнота фото- и видеоматериала и т.д.[1]

Камера 360° может быть эффективно использована при производстве любого следственного действия, предусмотренного УПК РФ и требующего фото- и видеофиксации, имея ряд преимуществ над другими техническими средствами. Аргументируем вышесказанное на примерах конкретных следственных действий, при производстве которых целесообразно использовать камеру 360°.

Во-первых, при осмотре места происшествия камера 360° позволяет транслировать видео в онлайн-режиме (по защищенным каналам передачи данных), отображая всю обстановку места происшествия, что дает возможность оперативному дежурному поддерживать связь, координировать и отслеживать действия следственной оперативной группы по прибытии на место происшествия в целях получения наглядной оперативной информации.

Во-вторых, технология съемки 360° позволяет создавать ориентирующие панорамные фотоизображения автоматизировано, не используя трудоемкую, изнурительную методику круговой и линейной панорамной фотосъемки[2]. Мы получаем фотопанораму, которую не нужно склеивать с помощью специальных программ или вручную из отдельных снимков. Такая фотопанорама получается с минимальными искажениями изображения и охватывает больший радиус пространства. Кроме того, камера 360°позволяет запечатлять многоярусные объекты, при этом, не используя метод ярусной панорамы.

Данной статьей было введено понятие панорама 360° – интерактивное фотоизображение, фиксируемое камерой 360° с охватом горизонтальных и вертикальных осей пространства, просмотр которого осуществляется с помощью сенсорного экрана смартфона либо ПК устройства.

Панораму 360° эффективно использовать в случаях крупномасштабных происшествий, таких как авиакатастрофы, катастрофы техногенного характера, серьезные дорожно-транспортные происшествия и т.д., так как она позволяет охватить большие площади места происшествия на одном фотоизображении. А также

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020).

[2] Судебная запечатлевающая и исследовательская фотография: учебно–практическое пособие / Сост. Воронин В.В., Камелов А.В., Павличенко Г.В., Петров П.В., Раева А.С. – Н.Новгород: Нижегородский государственный университет. - 2018.

и в узких, небольших помещениях с целью произвести обзорную фотосъемку помещения, без необходимости применения встречной и крестообразной фотосъемки, помещая все на одном изображении. Панорама 360° получается реалистичной и объемной, передает обстановку места происшествия или иного значимого места, а при увеличении изображения можно наблюдать объекты более детально. Мы считаем, что данное понятие должно быть введено в криминалистическую технику в раздел судебной фотографии как модернизированный метод панорамной фотосъемки.

В-третьих, при проверке показаний на месте, зачастую требуется два специалиста[1], один из которых фиксирует действия проверяемого, а другой при необходимости собирает следы. В целях экономии трудовых ресурсов с данными задачами может справиться один специалист при применении камеры 360°. Камеру можно зафиксировать на штативе либо на любой другой поверхности, охватывая все окружающее пространство, в то время как специалист может выполнять задачу по собиранию следов преступления.

В-четвертых, использование камеры 360° способствует продуктивному и оперативному производству обыска и выемки. «Традиционная» камера может не успеть зафиксировать важные моменты обыска и выемки, в то время как камера 360° непрерывно осуществляет контроль за лицами, тем самым держа их в психологическом напряжении и не давая что-либо передать, спрятать.

И в-пятых, так как отснятый фото- и видеоматериал прикладывается к протоколу следственного действия и хранится на любом электронном носителе информации, то в рамках судебного заседания сторонам процесса может быть наглядно представлен фрагмент проведения конкретного следственного действия либо показана панорама 360°, что повышает убедительность предъявленного обвинения и качество проведенного следственного действия.

Таким образом, применение камеры 360° – новый шаг к формированию надежной доказательной базы по расследуемым преступлениям. При правильной оценке тех преимуществ, которые имеет камера 360°, деятельность следователей, дознавателей станет более продуктивной, что позволит добиться больших результатов в раскрытии преступлений.

[1] Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник/ А.М. Зинин, А.И. Семикаленова, Е.В. Иванова; под общ. ред. А.М. Зинина. – Москва: Проспект. - 2016.

УДК 343.9

Е.И. САМОНЧЕНКО

научный руководитель
профессор Н.А. ДАНИЛОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОКУРОРОМ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОТОКОЛОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Законность и обоснованность деятельности уполномоченных должностных лиц органов предварительного следствия и дознания, а также принимаемых ими процессуальных решений в существенной мере зависит от эффективности прокурорского надзора. Ввиду этого одной из основных гарантий защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения является деятельность прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса.

Однако проводимая начиная с 2007 года кардинальная реформа уголовного судопроизводства, повлекшая за собой лишение прокурора полномочий на возбуждение уголовные дела, а также принятие участия в производстве предварительного следствия, повлекла за собой постановку ряда вопросов, связанных с возможностью и целесообразностью использования прокурорами криминалистических знаний в досудебном судопроизводстве. Так, крайне любопытным представляется поиск ответа на вопрос – обязательно ли прокурору при изучении протоколов следственных действий использовать криминалистические знания?

Полагаем, что ответ на этот вопрос может быть только однозначно положительный, что находит подтверждение не только в научной литературе, но и соответствует положениям нормативных правовых актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Так, в частности, в целях совершенствования организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, согласно п. 1.17 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 г. № 826, на прокуроров возложена обязанность при изучении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, проверять соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела, а также, соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных дей-

ствий и подготовке процессуальных документов. Наряду с этим обращается внимание на случаи установления фактов неполноты проведенного предварительного расследования, в результате чего прокурорам предписано возвращать уголовное дело следователю с аргументированным, содержащим сведения о допущенных нарушениях, постановлением[1]. В свою очередь приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 года № 33 обязывает прокуроров обеспечить надлежащий прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью производства дознания по уголовным делам, давать письменные указания дознавателям о направлении расследования, получении и надлежащей фиксации доказательств, производстве неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления, а также тщательно проверять не только законность, но и обоснованность производства следственных действий (обысков, выемок в жилище) без судебного решения (пп. 12, 19, 20)[2]. Вполне очевидно, что приведенные положения приказов Генерального прокурора Российской Федерации нацелены на необходимость использования прокурорами криминалистических знаний для оценки деятельности следователей и дознавателей.

Такой же позиции придерживаются ученые, в частности, Данилова Н.А., Коршунова О.Н. и Николаева Т.Г., указывая на значимость умения прокурора оценить уже собранные в ходе предварительного расследования доказательства, отмечают, что при этом важно не только выявить пробелы в их исследовании, но и определить возможность, пути и средства восполнения этих пробелов. По справедливому мнению авторов, это невозможно без применения криминалистических знаний[3].

Результаты изучения юридической литературы свидетельствуют о том, что в последнее время наряду с разработкой криминалистического обеспечения прокурорской деятельности значитель-

[1] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 года № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 года № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Данилова Н.А., Коршунова О.Н., Николаева Т.Г. Криминалистика и уголовный процесс в прокурорской деятельности: междисциплинарный подход к научным исследованиям // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. - 2015. - № 3 (47). - С. 87.

ное внимание исследователи уделяют выявлению и разрешению теоретико-прикладных проблем, возникающих в ходе изучения прокурором как материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением), так и отдельных процессуальных документов, в том числе протоколов следственных действий[1].

Не вызывает сомнений, что деятельность прокурора по изучению протоколов следственных действий должна носить комплексный характер, выражающийся в наличии двух составляющих – нормативной (уголовно-процессуальный аспект) и содержательной (криминалистический аспект) проверки. С нашей точки зрения, под уголовно-процессуальным аспектом изучения следует иметь в виду как проверку соблюдения требований и предписаний уголовно-процессуального закона в ходе производства следственного действия, так и проверку соблюдения формы протокола следственного действия (процессуального документа), а под криминалистическим – проверку полноты и результативности следственного действия.

Изучение судебно-следственной практики свидетельствует о распространенности допускаемых следователями ошибок при производстве следственных действий, которые нередко становятся причиной вынесения решений о возвращении уголовного дела прокурору или вовсе оправдательных приговоров. Так, например, постановлением Волжского городского суда Волгоградской области уголовное дело в отношении П. было возвращено прокурору г. Волжского для устранения нарушений, препятствующих рассмотрению дела по существу[2]. Судом установлены многочисленные нарушения в ходе предварительного расследования, в частности указано, что последующий допрос в качестве специалиста автоэксперта не обеспечивает законность проведенного им экспертного исследования без его предупреждения об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ. Автоэксперт не может являться

[1] Григорьева М.А., Беляева А.С. Анализ прокурором материалов уголовного дела: сущность и основные направления // КриминалистЪ. - 2016. - № 2 (19). - С. 71; Данилова Н.А., Николаева Т.Г. Анализ прокурором материалов уголовного дела: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2014. - № 2 (40). - С. 68; Серова Е.Б., Душкин С.В. Криминалистические аспекты прокурорского надзора за законностью расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // КриминалистЪ. - 2016. - № 1 (18). - С. 44 и др.

[2] Постановление Волжского городского суда Волгоградской области от 25.01.2016 г. по делу № 1-178/2016 [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/YpW1YM0wHyxC/ (дата обращения: 10.04.2020 г.).

специалистом, так как он провёл экспертизу, однако специалист экспертизу не проводит и об уголовной ответственности предупреждается только за заведомо ложные показания.

Кроме того, Шадриным В.С. со ссылкой на практику Санкт-Петербургского городского суда в качестве примера приводится оправдательный приговор, вынесенный на основании вердикта присяжных заседателей[1]. Одним из поводов к принятию решения судом послужило признание недопустимым доказательством протокола допроса несовершеннолетнего без участия законного представителя.

На основании изложенного, нет оснований сомневаться, что качество и результативность предварительного расследования зависит не только от умения находить новую информацию, но и анализировать имеющуюся, как доказательного, так и ориентирующего характера. Полагаем, что данный тезис может быть применим и к деятельности прокурора в досудебном производстве, в частности, при изучении протоколов следственных действий.

УДК 343.9

Д. А. ТЕРНО

научный руководитель
доцент Е. В. ЕЛАГИНА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ «УЛИК ПОВЕДЕНИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Познание события преступления включает в себя изучение не только обстановки, в том числе следов, оставленных на месте преступления (отпечатки пальцев, вещи преступника, пятна крови), но и личности самих субъектов, характеризующихся комплексом физических, психологических и социальных признаков. Данные признаки, проявившиеся вовне, могут послужить источником криминалистически значимой информации. Однако авторы при изложении криминалистических характеристик отдельных видов преступлений ограничиваются, как правило, описанием и исследованием лишь типичных способов совершения и сокрытия конкретного противоправного деяния, не уделяя должного внимания поведению и личности самого преступника.

[1] Шадрин В.С. Недопустимость доказательств в уголовном процессе как антипод их допустимости // Криминалистъ, - 2011. URL: http://www.procuror.spb.ru/k813.html (дата обращения: 10.04.2020 г.).

Следует отметить, что еще в начале XX века отечественный нейропсихолог Лурия А. Р. высказывался о возможности использования «психических» следов для установления причастности лица к преступлению. Он утверждал: «Преступление всегда связано с сильным аффектом, который у лиц, совершивших его впервые, принимает, естественно, острый характер. Трудно предположить, чтобы от этого аффекта преступления в психике совершившего его человека не осталось никаких следов. Эти следы столь же ощутимы и объективны, как и любые следы внешней среды»[1]. Данное высказывание находит подтверждение в практике. Одной из наиболее явных улик посткриминального поведения виновного является возникновение у последнего суицидальных мыслей. Так, в N-ской области в поле было обнаружены трупы двух местных жителей с огнестрельными ранениями. Обстоятельства происшествия оставались неизвестны до тех пор, пока не была получена информация о том, что через несколько часов после обнаружения тел, в соседнем посёлке без какого-либо мотива Х. застрелился у себя дома. Экспертным путем было установлено, что и в случае убийства, и в случае самоубийства было применено одно оружие. В ходе дальнейшего расследования было выяснено, что покойные длительное время не возвращали Х. крупный денежный долг[2]. Факт суицида в данном примере, бесспорно, можно считать уликой поведения.

В большинстве источников такие понятия как «улики поведения» и «косвенные доказательства» отождествляются, однако это не совсем верно, поскольку они соотносятся как «вид» и «род» соответственно. Улики поведения, относящиеся к предмету доказывания и выраженные в различных формах, хоть непосредственно и не свидетельствуют о совершенном преступлении и виновных лицах, но, рассматриваемые в совокупности с другими обстоятельствами дела, могут включаться в систему доказательств.

Так что же следует понимать под «уликами поведения»? Гродзинский М. М. называл таковыми «действия обвиняемого, направленные на сокрытие истины с целью избежать ответ-

[1] Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления // Научное слово. – М. – 1928. – № 3. – С. 82.

[2] Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Посткриминальный суицид убийц как улика поведения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2011. – № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postkriminalnyy–suitsid–ubiyts–kak–ulika–povedeniya (дата обращения: 25.03.2020).

ственности за совершенное им преступление»[1]. Винберг А. И. и Миньковский Г. М. относили к уликам поведения «заведомо ложные показания, фальсификацию доказательств; данные, свидетельствующие о знании обвиняемым определенных обстоятельств расследуемого события[2]. Наиболее конкретным и содержательным представляется мнение Чегодаевой С.С., которая под уликами поведения понимает «действия или бездействия, виновную осведомленность субъекта о расследуемом преступлении в целом либо о некоторых его этапах, такие данные о поведении субъекта, которые могут установить причинную связь между ними и преступлением»[3].

Не вызывает сомнений, что в большинстве случаев человек, совершивший преступление, будет испытывать сильнейшее психологическое напряжение. Стремление скрыть свою причастность к содеянному, необходимость прятаться и выглядеть спокойным, приводят к усилению процессов торможения в коре головного мозга, которые затем сменяются процессами возбуждения. Преступник всеми возможными способами, которые, в свою очередь, могут поддаваться наблюдению и анализу, старается снизить состояние напряженности. Среди таких способов можно выделить следующие: проявление чрезмерного интереса к определенным фактам, возвращение на место происшествия, стремление поддерживать или стимулировать распространение слухов о вымышленном событии, выжидание и т. п. Выявление и оценка таких состояний, безусловно, будет способствовать получению реальной картины произошедшего, а также скорейшему раскрытию преступлений.

Самостоятельной уликой поведения является виновная осведомленность лица, то есть знание таких обстоятельств дела, которые не могут быть известны лицам, не причастным к расследуемому преступлению. На практике, многие правонарушения совершаются при отсутствии свидетелей, но, даже если таковые присутствуют в нужный момент, далеко не каждый человек спо-

[1] Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский // Ученые труды ВИЮН. Вып.VII. – М. – 1945. – С. 111.

[2] Винберг А. И., Миньковский Г. М. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе / А. И. Винберг, Г. М. Миньковский. М. – 1956. – С. 58–59.

[3] Чегодаева С. С. Криминалистическое исследование улик поведения: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно–розыскная деятельность»: автореф. дис…канд. юрид. наук: 12.00.09 / Светлана Сергеевна Чегодаева; Юридический институт МВД России. М. – 2000. – С. 22.

собен полно и качественно запомнить произошедшие события. В определенных ситуациях (нападение со спины, в темное время суток) и показания потерпевших являются малоинформативными. Именно поэтому часто основные подробности преступления знает лишь виновник данного деяния.

При производстве следственных действий многие преступники своими поступками или словами на бессознательном уровне выдают себя, раскрывая известные только им обстоятельства преступления. Так, при допросе М., подозреваемый в убийстве своей жены, указал, что его супруга, уходя из дома, взяла с собой чемодан с вещами, в то время как проживающие с ней мать и дочь были уверены, что она вышла «с пустыми руками». В процессе обыска квартиры чемодан обнаружен не был, что послужило для следователя основанием для предъявления обвинения М. Виновная осведомленность нередко используется следователями и дознавателями для формирования версий о причастности (виновности) допрашиваемого по отношению к расследуемому событию.

Изучение поведения субъектов представляет собой достаточно трудоемкую задачу, главным образом, потому, что, как правило, реальные цели и мотивы поступков тщательным образом скрываются. Сходные по внешним признакам поступки или действия могут иметь противоположное значение – в случае посещения обвиняемым места жительства потерпевшего, последнее может объясняться, как его желанием загладить материальный или моральный ущерб, причинённый преступлением, так и стремлением запугать, подкупить потерпевшего для изменения им своих показаний.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что поведение личности, как до совершения преступления, так и после него, а также в процессе производства следственных действий, представляет собой определенную систему закономерностей, которая, имея присущие только ей особенности, требует особого изучения и рассмотрения в качестве частной криминалистической теории.

Под криминалистическим учением об уликах поведения следует понимать систему теоретических положений о закономерностях формирования и отображения доказательств поведения человека, необходимых для установления фактической картины события преступления, а также средства, приёмы и

методы выявления, исследования и использования этих закономерностей в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Объектом рассматриваемой частной криминалистической теории является поведение человека, которое отличается от естественного, присущего непричастному к преступлению лицу. Предметом выступают закономерности формирования и проявления поведения человека в различные периоды совершения преступной деятельности, в том числе предшествующие совершению противоправного деяния и следующие после него. Некая часть данных закономерностей находится в сфере криминалистического учения о личности, а также криминалистического исследования навыков и привычек человека. Поэтому вопрос о необходимости выделения улик поведения в частную криминалистическую теорию считаем уместным.

Под учением о личности преступника в криминалистике следует понимать «процесс познания признаков, свойств и состояний лица, привлеченного к уголовной ответственности, осуществляемый путем сбора и изучения доказательственной информации в порядке и формах, установленных законом»[1]. Личность преступника – это совокупность его социально-отрицательных и положительных характеристик, признаков и свойств, содержание и соотношение которых способствуют пониманию, следующего: кто совершает преступление, почему и при каких условиях. В криминалистической теории об уликах поведения основное внимание уделяется не всем поступкам обвиняемого, а только тем, которые непосредственно предшествуют преступлению (допреступное) и следуют сразу за ним (постпреступное поведение).

Криминалистическое учение о навыках и привычках человека представляет собой «систему научных положений о закономерностях формирования и проявления навыков и привычек в механизме преступления, обусловленных ими признаков деятельности участников преступного события, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации для раскрытия, расследова-

[1] Курс криминалистики: В 3 т. Т.1: Общая теория криминалистики. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика // О. Н. Коршунова, СПб.: Изд. «Юридический центр». – 2016. – С. 88.

ния и предупреждения преступлений»[1]. В течение всей жизни в зависимости от индивидуальных условий у человека вырабатываются специфические привычки и навыки, например, профессиональные. Но далеко не все действия подпадут под указанные выше понятия – трудно посткриминальный суицид признать привычкой или навыком, поэтому такие поступки и надлежит изучать отдельно.

Представляется допустимым утверждать, что частная криминалистическая теория об уликах поведения обладает высокой степенью интегрированности в структурные элементы криминалистики. Практическое значение данной теории выражается в возможности обобщения типичных улик, как допреступного, так и постпреступного поведения, и использовании полученных результатов при осуществлении версионной деятельности (в первую очередь, для конструирования следственных версий на начальных этапах расследования), планировании как расследования в целом, так и отдельных следственных (процессуальных) действий и тактических операций. Кроме того, немаловажным представляется возможность, а в большинстве случаев, и необходимость учета улик поведения в криминалистической характеристике преступления. Систематизация наиболее распространённых (типовых) улик поведения, выявление и описание закономерностей между уликами поведения, видами и субъектами преступления обеспечит положительный эффект в противодействии большинству видов преступлений.

[1] Чулахов В.Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность»: автореф. дис…канд. юрид. наук: 12.00.09 / Владислав Николаевич Чулахов; Московский университет МВД России. - М. - 2004. – С.17.

СЕКЦИЯ VIII

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.163

А.Ю. АРХИПОВА,
А.Ю. АРХИПОВА,

научный руководитель
доцент Е.Л. НИКИТИН

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ ЗА ЛИЦАМИ, УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОДИВШИМИСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Предупредить проще, чем устранить последствия. Наверное, нет такого рода деятельности и сферы жизни общества, где данное утверждение было бы неверным. Особенно ярко оно олицетворяет меры предупреждения преступности. Проведение профилактической работы, направленной на снижение уровня преступности, с лицами, ранее совершавшими преступления, в том числе освободившимися из мест лишения свободы условно-досрочно, признаны осуществлять в пределах предоставленной компетенции ряд органов силовых ведомств.

Ежегодно в России из исправительных учреждений освобождается условно-досрочно не менее 100 тыс. осужденных с возложением на них различных обязанностей[1].

К примеру, в 2019 году в 18 учреждениях УФСИН России по Волгоградской области содержалось 11440 человек. В указанный период времени из исправительных учреждений условно-досрочно освобождено 737 осужденных.[2]

---

[1] Гончаров М. Исполнение обязанностей, возложенных на осуждённых при их условно-досрочном освобождении // Законность. – 2013. – №6. С. – 43-45.

[2] Официальный сайт УФСИН России по Волгоградской области. URL: http://www.34.fsin.su/statistics/index.php (дата обращения: 16.04.2020).

Статистические сведения свидетельствуют о необходимости проведения с данной категорией лиц профилактической работы с целью недопущения совершения ими повторных преступлений и ресоциализации осужденных.

Вместе с тем, на практике прокуроры при осуществлении надзора за соблюдением законов о контроле за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, сталкиваются с проблемой реализации института условно-досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания. Анализ правовых норм, регламентирующих деятельность правоохранительных органов в указанной сфере, свидетельствует о назревшей проблеме, связанной с наличием пробелов правового регулирования в указанной сфере, отсутствием конкретного органа, в обязанности должностных лиц которого входило бы осуществление контроля за исполнением возложенных судом обязанностей на условно-досрочно освободившихся, а также принятие мер в отношении последних в случае уклонения от их исполнения.

Законодатель в ч. 6 ст. 79 УК РФ[1] установил, что контроль за поведением условно-досрочно освободившихся лиц, осуществляет уполномоченный на то специализированный государственный орган, при этом конкретизировав наименование такого органа только в отношении военнослужащих - командование воинских частей и учреждений.

Обратившись к федеральному законодательству, в частности, к федеральному закону №3-ФЗ от 07.02.2011 «О полиции»[2], можно констатировать, что органы полиции признаны проводить профилактическую работу с лицами, склонными к совершению преступления, совершившим преступные деяния либо освободившимися из пенитенциарных учреждений.

Контроль за лицами, которым судом определено наказание с применением ст. 73 УК РФ[3], осуществляют уголовно-исполнительные инспекции. Данное положение нашло свое закрепление

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ : текст с изм. и доп. на 18 февраля 2020 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О полиции : Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ : текст с изм. и доп. на 06 февраля 2020 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ : текст с изм. и доп. на 18 февраля 2020 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в Уголовно-исполнительном кодексе РФ. При этом органы внутренних дел только привлекаются к такой работе.

Таким образом, анализ правовых норм федерального законодательства свидетельствует, что УК РФ и УИК РФ прямо не предписывают ни должностным лицам полиции, ни должностным лицам уголовно-исполнительной системы осуществлять контроль за лицами рассматриваемой категории. Однако, следует отметить, что фактически во всех развитых странах созданы и существуют специализированные органы по контролю за лицами, осужденными к альтернативным мерам наказания, в том числе и условно освобожденными. Как правило, данные функции возложены на различные тюремные ведомства. Например, во Франции этим занимается Тюремное управление Министерства юстиции, в Италии – Главный департамент тюремного управления Министерства юстиции, в Великобритании – Тюремная служба Министерства юстиции[1].

При анализе ведомственных приказов, инструкций становится очевидным, что как в системе МВД РФ, так и УФСИН РФ ведомственных нормативных актов, которые бы детально устанавливали порядок осуществления контроля за указанной категорией осужденных, сроки, порядок применения и основания применения мер ответственности в случае выявления нарушений по неисполнению решений судебных органов, не имеется.

Отсутствие законов и иных ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих указанные правоотношения, приводит к тому, что прокуроры при проведении проверок по данной тематике исходят из складывающейся практики в конкретном регионе и применяют общие правовые нормы, регламентирующие деятельность полиции по профилактике преступности.

В юридической литературе уже отмечалось, что «определение законодателями такого органа оказало бы позитивное влияние на предупреждение рецидива среди условно-досрочно освобожденных от наказания»[2]. Однако до настоящего времени законодателем данный вопрос не урегулирован.

---

[1] Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (Сравнительно-правовое исследование). М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия». – 2004. – С. 55.

[2] Конькова Т.Ю. Административно-правовые проблемы деятельности органов внутренних дел в сфере контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными от наказания // Административное и муниципальное право. – 2008. – N 8.

Наряду с изложенным, нельзя не выделить еще одну проблему, которая требует решения.

В п. «а» ч.7 ст. 79 УК РФ[1] установлены основания отмены условно-досрочного освобождения от наказания и исполнения ранее вынесенного судебного акта. Условно-досрочное освобождение может быть отменено в случаях совершения осужденным нарушения общественного порядка, за которое он может быть привлечен к административной ответственности, либо злостного уклонения от исполнения возложенных судом обязанностей. При этом законодатель понятие «злостное уклонение» ни в УК РФ, ни в УИК РФ не раскрывает, как равно и не устанавливает порядок, сроки, обязанности конкретного органа по направлению в суд представления об отмене условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

С учётом того, что в области осуществления контроля за условно осужденными, на которых также судом возлагаются дополнительные обязанности, имеются правовая база, которая регламентирует данную работу сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, и определенный накопленный опыт, было бы целесообразно законодателю рассмотреть вопрос о возложении обязанности по контролю за такими лицами на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России, при этом учитывая и то, что осужденные содержатся в исправительных учреждениях этой же системы. При этом было бы достаточно конкретизировать и дополнить нормы УК РФ, УИК РФ и приказа Минюста России от 20.05.2009 №142[2] по вопросу контроля за лицами, условно-досрочно освободившимися из мест лишения свободы.

Формирование единого подхода к разрешению и пониманию данных вопросов, несомненно, помогло бы успешной ресоциализации указанной категории осужденных, а также в профилактике совершения ими новых преступлений.

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ : текст с изм. и доп. на 18 февраля 2020 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : Приказ Минюста России от 20 мая 2009 №142 : текст с изм. и доп. на 22 августа 2014 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 340

С.А. БЕРДАШКЕВИЧ

научный руководитель
профессор И.Б. КАРДАШОВА

ПРОВЕДЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФУНКЦИЙ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Становление института антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, (далее – АКЭ НПА и их проектов) происходило планомерно в соответствии с развитием общества и государства. Внедрение данного механизма обусловило необходимость правовой регламентации круга субъектов, которые данную экспертизу могли бы проводить.

Поскольку полномочия государственных органов ограничены только пределами их компетенции, нам представляется интересным рассмотрение соотношения полномочий органов прокуратуры и их функций.

Функция прокуратуры представляет собой вид ее деятельности, который предопределяется социальным предназначением прокуратуры, выраженным в ее задачах, характеризуется определенным предметом ведения, направлен на решение этих задач и требует использования присущих ему полномочий и правовых средств их реализации[1].

Ученые справедливо выделяют пять функций органов прокуратуры, а именно: прокурорский надзор, уголовное преследование, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие в правотворческой деятельности, участие представителя прокуратуры во всех видах судопроизводства[2].

Проведение АКЭ НПА и их проектов, по нашему мнению, можно отнести как к функции прокурорского надзора, так и к функции участия в правотворческой деятельности.

---

[1] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1 : практическое пособие / О. С. Капинус [и др.] ; под общей редакцией О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 481 с. — (Профессиональная практика). — ISBN 978-5-534-08135-0. — Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. с. 2 — URL: http://biblio-online.ru/bcode/451658/p.2 (дата обращения: 09.04.2020).

[2] Там же.

В теории прокурорской деятельности существует мнение о том, что проведение АКЭ НПА и их проектов является одним из направлений правотворческой деятельности прокуратуры[1]. Наряду с этим, некоторые специалисты считают, что в сфере противодействия коррупции функция надзора за исполнением законов реализуется во взаимодействии с другими функциями и раскрывается ее через оценку нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и организаций, органов местного самоуправления, их должностных лиц на коррупциогенность (антикоррупционная экспертиза), а также участие в правотворчестве[2].

По мнению Амирбекова К.И. и Магомедова М.А. норму о проведении органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов целесообразно определить в ряд общенадзорных полномочий прокурора, а их проектов – в ряд полномочий по участию в правотворческой деятельности[3].

Наконец, данное обстоятельство позволило отдельным авторам говорить о появлении у прокуратуры новой функции[4], а также о дополнении надзора за исполнением законов[5].

Согласно п. 1 ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее - Закона о прокуратуре) прокурор в ходе осуществления своих полномочий в установленном Генеральной прокуратурой Российской Федерации порядке и согласно методике, определенной Правительством Российской Федерации, проводит антикоррупционную экспертизу нормативных право-

---

[1] См., например: Нарутто С.В. Экспертиза проектов актов представительных органов как направление правотворческой деятельности прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 38-52; Мурсалимов К.Р. Правотворческий риск: к вопросу обоснованности правотворческого решения // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 249-251.

[2] Ильяков А.Д. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии коррупции вне уголовно-правовой сферы // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – № 6 (74). – 2019. – С. 50-55.

[3] Амирбеков К.И., Магомедов М.А. Совершенствование закона о прокуратуре Российской Федерации в концепции четырехфункциональной доктринальной модели и ее правового статуса // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – № 1 (63). – 2018. – С. 41-47.

[4] Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Реализация прокуратурой новых полномочий при проведении антикоррупционной экспертизы // Законность. – 2010. – № 7. – С. 33.

[5] Винокуров А.Ю. О некоторых вопросах участия органов прокуратуры в антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов // Актуал. вопр. рос. права: сб. науч. ст. М.: МосГУ. – 2009. – Вып. 13.

вых актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и организаций, органов местного самоуправления, их должностных лиц[1].

Мы видим, что объектами проведения АКЭ НПА и их проектов являются те же самые органы, которые закреплены в качестве объектов прокурорского надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека, и гражданина в п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре[2].

Согласно ст. 9 Закона о прокуратуре прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов[3].

На первый взгляд представляется, что АКЭ НПА и их проектов не имеет никакого отношения к правотворческой деятельности.

Однако если обратиться к положениям приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти, и органами местного самоуправления» (далее – приказ ГП РФ № 144), то можно увидеть, что согласно п. 3.1 Генеральная прокуратура Российской Федерации дает заключения на проекты федеральных законов и иных нормативных правовых актов. Проект должен быть проанализирован также на предмет выявления в нем положений, которые могут вызвать коррупционные действия и решения субъектов правоприменения.

Письменное заключение составляется при наличии в проекте нормативного правового акта несоответствий актам более высокой юридической силы, коррупциогенных факторов и нарушений правил юридической техники.

На уровне субъектов, на основании п. 6.1 приказа ГП РФ № 144, на старших помощников прокуроров возлагаются следующие основные задачи, в том числе, по обеспечению участия прокуратуры в разработке проектов региональных нормативных правовых актов, а также предотвращению принятия законодательными

[1] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

[2] Там же.

[3] Там же.

(представительными) и высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации законов и иных нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству.

В соответствии с п. 6.2 приказа ГП РФ № 144 выполнение этих задач обеспечивается, среди прочего, путем изучения проектов нормативных правовых актов, подготовки и направления замечаний и предложений (заключений) в случае несоответствия проектов нормативных правовых актов федеральному и региональному законодательству, наличия коррупциогенных факторов и нарушений правил юридической техники[1].

Таким образом, в вышеупомянутом приказе мы встречаем положение о процедуре, направленной на поиск и устранение из проекта НПА коррупциогенных факторов, которая по своему существу является ничем иным как антикоррупционной экспертизой. Следовательно, такая функция прокуратуры как участие в правотворческой деятельности обусловливает наличие полномочий у органов прокуратуры по проведению антикоррупционной экспертизы.

Согласно п. 2 приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 243 «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления» на правовое управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации возложена организация и проведение во взаимодействии с управлением по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации антикоррупционной экспертизы проектов законов[2].

Пункты 2, 2.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного само-

[1] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2007 № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти, и органами местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Генерального прокурора РФ от 24.11.2008 № 243 «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».

управления» предписывают прокурорам субъектов Российской Федерации, городов, районов обеспечить надлежащую организацию надзора в сфере регионального и местного нормотворчества в соответствующих прокуратурах, для чего, помимо прочего, обеспечить активное участие прокурорских работников в подготовке нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан: своевременно запрашивать и изучать проекты региональных, муниципальных нормативных правовых актов с составлением заключений, содержащих их правовой анализ, своевременно направлять в адрес руководителей указанных органов замечания и предложения об устранении выявленных в проектах нормативных правовых актов несоответствий федеральным и региональным законам[1].

Вместе с тем, в пп. «и» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов предусмотрен такой коррупциогенный фактор как «нормативные коллизии». Из существа пояснения к нему, предложенному в Методике (нормативные коллизии - противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае), мы не можем провести аналогию между термином «несоответствие проектов нормативных правовых актов федеральным и региональным законам» и данным коррупциогенным фактором[2].

В целях раскрытия существа данного коррупциогенного фактора приведем выдержку из приказа Минюста Республики Татарстан «Об утверждении практических рекомендаций по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения».

Так, в данном акте указано, что коллизии правовых норм препятствуют правильному применению нормативного правового

[1] Приказ Генерального прокурора РФ от 02.10.2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. – 2010. – № 10. – Ст. – 1084.

акта. Коллизии могут быть между актами, имеющими одинаковую юридическую силу (например, между двумя законами), между актами различных уровней (например, между федеральными актами и региональными актами по вопросам совместного ведения, между законом и подзаконным актом). В качестве примера приводится следующее: «В законе субъекта Российской Федерации установлен 10-дневный срок исполнения административной процедуры. В соответствии с законом уполномоченным органом издан регламентирующий процедуру порядок, в котором срок определен как 14-дневный»[1].

Таким образом, на основании проведенного анализа, мы делаем вывод о том, что проведение антикоррупционной экспертизы находит отражение при осуществлении прокурорского надзора в сфере регионального и местного нормотворчества, что является важным аргументом в пользу того, что проведение антикоррупционной экспертизы относится в большей степени к реализации функции прокурорского надзора, однако, оговоримся, в сфере нормотворческой деятельности. Следовательно, по своему смыслу, проведение антикоррупционной экспертизы косвенно затрагивает функцию участия прокурора в правотворчестве.

Вместе с тем, на основании п.п. 7, 7.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» (далее – приказ ГП РФ № 400) на уровне Генеральной прокуратуры Управлению по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции поручено проводить антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов федеральных органов и организаций[2]. Также, сведения о проведении АКЭ НПА и их проектов заносятся в отчет по форме «К»[3].

---

[1] Приказ Минюста Республики Татарстан от 31.07.2017 № 01-02/86 «Об утверждении практических рекомендаций по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения» // http://minjust.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_325097.pdf.

[2] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» // Законность. – № 4. – 2010.

[3] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2016 № 528 «Об утверждении и введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции и результаты расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности» по форме «К» и Инструкции по его составлению» // СПС «КонсультантПлюс».

В этой связи хотелось бы отметить, что надзор за исполнением законов в сфере противодействия коррупции относится к функции прокурорского надзора. Более того, п. 7.2 приказа ГП РФ № 400 в случае отклонения федеральными органами и организациями требований Генеральной прокуратуры Российской Федерации указывает готовить соответствующие заявления в суд с участием управления по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе.

Таким образом видится, что последствия проведения АКЭ НПА и их проектов могут заключать в себе также проявления функции участия представителя прокуратуры в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Подводя итог, мы можем умозаключить, что проведение АКЭ НПА и их проектов имеет «тройственную природу» - находит свое отражение при реализации полномочий, проистекающих из следующих функций прокурорской деятельности: прокурорского надзора, участия в правотворческой деятельности, а также участия представителя прокуратуры во всех видах судопроизводства.

Разумеется, цели и задачи, которые стоят перед органами прокуратуры, достигаются посредством реализации совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных функций органов прокуратуры. Однако, в связи с большим количеством задач, а также многообразием общественных отношений, в рамках которых органы прокуратуры осуществляют свою деятельность, полномочия последних довольно сложно четко дифференцировать в соответствии с ограниченным перечнем функций.

УДК 347.9

Н.А. ВАСИЛЬЕВА

научный руководитель
доцент И.И. ГОЛОВКО

К ВОПРОСУ ОБ ОСПАРИВАНИИ ПРОКУРОРОМ СДЕЛОК В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Одним из средств правовой регламентации правоотношений между субъектами права признается сделка. Не достигая согласия по каким-либо вопросам, в случае возникновения конфликта стороны сделки обращаются в суд с требованием признать ее недействительной. Такие споры неизбежны, а также многообразны и в публичном

секторе экономики. Обеспечение законности в сфере управления и распоряжения государственной и муниципальной собственностью, являющейся экономической основой реализации органами публично-правовых образований своих функций – одна из актуальных задач деятельности органов прокуратуры РФ сегодня.

Прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с исковым заявлением о признании недействительной сделки, совершенной указанными в абз. 2 и 3 ч.1 ст. 52 АПК РФ лицами, и требовать применения последствий недействительности ничтожной сделки. Остановимся на некоторых проблемах, с которыми сталкиваются прокуроры, реализующие рассматриваемые полномочия.

В ч.1 ст. 52 АПК РФ указаны юридические лица, имеющие в уставном капитале (фонде) долю участия публично-правовых образований. Исходя из содержания действующей редакции названной нормы неясно, допустимо ли прокурору обращаться с требованием о признании недействительной сделки, если рассматриваемая доля имела место в уставном капитале (фонде) юридического лица исключительно на момент совершения им сделки? К примеру, арбитражным судом прекращено производство по исковому заявлению прокурора Н. области к АО и ООО о признании недействительным договора на оказание услуг в связи с отсутствием на момент обращения прокурора в арбитражный суд в уставном капитале АО доли участия муниципального образования. Обжалуя решения суда, прокурор указал, что ст. 52 АПК не содержит требования о том, что указанная доля должна присутствовать в уставном капитале организации на момент обращения в арбитражный суд. Доводы прокурора отклонены арбитражным судом[1].

Допустим, что право оспорить совершенную юридическим лицом сделку предоставляется прокурору в случае, когда на момент подачи искового заявления в уставном капитале присутствует доля участия публично-правового образования. В таком случае каким образом надлежит действовать прокурору, если к моменту рассмотрения требования в арбитражном суде участие субъектов, указанных в ст. 52 АПК РФ, в уставном капитале (фонде) стороны прекратилось? Стоит отметить, что абз. 2 и 3 ч.1 ст. 52 АПК РФ такую ситуацию не предусматривают. Практика же располагает соответствующими примерами[2].

---

[1] Постановление ФАС Западно Сибирского округа от 16.11.2006 г. по делу № Ф047602/2006 (28385А4513) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 06.06.2016 № 303ЭС165148 по делу № А5112225/2015 // СПС КонсультантПлюс.

Так, заместитель прокурора П. обратился в арбитражный суд с исковым заявлением к ОАО и АО о признании недействительным договора залога. Определением суда прекращенное производство по делу ввиду отсутствия доли участия России в уставном капитале ОАО отменено, дело направлено на новое рассмотрение. Установлено, что на момент принятия искового заявления Российская Федерация в лице Росимущества являлась акционером ОАО с долей участия 52%. После обращения прокурора в арбитражный суд произошла передача указанной доли. Прокурор исходил из буквального толкования ст. 52 АПК РФ, на момент подачи искового заявления имелись правовые основания для его обращения. Как указал суд кассационной инстанции, утрата Российской Федерацией статуса акционера не влечет автоматического прекращения производства по делу без выяснения правового интереса государства относительно заявленного прокурором требования[1].

Действительно, формальное указание на прекращение участия публично-правового образования в уставном капитале организации повлекло бы за собой невозможность реализовать прокурором право на обращение в арбитражный суд. Таким образом, ввиду недостаточно точной формулировки ст. 52 АПК РФ в практике возникают ситуации, влекущие правовую неопределенность относительно возможности дальнейшего участия прокурора в деле и рассмотрения арбитражным судом спора.

Особо стоит остановиться на проблеме утраты индивидуальным предпринимателем статуса такового в ходе рассмотрения дела арбитражным судом. Статус стороны нередко является определяющим критерием при отнесении спора к компетенции суда. Учитывая данный факт, стороны зачастую в результате недобросовестных действий в целях замедлить процесс рассмотрения спора или вовсе его прекратить изменяют собственный статус. В практике есть примеры отказов прокурору в удовлетворении требования ввиду утраты ответчиком статуса предпринимателя (в отличие от юридического лица предпринимателю прекратить деятельность намного проще). Так, заместитель прокурора М. области обратился в арбитражный суд с исковым заявлением о признании недействительным в силу его ничтожности договора аренды земельного участка, заключенного между администрацией муниципального района и ИП. Суд установил, что на момент подачи искового заявления И. не являлся предпринимателем, зарегистрированным в установленном порядке, не осуществлял

[1] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.02.2016 г. по делу № Ф036330/2015 // СПС КонсультантПлюс.

предпринимательскую и иную экономическую деятельность, в связи с чем требования прокурора не подлежали рассмотрению, производство по делу прекращено[1].

Однако утрата ответчиком статуса индивидуального предпринимателя не влечет прекращение производства по делу. С момента прекращения действия регистрации граждан в качестве индивидуальных предпринимателей, дела с их участием, принятые к производству арбитражным судом, подлежат рассмотрению в порядке АПК РФ[2]. При этом важно правильно определить момент принятия дела к производству (момент поступления искового заявления в суд; момент вынесения арбитражным судом определения о принятии), поскольку от его установления зависит судьба дальнейшего спора. Исходя из формулировки ч. 3 ст. 128 АПК РФ наличие или отсутствие статуса индивидуального предпринимателя надлежит устанавливать именно на момент поступления искового заявления в арбитражный суд.

Также следует уделить внимание отсутствию правового регулирования форм участия публично-правовых образований в уставных капиталах (фондах) юридических лиц: каким образом должно выражаться такое участие, в виде непосредственного владения акциями (долями) или через принадлежность их государственным предприятиям, учреждениям? Часть 1 ст. 52 АПК ответа на данный вопрос не содержит, в то время, как практика по данному вопросу не единообразна. К примеру, прокурор Н. области обратился в арбитражный суд с исковым заявлением к ОАО и ООО о признании договора на оказание охранных услуг недействительным. Прекращая производство по делу, суд пришел к выводу об отсутствии у прокурора указанного полномочия. ОАО входило в структуру другого ОАО, учредителем которого была Российская Федерация. Кроме того, уставом организации предусматривалось, что целью деятельности организации является участие в обеспечении обороноспособности и безопасности России, развитии военно-технического сотрудничества с иностранными государствами. Суд пришел к выводу, что право на обращение в арбитражный суд предоставляется прокурору только в случае, если в уставном капитале лица есть доля участия государства[3].

---

[1] Решение Арбитражного суда Московской области от 24.07.2015 г. по делу № А4133626/2014 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: http://sudact.ru (дата обращения 18.03.2020).

[2] О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 г. (п.13).

[3] Там же; Постановление Первого Арбитражного Апелляционного суда от 12.12.2012 г. по делу № А4313751/2012 // СПС КонсультантПлюс.

Статьей 52 АПК не установлены ограничения по формам участия публично-правовых образований в уставном капитале (фонде) организаций. Представляется наиболее верной позиция о том, что участие указанных субъектов может быть выражено в любом виде; это будет отвечать развитию экономических отношений и возможности более динамичного участия в них публично-правовых образований, что также актуально при реализации хозяйствующими субъектами общегосударственных функций[1].

Таким образом, обозначенные вопросы требуют нормативного урегулирования, а именно уточнения ч.1 ст. 52 АПК РФ или дополнения Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25[2] положениями о том, на каком этапе обращения прокурора в арбитражный суд (составления искового заявления, его подачи) в уставном капитале (фонде) юридических лиц должна быть доля участия публично-правовых образований; в каком виде должно выражаться такое участие; а также каковы последствия для прокурора в случае прекращения участия публично-правовых образований в уставном капитале (фонде) организаций на момент рассмотрения требования в арбитражном суде.

УДК 346

Д.Ю. ГОРЕЛИК,
А.А. УСТАВЩИКОВА

научный руководитель
Л.С. БУЛГАКОВА

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Основным способом формирования имущественного комплекса государственных и муниципальных учреждений, унитарных предприятий и иных организационных форм является система за-

[1] Бессчасный С.А., Дорожкина В.А. Прекращение непосредственного участия Российской Федерации в уставном капитале стороны по сделке в контексте полномочий прокурора на обращение в арбитражный суд // Законность. – 2016. – № 6. – С. 11.

[2] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015. – № 25.

купок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд. Приобретение осуществляется путем использования конкурентного способа определения поставщика на заключение государственного контракта или путем закупки у единственного поставщика. Данная процедура носит название – государственные закупки.

На основании Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44 (далее – ФЗ № 44) государственные закупки осуществляются на основании принципа контрактной системы в сфере закупок (статья 6), принципа открытости и прозрачности (статья 7), принципа обеспечения конкуренции (статья 8), принципа профессионализма заказчика (статья 9), принципа стимулирования инноваций (статья 10), принципа единства контрактной системы в сфере закупок (статья 11), принципа ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок (статья 12).

Одной из основных целей осуществления закупок заказчикам-образовательными организациями, подведомственными соответствующим органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, является достижение целей и реализация мероприятий, предусмотренных региональными целевыми программами развития образования, разработка и реализация которых предусмотрена Законом об образовании (ст. 8). В силу того, что объем денежных средств, выделяемых бюджетами соответствующих уровней, на нужды образования достаточно велик, то данная сфера подвержена коррупционным рискам[1]. По данным Национального рейтинга прозрачности закупок с учетом инфляции потери государственного сектора в рамках государственных закупок за период 2018 составили порядка 86,47 млрд. рублей.[2] Для предотвращения нарушений в данной сфере государственным органам необходимо предпринимать своевременные профилактические меры, так как нарушение в объемах закупок ведет не

[1] Предварительные данные об исполнении расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов на 1 января 2020 года // Минфин России [Электронный ресурс]. URL predvaritelnye_dannye_ob_ispolnenii_raskhodov_federalnogo_byudzheta_na_ryealizatsiyu_natsionalnykh_proektov_na_1_yanvarya_2020_goda.

[2] Рейтинг прозрачности. НРПЗ // [Электронный ресурс] URL: https://1b718c8b-916a-464e-b594-ac6aba0cfce4.filesusr.com/ugd/68d124_284c1519cf574c44abe1da8c363c610c.pdf.

только к нарушению законодательства как нормы, но может сказаться и на темпах исполнения Майских указов Президента РФ, государственных программ и федеральных целевых программ.

Особое внимание уделяется закупкам в сфере образования по причине исключительной важности данного вида государственной деятельности для общества. В пункте 1 статьи 26 Всеобщей декларации прав человека указано, что каждый человек имеет право на получение образования, а начальное и общее должны предоставляться бесплатно[1]. Вместе с тем в подпункте «е» пункта 2 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах закреплено положение о развитии сети школ всех ступеней. Данные международно-правовые акты ратифицированы Российской Федерацией, что подтверждается статьей 43 Конституции.

В этой связи особенно важным инструментом обеспечения конституционного права на образование следует считать прокурорский надзор, так как при осуществлении надзора за соблюдением порядка проведения государственных закупок в сфере образовательной деятельности меры прокурорского реагирования являются наиболее эффективными в силу отстраненности прокуратуры от процесса образования и от процесса проведения закупок, что и обеспечивает независимость работы органов надзора.

Основная задача, поставленная перед прокуратурой в рамках надзора за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд в сфере образования – обеспечение соблюдения поднадзорными органами и организациями выше указанных принципов. Согласно п.1 ст. 99 ФЗ № 44, полномочия по надзору за ведением закупочной деятельности наделены федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, а также органы внутреннего финансового контроля. Прокурорский надзор производится в отношении заказчиков, контрактных служб и контрактных управляющих, закупочных комиссий, уполномоченных органов, уполномоченных учреждений и специализированных организаций, операторов электронных площадок. В подпункте 2 пункта 2 приказа Генерального прокурора от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» (далее-Приказ

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1995. – № 67.

Генерального прокурора № 454) указано, что прокурорам всех уровней необходимо регулярно принимать исчерпывающие меры превентивного характера, направленные на обеспечение прозрачности, эффективности и результативности закупочной деятельности. Исходя из этого положения, можно сделать вывод, что прокурорский надзор в вышеуказанной сфере не должен ограничиваться узким кругом актов прокурорского реагирования, а необходимо затронуть весь спектр возможностей, доверенных надзорному органу. Данная норма не только обеспечивает всесторонние возможности прокурора в обеспечении законности государственных закупок, но и поддерживает функционирование данной системы в целом.

Наиболее распространенными нарушениями в сфере государственных закупок для целей образования являются:

закупка без процедуры определения поставщика, подрядчика, исполнителя;

приобретение товаров, работ, услуг у заранее определенного поставщика на основании договоренности;

заключение контракта в интересах связанных с заказчиком лиц;

хищение бюджетных средств, например, невыполнение работ или ремонт несуществующих объектов строительства.

Первым этапом в комплексе мер противодействия является выявление наличия коррупциогенных факторов. Для сбора информации работники прокуратуры используют плановые проверки, мониторинг муниципальных актов, проверки на основании заявлений граждан, материалов, предоставленных контрольными органами. Особенность коррупционных деяний проявляется в заинтересованности обеих сторон в конфиденциальном характере соглашения. Действия множественных заинтересованных в получении материальных благ лиц направлены на достижении ранее оговоренного между участниками правонарушения деяния. Кроме того, такого рода деяния порождают возможность предъявления коллективной ответственности в случае выявления их правоохранительными органами, что усугубляет их положение. По этим причинам у сторон-участниц коррупционного правонарушения отсутствует мотивация для предоставления информации в правоохранительные органы. Таким образом, данные о противоправном деянии могут поступить в прокуратуру исключительно из внешних источников.

Для увеличения количества потенциальных источников информации необходимо использовать различные способы мотивирования. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указывается, что освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица). Лица, сообщившие о коррупционных правонарушениях, освобождаются от уголовной ответственности. Таким образом, потенциальные правонарушители получают значительные привилегии при предоставлении информации. Формирование правоприменительной практики в данном направлении и более широкое применение положений п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» позволит облегчить выявление противоправных деяний коррупционного характера.

Значительное место в процессе государственных, муниципальных закупок занимает институт конкурсных комиссий. Согласно ст. 39 ФЗ №44, комиссии создаются в целях определения поставщиков, подведения итогов и определения победителей закупок, так же на право заключения договоров на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для обеспечения заложенных нужд заказчика.

Решение членов комиссии должно отвечать требованию объективности при рассмотрении, сопоставлении и оценке заявок на участие в закупках, а также должно обеспечивать эффективность и экономность использования средств заказчика. Наличие широких полномочий и возможность принятия итогового решения у одного органа создает, в некоторой степени, ситуацию, подверженную коррупционным рискам.

Актуальность проверок деятельности конкурсных комиссий обусловлена необходимостью пресечения коррупционных проявлений в деятельности их членов. Частыми нарушениями в сфере комиссий являются нарушения положений п.6 ст.39 ФЗ №44. Как было указано ранее, комиссия обеспечивает определение лучшего предложения из представленных. Личная заинтересованность приводит к выбору поставщика без учета его предложений, качества проведенных работ и иных факторов, что

приводит к некачественным итогам работы. К примеру, прокурорской практике известны факты, когда при размещении муниципального заказа член котировочной комиссии, представитель покупателя и победитель по котировочным заявкам на поставку товаров для обеспечения оказания образовательных услуг являлись одним лицом.

Особенностью государственного заказа для осуществления образовательных услуг также является наличие большего числа ограничений в самих работах, например нарушение требований СанПиН 2.4.1. 3049-13, СанПиН 2.4.2.2821-10 влечет административную ответственность. Данное требование часто выступает ограничением даже при проведении открытого конкурса, так как не все поставщики готовы соблюдать его. Высокие требования санитарно-эпидемиологических норм обусловлены тем, что большая часть лиц, использующих закупленные объекты, являются несовершеннолетними и тем, что указанные объекты потребляются массово в рамках учебных заведений.

В подтверждение тезиса об особой опасности нарушения требований СанПиН является отравление десятков детей в детских садах Юго-Восточного округа Москвы в 2018 году. Питание в учреждения поставляли фирма «Конкорд» и компания «ВИТО-1». Многие дети были госпитализированы в тяжелом состоянии, некоторые попали в реанимацию. В материалах прокурорской проверки указано, что причиной групповой заболеваемости послужило употребление в пищу контаминированного продукта, содержащего бактерии группы кишечной палочки. В отношении должностных лиц и юридических лиц, школ и комбинатов питания составлены протоколы об административных правонарушениях по основаниям, предусмотренными статьями 6.6 и 6.7 КоАП РФ. Роль прокурорского надзора в данной сфере правоотношений заключается не только в пресечении, но и в предупреждении противоправных деяний. В описанном выше случае прокурорские работники смогли выявить нарушения только после наступления последствий. По итогам проверки органы прокуратуры направили иск в арбитражный суд на основании пункта 1 статьи 52 АПК РФ о признании торгов недействительными, так как победитель государственного конкурса был избран с нарушениями законодательства.[1]

[1] Суд в Москве обязал «Конкорд» выплатить компенсации родителям отравившихся детей // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. URL https://www.dw.com/ru/ a-51077646.

Итак, подводя итоги, следует отметить, что на сегодняшний день система закупок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд в сфере образования является основополагающим механизмом приобретения материальных благ для нужд учреждений, ведомств и иных организаций управления. Установление личных связей с поставщиками товаров, услуг, работ становятся основой для дальнейших правонарушений и махинаций с бюджетными средствами. Прокуратура часто становится единственным органом, который имеет реальную возможность пресечь или предупредить противоправные деяний. Поэтому надзор за государственными, муниципальными закупками в сфере образования является одним из наиболее важных направлений работы надзорного органа, что также отмечено в подпункте 6 пункта 5 приказа Генерального прокурора РФ № 454, где регламентировано, что прокурорам необходимо обеспечить социальную направленность надзорной деятельности путем усиления надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в сфере образования.

УДК 347.963

А.В. ЕГОРОВА,
А.В. ЛЕВЧЕНКОВА

научный руководитель
М.Н. КУСТОВ

ПРОКУРОРСКАЯ ПРОВЕРКА В СФЕРЕ ЛЬГОТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН ЛЕКАРСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ И МЕДИЦИНСКИМИ ИЗДЕЛИЯМИ

Сохранение, укрепление и охрана здоровья граждан, повышение качества и доступности оказываемой медицинской помощи являются целями современной социальной политики, определяемой в различных программных документах[1].

Обеспечение лекарственными препаратами отдельных категорий граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи, осуществляется в соответствии с федеральным

[1] О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 06 июня 2019. – № 254.

и региональным законодательством. Вместе с тем, в субъектах РФ выявляются многочисленные нарушения прав граждан на льготное обеспечение лекарственными средствами и нарушения законодательства, регулирующего вопросы дополнительного лекарственного обеспечения отдельных категорий граждан, имеющих право на государственную социальную помощь.

Прокуратура РФ является в соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющий от имени РФ надзор за соблюдением Конституции и соблюдением законов, действующих на территории РФ. В докладах Ю. Я. Чайки на заседаниях Совета Федерации неоднократно отмечалось, что для органов прокуратуры надзор за исполнением законов в сфере здравоохранения и льготного медицинского обеспечения находятся в числе приоритетов[1].

Прокурорская проверка представляет собой основной способ выявления нарушений закона, а также является наиболее распространенным правовым средством прокурорского надзора, связанным с обнаружением любых правонарушений и применяемым во всех его направлениях.

В литературе отмечается, что «прокурорская проверка всегда связана с осуществлением комплекса действий, которые направлены на установление, выявление обстоятельств нарушений закона, выявление и привлечение к ответственности виновных лиц… проверка стоит особняком среди иных средств прокурора, выступает основным и наиболее сложным средством»[2]. Ломовский В.Д. указывает, что «среди всех иных средств прокурорская проверка выступает в качестве родового»[3].

Проверка исполнения законодательства об обеспечении граждан лекарственными средствами является эффективным средством выявления нарушений. Типичным поводом для проведения данной проверки являются жалобы и обращения граждан, поступившие в органы прокуратуры, а также иные источники информации о нарушениях.

---

[1] Доклад Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ 18.04.2018 г. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1366820 (дата обращения 03.03.2020).

[2] Ергашев Е. Р., Фирсова А. А. К вопросу об основных требованиях, предъявляемых к организации и проведению прокурорской проверки // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1 (88). – С. 180—184.

[3] Ломовский В. Д. О понятии и содержании прокурорской проверки // Правоведение. – 1988. – № 5. – С. 89—93.

Традиционно выделяют три этапа проверки: подготовительный, основной и заключительный. На подготовительном этапе изучается нормативно-правовая база проведения соответствующей проверки. В сфере льготного обеспечения граждан важно изучить не только законодательство на федеральном уровне, уделив особое внимание соответствующим ведомственным актам министерства здравоохранения и социального развития РФ (например, приказ Минсоцздравразвития РФ от 18.09.2006 № 665 «Об утверждении перечня лекарственных средств, отпускаемых по рецептам врача (фельдшера)»), но и законодательство регионального уровня (например, Социальный кодекс Санкт-Петербурга от 22.11.2011: закон Санкт-Петербурга № 728-132; Закон Ленинградской области «Об охране здоровья населения Ленинградской области» от 27.12.2013 № 106-оз).

Важным элементом подготовки проведения проверки в указанной сфере является определение объектов. Субъектами правоотношений в сфере оборота лекарственных средств являются: государственные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие организации и индивидуальные предприниматели, физические лица - потребители. Так как прокуратура не осуществляет надзорную деятельность в отношении физических лиц, объектами прокурорского надзора является совокупность органов власти и органов контроля, коммерческих и некоммерческих организаций, их должностных лиц, деятельность которых связана с оборотом лекарственных средств и поднадзорна прокуратуре[1].

Основной этап включает в себя ряд проверочных мероприятий: получение объяснений от ответственных лиц, изучение документации, выход в поднадзорный объект для проверки на месте и др. В ходе данного этапа в зависимости от специфики проверки целесообразно решить ряд вопросов: обеспечивается ли законность правовых актов органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления; проводились ли территориальным органом контроля в организациях здравоохранения и аптечных учреждениях проверки в данной сфере, какие меры были приняты по выявленным правонарушениям; своевременно ли граждане обеспечиваются медицинскими средствами, нет ли

[1] Григорьев И.В., Кудряшова Н.А. Роль прокуратуры Российской Федерации в защите прав граждан на лекарственное обеспечение // Право и политика. – 2019. – № 8. – С. 130-139.

случаев длительной задержки их выдачи, что вызывало жалобы; имели ли место случаи смерти или заболевания граждан вызванные необоснованным отказом в предоставлении медицинских средств; выявлялись ли факты злоупотребления со стороны должностных лиц и медицинских работников, выразившиеся в нецелевом использовании денежных средств, предназначенных для закупки лекарственных средств.

К сожалению, на практике часто встречается явление, когда лекарства или медицинские изделия имеются в наличии в аптечных организациях, но не предоставляются гражданам, в рамках льготного обеспечения. В подобных ситуациях достаточно эффективным является такое проверочное мероприятие как выезд прокурора в проверяемую организацию. Так, например, 4 марта 2020 года в городе Старая Русса Новгородской области на личный прием к прокурору области обратилась местная жительница по вопросу необеспечения её бесплатными тест-полосками для измерения уровня сахара ввиду отсутствия их в аптеке. Старорусский межрайонный прокурор вместе с заявительницей выехал в аптечную организацию для проверки доводов обращения. В результате женщина сразу же была обеспечена необходимыми медицинскими изделиями[1].

Таким образом, в данной ситуации выход на место помог быстро и эффективно восстановить право гражданки на бесплатное получение медицинских изделий. Однако приведенный случай является скорее исключением из прокурорской практики, нежели чем регулярным мероприятием, поскольку не всегда прокурор имеет возможность оперативно выехать на место в связи с большим объемом ежедневной работы. На наш взгляд, стоит чаще практиковать именно такой метод восстановления прав граждан. Кроме того, проблемным вопросом является необходимость отвлечения фармацевта от его работы во время проведения выездной проверки. Подобное недопустимо, в связи с характером деятельности аптеки как учреждения, предоставляющего гражданам лекарства, которые могут быть им жизненно необходимы. На наш взгляд, недопустима ситуация, когда в аптеке на момент проверки присутствует один фармацевт, поскольку он не может быть отвлечен, что препятствует проведению прокурором проверки.

[1] Официальный сайт прокуратуры Новгородской области. URL: https://procnov.ru/ (дата обращения 03.03.2020).

Таким образом, необходимо заранее уведомить организацию, чтобы они создали необходимые для проведения проверки условия (обеспечили присутствие на работе хотя бы двух фармацевтов).

Проверка исполнения законодательства о льготном обеспечении граждан лекарствами и медицинскими изделиями завершается заключительным этапом, в ходе которого анализируется полученная в ходе проверочных мероприятий информация, выбираются наиболее эффективные средства реагирования на выявленные нарушения, дается ответ заявителю, если основанием проверки является обращение/жалоба гражданина, оформляется докладная записка. Наибольшее внимание, на наш взгляд, стоит уделить выбору эффективного средства реагирования на выявленные нарушения. Так, исходя из анализа практики, прокурор в данной сфере чаще всего использует следующие акты реагирования на выявленные в ходе проверки нарушения: представление, постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, исковое заявление в суд.

В соответствии с Правилами отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения, утвержденными Приказом Минздрава России от 11.07.2017 № 403н, в случае отсутствия у аптеки лекарственного препарата, указанного в рецепте, при обращении гражданина рецепт принимается на «отсроченное» обслуживание (рецепт на лекарственный препарат, отпускаемый бесплатно или со скидкой и не вошедший в минимальный ассортимент лекарственных препаратов для медицинского применения, необходимых для оказания медицинской помощи, обслуживается в течение 10 рабочих дней со дня обращения гражданина в аптеку).

На практике нередки случаи нарушения порядка «отсроченного» обслуживания. Распространенным способом реагирования на подобные нарушения является внесение представления. Так, прокуратурой Унинского района Кировской области в ходе проверки установлено, что в 2019 году работниками аптеки № 13 пгт. Уни КОГУП «Межрайонная аптека № 7» в установленный законом срок не обеспечена своевременная выдача гражданам лекарственных препаратов по 68 рецептам, 50 их которых были списаны из-за отсутствия лекарственных препаратов в аптеке либо срок их действия истёк, а по 18 рецептам срок выдачи лекарственных средств, отпускаемых льготным категориям граждан, и не вошедших в минимальный ассортимент лекарственных средств, составил свыше 10 дней. Кроме того, на момент проведения про-

верочных мероприятий (конец октября 2019 года) в аптеке имелось на «отсроченном обслуживании» 26 рецептов, выписанных в сентябре и в начале октября 2019 года, сроки выдачи по которым также нарушены. Выявленные нарушения стали основанием для внесения прокурором Унинского района директору КОГУП «Межрайонная аптека № 7» представления с требованием об их устранении и решении вопроса о привлечении лиц, допустивших нарушения к дисциплинарной ответственности[1].

Часто граждане, не дождавшись положенных им в рамках льготного обеспечения лекарств и медицинских изделий, приобретают их за свой счет. При этом благодаря деятельности прокуратуры, они могут вернуть потраченные на это деньги. Эффективным средством восстановления прав гражданина в таком случае является исковое заявление в суд. Так, в ходе проверки исполнения законодательства об обеспечении лекарственными средствами прокуратурой Кировского района Санкт-Петербурга было установлено следующее. На момент обращения заявителя в аптеку за получением льготного лекарства, препарат отсутствовал, что явилось причиной невозможности его выдачи по рецепту и необходимости регистрации рецепта на отсроченное обслуживание. Информация о потребности гражданина в лекарственном обеспечении передана Комитету по здравоохранению в день регистрации рецепта на отстроченном обслуживании в автоматизированном режиме. Однако в течение 10 рабочих дней со дня регистрации рецепта гражданин лекарственным препаратом не обеспечен, что стало причиной приобретения препарата за свой счет. В защиту прав гражданина, прокурор обратился в суд с исковым заявлением об обязании Комитета по здравоохранению возместить расходы по приобретению лекарственного средства[2].

Таким образом, системный прокурорский надзор способствует своевременному и эффективному устранению выявляемых нарушений, и созданию условий для соблюдения прав граждан на льготное медицинское обеспечение. Только регулярно проводя проверки исполнения законодательства в сфере льготного обеспечения граждан медицинскими средствами и изделиями, прокуратура сможет стать реальным гарантом восстановления нарушенных прав граждан.

---

[1] Официальный сайт Генеральной прокуратуры. URL: https://genproc.gov.ru/ (дата обращения 03.03.2020).

[2] Официальный сайт прокуратуры Санкт-Петербурга. URL: http://procspb.ru/ (дата обращения 09.03.2020).

УДК 343.163

С.В. ЕЛЬКИН

научный руководитель
профессор П.И. КОНОНОВ

ПРЕДЕЛЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ

Вопрос об определении пределов прокурорского надзора является дискуссионным и обладает теоретической и практической значимостью. Прокуроры должны чётко разделять две категории: «правомерность» и «пределы прокурорского вмешательства». Правомерность ограничивает пределы прокурорского вмешательства, а правомерность вмешательства находится в строго установленных рамках объективных для этого оснований.[1]

Теория прокурорского надзора обычно рассматривает вопрос о пределах «общего надзора» в рамках таких элементов, как объекты надзора, акты, которые находятся в надзорной компетенции прокуроров, характер надзора и мероприятия, которые рекомендованы прокурорами для устранения нарушения, причин и условий.[2]

По мнению Даева В.Г. благодаря пределам прокурорского надзора, определяется компетенция и объем полномочий должностных лиц прокуратуры.[3]

Казарина А.Х. отмечает, что с помощью пределов надзора прокуратуры как правовой категории определяются границы должного, возможного и запрещенного, когда прокурор выбирает объекты будущей проверки, применяемые полномочия и средства прокурорского реагирования на обнаруженные нарушения закона.[4]

По нашему мнению, наиболее полным и содержательным определением пределов прокурорского надзора является у профессора Берензона А.Д. Он определил пределы совокупностью таких элементов, как круг предприятий, которые подпадают под общий надзор; круг актов, поднадзорных прокурору; характер об-

[1] Герасимов С.И. Настольная книга прокурора. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка: Экслит. – 2003. – С. 65.

[2] Ястребов, В. Б. Прокурорский надзор: [Текст]: учебник. Москва: Зерцало-М. – 2011. – 171 С.

[3] Даев В.Г. Основы теории прокурорского надзора. Л.: ЛГ. – 1990. – С. – 63-65.

[4] Казарина А.Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности). М.: ИПК РК Генер. прокуратуры РФ. – 2005. – С. 62.

щенадзорных действий; реализация обязанностей прокурора по обнаружению обстоятельств, которые способствуют совершению нарушения закона; характер вмешательства должностных лиц прокуратуры в деятельность таких поднадзорных субъектов, как учреждения и организации, а также должностные лица, во время реагирования на нарушения закона.[1]

Мы согласны с Викторовым И.С., что «прокуроры не всегда своевременно определяют ту грань, которая отличает сферу их деятельности от иных сфер».[2]

Деятельность по обеспечению соблюдения конституционного права граждан Российской Федерации на охрану здоровья и качественную медицинскую помощь является одним из главных направлений государственной политики, и важным фактором для реализации стабильного развития России ее регионов в социально-экономической сфере.[3]

Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию отметил: «Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России».[4]

Приоритетной задачей прокуратуры является деятельность по обеспечению прав граждан на бесплатную медицинскую помощь, и осуществление надзора за соблюдением целевого расходования средств, которые выделяются из бюджета на региональные программы развития здравоохранения.[5]

Надзор прокуратуры в сфере здравоохранения играет важную роль для поддержания порядка и законности в данной сфере, однако очень важно обратить внимание на надзор, который реализуется над деятельностью органов исполнительной власти. Именно от должностных лиц органов исполнительной власти, обладаю-

---

[1] Берензон А.Д. Основные направления совершенствования общего надзора советской прокуратуры: автореф. дис ... д-ра юрид. наук: 12.00.02/ Берензон, Александр Давыдович; Москва. – 1977. – С. 9.

[2] Викторов И.С. Охрана труда в РФ: новое законодательство, правоприменительная практика и прокурорский надзор. М.: Юрлитинформ. – 2003. – С. 66.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2007. 15 октября (№ 42). Ст. 5009; Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. 05 декабря (№ 49). Ст. 6886.; и др.

[4] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.12.2016 // «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: правовой сайт. 2016.

[5] Генеральная прокуратура РФ [Официальный сайт]: гос. учреждение. 2020. Режим доступа: https://genproc.gov.ru, свободный. Загл. с экрана.

щих властью, зависит контроль над всей системой подчинённых государственных медицинских и аптечных организаций, нормотворчество и организация здравоохранения в своем регионе.

Учитывая вышесказанное, отметим особенности, которые касаются пределов надзора прокуратуры за органами исполнительной власти в сфере здравоохранения:

1. Круг актов. Прокурором осуществляется надзор за соблюдением конституционных прав граждан на охрану здоровья и исполнением разнообразных законов, регулирующих основы здравоохранения, вопросы обязательного медицинского страхования, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, обращения лекарственных препаратов, психиатрическую помощь, лицензирование и другие вопросы.[1]

2. Круг субъектов: органы исполнительной власти на федеральном и региональном уровне, территориальные органы, органы местного самоуправления, должностные лица, подпадающих под компетенцию прокуратуры в рамках пределов, которые установлены статьей 26 Закона о прокуратуре. Данные субъекты является:

органами государственной власти и органами местного самоуправления (их должностными лицами), у которых полномочия закреплены в 14-17 статьях Основного закона в сфере здравоохранения;

органами исполнительной власти, которые осуществляют деятельность по государственному контролю (надзору), оказанию государственных услуг в рассматриваемой сфере и функции, которые связаны с этой деятельностью (органы Росздравнадзора, Роспотребнадзора, Россельхознадзора, Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии, Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органы Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Роструда, органы Федерального казначейства и их территориальные органы, Фонд обязательного медицинского страхования и его территориальные фонды и другие).

[1] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323 : текст с изм. и доп. на 2020 г. // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 28 ноября (№ 48). – Ст. 6724; Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 29.11.2010 № 326-ФЗ : текст с изм. и доп. на 2019 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. 5 апреля (№ 14). Ст. 1650; Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 № 61-ФЗ : текст с изм. и доп. на 2020 г. // Собрание законодательства РФ. – 2010. – 19 апреля (№ 16). – Ст. 1815, и другие законы.

органами, должностными лицами, которые наделены компетенциями в административно-юрисдикционной сфере (в области здравоохранения), в т.ч. составление протоколов и рассмотрение дел об административных правонарушениях.

3. Круг решений, которые принимаются должностным лицом прокуратуры, и закрепленные в статьях 9.1 (антикоррупционная экспертиза НПА в сфере охраны здоровья), 22 (принесение протеста на НПА в сфере охраны здоровья, внесение представления об устранении нарушений закона должностному лицу органа исполнительной власти в сфере здравоохранения, направление предостережения о недопустимости нарушения закона в орган управления здравоохранением региона, возбуждение производства об административном правонарушении в отношении должностного лица данного органа), 27 (рассмотрение жалоб граждан на органы власти в сфере здравоохранения), 33 (проверка госпиталей в учреждениях, исполняющих наказание) Закона о прокуратуре РФ.

Таким образом, прокурорский надзор в сфере здравоохранения очерчен законодательными границами, с помощью которых имеется возможность дифференцировать разные направления прокурорского надзора, а также отличить его от контрольно-надзорных полномочий других государственных органов.

Поскольку права человека и гражданина являются высшей ценностью в соответствии с Конституцией РФ, особенно права в сфере охраны здоровья. Мы предлагаем внести определенные изменения в Федеральный закон о прокуратуре, которые касаются расширения объема полномочий прокуроров, тем самым изменяя границы пределов прокурорского надзора.

Во-первых, мы предлагаем, наделить прокуроров правом по приостановлению исполнения опротестованного правового акта в особенных случаях, путем дополнения статьи 23 Закона о прокуратуре частью 5 следующего содержания: «5. До принятия решения по протесту Генеральный Прокурор, заместители Генерального Прокурора, областные и приравненные к ним прокуроры вправе приостановить исполнение опротестованного правового акта, если его исполнение привело либо может привести к необратимым последствиям для жизни и здоровья людей, либо для безопасности Российской Федерации».

Во-вторых, предлагаем законодательно уполномочить прокурора требовать привлечения должностных лиц к ответственности, путем изложения абзаца 2 части 1 статьи 24 Закона о прокуратуре в следующей редакции: «В течение месяца со дня внесения

представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих, по привлечению лиц к установленной законом ответственности при наличии законных оснований; о результатах, принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме».

В-третьих, предлагаем законодательно уполномочить прокурора по установлению срока для рассмотрения представления, путем дополнения абзаца 3 в часть 1 Статьи 24 Закона о прокуратуре следующего содержания: «Если могут наступить необратимые последствия для жизни и здоровья человека и гражданина, безопасности государства, прокурор может установить срок для рассмотрения представления».

УДК 342

Е.Д. ЗВЕРЕВА,
Ю.А. КАРАПЫШ

научный руководитель
М.Н. КУСТОВ

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ

Российская Федерация – социальное государство, в котором усилиями внутренней политики создаются благоприятные условия для духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития молодого поколения. Согласно ст.38 Конституции Российской Федерации семья, материнство и детство находятся под защитой государства[1], поэтому прокуратура, как на орган, надзирающий за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории страны, исполняет полномочия по осуществлению надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи.

Правовой основой деятельности в этом направлении является Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от

[1] Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации [Текст] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. / Российская Федерация. Конституция (1993) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

26.11.2007 №188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» (далее – Приказ № 188)[1]. В соответствии с ним при организации надзора прокурорам следует исходить из того, что в Конвенции ООН о правах ребенка, общепризнанных нормах международного права и российском законодательстве закреплен приоритет интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни общества и государства.

Например, в Ростовской области прокуратура регулярно проводит координационные совещания, с помощью которых определяется механизм взаимодействия правоохранительных органов и служб по работе с детьми, по борьбе с молодежной преступностью. Кроме того, прокуратура Камчатской области выступила с инициативой введения элементов ювенальной юстиции, а также специализировать судей на рассмотрение дел с участием несовершеннолетних.

Не смотря на обширный объем зарубежной и отечественной правоприменительной практики, остается ряд неразрешенных проблем. Среди них наблюдается необходимость правового регулирования в деле защиты прав несовершеннолетних, отсутствие распоряжений руководителей органов государственной власти субъектов РФ, направленных на принятие необходимых нормативных правовых актов для защиты прав данных лиц[2].

Причиной возникновения спорных вопросов в доктрине остается также законодательный пробел – не закрепленное законодателем разграничение понятий «несовершеннолетний» и «молодежь». Практические работники отмечают сложность при толковании последнего понятия и, как следствие, различное правоприменение при решении конкретных задач, в частности, при определении возраста лица (применяются фактический (биологический) и календарный способы).

В соответствии с п.2 Распоряжения Правительства РФ от 25.11.2014 №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.» под молоде-

[1] Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи : Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 ноября 2007 г. № 188 — доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Воеводина Т. Г. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи // Актуальные проблемы ювенального права и прокурорского надзора по делам несовершеннолетних: материалы «круглого стола»; под ред. О. В. Пристанская. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. — С. 56.

жью понимается отдельная социально-демографическая группа, отличительными характеристиками которой становятся возрастные особенности, социальное положение и специфические интересы, ценности[1]. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в случаях, определенных нормативными правовыми актами, до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в России или проживающих за рубежом. Кроме того, данное положение закреплено в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.1993 № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» [2].

Что касается понятия «несовершеннолетний», то в соответствии со ст. 60 Конституции РФ, ч.1 ст.21 Гражданского кодекса РФ, ч.1 ст. 54 Семейного кодекса РФ, ч.1 ст. 87 Уголовного кодекса РФ однозначно определено, что такими лицами признаются не достигшие 18 лет.

Одним из множества теоретических определений молодежи остается – «особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности». Некоторыми учеными молодежь понимается как совокупность молодых людей, которым общество предоставляет возможность социального становления, обеспечивая их льготами, но ограничивая в возможности активного участия в определенных сферах жизни общества. Возрастные рамки, позволяющие относить людей к молодежи, различаются в зависимости от конкретной страны. Нижняя возрастная граница молодежи устанавливается между 14 и 16 годами, верхняя — между 25 - 35 и более[3].

Следовательно, можно утверждать, что в российском законодательстве под несовершеннолетними понимаются лица, в возрасте от 14 до 18 лет, а молодежь, соответственно, представляют граждане, не достигшие 35-летнего возраста.

---

[1] Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2015 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства. — № 5. — ст. 7185.

[2] Постановление Верховного суда Российской Федерации «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» от 03.06.1993 г. № 5090-1 // Ведомости СНД И ВС РФ. —№ 25. — ст. 903.

[3] Ветвицкая С. М Молодежь в России сегодня: ценностные установки и проблемы / А. И. Макарин, С. М. Ветвицкая // Международный студенческий научный вестник. — 2017. — № 6. — URL: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=17862 (дата обращения: 07.03.2020).

Определение круга лиц, чьи интересы и права подлежат охране согласно федеральному законодательству о несовершеннолетних и молодежи, позволяет сотрудникам прокуратуры эффективно применять полномочия в данной сфере. П.п. 3, 3.1 Приказа № 188 отражают необходимость надлежащего осуществления постоянного надзора за исполнением законов о социальной защите несовершеннолетних, обращая особое внимание на своевременность оказания помощи детям, находящимся в социально опасном положении, детям из малообеспеченных и многодетных семей, а также пресечение фактов жестокого обращения с детьми, насилия в семьях, воспитательных и образовательных учреждениях во всех его формах.

Ещё одной важной проблемой является обеспечение органами исполнительной власти субъектов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а, кроме того, детей, находящихся под опекой (попечительством), не имеющих закрепленного жилого помещения, после окончания пребывания в образовательном учреждении либо учреждениях социального обслуживания; в учреждениях всех типов профессионального образования, или по окончании службы в рядах Вооруженных Сил РФ, или в последствии возвращения из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, жилой площадью согласно месту жительства вне очереди не ниже установленных социальных норм в соответствии с п.1 ч.2 ст.8 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 г. №159-ФЗ, ст.57 Жилищного кодекса РФ. Прокурорская практика показывает, что названная проблема развивается из-за отсутствия жилых площадей у жилищных органов для предоставления обозначенным ранее лицам, что становится причиной нарушения федерального законодательства[1].

Мы считаем, что решение данной проблемы кроется в дополнении требованием безусловного ежегодного финансирования органами государственной власти субъектов РФ мероприятий, направленных на защиту прав указанной категории п.2 ст.5 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ, а так же ч.2 п.1 ст.8 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Кроме того, эффективно будет установить административную и уголовную ответственность должностных лиц за неисполнение требований закона в этой сфере.

[1] Полушкин А. В. Актуальные проблемы вопросов прокурорского надзора за соблюдением законов в отношении несовершеннолетних // Молодой ученый. — 2018. — №16. — С. 235.

Другой не менее серьезной проблемой остаются нарушения законодательства о несовершеннолетних и молодежи со стороны органов опеки и попечительства. Так, во многих небольших городах, деревнях и сельских поселениях наблюдается недостаточное количество квалифицированных работников указанных органов. По этой причине у прокуроров возникает необходимость не только разъяснять должностным лицам проверяемого органа нормы действующего законодательства, но и оказывать правовую помощь в подготовке судебных и иных документов, что, в свою очередь, значительно замедляет ход прокурорских проверок. Решение данной проблемы нам видится в том, чтобы к сотрудникам органов опеки и попечительства предъявлять более строгие требования относительно уровня образования, требуемого для занимаемой должности, а также периодическая аттестация для проверки их компетентности.

Невозможно не обратить внимание на нарушения трудовых прав несовершеннолетних и молодежи, выявляемые при осуществлении прокурорского надзора в трудовой сфере. Недостаточно вакантных рабочих мест для социально незащищенных детей, несовершеннолетних, освободившихся из воспитательных колоний, выпущенных из специальных учебно-общевоспитательных учреждений закрытого вида. Однако именно таких несовершеннолетних предусмотрительно будет в обязательном порядке трудоустраивать, формировать для них квоты рабочих мест в целях предоставления им возможности исправления, социализации, восстановления и установления новых связей с гражданским обществом.

Согласно ст.272 Трудового кодекса РФ особенности трудоустройства лиц в возрасте до 18 лет определяются трудовым законодательством, коллективным договором или соглашением. ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 г. №1032-1 в нынешней редакции предусматривает установление квот для приема на работу только инвалидов (ст.13), и не упоминает похожие квоты для несовершеннолетних. Исходя из этого, с целью защиты прав несовершеннолетних, а также профилактики безнадзорности и беспризорности, а равно распространения проступков и преступлений, совершаемых несовершеннолетними, рационально будет включение в ст.ст. 13, 25 ФЗ «О занятости населения в РФ» обязательного квотирования мест для трудоустройства несовершеннолетних, резервирование отдельных видов работ для несовершеннолетних как категории граждан, особо нуждающейся в социальной защите.

Кроме того, согласно п. 10.1 Приказа № 188 прокурор обязан принимать участие в работе Комиссий по делам несовершеннолетних, проводящей профилактику безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Однако на практике он не всегда имеет возможность участвовать в работе КДН по не зависящим от него причинам (например, ввиду исполнения поручения руководителя органа прокуратуры о поддержании в суде государственного обвинения, отсутствия штатов и др.). Целесообразно будет рассмотрение вопроса о необходимости увеличения штата прокурорских работников, потому что такие факты не должны допускаться в работе прокуроров.

Таким образом, в настоящее время в сфере осуществления прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи остаются проблемы, от решения которых зависит защита прав одной из самых незащищенных категорий граждан. Именно поэтому в прокуратуре субъекта и районной прокуратуре необходимо на постоянной основе осуществлять обобщение полученной информации о нарушениях прав несовершеннолетних и молодежи, а также состоянии и динамике правонарушений против прав данных лиц.

УДК 34

П.А. КАРЦОВ,
Д.Ю. МЕДВЕДЕВА

научный руководитель
Г.В. ДЫТЧЕНКО

К ВОПРОСУ О ПРОВЕРКЕ ПРОКУРОРОМ ЗАКОННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Очевидно, что без принятия соответствующих мер по противодействию преступности создается реальная угроза наступления крайне негативных последствий для личности, общества и государства в целом в виде причинения существенного вреда их жизненно важным интересам. Преимущественно негласный характер при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и существенное ограничение законных прав и интересов человека, и гражданина в рамках ОРМ обуславливает необхо-

димость существования системы ограничений. Ряд такого рода ограничений вытекает из положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), которым на специализированные органы, в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств возложена обязанность выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления, а также выявлять и устанавливать лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших[1]. Так, подобной гарантией законности ограничения конституционных прав и свобод человека, и гражданина выступают следующие институты: судебный контроль и прокурорский надзор.

Одним из элементов судебного контроля выступает порядок, предусмотренный ст. 9 ФЗ «Об ОРД», а именно, прерогатива судебного органа по удовлетворению ходатайств о проведении оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ). Несмотря на то, что подобная процедура предполагает недопущение необоснованного ограничения прав, тем не менее, в силу отсутствия правового регулирования судебного контроля, судья не устанавливает законность проведения ОРМ, а лишь «одобряет» его осуществление. Также пассивная роль суда, выражается в использовании предоставленных полномочий исключительно по инициативе заинтересованных лиц. Однако, учитывая конспиративность, граждане по объективным причинам не имеют возможности реализации права на защиту, а суд, в свою очередь, не имеет правовых оснований для устранения нарушения, при наличии таковых[2]. Таким образом, суд, санкционируя деятельность сотрудников оперативно-розыскных органов (далее – ОРО), фактически занимает «пассивную» форму контроля.

К тому же, как неоднократно утверждал Конституционный Суд РФ, большинство ОРМ, посягающих на конституционные права, особенно, с использованием специальных технических средств, не требует судебного решения[3]. Вследствие этого, необходимо

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ: ред. от 02.08.2019 // Российская газета. 1995. № 16. 18 авг. ст. 7.

[2] Никитин Е. Л., Литвинова И. В. Судебный контроль в сфере оперативно-розыскной деятельности: за и против // Вестник СГЮА. – 2015. – №3 (104). – С. 242.

[3] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 2810-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

существование дополнительных механизмов обеспечения законности ограничения прав в данной сфере. Представляется, что такой дополнительный правовой механизм обеспечения законности при проведении ОРМ возможно разработать в рамках прокурорского надзора, предметом которого выступают следующие направления: соблюдение прав и свобод человека, и гражданина при осуществлении ОРД; соблюдение установленного порядка проведения ОРМ; законность решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД[1].

Реализуя надзорные полномочия, прокурор в противовес судебным органам не ограничивается рассмотрением вопросов о допустимости совершения тех или иных действий оперативно-розыскными органами либо оценкой правомерности действий и решений поднадзорных органов, и организаций, их должностных лиц, а проверяет законность установленного порядка проведения ОРМ и осуществления ОРД в целом. По нашему мнению, именно уполномоченный прокурор является наиболее действенным инструментом контроля ОРМ, способным обеспечить недопущения произвольного нарушение конституционных прав, в то время как суд, сам и по своей инициативе без заявления ущемленного в правах гражданина или прокурора, действующего в его интересах, не обладает правомочием по устранению таковых. К тому же на практике известны случаи, при которых ни одна из сторон не заинтересована обращаться в суд, следовательно, без инициативного вмешательства прокурора данные нарушения не могут быть устранены в судебном порядке[2].

Исходя из ст. 9 ФЗ «Об ОРД», остается неясной позиция законодателя по вопросу моменту возникновения надзорных полномочий прокурора, поскольку, для нас является очевидным, что прокурор при осуществлении своей основной функции обладает достаточным объемом информации для решения вопроса о необходимости и законности проведения ОРМ, особенно учитывая, положения действующего законодательства о невозможности оспаривания судебных решений, принятых в порядке анализируемой статьи.

---

[1] Потапов С. А. Осуществление прокурорского надзора за соблюдением законности в оперативно-розыскной деятельности // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – № 16. – С. 171.

[2] Дытченко Г. В., Никитин Е. Л. Законность проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан// КриминалистЪ. – 2011. – №1(8). – С. 101 – 108.

Следует обратиться к прогрессивному зарубежному опыту, предусматривающему гарантию соблюдения законных прав граждан при проведении ОРМ, в законе Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] проведение специальных ОРМ, которые затрагивают конституционные права и свободы граждан, допускается для выявления тяжких и особо тяжких преступления, а также преступлений подготавливаемых и совершаемых преступными группами, исключительно с санкции прокурора. На наш взгляд, подобное расширение дискреционных полномочий прокурора в отечественном законодательстве, существенно подорвет принцип разделения властей, следовательно, законодателю следует ограничиться внесением изменений в правовую регламентацию деятельности прокурора в осуществлении надзора в части введения участия прокурора в поддержании ходатайства ОРО перед судом о проведении соответствующих ОРМ и оценке такового (наиболее оптимальным является внесение изменений в ст. 9 ФЗ «Об ОРД»).

Законодатель наделил прокурора обширным инструментарием реагирования на выявленные нарушения, в частности, к которым относятся такие акты прокурорского реагирования, как представление, постановление, протест, предостережение. Однако, по справедливому замечанию Никитина Е. Л., в связи с отсутствием специального регулирования, применение такого круга инструментов носит ограниченный характер. Так, например, вынесение постановления об отмене решения руководителя ОРО о проведении ОРМ, в силу существующих пределов прокурорского надзора, исключается. Поэтому в случаях вынесения незаконного постановления руководителя ОРО, прокурор применяет исключительно протест и представление, но применение таких мер, во-первых, не предполагает оперативного устранения нарушений, и, во-вторых, не отменяет вынесенное решение, поэтому своевременное восстановление нарушенных прав и интересов граждан подобным способом невозможно. В связи с этим отсутствие полномочий прокурора по непосредственному воздействию на принятое незаконное решение обуславливает опосредованный характер воздействия через представленные меры прокурорского реагирования, которые не столь эффективны, как полная «отмена» акта, нарушающего права.

[1] Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-XIII «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158#pos=4;-138 (дата обращения: 09.04.2020).

Не подвергая сомнению значимость института судебного контроля, в заключение, следует отметить, что при оценке законности ограничения законных прав и интересов лиц, превалирующую роль, исходя из анализа, играют органы прокуратуры, так как именно прокурорский надзор является действенным механизмом по предупреждению произвольного ограничения конституционных прав и устранению допущенных нарушений при проведении ОРМ. Тем не менее, перед законодателем возникают задачи по совершенствованию правовой регламентации и, тем самым, искоренение обозначенных пробелов.

УДК 347.963

А.С. САРАКУЗ

научный руководитель
доцент И.И. ГОЛОВКО

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

В науке жилищного права немало исследований посвящено защите жилищных прав граждан, но в большинстве из них данная проблема рассматривается с позиции разрешения жилищных споров, их правового регулирования и разрешения. При этом на теоретическом уровне роль прокуратуры в механизме защиты жилищных прав граждан изучена недостаточно.

В соответствии со ст. 45 Конституции Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека, и гражданина, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами. Конституция Российской Федерации, гарантируя судебную защиту прав и свобод человека, и гражданина, в ст. 46 предусматривает, что решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Рассматривая механизм защиты прав и законных интересов граждан в жилищной сфере, необходимо уделить внимание субъектам защиты, среди которых важное место принадлежит прокуратуре.

Развитие науки прокурорской деятельности в настоящее время актуализирует понимание деятельности органов прокуратуры как единого целого, а ее надзорных и ненадзорных направлений – как необходимого продолжения друг друга с целью достижения стоящей перед органами прокуратуры цели. В связи с этим представляется важным изучение полномочий прокуроров по осуществлению защиты жилищных прав граждан в комплексе - от момента выявления нарушения до реального устранения нарушения и восстановления нарушенных прав.

Деятельность органов прокуратуры по надзору за соблюдением конституционных прав и свобод занимает заметное место в механизме защиты прав и свобод и положительно воспринимается гражданами. Так, на расширенном заседании коллегии 17.03.2020 года Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Викторович Краснов отметил, что «доверие граждан к органам прокуратуры растет. Об этом свидетельствуют результаты социологических опросов, рост поступающих в органы прокуратуры обращений. В прошлом году их число впервые превысило 5 миллионов».[1] Ввиду большого количества выявленных фактов бездействия органов государственной власти и местного самоуправления в жилищной сфере органы прокуратуры принимают меры прокурорского реагирования.

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», прокурорам принадлежат универсальные полномочия, не ограниченные сферой правового регулирования, в отличие от других органов, которые вправе проводить проверки только в соответствии с предметом деятельности. Поэтому уместно говорить о том, что, вмешиваясь в деятельность того или иного поднадзорного органа, прокурор не подменяет уполномоченные органы, а выступает дополнительной гарантией законности в их деятельности.

Значимость рассматриваемого направления деятельности выделена в п. 7.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека, и гражданина», который акцентирует внимание на защите закрепленных в Конституции Российской Федерации прав и свобод человека, и гражданина, в том числе жилищных прав.

[1] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62998.

Первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации А.Э. Буксман отмечает, что наиболее часто принятие мер прокурорского реагирования обусловлено неисполнением жилищного законодательства органами власти и управляющими организациями, нарушением прав граждан при переселении из аварийного жилья, проведении капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов, некачественном оказании коммунальных услуг, установлении и взимании платы за жилищно-коммунальные услуги.[1]

Одной из основных особенностей деятельности прокуратуры, отличающей её от остальных органов власти, является то, что помимо осуществления надзора за исполнением законов органами контроля, их должностными лицами, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов, органы прокуратуры осуществляют взаимодействие с ними.

Взаимодействие органов прокуратуры и контрольных (надзорных) органов в сфере защиты жилищных прав граждан является видом межведомственного взаимодействия и представляет собой согласованную деятельность, направленную на достижение единых целей. Однако, несмотря на то, что за последние годы накоплен большой опыт взаимодействия прокуратуры с органами контроля (надзора), его сущность, специфика в теории прокурорской деятельности до сих пор до конца не определены.

Разрешение жилищных споров осложняется различием статусов субъектов жилищных правоотношений. Сторонами, например, жилищных правоотношений, с одной стороны, выступает публичная власть в лице органов, уполномоченных вести учет лиц, нуждающихся жилых помещениях, и распределять жилье, с другой — гражданин, имеющий право на получение жилья в данном жилищном фонде.

Дискуссионной является проблема необходимости закрепления в Жилищном кодексе Российской Федерации (далее – ЖК РФ) положений о надзоре за исполнением жилищного законодательства органами прокуратуры, так как Кодекс не отводит такой роли прокуратуре. Именно поэтому важным представляется определение критериев и показателей оценки деятельности органов прокуратуры, в том числе по надзору за соблюдением

[1] Буксман А.Э. Место и роль прокуратуры в обеспечении конституционных прав и свобод человека, и гражданина. Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 6 (68). – С.7.

жилищных прав граждан, что позволит измерить и оценить эффективность прокурорского надзора. Если критерий – это мерило оценки, то показатель – это численное выражение частоты встречаемости какого-либо состояния за определенный временной отрезок.[1]

Юридические гарантии осуществления защиты жилищных прав предполагают выстраивание иерархии разрешения жилищного спора.[2] Кроме того, средства защиты сконструированы таким образом, чтобы обеспечение защиты было возможным не только посредством обращения в суд, но и путем подачи в административном порядке жалобы уполномоченному органу. В юридических исследованиях отмечается, что такая форма защиты социальных прав является преобладающей, поскольку судебные процедуры весьма длительны и связаны со значительными материальными и временными затратами.[3]

С учетом того, что правовое регулирование в области жилищных правоотношений является предметом совместного ведения федеральных органов государственной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, сложно переоценить роль прокурора в формировании нормативной базы, регламентирующей реализацию государственных полномочий в рассматриваемой сфере. В соответствии с п.2.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2007 г. № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» надзирающим прокурорам вменяется, не ослабляя надзора за законностью нормативных правовых актов, принять меры к углублению сотрудничества с указанными органами, на регулярной основе участвовать в подготовке ими проектов нор-

[1] Методологические основы оценки работы органов прокуратуры субъектов Российской Федерации по обеспечению законности и правопорядка: науч. доклад. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013.

[2] Тресцова Е.В. Защита жилищных прав: понятие и способы в контексте современных тенденций развития частного права // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты материалы V международной научно-практической конференции, в 2-х т.. отв. ред. Е. В. Трофимов. – 2019. – С. 98-110.

[3] Бекишиева С.Р. Проблемы защиты социальных прав граждан // Юридический вестник ДГУ. – 2017. – № 4. – С. 20–24.

мативных правовых актов, работе комитетов, комиссий и рабочих групп, осуществлять правовую экспертизу, готовить заключения и другие документы.

Несмотря на многочисленные изменения жилищного законодательства, все же сохранена общая концепция жилищного права, его защитная роль. В связи с этим прокурорский надзор за законностью нормативно-правовых актов не ослабевает. Следует подчеркнуть, что организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации регламентированы только основы такого надзора, его же конкретные способы реализации постоянно требуют совершенствования и адаптации вслед за изменениями законодательства.[1]

Ввиду того, жилищные права относятся к неотъемлемым правам человека и гарантированы Конституцией Российской Федерации, осуществление надзора за соблюдением указанных прав граждан должно носить упреждающий характер; устранение нарушений закона и восстановление в правах граждан, в особенности социально незащищенных слоев населения, должно являться итогом не только рассматриваемых обращений граждан, но и проводимых по инициативе самой прокуратуры проверок с привлечением сотрудников других правоохранительных и контролирующих органов. Кроме того, в соответствии со ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) прокурор также наделен правом на обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, который по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

Защита прокурором жилищных прав, свобод и законных интересов граждан в гражданском судопроизводстве является самостоятельным необходимым продолжением надзорной деятельности в сфере жилищных отношений и значимой составной частью защиты конституционных прав и свобод граждан.

Согласно докладу председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Лебедева на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации

[1] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.10.2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления».

11.02.2020 года, количество жилищных споров, рассматриваемых судами общей юрисдикции, остается стабильно высоким. Так, за 2019 год судами рассмотрено 19,6 млн гражданских дел, из которых 8 млн – жилищные споры (в 2018 – 7 млн).[1]

С 2009 года дополнительным основанием для подачи прокурором заявления в суд в силу ч.1 ст. 45 ГПК РФ является обращение к нему гражданина о защите нарушенных или оспариваемых прав и свобод, в частности, в сфере обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах. Поэтому в случае обращения гражданина о защите указанных прав заявление может быть подано прокурором независимо от того, могут ли данные граждане самостоятельно обратиться в суд. В этом случае суд не вправе отказать в принятии искового заявления.

Проанализировав прокурорскую практику, приходим к выводу о том, что более эффективной мерой реагирования выступает инициирование прокурором привлечения к установленной законом ответственности – гражданско-правовой, административной, уголовной. Решение о применении меры ответственности в этих случаях принимают суд, орган административной юрисдикции, которые оценивают нарушение объективно. Эффективность судебной защиты жилищных прав в сравнении с другими средствами защиты бесспорна, поскольку исполнение решений суда обеспечивается государством, а за неисполнение постановлений суда законом установлена уголовная ответственность.

Таким образом, прокурор в своей деятельности предупреждает нарушения действующего законодательства, инициирует меры юридической ответственности при выявлении нарушений, принимает меры к восстановлению нарушенных прав, содействует вынесению законных и обоснованных решений судами, обеспечивает законность применения мер ответственности, что показывает значение прокуратуры в механизме защиты жилищных прав граждан. В связи с тем, что прокуратура Российской Федерации наделена особым конституционно-правовым статусом независимого государственного органа, то прокуроры обладают «уникальными» полномочиями, позволяющими наиболее эффективно обеспечивать защиту жилищных прав граждан.

[1] URL: file:///C:/Users/boss/Desktop/Презентация%20к%20докладу%20Лебедева%202020_.pdf.

УДК 347.963

Р.А. СМАКАЕВА

научный руководитель
доцент Э.Р. ИСЛАМОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВА ИНВАЛИДОВ НА ЛЕКАРСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Здоровье населения является важнейшей ценностью для государства, общества и всего мира. Это одно из базовых нематериальных благ человека и гражданина. В настоящее время одной из приоритетных социальных задач, решаемых в России, является обеспечение нормального функционирования системы здравоохранения и охраны здоровья граждан на достаточно высоком уровне.

В ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации гражданам гарантировано право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В широком смысле право на лекарственное обеспечение рассматривается в качестве элемента права каждого на охрану здоровья и регулируется нормами Закона об основах охраны здоровья, Закона об обязательном медицинском страховании, а также иными нормативными правовыми актами, регламентирующими правоотношения, связанные с охраной здоровья граждан.

В узком смысле право граждан на лекарственное обеспечение рассматривается как элемент права на социальное обеспечение, которое выражается в предоставлении определенным категориям лиц (в первую очередь социально незащищенным) лекарственных средств на льготной основе. В данном контексте наряду с законодательством об охране здоровья граждан право на лекарственное обеспечение в значительной степени регулируется нормативными правовыми актами в сфере социального обеспечения[1].

Одним из элементов, характеризующих доступность лекарственных препаратов для инвалидов, является стабильно функционирующее льготное обеспечение, которое реализуется через проведение государственных (муниципальных) закупок и дальнейшее распределение таких препаратов между гражданами. Однако анализ состояния законности в данной сфере свидетельствует о наличии значительного числа нарушений прав лиц с

[1] Право граждан на лекарственное обеспечение: монография / Н.В. Путило, Н.С. Волкова, Ф.В. Цомартова и др. Отв. ред. Н.В. Путило. М. – 2017. – 216 с.

ограниченными возможностями на льготное лекарственное обеспечение, что свидетельствует о необходимости усиления деятельности контролирующих и надзорных органов.

Важное значение при этом имеет деятельность органов прокуратуры. Это обусловлено в первую очередь тем, что инвалиды относятся к категории социально незащищенных слоёв населения. В соответствии с положениями п. 2.8 Приказа Генерального прокурора прокурорам предписано незамедлительно реагировать на факты нарушения правил признания лица инвалидом при установлении инвалидности, неоказания лицам с ограниченными возможностями здоровья необходимой медицинской помощи, необеспечения их лекарственными препаратами и медицинскими изделиями, путевками на санаторно-курортное лечение и техническими средствами реабилитации[1].

Проанализировав практику, выделим типичные нарушения прав инвалидов на лекарственное обеспечение, выявляемые прокурорами, для выработки некоторых методических рекомендаций повышения эффективности надзорной деятельности прокуроров в рассматриваемой сфере. Классифицируем их по объекту, допускающему нарушения.

На начальном этапе, ещё при обследовании пациента с ограниченным возможностями, определении и назначении рецептурного лекарственного средства нарушения права на лекарственное обеспечение допускаются учреждениями здравоохранения.

Типичным нарушением, выявляемым прокурорами, является незаконный отказ лечащего врача выписывать рецепт на лекарство. Как правило, данные нарушения обусловлены отсутствием финансовых ресурсов и характерны для организаций здравоохранения муниципального уровня. Кроме того, причинами неправомерного отказа может быть требование предоставления документов, прохождения и предоставление результатов дополнительных анализов в отсутствие законодательного установленного предписания.

Например, прокуратурой района было установлено, что девочке-инвалиду, нуждающейся в жизненно важном лекарственном препарате, Министерством здравоохранения субъекта РФ и детской городской больницей в предоставлении бесплатного лекарства было отказано ввиду отсутствия результата одного из ана-

[1] Приказ Генерального прокурора РФ от 23.01.2018 N 2 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства о социальной защите и социальном обслуживании инвалидов». Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

лизов. Из-за отсутствия дорогостоящего лекарственного средства ребенок в течение полугода не получал необходимого лечения. Это послужило основание для предъявления искового заявления о признании незаконным бездействия и об обязании министерства здравоохранения и больницы обеспечить несовершеннолетнего лекарственным препаратом[1].

В другом случае прокуратурой было установлено, что в отношении 2-летнего ребенка, являющегося инвалидом и страдающего редким заболеванием, в поликлинике по месту жительства незаконно отказано в проведении врачебной комиссии в целях льготного обеспечения несовершеннолетнего лекарством, поскольку оно отсутствует в перечне препаратов, отпускаемых населению бесплатно по рецептам[2].

Нарушение права на лекарственное обеспечение допускаются также органами исполнительной власти субъекта, чаще всего органами здравоохранения субъектов РФ. Например, часто выявляемым прокурорами нарушением является несвоевременность проведения органами исполнительной власти субъектов РФ аукционов по закупке лекарственных препаратов и изделий медицинского назначения для обеспечения льготных инвалидов,

Устранение и профилактика этой группы нарушений важна, в первую очередь, потому, что нарушение или непроведение процедур закупок лекарственных средств, неполное оформление заявок закупок влекут за собой отсутствие назначенных препаратов в аптеках и больницах.[3] Следовательно, последствием этого являются уже новые нарушения прав на лекарственное обеспечение инвалидов уже другими субъектами.

Например, прокуратура Новгородской области в ходе проверки по обращению установила, что ребенок-инвалид заявителя страдает тяжелым заболеванием и ему государством гарантировано бесплатное лекарство, однако семье было отказано в предоставлении жизненно важных препаратов, поскольку Министерство здравоохранения области не осуществило их закупку. Отец ребенка был вынужден приобретать дорогостоящие лекарства за

---

[1] В Нижегородской области после вмешательства прокуратуры ребёнок-инвалид обеспечен лекарственным средством. [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1750012/.

[2] В Ростовской области прокуратура добилась обеспечения ребенка-инвалида жизненно необходимым лекарственным препаратом. [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1812196.

[3] Право граждан на лекарственное обеспечение: монография / Н.В. Путило, Н.С. Волкова, Ф.В. Цомартова и др. Отв. ред. Н.В. Путило. М. – 2017. – 216 с.

счет собственных средств. По данному факту прокуратура области направила в суд исковое заявление о взыскании с регионального Министерства здравоохранения денежных средств в счет возмещения расходов на приобретение лекарств[1].

Возможной мерой профилактики такой группы нарушений является более тесное взаимодействие с органами исполнительной власти в рамках семинаров, участия в совместных заседаниях по вопросам эффективности и своевременности лекарственного обеспечения инвалидов. Кроме того, необходимо обратить внимание на возможность взаимодействия внутри прокуратуры по вопросам получения информации о результатах проверок исполнения требований законодательства о контрактной системе закупок в части контрактов на лекарственные средства. При получении, например, информации о возможном нарушении срока поставки, в целях предупреждения нарушений прав инвалидов на получение закупаемого лекарства использовать такое средство прокурорского реагирования как предостережение о недопустимости нарушения законодательства.

Также нарушения права инвалидов на лекарственное обеспечение допускаются аптеками при непосредственном отпуске препаратов. Наиболее распространенным нарушением, выявляемым в ходе прокурорских проверок, является отказ в выдаче лекарственного средства по причине его отсутствия. Например, прокуратурой Афанасьевского района Кировской области в ходе проверки было установлено, что при обращении в аптеку с рецептом, выписанным врачом центральной районной больницы, инвалиду было отказано в выдаче лекарственного препарата в связи с его отсутствием. В дальнейшем рецепт работниками аптеки был списан как исполненный без фактической выдачи медицинского лекарства[2].

Очевидно, что нарушения прав инвалидов аптеками также влекут ухудшение здоровья лиц с ограниченными возможностями. Во-первых, при назначении препарата, который необходимо начать принимать немедленно, а он отсутствует в аптечной организации, гражданин либо рискует остаться без немедленного лечения, либо, осознавая последствия для здоровья, приобретет препарат за счет собственных средств. Во-вторых, выданный ре-

[1] В Новгородской области по иску прокурора взысканы деньги, затраченные на приобретение лекарства для ребенка-инвалида. [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1784176/.

[2] В Кировской области после вмешательства прокуратуры инвалид обеспечена льготным лекарством. [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1778062/.

цепт имеет небольшой срок действия, что вызывает необходимость вновь записываться к врачу-специалисту, ждать несколько дней, чтобы получить новый рецепт. В случае отсутствия медикамента возникает ситуация отсроченного обслуживания, которая может повторяться неоднократно[1].

Актуальной проблемой, которая снижает эффективность реализации прав людей с ограниченными возможностями на льготное получение лекарственных средств, которые чаще всего жизненно необходимы, является несовершенство правового регулирования, которое ведет к неэффективному функционированию самой системы лекарственного обеспечения.

Разрозненность правовых норм, множественность нормативных правовых актов, разные уровни правового регулирования не позволяют сформировать единую, упорядоченную, взаимосвязанную систему норм о лекарственном обеспечении в целом, и в частности инвалидов.

Система лекарственного обеспечение нуждается в совершенствовании, как в правовом регулировании, так и практической её реализации. Некоторые шаги к экому уже были предприняты: в феврале 2020 гола Правительством был внесен законопроект по внесению изменений в нормативные паровые акты, направленные на совершенствование системы лекарственного обеспечения граждан, а также увеличение доступности для отдельных категорий граждан лекарственных препаратов, предоставляемых в рамках территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи[2].

Таким образом, социальное значение лекарственного обеспечения для граждан РФ, имеющих инвалидность, весьма высока. Нарушения здоровья в виде стойкого расстройства функций организма, присущие инвалидам, зачастую не позволяют им быть полноценными участниками экономических отношений и получать высокий доход. Поэтому лекарственное обеспечение, своевременное и регулярное, для этой категории граждан можно приравнять к обеспечению их права на жизнь[3].

---

[1] Миронова Т.К. Право на лекарственную помощь и лекарственное обеспечение // Вопросы российского и международного права. – 2016. – №5.

[2] Законопроект № 902457-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения граждан лекарственными препаратами, медицинскими изделиями и специализированными продуктами лечебного питания». [Электронный ресурс] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902457-7.

[3] Право граждан на лекарственное обеспечение: монография / Н.В. Путило, Н.С. Волкова, Ф.В. Цомартова и др. Отв. ред. Н.В. Путило. – М. – 2017. – 216 с.

Что касается функционирования системы лекарственного обеспечения инвалидов, прокурорский надзор по-прежнему остаётся эффективным механизмом выявления и устранения нарушений их прав. Однако с учетом состояния законности в рассматриваемой сфере, очевидна необходимость усиления прокурорского надзора за соблюдением прав лиц с ограниченными возможностями для обеспечения их надлежащей реализации.

УДК 349

А.Н. СЫТНИК

научный руководитель
доцент И.И. ГОЛОВКО

ПОДГОТОВКА ПРОКУРОРОМ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ

При подготовке искового заявления (заявления) в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц перед прокурором стоит основная задача – доказать, что нарушение затронуло именно права и законные интересы неопределенного круга лиц, а не иного субъекта. Важно установить реальную возможность увеличения числа пострадавших, т.е. существование угрозы нарушения прав потенциально многочисленного числа граждан. Данное обстоятельство, с одной стороны, не входит в предмет доказывания по гражданскому делу, с другой стороны, решение вышеуказанного вопроса влияет на дальнейшее движение дела.

В исковом заявлении (заявлении) должны быть отражены следующие моменты, с учетом требований ст. 131 ГПК РФ[1] к его форме и содержанию: каким образом нарушение экологического законодательства ущемляет интересы неопределенного круга лиц, присутствует ли в сложившейся ситуации неопределенный круг лиц, в чем конкретно заключаются законные интересы такого субъекта, какое право нарушено, а также должна содержаться ссылка на закон или иной нормативный правовой акт, предусматривающие способы защиты этих интересов, избранные проку-

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : текст с изм. и доп. на 2 дек. 2019 г. Доступ из справ.правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 131.

рором. Ответ на указанные вопросы может быть получен в результате анализа собранных материалов проверки информации о нарушении.

Анализ судебной практики[1] приводит к выводу, что суды, отказывают в рассмотрении, оставляют без движения исковые заявления прокуроров из-за ненадлежащего отражения в них признаков неопределенного круга лиц, непредставления доказательств, подтверждающих как наступление вреда в настоящее время, так и реальность опасности причинения вреда в будущем.

Анализ непосредственно исковых заявлений прокуроров привел к следующим выводам: защита прав и законных интересов неопределенного круга лиц обосновывается, как правило, через изложение характера и особенностей нарушения экологического законодательства, что, с одной стороны, безусловно должно указываться в иске, но, с другой стороны, описание признаков неопределенного круга лиц и его взаимосвязи с нарушением остаются без необходимого отражения.

Прокуроры, зачастую, отражают необходимость защиты интересов неопределенного круга лиц через указание на серьезность нарушений прав на благоприятную окружающую среду, на приоритет охраны жизни и здоровья человека, настоящего и будущего поколений, подчеркивают их важное общественное значение, связанность с необходимостью защиты «безгласного интереса»[2].

---

[1] Напр., Сасовский районный суд оставил исковые заявления Сасовского межрайонного прокурора, обратившегося в суд в защиту неопределенного круга лиц к СПК «М» - о проведении утилизации пришедших в негодность пестицидов и ядохимикатов и МУП «Служба благоустройства» - о запрещении деятельности и эксплуатации свалки, без движения. Так, в исковом заявлении прокурора ссылки на доказательства, подтверждающие как наступление вреда в настоящее время, так и реальность опасности причинения вреда в будущем в результате ненадлежащего хранения пестицидов, в исковом заявлении не содержится. Также не имеется в исковом заявлении ссылки на доказательства, свидетельствующие об истечении срока годности пестицидов, нет указания на способ, которым их следует утилизировать. В исковом заявлении о запрещении деятельности доказательств, подтверждающих как наступление вреда в настоящее время, так и реальность опасности причинения вреда неопределенному кругу лиц в будущем в результате эксплуатации свалки, не содержится / Обзор судебной практики Рязанского областного суда за 2016 год. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36043456/(дата обращения: 24.03.2020).

[2] Напр., Природоохранной прокуратурой в Сестрорецкий районный суд направлены исковые заявления об освобождении самовольно занятых земельных участков и обеспечении свободного доступа граждан к береговой полосе озера Сестрорецкий разлив. Выявленные нарушения требований действующего законодательства носят характер серьезных нарушений, имеют важное общественное значение и связаны с необходимостью защиты так называемо-

Подобного рода формулировки не только не отражают признаков, характеризующих неопределенный круг лиц, но и оставляют без внимания связь между правонарушением и возникновением такого особого субъекта защиты.

Для достижения поставленных целей прокурорские работники проводят исследование документации поднадзорных органов, знакомятся с актами проверок, осуществленными этими органами, актами инвентаризаций и ревизий, с постановлениями и предписаниями, статистической отчетностью, отбирают письменные и устные объяснения от должностных лиц этих органов. При необходимости и для наиболее полного исследования могут привлекаться специалисты в той или иной области знаний.[1]

В случае получения сведений о нарушении требований природоохранного законодательства прокурору, как проводившему проверку, так и обеспечивающему участие в гражданском процессе, также следует использовать право выходить на место совершения правонарушения (с целью обследования территории).

Рекомендации для прокурорских работников по анализу заключений экспертов, справок специалистов, проведению обследований территорий, использованию средств и методов фиксации места правонарушения отсутствуют. Однако, некачественная по сбору и фиксации информации о нарушении экологического законодательства может привести к не полному обнаружению следов, утрате важной доказательственной базы, а также суд вправе признать такие доказательства недопустимыми[2]. Таким образом, существует реальная потребность в обеспечении прокурорских работников рекомендациями по осуществлению указанных действий, а также в нормативном закреплении требований к форме и содержанию актов, отражающих ход и результаты мероприятий, проводимых прокурорскими работниками при реализации полномочий.

го безгласного интереса. [Электронный ресурс]. URL: http://procspb.ru/news/spb/8968-prirodoohrannaya-prokuratura-napravila-v-sud-iskovye-zayavleniya-ob-osvobozhdenii-samovolno-zanyatyh-zemelnyh-uchastkov-i-obespechenii-svobodnogo-dostupa-grazhdan-k-beregovoy-polose-ozera-sestroreckiy-razliv?print=1 (дата обращения 24.02.2020).

[1] Насонов Ю.Г. Защита прокуратурой прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском процессе: пособие / Ю.Г. Насонов и др.; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М. – 2013. – С. 15.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : текст с изм. и доп. на 2 дек. 2019 г. Доступ из справ.правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 60.

На сегодняшний день, в связи с отсутствием таких рекомендаций для прокуроров, следует по аналогии руководствоваться действующими методическими рекомендациями, подготовленными Росприроднадзором РФ[1], криминалистическими рекомендациями по вопросам осуществления следственных действий в целом и в сфере экологической преступности (осмотра места происшествия (лесных участков, акваторий, морских судов), документов, использование специальных знаний и т.д.).

Например, по факту обнаружения несанкционированной свалки отходов прокурор обратился в Орджоникидзевский районный суд г. Екатеринбурга с иском к органу местного самоуправления и (или) региональному органу государственной власти по управлению имуществом. При обращении спорный участок со свалкой прокурор указал простым графическим путем, без приведения координат (на карте 2ГИС нарисован прямоугольник с указанием «свалка»), в различных вариантах местонахождения на участках лесопарка и карьера. Судом отказано в удовлетворении иска в связи с тем, что прокурором не приведены доказательства, позволяющие установить местонахождение свалки.[2]

Такого рода ошибки не только препятствуют своевременному устранению нарушений, но и создают дополнительные сложности при повторном обращении в суд.

При подготовке искового заявления, помимо описания факта нарушения природоохранного законодательства с указанием результатов проведенных проверочных мероприятий, надлежит подробно изложить такие вопросы как: давность (предположительно) совершения правонарушения, возникшие последствия на момент проведения прокурорской проверки и способные возникнуть в случае затягивания принятия мер по устранению нарушения, степень нарушения требований закона (объективные показатели превышения нормативов допустимого уровня загрязнения окружающей среды), доступность неопределенного круга лиц к очагу нарушения или последствиям от его действия

[1] Методические рекомендации по проведению рейдовых мероприятий в целях выявления мест несанкционированного размещения твердых бытовых отходов на территориях субъектов российской федерации. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70107582/(дата обращения: 28.02.2020).

[2] Справка о практике рассмотрения судами Свердловской области гражданских дел, связанных с применением природоохранного законодательства. Утв. на заседании президиума Свердловского областного суда 14 ноя. 2018 года URL: http://www.ekboblsud.ru/sudpr_det.php?srazd=12&id=225&page=1 (дата обращения 28.02.2020).

и т.д. Важно отметить, что прокурор должен быть убежден, что неограниченное число граждан беспрепятственно может взаимодействовать с источником нарушения, и задача прокурора убедить об этом суд.

Так, в исковом заявлении природоохранного прокурора г. Санкт-Петербурга Ю.В. Пыхтырева к ООО «СПАРЗ-2» об обязании устранения нарушений требований законодательства в области охраны окружающей среды, демонстрируется тяжесть допущенных нарушений природоохранного законодательства, создающих угрозу возникновения вредных воздействий отходов производства и потребления на здоровье человека и окружающую среду, в частности, это установлено результатами исследований проб почв, отобранных на территории предприятия экспертами, которые показывают, что загрязнение почвы химическими веществами (содержание бенз(а)пирена) превышает предельно-допустимые концентрации в 4,7 раз. Данные уровни загрязнения почв соответствуют категории «опасная» по степени загрязненности химическими веществами, что подтверждается санитарно-эпидемиологическим заключением филиала ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в г. Санкт-Петербурге». При этом, изучены материалы проверок контролирующих органов, где зафиксированы ранее выявленные нарушения, на основании чего можно предположительно либо точно установить давность совершения нарушения, и качество выполнения обязанностей органами контроля.

Помимо широкой аналитической работы прокурора с конкретными материалами дела, одной из форм подготовки к участию прокурора в гражданском процессе по защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц является обобщение практики рассмотрения обращений территориальных прокуроров с исками (заявлениями) в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Данные обобщения на первом этапе целесообразно проводить на основе анализа статистики, докладных записок территориальных прокуратур, копий представленных исков и заявлений, а также копий постановлений судов. Необходимо обращать внимание на факты отказов в принятии заявлений, возвращения их прокурору, случаи нарушений правил подсудности.[1]

[1] Насонов Ю.Г. Защита прокуратурой прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском процессе: пособие / Ю.Г. Насонов и др.; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2013. – С. 15.

Таким образом, подготовка прокурором искового заявления в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц в сфере экологии – это сложный процесс, состоящий из комплекса действий, направленных на обоснование применения такого способа защиты, с целью принятия судом итогового решения, имеющего преюдициальный характер. Предложенные методические основы имеют важное практическое значение в процессуальной деятельности органов прокуратуры.

УДК 343.1

П.Н. ТОМИЛОВА

научный руководитель
М.Н. КУСТОВ

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Прокурор является одним из субъектов обжалования, представление которого как инициирует апелляционный пересмотр судебных решений по уголовному делу, так и ограничивает возможность изменения итогового решения по основаниям, ухудшающим положение осуждённого или оправданного. Кроме того, участие прокурора в апелляционном, кассационном и надзорном производстве также является формами осуществления им уголовного преследования. Если прокурор как основной представитель стороны обвинения не согласен с приговором, он принимает меры к отмене судебного решения. К тому же представление прокурора по своей сути является формой обжалования приговора[1].

Стоит отметить, что в части исправления ошибок в судебных решениях судов первой инстанции в сторону, ухудшающую положение осуждённого, роль прокурора трудно переоценить. Такие ошибки могут быть исправлены лишь по представлению прокурора или жалобе потерпевшего, что гласит установленный уголовно-процессуальным законом запрет поворота к худшему.

[1] Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие. М.: Юрайт. – 2011. – С. 231.

Обратимся за примерами к судебной практике. Приговором Урмарского районного суда Чувашской Республики от 27 февраля 2019 года Д. осужден по части 1 статьи 157 УК РФ к 7 месяцам лишения свободы на основании статьи 73 УК РФ условно[1]. Д. признан виновным в неоднократной без уважительных причин невыплате по решению суда алиментов на содержание сына в период с 01 сентября 2017 года по 19 ноября 2018 года с образованием задолженности на сумму 149 043 рубля 80 копеек. Дело рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства. В апелляционном представлении прокурор поставил вопрос об изменении приговора, указав, что осужденному не могло быть назначено наказание в виде лишения свободы. Осужденный Д. совершил впервые преступление небольшой тяжести, предусмотренное частью 1 статьи 157 УК РФ, отягчающих по делу обстоятельств не установлено. При таких обстоятельствах, назначив Д. наказание в виде лишения свободы, суд нарушил требования общей части уголовного закона. Принимая во внимание, что Д. впервые совершил преступление небольшой тяжести при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, ему было назначено судом апелляционной инстанции наказание в виде 7 месяцев исправительных работ с удержанием 15% заработной платы в доход государства с применением статьи 73 УК РФ условно.

Для более полного рассмотрения активности субъектов апелляционного обжалования, проанализируем статистические данные, в частности, обратимся к сравнительному анализу рассмотрения в апелляционной инстанции апелляционных представлений прокурора и апелляционных жалоб, в результате которых были отменены или изменены итоговые решения судов первой инстанции: в 1 полугодии 2019 года государственными обвинителями внесены апелляционные представления об отмене и изменении судебных постановлений в отношении 246 лиц; в отношении 174 лиц апелляционные представления удовлетворены, из них отменены и изменены приговоры и иные итоговые судебные решения в отношении 140 лиц; постановления на промежуточные решения в отношении 34 лиц; в отношении 124 лиц по доводам апелляци-

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Чувашской республики. [Электронный ресурс] //Судебная коллегия по уголовным делам Чувашской республики. URL: http://gov.cap.ru/Content2019/orgs/GovId_47/obzor_apellyacionnoj_praktiki_ugolovnoj_kollegii_za_2_kv.2019_goda-1.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

онных представлений приговоры изменены, в том числе в отношении 4 лиц с изменением квалификации; в отношении 62 лиц со снижением наказания; с назначением более строгого наказания в отношении 14 лиц[1].

Необходимо подчеркнуть, что прокурор, как обозначено в Приказе Генерального прокурора РФ № 465 от 25 декабря 2012 г. «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», обязан принести юридически грамотное и мотивированное представление в надлежащий срок при наличии обстоятельств, свидетельствующих о несправедливости приговора, неправильном применении уголовного закона и существенном нарушении уголовно-процессуального закона.

Стоит отметить, что существенными недостатками прокурорской практики являются как принесение апелляционных представлений без достаточных правовых оснований, в том числе по вопросу об ухудшении положения осуждённого в части квалификации деяния, так и принесение некачественных и неполных представлений, в которых не отражаются все нарушения, допущенные судом и являющиеся основанием для изменения или отмены судебного решения в апелляционном порядке.

Обратимся за примерами к судебной практике. Так, Постановлением Центрального районного суда г. Оренбурга от 27 июня 2017 года в отношении Мукановой А.А. прекращено уголовное дело по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, на основании ст. 25.1 УПК РФ, с назначением ей меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа[2]. В апелляционном представлении государственный обвинитель Булгакова Е.Л. выразила несогласие с постановлением суда, считала его незаконным, вынесенным с нарушением норм уголовно-процессуального закона, неправильным применением уголовного закона и подлежащим отмене. Однако согласно

[1] Прокуратура области проанализировала практику апелляционного обжалования судебных решений по уголовным делам в 1 полугодии 2019 года [Электронный ресурс] //Прокуратура Тульской области. URL: https://procrf.ru/news/769657-prokuratura-oblasti-proanalizirovala-praktiku.html (дата обращения: 06.04.2020).

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Чувашской республики. [Электронный ресурс] //Судебная коллегия по уголовным делам Чувашской республики. URL: http://gov.cap.ru/Content2019/orgs/GovId_47/obzor_apellyacionnoj_praktiki_ugolovnoj_kollegii_za_2_kv.2019_goda-1.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

ч. 3 ст. 389.9 УПК РФ, доводы дополнительного апелляционного представления, касающиеся ухудшения положения Мукановой А.А., рассмотрению не подлежали, поскольку оно подано за пределами срока апелляционного обжалования, а данная мотивировка не содержалась в первоначальном представлении. Кроме того, в первоначальном апелляционном представлении не указано, в чем именно выражены нарушения при принятии решения о прекращении уголовного дела и назначения судебного штрафа. Из основного апелляционного представления нельзя сделать вывод о позиции органа обвинения о необходимости отмены постановления для восстановления нарушенных прав подсудимой, дальнейшего смягчения положения Мукановой А.А. или его ухудшения. Оренбургский областной суд постановил в отношении Мукановой оставить без изменения постановление Центрального районного суда, а апелляционное представление государственного обвинителя Булгаковой Е.Л. – без удовлетворения.

Подобная практика, когда прокурор некачественно подготавливается к участию в апелляционном производстве, заслуживает критической оценки, поэтому нельзя не согласиться, например, с Проскудиной Т.Ю., которая считает, что эффективность участия прокурора в апелляционном производстве в значительной степени предопределяется качеством и основательностью подготовки к судебному заседанию[1].

Таким образом, мы считаем, что эффективность участия прокурора в апелляционном производстве обусловлена рядом факторов:

тщательной подготовкой к участию в судебном заседании апелляционной инстанции, которая предполагает изучение соответствующих материалов дела, судебной практики в части применения уголовного закона, а также анализ законности предварительного расследования и процедуры рассмотрения дела в суде первой инстанции;

профессиональным уровнем прокурорских работников, от которого зависят качество поддержания государственного обвинения;

необходимостью надлежащего контроля за подготовкой прокуроров как к поддержанию государственного обвинения, так и к участию в апелляционном производстве.

[1] Проскудина Т.Ю. Участие прокурора в апелляционном производстве // Юридический вестник Самарского университета. – № 2. – 2017. – С. 84.

УДК 341

Д.С. ТРЯКШИН

научный руководитель
кандидат юридических наук
Р.В. ВИННИКОВА

О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОКУРОРОВ

Современные международные отношения складываются исходя из глобальных процессов, которые затрагивают интересы любого государства. Глобальные проблемы, такие как: транснациональная преступность, международный терроризм, нищета, нелегальная миграция, изменение климата требуют разрешения всем международным сообществом. Формирование единого ответа возможно в условиях сближения позиций государств, различного рода международных организаций по основным вопросам, требующих совместного решения. Поэтому, международные связи должны развиваться в сторону исключения препятствий между экономическими, политическими, правовыми системами, но сохраняя и учитывая самобытность и суверенность различных наций и народов. С начала нового тысячелетия и по сегодняшний день государства стремятся обеспечить эффективное взаимодействие между собой.

В условиях тесного международного сотрудничества возникает потребность в расширении круга субъектов международных отношений, которые бы способствовали реализации внешнеполитического курса страны. Одним из таких субъектов международных отношений стала Прокуратура Российской Федерации. Международное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации является одним из направлений прокурорской деятельности[1]. Российская Федерация является активным субъектом международного сотрудничества, это подтверждает обширный перечень международных нормативно правовых актов, заключенных Российской Федерацией в сфере международного сотрудни-

[1] Винокуров А.Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации»: В 2-х т. Т. 1. Разделы 1—111. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. – 2018. – 354 с.

чества, по оказанию правовой помощи по различным категориям дел[1]. Не является исключением и участие органов прокуратуры Российской Федерации в деятельности Международной ассоциации прокуроров (далее по тексту – МАП).

Создание МАП произошло в 1995 году. Образование подобной организации было продиктовано бурным ростом международной преступности, в особенности, увеличилось количество преступлений, связанных с незаконным оборотом психотропных веществ и наркотических средств, отмыванием доходов, полученных преступным путем, преступлениями в сфере миграции и др. Все эти негативные проявления требовали от международного сообщества объединения усилий множества государств для борьбы с ними. Во всем мире органами, наиболее осведомленными о состоянии преступности, являются именно прокуратуры. Поэтому можно говорить о том, что создание подобного органа, объединяющего прокуратуры большинства государств являлось необходимостью.

Следует отметить, что у истоков создания МАП стояла Генеральная прокуратура РФ, которая является и одним из ее организационных членов.

Целями деятельности МАП является необходимость на международном уровне оказывать помощь прокурорам в установлении и повышении стандартов профессионального поведения и этики для прокуроров во всем мире; пропаганда законности, справедливости, беспристрастности и соблюдения прав человека и улучшения международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

В настоящее время в ней состоят более 183 организационных членов из более чем 177 стран со всех континентов, а также порядка 1900 индивидуальных членов.

Руководящим органом МАП является исполнительный комитет. Ассоциация избирает Президента, до девяти вице-президентов и 21 обычного члена, вместе составляющих Исполнительный комитет. Членство в Исполнительном комитете должно отражать регионы мира, где у Ассоциации есть члены.

Исполнительным комитетом назначается Генеральный секретарь, являющийся управляющим лицом Ассоциации и занимается ежедневными делами Ассоциации; Генеральным советником, ко-

[1] Бачук А.М. Международное сотрудничество Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 26-2.

торый является советником Исполнительного комитета по правовым вопросам и занимается профессиональными программами и работой над проектами Ассоциации; и Исполнительного директора, который несет ответственность за вопросы, связанные с членством и привлечением новых членов, а также за формирование и развитие сети Ассоциации.

В Ассоциации формируется Сенат, состоящий из бывших членов Исполнительного комитета. Он действует совместно с Президентом и Исполнительным комитетом. Сенат служит в качестве консультативного органа, а также должен продвигать цели и деятельность Ассоциации.

Основными нормативными документами, регламентирующими деятельность МАП являются:

Устав Международной ассоциации прокуроров, состоящий из 19 статей. В уставе определен статус ассоциации, она является неполитической и неправительственной организацией. Уставом определены: порядок членства, его прекращение и приостановление; органы Ассоциации; порядок внесения порядок в Устав; порядок урегулирования конфликтов участников; последствия неисполнения Устава Ассоциации.

Стандарты профессиональной ответственности и положение об основных обязанностях и правах прокуроров, принятые 23 апреля 1999 года. Стандарты состоят из введения и 6 положений, определяющих: профессиональное поведение; независимость; беспристрастность; роль в уголовном процессе; сотрудничество; полномочия прокуроров.

Рассматривая деятельность Ассоциации, следует обратить внимание на то, что целью данной организации не является унификация деятельности прокуратур, напротив, принципы МАП уважают исторически сложившиеся типы прокурорских систем, а также признают характер и объемы их деятельности.

Следует отметить, что немаловажным направлением деятельности Ассоциации является разъяснение для населения информации о том, какую значимую роль прокуратура в целом и прокурор в частности выполняют как защитники, стоящие на страже интересов общества и гражданина, его прав и свобод, охраняемых законодательством государства. Деятельность Ассоциации является открытой и прозрачной как для её участников, так и для общественности. Ассоциация всесторонне добивается чтобы все прокуроры и прокуратуры в целом основывали свою

деятельность в первую очередь именно на этих принципах публичности[1].

Международной ассоциацией прокуроров на постоянной основе проводятся конференции. Так, с 15 по 19 сентября в г. Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика была проведена 24 ежегодная конференция, в ходе которой было исследовано каким образом различные правовые системы действуют в области международного сотрудничества, и как в ходе взаимодействия между разными системами преодолеваются правовые и практические вызовы., а также определены сходства и различия между системами; определены барьеры, мешающие сотрудничеству, и изучены возможности для их преодоления.

Ежегодное проведение конференций МАП способствует повышению уровня знаний, эффективности и действенности международного взаимодействия. В 2020 году запланировано проведение 25-й Ежегодной конференции с 6 по 10 сентября в г. Афины, Греческая республика.

Руководство Генеральной прокуратуры Российской Федерации активно сотрудничает с руководством МАП. Так, 26 февраля 2020 года в г. Москве состоялась встреча Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова с президентом Международной ассоциации прокуроров Чхолем-Кю Хваном. Генеральный прокурор Российской Федерации поблагодарил руководство Ассоциации за согласие выступить совместно с Генпрокуратурой России и Советом Европы соорганизатором конференции руководителей европейских прокуратур, проведение которой намечено на июнь 2020 года в Санкт-Петербурге. Игорь Краснов и Чхоль-Кю Хван подробно остановились на вопросах дальнейшего сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Международной ассоциации прокуроров. Ими была намечена конкретная программа действий на ближайшую перспективу.

На основе вышеизложенного, можно подвести итог рассмотрению деятельности МАП как организации. Это всемирная организация, объединяющая прокуроров всех государств, целью которой является модернизирование деятельности института прокуратуры во всех странах, учитывая современные требования, стремясь учитывать при этом уже сложившиеся особенности деятельности и функционирования органов прокуратуры той или иной из них.

[1] Бабкин Л.М., Булатецкий С.В., Лыткин Н.Н., Родин А.Е. Координирующая роль международной Ассоциации прокуроров в борьбе с преступностью // Юрист-Правоведъ – 2017. – №2 (81). – С.37.

УДК 343.163

Е.А. ЧУГАЙНОВА

научный руководитель
профессор О.Н. КОРШУНОВА

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ РУКОВОДИТЕЛЯМИ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Право на образование является неотъемлемым правом человека, гарантированным как Конституцией РФ, так и рядом международных актов: Всеобщей декларацией прав человека и Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования.

Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяются основные аспекты в том числе дошкольного образования, такие как его бесплатность, общедоступность, светский характер, а также безопасные условия обучения, воспитания обучающихся, присмотра и ухода, содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации.

Основные задачи надзорной деятельности прокуроров в сфере охраны прав несовершеннолетних нашли свое отражение в приказах Генерального прокурора РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека, и гражданина».

В целях разработки рекомендаций по решению возникающих проблем при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов руководителями дошкольных образовательных учреждений на сегодняшний день представляется актуальным изучение проблем, возникающих при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в детских образовательных учреждениях поскольку при проведении прокурорских проверок ежегодно фиксируется большое количество нарушений, допускаемых руководителями данных учреждений.

Одним из важнейших требований к организации образовательного процесса является его безопасность.

Актуальность обеспечения безопасности в детском образовательном учреждении обусловлена высокой детской заболеваемостью и травматизмом.

В соответствии с п. 2 ч. 6 ст. 28 Закона об образовании образовательные организации обязаны создавать безопасные условия обучения в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации. Безопасные условия обучения – это условия обучения, при которых воздействие вредных или опасных факторов на обучающихся исключено, либо уровни их воздействия не превышают установленных норм.

Безопасные условия обучения включают в себя пожарную безопасность, выполнение установленных законодательством санитарно-гигиенических требований, антитеррористическую безопасность и противодействие экстремизму и терроризму, обеспечение охраны жизни и здоровья обучающихся, предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций, а также охрану труда сотрудников ДОУ.

Наиболее распространенными на сегодняшний день являются нарушения санитарно-гигиенических требований и требований пожарной безопасности. Так, например, прокуратурой в ходе проведения проверки исполнения законов детским образовательным учреждением было выявлено множество нарушений санитарно-эпидемиологических норм, в частности, выявлены многочисленные нарушения санитарных правил в помещении пищеблока, нарушения при медицинском наблюдении за детьми и при выполнении дезинфекционных мероприятий.[1]

Одним из распространенных видов нарушений закона является нарушение права граждан на равный доступ к бесплатному дошкольному образованию. На сегодняшний день нередки случаи, когда администрация дошкольного образовательного учреждения требует с родителей денежные средства на ремонт, приобретение игрушек или учебных пособий, несмотря на то, что в соответствии с действующим законодательством такие расходы не подлежат взиманию с родителей.

Так, в соответствии с п.5 ч.1 ст. 9, ст. 64 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обеспечение содержания зданий и сооружений муниципаль-

[1] Прокуратура выявила многочисленные нарушения санитарного законодательства в деятельности детского сада – [Электронный ресурс]URL: https://www.resobr.ru/news/59918-qqn-18-m06-18-06-2018-v-detskom-sadu-vyyavleny-sanitarnye-narusheniya.

ных образовательных организаций, обустройство прилегающих к ним территорий относится к полномочиям органов местного самоуправления.

Обеспечение дошкольных образовательных учреждений учебными пособиями и игрушками в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ, в свою очередь, относится к компетенции органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

Законодатель в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 11.08.1995 №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» не запрещает оказание родителями посильной материальной помощи детскому образовательному учреждению, однако, на сугубо добровольной основе. Кроме того, установление размера или периодичности внесения платежей является признаком отсутствия добровольности пожертвований.

Приведем некоторые примеры. В ходе надзорных мероприятий прокурорами были установлены факты систематических поборов в ряде детских образовательных учреждений, при этом с родителей взымались не только деньги, но и сельскохозяйственная продукция, ежемесячно производился сбор средств для так называемых общественных нужд под видом благотворительных пожертвований.[1]

Статья 5 Закона об образовании устанавливает такое немаловажное требование к образованию, как его общедоступность. В современных реалиях одним из критериев общедоступности образования является его информационная доступность, которая представляет собой создание, ведение образовательными организациями официальных сайтов в телекоммуникационной сети «Интернет», при этом законодательством установлена информация, которая должна содержаться на таких сайтах. Не размещение такой информации или размещение ненадлежащей информации является безусловным нарушением прав как обучающихся, так и их родителей (законных представителей).

В случае выявления нарушения критерия общедоступности дошкольного образования прокурору необходимо решать вопрос о возбуждении производства по делу об административном правонарушении по ст. 5.57 КоАП РФ - Нарушение права на образование и предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся образовательных организаций.

[1] Прокуратура пресекла незаконные поборы в детском саду – [Электронный ресурс] URL: https://zab.ru/news/114893_prokuratura_presekla_nezakonnye_pobory_v_detskom_sadu_aginskogo_rajona.

Кроме того, нельзя не отметить положительную практику организации телефонных «горячих» линий для родителей дошкольников.[1] Обратная связь с населением позволяет эффективно выявлять нарушения, в том числе, и связанные с предоставлением услуг дошкольного образования, а также является эффективной профилактической мерой.

В случае выявления нарушений законодательства об образовании прокурору надлежит применять весь комплекс средств прокурорского реагирования: протест, представление об устранении нарушений законности, предостережение о недопустимости нарушения закона, постановление о возбуждении дела об административном правонарушении.

В литературе встречается мнение о целесообразности создания информационно-правовой базы по вопросам прокурорского надзора в сфере образования, которая будет постоянно пополняться и обновляться, что будет способствовать повышению эффективности прокурорского надзора.

Также, эффективной мерой по совершенствованию надзорной деятельности прокуратуры, является проведение семинаров по вопросам надзора в том числе и в сфере дошкольного образования.

Таким образом, прокурорский надзор за исполнением законов руководителями дошкольных образовательных учреждений является немаловажным направлением деятельности и эффективным механизмом защиты нарушенных прав и профилактики правонарушений.

УДК 343(05)

Д.А. ШЕСТАВИН

научный руководитель
М.Н. КУСТОВ

ПРОВЕДЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНО – ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Согласно статье 9.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 на органы прокуратуры государством возлагается функция по проведению антикоррупционной

[1] Прокуратура Оренбургской области организует «горячую» телефонную линию для родителей дошкольников – [Электронный ресурс] URL: https://56orb.ru/news/society/18-02-2020/prokuratura-orenburgskoy-oblasti-zhdet-zvonkov-ot-roditeley-doshkolnikov.

экспертизы нормативно – правовых актов. На наш взгляд, данная правовая норма является важным элементом в реализации антикоррупционной политики, предусмотренной ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Закрепление за прокуратурой обязанности проводить антикоррупционные экспертизы нормативно – правовых актов позволяет реализовать основные задачи государства в сфере борьбы с коррупцией посредством создания законодательства, не позволяющего совершать коррупционные правонарушения.

Необходимо обратить внимание на то, что Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2009 г. № 400 и Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.04.2014 г. № 175 установлены правила и порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативно – правовых актов. Цель данных ведомственных приказов состоит в том, чтобы обеспечить наиболее качественную реализацию полномочий, закрепленных за органами прокуратуры статьей 9.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». Также Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» утверждена методика, основной целью которой является определение техники выявления коррупциогенных факторов и их последующее устранение в нормативно – правовых актах.

Следует сказать, что в первом полугодии 2019 г. органами прокуратуры России была проведена антикоррупционная экспертиза 968 тыс. нормативных правовых актов и их проектов. Среди них выявлено 48,2 тыс. нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы. Немаловажным является то, что в указанных нормативных правовых актах и их проектах содержалось 61,4 тыс. коррупциогенных факторов, поэтому в целях исключения нарушений прокурорами внесено 2,5 тыс. требований, принесено 29,2 тыс. протестов, направлено 57 исков (заявлений) в суды, внесено 625 представлений и направлено 14 тыс. информаций[1].

[1] О результатах работы органов прокуратуры Российской Федерации по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов за первое полугодие 2019 года [Электронный ресурс] // https://genproc.gov.ru/anticor/expert/nadzor/.

17 марта 2020 г. в Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2019 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2020 год, на котором Генпрокурор России указал на необходимость ускорения процесса автоматизации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов[1].

Как видим, данному виду деятельности органов прокуратуры уделяется большое внимание.

Необходимо отметить, что деятельность прокуроров в указанной сфере общественных отношений обладает специфичными чертами, которые, в свою очередь, определяют компетенцию работников органов прокуратуры и совокупность правовых средств прокурорского реагирования на выявленные правонарушения. Наиболее юридически значимыми являются акты прокурорского реагирования, которые обязательны для рассмотрения, но в современных условиях нельзя пренебрегать и иными мерами реагирования[2].

Безусловно, система законодательства имеет обширную нормативно – правовую базу по противодействию коррупции. Однако, анализируя по данному вопросу прокурорскую практику, можно столкнуться с рядом правовых коллизий. В данной статье полагаем необходимым рассмотреть соотношение теории и практики осуществления антикоррупционной экспертизы нормативно – правовых актов органами прокуратуры.

Стоит сказать, что основным средством прокурорского реагирования на выявленные коррупциогенные факторы согласно статье 9.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» является внесение требования в орган, издавший противоречащий антикоррупционному законодательству нормативно – правовой акт. К сожалению, на сегодняшний день механизм применения требования, как отмечают Кудашкин А. В. и Дмитриев Д. А., дублирует норму, регламентирующую порядок принесения протеста прокурора на противоречащий закону правовой акт. Также мы видим, что положения ФЗ «О прокуратуре РФ» не разъясняют нам, к чему от-

[1] Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2019 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2020 год [Электронный ресурс] // https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/.

[2] Коршунова О.Н., Никитин Е.Л., Каретникова С.В., Плугарь Д.М. Прокурорский надзор: Учебное пособие. – СПБ.: Юридический центр. – 2015. – С. 99.

носится антикоррупционная экспертиза. К надзорной функции или же к иному виду прокурорской деятельности[1]? Для разрешения возникающих проблем стоит согласиться с предложением Винокурова А. Ю., который считает необходимым включить антикоррупционную экспертизу в сферу надзорной функции и, таким образом, исключить часть 2 и часть 3 статьи 9.1 ФЗ «О прокуратуре РФ», дополнив Закон статьей 23.1, в которой будет закреплён самостоятельный акт прокурорского реагирования - требование прокурора[2].

Также возникает вопрос, связанный с определением критерия обязательности исполнения данного требования прокурора. Так, например, Ергашев Е.Р. отмечает, что требования прокурора являются обязательными для рассмотрения поднадзорными органами, но не обязательными для исполнения[3]. На наш взгляд, складывающаяся ситуация может сильно снизить авторитет органов прокуратуры, как органа государственный власти, способного предупредить и пресечь правонарушение.

Мы знаем, что согласно части 3 статьи 9.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» требования подлежат обязательному рассмотрению на ближайшем заседании органа государственной власти субъекта или представительного органа местного самоуправления. Однако, как показывает практика, данные заседания откладываются на длительный или неопределённый срок, что создаёт благоприятную почву для совершения противоправных действий со стороны должностных лиц. Для разрешения данной проблемы предлагаем рассмотреть предложенные Бадмацыреновой Ю. С. меры. Она считает, что прокурора следует наделить полномочиями по созыву внеочередного заседания законодательного органа, на котором в обязательном порядке должно быть рассмотрено прокурорское требование[4].

---

[1] Кудашкин А. В., Дмитриев Д. А. К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы в целях повышения ее эффективности // Административное и муниципальное право. – 2011. – №4. – С. 95.

[2] Винокуров А. Ю. Требование в системе правовых средств прокурорского надзора // Экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на предмет коррупциогенности: содержание, значение, методика проведения. М. – 2010. – С. 256.

[3] Ергашев Е. Р. Принципы института надзора за исполнением законов // Исполнительное право. – 2006. – №3. – С. 40-46.

[4] Бадмацыренова Ю. С. Проблемы реализации полномочий органов прокуратуры при проведении антикоррупционной экспертизы // Экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на предмет коррупциогенности: содержание, значение, методика проведения: сб. статей. М. – 2010. – С. 19.

Последняя проблема, заслуживающая нашего внимания состоит в том, что на сегодняшний день ни ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», ни ФЗ «О прокуратуре РФ» не предусматривают привлечение к ответственности должностных лиц, несвоевременно уведомивших органы прокуратуры о заседании, на котором должны рассматриваться противоречащие антикоррупционному законодательству нормативно – правовые акты. Однако, пункт 1.6 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2009 г. №400 требует от руководителей органов прокуратуры обеспечить рассмотрение требований на заседаниях поднадзорных органов с участием представителей прокуратуры. Но по причине «пробела» в законодательстве поднадзорные органы вполне могут злоупотреблять своими полномочиями и не предупреждать органы прокуратуры о проведении заседаний. Во избежание подобных ситуаций следует прибегнуть к следующим мерам, предложенными Кудашкиным А. В. и Дмитриевым Д. А. Их позиция такова: необходимо законодательно установить чёткие сроки для направления принятых нормативно-правовых актов и их проектов в прокуратуру и для направления уведомления о месте и времени проведения заседания по вопросу наличия коррупциогенных факторов в нормативно – правовых актах[1].

Таким образом, следует отметить, что антикоррупционная экспертиза нормативно – правовых актов это сложный и многогранный процесс, требующий качественного осуществления работниками прокуратуры своей деятельности по укреплению законности и правопорядка в Российской Федерации.

[1] Кудашкин А. В., Дмитриев Д. А. К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы в целях повышения ее эффективности // Административное и муниципальное право. – 2011. – №4. – С. 87.

СЕКЦИЯ IX

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

УДК 342.7

Д.Д. ГОСТЕВА

научный руководитель
доцент Е.А. ХАПСИРОКОВА

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ДОНОРСТВЕ ОРГАНОВ И ИХ ТРАНСПЛАНТАЦИИ

Возможность трансплантации органов человека является выдающимся достижением медицинской науки. Данный метод является эффективным средством лечения многих болезней, а в ряде случаев — это единственно возможный способ продления жизни пациента.

Трансплантация представляет собой вид оперативного вмешательства, направленного на пересадку органа от донора к реципиенту[1]. Как отмечается в литературе, трансплантация всегда сопровождается сложными по своему техническому исполнению процедурами медицинского вмешательства и потому является одной из самых высокотехнологичных и многопрофильных областей современной медицинской науки[2].

Вопросы трансплантации органов и тканей регулируются в настоящее время Законом РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»[3], который был принят более 27 лет назад. При-

[1] Трансплантология и искусственные органы: Учебник / Под ред. Готье С.В. - Москва: Лаборатория знаний, 2018. - 322 с.: ISBN 978-5-00101-577-2. - Текст : электронный. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1009432 (дата обращения - 12.02.2020 г.).

[2] Алсынбаева Э.М. К вопросу о понятии трансплантации органов и тканей человека // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. – № 4. – С. 96.

[3] Ведомости СНД и ВС РФ, 14.01.1993, № 2, ст. 62.

мечательно отметить, что за столь продолжительное время он изменялся всего 5 раз. Больше всего проблем в практике вызывает применение ст. 8 данного Закона, которая предусматривает презумпцию согласия на изъятие органов (тканей) человека и их трансплантацию. Это означает, что забор донорского материала разрешен в случае, если лицом, его близкими родственниками или законным представителем при жизни не было высказано возражение против такого изъятия.

Такая законодательная формулировка неоднозначно воспринимается в российском обществе. В средствах массовой информации нередко публикуется информация о неправомерном изъятии врачами органов человека. Очевидно, что презумпция согласия на изъятие органов не должна рассматриваться как единственно возможный способ обеспечения нуждающихся пациентов донорским материалом.

В этой связи все чаще звучат призывы о принятии нового закона о трансплантации. Не вызывает сомнений, что здесь требуется качественно иной подход к решению вопросов органного донорства, обеспечивающий соблюдение и защиту прав человека.

Министерством здравоохранения РФ несколько назад был разработан проект Федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации»[1], однако в Государственную Думу он до сих пор не внесен. По информации, представленной на федеральном портале проектов нормативных правовых актов[2], на данном этапе подводятся итоги общественного обсуждения и проведения независимой антикоррупционной экспертизы законопроекта.

Прежде всего, необходимо отметить, что авторы законопроекта попытались обеспечить баланс прав и законных интересов как доноров органов, так и лиц, нуждающихся в трансплантации. Проект закона предполагает информирование населения о социальной значимости донорства. Представляется, что такая просветительская работа позволит сформировать представления у граждан о необходимости и пользе добровольного безвозмездного

[1] Проект опубликован на официальном сайте Министерства здравоохранения РФ: https://www.rosminzdrav.ru/documents/8145-proekt-federalnogo-zakona-o-donorstve-organov-cheloveka-i-ih-transplantatsii (дата обращения - 15.04.2020).

[2] Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения // https://regulation.gov.ru/projects#npa=98296 (дата обращения - 15.04.2020).

предоставления своих органов после смерти для трансплантации, которая является одним из способов сохранения жизни больному человеку, может помочь восстановить его здоровье.

Что касается системы посмертного донорства, которая предлагается проектом, то она остается прежней. Речь идет о презумпции согласия на изъятие донорских органов. Однако законопроект поясняет и детализирует эту формулу (ст. 13). В частности, предполагается ведение специального Регистра волеизъявлений граждан, в котором будет содержаться информация о несогласии совершеннолетнего дееспособного лица на донорство его органов после смерти. Если гражданин при жизни такое нежелание не выразил в форме, предусмотренной законом, его органы могут быть изъяты в целях трансплантации.

В отличие от ныне действующего Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» новый законопроект подробно детализирует порядок выражения волеизъявления совершеннолетнего дееспособного гражданина о несогласии на изъятие его органов после смерти в целях трансплантации (ст. 14). Выразить несогласие на донорство органов можно в присутствии не менее двух свидетелей в устной или письменной форме и передать эти сведения сотруднику медицинской организации, в которой гражданин проходит лечение. Впоследствии эта информация направляется в Федеральный регистр волеизъявлений граждан.

Принятие нового закона позволит решить проблему учета мнения близких родственников умершего относительно донорства его органов. Так, согласно ст. 15 проекта сотрудник медицинской организации должен сообщить супругу или близкому родственнику о смерти гражданина в течение часа с момента фиксации смерти головного мозга. При этом предусматривается, что отказ от трансплантации органов могут написать супруг (супруга), а при его отсутствии близкие родственники в течение трех часов после сообщения им сведений о смерти гражданина.

Данные положения проекта подвергаются критике представителями медицинского сообщества, полагающими что подобная гуманизация закона отрицательно скажется на количестве проводимых трансплантаций в стране. Как показывает практика, граждане зачастую не готовы решать вопросы изъятия органов близкого человека для трансплантации. Тем не менее, представляется, что дефицит донорского материала не должен возмещаться за счет проведения операций с нарушением прав и интересов близких родственников, возражающих против трансплантации

органов умершего. В этих целях государство должно использовать иные меры, связанные с всесторонней работой населения по информированию в необходимости развития донорства в нашей стране. Как справедливо отметил Конституционный Суд РФ в Определении от 10 февраля 2016 г. № 224-О, в этой связи необходимо адекватное распространение в обществе сведений о действующем правовом регулировании органного донорства, в том числе с привлечением институтов гражданского общества.

В целом следует признать, что проект нового Закона «О донорстве органов человека и их трансплантации» направлен на достижение большей открытости всего процесса изъятия органов для трансплантации и соответствует международным правовым актам о правах человека. Как отмечалось выше, данный законопроект в настоящее время представлен для всеобщего обсуждения. Это означает, что любой желающий может оставить свое мнение или предложения по предлагаемому правовому регулированию посредством электронной формы на федеральном портале проектов нормативных правовых актов. Очевидно, что совершенствование нормативных установлений по столь широко обсуждаемому в обществе вопросу как трансплантация возможно лишь с учетом общественного мнения. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что основной проблемой российской системы трансплантологии является нехватка донорских органов. В целях ее решения, но при неукоснительном соблюдении прав человека в этой сфере, предлагаем внести следующие изменения в проект Федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации»:

предусмотреть возможность добровольного выражения совершеннолетними дееспособными гражданами письменного согласия на изъятие органов для трансплантации после смерти при сохранении презумпции согласия на такую процедуру. Письменное заявление гражданина с содержащимся в нем волеизъявлением должно представляться гражданином в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти. Это позволит решить ряд проблем, возникающих после смерти лица, при жизни официально не выразившего свою волю о посмертном донорстве, но не возражавшего против этого. Однако в таких ситуациях близкие родственники часто выступают против трансплантации его органов, выражая свою волю, а не волю умершего лица.

совершеннолетний дееспособный гражданин, выразивший согласие на изъятие его органов после смерти в целях трансплантации, вправе в любое время направить в уполномоченный феде-

ральный орган исполнительной власти письменное заявление об отзыве своего волеизъявления.

в Федеральный регистр доноров органов, реципиентов и донорских органов, включающий Регистр волеизъявлений, вносить сведения о согласии совершеннолетнего дееспособного лица на изъятие их органов после смерти в целях трансплантации.

Представляется, что применение подобного симбиоза двух систем – презумпции согласия и выраженного согласия на трансплантацию своих органов после смерти, даст импульс развитию донорства в нашей стране. Данные предложения по внесению изменений в проект Федерального закона «О донорстве органов и их трансплантации» были размещены на федеральном портале проектов нормативных правовых актов 15 января 2020 г. в разделе, содержащем информацию для публичных обсуждений законопроекта.

УДК 342

А.Ш. ГУМЕРОВА

научный руководитель
Р.Л. МИФТАХОВ

ИНТЕГРАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО И МЕДИЦИНСКОГО АСПЕКТОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ДЕЕСПОСОБНОСТИ, КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

Нормативное регулирование статьями Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)[1] представляет собой, в большей степени, закрепление общих положений, регулирующих порядок, способы, условия возникновения тех или иных правоотношений. Стоит отметить, что статьи Конституции могут быть дополнены иными, затрагивающими смежные правоотношения, нормативно-правовыми актами, которые могут ограничивать генеральные идеи законодателя лишь в той части, в какой это допускается самой Конституцией РФ. Так, ограничение прав и свобод граждан допускается по статье 56 указанного акта с указанием пределов и сроков ограничений таких прав и свобод при строгом

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // в СЗРФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

соответствии уточняющим законам Российской Федерации. Примером реализации указанного положения может служить ограничение, устанавливаемое к осуществлению права на труд, закрепленной статьей 37 Конституции РФ.

В пункте 2 статьи 17 Конституции РФ содержится характеристика основных положений, закрепленных в статьях 2, 17, 18, затрагивающих вопрос положения прав и свобод человека в государстве. Вместе с этим, в вышеуказанном пункте статьи 17 закреплена категория неотчуждаемости основных прав и свобод и их принадлежности с момента рождения, однако реализация отдельных прав гражданина, касающихся тех или иных правовых элементов, вытекающих из бытовых отношений, освещена в статье 60 Конституции РФ. Так, согласно данной статье, гражданин Российской Федерации может осуществлять свои права и обязанности в полной мере по достижении 18-ти летнего возраста. Отметим, что не только в указанной статье Конституции РФ устанавливается возрастной ценз, необходимый для реализации не только своих прав, но и обязанностей. Так, по пункту 3 статьи 38 установлено, что трудоспособные дети, достигшие возраста 18 лет обязаны заботиться о нетрудоспособных родителях. Отметим, что возможно изменение возрастных границ при рассмотрении отдельных вопросов, в том числе вопросов трудоустройства на определенные должности. Однако реализация тех или иных возможных прав лица тесно взаимосвязана с ограничением таких прав при наличии определённых условий.

Действительно, закрепление ценза в статье 60 Конституции РФ указывает на возраст достижения совершеннолетия индивидом, что, по мнению законодателей, а также ряда исследователей включает в себя степень правосубъектности, которая охватывает три элемента: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. В данной связи отметим, что установление возрастного ценза при определении дееспособности и деликтоспособности недостаточно, так как в таком случае, мы упускаем медицинский фактор, указывающий на немаловажный медицинский критерий. Вместе с этим, по мнению Ю. А. Дмитреева, при достижении возраста 18-ти лет, по общему правилу, гражданин уже может в полной мере реализовывать свои права и обязанности[1]. Аналогичного мнения придерживается и Е. Ю. Бархатова, дополнительно указывая на невозможность рассмотрения дееспособности как естественного состояния человека, в условиях того, что дан-

[1] Дмитриев Ю. А. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий // М: Деловой двор. 2009. С. 340

ная категория представляет собой лишь юридический механизм упорядочивания и регламентации правоотношений[1]. По нашему мнению, подобное суждение является неверным, что обусловлено, прежде всего, тем, что категория дееспособности, как и деликтоспособности включает и биологическое развитие человека, выражающаяся в том числе и в состоянии психики индивида. Данное положение отчасти отражается в трудах В. Д. Зорькина и Л.В. Лазарева, где дееспособность раскрывается не только как наличие возрастного ценза у лица, но и категории вменяемости, однако даже в приведенном исследовании авторами недостаточно показано влияние медицинского аспекта, необходимого для реализации прав индивидом[2].

Для подтверждения приведенных нами суждений обратимся к теории гражданского законодательства. Так, в статье 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[3] установлено понятие дееспособности гражданина, а также условия возникновения такой дееспособности ранее 18 лет. В данном случае дееспособность затрагивает в большей степени возрастной ценз при нормальном течении психического развития индивида. Однако согласно статье 22 ГК РФ допускается ограничение в дееспособности и правоспособности лишь в случаях, установленных законом, например, на основании статьи 29 и статьи 30 ГК РФ. Данные статьи регулируют вопросы признания гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным, вследствие психических отклонений в развитии. Для установления факта недееспособности человека требуется наличие у него стойких и хронических психических отклонений, не представляющих возможность развития долгосрочных ремиссий[4]. Для признания гражданина ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства также необходимо наличие психического заболевания, однако такое заболевание может иметь развитие ремиссий. Для установления заболевания необходимо наличие подтвержденной результатами судебно-психиатрической экспертизы медицинского заключе-

[1] Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации // М: Проспект, 2004 (1-я Обр. тип.). – С. 98.

[2] Зорькин В.Д. Лазарев Л. В. Комментарий к Конституции Российской Федерации // Конституционный Суд Российской Федерации. М: Эксмо, 2009. – С. 250.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // СЗ РФ. – 1994. - № 32 – Ст.3301.

[4] Харитонова Н. К., Королева Е. В., Мишин А. В. Особенности методологии судебно-психиатрического диагноза в гражданском процессе // Российский психиатрический журнал. № 4. 2008. – С. 21-27.

ния, что в полной мере характеризует медицинский критерия в вопросах юридической дееспособности гражданина. Также установление состояния деликтоспособности лица тесно взаимодействует с категорией дееспособности, которая в данном случае, раскрывается через совокупною реализацию юридического и медицинского аспектов. Такое взаимное дополнение медицинских оснований с юридическими критериями при возможности осуществления своих прав и свобод полностью прослеживается не только в ГК РФ, но и в других нормативно-правовых актах Российской Федерации, например, в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее - УК РФ)[1]. В УК РФ устанавливается связанные с психическим состоянием индивида категории невменяемости, ограниченной вменяемости, аффекта, с дальнейшим возможным применением мер принудительного медицинского воздействия для исправления такого состояния осужденного. В Трудовом Кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ)[2] устанавливается возможность недопущения к той или иной деятельности гражданина вследствие его психического состояния и (или) наличия психических заболеваний, установленных медицинским заключением, при этом такие ограничения не являются дискриминацией, что также установлено ТК РФ. В Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации[3] закреплена возможность недобровольной госпитализации гражданина вследствие установленной медицинским заключением нестабильности психического состояния индивида в медицинские организации, осуществляющие психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Анализируя приведенные положения в совокупности, следует, что категория дееспособности, которая раскрывается в различных нормативно-правовых актах исходя из специфики вида правоотношений, не может выражаться полностью лишь через юридический критерий, что предопределяет невозможность установления факта реализации в полной мере прав и свобод человека после преодоления возрастного ценза. Подобное суждение также обусловлено тем, что при ограничении прав и свобод человека, установленных Конституцией РФ, недостаточно лишь ссылки на не достижение возрастного ценза, как юридического критерия возможности реа-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗРФ, 07.01.2002, №1 (ч. 1), ст. 3.

[3] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон № 21-ФЗ от 08.03.2015 (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. 2015. – № 49.

лизации своих прав и свобод, при осуществлении тех или иных отношений в области права. Специфика разрешения данного вопроса, в большей степени, затрагивает вопросы психической стабильности лица, установленных медицинскими параметрами.

Вопрос ограничения прав и свобод, исходя из психической стабильности лица, в международной практике закреплен под парадигмой презумпции дееспособности, которая исключает возможность ограничения прав и свобод при возможности максимального сохранения дееспособности[1]. Аналогичные суждения нашли свое отражение и в законодательстве Российской Федерации. Так, наименования статьи 26 и статьи 28 ГК РФ закрепляют дееспособность малолетних и несовершеннолетних, набор прав которых тесно связан с правами, реализуемых недееспособными и ограниченно дееспособными лицами соответственно. Однако, как уже было упомянуто ранее, ограничение прав и свобод человека и гражданина может допускаться при условии максимального сохранения дееспособности, включающего в том числе и медицинскую сторону, при наличии подтвержденных оснований.

Свободная реализация набора прав лицом ограниченного в дееспособности или лишенного её, исчерпывается нормативно-правовыми актами Российской Федерации, например, вышеупомянутым Гражданским Кодексом Российской Федерации. Отсюда следует, что право полной реализации своих прав исключительно на основании возрастного ценза, указанного в статье 60 Конституции РФ, является не совсем правильной, с точки зрения упущения медицинских факторов, ограничивающих, при наличии определённых отклонений от стабильного психического течения состояния здоровья индивида, набор реализуемых в полном объеме прав и свобод, как это указано в вышеупомянутой статье Конституции РФ. В данной связи считается необходимым внесение в Конституцию РФ положений о полной реализации прав гражданином не только на основании достижения возрастного, юридического, в данном случае, ценза, но и на основании отсутствия психических отклонений в здоровье индивида. Более того, такая необходимость продиктована также указанными ранее нормативно-правовыми актами, ограничивающих реализацию совокупность наиболее полных прав и свобод гражданина именно вследствие отсутствия полноценности в медицинском критерии стабильности здоровья лица.

[1] Рекомендация Совета Европы R(99)4 Комитета министров государствам-членам относительно принципов правовой защиты совершеннолетних недееспособных лиц // URL: http://npar.ru/rekomendaciya-sovet-evropy-o-principax-pravovoj-zashhity-sovershennoletnix-nedeesposobnyx-lic/ (Дата обращения 15.04.20)

УДК 342

Н.В. ДЕНИСЕНКО

научный руководитель
Ю.И. ИВАНОВА

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЖЕНЩИН ИНТЕРСЕКСОВ НА УЧАСТИЕ В СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ

Интересным является тот факт, что на каждые 20 тысяч жителей планеты приходится один гермафродит. В спорте – один на 500 человек. Это позволяет сделать вывод о том, что тренеры могут использовать гермафродитов для получения высоких спортивных результатов. Случай со спортсменкой Кастер Семеня, о которой пойдёт речь ниже, порождает необходимость решения вопроса в отношении спортсменок с высоким природным уровнем мужских половых гормонов. Таким образом, необходимо установить, какие должны быть критерии допуска к спортивным соревнованиям женщин с высоким уровнем тестостерона.

Конфликт вокруг участия в женских соревнованиях спортсменок с высоким природным уровнем тестостерона разгорался и достиг своего апогея, когда в Спортивный арбитражный суд в Лозанне (CAS) обратилась индийская легкоатлетка Дьюти Чанд. Она обжаловала действия ИААФ и Федерации легкой атлетики Индии (AFI), которые дисквалифицировали ее как не прошедшую гормональный гендерный тест и не допустили бегунью к спортивным соревнованиям. Уровень тестостерона в крови Дьюти Чанд превышал установленный ИААФ предельно допустимый уровень для женщин – 10 нмоль/л. В своем промежуточном решении от 24 июля 2015 года CAS согласился с доводами Дьюти Чанд, аннулировав ее дисквалификацию, и обратился к ИААФ с требованием в течение двух лет пересмотреть установленные правила допуска к женским соревнованиям (CAS 2014/A/3759). Решение суда вызвало бурную реакцию в спортивной среде. Необходимо было как можно быстрее ввести чёткие критерии допуска к женским соревнованиям[1].

[1] Пешина, И. Гендерные права женщин в спорте / И. Пешина // Вестник РМОУ. – 2017. – № 2. – С. 87.

В ноябре 2015 года на заседании Специальной комиссии, собравшейся под эгидой МОК и состоявшей из членов Комиссии МОК по медицине и науке, ученых, деятелей спорта и юристов, были приняты Руководящие разъяснения по смене пола и гиперандрогении. В Руководящих разъяснениях одним из условий допуска к женским соревнованиям было наличие тестостерона в сыворотке крови на уровне ниже 10 нмоль/л в течение 12 месяцев, предшествующих соревнованию (подпункт 2.2). Соблюдение этого условия может быть проверено путем тестирования.

23 апреля 2018 года ИААФ приняла новые Правила отбора спортсменок с нарушениями формирования пола для участия в соревнованиях (далее – Правила 2018 г.), которые должны были вступить в силу 1 ноября 2018 года, однако этот процесс был приостановлен в связи с апелляцией, поданной Кастер Семеня в Спортивный Арбитражный Суд. Поэтому они вступили в силу 8 мая 2019 года.

Необходимо проанализировать произошедшие изменения. В то время как Правила 2011 г. применяются ко всем соревнованиям по легкой атлетике, Правила 2018 г. – только к некоторым из них (бег на 400 м, 400 м с барьером, 800 м, 1500 м, а также эстафеты и комбинированные мероприятия на этих дистанциях). Обосновывая подобный подход, ИААФ заявила, что имеются доказательства того, что повышенный уровень тестостерона дает спортсменам наибольшее преимущество именно в этих состязаниях[1]. Одновременно было сказано о праве дополнять указанный перечень[2]. В «Британском журнале спортивной медицины» были опубликованы результаты исследования, проведенного специально для решения этой проблемы Стефаном Бермоном и Пьер-Ивом Гарнье. Изучив пробы спортсменок, участвовавших на чемпионатах мира 2011 и 2013 годов, они сопоставили сведения об уровне тестостерона со спортивными результатами[3]. Исследование

[1] Bermon S., Garnier Pierre-Y. Serum androgen levels and their relation to performance in track and field:mass spectrometry results from 2127 observations in male and female elite athletes [Electronic resource]. – Mode of access: https://bjsm.bmj.com/content/51/17/1309. – Date of access: 20.01.2020.

[2] Бородина М. А., Никифоров В. В., Медведев М. В., Машкова К. В., Суворов Г. Н. , Зенин С. С. Проблема гендерной верификации в спорте: правовые медицинские и этические аспекты // Lex Russia: Научный журнал. - М.: МГЮА, 2019. – С. 55.

[3] Bermon S., Garnier Pierre-Y. Serum androgen levels and their relation to performance in track and field:mass spectrometry results from 2127 observations in male and female elite athletes [Electronic resource]. – Mode of access: https://bjsm.bmj.com/content/51/17/1309. – Date of access: 20.01.2020.

показало, что высокий уровень тестостерона обусловливает конкурентное преимущество от 1,78% до 4,53% в таких спортивных дисциплинах, как бег, бег с барьерами на дистанции от 400 м до мили, метание молота и прыжки с шестом[1].

В свете обсуждения условий участия в соревнованиях интерсексуальных спортсменов дополнительно оговаривается правовая составляющая: с учетом различий в национальном законодательстве в вопросе юридического закрепления пола значение имеет факт признания спортсменки как женщины либо как интерсексуального лица, что должно найти отражение в свидетельстве о рождении или паспорте.

Принципиальные изменения коснулись допустимого уровня тестостерона. В то время как Правилами 2011 г. был установлен порог в 10 нмоль/л, Правила 2018 г., с учетом полученных в результате исследований представлений о некой «средней точке» между естественными диапазонами тестостерона среди большинства мужчин и женщин, установили более низкую планку в 5 нмоль/л, что было объяснено наличием определенных доказательств появления явных преимуществ в соревнованиях у лиц, уровень тестостерона которых находится между 5 и 10 нмоль/л. В Правилах 2018 г. оговаривается, что спортсменка должна снижать уровень тестостерона в крови до уровня ниже 5 нмоль/л в течение непрерывного периода (не менее шести месяцев), что связывается с нормальным жизненным циклом клетки крови, который составляет около 120 дней. Поэтому 6 месяцев должно быть достаточно для того, чтобы сократить уровень тестостерона, даже если на физиологическом уровне явных изменений не произойдет. После этого требуется непрерывное поддержание уровня тестостерона в крови ниже 5 нмоль/л, то есть независимо от фактического участия в соревнованиях с целью сохранения права конкурировать в женской классификации на международных соревнованиях или установить мировой рекорд в состязаниях, не являющихся по статусу международными. С учетом имевшихся фактов хирургического решения проблемы гиперандрогении было подчеркнуто, что ни при каких обстоятельствах не требуется каких-либо хирургических анатомических изменений (п. 2.4 Правил 2018 г.).

[1] Там же.

Между тем нельзя не признать, что в спорте высоких достижений заведомо состязаются спортсмены, чьи физические данные в силу природных задатков и активных тренировок существенно отличаются от среднестатистических показателей, что, собственно, и дает им возможность показывать выдающиеся результаты[1].

Так, Алиса Дрегер, историк, биоэтик, писатель и бывший профессор клинических медицинских гуманитарных наук и биоэтики Северо-Западного университета Чикаго, в своей статье «Где правила для гендерной верификации?» использует следующую аналогию, чтобы убедительно утверждать, что несправедливо исключать спортсменок с относительно высоким уровнем естественного тестостерона: «Мужчины в среднем выше, чем женщины. Но препятствуем ли мы женщинам участвовать в соревнованиях, если типичный рост мужчин дает им преимущество перед более низкими женщинами? Можем ли мы представить, чтобы Мишель Фелпс или Лебронна Джеймс говорили: «Вы слишком высокая, чтобы конкурировать как женщина?». Так почему же мы должны сказать некоторым женщинам: «У вас слишком высокий природный уровень андрогенов, чтобы конкурировать как женщина?» Кажется, нет ничего плохого в такого рода естественном преимуществе»[2] .

Однако, на наш взгляд, есть различия между высоким ростом и высоким природным уровнем тестостерона. Тестостерон относится к анаболическим андрогенным стероидам (ААС) и включён в Список запрещённых субстанций и методов. Таким образом, высокий уровень тестостерона у женщин с гиперандрогенией является своеобразным «природным допингом», что даёт им преимущество в сравнении с женщинами, у которых уровень тестостерона не превышен. Поэтому рассуждения о том, что на спортивный результат могут влиять другие факторы, такие как высокий рост, крупное телосложение спортсменки и т.д. являются, на наш взгляд, безосновательной попыткой оправдания уча-

[1] Бородина М. А., Никифоров В. В., Медведев М. В., Машкова К. В., Суворов Г. Н. , Зенин С. С. Проблема гендерной верификации в спорте: правовые медицинские и этические аспекты // Lex Russia: Научный журнал. - М.: МГЮА, 2019. – С. 56.

[2] Alice Dreger. “Where’s the rule book for sex segregation?” New York Times. August 21, 2009. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nytimes.com/2009/08/22/sports/22runner.html. – Date of access: 20.01.2020.

стия женщин с гиперандрогенией в спортивных соревнованиях наравне с другими женщинами.

Принятие ИААФ в 2018 году новых правил повлекло за собой недовольство спортсменок, чей уровень тестостерона превышает 5 нмоль/л.

Так, спортсменка Кастер Семеня обратилась в суд в июне 2018 года, считая новый регламент дискриминационным и ущемляющим ее права. Семеня и ее сторонники утверждали, что высокий тестостерон – это природная особенность организма, его врожденное состояние – гиперандрогения. При этом никакого допинга южноафиканка никогда не принимала – все ее пробы всегда были «чистыми».

В 2009 году Кастер Семеня победила на чемпионате мира по легкой атлетике на дистанции 800 м. На этом соревновании спортсменка значительно улучшила свой результат. Этот факт, а также необычная внешность бегуньи привлекли к ней повышенное внимание. Возникли подозрения, что она или принимает допинг, или является мужчиной. Медицинское обследование показало, что у Семени гиперандрогения.

Когда ИААФ ввела новое правило, согласно которому спортсменки, чей уровень тестостерона в крови превышает 10 нмоль/л, должны использовать гормонотерапию для его снижения, Семеня обвиняла ассоциацию в том, что это правило было принято специально против нее, но стала принимать гормональные препараты, после чего ее спортивные результаты ухудшились.

Решением от 1 мая 2019 года Спортивный арбитражный суд (CAS) отклонил апелляцию Кастер Семени к ИААФ. По новым правилам, Семеня должна снижать уровень тестостерона для участия в спортивных соревнованиях. В решении CAS говорится, что сторона Семени не смогла доказать, что эти правила незаконные. Вместе с тем, CAS признал, что правило ИААФ имеет дискриминационный характер, но такая дискриминация «является необходимой, разумной и пропорциональной» для «сохранения целостности женской атлетики».

В свете вышеизложенного можно сделать вывод о том, что правила, установленные МОК и ИААФ, существенно отличаются. По оценкам ИААФ, у абсолютного большинства женщин общий уровень тестостерона находится в диапазоне 0,12-1,79 нмоль/л. У мужчин, достигших половой зрелости, уровень гораздо выше –

7,7-29,4 нмоль/л. Таким образом, по правилам МОК даже мужчины с гормональными ограничениями будут иметь над женщинами пятикратное преимущество.

Учитывая, что 5 наномоль – это наиболее оптимальная цифра, которая позволяет участвовать в соревнованиях даже женщинам с некоторыми гормональными отклонениями, считаем необходимым принятие Международным Олимпийским комитетом правил в соответствии, с которыми женщины с повышенным уровнем тестостерона должны снижать его до уровня ниже 5 нмоль/л в течение непрерывного периода (не менее шести месяцев). После этого необходимо непрерывное поддержание уровня тестостерона в крови ниже 5 нмоль/л, то есть независимо от фактического участия в соревнованиях с целью сохранения права конкурировать в женской классификации.

Для решения проблемы участия интерсексуалов в спортивных соревнованиях предлагается создание третьей категории для людей, которые не вписываются в дихотомию мужчины-женщины. Однако многие считают, что соревнование указанных лиц в отдельной категории будет дискриминацией социального меньшинства. Ведь в глобальном плане мы стремимся к включению людей, которые не определились с собой, в общество, а здесь получается обратный процесс, их выделяют в отдельную группу. Поэтому, на наш взгляд, соревнование интерсексуалов в отдельной категории нецелесообразно, поскольку это будет подчёркивать отличие указанных спортсменов от остальных. Это также может ограничить возможности для интерсексуальных спортсменов, если их недостаточно для заполнения команды или категории.

В свете вышеизложенного можно сделать вывод о том, что с целью недопущения преимущества женщин с высоким природным уровнем тестостерона перед женщинами, у которых этот уровень в норме, необходимо принятие Международным Олимпийским комитетом правила, в соответствии с которым женщины с повышенным уровнем тестостерона должны снижать его до уровня ниже 5 нмоль/л в течение непрерывного периода (не менее шести месяцев). После этого необходимо непрерывное поддержание уровня тестостерона в крови ниже 5 нмоль/л, то есть независимо от фактического участия в соревнованиях с целью сохранения права конкурировать в женской классификации.

УДК 342

З.С. ЕГОРОВА

научный руководитель
Д.М. ОСИНА

ПРЕДЕЛЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОГОРИИ)

В конце декабря 2019 года парламент Черногории принял закон «О свободе вероисповедания и убеждений и правовом положении религиозных общин»[1], направленный на автокефалию Черногорской Православной церкви (ЧПЦ) от Сербской Православной церкви (СПЦ)[2]. Отделение церкви в этом законе, в первую очередь, выражается в изменении имущественных отношений по поводу религиозного имущества[3]. В связи с этим, в Черногории, где православными считают себя около 70% человек[4], проходят протестные акции верующих в течение месяцев. Массовые протесты вспыхнули также в Сербии и в Республике Сербской (Босния и Герцеговина). Является ли принятый акт законодательным развитием взаимоотношений государства и религии, или это нарушение фундаментальных прав человека на религию, закрепленных международным сообществом?

Чтобы разобраться в этом вопросе, важно изучить, что понимается под правом на религию. Это право нашло отражение в основополагающих нормативных актах государств и международных документах как свобода совести, мнений, религии, свобода вероисповедания. Проблема понимания понятий осложняется отсутствием законодательного закрепления дефиниций. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в ст. 18 провозгласила, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, что включает в себя права менять свою религию или убеждения, свободно исповедовать свою религию или убеждения как едино-

[1] Религиозная община представляет собой первичное территориальное объединение верующих, принадлежащих к определенному религиозному направлению.

[2] Черногория приняла закон о свободе вероисповедания // URL: https://iz.ru/959013/2019-12-27/chernogoriia-priniala-zakon-o-svobode-veroispovedaniia (дата обращения: 28.01.2020 г.)

[3] Смутна времена и цивилизацијско питање // URL: https://www.standard.rs/2020/01/01/smutna-vremena-i-civilizacijsko-pitanje/ (дата обращения: 28.01.2020 г.)

[4] Религия в Черногории. // URL: https://www.montenegroinside.com/ru/info/veroispovedanie.html (дата обращения: 28.01.2020 г.)

лично, так и сообща с другими, путем отправления религиозных и ритуальных обрядов. Конвенция в части 1 статьи 9 закрепила аналогичное с Декларацией понимание данных свобод, а в части 2 установила положение, обеспечивающее религиозную терпимость в обществе[1]. Вопрос о пределах вмешательства государства в охраняемые им отношения в сфере религии решал Европейский суд по правам человека. Например, в деле Мануссакис против Греции Суд установил, что право на свободу религии, как оно гарантируется Конвенцией, исключает оценку государством легитимности религиозных верований или способов их выражения[2].

Приведенные подходы к толкованию понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», вытекающие из норм международных актов и судебных решений, не приводят к выводу, что рассматриваемые термины имеют единообразное толкование[3]. Тем не менее, не представляется возможным унифицировать правила взаимоотношения «человек-религия» в силу самостоятельного религиозного развития каждого государства. Но единая эффективная система защиты прав человека от дискриминации на религиозной почве должна быть[4].

Свободу совести и свободу вероисповедания можно рассматривать как негативное право, так как им корреспондирует обязанность воздерживаться от совершения каких-либо нарушающих данные свободы действий[5].

Несмотря на неоднообразное понимание содержания рассматриваемых понятий, можно выделить их основные компоненты. Для более детального рассмотрения понятий необходимо разгра-

---

[1] Сим Н. Ерджанов Т.К. Свобода совести и вероисповедания в международной модели прав человека // Вестник Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева. 2012. // URL: https://articlekz.com/article/21750 (дата обращения: 29.01.2020 г.)

[2] Вентура Марко. Право и религия вне национальных границ: положительное значение Европейского суда по правам человека // Религия в судах. 2013.№ 2(31) // URL: http://www.intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2013_2/7.pdf (дата обращения: 31.01.2020 г.)

[3] Канина Е.В. Правовые аспекты соотношения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» // Право и современные государства. 2016. – № 4. – С. 67-71 (дата обращения: 29.01.2020 г.)

[4] Сим Н. Ерджанов Т.К. Свобода совести и вероисповедания в международной модели прав человека // Вестник Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева. 2012. // URL: https://articlekz.com/article/21750 (дата обращения: 29.01.2020 г.)

[5] Канина Е.В. Правовые аспекты соотношения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» // Право и современные государства. 2016. – № 4. – С. 67-71 (дата обращения: 31.01.2020 г.)

ничить «свободу совести» и «свободу вероисповедания» и взять за основу подход, согласно которому свобода совести (право на свободное формирование взглядов) включает в себя свободу вероисповедания (право на религию). Каждый человек имеет право исповедовать любую религию, совершать религиозные обряды, осуществлять религиозную культурно-просветительскую деятельность, пропагандировать религию, право менять религию, право не исповедовать никакой религии и вести атеистическую пропаганду. Государство обеспечивает реализацию этих свобод, в частности, путем установления пределов их реализации во избежание ущемления одной религиозной группы интересов другой. Государство не вправе вмешиваться в деятельность религиозных сообществ, проверять легитимность религиозных верований или способов их выражения.

Таким образом, право человека на религию реализуется в условиях обеспечения охраны этого права государством и при его содействии осуществления этого права в определенных пределах. Подлежащие широкому трактованию свобода совести и вероисповедания предполагают допустимость новых форм взаимодействия государства с религиозными общинами. В связи с этим, можно ли рассматривать принятый в конце прошлого года закон Черногории «О свободе вероисповедания и убеждений и правовом положении религиозных общин»[1] как новый этап развития деятельности государства в области религиозных отношений, или этот закон противоречит базовым нормам, гарантирующим право каждому на свободу вероисповедания?

Прежде чем рассматривать поставленный вопрос, стоит отметить, что стремление черногорских властей выделить свою церковь, характеризующееся определением национальной идентичности – острая тема не только для Черногории и Сербии, но и вообще для стран бывшей Югославии. Как справедливо отмечает Марко Вентура, «война в бывшей Югославии показала, что может означать национальная религия, определяющая идентичность»[2]. Во время конфликта в Югославии, в начале 1990-х годов, в Черногории усилилось стремление к автокефалии. Несмотря на провоз-

[1] Черногория приняла закон о свободе вероисповедания // URL: https://iz.ru/959013/2019-12-27/chernogoriia-priniala-zakon-o-svobode-veroispovedaniia (дата обращения: 31.01.2020 г.)

[2] Вентура Марко. Право и религия вне национальных границ: положительное значение Европейского суда по правам человека // Религия в судах. 2013. № 2(31) // URL: http://www.intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2013_2/7.pdf (дата обращения: 31.01.2020 г.).

глашение при поддержке властей неканонической Черногорской православной церкви, большинство верующих остались верны Сербской православной церкви. Нынешний конфликт вполне можно расценивать как политический шаг, принятый на почве крушения Югославии. По словам Владыки Михайло, предстоятеля ЧПЦ, собственная национальная церковь, отдельная от традиционной, — это важный атрибут суверенитета[1].

В 1920 г. Черногорская митрополия вошла в Сербскую православную церковь, став епархией в ранге митрополии. Черногория является частью канонической территории Сербской православной церкви, которая представлена в Черногории четырьмя епархиями[2]. Смысловая связь

В этой связи проанализируем некоторые положения принятого закона «О свободе вероисповедания и убеждений и правовом положении религиозных общин». Статья 11 определяет местонахождение религиозной общины, зарегистрированной и действующей на территории государства, в Черногории, что означает, что больше не признаются ни Римско-католическая церковь, ни Сербская православная церковь (СПЦ), ни Исламская община (так как центры этих сообществ находятся за пределами Черногории). Статья 21 наделяет государственные органы обязанностью безотлагательно возбудить дело в компетентном суде по запрету религиозного сообщества, если государство решит, что это в его интересах. Таким образом, государство имеет право прекратить деятельность СПЦ, Исламской общины. Статья 24 объявляет собственность религиозного сообщества государственной собственностью. Положения спорного закона должны создать правовую основу для национализации имущества Сербской Православной Церкви в Черногории, хотя несколько лет назад с исламской религиозной общиной и католической церковью правительства Черногории они подписали специальные соглашения, гарантирующие неприкосновенность собственности[3]. Государство получит возможность свободно распоряжаться имуществом религиозных сообществ, возможно даже не в соответствии с целями деятельности религиозных организаций.

[1] Религия, политика, история и церковные доходы. Что случилось в Черногории и причем здесь Вселенский Патриархат https://www.ntv.ru/novosti/2280240/ (дата обращения: 31.01.2020 г.)

[2] Там же.

[3] Смутна времена и цивилизацијско питање // URL:https://www.standard.rs/2020/01/01/smutna-vremena-i-civilizacijsko-pitanje/ (дата обращения: 28.01.2020 г.)

Как видно из содержания приведенных статей закона, государство активно регулирует деятельность религиозных общин, устанавливая новый режим собственности религиозного имущества. Верующие видят в этом уменьшение объема их прав, а также считают, что фактически государство не предоставляет не предоставляет своим гражданам свободу выбора вероисповедания (приверженности Церкви).

Итак, нельзя не отметить тенденцию к расширенному пониманию понятия «свобода вероисповедания»[1]. Широкое толкование права на свободу вероисповедания (а именно – широкий каталог прав, составляющий компоненты этой свободы) все же не дает оснований для активного вмешательства государства в деятельность религиозных сообществ, изменяющего в течение долгих лет устоявшиеся религиозные традиции в обществе, которые играют важную роль для религиозных общин. Это ярко прослеживается в рассмотренном примере с Черногорией, которая в 1918 г. вошла в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1920 г. ЧПЦ решением Синода Вселенской патриархии была включена в Сербский патриархат[2]. То есть, теперь для признания независимости ЧПЦ Синод Вселенской патриархии должен отменить свое решение[3]. Как уже было отмечено выше, свободу вероисповедания следует относить к негативным правам, следовательно, обязанность государства заключается в защите и обеспечении этой свободы, а не в ограничении прав различных религиозных групп, что не наблюдается в Черногории в связи с принятием нового закона. В январе текущего года черногорское правительство заявило о готовности обсудить с митрополией Черногорско-Приморской Сербской православной церкви возможности корректировки положений закона, но из-за обострившейся ситуации с коронавирусом переговоры отложены[4]. Есть основания полагать, что благодаря переговорам положения этого закона могут быть смягчены.

---

[1] Канина Е.В. Правовые аспекты соотношения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» // Право и современные государства. 2016. – № 4. – С. 67-71 (дата обращения: 30.01.2020 г.)

[2] Писарев Ю.А. Создание югославского государства в 1918 г.: уроки истории // URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/SERBIAN.HTM (дата обращения: 31.01.2020 г.)

[3] Религия, политика, история и церковные доходы. Что случилось в Черногории и причем здесь Вселенский Патриархат // URL: https://www.pravmir.ru/religiya-politika-istoriya-i-czerkovnye-dohody-chto-sluchilos-v-chernogorii-i-prichem-zdes-vselenskij-patriarhat/ (дата обращения: 31.01.2020 г.)

[4] Переговоры церкви и властей Черногории отменены из-за коронавируса // URL: https://regnum.ru/news/society/2886914.html (дата обращения: 31.01.2020 г.)

УДК 342.9

Е.В. КОСЫРЕВ

научный руководитель
профессор Б.В. РОССИНСКИЙ

ВИДЫ СРЕДСТВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

Наружная реклама распространяется с помощью достаточно большого перечня видов средств. На федеральном уровне в Федеральном законе от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»[1] (далее - Закон о рекламе) выделяется только одно из них, это рекламные конструкции. В соответствии с частью 1 статьи 19 названного закона под рекламной конструкцией понимаются щиты, стенды, строительные сетки, перетяжки, электронные табло, воздушные шары, аэростаты и т.д. а также иные технические средства стабильного территориального размещения, монтируемые и располагаемые на внешних стенах, крышах и иных конструктивных элементах зданий, строений, сооружений или вне их, а также остановочных пунктов движения общественного транспорта.

Отметим, что ФАС России понимает под стабильным территориальном размещением такое свойство рекламной конструкции, как невозможность ее монтажа/демонтажа без использования специальных технических средств или устройств (машин, механизмов, инструментов и т.д.)[2].

Интерес также представляет часть 2 статьи 19 Закона о рекламе, в которой указывается, что рекламная конструкция должна использоваться исключительно в целях распространения рекламы, социальной рекламы.

Данные обстоятельства обуславливают возможность выделения еще двух видов рекламных конструкций: не стабильного территориального размещения, а также имеющих двойное предназначение.

Начнем с последнего вида и укажем, что У. Уэлс, рассматривая различные рекламные носители выделил такие как: урны, скамейки[3]. Урну, как рекламный носитель, выделяет не только

[1] СЗ РФ. 2006. №12. Ст. 1232.

[2] О применении ч.1 ст. 19 Федерального закона «О рекламе» в части разъяснения понятия «Иные технические средства стабильного территориального размещения» // Письмо ФАС России от 19.09.2018 № РП/75002/18 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2020).

[3] Уэллс У., Мориарти С., Бернетт Дж., Реклама: принципы и практика. 7-е изд. / Пер. с англ. под ред. Л. Богомоловой. СПб.: Питер, 2008. – С. 289.

данный автор[1]. Получается, что некоторые конструктивные элементы данных объектов предназначены не только для осуществления необходимых им функций, но и одновременно образуют информационное поле, предназначенное для размещения на нем рекламной информации. Именно поэтому нам представляется невозможным отнести данные объекты к рекламным конструкция в том их понимании, которое содержится в Законе о рекламе, вследствие чего имеется необходимость выделить их в отдельный вид рекламных конструкций.

К рекламным конструкциям нестабильного территориального размещения мы считаем возможным отнести рекламные штендеры, обычно владельцы данных конструкций выставляют их в рабочее время суток рядом со входом в свои организации для привлечения внимания к оказываемым ими услугам и реализуемым товарам, при этом такие конструкции, как правило, не отвечают признаку стабильного территориального размещения, для их монтажа/демонтажа не требуется использование специальных технических средств, поэтому мы их также считаем необходимым выделить в отдельный вид рекламных конструкций.

Большую группу составляют средства распространения, не имеющие технических средств размещения рекламы, рассмотрим некоторые из них. Подорожная Л.В. причисляет к ним рекламные изображения на торцевой стене здания, которые могут наноситься красками непосредственно на штукатурку, исключая применения рекламных конструкций и называет их брэнмауэры[2]. Дополнительно автором выделяются так называемые наземные панно, в том числе, панно на тротуарах улиц, представляющие собой также изображения, изготавливаемые из дорожно-строительных, пленочных материалов или с помощью красящих веществ. Романов А.А также выделяет такие носители рекламы, как изображения, нанесенные на асфальт дорог и тротуаров[3]. В данных случае речь идет о так называемой рекламе на асфальте, в последние годы она получила широкое распространение в Москве и иных крупных городах.

---

[1] Аниськина Н.В. Наружная реклама / Сост. Н.В. Аниськина, Т.Б. Колышкина. М.: ФОРУМ : ИНФРА-М; 2014. С. 21.; Ромат Е.В. Реклама: Учебник для вузов. 7-е изд. СПб.: Питер, 2008. – С. 372.

[2] Подорожная Л.В. Теория и практика рекламы : учеб. пособие / Л.В. Подорожная. М. : Издательство «Омега-Л», 2011. – С. 126, 129.

[3] Романов А.А. Правовое регулирование рекламной деятельности: учебно-практическое пособие / А.А. Романов, Р.В. Каптюхин, М.В. Маркова. – М.: Изд. Центр ЕАОИ, 2010. – С. 285.

Продолжая говорить о средствах распространения наружной рекламы, не имеющих технических средств ее размещения, укажем, что Романов А.А. и Панько А.В. относят к средствам распространения наружной рекламы щиты рекламных объявлений[1]. Медведева также выделяет данный вид средств распространения рекламы[2]. Обратим внимание на сами рекламные объявления, по нашему мнению, каждое из них представляет собой самостоятельное средство распространения наружной рекламы. Они размещаются не только на специально отведенных местах – щитах рекламных объявлений, чаще всего на иных объектах - остановках общественного транспорта, опорах освещения, стенах зданий и др. В связи с этим представляется возможным выделить такие средства распространения наружной рекламы как различные, чаще всего бумажные, листы, содержащие рекламную информацию и наклеиваемые на поверхность объектов, находящихся на улице вне зданий, строений и сооружений и отнести их к рассматриваемой нами группе.

О рассмотренных средствах распространения наружной рекламы ничего не сказано в Законе о рекламе, однако они так или иначе выделяются на муниципальном уровне, но делается это зачастую неправильно.

Вначале обратим внимание на рекламные изображения, наносимые на стены зданий. Так, например, в пункте 2.1.1. Положения о порядке размещения рекламных конструкций в Великом Новгороде выделяются такие рекламные конструкции как панно, которые устанавливаются на плоскости стен зданий, в том числе, и в виде изображения, непосредственно нанесенного на стену[3], то есть, в данном случае средство распространения рекламы, не имеющее технических средств ее размещения, относится к рекламным конструкциям, что противоречит Закону о рекламе.

Такая же ситуация обстоит и с рекламными изображениями, наносимыми на поверхность дорог, то есть, можно сказать, с «рекламой на асфальте». В пункте 3.1.2.5. Положения о порядке размещения наружной рекламы на территории муниципального

[1] Романов А.А., Панько А.В. Маркетинговые коммуникации. М.: Эксмо, 2006. – С. 195.

[2] Медведева С.А., и др. Основы рекламы. Конспект лекций. Ростов н / Д: «Феникс», 2005. – С. 138.

[3] Об утверждении Положения о порядке размещения рекламных конструкций в Великом Новгороде // Постановление Администрации Великого Новгорода от 8 декабря 2010 г. № 5304. Доступ из информ.– правовой системы «Гарант» (дата обращения: 20.02.2020).

образования города Благовещенска к отдельно стоящим стационарным рекламным конструкциям относятся наземные панно, среди которых, в свою очередь, выделяются те, которые наносятся на покрытия тротуаров различными красящими веществами[1], то есть, в данном случае также в качестве средства распространения наружной рекламы выделяют исключительно изображение, при этом причисляя его к рекламной конструкции, что недопустимо.

Такая же ситуация складывается с рекламными конструкциями, которые, как мы указывали, имеют двойное предназначение, совмещены с каким-либо объектом. В пункте 8.21. Правил установки, содержания, эксплуатации и демонтажа рекламных конструкций на территории городского округа «город Волгореченск» Костромской области скамейки причисляются к иным средствам рекламы, под которыми понимаются исключительно рекламные конструкции[2]. В пункте 2.2. части 2 статьи 4 Положения о наружной рекламе в городе Липецке[3] выделяются рекламные конструкции на скамьях, являющиеся элементом скамьи и выполняющие функцию ее спинки. То есть, в данном случае вообще напрямую говорится, что рекламная конструкция выполняет не только функцию распространения рекламы.

Можно привести в пример и показательную судебную практику привлечения к ответственности по статье 14.37 КоАП РФ «Нарушение требований к установке и (или) эксплуатации рекламных конструкций». Так, Арбитражным судом Свердловской области к административной ответственности по указанной статье было привлечено юридическое лицо за установку, как указано, рекламной конструкции типа «велопарковка» без соответствующего разрешения[4]. Или же Арбитражный суд Республики Башкортостан также по указанной статье привлек индивидуального предпри-

---

[1] Об утверждении Положения о порядке размещения рекламных конструкций на территории муниципального образования города Благовещенска // Постановление Администрации города Благовещенска от 29.08.2014 № 3697 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2020).

[2] Об утверждении «Правил установки, содержания, эксплуатации и демонтажа рекламных конструкций на территории городского округа город Волгореченск Костромской области // Решение Думы городского округа г. Волгореченск Костромской области от 30 мая 2013 г. № 55. Доступ из информ.–правовой системы «Гарант» (дата обращения: 08.02.2020).

[3] О Положении «О наружной рекламе в городе Липецке // Решение Липецкого городского Совета депутатов от 29 апреля 2014 г. № 843 Доступ из информ.–правовой системы «Гарант» (дата обращения: 06.02.2020).

[4] Решение Арбитражного суда Свердловской области от 12 сентября 2018 г. по делу № А60-33817/2018 URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 04.02.2019).

нимателя за установку без разрешения рекламных конструкции в виде мусорных урн, или, как еще указывается в судебном решении, рекламных урн в количестве, заметим, 11 штук[1].

Мы не можем согласится с таким подходом и считаем, что нельзя привлекать к административной ответственности по статье 14.37 КоАП РФ за установку и эксплуатацию без разрешения средств распространения наружной рекламы, которые выполняют не только данную функцию, представляют единое целое с иными объектами (урнами, велопарковками и т.д.), как мы ранее указывали, по нашему мнению, они не являются той разновидностью рекламных конструкций, понятие которых содержится в Законе о рекламе и которое используется при привлечении к административной ответственности по указанной статье КоАП РФ.

Выделенные средства распространения наружной рекламы различных видов в случае нарушения правил их установки несут совершенно разный, несоизмеримый вред общественным отношениям. К примеру, порядок размещения рекламных изображений не нуждается в таком строгом регулировании, как порядок размещения рекламных конструкции, данную точку зрения в своей диссертации разделяет и Ермоленко С.С.[2]. Иные правила размещения требуется применять и по отношению к рекламным конструкциям, имеющим двойное предназначение, также не стоит забывать про не стационарные рекламные конструкции, не имеющие прочной связи с недвижимом имуществом в указанном ранее понимании.

В связи с этим считаем, что в статью 19 Закона о рекламе необходимо добавить часть 25, в которой указать, что порядок распространения наружной рекламы с помощью средств распространения, не имеющих технических средств размещения рекламы, совмещенных рекламных конструкций, представляющих собой конструктивные элементы каких-либо объектов, предназначенных не только для осуществления необходимых данными объектами функций, но и одновременно образующих информационное поле, предназначенное для размещения на нем рекламной информации, а также рекламных конструкций нестабильного территориального размещения, регулируется органами местного самоуправления, органами субъектов РФ на своих территориях самостоятельно. Также

[1] Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 13 августа 2013 г. по делу № А07-10070/2013 URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 04.02.2019).

[2] Ермоленко С.С. Правовое регулирование наружной рекламы в Российской Федерации : дис. канд. юрид. наук. Москва, 2012. – С. 51-64.

необходимо добавить, что при регулировании распространения наружной рекламы с использованием данных средств должны устанавливаться иные требования, нежели при регулировании порядка распространения наружной рекламы с использованием рекламных конструкций, содержащиеся в Законе о рекламе.

Данные меры позволят избежать единого подхода при регулировании распространения рекламы с использованием совершенно разных средств, несущих различный вред общественным отношениям при их неправильном размещении, а также применения в отношении лиц, допустивших их неправомерную установку и эксплуатацию к административной ответственности, предусмотренной исключительно за неправомерное совершение названных действий в отношении рекламных конструкций, предусмотренных Законом о рекламе.

УДК 342

Д.А.КУЛЕШОВА

научный руководитель
Л.С. БУЛГАКОВА

СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО И БЕСПРИЗОРНОСТЬ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

По мнению Сухомлинского В. А., известного педагога-новатора СССР ,создателя педагогической системы, основанной на признании личности ребёнка высшей ценностью, семья является первичной средой, где человек должен учиться творить добро. Действительно, детство-время формирования фундамента личности: психологического и физиологического здоровья, мировоззрения, принципов и идеалов. Однако, если эта «первичная среда» в лице близких родственников отсутствует? Способно ли отсутствие этой «среды» оказать влияние на склонность к совершению правонарушений?

Прежде всего стоит пояснить суть рассматриваемых явлений «социальное сиротство» и «беспризорность». По определению исследователей Л. Я. Олиференко, Т. И. Шульги, социальные сироты — это дети, оставшиеся без попечения родителей, в том числе дети, родители которых отказались от воспитания детей, либо лишены родительских прав, и взятые на полное государственное обеспечение.

Это особая социально-демографическая группа детей, лишившихся попечения родителей по социально- экономическим, нравственным, психологическим и медицинским причинам (сироты при живых родителях). По мнению Л. В. Мардахаева, определение «социальные», указывает на то, что, в конечном счете, именно в отсутствии достаточных материальных, социальных условий для выполнения каждой семьей, родителем своего долга, в дефиците у них (родителей) чувства ответственности, любви, сострадания и милосердия.[1] Согласно же Федеральному закону от 24.06.1999 N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» беспризорным является безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания.

Стоит отметить, что по своей специфике подростковый возраст не зря считается одним из самых сложных периодов в жизни каждого человека, поскольку физическое, нравственное развитие личности ещё не окончено. Следовательно, у подростков чаще, чем у других возрастных категорий наблюдается эмоциональная неуравновешенность, импульсивность, агрессивность как некая деформация в связи с неокончательно сформированным психологическим здоровьем. Данная ситуация может быть осложнена наличием у лица психопатических черт, которые являются приобретёнными ввиду неблагоприятной обстановки в период детства. Такой «неблагоприятной обстановкой» можно считать «социальное сиротство» и «беспризорность». У ребёнка отсутствует образец, авторитет в лице родителей, что лишает его возможности перенимать определённые модели поведения, устоявшиеся в обществе.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2019 год выявлено 37 953 несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния[2].

Наиболее распространёнными противоправными деяниями среди несовершеннолетних являются:

потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах (ст. 20.20 КоАП РФ);

---

[1] Хамбалова, А. Ф. Социальное сиротство как социально-педагогическая проблема // https://moluch.ru/conf/ped/archive/145/6726/

[2] Генеральная прокуратура Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь –декабрь 2019 г.// https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf

появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ);

мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ);

мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ);

уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 7.17 КоАП РФ);

управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (ст. 12.7 КоАП РФ);

незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 6.8 КоАП РФ);

потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 6.9 КоАП РФ);

проход по железнодорожным путям в неустановленных местах (ч. 5 ст. 11.1 КоАП РФ);

занятие проституцией (ст. 6.11 КоАП РФ);

заведомо ложный вызов пожарной охраны, полиции, скорой медицинской помощи или иных специализированных служб (ст. 19.13 КоАП РФ);

За административные правонарушения к ответственности привлекаются граждане РФ с 16 лет и для них предусмотрены следующие виды административной ответственности:

административный штраф

предупреждение

К несовершеннолетним не могут применяться административный арест и исправительные работы.[1]

По данным федеральной службы исполнения наказаний численность осужденных в воспитательных колониях на 2019 год составила 1155 человек, при чем детей-сирот и лиц до 18 лет, лишенных родительского попечения из них порядка 12 %.[2] Что же заставляет детей, оставшихся без попечения родителей совершать правонарушения и оказываться в воспитательных колониях?

---

[1] Министерство юстиции Российской Федерации. Административная и уголовная ответственность несовершеннолетних// https://minjust.ru/ru/novosti/administrativnaya-i-ugolovnaya-otvetstvennost-nesovershennoletnih.

[2] ФСИН России. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних// http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/

Для несовершеннолетних правонарушителей характерны искажения правового и нравственного сознания, а именно отношения к законодательным актам как к необязательным, непонимание социальной роли закона, отрицание справедливости правоприменительной практики, недоверие к правоохранительным органам и надежда избежать наказания. Для беспризорного правонарушителя и правонарушителя-социального сироты характерны ослабление чувства стыда, развитие несдержанности, отсутствие самокритики и наиболее значимая категория -отсутствие авторитета в лице собственных родителей.

Важно отметить, что общеобразовательный уровень лица играет значимую роль. Если ребёнок не имеет возможности получать качественное образование или вовсе его не получает, то он может быть подвержен формированию антиобщественных взглядов, что непременно способно повлиять на склонность лица к совершению правонарушений.

Кроме того, пример семьи, увиденный ребёнком в период детства, также оставляет определённый отпечаток. Так, например, при воспитании в неблагополучной семье или неполной семье нередко характерно затруднительное материальное положение. Дети вынуждены самостоятельно зарабатывать, ввиду отсутствия образования они зачастую прибегают к доступным, незаконным способам получения денежных средств. Среди незаконных способов мною были перечислены наиболее частые правонарушения среди несовершеннолетних: мелкое хищение, незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, занятие проституцией.

В качестве особо значимого фактора стоит упомянуть и возрастные особенности: недостаток жизненного опыта, повышенная внушаемость, стремление показать независимость, относящиеся к характеристике личности несовершеннолетнего правонарушителя как такового.

Исходя из вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что определённый ряд факторов, свойственных социально-бытовой обстановке беспризорного ребёнка и ребёнка-сироты, способен оказать на лицо сильнейшее, необратимое влияние. Так урок зла, выученный в нежном возрасте, открывает ворота во зло, а урок добра обучает добру. Главная задача воспитательных учреждений, опекунов обеспечить ребёнку-сироте «уроки добра», чтобы по мере возможности исключить среди социально-психологических особенностей подрастающего поколения агрессивность, равнодушие, эмоциональную неуравновешенность. Уроки добра,

ответственности, любви находятся в самых простых известных всем вещах: помощи пожилым людям, заботе о младших в воспитательных учреждениях, занятиях искусством, творчеством. Если ребёнок получал эти «уроки», то всё противоречащее им уже не сможет быть вписано в контекст его понимания добра. Таким образом, снизить уровень преступности среди детей-сирот реально, обеспечив их самым простым-вниманием, заботой и возможностью реализовывать себя с самого детства.

УДК 342.9

А.А. КУСТОВА

научный руководитель
доцент С.В. ВЕДЯШКИН

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Проблема административного судопроизводства в России обсуждается достаточно давно. Наибольшую активность дискуссии вокруг административной юстиции приобретали дважды за последние сто лет: в начале XX века и в конце XX – начале XXI века. Большинство русских ученых начала прошлого века выступали за выделение административной специализации в общих судах[1]. Первые попытки организации административной юстиции были предприняты в 1917 году, однако реализации их была прервана в силу известных событий.

Вновь об административном судопроизводстве с особой активностью заговорили после принятия Конституции Российской Федерации, которая в статье 118 установила 4 вида судопроизводства, в том числе административное. Закономерным, пусть и запоздалым итогом стало принятие в 2015 году Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ).

Некоторыми учеными высказано мнение о том, что теоретические споры о правовой природе административного судопроизводства (является ли она гражданско-процессуальной, административно-процессуальной либо смешанной) завершились на практике

[1] Административное судопроизводство в Российской Федерации : развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Сер.: Юбилеи, конференции, форумы. Вып. 7 / Отв. ред. Ю. Н. Старилов. Воронеж, 2013. – С. 214-215.

принятием КАС РФ, «воплотившего схемы смешанного процесса, включающего правосудие и судебный контроль за законностью и обоснованностью осуществления государственных полномочий органами законодательной и исполнительной властей»[1].

Однако представляется преждевременным закрывать дискуссию таким образом, так как до сих пор не только юридическая наука, но и практика испытывает определенные трудности с определением места административного судопроизводства в правовой системе России.

До принятия КАС РФ административное производство было определенным образом «поглощено» гражданским, выделение же его посредством принятия специализированного акта происходит достаточно болезненно. Представители науки гражданского процесса высказывают мнение, что КАС РФ во многом представляет собой кальку с Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ). Однако, с этим следует в определенной мере не согласиться.

Во-первых, и при самом принятии КАС РФ уже содержал нормы, значительно отличавшие его от ГПК РФ. К числу нововведений, установленным новым кодексом, следует отнести право граждан подавать коллективные исковые заявления, ужесточение требований к представителям сторон, увеличение активности суда в административном судопроизводстве. Данные специфические положения, заложенные в момент принятия КАС РФ, отражают цель создания данного кодекса. В пояснительной записке к законопроекту было определено, что отправной точкой в принятии КАС РФ выступила необходимость создать эффективный механизм защиты прав граждан в административных и иных публичных правоотношения, в которых, в отличие от гражданско-процессуальных, отсутствует как таковое равенство их субъектов, в связи с чем требуются иные методология и процессуальный закон по рассмотрению и разрешению дел, возникающих из данных правоотношений.

Во-вторых, процесс дифференциации гражданского и административного судопроизводства продолжается по настоящий момент. За пять лет, прошедших с приятия КАС РФ, для его изменения было принято порядка 23 Федеральных законов Российской Федерации. Вносимые изменения направлены на дальнейшую конкретизацию процесса защиты прав граждан в административных правоотношениях.

[1] Лусегенова З.С. Современная модель административного правосудия // Судья. 2015. – № 6. – С. 20.

В связи с этим в настоящий момент определение правовой природы КАС РФ как смешанной представляется определенным лукавством, направленным на смягчение противоречий между представителями науки административного права и гражданского процесса.

Значение для определения правовой природы дел, рассматриваемых в административном судопроизводстве, имеет вопрос наличии спора о праве в данной категории дел. Существуют различные мнения исследователей по данному вопросу.

С одной стороны, Жилин Г.А. утверждает, что в делах, рассматриваемых в порядке КАС РФ, присутствует элемент требований о защите нарушенного права[1]. Одновременно с этим в оспариваемом материальном правоотношении существует элемент юридической зависимости одной стороны от другой. Иногда эта зависимость принимает также форму властного подчинения. В этом и проявляется существенное отличие данных дел от тех, которые возникают из частно-правовых отношений, в которых стороны не зависимы друг от друга, а их права и обязанности возникают вследствие частных, а не публичных отношений. Некоторые авторы высказывают, однако, мнение, что само по себе наличие властных полномочий одного субъекта в отношении другого не устанавливает, что правоотношения между ними обязательно построены на основах власти и подчинения[2].

По-другому на данную проблему смотрит Шакарян М.С. Он указывает, что специфическая функция суда при рассмотрении дел данной категории состоит «вовсе не в разрешении спора о праве, а в осуществлении судебного контроля законности действий органов государства»[3].

Представляется, что в первую очередь, нормы КАС РФ направлены именно на защиту прав граждан, разрешения в этом ключе спора о праве. Контроль за законностью действий органов государства со стороны суда представляет собой лишь вспомогательную функцию административного судопроизводства. Однако, мнение о том, что в административных спорах наличие властного субъекта не влечет определенного неравенства сторон является если не ошибочным, то достаточно спорным. Наличие властных

[1] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные версии. Монография / Г.А. Жилин. М., 2010. – С. 159-160.

[2] Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В.Н. Протасов. М., 1991. – С. 89-90.

[3] Гражданское процессуальное право: Учеб. / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. – С. 309-310.

полномочий, организационного и функционального единства органа власти значительно повышает его возможности в процессе рассмотрения и разрешения спора в судебном порядке в сравнении с юридическими и, тем более, физическими лицами.

Одновременно с дискуссией по поводу принятия КАС РФ в науке развернулись споры о целесообразности создания специализированных административных судов в Российской Федерации.

Караманукян Д.Т. на настоящий момент указывает на наличие в мире 4 систем административной юстиции. Первая - административная модель, суть которой состоит в том, что органы административной юстиции входят в исполнительную ветвь власти и неподконтрольны судам общей юрисдикции. Вторая модель носит название общесудебной. Специализированные органы административной юстиции отсутствуют, в том числе судебные. Жалобы на действия органов исполнительной власти рассматриваются аналогами судов общей юрисдикции. Данная модель реализуется на настоящий момент в Российской Федерации. Следующая – квазисудебная – модель представлена трибуналами, которые подконтрольны судам общей юрисдикции. Особый интерес представляет четвертая модель – административно-судебная. Административная юстиция представлена системой специализированных административных судов, которые входят в судебную систему[1].

До принятие КАС РФ создание специализированных судов было вряд ли целесообразно, так как разрешение данных дел происходило в порядке гражданского судопроизводства и отделение судей, которые бы рассматривали указанных категории исковых заявлений, в отдельный судебный орган не отвечало бы целям повышения эффективности и структурирования судебной системы.

В настоящее время высказывается мнение о том, что создание административных судов в России после принятия КАС РФ перешло из научных дискуссий в насущные проблемы реформирования отечественной судебной системы.

Одним из основных факторов, обуславливающих создание в будущем судов, основной специализацией которых будет выступать административные дела, выступает достаточная сложность административных дел в силу осуществления судами по данной категории дел в известной степени также нормоконтроля. Идею создания специализированных административных судов активно поддерживает Верховный Суд Российской Федерации. «В этих

[1] Караманукян Д.Т. Административная юстиция США / Д.Т. Караманукян. Омск, 2014. – С. 24-26.

целях предлагается сформировать межрайонные административные суды, юрисдикция которых будет распространяться на несколько районов субъекта Российской Федерации, и 21 окружной административный суд, юрисдикция которых должна распространяться на несколько субъектов Российской Федерации»[1].

Таким образом, административное судопроизводство в Российской Федерации имеет специфическую правовую природу, обусловленную его целями. Мнение о том, что КАС РФ представляет собой в известной доле кальку с ГПК РФ, на настоящий момент уже не является верной. При своей внешней схожести эти два нормативных акта имеют различную суть. «Сердцевиной» КАС РФ выступают нормы именно публичной, административно-правовой направленности. Специфичность административного судопроизводства диктует необходимость создания отдельных судов, основная функция которых будет заключаться в разрешении административных дел.

УДК 342

И.А. ПОДТЫННИКОВ

научный руководитель
доцент О.А. ГУРЕЕВА

ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АВТОМОБИЛЬНОГО ПЕРЕВОЗЧИКА ЗА ДОСТОВЕРНОСТЬ СВЕДЕНИЙ, СООБЩАЕМЫХ ТАМОЖЕННОМУ ОРГАНУ

За последние 20 лет в таможенных органах сформировалась устойчивая административная практика по привлечению международных автомобильных перевозчиков грузов (далее – перевозчик) к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ. При этом, соответствие указанной практики нормам международного и национального права не является безупречным.

Настоящая работа ориентирована на разъяснение положений таможенного законодательства, а также положений международного права в части регулирования международной автомобильной

[1] Лебедев В.М. От идеи судебного нормоконтроля к административному судопроизводству // Российская юстиция. М., 2000, – № 9. – С. 4.

перевозке грузов в целях установления пределов ответственности перевозчика за достоверность сведений, сообщаемых таможенному органу.

Объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ, составляют действия по сообщению в таможенный орган недостоверных сведений, в частности, о весе брутто при прибытии или убытии с таможенной территории ЕАЭС путем представления недействительных документов либо использование для этих целей поддельного средства идентификации или подлинного средства идентификации, относящегося к другим товарам и (или) транспортным средствам.

Распространенными являются случаи привлечения перевозчиков к административной ответственности по ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ за сообщение в таможенный орган недостоверных сведений о весе брутто.

В целях оценки правомерности привлечения перевозчика за указанное правонарушение следует обратиться к положениям международного права о международной перевозке грузов, а также к практике его применения.

В соответствии с п. 1 ст. 8 Конвенции «О международной дорожной перевозке грузов» от 19.05.1956 (далее – КДПГ) при принятии груза перевозчик обязан проверить: a) точность записей, сделанных в накладной относительно числа грузовых мест, а также их маркировки и номеров; b) внешнее состояние груза и его упаковку. Если перевозчик не имеет достаточной возможности проверить правильность записей, указанных в п. 1 ст. 8 КДПГ, он должен вписать в накладную обоснованные оговорки. Отсутствие таких оговорок в документах в случае выявления недостоверности заявленных в них сведений может свидетельствовать о недостаточной степени заботливости перевозчика о соблюдении требований таможенного законодательства, а следовательно, и о наличии вины в его действиях.

Следовательно, указанными нормами вес товара не отнесен к сведениям, проверка точности которых входит в обязанности перевозчика, а обоснованные оговорки по весу в накладную не вносятся. При этом, согласно п. 3 ст. 8 КДПГ отправитель имеет право требовать проверки перевозчиком веса брутто груза. Результаты указанной проверки вносятся в накладную. Отсутствие указанных сведений свидетельствует о невозможности проведения перевозчиком подобной проверки по своей инициативе.

Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 11 КДПГ, отправитель обязан до передачи груза присоединить к накладной или представить в распоряжение перевозчика необходимые документы и сообщить все требуемые сведения для выполнения таможенных и иных формальностей, в частности, вес груза брутто (п. «h» ч. 1 ст. 6 КДПГ), за достоверность которых несет ответственность отправитель (ч. 1 ст. 7 КДПГ). В то же время ч. 2 ст. 11 КДПГ определяет, что проверка правильности и полноты этих документов не лежит на обязанности перевозчика.

В дальнейшем, сведения из указанных источников используются перевозчиком при заполнении таможенной декларации. Например, согласно Инструкции о порядке заполнения транзитной декларации, утвержденной Решением Комиссии Таможенного Союза от 18.06.2010 № 289, описание товара дается в соответствии с коммерческими, транспортными документами.

Изложенное позволяет сделать вывод об отсутствии у перевозчика обязанности по проверки веса груза. Однако, в таможенной и судебной практики устоялся противоположный подход.

Так, в Письме ФТС России от 30.08.2006 № 18-12/30307 отмечается, что сообщение перевозчиком при прибытии на таможенную территорию РФ таможенному органу недостоверных сведений о количестве грузовых мест, об их маркировке, о наименовании, весе и (или) об объеме товаров влечет административную ответственность, предусмотренную ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ. Однако, принимая во внимание вышеизложенное, на этапе погрузки товара у перевозчика, с учетом положений п. 3 ст. 8 КДПГ, отсутствует возможность проверки веса брутто товара в инициативном порядке.

Дополнительный аргумент в обоснование доводов о правомерном привлечении перевозчика к административной ответственности по ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ в рассматриваемой ситуации заключается в следующем.

Так, в постановлении Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга от 25.02.2019 по делу № 5-85/2019 указано, что вышеизложенные положения КДПГ не исключают возможности перевозчика принять меры для надлежащего исполнения обязанностей, установленных таможенным законодательством РФ, и не освобождают перевозчика от соблюдения таможенных правил. КДПГ регулирует гражданско-правовые отношения между перевозчиком, отправителем, получателем груза и не распространяется на публично-правовые отношения, в которые перевозчик всту-

пает с государством в лице таможенных органов. Осуществляя деятельность по международной перевозке грузов под таможенным контролем, перевозчик принимает на себя ответственность за достоверность сведений, указанных в документах, сопровождающих груз.

Однако, как справедливо отметил Арбитражный суд Центрального округа в постановлении от 24.11.2016 по делу № А48-914/2016, меры для надлежащего выполнения обязанностей перед таможенными органами принимаются перевозчиком на этапе приема груза к перевозке, круг его правовых возможностей ограничен правами, установленными в первую очередь международными договорами, регулирующими вопросы международных перевозок грузов. Подобное утверждение является закономерным в силу того, что до вступления в таможенные правоотношения перевозчик, заключив договор международной перевозки, вступает с отправителем груза в гражданско-правовые отношения.

Изложенная правовая позиция позволяет утверждать, что при исполнении перевозчиком на этапе погрузки товара обязанностей, предусмотренных п. 1-2 ст. 8 КДПГ и при отсутствии в транспортной накладной требований отправителя проверить перевозчиком вес товара, перевозчик принимает достаточные меры для надлежащего выполнения обязанностей перед таможенными органами, исключающих в его действиях состав рассматриваемого административного правонарушения.

Несмотря на изложенное, административная практика таможенных органов продолжает исходить из обязанности перевозчика по проверке достоверности заявляемых сведений о весе брутто товара для надлежащего исполнения публично-правовой обязанности по заявлению достоверных сведений при заявлении таможенной процедуры таможенного транзита.

Между тем, в ходе производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ разъяснения Письма ФТС России, согласно которым для решения вопроса о виновности перевозчика таможенному органу важно определить, какая правовая и реальная возможность была у перевозчика для соблюдения таможенных правил.

При этом, о наличии реальной возможности возможно утверждать только при установлении таможенным органом следующих обстоятельств: наличии весового комплекса в месте погрузки товара или по маршруту следования транспортного средства; результатов прохождения весового контроля транспортного средства на

таких комплексах; сопоставления таких результатов с весом незагруженного транспортного средства исходя из его технической документации; значительности возможного расхождения веса между указанным в товарно-сопроводительной документации и фактически вычисленным (до 10%); возможности обнаружения фактического перевеса груза исходя из осадки транспортного средства. При не установлении изложенных обстоятельств производство по делу об административном правонарушении не может быть признано соответствующим задачам, предусмотренным ст. 24.1 КоАП РФ.

УДК 342

Д.С. ФИЛИПЕНКО

научный руководитель
доцент О.А. ГУРЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ ИНФОРМАЦИИ, РАЗМЕЩЕННОЙ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ», ЗАПРЕЩЕННОЙ

В настоящее время процессы глобализации и информатизации превращают сеть «Интернет» в неотъемлемую часть общественной жизни. Свободные в своих проявлениях, Интернет-ресурсы являются источниками распространения в том числе неправомерного контента, что определенным образом налагает на уполномоченные органы обязанности по осуществлению контроля за этой средой. В целях такого контроля ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет возможность признания информации запрещенной путем включения её на основании судебного решения в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Согласно п. 2.2 ч. 3 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (далее по тексту – КАС РФ) дела о признании запрещенной информации, размещенной в сети «Интернет», являются с недавнего вре-

мени (с момента принятия поправок Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») категорией административных дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства.

Производство по административным делам названной категории стало регулироваться нормами самостоятельной главы 27.1 КАС РФ. Вместе с тем фактическая реализация нововведений оказалась затруднительной, причиной чего послужили следующие обстоятельства.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 265.2 КАС РФ в административном исковом заявлении о признании информации запрещенной сведения об административном ответчике должны быть указаны в случае, если лицо, действия которого послужили поводом для подачи указанного административного искового заявления, было установлено. На практике же как правило возникают ситуации, свидетельствующие об объективной невозможности установления такого лица.

Некоторые авторы отмечают, что административным ответчиком можно считать лицо, которое создает необходимые программно-технические условия для посетителей сайта и несет ответственность за содержание размещенной на нем информации. Следовательно, владелец сайта (или третье лицо, привлекаемое по договору к администрированию сайта) определяет, кто и как будет осуществлять техническую поддержку домена, а значит может выступать в роли административного ответчика[1]. Но технических посредников (провайдеров хостинга, операторов связи, администраторов доменных имен), признать административным ответчиком затруднительно, поскольку роль их сводится лишь к предоставлению технической возможности для размещения информации в сети «Интернет».

Таким образом, получить сведения о лице, действия которого послужили поводом для подачи административного искового заявления о признании информации запрещенной, становится практически невозможно. И даже при обосновании в административном исковом заявлении такой невозможности, на практике суды оставляют административное исковое заявление без движения (или впоследствии возвращают его), ссылаясь на нарушение тре-

[1] Зарубин А.А., Воробей С.Н., Лунева А.В. О правовой регламентации ограничения распространения в сети Интернет запрещенной информации // Закон и право. 2019. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovoy-reglamentatsii-ogranicheniya-rasprostraneniya-v-seti-internet-zapreschennoy-informatsii

бований, предъявляемых к форме и содержанию административного искового заявления в части неуказания сведений об административном ответчике в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 125 КАС РФ.

Ситуацию осложняет еще и то, что в связи с невозможностью установления административного ответчика, нереализованными остаются положения КАС РФ, обязывающие истца направить соответствующие материалы в адрес другой стороны по административному делу. В свою очередь, спорными становятся и вопросы определения подсудности дела, распределения судебных расходов и т.д.

Если мы обратимся к истории вопроса, то ранее административное исковое заявление по делам указанной категории предъявлялось в суд в рамках дел об обжаловании действий (бездействий) государственного органа, а именно Роскомнадзора, который и вступал в процесс в качестве ответчика (так называемого технического ответчика)[1]. В данном случае предметом обжалования выступали действия Роскомнадзора по включению запрещенной информации в Реестр, предусмотренный статьей 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Впоследствии Верховным Судом РФ было реализовано право законодательной инициативы, в результате чего КАС РФ и был дополнен новой главой 27.1, обеспечившей самостоятельное правовое регулирование порядка рассмотрения дел о признании информации, распространяемой в сети «Интернет», запрещенной.

С вступлением в силу положений гл. 27.1 КАС РФ Роскомнадзор или его территориальный орган стал привлекаться к участию в рассмотрении соответствующих административных дел в качестве заинтересованного лица.

И все же проблема определения административного ответчика по делам данной категории устранена не была, а лица, обладающие правом обращаться в суд с указанными требованиями, фактически потеряли возможность реализовать свое право на предъявление административного искового заявления. Это, в частности, касается прокурора как участника административного судопроизводства, поскольку в подавляющем большинстве случаев иски в суды о признании информации запрещенной подаются именно органами прокуратуры[2].

---

[1] Опалев Р.О. Проблемы ограничения доступа к информации в сети Интернет // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. – № 9. С. – 48 - 52.

[2] Информация Роскомнадзора «Алгоритм (порядок) взаимодействия заинтересованных органов при выявлении противоправного контента в сети «Интернет» // Администратор образования. 2018. № 21.

Так, в настоящее время большое количество административных исковых заявлений, направляемых в суд прокурорами, суды оставляют без движения (в последствии возвращают), что значительно препятствует реализации норм КАС РФ в данной сфере, в особенности – реализации полномочий прокурора при выявлении в ходе мониторинга сайтов сети Интернет сайтов, на которых размещена запрещенная информация.

Стоит отметить, что в научной литературе встречается позиция, согласно которой отнесение дел о признании информации запрещенной к делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства, вообще видится необоснованным. В подтверждение этой точки зрения авторы отмечают, что признание информации запрещенной должно осуществляться по правилам особого производства в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом РФ (как это было до принятия КАС РФ), поскольку в таком случае процедура не предусматривала бы обязательного предварительного уведомления лиц, участвующих в деле, а суду достаточно было бы установить факт того, что информация является запрещенной к распространению в Российской Федерации, что обеспечивало бы, в свою очередь, максимально оперативное прекращение доступа к ней[1].

Автору все же представляется обоснованным рассмотрение административных дел рассматриваемой категории в порядке административного судопроизводства в рамках осуществления обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям. Сказанное подтверждается разъяснениями Президиума Верховного Суда РФ, данными 28.03.2018 в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018).

Ряд авторов высказывает мнение о том, что целесообразным является введение внесудебного порядка признания информации, запрещенной к распространению в Российской Федерации с расширением полномочий контролирующих органов (в частности Роскомнадзора)[2].

---

[1] Бывальцева С.Г., Макарова Н.Г. Анализ законопроекта о внесении изменений в КАС РФ, касающихся порядка рассмотрения заявлений прокурора о признании запрещенной информации, распространяемой посредством сети Интернет // Административное право и процесс. 2019. – №4. С. – 40 - 44.

[2] Кондрат И.Н., Петров П.А., Стеренчук Д.Д. Некоторые проблемы, возникающие при обращении прокурора в суд для признания запрещенной к распространению информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Юридическая наука: история и современность. 2018. – №7. – С. 79-83.

Вместе с тем необходимым этапом в процедуре ограничения доступа к запрещенной информации представляется вынесение судебного решения, гарантирующего законность и обоснованность этой процедуры.

Можно предположить, что решением рассматриваемой проблемы может стать определение точного порядка взаимодействия с органами контроля, а именно установление обязанности Роскомнадзора предоставлять информацию, необходимую для правильного рассмотрения и разрешения по существу таких административных дел.

Так, в части получения сведений о лице, действия которого послужили поводом для подачи административного искового заявления о признании запрещенной информации, размещенной в сети «Интернет», обязательной может стать процедура предварительного (перед подачей административного искового заявления) получения этих сведений путем направления запроса в Роскомнадзор. Но на практике это вряд ли устранит проблему поиска лица, распространяющего противоправный контент в сети, и лишь уменьшит шансы на оперативное реагирование на нарушения закона.

Правовым последствием разрешения дела о признании информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной является внесение сведений в указанный ранее Реестр и блокировка доступа к противоправному контенту Роскомнадзором; при этом никакие обязанности на лицо, действия которого послужили поводом для подачи административного искового заявления, не налагаются. Это, в свою очередь, означает, что наличие сведений об административном ответчике не может являться необходимым условием для правильного разрешения дела по существу.

На основе вышесказанного автор считает необходимым внести изменения в ст. 265.2 КАС РФ, устанавливающие для рассматриваемой категории дел изъятие из общего правила, а именно право не указывать сведения об административном ответчике в административном исковом заявлении в случае, если получить такие сведения не представляется возможным.

Это, в свою очередь, устранит препятствия в реализации законодательных положений на практике и позволит оперативно реагировать на нарушения закона в сети «Интернет».

УДК 342

К.С. ХВАН

научный руководитель
доцент С.В. ВОРОБЬЕВА

ПРИНЦИПЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Принципы любой отрасли права представляются как основополагающие идеи, начала, на основе которых выстраивается и функционирует та или иная отрасль права. Принципы избирательного права закрепляют те основополагающие начала, которые являются базовыми для правового регулирования права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления. Они играют важную роль в сфере избирательного права, так как они не только лежат в основе законодательства, посвященного выборам, но и служат главным критерием законности и правомерности действий избирателей, других участников выборов.

Анализ российского законодательства, в частности Основного закона Российской Федерации, позволяет выделить следующие основные принципы: всеобщности, равных выборов, прямых и непрямых выборов, тайного голосования. Для того, чтобы перейти к непосредственной характеристике каждого из указанных основ, рассмотрим исторический аспект их развития.

Сначала отметим, что институт выборов прошел непростой путь и сами принципы избирательного права в современном их понимании появились сравнительно недавно. При этом отмечается, что в нормативных актах они включались еще в период Российской Империи. «И для того, чтобы понять их сущность, необходимо проследить динамику развития принципов избирательного права в истории России XX века, так как именно в этот исторический отрезок времени указанные принципы претерпели наибольшие изменения»[1].

Невозможно не согласиться с тем, что начало XX века было довольно непростым, так как этот период в истории вспоминается тяжелейшими волнениями, о чем говорит событие, именованное

[1] Коломейцева Т.А., Григорьева А.А. История становления и современные проблемы принципов избирательного права // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2016. – № 4 (25). – С. 84.

как «Кровавое воскресенье» (во время массового шествия рабочих были расстреляны мирные демонстранты). Осознавая желание народа ограничить власть, император Николай II приступил к разработке политических реформ. Так, 18 февраля 1905 года император поручил А.Г. Булыгину подготовить проект формирования высшего представительного органа страны – Государственной Думы.

Избирательное право XX века имеет ряд отличительных особенностей, которые в совокупности позволяют говорить об антидемократическом характере. Для начала следует отметить, что голосование не было всеобщим, то есть не все граждане могли участвовать в голосовании, в частности – лица моложе 25 лет, а также студенты, военнослужащие и другие.

Помимо этого, выборы осуществлялись через выборщиков, то есть выборы не были прямыми. Так, крестьяне, городские жители, рабочие, землевладельцы не имели возможности самостоятельно принять участие в выборах, они могли только выбрать выборщиков, и только определенное число. Однако «Новая избирательная система не нашла поддержки у народа, что было выражено во всероссийской октябрьской политической стачке (октябрь 1905 г.)»[1]. Вследствие этого 11 декабря 1905 года были внесены изменения в закон о выборах: теперь избирательные права были предоставлены тем слоям населения, которые раньше их не имели (мелкие землевладельцы, часть городских жителей, рабочие).

Выборы в рассматриваемый период также характеризовались отсутствием равенства избирателей: «в курии землевладельцев одного выборщика выбирает примерно тысяча избирателей, в курии крестьян - пятьдесят тысяч крестьян, в курии городских избирателей – четыре тысячи, а в курии рабочих – девяноста тысяч»[2]. То есть здесь отчетливо прослеживается неравенство между средними и крупными земельными собственниками с одной стороны и крестьянами и рабочими, представительство которых было наименьшим, – с другой.

Думается, что началом института выборов считается принятие первой Советской Конституции 1918 года. Однако и она не внесла положительных изменений – сложившаяся избирательная система была очень схожа с предыдущей. Новая избирательная система характеризовалась следующими чертами:

[1] Там же. С. 84.
[2] Там же. С. 84.

она преимущественно отказалась от всеобщего избирательного права[1];

ввела определенные цензы:

- возрастной ценз был понижен с 25 лет до 18 лет;
- отменен ценз гражданства;
- отменен имущественный ценз;
- отменен гендерный ценз;
- введен трудовой ценз;

ввела непрямое и неравное представительство на выборах в Советы;

многоступенчатость выборов (прямые выборы предусматривались только для формирования сельских и городских Советов, для крестьян – трехступенчатые выборы);

введение открытого голосование. Обосновывалось тем, что, «в отличие от буржуазного государства, в пролетарском государстве избирателям опасаться нечего», все открыто, а значит, все демократично»[2].

Конституция СССР 1924 года продублировала принципы, закрепленные в предыдущей конституции, с небольшими изменениями, касающимися категории лиц, лишенных избирательных прав. Подобная система сохранилась и в последующих конституциях. Существенные изменения в избирательном праве произошли с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. Так, она закрепила те принципы, на которых основывается избирательное право в современном мире: всеобщности, равных выборов, прямых выборов, тайного голосования, гласности. Рассмотрим поподробнее.

Принцип всеобщности предполагает, что избирательным правом обладают все граждане, достигшие определенного возраста и соответствующие необходимым требованиям, цензам.

Российское законодательство также предусмотрело возможность участвовать в выборах каждого гражданина на равных основаниях, что составляет принцип равного избирательного права.

Прямые выборы предполагают участие самих граждан в выборах непосредственно.

Принцип тайного голосования исключает любое вмешательство в виде контроля за волеизъявлением голосующих.

---

[1] Камалетдинов Д.А. Избирательное законодательство советской России в 1917-1936 гг. // COLLOQUIUM-JOURNAL. – 2017. – №11-3 (11). – С. 42-43.

[2] Стучка П. Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его Конституции. М.-Л., 1926. – С. 158.

Принцип гласности, как отмечается некоторыми учеными, в основном связан с «порядком регистрации избирателей, качеством освещения проводимых предвыборных кампаний, реализацией наблюдения за выборами и обеспечением их открытости и прозрачности»[1].

Таким образом, сегодня можно говорить о Российской Федерации как о демократическом государстве, которое провозглашает всеобщее, равное, прямое, тайное голосование.

Вместе с тем некоторые ученые выделяют проблемы относительно закрепления принципов избирательного права в Конституции Российской Федерации. Так, например, есть мнение о том, что такие принципы как принцип всеобщего избирательного права, принцип равного избирательного права, принцип прямого избирательного права и принцип тайного голосования должны быть закреплены не только в отношении выборов президента Российской Федерации, но в целом должны относиться ко всем выборам. Относительно решения данной проблемы существуют несколько точек зрения: одни предлагают создать отдельную главу в Конституции, посвященную избирательной системе; другие – закрепить принципы избирательного права в отношении выборов в конкретные органы государственной власти. Однако не одно из предложенных вариантов, думаем, не будут являться эффективными. Так, в первом случае включение отдельной главы «Избирательная система» в действующую Конституцию РФ нелогично, «так как в настоящее время в Российской Федерации применяется и мажоритарная и пропорциональная избирательные системы для выборов в разные органы государственной власти»[2]. Выбор второго варианта решения проблемы приведет лишь к дублированию одних и тех же принципов в нескольких статьях Конституции Российской Федерации, что также будет нерациональным. Отвергнув указанные варианты некоторые ученые предлагают следующее: «Представляется целесообразным в случае возможного дальнейшего пересмотра Конституции закрепить универсальные принципы избирательного права в ст. 32 Конституции Российской Федерации, посвященной избирательным правам граждан, и дополнить ее пп. 2.1. изложив его в следующей редакции: «Граж-

[1] Паньшин Д.И. Анализ общих норм избирательного права законодательства об обеспечении принципа гласности в рамках избирательного процесса // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. – 2019. – № 13. – С. 58.

[2] Кондращенко Д.А. К вопросу о закреплении принципов избирательного права в Конституции Российской Федерации // Из. Сарат. ун-та. – 2019. – Т. 19, вып. 2. – С. 231.

дане Российской Федерации имеют право на участие в выборах органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». При этом схожее положение, закрепляющее принципы избирательного права в отношении выборов Президента Российской Федерации, необходимо ликвидировать и исключить из ст. 96 Конституции Российской Федерации слова «на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании»[1].

Таким образом, мы видим, что процесс становления принципов избирательного права проходил непросто и в России принципы нашли свое отражение на законодательном уровне сравнительно недавно. Однако закрепленные в 1993 году принципы стали началом формирования той избирательной системы, которую мы видим в настоящее время. При этом не следует забывать о том, что общество развивается и возникают некоторые проблемы, которые важно решить для сохранения тех ценностей, которые мы имеем на данном этапе.

Полагаем, в рамках конституционного реформирования в Российской Федерации ученым следует рассмотреть и новые принципы современного российского избирательного права, в частности речь идет о таких принципах, как принцип регулярности выборов; принцип свободы участия в выборах; принцип открытости и гласности выборов; принцип разграничения полномочий между субъектами избирательного процесса; принцип конкурентности выборов; принцип подлинности результатов выборов; принцип ответственности участников избирательного процесса; принцип федеративных начал системы российского избирательного права; принцип судебной защиты избирательных прав граждан.

В заключении хотелось бы отметить, что прежде, чем принять новый нормативно-правовой акт необходимо уяснить суть, само содержание и значение каждого из принципов избирательного права. Это способствует не только полному воплощению упомянутых принципов в законодательстве, но и реализации прав граждан в области избирательного права и дальнейшего построения российской государственности. Полагаем, это одна из важнейших теоретических задач при построении демократического, правового государства в России.

[1] Там же. С. 231.

СЕКЦИЯ X

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА

УДК 342

А.Д. АСТРАТОВА

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Под налоговой безопасностью государства понимается такое состояние налоговой системы, которое характеризуется устойчивостью и стабильностью всех ее элементов, предполагает рост ресурсного потенциала страны с целью обеспечения социально-экономического развития государства, устойчивость ее финансовой системы, способность противостоять внутренним и внешним угрозам.

Критерий налоговой безопасности представляет собой оценку состояния налогообложения с точки зрения выполнения основных функций налогов и налогообложения. Основным критерием системы налоговой безопасности является сочетание стабильности и максимума налоговых поступлений в бюджет государства. Экономическая безопасность напрямую связана с безопасностью налоговой системы, являющейся ее важнейшей составляющей и несоблюдение которой приводят к экономическим и социальным угрозам: это, прежде всего, вывоз капитала, наличие «теневой» и «серой» экономики, недополучение налогов, так называемые налоговые недоимки[1].

Субъектами обеспечения налоговой безопасности являются органы исполнительной власти, осуществляющие налоговое администрирование. В настоящее время система органов налогово-

[1] Баженов А.А., Мехдиев Ш.З. Налоговая безопасность как элемент национальной безопасности государства // Финансовый ун-т при Правительстве Рос. Федерации. 2012. – №5(22). – С. 85–86.

го администрирования представлена финансовыми, налоговыми и таможенными органами и органами государственных внебюджетных фондов. Они обязаны в первую очередь осуществлять управление в налоговой сфере, а также осуществлять контроль за правильностью исчисления, своевременностью и полнотой уплаты налогов и сборов. Налоговое администрирование представляет собой деятельность налоговых органов (в соответствии с их полномочиями) по осуществлению контроля за соблюдением налогового законодательства Российской Федерации организациями и физическими лицами.

Одной из проблем в обеспечении налоговой безопасности является малая эффективность налогового администрирования. Вызвано это наличием в российской налоговой системе следующих проблем:

ухудшение качества проведения камеральных налоговых проверок, учитывая тот факт, что количество налогоплательщиков возрастает;

недостаточно совершенное законодательство в сфере налогового администрирования, что, в частности, выражено в недостаточной четкости формулировок, касающихся механизма проведения проверок;

внутренние проблемы, связанные с нехваткой высококвалифицированных специалистов, недостаточно совершенным программным обеспечением, не всегда позволяющим своевременно получить данные о налогоплательщике;

проблемы обмена данными между самими налоговыми органами. к примеру, когда отправляется запрос о налогоплательщике, или запрос об истребовании документов по данному налогоплательщику в инспекцию по месту его постановки на учёт, но в установленные сроки ответ не получен, тем самым налоговый орган, отправивший запрос, не может произвести соответствующую работу или осуществить налоговую проверку[1];

уровень налоговой культуры населения. по-прежнему значительная часть налогоплательщиков все ещё не считает себя обязанными своевременно и полно уплачивать налоги и сборы. следствием этих и других факторов является низкий уровень налоговой дисциплины и большое число совершаемых в сфере на-

[1] Дмитриев А. А. Проблемы и перспективы налогового администрирования в Российской Федерации на современном этапе экономического развития // Молодой ученый. 2017. – №25. – С. 144.

логообложения правонарушений, которые выражаются в неуплате налогов и сборов[1].

Для решения вышеупомянутых проблем представляется необходимым организация деятельности субъектов налогового администрирования таким образом, который обеспечивал бы наиболее качественное взимание налогов и сборов, учитывал специфику и состояние современной экономики, изменения в налоговом законодательстве. К основным предложениям по устранению сокрытия доходов от системы налогообложения государство относит ужесточение санкций против правонарушителей, совершенствование законодательства, которое бы устраняло возможность сокрытия доходов, формирование комплекса организационных мер по предупреждению, контролю и пресечению сокрытия доходов от системы налогообложения[2].

Еще одной проблемой в обеспечении налоговой безопасности является малая результативность налогового контроля поступления налоговых платежей и сборов в бюджеты различных уровней.

Статья 82 Налогового кодекса Российской Федерации определяет налоговый контроль, как деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением налогоплательщиками, налоговыми агентами и плательщиками сборов, плательщиками страховых взносов законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном Налоговым кодексом.

Как известно, налоговый контроль влияет на функционирование экономики государства. При малой результативности налогового контроля налогоплательщики будут находить способы уклонения от уплаты налогов и сборов в полном объеме[3]. Среди основных факторов, приводящих к снижению эффективности налогового контроля, можно выделить: рост объемов незаконного вывоза капиталов за границу, сокрытие доходов от налогообложения, усиление влияния криминальных группировок на финансово-хозяйственную деятельность налогоплательщиков, уход предпринимателей в теневой сектор экономики[4].

---

[1] Бутылин Д.В. Проблемы обеспечения налоговой безопасности // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. 2006. – №13. – С.226.

[2] Минеева Т.Е. Проблемы обеспечения налоговой безопасности [Электронный ресурс] Режим доступа: https://storage.tusur.ru/files/36650/КИБЭВС-1508_Минеева.pdf (дата обращения 15.04.2020)

[3] Цвилий-Букланова А.А. Налоговый контроль в системе обеспечения налоговой безопасности государства: автореф. … дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. Челябинск, 2011. С.31.

[4] Галимова И. В. Проблемы налогового контроля в РФ // Царскосельские чтения. 2014. – №6. – С. 81.

В целях повышения уровня эффективности налогового контроля рядом профессоров предлагаются следующие действия:

− включить в обязанности сотрудников отдела камеральных проверок проводить мониторинг финансово-хозяйственной деятельности организаций анализ начисленных налоговых платежей;

− управлениям ФНС России необходимо разработать, составить и согласовать единые методики проведения выездных налоговых проверок с описанием конкретных методов и приемов их осуществления;

– создать в инспекциях ФНС России подразделения внутреннего аудита для рассмотрения возражений на акты выездных налоговых проверок;

_ усовершенствовать нормативно-правовую базу с целью оперативного перекрытия возможных каналов возникновения налоговых нарушений;

− для профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров налоговых органов внедрить новые информационные и образовательные технологии в образовательный процесс подготовки кадров инспекций ФНС[1].

Таким образом, совершенствование механизма обеспечения налоговой безопасности в Российской Федерации необходимо осуществлять посредством минимизации факторов, способствующих снижению эффективности и результативности налогового контроля и налогового администрирования.

УДК 342

М.А. БЕССОНОВА,
Н.А. СИМОНЯН

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

НЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ КАК ОСНОВА БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бюджет Российской Федерации, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, является основным инструментом обеспечения деятельности государства, неотъемлемым элемен-

[1] Галкина В.А., Качанова Н.Н. Направления совершенствования налогового контроля в России для обеспечения его эффективности [Электронный ресурс] Режим доступа: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155047/021.pdf (дата обращения 15.04.2020)

том государственной власти и выражением финансово-экономическое содержания государственного суверенитета. Бюджет – это образуемый из налоговых и неналоговых доходов публичный фонд финансовых средств, предназначенный гарантировать финансовую самостоятельность и независимость государственной власти, а также возможность осуществления ею полномочий и публичных функций, возложенных на нее Конституцией Российской Федерации и законами[1]. Причем вся бюджетная система Российской Федерации базируется на доходах от нефтегазовой деятельности. Данная статья бюджета составляет 1/3 от всех доходов России. Безусловно, это является актуальной проблемой в реалиях современного мира, ведь в таком случае благосостояние всего государства зависит от цен на нефть.

Исходя из статьи 96.6 Бюджетного кодекса Российской Федерации, нефтегазовые доходы - это доходы федерального бюджета от уплаты налога на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья (нефть, газ горючий природный из всех видов месторождений углеводородного сырья, газовый конденсат из всех видов месторождений углеводородного сырья); вывозных таможенных пошлин на нефть сырую; вывозных таможенных пошлин на газ природный; вывозных таможенных пошлин на товары, выработанные из нефти; налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья; акциза на нефтяное сырье, направленное на переработку[2].

Данной проблеме уделяют большое внимание органы государственной власти, в том числе Генеральная прокуратура Российской Федерации. Так на заседании коллегии 17 марта 2020 года Генеральный прокурор Краснов И.В. указал, что деятельность прокуратуры направлена на соблюдение законности в различных отраслях экономики[3]. Это заявление подчеркивает важность урегулирования вопросов, связанных с бюджетной системой.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2008 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова» // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/law/authority/konstitutsionnyi-sud-rf/?page=2

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 (ред. от 27.12.2019) № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 03.08.1998. № 31. ст. 3823.

[3] Новости Генеральной прокуратуры России: официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/ (дата обращения 19.03.2020)

Ежегодно Министерство финансов РФ для реализации принципов бюджетной системы Российской Федерации (например, принцип прозрачности (открытости)) публикует информацию для граждан об основных параметрах федерального бюджета, в которой отражает финансовые показатели за прошедший год и прогнозы на последующие два года. Так, в данном документе указано, что нефтегазовые доходы в 2020 году должны составить 7 472, 2 млрд рублей, а цена на нефть – 57 долларов за баррель[1]. Но данный прогноз не соответствует сегодняшнему дню, уже в марте 2020 года цена на нефть, впервые с 1991 года, упала до рекордного минимума. На 19 марта 2020 года она составляет 25,99 долларов за баррель, а отношение доллара к рублю – 1 к 80[2].

В связи с этим большая часть регионов России в этом году может полностью израсходовать свои ликвидные резервы под влиянием падения доходов бюджетов и увеличения расходов на фоне обвала нефтяных цен и иных событий, происходящих в мире. По данным РБК, если низкие цены на нефть, а также перебои в транспортно-логистических цепочках и мировой торговле сохранятся по истечении первого квартала, то возможно сокращение налоговых отчислений от российских экспортеров из-за спада прибыли и производства. Следовательно, во второй половине года власти регионов из-за отсутствия дополнительных федеральных дотаций будут вынуждены обратиться к долговому финансированию[3]. Таким образом, расходы Российской Федерации превысят доходы, что приведет к дефициту бюджета и к очередному экономическому кризису в стране.

Это говорит о зависимости экономики нашей страны от добычи и экспорта нефти и газа. Причем данная зависимость существует еще со времен Советского Союза. Но Правительство РФ, в частности Министерство финансов, взяло курс на сокращение объёмов добычи нефти для поддержания её стремительно падающей цены. В связи с этим Россия вступила в международный договор ОПЕК+, по которому ограничивались масштабы нефтедобычи. Данные ограничения должны были повысить цены на нефть по

[1] Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/12/main/Budzhet_dlya_grazhdan_2020-2022.pdf (дата обращения 13.03.2020)

[2] БКС Экспресс [Электронный ресурс] // URL: https://bcs-express.ru/kotirovki-i-grafiki/brent (дата обращения 19.03.2020))

[3] Из-за цен на нефть и вируса 62 региона России рискуют лишиться резервов. [Электронный ресурс] // РБК. 13.03.2020. URL: https://www.rbc.ru/economics/13/03/2020/5e6a65d39a79473400bfee3e (дата обращения 13.03.2020)

принципу «чем меньше предложение, тем больше спрос». Однако 6 марта стало известно, что страны-участницы соглашения ОПЕК+ не смогли договориться о параметрах сделки по сокращению добычи, она перестанет действовать с 1 апреля 2020 года[1].

По сути, Россия лишь формально снижает добычу нефти, но фактически ничего не меняется: нефтегазовая отрасль как была на лидирующих позициях, так там и осталась. А ведь сокращение доли нефтегазовых доходов может сыграть положительную роль в снижении зависимости экономики от внешнеэкономической конъюнктуры, что будет способствовать устойчивости доходной части федерального бюджета.

Нефтяной комплекс во многом влияет на большинство сфер национального хозяйства, что ограничивает развитие реального сектора российской экономики. На сегодняшний день в России происходит неэффективное и нерациональное использование природных ресурсов. Это может привести к истощению нефтегазовых месторождений, данное обстоятельство в свою очередь приведет к сокращению объемов добычи, вследствие чего налоговые поступления от нефтегазового сектора в бюджет страны значительно уменьшатся.

Стоит обратить внимание на то, что государство, продолжая столь активную добычу нефти и газа, наносит непоправимый ущерб экологии. В процессе разведки, добычи, хранения, транспортировки и переработки данного сырья происходит воздействие на природу в связи с непосредственным соприкосновением экосистемы с нефтью, но данное взаимодействие становится возможным только при использовании некачественной техники. Поэтому нашей стране и нефтедобывающим организациям необходима разработка и усовершенствование технических процессов, оснащение оборудования для обеспечения безопасности, максимально эффективной эксплуатации и исключения аварий.

Еще одной важной проблемой является то, что компании по добыче углеводорода не занимаются изучением новых местностей, где в будущем возможна нефтедобыча. При этом они осуществляют свою деятельность в труднодоступных месторождениях и пользуются налоговыми льготами. По данной причине потенциальные месторождения остаются неосвоенными, а государство в свою очередь несет колоссальные потери в виде из-за недополучения налогов в бюджет. Ученые считают, что это может привести к снижению показателей экспорта нефти и газа, а также к дальнейшему

[1] Нефтяная сделка России и ОПЕК развалилась [Электронный ресурс] // РБК. 06.03.2020. URL: https://www.rbc.ru/economics/06/03/2020/5e621c139a7947397c940a99 (дата обращения 13.03.2020)

сокращению налоговых поступлений в бюджет от нефтегазовой отрасли и стагнации данной отрасли[1]. В связи с этим необходимо урегулировать пробелы в законодательстве, которыми на данный момент пользуются недобросовестные налогоплательщики.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, нельзя отрицать того факта, что почти половина бюджета Российской Федерации состоит из нефтегазовых доходов, поэтому государству необходимо определить наиболее оптимальную финансовую политику по отношению к производству углеводородного сырья, а также решить вопрос об объемах добычи нефти и газа. Во-вторых, стоит уделить внимание вопросам экологии, так как игнорирование данной проблемы может привести к природным катаклизмам и техногенным катастрофам. Данные обстоятельства в свою очередь вызовут непредвиденные расходы из бюджета России. В-третьих, необходимо развитие новых отраслей промышленности, в которых будут заинтересованы инвесторы и которые увеличат доход государства, а также уменьшат зависимость российской экономики от нефтегазовой деятельности.

УДК 336.2

Н.А. ВАСИЛЬЕВ,
Г.А. КАРАВАЕВ

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

КВАЛИФИКАЦИЯ СТРУКТУРЫ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДРОБЛЕНИЯ КАК ЗАКОННОЙ ОПТИМИЗАЦИИ И КАК НАЛОГОВОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Правовая сущность понятия налога регламентируется п. 1 ст. 8 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ). Налогом признается рассчитанная определенным образом денежная сумма, которую обязаны заплатить юридические и физические лица с полученного дохода от использования своего имущества или имущественных прав[2].

[1] Григоренко И.В., Коновалова М. Система налогообложения нефтегазового сектора экономики России: проблемы и пути развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – № 4 (2). 2019. – С.165-168.

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

Конституционный Суд РФ в своих определениях неоднократно подчеркивал, что в силу принципа правовой определенности, который выступает одним из основных элементов правового государства, а также с учетом конституционных гарантий свободы экономической деятельности, запрета несоразмерного ограничения прав частных лиц, охраны частной собственности налогоплательщики должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав в том, что касается размера налоговой обязанности, правильности и полноты ее исполнения.

Среди большого перечня способов оптимизации налогообложения одним из самых популярных и востребованных является дробление бизнеса. Указанный способ заключается в разделении наиболее крупного предприятия на более мелкие с таким условием, чтобы у каждой новой образованной компании было право на единый налог на вмененный доход или право на упрощенную систему налогообложения.

Согласно постановлению Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. №53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» налоговая выгода признается необоснованной в двух случаях:

а) если для целей налогообложения учтены операции, которые не были обусловлены разумными экономическими или иными целями делового характера;

б) если для целей налогообложения были учтены операции, которые не соотносятся с их действительным реальным экономическим смыслом[1].

Овчар О.В. отмечает, что определение деловой цели в налоговых спорах, связанных с дроблением бизнеса, носит ключевой характер. В случае же использования налогоплательщиком данного способа оптимизации налогообложения исключительно для снижения налоговых обязательств, то вести речь о цели делового характера, регламентируемой ст. 54.1 НК РФ, недопустимо[2].

---

[1] Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. №53 // Вестник ВАС РФ. 2006. – № 12.

[2] Овчар О.В. Дробление бизнеса: подход ФНС России // Налоговед 2019. – №2. – С.36.

Обращаясь к постановлению Президиума ВАС РФ от 09.04.2013 г. №15570/12 необходимо выделить следующие критерии для разграничения дробления бизнеса как законной оптимизации от налогового правонарушения[1].

Так, по мнению суда, такими критериями являются:

прекращение одного из видов деятельности у первоначальной организации и выделение указанного направления деятельности у вновь образованной организации;

направление разграничения бизнеса (либо на законную оптимизацию, либо на достижение необоснованной налоговой выгоды);

образовавшийся в ходе реорганизации состав участников юридических лиц.

Исходя из приведенных критериев, судебная практика указывает на то, что при квалификации дробления бизнеса как налогового правонарушения, которое заключается в получении необоснованной выгоды, налоговому органу необходимо располагать такими доказательствами, которые в совокупности будут однозначно указывать на виновность лиц, а также на совершение последними данного правонарушения в форме умысла путем уклонения от выполнения налоговой обязанности либо её уменьшения.

Так, Гаджиев Г.А. отмечает, что государство не должно возлагать на граждан ответственность за возникшую правовую неопределенность в налоговом законодательстве по факту такого явления, как возможность возникновения необоснованной налоговой выгоды при дроблении бизнеса.

Необходимо для начала выработать однозначную позицию в отношении кого должны возлагаться неблагоприятные последствия за получение необоснованной налоговой выгоды[2].

Особое внимание необходимо уделить Определению Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 г. №1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на его нарушение конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247-249 и 274 НК РФ». Суть спора заключается в доначислении налога налоговым органом гражданину Бунееву С.П. с указанием на необоснованно полученную налоговую

[1] Постановление Президиума ВАС РФ от 09.04.2013 №15570/12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.arbitr.ru4ba5b5f8-ceaa-4a98-b6d9-328229223dc6.html

[2] Нетупский П.И. Почему уплата налогов не защищает от претензий со стороны налоговой // Деловой Петербург. 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Faccount.spb.

выгоду в результате дробления бизнеса, а также в последующем в возбуждении уголовного дела в отношении руководителя компании по ст. 199 УК РФ[1].

При квалификации правонарушения по факту злоупотребления налогоплательщиком своими правами налоговый орган выделяет в совокупности следующие критерии:

целенаправленность формального дробления бизнеса;

выражение цели в занижении доходов путем распределения их на взаимозависимых лиц;

применение указанными лицами режимов налогообложения, при которых не уплачивается ЕНВД, НДС и УСН;

умышленное создание дополнительного звена в системе реализации товара с целью уменьшения налоговых обязательств;

создание искусственной ситуации (фактическую деятельность одного налогоплательщика прикрывает видимая деятельность нескольких налогоплательщиков);

формальное соблюдение налогового законодательства.

В своем Определении Конституционный Суд не находит основания для дополнительного толкования оспариваемых норм права, и при этом отмечает о возможности использования налогоплательщиком налоговых льгот или отказа от них, однако при условии, что это не должно применяться для сокращения налоговых поступлений.

Судья Арановский К.В. выразил по рассматриваемому спору особое мнение, где указывает на то, что дробление бизнеса как таковое не опровергает презумпцию добросовестности налогоплательщика и при этом не образует состав правонарушения. Необоснованной выгодой же необходимо признавать только ту выгоду, которая была получена путем нарушения налогового законодательства.

Председатель Конституционного Суда РФ Зорькин В.Д. в своих научных трудах указывает на необходимость пересмотра подходов к определению элементов специальных режимов налогообложения таким образом, чтобы малый и средний бизнес имели возможность осуществлять свою деятельность и получать прибыль, при этом минимизировать риск стать субъектом налогового правонарушения, в том числе и при осуществлении дробления бизнеса[2].

---

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на его нарушение конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247-249 и 274 НК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 г. №1440-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. №226. Ст.7689.

Предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 54.1 НК РФ и дополнить указанную норму пунктом 3.1 в следующей редакции: при выявлении налоговым органом в результате реорганизации юридического лица путем создания группы взаимозависимых организаций и индивидуальных предпринимателей получения необоснованной налоговой выгоды за счет использования налогоплательщиками специальных налоговых режимов, налоговая обязанность налогоплательщика определяется в том размере, в каком юридическое лицо должно было уплатить, если бы аффилированные с ним налогоплательщики не принимали участия в осуществлении предпринимательской деятельности.

УДК 346

А.С. ВАСИЛЬЕВА,
А.А. ПЕРЕКОСОВА

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

На сегодняшний день развитие малого и среднего бизнеса является одним из приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации. В целях содействия предпринимательству налоговым законодательством предусмотрена упрощенная система налогообложения (далее - УСН), представляющая особый порядок уплаты налогов.

Среди основных преимуществ применения УСН можно выделить: возможность самостоятельного выбора субъектом объекта налогообложения и способа расчёта налоговой базы; облегчение составления и ведения бухгалтерского и налогового учета; уплату единого налога, вместо целого ряда, как при использовании общей системы налогообложения; возможность совмещать УСН с другими специальным налоговыми режимами.

Однако несмотря на множество положительных аспектов УСН, ее применение зачастую связано с рядом трудностей, достойно справиться с которыми способны далеко не все налогоплательщики. Так, одной из сложностей является невозможность большого количества представителей малого и среднего бизнеса соответствовать установленным законодательством критериям,

так называемого, УСН - плательщика. Данное положение складывается из ряда факторов, одним из которых является установленное ограничение численности сотрудников соответствующей организации (не более 100 человек), что весьма затруднительно для отдельных направлений деятельности. Например, производство товаров массового потребления требует достаточно большого количества привлеченных специалистов из разных отраслей, что в свою очередь не представляется возможным по условиям УСН. Подобное зачастую становится способствует неофициальному трудоустройству, что нарушает нормы трудового законодательства.

Особое значение в рамках обозначенной проблемы имеет также критерий уровня дохода организации. Так, в соответствии с п. 2 ст. 248 Налогового Кодекса РФ (далее – НК РФ) организация имеет право перейти на упрощенную систему налогообложения, если по итогам девяти месяцев ее доходы не превысили 112,5 млн. рублей[1]. Для того, чтобы соответствовать указанным условиям, ряд организаций нарушает действующее законодательство, скрывая часть своего дохода. Как отмечают Голыш С.А. и Лазич Ю.В., «строгие критерии для перехода и применения УСН, установленные НК РФ, являются серьезным препятствием для динамично развивающихся предприятий малого и среднего бизнеса; например, для таких, у которых выручка становится свыше установленного лимита за год, а остальные критерии соблюдаются»[2]. Кроме того, для ряда организаций и индивидуальных предпринимателей, например, для нотариусов, занимающихся частной практикой, и адвокатов, учредивших адвокатские кабинеты, законодатель предусматривает прямой запрет на применение упрощенного режима налогообложения. Таким образом, даже при условии соответствия установленным критериям, далеко не все налогоплательщики смогут воспользоваться указанной системой.

Следует также отметить, что важно не только перейти на УСН, но и сохранить за собой право на ее применение путем соблюдения установленных законодателем условий, так как в противном случае, как отмечают Адаменко А.А. и Петров Д.В., «налогоплательщики теряют право применения УСН с начала того квартала, в котором допущено нарушение, и,

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117 ФЗ (ред. от 18.03.2020) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 11.04.2020).

[2] Голыш С.А., Лазич Ю.В. Преимущества и недостатки применения упрощенной системы налогообложения // Beneficium. 2018. № 4 (29). URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 11.04.2020).

кроме того, с этого момента обязаны рассчитывать и уплачивать налоги по общему режиму налогообложения в порядке, который предусмотрен для вновь созданных организаций»[1].

Следующий проблемный аспект применения УСН связан с особенностями взаимодействия налогоплательщиков разных систем.

В соответствии с НК РФ лица, использующие систему упрощенного налогообложения, освобождаются от уплаты НДС, что несомненно является одним из преимуществ УСН. Однако данное обстоятельство служит и причиной возникновения ряда проблем.

Согласно п. 2 и п. 3 ст. 346.11 НК РФ налогоплательщики УСН не являются плательщиками НДС, в связи с чем при использовании системы упрощенного налогообложения счета-фактуры покупателям и заказчикам не выставляются. Для организаций – продавцов, использующих УСН, это, безусловно, положительный фактор. Однако, для организации – заказчиков, которые работают по общей системе налогообложения и являются плательщиками НДС, сделки с предпринимателями и организациями, которые работают по УСН, представляются невыгодными, так как приводят к значительному возрастанию суммы НДС, необходимой для перечисления в бюджет. Вследствие этого плательщики НДС, как правило, неохотно заключают сделки с теми, кто освобожден от уплаты данного вида налога.

При этом стоит отметить, что в двух случаях упущенные при указанной выше ситуации денежные средства могут компенсироваться. Во-первых, когда налогоплательщик УСН в силу отсутствия обязанности уплаты НДС устанавливает более низкие цены на товары или заказы, что приводит к покрытию потерь приобретателя. Во-вторых, когда в целях сохранения партнерских отношений налогоплательщик УСН добровольно выставляет покупателю счет-фактуры с выделенной суммой НДС. В таком случае согласно подп. 1 п. 5 ст. 173 НК РФ лицу, использующему УСН, будет необходимо уплатить всю сумму налога в бюджет. Однако для продавца приведенные варианты нивелирования возникших трудностей зачастую не представляются выгодными.

Особое внимание в рамках рассмотрения проблемных аспектов применения УСН необходимо уделить и особенностям определения расходов соответствующей организации или ИП. Так, предусмотренный ст. 346.16 НК РФ перечень расходов для опре-

[1] Адаменко А.А., Петров Д.В. Применение упрощенной системы налогообложения субъектами малого и среднего бизнеса // Вестник Академии знаний. 2019. № 33 (4). URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 11.04.2020).

деления налоговой базы при УСН с объектом налогообложения «доходы, уменьшенные на величину расходов» содержит всего 37 позиций, которые в полной мере не отражают всех затрат, понесенных субъектом налогообложения. Например, в данном перечне не значатся расходы, связанные с подпиской на периодические издания, и налоговую базу не уменьшают, так как они не предусмотрены в закрытом перечне расходов, которые учитываются при расчете единого налога при упрощенной системе[1].

Следует отметить, что расходы для определения налоговой базы при УСН зачастую становятся предметом правонарушений, связанных с так называемым «уходом от налогов». Так, суд Волго-Вятского округа отклонил требования налогоплательщика УСН, являвшегося арендодателем, о включении в его расходы всех расходов взаимозависимого лица – арендатора, сдавшего помещение в субаренду. В обосновании своей позиции суд указал, что наличие оснований для учета дохода, который получен арендаторами в результате передачи помещений в субаренду, в качестве дохода самого арендодателя, не означает объединение всей деятельности арендодателей и арендаторов, в связи с чем отсутствуют и основания для учета в составе расходов арендодателя расходов взаимозависимого арендодателя, которые не связаны с передачей помещений в субаренду[2].

Отличительной чертой УСН также является использование кассового метода учета доходов. Как отмечают Смекалов П.В. и Нефедкина М.О., «с одной стороны, при кассовом методе учитываются только фактические доходы, с другой – на основании п. 1. ст. 346.17 НК РФ в них входят полученные авансы, несмотря на то, что до отгрузки товаров (оказания услуг, выполнения работ) они, по сути, не являются доходами и могут быть возвращены»[3]. Таким образом, возникает ситуация, при которой субъект упрощенного налогообложения вынужден уплачивать налоги с денежных средств, которые еще фактически не стали доходом в связи с возможностью возврата аванса.

---

[1] Калачева Т.И. Преимущества и недостатки упрощенной системы налогообложения // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 3 (1). URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 12.04.2020)

[2] Дело № А29-12683/2017 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.01.2019 г. Судебная практика. Доступ: URL: http://sudact.ru (дата обращения: 12.04.2020)

[3] Смекалов П.В., Нефедкина М.О. Проблемы и перспективы развития упрощенной системы налогообложения // European research, 2015. № 3 (4). URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 12.04.2020)

Анализируя обозначенные проблемные аспекты применения УСН, представляется необходимым предусмотреть сохранение права на применение УСН в случае уведомления налогоплательщиком налогового органа о возникшем нарушении и принятии мер по его устранению. Однако в случае неоднократного нарушения лицо должно быть лишено данной возможности.

В свою очередь, проблема кассового учета может быть разрешена путем исключения из перечня доходов, не имеющихся в полном распоряжении налогоплательщика денежных средств.

В целях устранения имеющихся недостатков данной системы налогообложения необходимо также расширить перечень расходов для определения налоговой базы при УСН.

Таким образом, упрощённая система налогообложения имеет ряд недостатков, нуждающихся в законодательном урегулировании.

УДК 347

К.В. ВОРЫШЕВА,
А.А. ДРЕСВЯННИКОВА

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ст.116 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Налоговым законодательством предусмотрены различные формы налогового контроля, одной из которых является учет организаций и физических лиц в налоговых органах. Это позволяет государству получать полную и достоверную информацию о потенциальных налогоплательщиках и их деятельности. Статья 83 НК РФ гласит: «организации и физические лица подлежат постановке на учет в налоговых органах по основаниям, предусмотренным в НК РФ». Постановка на учет в налоговом органе осуществляется независимо от того, возникла ли у организации или индивидуального предпринимателя обязанность по уплате налогов и сборов (п. 2 ст. 83 НК РФ).

Подпункт 2 пункта 1 статьи 23 НК РФ устанавливает обязанность организаций и физических лиц вставать на учет в налоговых органах. Данная норма влечет за собой необходимость совершения налогоплательщиком действий по постановке на учет, а именно подачи заявления в налоговый орган.

Пунктом 1 статьи 116 НК РФ предусмотрена ответственность налогоплательщика за нарушение срока подачи заявления о постановке на учет в налоговом органе. Таким образом, для правильной квалификации данного налогового правонарушения представляется важным установить, в какие сроки налогоплательщик обязан встать на учет.

Исходя из проведенного анализа ст.83 НК РФ, нами был сделан вывод о том, что п. 1-9 не содержат срок подачи заявления о постановке на учет. Нормативными актами ФНС РФ данный срок также не регламентируется. Различна и судебная практика, т.к. в одних случаях арбитражные суды выносят вердикт о привлечении к ответственности (решение Старорусского районного суда (Новгородская область) № 2А-541/2016 2А-541/2016~М-65/2016 М-65/2016 от 29 марта 2016 г. по делу № 2А-541/2016.), а в других случаях суды говорят о недействительности решений налоговых органов о привлечении к ответственности налогоплательщиков по п.1 ст.116 НК РФ (решение Арбитражного суда Омской области по делу № А46 – 1235/2015 от 27.04.2015 г). Отсутствие законодательного регулирования не защищает нарушенные законные права налогоплательщиков, что приводит к необоснованным затратам.

Тем не менее, стоит отметить, что НК РФ все же устанавливает срок подачи заявления в отдельных случаях. Так, например, применительно к налогоплательщикам, изъявившим желание перейти на единый налог, он составляет 5 дней (п. 3 ст. 346.28 НК РФ), а применительно к учету при выполнении соглашений 10 дней (п. 5 ст. 346.41 НК РФ).

П.2 ст.116 НК РФ устанавливает ответственность за ведение деятельности организацией или индивидуальным предпринимателем без постановки на учет в налоговых органах по основаниям, предусмотренным НК РФ. На наш взгляд целесообразно установить легальное определение «ведение деятельности организацией или индивидуальным предпринимателем». Как считает Реймер Г.А., в данное определение следует включить количество совершенных лицом сделок или продолжительности рабочего функционирования организации[1].

[1] Реймер Г. А. Проблемы, возникающие при квалификации налоговых правонарушений, и способы их устранения // Научный журнал. 2017. №10 (23). С. 46. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30742716& (Дата обращения: 15.03.2020 г.).

Исходя из буквального толкования диспозиции данного пункта, круг субъектов ограничен организациями и индивидуальными предпринимателями. В то время п. 1 ст. 116 НК РФ субъектом называет налогоплательщика в целом. По нашему мнению, такое отличие не имеет практического значения, поскольку для физических лиц не предусмотрена обязанность по подаче заявления в налоговый орган для постановки на учет.

Санкция данного пункта установлена в виде штрафа в размере 10% от доходов, полученных в течение указанного времени в результате такой деятельности, но не менее 40 тыс. руб. Возникает вопрос: обязательно ли получение дохода для привлечения к ответственности по данной норме?

Ответ на данный вопрос законодательно не урегулирован, что приводит к различному толкованию данного положения налоговыми органами, налогоплательщиками и судами. Проводя мероприятия налогового контроля, налоговые органы не учитывают факт получения налогоплательщиками дохода от ведения деятельности без постановки на учет. [1] Такие решения налоговых органов приводят к конфликтам с налогоплательщиками, что ведет к судебному разбирательству. Однако судебная практика также противоречива. Имеются судебные решения, в которых получение дохода признается обязательным условием для привлечения к ответственности по п. 2 ст. 116 НК РФ (постановление ФАС Московского округа от 25 июля 2012 года №Ф05 – 7865/12 по делу № А40-123199/2011). Но в то же время при рассмотрении данного вопросы некоторые суды не признают его таковым (постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 30 сентября 2017 года по делу N А06-780/2017).

Проблема соотношения рассмотренных нами составов ст. 116 НК РФ также является дискуссионной. В настоящее время невозможно установить срок, по истечении которого применяется квалифицированный состав п. 2 ст. 116 НК РФ, что создает возможность злоупотребления со стороны налоговых органов и вызывает разнообразие судебной практики. Вызывает затруднения расчет данного срока. Отметим, что в ранее действовавшей редакции НК РФ данный срок был установлен в 90 дней.

Кроме того, возможно и привлечение к ответственности сразу по двум пунктам данной статьи, что создает ситуацию «двойной»

[1] Саргсян С. М. Ответственность за налоговые правонарушения [Текст] // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 90. [Электронный ресурс]. URL https://moluch.ru/conf/law/archive/179/9072/ (Дата обращения: 17.03.2020 г.).

налоговой ответственности[1]. В ранее действовавшей редакции квалификация действий по п. 1 ст. 116 НК РФ допускалась только при отсутствии признаков налогового правонарушения, предусмотренного п. 2 данной статьи.

Подводя итоги, мы приходим к выводу о том, что существуют проблемы законодательного урегулирования привлечения к ответственности по ст. 116 НК РФ. Представляется необходимым изменить редакцию данной статьи, а именно изложить ее следующим образом: «Нарушение налогоплательщиком установленного настоящим Кодексом срока подачи заявления о постановке на учет в налоговом органе по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом, влечет взыскание штрафа в размере 40 тысяч рублей».

Кроме того, усовершенствованию подлежит и п. 3 ст. 83 НК РФ. Представляется обоснованным сформулировать его следующим образом: «Российские организация по месту нахождения, а индивидуальный предприниматель по месту жительства, подают заявление в письменной форме в налоговый орган о постановке на учёт в течение 10 дней после их создания».

УДК 336.221

В.В. ЗУБЕНКО,
С.М. КИРЮХИНА

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Развитие информационных технологий модернизирует финансовый рынок. На международной экономической арене появляются новые финансовые инструменты, среди которых наиболее известным является криптовалюта. Развитие крипторынка и вовлечение в его транзакции все большего числа участников актуализирует проблему его правового регулирования. Так, на коллегиях и совещаниях Генеральной прокуратуры нередко затрагиваются проблемные аспекты развития информационной экономики в связи с возрастанием числа кибер-мошенничеств, нелегальных

[1] Иванова И.А., Бажинова Т.К. Современные подход к регистрации налогоплательщика // Вестник Тульского университета (ТИЭИ). Тула: Частная образовательная организация высшего образования - ассоциация «ТУЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (ТИЭИ)», 2016. С. 142. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29144189 (Дата обращения: 17.03.2020 г.).

криптовалютных операций, а также использования криптовалюты как средства для легализации доходов[1]. Ввиду того, что в настоящее время нет четкого механизма, контролирующего данный вид деятельности, отсутствуют специальные нормы, регулирующие вопросы налогообложения доходов от деятельности с криптовалютой, данный пробел требует особо внимания со стороны законодателя и правоохранительных органов.

По своей природе криптовалюта представляет собой децентрализованную виртуальную валюту, основанную на математических алгоритмах и защищенную методами криптографии, выпуск которой осуществляется на основе распределенных реестров[2].

В науке существует позиция об отнесении криптовалюты к деньгам[3], однако это противоречит ст. 27,29 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[4] и ст. 75 Конституции РФ[5], так как официальной денежной единицей в России является рубль, а выпуск денежных суррогатов запрещен.

В судебной практике встречается отнесение криптовалюты к электронным денежным средствам[6], к иному имуществу[7], а также к подвиду объекта особого рода информации[8]. В одной

---

[1] Сайт Генеральной Прокуратуры РФ https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/

[2] Обзор Банка России по криптовалютам, ICO и подходам к их регулированию. Москва. Декабрь 2017 г.[Электронный ресурс]//URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf.(дата обращения:03.03.2020)

[3] Михайлишина А.А. Правовой статус криптовалюты в РФ// Вопросы российской юстиции. 2019. – №1. – С.780.

[4] О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. Закон Рос. Федерации от 10.07.2002 № 86-ФЗ: в ред. от 27.12.2019// Парламентская газета, № 131-132, 13.07.2002.

[5] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)

[6] URL:http://vologda.arbitr.ru/cases/ctimetable?prefix=%D0%9013&fld_t_31=0&datefrom=15.08.2016&dateto=&nomerDeloNosend=15648%2F2015&numdeal=15648&yeardeal=2015&participant=&fld_14=&fld_16=&judge= (дата обращения:15.03.2020)

[7] Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18[Электронный ресурс]//СПС КонсультантПлюс.URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056#07583203760389134(дата обращения:09.03.2020)

[8] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу о несостоятельности № А40-124668/2017 г. //[Электронный ресурс]//Судебные и нормативные акты РФ .URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/20EHFIeHovUP/.(дата обращения:10.03.2020)

из версий законопроекта № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» криптовалюта определялась как вид цифрового финансового актива, а цифровой финансовый актив как имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств.

От определения правового статуса криптовалюты и от того, к какой категории доходов относится прибыль, полученная от финансовых операций с ней, напрямую зависят принципы налогообложения криптовалютной деятельности. Полагаем, что в России криптовалюту можно признать объектом гражданских прав, относя её к цифровым правам несмотря на то, что в 141.1 ГК РФ это прямо не закреплено.

По своей экономической природе криптовалюта - деривати на оказание услуг по предоставлению вычислительных мощностей для проведения операций с распределенной децентрализованной базой данных. Как деривати на оказание услуг криптовалюта и обретает свою стоимость при обмене на другие ценности, таким образом финансовые операции с криптовалютой приносят доход.

Согласно ч.1 ст. 38 Налогового Кодекса РФ (далее НК РФ), доход является объектом налогообложения. В соответствии с ч. 1 ст. 41 НК РФ, доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с главами «Налог на доходы физических лиц», «Налог на прибыль организаций» НК РФ.

В настоящее время финансовые операции по продаже криптовалюты рассматривается как продажа имущества, в связи с чем полученный доход подлежит обложению НДФЛ. Такой доход может быть уменьшен на расходы по приобретению криптовалюты, если они документально подтверждены (пп. 2 п. 2 ст. 220 НК РФ; Письма Минфина России от 08.11.2018 № 03-04-07/80764, от 17.05.2018 N 03-04-07/33234).

Говоря об объектах налогообложения НДФЛ отметим, что у физических лиц – это доход, в общем порядке облагаемый НДФЛ; у организации – прибыль (как разница между доходом и расходами на приобретение криптовалюты за счет колебания курса криптовалюты), облагаемая налогом на прибыль организаций. У организаций возникнет также объект налогообложения в виде дохода, в общем порядке облагаемый НДС, если не будет уста-

новлена льгота по НДС (как, например, в отношении реализации программ для ЭВМ и баз данных, согласно подп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ) [1].

При получении дохода от продажи криптовалюты необходимо самостоятельно исчислить НДФЛ и подать налоговую декларацию. Например, если вы купили биткоинов на 10 тыс. руб. и продали за 20 тыс. руб., то налог надо будет уплатить с 20 тыс. Если же сделка оказалась невыгодной, например, купили на 10 тыс., а продали за 5 тыс., налог все равно надо будет заплатить с 5 тыс. Кроме того, перечень документов и порядок подтверждения расходов по операциям с криптовалютой не установлены (п. 7 ст. 220, п. 2 п. 1, п. п. 2, 3 ст. 228, п. 1 ст. 229 НК РФ).

Отметим, что указанная модель налогообложения доходов от операций с криптовалютой применяется и действует в отсутствие правового регулирования и нормативного закрепления криптовалюты, поэтому рассмотрим альтернативные формы налогообложения.

В случае признания криптовалюты цифровым товаром и введения механизма налогообложения по типу деривативов, сделки с криптовалютой будут облагаться налогом в размере 18 %, как и любые другие цифровые товары (стали облагаться налогом известным как налог «на Google» с июня 2017 года)[2]. Если же вводить механизм налогообложения, используемый при сделках с производными финансовыми инструментами, то такой доход будет облагаться по ставке 20 % (ст. 280 НК РФ)[3].

Отвечая на вопрос о налогообложении деятельности организаций, занимающихся майнингом обратимся к Письму Минфина России от 28.08.2018 № 03-03-06/1/61152. Так, Минфин отмечает, что логика положений гл. 25 НК РФ подразумевает налогообложение всех доходов, полученных налогоплательщиком при осуществлении деятельности, за исключением поименованных в ст. 251 НК РФ. При этом особый порядок налогообложения доходов при совершении операций с криптовалютой гл. 25 НК РФ не установлен. Так как майнинг – сам факт создания криптовалют, то соответствующие доходы организаций можно учитывать как

[1] Кинсбурская В.А. О налогообложении доходов, полученных в результате операций по созданию и использованию криптовалют // Налоги и налогообложение. 2019. – № 6. – С.30.

[2] Зверева Т.В., Мельник С.Г., Шуина А.А. Актуальные вопросы налогообложения криптовалюты на примере биткоин// ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. – № 2 (24). – С. 186.

[3] Там же.

внереализационные доходы, перечень которых, согласно ст. 250 НК РФ, является открытым. Однако нам представляется целесообразным все же использовать патентную система налогообложения, когда зарегистрированный майнер каждый год должен платить определенную сумму за патент. Говоря о физических лицах, осуществляющих майнинг, можно отметить, что в отсутствие законодательного регулирования доход, полученный от майнинга, допустимо на общих основаниях облагать НДФЛ.

Обратим внимание и на вопрос налогообложения ICO. ICO представляет собой аналог первичного публичного размещения акций. Поэтому налогообложение при осуществлении операций с криптовалютами на электронных биржах может осуществляться по аналогии с ценными бумагами (214.1 НК РФ).

Таким образом, в настоящее время на практике налог на криптовалюту в России не уплачивается по причине отсутствия должного законодательного регулирования. Кроме того, существенной проблемой является анонимность пользователей, которую обеспечивает блокчейн-технология, что усложняет установление личности потенциального налогоплательщика.

По нашему мнению, для выведение из тени операций с криптовалютой, необходимо законодательно закрепить её легальное определение и правовой статус, режим правового регулирования, установить минимальный порог необлагаемого дохода (в Германии такой порог составляет €600) и некоторые другие льготы. Например, освобождение от уплаты налога от переоценки криптовалюты, если она не продавалась в течение года.

Помимо этого, представляется целесообразным создание специализированного «цифрового» подразделения в органах прокуратуры в целях усиления надзора за законностью криптовалютных операций, сотрудничества с налоговыми органами по вопросам уплаты налогов организациями в рамках соблюдения налогового законодательства при осуществлении криптовалютных операций либо осуществлении майнинговой деятельности, а также международного сотрудничества для борьбы с «криптопреступлениями». Так, Служба внутренних доходов США (IRS) уже организовала международную рабочую группу вместе с налоговыми органами из четырех других стран для совместной работы по раскрытию преступлений с использованием криптовалюты.

Цифровизация экономики – стремительный и неизбежный процесс, поэтому право, как регулятор экономических процессов должно отвечать объективным требованиям современности.

УДК 346

С.А. КРЫШТОПИН

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СПЕЦИАЛЬНОМ НАЛОГОВОМ РЕЖИМЕ «НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД»

В законодательном регулировании категории «самозанятых» лиц на протяжении длительного времени существует ряд неразрешенных проблем. В связи с этим особо актуальным явился вступивший с 1 января 2019 года в силу Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» № 422-ФЗ (далее – ФЗ № 422).

Насколько указанный Федеральный закон соответствует ожиданиям граждан? Исходя из оперативных данных об исполнении доходов бюджета г. Москвы, за первые 2 месяца со дня начала действия ФЗ № 422 в казну города по налогу на профессиональный доход поступила сумма налоговых доходов в размере 200 000 рублей.[1] Сложившаяся ситуация свидетельствует о проявлении интереса к данному специальному режиму, ведь регистрация в качестве «самозанятых» лиц осуществляется на добровольных началах. В подтверждение большого интереса к специальному режиму налогообложения обратимся к отчету ф. № 1-НМ УФНС г. Москва по состоянию на 01.01.2020 г., в котором зафиксировано, что в указанный бюджет спустя всего год действия ФЗ № 422 поступил месячный доход равный 786 303 000 рублей.[2]

Указанное подтверждается данными ФНС, в соответствии с которыми только в период первого месяца расширения числа регионов, на которые распространяется действия ФЗ № 422, до 23 субъектов, число лиц, зарегистрировавшихся в качестве «самозанятых» увеличилось на 40% и по состоянию на январь 2020 года составило более 465 тысяч.[3].

[1] Оперативные данные об исполнении доходов бюджета г. Москвы [Электронный ресурс] // Бюджет города Москвы – сайт. URL: https://budget.mos.ru/admin?query_param=70159778/ (дата обращения: 27.03.2020).

[2] Данные по формам статистической налоговой отчётности [Электронный ресурс] // ФНС – сайт. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8590694/ (дата обращения: 27.03.2020).

[3] Статистика о представленных физическими лицами в налоговые органы уведомлениях об осуществлении деятельности по оказанию услуг физическим

Для выявления соответствия Федерального закона интересам самозанятых лиц был проведен опрос, в котором приняли участие 40 респондентов, входящих в вышеупомянутую категорию. Круг лиц, участвующих в исследовании, был ограничен 19 регионами, которые включились в данную программу с 01 января 2020 г.

Респондентам были заданы следующие вопросы:

возраст

род деятельности

слышали ли Вы про ФЗ №422?

платите ли Вы налог по осуществляемой Вами деятельности?

по какой причине не хотите уплачивать налог?

Анализ полученной информации показал, что опрашиваемые находятся в следующей возрастной категории:

от 18 до 25 лет – 30%;

от 25 до 45 лет – 30%;

старше 45 лет – 40%.

Об указанном законе хорошо осведомлены 80% респондентов; слышали, но не знают сути 18% опрашиваемых; не слышали 2% респондентов.

Для тех, кто ответил на вопрос «Платите ли Вы налог по осуществляемой Вами деятельности» положительно, опрос заканчивался.

Так, среди опрашиваемых лиц 56 % самозанятых состоят на учете в органах ФНС и уплачивают налог.

В вопросе «По какой причине Вы не хотите уплачивать налог?» было предложено несколько вариантов ответов:

данный налог будет отнимать значительную часть моего дохода;

считаю, что ничего не должен государству;

слишком сложная и неясная система уплаты налога;

другое.

Второй вариант набрал наибольшее количество голосов респондентов (40%). Остальные распределились в равной пропорции.

Из проведенного опроса следует, что специальный налоговый режим спустя всего 3 месяца действия на территории 19 регионов имеет огромную популярность среди самозанятых лиц.

Но при всех плюсах данного режима, в Федеральном законе № 422 существует ряд неразрешенных вопросов, а первоочередной проблемой является то, что в названном в народе зако-

---

лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд [Электронный ресурс] // ФНС – сайт. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ (дата обращения: 27.03.2020).

не «О самозанятых» отсутствует термин «самозанятые лица» и перечень субъектов, которых следует относить к данной категории лиц.

По мнению первого заместителя Председателя Правительства РФ и Министра Финансов Силуанова А.Г., законодателю необходимо определить и нормативно зафиксировать перечень профессий, поскольку это является необходимым условием для распространения специального налогового режима.[1] Однако поправки до сих пор не были внесены.

В связи с этим, предлагаем дополнить ФЗ № 422 следующим термином: «Самозанятые – лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, за исключением реализации подакцизных товаров, полезных ископаемых, имущества и имущественных прав, при отсутствии работодателя и не использующие труд наемных работников».

Помимо этого, в ФЗ № 422 отсутствуют критерии разграничения понятий «самозанятость» и «предпринимательство».[2] Представляется необходимым разработать и внести поправку в указанный Федеральный закон.

Также рассматриваемый Федеральный закон не содержит пункт, закрепляющий права и обязанности самозанятых лиц. Нормы не структурированы и разбросаны по отдельным пунктам ФЗ № 442. В связи с изложенным, предлагаем внести изменения и предоставляем авторский проект нововведения (см. приложение 1).

Кроме того, налоговым органам необходимо проработать механизм точной фиксации и отображения наличных денежных расчетов за выполнение работ (оказание услуг), поскольку сведения о точной сумме расчетов могут быть сфальсифицированы. Представляется разумным продумать пути минимизации проведения расчетов в денежной форме и мотивирования проведения расчетов безналичным способом.

Таким образом, вопросы, связанные с налогообложением самозанятых граждан и на сегодняшний день, являются актуальными. Опираясь на результаты опроса, можно с уверенностью сказать,

[1] В России могут пересмотреть эксперимент по применению специального налогового режима для самозанятых. [Электронный ресурс] // Новые Известия – сайт. URL: https://newizv.ru/news/economy/07-10-2019/nalogovyy-rezhim-dlya-samozanyatyh-mozhet-byt-urezan?ind=78 (дата обращения: 27.03.2020).

[2] Павловская О.Ю. К вопросу о проблемах правового регулирования самозанятости [Текст] / О.Ю. Павловская // Право и экономика. – 2018. – № 12. – С. 12–17.

что специальный налоговый режим имеет огромную популярность среди самозанятых граждан. Кроме того, благодаря данному Федеральному закону, бюджет отдельно взятых регионов обретает дополнительный доход. Но при всех плюсах, существует ряд пробелов и недочетов, которые нуждаются в доработке.

УДК 346

Н.Д. ПЕРЕЗВЕНЦЕВА

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ «ДРОБЛЕНИЯ» БИЗНЕСА НЕЗАКОННЫМ

Упрощённая система налогообложения является для бизнеса наиболее востребованным налоговым режимом. Правовую составляющую данного режима образуют нормы главы 26.6 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ). При этом согласно ч. 4.1 ст. 346.13 НК РФ применение упрощенной системы налогообложения возможно только в случае, если по итогам налогового периода доходы налогоплательщика не превысили150 млн. рублей[1]. Чтобы избежать превышения лимита доходов предприниматели идут на различные ухищрения, в том числе на дробление бизнеса, что влечет за собой злоупотребление правом на льготный налоговый режим.

Дробление бизнеса — это один из способов искажений фактов о хозяйственной жизни, об объектах налогообложения, который подпадает под запрет ч. 1 ст. 54 НК РФ[2].

В то же время, как отмечает Жигачев А.В., следует разграничивать «дробление» бизнеса, представляющее собой добросовестную реализацию права на свободу экономической деятельности, и искусственное (формальное) «дробление» бизнеса как форму злоупотребления правом[3].

---

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.

[2] О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 31.10.2017 N ЕД-4-9/22123@ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2020).

[3] Жигачев А.В. Когда искусственное «дробление» бизнеса становится налоговым преступлением? // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2020).

В своем определении от 4 июля 2017 г. № 1440-О Конституционный суд РФ, отметил, что налоговое законодательство позволяет налогоплательщику выбрать тот или иной метод учетной политики, которая, однако, не должна использоваться для злоупотребления налогоплательщиком своими правомочиями[1].

Проблема выявления такого злоупотреблений заключается в том, что нет конкретных критериев, которые позволили бы установить законность или незаконность дробления. В то же время установление недобросовестного поведения налогоплательщика влечет за собой доначисление суммы налогов, а значит увеличение поступления в бюджет.

Отсутствие названных критериев приводит к тому, что предприниматели зачастую оспаривают решение налогового органа о доначислении налога. Зачастую в таких спорах представители налогового органа указывают на взаимозависимость юридических лиц. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 13.11.2017 № 304-ГК17-15146 указывается, что в суммы доходов налоговая инспекция включила выручку, полученную в виде беспроцентного займа от взаимозависимых организаций, которые использовали имущество, находящиеся в собственности и фактическом распоряжении налогоплательщика.

Нижестоящие суды верно сделали вывод о получении предпринимателем посредством схемы «дробление бизнеса» необоснованных налоговых выгод, так как выручка в форме беспроцентных займов фактически являлась его собственной выручкой[2].

Следует обратить внимание на указание п. 4 обзора практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ о том, что сам по себе факт взаимозависимости налогоплательщика и его контрагентов не является основанием для консолидации их доходов и для вывода об утрате права на применение упрощенной системы налогообложения данными лицами, если каждый из на-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247 - 249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 № 1440-О [Электронный ресурс]: сайт Конституционного Суда РФ. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision281200.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

[2] Определение Верховного Суда РФ от 13.11.2017 N 304-КГ17-15146 по делу № А27-2411/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2020).

логоплательщиков осуществляет самостоятельную хозяйственную деятельность[1].

В судебной практике в качестве еще одного критерия незаконного дробления бизнеса рассматриваются идентичные виды деятельности. Как правило, лишь одного этого признака недостаточно, так как суды выносят решения и в пользу налогоплательщиков.

Например, суд кассационной инстанции указал, что доводы налогового органа о том, что деловых причин создавать взаимозависимое лицо не было, не состоятельны, так как новое юридическое лицо было создано для выхода на новый рынок и занималось не оптовой, а розничной торговлей и производственной деятельностью[2].

В другом случае суд встал на сторону налогового органа и признал обоснованным доначисление налога. Так, налоговая инспекция указала, что фактически налогоплательщиком была создана ситуация, при которой видимость действий нескольких налогоплательщиков прикрывала фактическую деятельность одного налогоплательщика, отсутствовала деловая цель в создании трех организаций, занимающихся одним видом деятельности. Также судом было установлено, что все организации осуществляли деятельность по одному и тому же адресу в одном необособленном помещении, пользовались одной техникой без закрепления за конкретной организацией, введение бухгалтерского учета осуществлялось одними и теми же лицами, имелся единый штат работников[3]. Такая позиций суда кассационной инстанции была признана правомерной в определении Верховного Суда РФ от 15 января 2018 года[4].

---

[1] Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением глав 26.2 и 26.5 Налогового кодекса Российской Федерации в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. Март. 2019.

[2] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.04.2018 № Ф09-1512/18 по делу № А71-17006/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2020).

[3] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.10.2017 № Ф07-10728/2017 по делу № А42-6484/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2020).

[4] Определение Верховного Суда РФ от 15.01.2018 № 307-КГ17-20300 по делу № А42-6484/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2020).

Определенный перечень обстоятельств, которые могут использованы в суд как доказательство незаконного «дробления» бизнеса, изложен в письме ФНС России от 11.08.2017, в котором обращается внимание также на такой критерий, как включение в цепочку взаимоотношений организаций и предпринимателей, чья деятельность носит формальный (технический, подконтрольный) характер и направлена на получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды[1].

Родыгина В.Е. также указывает, что в качестве доказательства может быть использованы такое обстоятельство, как фактическое отсутствие между взаимозависимыми организациями какой-либо организационной обособленности, когда они осуществляют деятельность являющуюся часть единого производственного процесса, направленного на достижение общего экономического результата[2].

Например, Верховный Суд РФ указал, на то, что между организацией и индивидуальным предпринимателем фактически отсутствует разделение деятельности, субъекты организационно не обособлены, как в отношении сотрудников организаций, так и в отношении населения; деятельность субъектов является частью единого производственного процесса, направленного на достижение общего экономического результата, схема «дробления бизнеса» не имела какой-либо экономически обусловленной цели[3].

Анализ приведенной судебной практики позволяет говорить, что оценка «дробления» бизнеса как незаконного представляет собой сложную задачу, для решения которой в каждом конкретном случае могут быть использованы различные критерии, а также учтено многообразие фактических обстоятельств. Мы считаем, что следует при разрешении такого рода дел уделять внимание наличию реальной экономически обоснованной цели дробления.

---

[1] О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц: письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@ // Нормативные акты для бухгалтера. № 19. 26.09.2017.

[2] Родыгина В.Е. Дробление бизнеса и специальные налоговые режимы: судебная практика // Финансовое право. 2019. – № 8. – С. 27.

[3] Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2018 № 304-КГ18-5489 по делу № А70-5924/2017 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2020).

УДК 347.73

И.Н. ПОГОМИЙ,
А.И. ФИЛИППОВА

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОБЛОЖЕНИИ В РФ НАЛОГОМ ПРОЦЕНТНОГО ДОХОДА ГРАЖДАНИНА ОТ ВКЛАДОВ НА СУММУ СВЫШЕ 1 МЛН РУБЛЕЙ

25 марта 2020 года на фоне стремительного распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) как в России, так и во всем мире Президент Российской Федерации выступил с обращением к гражданам страны, в котором, помимо объявления о введении мер по противодействию распространению заболевания, анонсировал обложение налогом в России еще одного дохода – дохода физических лиц в виде процентов, получаемых по вкладам на сумму свыше 1 млн рублей[1].

Впоследствии пресс-секретарь Президента Российской Федерации – Дмитрий Сергеевич Песков – более детально прокомментировал инициативу Президента: «Речь о процентах с вклада... Если у вас на счету лежит миллион рублей, и вы получаете 10% в банке, то вы получаете 100 тыс. руб. в год проценты от вашего вклада. Раньше эти 100 тыс. руб. не облагались налогом, теперь имеется в виду, что со 100 тыс. вы заплатите 13%, то есть 13 тыс. руб.»[2].

Свой комментарий, со ссылкой на Министерство Финансов, по этому поводу также оставил Президент и председатель правления Сбербанка России Герман Оскарович Греф: «Подлежит налогообложению процентный доход с суммарной величины [вкладов] человека во всех банках, если в совокупности они превышают 1 млн руб. и в части, превышающей 1 млн руб.»[3].

В связи с таким подходом к налогообложению этого вида дохода, несомненно, возникает вопрос – каким образом данные но-

[1] Президент России: [офиц. сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/63061 (дата обращения: 10.04.2020).

[2] Кремль: налог 13% будут брать с доходов по каждому вкладу от 1 млн рублей [Электронный ресурс] // Коммерсантъ [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4302018 (дата обращения: 10.04.2020).

[3] Греф объяснил принцип налогообложения вкладов свыше 1 млн руб. [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/finances/26/03/2020/5e7ccf489a79471a03715084 (дата обращения: 10.04.2020).

вовведения повлияют на материальное положение граждан Российской Федерации?

Настоящее нововведение, в случае его принятия в ходе законотворческого процесса, согласно абз. 4 п. 1 ст. 5 Налогового кодекса (далее по тексту – НК РФ), вступит в силу с 1 января 2021 года. Налоговыми агентами в данном случае будут являться банковские организации; налоговые декларации налогоплательщики предоставлять не будут. Таким образом, обязанность по уплате налога с такого дохода у налогоплательщиков возникнет в 2022 году.

Стоит оговориться, что стратегия развития России в 2019-2020 годы в сфере формирования и реализации налоговой политики в данный период, разрабатывавшаяся во времена, когда никто не мог предугадать возникновения и развития пандемии COVID-19, предусматривала введение, так называемого, налога «для самозанятых», повысить акцизы на некоторые подакцизные товары в том числе на табачную и вино-водочную продукцию, ввести налог на недвижимое имущество, которое принадлежит физическим лицам, не оформившим должным образом право собственности[1]. Влияние данных факторов сказывается на таком явлении как налоговая нагрузка, речь о которой пойдет далее.

Нельзя обойти стороной и еще одно уточнение Президента РФ при обращении к гражданам 25 марта 2020 года, согласно которому указанные в начале работы нововведения коснуться лишь 1 % вкладчиков[2].

Итак, для того, чтобы ответить на поставленный выше вопрос, необходимо обозначить определение понятия «налоговая нагрузка». Так, С.В. Резвушкин определяет налоговую нагрузку как ту сумму денежных средств, которую налогоплательщик отдает во исполнение своей конституционной обязанности по уплате налогов[3].

Формулы для расчетов налоговой нагрузки приводятся в нескольких письмах Федеральной налоговой службы РФ. При этом, самую упрощённую формулу определения налоговой нагрузки

---

[1] Магомадов Ш. А., Кадыров Х-М. Ш. Налоговая политика России на 2019-2020 годы [Электронный ресурс] // Cyberleninka [сайт]. [2019]. URL: https://cyberleninka.ru /article/n/nalogovaya-politika-rossii-na-2019-2020-gody/viewer (дата обращения: 11.04.2020).

[2] Президент России: [офиц. сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/63061 (дата обращения: 11.04.2020).

[3] Резвушкин С. В. Налоговое бремя и налоговая нагрузка // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. – № 1 (12). – С. 174.

приводят Н.В. Кочетов, М.И. Литвин и А.В. Боброва – это совокупность всех налогов и сборов, уплачиваемых налогоплательщиком (с учетом налоговых вычетов) разделенная на доход физического лица. Схожую формулу предлагает и Департамент налоговой политики Минфина России[1].

При анализе норм НК РФ можно констатировать – налогоплательщики-граждане при исполнении обязанности по уплате как прямых, так и косвенных налогов, в зависимости, несомненно, от уровня дохода и еще ряда факторов, теряют до 80 % своего достатка.

В связи с этим, многие авторы считают налоговую нагрузку в России достаточно высокой, что объективно влияет на платежеспособность населения[2].

Ярким показателем реакции общества на предложенные Президентом РФ новшества в налоговом законодательстве является массовое закрытие вкладов. Об этом в письме Центральному Банку информировала Ассоциация банков России[3]. На фоне предпринимаемых антивирусных мер, в ходе которых многие работники незаконно лишились работы, граждане попросту испугались урезания их доходов от вкладов. В связи с закрытием вкладов бесспорно наносится вред пассивной функции банков, основным проявлением которой является привлечение и размещение денежных средств, что повлечет определенные последствия.

Итак, исходя из вышеизложенного, представляется возможным сделать вывод о неготовности граждан к такому нововведению, а также о негативном отношении к нему. К тому же, пополнение бюджета в результате обложения налогом уже не раз упомянутой категории вкладов стоит ожидать только в 2022 году, и, как представляется, оно будет несущественным.

На наш взгляд, обложение в России налогом процентного дохода гражданина от вкладов на сумму свыше 1 млн рублей трудно признать необходимым и продуманным нововведением.

---

[1] Никулина О. М. Налоговая нагрузка в России: основные подходы // Все для бухгалтера. 2017. – № 2. – С. 26-27.

[2] Орлова Е. О., Хаританович М. А. Налоговая нагрузка на физических лиц: проблемы и пути решения: материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием) / Оренбургский государственный ун-т. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2015. – С. 1407.

[3] Банки пожаловались в ЦБ на заявления клиентов о закрытии вкладов [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/finances/27/03/2020/5e7ce4369a794723cb66f2db (дата обращения: 15.04.2020).

УДК 346

Д.И. ПОПОЛИТОВ,
Д.В. СЕВЕРЧУКОВ

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУКМЕКЕРСКИХ КОНТОР НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

За последние несколько лет популярность такого явления как «беттинг» (от англ. bet — ставка) стремительно возросла. Несложно проследить тенденцию к увеличению на улицах городов Российской Федерации так называемых «букмекерских контор» — организаций, осуществляющих прием у граждан ставок на исход спортивных, политических, зрелищных и др. событий по специальной линии и в рамках специальной процедуры, обеспечивающих выплату выигрышей, удержание проигрышных ставок и взимающих за оказание своих услуг комиссию, именуемую маржой. Рекламу вышеуказанных учреждений мы наблюдаем практически каждый день: на уличных баннерах, интернет-сайтах, по телевидению во время показа спортивных мероприятий, спонсорами которых также являются букмекеры, у «лидеров мнений», видеоблогеров, чей охват аудитории может достигать нескольких миллионов человек. Данная реклама полностью достигает своей цели. Так, исследование[1], проведенное ARKA Agency по заказу информационно-аналитического портала «Рейтинг Букмекеров» показало, что в период с 2018 по 2019 год порядка 4,7 млн граждан Российской Федерации в возрасте от 18 до 70 лет делали ставки спорт, а оборот букмекерского рынка за 2018 год составил 1,15 трлн рублей. Очевидно, что оборот теневого букмекерского рынка, как и деятельность нелегальных контор не могут быть полноценно учтены статистикой.

Законодательство Российской Федерации регулирует деятельность букмекерских контор посредством Налогового ко-

[1] 4,5% россиян от 18 до 70 делают ставки на спорт - исследование / Интерфакс // [Электронный ресурс] URL: https://www.interfax.ru/presscenter/651191 (дата обращения 15.03.2020).

декса[1] (далее — НК РФ) и Федерального закона[2] от 29.12.2006 № 244-ФЗ (далее – ФЗ № 244). Прежде всего стоит отметить, что деятельность по приему ставок вправе осуществлять только конторы, зарегистрированные в установленном порядке в Федеральной налоговой службе (далее — ФНС). Особенность азартных игр, проводимых букмекерскими конторами и тотализаторами, заключается в возможности их проведения вне обозначенных «игорных зон» и только при наличии соответствующей лицензии, выданной органами ФНС. Ознакомиться с перечнем лицензированных букмекеров возможно на официальном сайте налоговой службы. На момент 2020 года на территории Российской Федерации официально зарегистрировано порядка 19-ти букмекерских контор. Еще больше до сих пор остается в тени. Согласно ст. ст. 365, 366 НК РФ, плательщиками налога на игорный бизнес являются организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность в сфере игорного бизнеса, располагающие следующими объектами налогообложения: игровой стол, игровой автомат, процессинговый центр букмекерской конторы, процессинговый центр тотализатора, процессинговый центр интерактивных ставок тотализатора, процессинговый центр интерактивных ставок букмекерской конторы, пункт приема ставок тотализатора, пункт приема ставок букмекерской конторы. Ст. 214.7 обязывает букмекеров, как налоговых агентов, самостоятельно уплачивать налог, вычитая его из суммы выигрыша физического лица, если такой выигрыш равен либо превышает 15 000 рублей. Если выигрыш не превышает указанную сумму, то гражданин, являющийся резидентом РФ, обязан уплатить подоходный налог, составляющий 13% от суммы выигрыша, нерезидент – 30%. Попытка скрыть от государства выигрыши до 15 000 рублей, полученные от ставок в лицензированных российских конторах, будет являться нарушением действующего законодательства и повлечет штраф в размере до 30% от суммы неуплаченного налога либо уголовное наказание при неуплате налога от суммы равной или превышающей 3 млн. рублей.

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 15.03.2020).

[2] Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения 17.03.2020).

Для того, чтобы воспользоваться услугами букмекерской конторы, гражданин обязан пройти верификацию, подтвердив таким образом свой возраст и др. информацию, предоставляющую ему право делать ставки. Как правило, верификацию проходят дистанционно либо при очном присутствии в центре учета переводов интерактивных ставок (далее — ЦУПИС).

Так, одна из проблем заключается в том, что организация, в соответствии с соглашением, заключаемым между организацией и игроком при регистрации, вправе заблокировать аккаунт беттора без объяснения причин либо за нарушение одного из сотни прописанных правил, чем и пользуются многие букмекерские конторы в случаях, когда лицо начинает часто выигрывать. Например, в перечне правил[1] приема ставок и выплаты выигрышей одной из организации (ООО «Первая международная букмекерская компания») закреплены права букмекерской конторы:

на объявление пари проигрышным в том случае, если клиент нарушает принцип «Честной игры», содержащий 9 правил, 8 из которых предъявляют требования именно к клиенту, а не к букмекеру;

на отмену пари, если при заключении или расчете пари на сервере, в базе данных букмекерской компании произошли технические или программные сбои;

на отмену или объявление пари проигрышным в случаях, когда клиент самостоятельно или с привлечением аффилированных лиц получает несправедливое преимущество перед букмекерской компанией. Данный перечень правил не дает точной дефиниции понятию «несправедливое преимущество», вследствие чего оно запросто может толковаться в пользу букмекера.

И это только конкретный пример. Так, в зависимости от организации указанные правила могут различаться и лоббировать еще более предвзятую политику в отношении проведения пари. К сожалению, данная проблема актуальна как для нелегальных (офшорных), так для и лицензированных контор. Таким образом возникает очевидный вопрос: что же заставит гражданина отдать предпочтение легальному букмекеру, если теневой рынок букмекерских услуг предоставляет лицу ряд «привлекательных» возможностей:

оставаться анонимным, так как зачастую нелегальные конторы не требуют прохождения процедуры верификации либо проводят ее не полностью, что делает возможным использование фальши-

[1] Правила приёма ставок и выплаты выигрышей (правила азартных игр) Общества с ограниченной ответственностью «Первая международная букмекерская компания» // [Электронный ресурс] URL: https://www.ligastavok.ru/files/document/122/pmbk_rules.pdf (дата обращения 29.03.2020).

вых паспортных данных и допуск несовершеннолетних лиц к участию в азартных играх. В силу того, что лудомания порицалась во все времена, данный аргумент является довольно весомым;

полностью избегать обязанности уплаты налогов в силу своей анонимности;

использовать иностранные платежные системы для вывода денежных средств и обхода процедуры налогообложения, например, сервисы «Skrill» и «Neteller», возможность вывода выигрыша через которые лицензированные конторы не предоставляют;

значительно сэкономить личное время, так как период от регистрации до начала игры занимает считанные минуты и не предполагает поход в ЦУПИС.

Таким образом проблема заключается в гибкости отечественного законодательства, которое не в состоянии обеспечить полноценную защиту граждан, пользующихся услугами букмекерских контор, а также в применении государственными органами стандартной политики борьбы со следствием, а не с причиной того или иного негативного явления. Как известно, самый широко используемый метод в борьбе с офшорными букмекерами — это блокировка интернет-ресурсов, на которых они ведут свою деятельность. Но данная методика не является эффективной, так как любая блокировка приводит к возникновению десятка «зеркал» указанных веб-сайтов — точных копий данных одного сервера на другом. Так, известен случай[1] блокировки Роскомнадзором порядка 3 тыс. зеркал компании «Фонбет». В связи с этим, законодательство должно иметь тенденцию к созданию более благоприятного климата для граждан Российской Федерации в данной сфере, а именно, быть способным защитить их интересы и создать условия, способствующие нежеланию граждан пользоваться услугами нелицензированных букмекерских контор. Авторы видят решение данной проблемы в следующих положениях:

снижение ставки налогообложения для физических лиц в отношении выигрышей в букмекерских конторах, которые, к тому же, не могут являться основным доходом лица. По мнению авторов, данное предложение поспособствует увеличению спроса на услуги лицензированных организаций в силу возможности использования определенных гарантий для граждан, так как указанные конторы находятся в правовом поле РФ, при привлекательно низ-

[1] Игра на триллион: почему букмекеров так сложно вывести из тени // [Электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/02/13/794072-kak (дата обращения 29.03.2020)

кой налоговой ставке, ведь в спорах с нелегальными букмекерами гражданину практически невозможно защитить свои интересы. Так в деле[1], рассмотренном Бежицким районным судом г. Брянска одним из оснований отказа в удовлетворении требований истца явился факт того, что сайт букмекерской конторы принадлежал и управлялся компанией, осуществляющей деятельность под лицензией, выданной государственным образованием Кюрасао (страна Карибского бассейна), а регистратор доменного имени находился в городе Скоттсдейл (штат Аризона, США);

создание единого для всех лицензированных на территории РФ букмекерских компаний нормативно-правового акта либо дополнение уже имеющегося ФЗ № 244 требованиями, строго регламентирующими их деятельность и исключающими таким образом умаление прав граждан-клиентов. Появление данного документа является необходимостью, так как анализ судебной практики демонстрирует уже сложившуюся тенденцию, заключающуюся в возможности получения выигрыша либо возврата денежных средств гражданином в основном только посредством обращения участника в суд, о чем говорят решения[2] многих судов, зачастую, вынесенных на основании того, что в силу п. 1 ст. 4 ФЗ № 244 и ст. 1063 Гражданского кодекса[3] РФ азартная игра осуществляется по правилам, установленным организатором этой игры, договором, что склоняет «чашу правосудия» на сторону букмекерских компаний.

---

[1] Решение Бежицкого районного суда г. Брянска от 30 марта 2016 г. по делу № 2-368/2016 // [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/yfhaVV2VnGYP (дата обращения: 29.03.2020).

[2] См. решения: Решение Ленинского районного суда г. Саранска от 16 июля 2015 г. по делу № 2-2685/2015 // [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/bXwI9oXrdhVc (дата обращения 29.03.2020). Решение Ленинского районного суда г. Курска от 24 мая 2016 г. по делу № 2-3226/2016 // [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/PPmErntIH5Hq (дата обращения 29.03.2020). Решение Судебного участка № 398 Замоскворецкого судебного района (Город Москва) от 24 февраля 2012 г. по делу № 02-0021/398/2012 // [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/magistrate/doc/DQsII8hoedWv (дата обращения 29.03.2020). Решение Судебного участка № 3 мирового судьи Верх-Исетского района г. Екатеринбурга (Свердловская область) от 22 января 2015 г. по делу № 2-13/2015 // [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/magistrate/doc/MYqvPRAu8hl5 (дата обращения 29.03.2020). Решение Судебного участка № 269 Лефортовского судебного района (Город Москва) от 25 сентября 2014 г. по делу № 02-0167/269/2014 // [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/magistrate/doc/YOaIOpvzfPJ5 (дата обращения 29.03.2020).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 29.03.2020).

Подводя итог, следует сделать вывод о необходимости внесения изменений в действующее законодательство в связи с ростом популярности рассмотренного в статье явления и, как следствие, возможностью нарушения прав граждан Российской Федерации.

УДК 349

Е.М. ПОРЕЧНЫЙ

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА «САМОЗАНЯТЫХ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПУТИ РЕШЕНИЯ, ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Появление новых форм занятости всегда являлось двигателем экономического роста для любой страны мира. С момента создания нового государства и полной реорганизацией экономики, в Российской Федерации начали появляться новые формы занятости и одной из таких форм стало появление нового института – «самозанятых». На сегодняшний момент на территории 4 регионов Российской Федерации, к ним, в частности относится: «Москва, Татарстан, Московская и Калужская области»[1] введен специальный налоговой режим для «самозанятых».

Долгое время в отечественном законодательстве отсутствовало определение понятия «самозанятый». Однако эту проблему смогли разрешить с принятием Федерального закон от 26.07.2017 № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Таким образом, под самозанятыми стоит понимать: «граждан, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, но осуществляющих в рамках правового поля предпринимательскую деятельность своим трудом»[2]. Согласимся с позицией Бондаренко Д.В., что «рассматриваемый закон был принят в рамках кампании по легализации так на-

[1] Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 26.07.2017 № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2017. № 31 (Часть I). Ст. 4748.

зываемых самозанятых, начатой по поручению Президента РФ еще в 2013 году»[1]. Однако, главная проблема заключается в том, что непосредственно в самом Налоговом Кодексе Российской Федерации по сей день нет легального определения понятия «самозанятый». Лишь в п. 7.3 ст. 83 Налогового кодекса Российской Федерации упоминается «физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем и оказывающее без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд»[2].

Мы прекрасно знаем, что, одно и тоже понятие в отдельных отраслях права трактуется по-разному, это обусловлено спецификой общественных отношений, поэтому для полноценного регулирования института «самозанятых», считаем необходимым внести в ст. 11 НК РФ изменение и дополнить ее определением понятия «самозанятый». Это поможет прежде всего закрепить юридический статус данной категории населения, что позволит им пользоваться всеми правами, предусмотренными действующим налоговым законодательством.

Решив проблему урегулирования правового статуса «самозанятых», государство столкнулось с целым рядом не менее важных проблем. Одной из таких проблем является проблема выработки модели налогообложения таких граждан.

Предлагаем обратиться к зарубежному опыту налогообложения данной категории граждан. Институт «самозанятости» начал формироваться и развиваться в США и Европе намного раньше, чем у нас, поэтому мы считаем, что анализ зарубежной практике будет полезен нашему отечественному правоприменителю для формирования более гибкой системы налогообложения такой категории населения. Прежде всего интересен опыт США. Интересен тот факт, что: «… в США «самозанятые» освобождаются от уплаты подоходного налога, если доходы за год не превысят 400 долларов...»[3]. Считаем, что такая мера является достаточно

[1] Бондаренко Д.В. — Самозанятые лица как субъекты предпринимательской деятельности // Право и политика. – 2018. – № 5. – С. 62 - 74. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.5.24636 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24636

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 19.02.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Долинская Владимира Владимировна, Долинская Людмила Михайловна Проблемы правового статуса самозанятых // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-statusa-samozanyatyh (дата обращения: 09.04.2020).

эффективной и позволяет лицам только что «вошедшим на рынок «самозанятых»» окрепнуть и освоится в новом для себя статусе.

Также интересен опыт Великобритании по данному вопросу: «Если человек начинает работать сам на себя, то он классифицируется как индивидуальный предприниматель (sole trader) даже при отсутствии регистрации в Налоговой службе Великобритании»[1]. Прировняв «самозанятых» к индивидуальным предпринимателям Соединенное Королевство смогло обеспечить данную категорию граждан всем спектром прав, предусмотренных для индивидуальных предпринимателей, а также им не пришлось вносить значительный объем поправок в отраслевые законы. На наш взгляд, именно опыт Великобритании был бы наиболее актуальным для нашего отечественного законодательства. Не возникало бы столько проблем с защитой прав данной категории граждан, не нужно было выстраивать новую модель налогообложения, можно было воспользоваться уже разработанной моделью.

Вообще постановка вопроса об организации налогообложения данной категории граждан является достаточно спорной. Анализ нашего трудового, гражданского законодательства, в частности Федерального Закона № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» на наш взгляд свидетельствует лишь об одном- о полном отсутствие у данной категории граждан каких-либо гарантий защищенности их прав в свете их специфического статуса. Думается, что недостаточно только лишь определить юридический статус «самозанятых», необходимо прежде всего закрепить в основных нормативно правовых актах их права. В связи с отсутствием распространяющихся на данную категорию населения гарантий, увеличиваются их экономические риски. Полностью согласимся с мнением В.В. Долинской, которая приходит к выводу о том, что: «…о недостаточном обеспечении для «самозанятых» лиц провозглашённых на международном и конституционном уровне социальных прав, в частности права на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск, права на социальное обеспечение

[1] Шередеко Е.В. — Зарубежный опыт налогообложения самозанятых- физических лиц // Финансы и управление. – 2016. – № 2. – С. 111 - 117. DOI: 10.7256/2409-7802.2016.2.16860 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16860

(соответственно – ст. 24 и 22 Всеобщей декларации прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 г.».[1]

Еще одной проблемой, которую мы не могли не обозначить является проблема определения процессуального статуса «самозанятых» граждан. Как справедливо отметил М.И. Клеандров «незарегистрированным предпринимателям «входа» нет ни в арбитражные суды, ни в суды общей юрисдикции»[2]. Как бы резко не звучала данная формулировка, мы не можем не признать того факта, что в ч. 2 ст. 27 АПК РФ в числе субъектов, имеющих право на обращение в арбитражный суд для защиты своих интересов, отсутствует такая категория как «самозанятые».

Думается, что необходимо внести изменения в ч. 2 статьи 27 АПК РФ и добавить туда нового субъекта правоотношений – «самозанятое» лицо. Это изменение гарантирует данной категории граждан право на защиту собственных интересов, позволит им стать полноправными участниками арбитражного процесса со всеми проистекающими правами и обязанностями.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что на сегодняшний момент развитие института «самозанятых» лиц в нашей стране переживает только первоначальный этап – этап становления. В связи с этим возникает множество вопросов, которые подчас препятствуют развитию данного института. Разрабатывается множество программ поддержки, запускаются «пилотные» проекты создания необходимой среды для развития института «самозанятых», увеличивается с каждым годом количество регионов, заинтересованных в приобретении опыта работы и вопросов организации охраны, поддержки «самозанятых». Думается, что к 2024 году не останется ни одного региона в нашей стране, в кортом бы не было на местном уровне урегулирован вопрос об определении правового статуса «самозанятых» организации налогообложения данной категории населения и не определены пути развития данного института на будущее.

---

[1] Долинская В.В., Долинская Л.М. Социальное право Европейского Союза: Глава 21 // Право Европейского Союза: учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.Х. Абашидзе, А.О. Иншаковой. М.: Юрайт, 2016. С. 354–375.

[2] Бондаренко Д.В. — Самозанятые лица как субъекты предпринимательской деятельности // Право и политика. – 2018. – № 5. – С. 62 - 74. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.5.24636 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24636

УДК 347.73

В.С. СКУРЛАТОВ,
А.В. ТРУДНИКОВ

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

МЕДИАЦИЯ ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ: ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РОССИИ

В настоящее время вопрос применения медиативных способов разрешения споров приобретает особую актуальность. В октябре 2019 года вступили в силу положения Федерального закона от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которые направлены на совершенствование института медиации. Так, в части 2 статьи 1 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) был расширен предмет регулирования Закона – теперь медиация применяется и в административных и иных публичных правоотношениях. Идея расширения круга правоотношений, на которые возможно распространение альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника, по мнению законодателя, должна позволить произвести разгрузку судов общей юрисдикции, арбитражных судов, а также способствовать гибкому разрешению споров между физическими, юридическими лицами (в том числе и индивидуальными предпринимателями) и контролирующими органами[1].

В налоговой сфере анализируемый институт известен и до вступления вышеуказанных положений в силу. Несмотря на то, что налоговая медиация находит своё отражение в законодательстве ряда зарубежных стран уже несколько десятков лет (например, США, Великобритания, Германия и пр.)[2], в России до

[1] Брусницина, Т. С. Применение медиации в налоговых спорах с учетом изменений в законодательстве с 28 октября 2019 года // Colloquium-journal. – № 23(47). 2019. – С. 65-67.

[2] Курочкин, Д. А. Медиация в налоговых спорах: перспективы развития в России и других государствах БРИКС // Российский юридический журнал. – № 5 (116). 2017. – С. 196-200.

2019 года широко использовался институт мирового соглашения между налоговыми органами и налогоплательщиками[1], а медиативные процедуры учитывалась лишь в правоприменительной практике и актах рекомендательного характера Федеральной налоговой службы (далее – ФНС). К таковым, например, относилась Концепция развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 годы, утвержденная приказом ФНС России от 13 февраля 2013 г. № ММВ-7-9/78@, которая ставила целью развитие примирительных процедур в сфере разрешения налоговых споров, в том числе и формирование внесудебной формы урегулирования правовых конфликтов между налогоплательщиками и налоговыми органами.

В связи с возможностью применения медиативной процедуры в административных и иных публичных правоотношениях, в том числе налоговых, возникает ряд вопросов, которые требуют отдельного анализа. Во-первых, низкая востребованность института медиации в процессуальной сфере может зеркально отразиться и на налоговой. Так, Верховный суд РФ ещё в 2015 году признал несовершенство данного института, его низкую распространенность, причиной которой является и вторая проблема – отсутствие высококвалифицированных специалистов в сфере медиации[2]. При этом, если ставился вопрос об отсутствии подготовленных специалистов для медиативной процедуры в договорных, земельных и корпоративных отношениях, то отсутствие таковых в налоговой сфере является признанным фактом (о чем может свидетельствовать и новизна самого института). Нельзя не отметить и дороговизну налоговой медиации, что в свою очередь устанавливает барьеры для её использования субъектами малого и среднего предпринимательства, а также физическими лицами-налогоплательщиками. Ещё при внедрении альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника на сферу частных правоотношений ФНС обосновывала её применение при урегулировании налоговых споров на примере крупнейших

[1] См., например: Постановление Президиума ВАС РФ от 26 июня 2012 г. № 16370/11 по делу № А40-111792/10-127-534 // [Электронный ресурс] : https://base.garant.ru/70216730/ (дата обращения: 14.03.2020).

[2] Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 г.) // [Электронный ресурс]: http://base.garant.ru/70938082 (дата обращения: 14.03.2020).

налогоплательщиков, а также применения медиативных подходов в ходе организации работы с налогоплательщиками при досудебном разрешении налоговых споров[1].

Безусловно, применение процедуры медиации при разрешении налоговых споров связано с множеством проблем как на судебной стадии урегулирования конфликта, так и вне рамок судебного процесса. Тем не менее, в свете последних изменений в законодательстве об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника, внесенных в 2019 году, представляется необходимым проанализировать не только недостатки методов достижения соглашения между субъектами налоговых правоотношений с привлечением медиатора, но и их явные преимущества.

Как указывалось выше, институт медиации в перспективе может оказать весьма положительный эффект на работу судов, сняв с судей чрезмерную нагрузку, которая ложится на них в связи с высокой частотой подачи исковых заявлений об истребовании неуплаченных сумм по налогам налоговыми органами в отношении налогоплательщиков, а также в результате обжалования уже самими налогоплательщиками решений органов налогового контроля о применении штрафов за неуплату законно установленных сборов. Данные судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствуют, что за 2017 год было рассмотрено и разрешено 3780592 дела о взыскании налогов и сборов с физических лиц[2]. Процедура медиации поможет снизить текущей уровень нагрузки, который ложится на судебную систему в связи с рассмотрением указанных категорий дел. Данная позиция особо четко прослеживается в заявлении Председателя Верховного Суда РФ Лебедева В.М., в котором им отмечается, что посредством внесудебного разрешения налоговых споров была снижена нагрузка на мировых судей[3].

Кроме того, решение, вынесенное по результатам рассмотрения дела в суде, удовлетворяет интересы только одной стороны – истца или ответчика, тогда как другой остается либо его исполнить, либо обжаловать в вышестоящие инстанции. Медиативное

---

[1] Курочкин, Д. А. Медиация в налоговых спорах: перспективы развития в России и других государствах БРИКС // Российский юридический журнал. – № 5 (116). 2017. – С. 192.

[2] Данные судебной статистики: Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79

[3] Доклад председателя ВС РФ Лебедева В.М. Дмитрию Медведеву. URL: https://pravo.ru/news/view/68604/

соглашение позволяет согласовать интересы всех его участников, прийти к консенсусу по налоговому спору с использованием медиатора посредством переговоров. По мнению Абакумовой О.А., в результате заключения указанного соглашения интерес налогоплательщика может быть достигнут в части завершения конфликта без ущерба для его деловой репутации (факт наличия поданного искового заявления в отношении предпринимателя, зафиксированный на сайте арбитражного суда, может свидетельствовать о его профессиональной «неблагонадежности»), снижения размера штрафов, а интерес налогового органа – в части выполнения плана по доначисленным платежам в сокращенные сроки[1]. Помимо всего прочего, налоговые органы, не имея достаточной доказательственной базы по делу о взыскании налогов, могут взвесить свои шансы на «положительный» исход в судебном разбирательстве и при уязвимости своего положения пойти на компромисс, не тратя времени на спор в судебном порядке.

Нельзя не отметить, что при применении института медиации для урегулирования налогового спора стороны вправе самостоятельно выбрать медиатора, указав на конкретную кандидатуру, по их мнению, удовлетворяющую интересы как налогового органа, так и налогоплательщика. Это может заложить основу доверительных отношений между субъектами рассматриваемого конфликта. Однако право избрания судьи, который будет разрешать дело по существу, у указанных лиц отсутствует. Более того, медиатор, являясь специалистом в налоговой сфере, имеет больший потенциал для правильного разрешения конфликтной ситуации в сравнении с судьей. Соглашение, достигнутое при помощи такого медиатора, приобретает большой авторитет[2].

Вместе с тем неправильным было бы утверждение, что институт медиации идеален. Важно отметить, что с момента его «легализации» в налоговых правоотношениях он практически не применялся. На наш взгляд, это связано с отсутствием закрепления процедуры медиации в Налоговом кодексе Российской Федерации. Однако иные способы досудебного урегулирования спора, такие как обжалование актов налоговых органов и действий или бездействия их должностных лиц, в названном правовом акте ре-

[1] Абакумова, О.А. К вопросу о возможности применения института медиации в налоговых спорах// Актуальные проблемы экономики и права. 2015. – № 4 (36). – С. 200 (198-203).

[2] Анютин, М.В. Медиация как форма досудебного урегулирования налоговых споров// Наука XXI века: актуальные направления развития. 2017. – № 2-2. – С. 128.

гламентированы[1]. Тем не менее, в сравнении с медиацией данные способы менее эффективны: налогоплательщик не имеет возможности отслеживать процесс рассмотрения его жалобы, в рамках таких правоотношений налоговый орган играет главенствующую роль, располагая властными полномочиями по разрешению спора[2]. Возможность применения процедуры медиации при разрешении налогового спора, предусмотренная процессуальным законодательством, не может в полной мере отвечать современным запросам налоговых правоотношений. Это обусловлено тем, что возможность применения налоговой медиации должна быть предоставлена не только на стадии досудебного или судебного рассмотрения спора, но и во внесудебном, то есть не связанном с юрисдикционным правоприменением, порядке. Таким образом, представляется возможным дополнить Налоговый кодекс Российской Федерации разделом, регламентирующим порядок, особенности применения процедуры налоговой медиации, формы исполнения медиативного соглашения.

УДК 347.73

В.В. СЫНКОВ

научный руководитель
доцент В.В. ФИРСОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Конституция Российской Федерации провозглашает, что Россия является демократическим правовым государством. В целях реализации данного положения мы должны стремиться, в том числе, к тому, чтобы все возникающие в обществе правовые споры разрежались эффективно, справедливо и полно. Для разрешения правовых споров в нашей стране действует судебная система, которая рассматривает и разрешает гражданские, трудовые, семейные, уголовные и иные категории дел. Вместе с тем, как

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ// СЗ РФ. – № 31. – 03.08.1998. – ст. 3824.

[2] Захарьящева И.Ю., Караваева А.В. Медиация как способ урегулирования споров, возникающих из налоговых правоотношений// Перспективы становления и развития медиации в регионах. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 61.

показывает статистика, нагрузка на судебную систему продолжает оставаться высокой[1]. Можно даже констатировать некоторый рост нагрузки. Общее число дел (всех категорий), рассматриваемых судами общей юрисдикции, за 7 лет (с 2010 по 2017 годы) выросло более чем на четверть. При этом увеличение наблюдается в области гражданских дел и дел об административных правонарушениях[2]. За период с 2017 по 2019 года количество административных дел о взыскании обязательных платежей и санкций выросло на 1 186 193 дел – с 3 588 373, рассмотренных в 2017 году, до 4 774 566, рассмотренных в 2019 году[3]. В арбитражных судах наблюдается схожая картина. Так, количество исков, поданных в российские арбитражные суды с 2014 года, неуклонно росло и в 2018 году составило 2,1 млн исков[4].

Такая нагрузка на суды вполне может сказаться на качестве рассмотрения и разрешения дел. На это, в частности, обращал внимание Д.А. Медведев. Выступая на семинаре-совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ, он отметил, что нагрузка на судей ежегодно растет, но это не должно сказываться на качестве и скорости принятия судебных решений[5].

Вариантом решения данной проблемы явилось введение института медиации. Значимость института медиации отметил председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин. На первой российско-французской конференции по медиации 30 сентября 2010 г., организованной Научно-методическим Центром медиации и права совместно с Посольством Франции в России и французской секцией европейского объединения судей медиаторов GEMME France, В.Д. Зорькин отметил, что медиация спо-

---

[1] Исследование ВШЭ зафиксировало перегрузку 62 % российских судей // РБК : официальный сайт. 2020. URL: https://www.rbc.ru/society/17/04/2018/5ad094389a79472df75fa052 (дата обращения: 10.04.2020).

[2] Статистика Суддепа: нагрузка на суды растет из года в год // ПРАВО[RU] : официальный сайт. 2020. URL: https://pravo.ru/news/201967/ (дата обращения: 10.04.2020).

[3] Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. 2020. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.04.2020).

[4] Пять лет экономического правосудия: нагрузка и практика // ПРАВО[RU] : официальный сайт. 2020. URL: https://pravo.ru/story/215489/ (дата обращения: 10.04.2020).

[5] Медведев: растущая нагрузка на судей не должна сказываться на качестве их работы // ТАСС : официальный сайт. 2020. URL: https://tass.ru/obschestvo/6104787 (дата обращения: 10.04.2020).

собна взять на себя часть важной функции судебной деятельности — восстановление мира между спорящими сторонами, и это никоим образом не повлечет за собой уменьшения роли суда: «Напротив, медиация, освобождая суды от части нагрузки, в определенной мере усилит оперативность и эффективность рассмотрения и разрешения дел, по которым сторонам не удается прийти к согласию»[1].

Процедура медиации была законодательно закреплена Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Следует отметить, что вплоть до 2019 года отечественное законодательство не предусматривало возможности применения процедуры медиации к спорам, вытекающим из публичных правоотношений (в т.ч. налоговым спорам). Однако в 2019 году Верховный Суд РФ внес в Государственную Думу РФ достаточно объемный законопроект, который предусматривал расширение возможности применения процедуры медиации. Так, медиация распространила свое действие и на споры, вытекающие из публичных правоотношений. В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что такое распространение процедуры медиации будет способствовать нахождению сторонами взаимоприемлемого результата урегулирования спора либо сближению позиций сторон, в том числе и по спорам, где одной из сторон является государственный орган, орган местного самоуправления[2].

Вместе с тем, несмотря на значительные позитивные изменения в законодательстве, остается ряд проблем, возникающих при применении медиации в разрешении налоговых споров. Несмотря на позитивное стремление руководства страны и высшей судебной инстанции снизить нагрузку судов, а также ссылку ВС РФ на зарубежный опыт институт медиации как таковой в нашей стране

[1] Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Изучение опыта зарубежных и международных органов и организаций, работающих в области медиации и восстановительного правосудия, а также профессиональных объединений медиаторов с целью разработки предложений по совершенствованию системы медиации в Российской Федерации // ФГБУ «Федеральный институт медиации» : официальный сайт. 2020. URL: http://fedim.ru/wp-content/uploads/2016/12/2.4_Otchet-1.pdf (дата обращения: 10.04.2020).

[2] Законопроект № 421600-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования примирительных процедур)» // Система обеспечения законодательной деятельности : официальный сайт. 2020. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/421600-7 (дата обращения: 11.04.2020).

продолжает применяться только в суде. В соответствии со ст. 137.2 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации примирительная процедура может быть проведена по ходатайству сторон (стороны) или по предложению суда. При этом предложение суда провести примирительную процедуру может содержаться в определении о принятии административного искового заявления к производству, о подготовке административного дела к судебному разбирательству или в ином определении по административному делу, а также может быть сделано судом в устной форме. Несмотря на то, что подобное положение дел снимает с судов нагрузку по рассмотрению дел по существу, тем не менее, это по-прежнему оставляет на судах излишнюю нагрузку. Если мы обратимся к зарубежному опыту, то увидим, что в таких странах как США, Германия и Нидерланды предусматривается возможность применения процедуры медиации как в суде, так и на досудебном этапе урегулирования спора. При этом, например, в Нидерландах медиация предлагается на всех стадиях разрешения и в случае недостижения соглашения стороны не лишаются возможности обратиться в суд. Задача медиатора сводится к поиску взаимовыгодного решения для обеих сторон[1].

Нельзя рассматривать в качестве аналога процедуры медиации и обязательное досудебное урегулирование споров. В ч. 2 ст. 138 Налогового кодекса Российской Федерации закреплено, что акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц могут быть обжалованы в судебном порядке только после их обжалования в вышестоящий налоговый орган в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом. Как справедливо отмечает Н.Н. Лайченкова, подобное урегулирование нарушает принцип равенства, поскольку сама процедура досудебного урегулирования осуществляется все тем же органов налоговой системы, пусть даже и вышестоящим по отношению к органу, вынесшему обжалуемое решение[2]. К основным принципам проведения процедуры медиации в соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»

[1] Цветкова, Е.А. Сравнительно-правовой анализ альтернативных способов разрешения налоговых споров на примере России, США, Нидерландов, Германии / Е.А. Цветкова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. – № 2. – С.62.

[2] Лайченкова, Н.Н. Медиация в налоговом праве: вопросы правильности и эффективности использования терминологии / Н.Н. Лайченкова // Ленинградский юридический журнал. 2016. – № 1 (43). – С.242.

относятся: взаимное волеизъявление сторон, принципы добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. Думается, что подобной процедурой досудебного урегулирования спора, которая предусмотрена ст. 138 НК РФ, в отношении медиации будет нарушаться не только принцип равенства, но и некоторые другие принципы, а именно: сотрудничества; беспристрастности и независимости медиатора.

Прежде чем мы скажем пару слов о фигуре медиатора, хочется отметить, что попытки рассматривать такой институт налогового права как налоговый мониторинг в качестве разновидности медиации также безосновательны и более того – ошибочны. Налоговый мониторинг в принципе не стоит рассматривать как альтернативный способ разрешения споров. Налоговый мониторинг, в соответствии с нормами НК РФ, проводится еще на стадии, когда налогового спора нет. По результатам налогового мониторинга составляется мотивированное мнение налогового органа. Однако это вовсе не значит, что наличествует налоговый спор – налоговый орган может прийти к выводу о правомерности действий налогоплательщика.

Согласно действующему законодательству, налоговый мониторинг ориентирован на предварительную проверку деятельности налогоплательщика в целях выявления его потенциальных действий, которые повлекут нарушение законодательства о налогах и сборах. О недопустимости сравнения налогового мониторинга и медиации указывает Л.Л. Арзуманова, которая пишет: «Тем не менее, неуместно сравнивать процедуру медиации с досудебным порядком урегулирования споров и налоговым мониторингом, поскольку, если в первом случае налоговый спор имеет место быть, то во втором спора как такового еще не существует»[1]. Стоит отметить, что процедуры налогового мониторинга и медиации все же отчасти схожи, хотя бы своей итоговой, глобальной, если можно так выразиться, целью – нахождение консенсуса между налоговым органом и налогоплательщиком по поводу уплаты обязательных платежей.

Также одним из вопросов, возникающих при применении медиации вообще, и в налоговых спорах, в частности, является вопрос о фигуре медиатора. В литературе небезосновательно от-

[1] Арзуманова, Л.Л. Альтернативный способ урегулирования налогового спора / Л.Л. Арзуманова // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2017. – № 8. – С. 72.

мечается, что квалификация медиатора должна быть, во всяком случае, не меньше, чем у представителя сторон (налогоплательщика и налогового органа)[1]. ВС РФ при внесении законопроекта о расширении возможности применения процедуры медиации, отметил в пояснительной записке, что в качестве медиаторов могут привлекаться работники аппарата суда, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы в области юриспруденции не менее пяти лет, и судьи в отставке. Подобное положение выступает гарантией высокого профессионализма медиатора. Вместе с тем нельзя не отметить, что подобная процедура не лишена недостатков. У работающих судей и так хватает работы, а судьи в отставке могут утрачивать интерес к работе, не повышая квалификацию. Зарубежный опыт свидетельствует, что для подготовки специалистов медиаторов создаются специальные институты, работники которых и участвуют в улаживании споров в качестве медиаторов. Так, в Нидерландах в качестве медиаторов выступают специалисты Нидерландского института медиации, задачей которого является составление и поддержание официального реестра медиаторов[2].

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

процедура медиации позволяет существенно снизить нагрузку с судебной системы страны, а также позволит сблизить фигуры налогового органа и налогоплательщика;

несмотря на большую работу, проделанную в области расширения возможности применения процедуры медиации, по-прежнему остаются некоторые проблемы, требующие законодательного разрешения;

процедура медиации по-прежнему остается недоступной для применения на досудебной стадии урегулирования спора. Досудебное урегулирование, предусмотренное НК РФ, не может рассматриваться в качестве процедуры медиации.

[1] Андреева, М.А. Пути совершенствования института медиации в России / М.А. Андреева // Пролог: журнал о праве. 2018. № 2. С.40.

[2] Лайченкова, Н.Н. Указ.соч. – С. 243.

СЕКЦИЯ XI

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА

УДК 349.6

В.А. АРЯМИНА,
П.Г. ЦОВЯН

научный руководитель
доцент Ф.П. РУМЯНЦЕВ

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Одним из важнейших направлений государственного управления и контроля (надзора) является охрана окружающей среды и природопользование. Согласно экологической доктрине Российской Федерации, серьезное ослабление административных, в том числе надзорных, функций государства в этой области может стать фактором деградации окружающей среды. Как известно, мониторинг его реализации является необходимым условием для эффективного законодательства.

Одним из правовых институтов, способствующих сохранению окружающей среды и поддержанию её удовлетворительного состояния, выступает экологический надзор.

С 1 января 2015 года законодатель включил государственный экологический надзор в перечень видов государственного контроля (надзора), в котором другие федеральные законы могут определять характеристики организации и проведения проверок с точки зрения типа, предмета, основы проверки, графика и периодичности их проведения, уведомления о незапланированные выездные визиты и координация незапланированных выездных визитов с

правоохранительными органами (п. 30 ч. 4 ст. 1 Закона № 29411[1]). Аналогичная норма появилась и в Законе № 7 (п. 5 ст. 65).

Однако в настоящее время он не предусматривает особенностей организации и проведения проверок. Не устанавливает их и Положение о федеральном государственном экологическом надзоре, утвержденное постановлением Правительства РФ от 8 мая 2014 г. № 426. Скорее, он отсылает нас непосредственно к ФЗ № 294: к соответствующим отношениям применяются положения Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними нормативных правовых актов Российской Федерации.

В ст. 65 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» содержится понятие государственного экологического надзора, под которым понимается деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями и гражданами требований, установленных законодательством Российской Федерации, посредством организации и проведения проверок указанных лиц, принятия законных мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных правонарушений, и деятельность уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния соблюдения обязательных требований при осуществлении органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами своей деятельности[22]. Кроме

[1] Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // «Парламентская газета», - № 90, 31.12.2008.

[2] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об охране окружающей среды» // «Собрание законодательства РФ», 14.01.2002, - № 2, ст. 133.

того, в порядке этого правила государственный экологический надзор включает в себя земельный, в области недр, атмосферного воздуха, водных объектов и т. д.

Государственный экологический надзор осуществляется уполномоченными государственными органами в строгом соответствии с законодательством РФ и установленными положениями и инструкции. При осуществлении государственного экологического надзора его органами применяются установленные законом меры принуждения, направленные на обеспечение соблюдения экологического законодательства Российской Федерации всеми субъектами природопользования.

Государственный экологический надзор осуществляется на двух уровнях: федеральном и региональном. Федеральный государственный экологический надзор осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) и на региональном уровне возложена на региональные органы Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. В то же время ограничение полномочий федеральных и региональных органов государственного экологического надзора осуществляется по объектам надзора на основании постановления Правительства Российской Федерации[11].

Для решения вопроса о разграничении полномочий между исполнительными органами проводятся периодические реформы, но иногда это приводит к трудностям в понимании того, как именно должна работать утвержденная структура федеральных органов и как полномочия должны распределяться между ними.

Регулирование процедуры осуществления государственного экологического надзора также не является единой системой. На сегодняшний день мы не можем утверждать на региональном уровне порядка осуществления государственного экологического контроля более чем в 70% субъектов Российской Федерации.

Отдельные субъекты Российской Федерации утвердили административные регламенты. Как и в Ленинградской области, существуют определенные нормативные акты, подтверждающие процедуру административного экологического надзора только для определенных его видов.

Проблемным аспектом также является проблема пересечения полномочий различных органов исполнительной власти в свя-

[1] Бринчук М.М. Экологическое право: учеб. пособие. М.: Эксмо, 2010. 49 с.

зи с экологическим надзором[12]. Поэтому было бы справедливо отметить, например, пересечение полномочий Росприроднадзора и Ростехнадзора в связи с внедрением федерального государственного надзора в сфере охраны недр. В соответствии с положениями статьи 5.1.1. Положения о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования Росприроднадзором реализуется федеральный государственный надзор за геологоразведкой, рациональным использованием и сохранением недр. При этом Ростехнадзор в соответствии с положениями статьи 5.3.1.7. Положения «О Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору» контролируют и осуществляет надзор за безопасным выполнение работ, связанных с использованием недр[23].

К сожалению, в настоящее время нет эффективного взаимодействия органов власти и управления по вопросам охраны окружающей среды и природопользования на всех уровнях, т.к. такие вопросы не урегулированы юридически. Меры по защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного надзора позволяют экономическим субъектам уклониться от государственного надзора и избежать мер по надзору за окружающей средой путем ликвидации или реорганизации, образования в то время новых юридических лиц, а также изменений в наименование, а также иными способами, при этом без привлечения к ответственности нарушать требования законодательства об охране окружающей среды[34].

Довольно распространенным мнением в научной доктрине является тезис о том, что для решения проблем совершенствования экологического надзора необходимы нормативные меры, а также организационные меры: увеличение персонала инспекторов, внедрение технических средств, сроков проверок, адекватное финансирование. Однако, на наш взгляд, важным аспектом совершенствования практики государственного экологического надзора на

---

[1] Лернер А.П. Государственный экологический надзор. Проблемы и пути их решения // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2015. – № 3-4. – С. 772-778. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-ekologicheskiy-nadzor-problemy-i-puti-ihresheniya (дата обращения: 20.02.2020).

[2] Гамидуллаева Л.С. Повышение эффективности государственного экологического надзора на федеральном и региональном уровне // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 163.

[3] Скорых Н.Н., Перелыгина А.В. Государственный экологический надзор на байкальской природной территории в решении проблем охраны окружающей среды // Концепт. – 2018. – № 8. – С. 179.

первом этапе будет введение единообразия нормативно-правовых актов, регулирующих осуществление экологического надзора.

На наш взгляд, в настоящее время следует осуществить следующие меры, направленные на преодоление проблем осуществления государственного экологического надзора при проведении проверок:

1. Закрепить в ФЗ № 7 «Об охране окружающей среды» положения, касающиеся особенностей организации и проведения проверок, которые позволят надзорным органам осуществлять государственный экологический надзор своевременно и эффективно.

2. Предусмотреть законом возможность надзорных органов проводить проверки в отношении юридических лиц, которые ликвидируются и проводят реорганизацию до начала проведения плановой проверки.

3. Обязать юридических лиц обеспечить присутствие руководителя или иного уполномоченного лица во время проведения плановых и внеплановых мероприятий, если уведомление о проведении проверки было получено надлежащим образом.

4. Внести изменения в положения Правил подготовки ежегодных планов проведения плановых проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей для беспрепятственного распространения государственного экологического надзора на все субъекты экономической деятельности в сфере природопользования.

5. Упростить согласование проведения выездных проверок с органами прокуратуры, чтобы экологический надзор мог быть своевременно реализован по факту поступившей информации о нарушениях экологического законодательства.

Таким образом, на сегодняшний день экологическая ситуация в РФ вызывает тревогу. Учитывая особенности государственного экологического надзора, стоит отметить текущую сложность в дифференциации объектов, подлежащих региональному или федеральному экологическом надзору. При проведении государственного экологического надзора не были созданы эффективные меры по взаимодействию органов государственной власти по вопросам охраны окружающей среды и рационального природопользования на всех уровнях.

Необходимо проверить нормативные правовые акты, закрепляющие организацию и проведение государственного экологического надзора, на предмет неточностей или противоречий, и устранить такие несоответствия между этими актами.

Для эффективной защиты окружающей среды и рационального природопользования все природопользователи должны соблюдать экологические законы.

Положения Закона № 7 в части государственного экологического надзора, а также подзаконные акты, принятые в его развитие, чреваты многочисленными юридическими недостатками. Мы считаем, что необходимо как можно быстрее устранить эти пробелы и коллизии. В противном случае реформа государственного экологического управления не состоится.

УДК 349.4

В.Ю. ВАСИЛЮК

научный руководитель
доцент В.В. ЛАВРОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПИЧНЫХ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕДР, ВЫЯВЛЯЕМЫХ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы, ее рационального использования и охраны недр в интересах нынешнего и будущих поколений народов России определено ст. 35 Закона о недрах в качестве основной задачи государственного регулирования отношений недропользования.

В соответствии со ст. 37 Закона о недрах задачей органов государственного контроля за рациональным использованием и охраной недр является обеспечение соблюдения всеми пользователями недр установленного порядка пользования недрами, а также стандартов (норм, правил) в указанной области[11].

Хозяйственная деятельность участников правоотношений в сфере охраны и использования недр в той или иной степени воздействует на состояние окружающей среды и природного ландшафта, в частности.

Однако, несмотря на то, что природные ресурсы обладают свойством балансового восстановления, их использование с нарушением законодательства оказывает негативное воздей-

[1] Батурина Г. К. Надзор за исполнением законодательства о недрах // Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства: пособие / под общ. ред. А. В. Паламарчука. М., 2014. – С. 240.

ствие, выражающееся в причинении колоссального ущерба экологической среде в Российской Федерации. В этой связи органам прокуратуры необходимо обеспечивать высокий уровень состояния законности на соответствующей территории посредством воздействия на поднадзорные органы, которые обязаны соблюдать природоохранные запреты, закрепленные в законодательстве о недрах.

Как показывает правоприменительная и судебная практика, можно сделать вывод о том, что нарушения требований законодательства о недрах допускаются повсеместно государственными органами, осуществляющими управление и контроль в сфере недропользования, органами местного самоуправления, организациями и их должностными лицами, а также физическими лицами, самовольно осуществляющими добычу общераспространенных полезных ископаемых без лицензии.

В науке предлагаются единичные классификации типичных нарушений законодательства в сфере охраны и использования недр. Так, Дицевич Я. Б. и Карпышева Ю. О. приводят классификацию типичных нарушений законодательства о недропользовании по субъектам:

1) нарушения, допускаемые контрольно-надзорными органами в сфере недропользования;

2) нарушения, допускаемые органами государственной власти;

3) нарушения, допускаемые органами местного самоуправления;

4) нарушения, допускаемые хозяйствующими субъектами (недропользователями);

5) нарушения, допускаемые недропользователями, имеющими лицензию;

6) нарушения, допускаемые недропользователями, не имеющими лицензии на разработку месторождений и добычу полезных ископаемых;

7) иные нарушения экологического законодательства при пользовании недрами, допускаемые недропользователями[12].

В этой связи, полагаю, что выявляемые нарушения целесообразно классифицировать по субъекту, допускаемому правонарушения и его правовому статусу:

[1] Дицевич Я. Б.,Карпышева Ю. О. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о недропользовании : учебное пособие / Я.Б. Дицевич, Ю.О. Карпышева : Иркутский юридиче-ский институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. – С. 3.

нарушения, которые выявляются в деятельности органов государственной власти при осуществлении своих полномочий по контролю (надзору) в сфере охраны и использования недр: нарушение положений Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», неточности и просчеты при составлении планов проверок, например, включение в планы уже не осуществляющих хозяйственную деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, неверное изложение фирменных наименований организаций, а также остальных обязательных атрибутов, наличие мнимых оснований для осуществления проверок, а также несоблюдение срока проведения проверок, фактическое отсутствие механизма контроля за устранением нарушений, перечисленных в требованиях и предписаниях, беспричинное не направление материалов проверки в иные органы в соответствии с компетенцией, а также в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовных дел при наличии признаков состава преступления;

нарушения, которые выявляются в ходе мониторинга деятельности органов государственной власти, их территориальных подразделений на местах при осуществлении функций по выдаче разрешений на осуществление деятельности, связанной с добычей и разработкой недр, а именно: некачественная организация (ее отсутствие) работы по сбору, аккумулированию и изучению документации о деятельности организаций, ведущих недродобычу полезных ископаемых, нарушения при выдаче разрешений на ведение деятельности без проверки документации на предмет полноты, точности и правильности утверждения, оформления всех реквизитов на предмет соответствия требованиям безопасности в сфере промышленности;

грубые недостатки (нарушения), которые допускают региональные органы государственной власти в области регулирования отношений по недропользованию, а именно: отсутствие регламентации нормативно-правовых актов, регулирующих порядок предоставления и использования участков недр для разработки месторождений полезных ископаемых, уход от проведения государственной экспертизы запасов недр, не реализация обязанностей по созданию перечня участков недр местного значения;

нарушения, допускаемые органами местного самоуправления в сфере охраны и использовании недр, а именно: неисполнение представительным органом муниципального образования обязанностей по разработке и принятию правовых актов, направленных на упорядочение добычи общераспространенных полезных ископаемых, если указанная обязанность закреплена в Конституции (уставе) субъекта Российской Федерации;

нарушения, допускаемые юридическими лицами, а именно: добыча полезных ископаемых без оформленного лицензии, неисполнение обязанности по рекультивации земель по итогам разработки месторождений и извлечения из них полезных ископаемых, осуществление деятельности по добыче полезных ископаемых за пределами территории, указанной в лицензии, незаконное использование общераспространенных полезных ископаемых в процессе выполнения строительных работ;

нарушения, допускаемые физическими лицами, а именно: незаконная добыча полезных ископаемых, использование полезных ископаемых в строительстве без полученного разрешения.

Поскольку при осуществлении деятельности по недропользованию затрагиваются все компоненты окружающей природной среды, то нарушения закона о недрах напрямую связаны с объектами воздействия. Поэтому следующим основанием для классификации типичных правонарушений в исследуемой сфере предлагается рассмотреть их объект. Данная классификация будет выглядеть следующим образом:

нарушения законодательства об охране окружающей среды, связанные с загрязнением атмосферы, почвы, с нарушением допустимого воздействия на природные компоненты;

нарушения земельного законодательства, связанные с захватом земель и их нецелевым использованием (незаконная добыча полезных ископаемых, раскопка карьеров, горных отводов и т.п.);

нарушения лесного законодательства, связанные с незаконной рубкой для освобождения площади, захламлением лесов различными видами отходов, например, при добыче золота с использованием лесных объектов, нарушение порядка использования лесов для выполнения работ по геологическому изучению недр;

нарушения требований водного законодательства (разлив нефтепродуктов, сброс неочищенных сточных вод в океаны, моря,

озера и реки, захват водных объектов, их водоохранных зон при осуществлении добычи подземных вод для иных видов деятельности).

Распространенным нарушением, оказывающим негативное воздействие на все компоненты окружающей среды, является неисполнение обязанности хозяйствующим субъектом по рекультивации земель и восстановлению минерально-сырьевой базы.

Так, Ханты-Мансийской межрайонной природоохранной прокуратурой проведена проверка исполнения законодательства об охране окружающей среды по факту бездействия ООО «РН-Юганскнефтегаз», выраженное в невыполнении мероприятий по приведению горных выработок в состояние, обеспечивающее безопасность населения и окружающей среды, путем приведения ликвидационных работ.

Выявленные нарушения свидетельствовали о длительном нерациональном использовании недр, что противоречило принципам природоохранного законодательства. Природоохранным прокурором принято решение об обращении в суд с исковым заявлением об обязании юридического лица устранить допущенные нарушения. Исковое заявление рассмотрено и удовлетворено, нарушения устранены путем проведения рекультивационных работ.

В целях классификации типичных нарушений в рассматриваемой сфере целесообразно рассмотреть критерий, связанный со степенью и характером общественной опасности правонарушения в сфере охраны и использования недр. В связи с этим необходимо выделить две категории таких нарушений: административно-наказуемые (ст.ст. 7.3, 7.4, 7.5, 7.10, 8.9, 8.10, 8.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), уголовно-наказуемые (ст.ст. 246, 255 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Одной из районных прокуратур Томской области совместно с контролирующими органами проведена проверка исполнения законодательства о недрах ООО «ТВК» при разработке карьера для добычи песка в окрестностях сельского поселения, по результатам которой выявлены грубые нарушения закона.

Так, в нарушение требований земельного, лицензионного законодательства Общество осуществляло добычу полезного ископаемого на землях сельскохозяйственного назначения, на которых запрещен иной вид деятельности за исключением целевого и без соответствующей лицензии с последующей реализацией песка на сумму более 20 млн. рублей.

Ко всему прочему на прилегающей к карьеру территории было допущено складирование отходов, образовавшихся в процессе незаконной деятельности общества, на которые также отсутствовала, предусмотренная законом, разрешительная документация.

По данным фактам прокурором района внесено представление об устранении нарушений законодательства о недрах, которым приостановлена деятельность организации, возбуждено дело об административном правонарушении по ст. 7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а так же в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации материалы проверки направлены по подведомственности для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц, по результатам оценки которых в отношении генерального директора организации возбуждено дело по ст. 255 УК РФ (нарушение правил охраны и использования недр).

Также можно классифицировать нарушения по конкретному виду полезных ископаемых:

нарушения, допускаемые хозяйствующими субъектами, при добыче нефти и нефтепродуктов, связанные с уклонением от возмещения вреда, причинного окружающей среде разливом нефти;

нарушения, допускаемые хозяйствующими субъектами, при добыче угля, связанные с нарушением правил и техники промышленной безопасности;

нарушения, допускаемые хозяйствующими субъектами, при добыче золота, связанные с использованием водного объекта без соответствующего разрешения.

Таким образом, с помощью применения рассмотренных классификаций типичных нарушений, имеется возможность последовательного совершенствования в целом методики прокурорского надзора в сфере охраны и использования недр, что свидетельствует как об их научном, так и о практическом значении. Полагаю необходимым найти способы наиболее эффективного и оперативного выявления как административных правонарушений, так и уголовных преступлений в сфере охраны и использования недр, с последующим привлечением виновных лиц к реальной юридической ответственности, а также в каждом случае устанавливать обстоятельства, способствующие выявляемым нарушениям.

Данный комплекс действий позволить заложить основу для выработки практических действий по совершенствованию, систематизации и организации надзора за исполнением законодательства в сфере охраны и использования недр.

УДК 349

Н.А. ВОРОНИНА

научный руководитель
доцент В.В. ЛАВРОВ

ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ

Практика прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране и использовании водных биоресурсов свидетельствует о многочисленных нарушениях в данной сфере: за два последних года выявлено более 25 тыс. нарушений, в том числе свыше 1 тыс. при обращении с редкими и исчезающими видами водных биоресурсов.[11]

Неудовлетворительный уровень состояния законности в данной сфере был отмечен 55 % опрошенных слушателей факультета профессиональной подготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, среди которых – прокуроры районов Ханты-Мансийского автономного округа, Республики Коми, Воронежской, Тамбовской, Кировской, Самарской и других областей. При этом низкий уровень состояние законности в указанных регионах был охарактеризован, прежде всего, бездействием или ненадлежащим характером мер, принимаемых органами государственного контроля и надзора (53%).

Такой вывод согласуется со статистическими данными, приведенными Генеральной прокуратурой Российской Федерации: в 2017–2018 годах плановыми проверками Росрыболовства охвачено лишь 10 % хозяйствующих субъектов, соблюдение правил рыболовства контролировалось только на 36 % поднадзорной территории.[22]Подразделения Росрыболовства в Комсомольском,

[1] Межведомственное совещание «О состоянии законности и дополнительных мерах по обеспечению правопорядка в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов» [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL : https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1641486/ (дата обращения: 20.02.2020).

[2] Межведомственное совещание «О состоянии законности и дополнительных мерах по обеспечению правопорядка в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов» [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1641486/ (дата обращения: 20.02.2020).

Солнечном, Амурском районах Хабаровского края оставили без внимания деятельность 23 рыбодобывающих предприятий на 42 рыбопромысловых участках. В самом рыбопромысловом районе Хабаровского края в отдельные периоды контроль осуществлял всего один инспектор.[13] Сложившаяся ситуация способствует противоправным действиям предприятий, учреждений, организаций, осуществляющих использование водных биоресурсов (далее – пользователи водных биоресурсов).

Среди наиболее часто встречающихся на практике нарушений законодательства об охране и использовании водных биоресурсов, совершаемых пользователями, прокурорами были названы «незаконный вылов водных биоресурсов», в том числе «с помощью запрещенных орудий лова»; «незаконный оборот краснокнижной рыбы»; «распространение в сети Интернет информации, запрещенной к распространению (продажа рыб, электроудочек, краснокнижных водных биоресурсов)». Обобщая указанные ответы, можно заключить, что большая часть нарушений связана с незаконным выловом и дальнейшим оборотом водных биоресурсов.

В последние годы значительно возросло число случаев незаконного вылова водных биоресурсов с помощью запрещенных орудий лова. До определенного времени хозяйствующими субъектами активно применялись способы установки плавных (дрифтерных) сетей, которые позволяли полностью перекрывать русло водных объектов, препятствуя миграции рыбы. О сложившейся ситуации Генеральной прокуратурой России был проинформирован Министр сельского хозяйства РФ, который принял решение о введении дополнительных ограничений на использование сетных орудий лова, прежде всего дрифтерных сетей.[24] Сегодня применение сетей всех типов запрещено и в любительском, и в спортивном рыболовстве, за исключением случаев, предусмотренных статьей 9 Федерального закона от 25 декабря 2018 г. N 475-ФЗ «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Прокурорами на системной основе проводится работа по выявлению фактов размещения в сети Интернет предложений о возможности приобретения запрещенных орудий лова, а также

[1] Паламарчук А. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов / А. В. Паламарчук. // Законность. – 2018. – № 12. – С. 11.

[2] Паламарчук А. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов / А. В. Паламарчук. // Законность. – 2018. – № 12. – С. 11.

краснокнижных видов водных биоресурсов. Например, по результатам проверок прокурорами городов и районов Костромской области в период с 2018 по 2019 годы выявлено свыше 60 Интернет-страниц, на которых размещалась информация с предложениями о продаже электроудочек, острог, сетей, бредней, экранов и других запрещенных орудий лова.[11] Прокуратурой Хабаровского края в ходе мониторинга Интернет-сайтов выявлены объявления о продаже осетровых видов рыб при отсутствии необходимой информации о владельце и законность продажи. По искам прокуроров указанная информация признана запрещенной к распространению, после чего в Роскомнадзор РФ направлены сведения для ограничения доступа к данным сайтам.[22]

По-прежнему высок уровень активности браконьеров в рассматриваемой сфере. В результате надзорных мероприятий на территории Хабаровского края были выявлены случаи браконьерского лова осенней кеты и других видов рыб, изъято около 1,5 км незаконных орудий лова (сетей), 100 экземпляров ценных пород рыб. По данным фактам органами полиции возбуждено 2 уголовных дела по статье 256 УК РФ (незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов). Государственными инспекторами рыбоохраны составлено 6 протоколов по статье 8.37 КоАП РФ (нарушение правил рыболовства).[33]

Анализ материалов прокурорских проверок свидетельствует о распространенности нарушений при организации и осуществлении различных видов рыболовства. Повсеместно устанавливаются факты ограничения прав граждан на свободное осуществление любительского и спортивного рыболовства на водных объектах общего пользования. Например, в ходе проведения проверки

---

[1] О проверке исполнения законодательства в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL : https://procrf.ru/news/718478-o-proverke-ispolneniya-zakonodatelstva-v-oblastiryibolovstva-i-sohraneniya-vodnyih.html (дата обращения: 01.03.2020).

[2] В Хабаровском крае после вмешательства прокуратуры прекращен доступ к 59 сайтам с информацией о продаже краснокнижных животных и запрещенных орудий лова [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL : https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1790500/ (дата обращения 16.02.2020).

[3] Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Игорь Ткачев принял участие в обследовании реки Амур для изучения ситуации с исполнением законодательства о рыболовстве [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL : https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1701408/ (дата обращения: 18.02.2020).

ФБГУ «Севрыбвод» прокуратурой Ненецкого автономного округа установлено, что выдача путевок на осуществление любительского и спортивного рыболовства не осуществлялась по причине отсутствия работника в соответствующем территориальном отделе. Указанные обстоятельства привели к ежедневным очередям среди рыболовов-любителей и могли повлечь увеличение количества лиц, осуществляющих незаконный вылов водных биологических ресурсов. В целях недопущения подобных нарушений руководителю ФГБУ «Севрыбвод» внесено представление об устранении нарушений закона.[14]

Пользователи водных биоресурсов также допускают нарушения при ведении промысловых журналов, не отражая сведений о выгруженных добытых (выловленных) водных биоресурсах, местах их выгрузки, приемки или перегрузки уловов водных биоресурсов, рыбной и иной продукции. Так, прокурором Чухломского района при проверке промысловых журналов на двух рыболовных участках, предоставленных юридическому лицу для осуществления промышленного рыболовства, должностным лицом предприятия на протяжении более 3-х месяцев не заносились сведения о размере, видах, весе добытых водных биоресурсов, их улове и об операциях, связанных с добычей биоресурсов.[25] Аналогичные нарушения выявлены Галичским межрайонным прокурором, прокурором Костромского района.

Особое внимание при осуществлении надзора в рассматриваемой сфере прокуроры уделяют защите прав граждан, относящихся к коренным малочисленным народам, на ведение ими традиционного образа жизни и осуществление традиционной хозяйственной деятельности. На территории Хабаровского края проживает 22 тыс. представителей коренных малочисленных народов, при этом количество их заявок составляет более 30 тыс.[36] Задача про-

---

[1] Прокуратурой округа выявлены нарушения законодательства при организации любительского рыболовства // Прокуратура Ненецкого автономного округа : сайт. URL : https://prokuratura-nao.ru/3715-643232222 (дата обращения: 16.02.2020).

[2] О проверке исполнения законодательства в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL : https://procrf.ru/news/718478-o-proverke-ispolneniya-zakonodatelstva-v-oblasti-ryibolovstva-i-sohraneniya-vodnyih.html (дата обращения: 01.03.2020).

[3] Паламарчук А. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов / А. В. Паламарчук. // Законность. – 2018. – № 12. – С. 11.

куроров – недопущение случаев использования традиционного рыболовства как способа упрощённого доступа к ресурсам людьми, не относящимся к коренным малочисленным народам.

В ходе прокурорских проверок также выявляются факты осуществления хозяйственной деятельности, оказывающей негативное воздействие на естественную среду обитания биоресурсов. Так, 17 октября 2018 года на насосной станции г. Томска, эксплуатируемой ООО «Томскводоканал», в результате аварии произошел массовый сброс канализационных сточных вод в озера Керепеть и Цимлянское. При этом стоки не подверглись санитарной очистке и обезвреживанию и содержали предельно допустимые концентрации вредных веществ, в результате чего была зафиксирована массовая гибель рыбы. Размер вреда, причиненного водным биологическим ресурсам, оценен в 5,5 млн рублей. По итогам проверки Томская межрайонная природоохранная прокуратура направила материалы проверки в орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц. По результатам их рассмотрения возбуждено уголовное дело по статье 257 УК РФ.[11]

Другими типичными для данной категории субъектов нарушениям являются несвоевременное предоставление сведений об освоении выделенной квоты, превышение установленных объемов вылова, ведение промысла без соответствующего разрешения и др.[22]

Таким образом, в целях повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в сфере охраны и использования водных биоресурсов, на основе результатов анализа материалов прокурорских проверок и анкетирования прокурорских работников автором предлагается выделить и систематизировать следующие типичные нарушения законов, совершаемых пользователями водных биоресурсов:

нарушения, связанные с незаконными добычей и оборотом водных биоресурсов;

нарушения, связанные с организацией и осуществлением отдельных видов рыболовства;

---

[1] По материалам проверки Томской межрайонной природоохранной прокуратуры возбуждено уголовное дело о массовой гибели рыбы в двух озерах, находящихся в федеральной собственности // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL : https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1572290/ (дата обращения: 24.02.2020).

[2] Черепанова Е.В., Чеснокова М.Д., Глазкова М.Е. О соблюдении законодательства в деятельности органов исполнительной власти // Журнал российского права. – 2010. – № 7. – С. 68-77.

нарушения, связанные с осуществлением хозяйственной деятельности, причиняющей ущерб водным биологическим ресурсам и негативно влияющей на естественную среду их обитания.

В завершении отметим, что одной из главных причин распространенности указанных нарушений является ослабление контроля и надзора в сфере охраны и использования водных биоресурсов. При указанных обстоятельствах повышению уровня состояния законности в сфере охраны и использования водных биоресурсов может способствовать комплексность и системность надзорных мероприятий прокуратуры, адекватность мер реагирования на выявленные нарушения закона, причины и условия, им способствовавшим.

УДК 349.4

Е.Д. ЗАХАРОВА

научный руководитель
доцент И.В. РЫЖИХ

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРОКУРОРОМ СПОСОБА КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА ПОЧВАМ, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В связи с ежегодным ростом правонарушений в области охраны окружающей среды, выявляемых органами прокуратуры, актуальным остается вопрос компенсации причиненного вреда компонентам природы. Согласно действующему законодательству[13], компенсация вреда окружающей среде, причиненного нарушением природоохранного законодательства, осуществляется без принуждения либо по решению суда или арбитражного суда.

Анализ правоприменительной практики показывает, что природопользователи, как правило, не желают по собственной воле компенсировать причиненный ущерб, принимать меры, направленные на воссоздание первоначального состояния окружающей

[1] См.: п. 1 ст. 78 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. – № 2. Ст. 133.

среды, подвергнутой негативному воздействию. В таком случае необходимо в судебном порядке добиваться принудительного возмещения вреда.

В соответствии с процессуальным законодательством[11], разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации[22] прокурор в порядке гражданского судопроизводства вправе обратиться с требованием о возмещении вреда, причиненного окружающей среде или отдельным её компонентам.

Согласно практике Осташковской межрайонной природоохранной прокуратуры Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры по делам о взыскании ущерба за 2014 – 2019 годы природоохранный прокурор чаще всего обращался в суд с исковыми заявлениями об обязании хозяйствующих субъектов, физических лиц компенсировать причиненный вред почвам, возникший в результате захламления земель отходами производства и потребления и сброса фекально-сточных вод на почвы.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»[33] разъяснил, что возмещение вреда окружающей среде может осуществляться путем возложения обязанности на ответчика возместить причиненный вред в его стоимостной характеристике и (или) путем принуждения природопользователя провести мероприятия, направленные на восстановление нарушенного состояния окружающей среды. Отмечается, что истец при формулировании исковых требований волен самостоятельно определять способ возмещения причиненного вреда.

Вопрос выбора способов (форм) компенсации вреда, причиненного окружающей среде, рассматривался многими исследователями. У авторов, изучающих данный вопрос, отсутствует единый подход к разрешению проблемы. Доктринальные мнения в

---

[1] См.: ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. – № 46. Ст. 4532.

[2] См.: п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. февраль. – № 2.

[3] Там же. П. 13.

своих научных трудах высказывали Головко И.И.[14], Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б.[25] и другие[36].

Ввиду отсутствия в действующем законодательстве норм, устанавливающих приоритет компенсации экологического вреда в натуральной форме, в каждом конкретном случае прокурору необходимо принимать решение о выборе способа (формы) компенсации вреда с учетом оценки возможности натуральной формы его возмещения. В прокурорской практике в последние годы все чаще встречаются случаи возложения судом по иску прокурора на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды за счет его средств, посредством восстановительных работ[47].

Существует и другая практика по данному вопросу. Так, в августе 2019 года Осташковской межрайонной природоохранной прокуратурой проведена проверка по обращению гражданина о законности сброса водителями ассенизаторских машин хозяйственно-фекальных сточных вод на рельеф местности в границах земельного участка, на котором располагались поля-отстойники неэксплуатируемых очистных сооружений.

В нарушение требований санитарно-эпидемиологического законодательства действия водителей согласно результатам микробиологических испытаний и результатам химического анализа проб почв привели к превышению допустимого количества вредных и загрязняющих веществ по отношению к фоновой концентрации.

Дополнительно изучив правовую позицию высших судов, можно прийти к выводу, что проведение только одной рекультивации не является средством полного возмещения экологического вреда, а лишь способом исключения преград к восстановлению экологической системы. Закон не предполагает зачет понесенных природопользователем материальных расходов по устранению последствий в сумму ущерба, поскольку такая сумма в силу

---

[1] Головко И.И. Проблемы возмещения вреда окружающей среде в судебном порядке по инициативе прокурора // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 2. – С. 129-142.

[2] Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // Lex russica. – 2016. – № 8. – С. 130-140.

[3] Дицевич Я.Б. Актуальные направления деятельности органов прокуратуры в сфере охраны окружающей среды : монография / Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. – С. 153-158.

[4] Исламова Э.Р., Дицевич Я.Б. О практике деятельности органов прокуратуры по обращению в суд с исками о компенсации вреда, причиненного окружающей среде // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Том 7. – № 2В. – С. 224-239.

закона определяется самостоятельно по факту затрат именно на реабилитацию нарушенного состояния, а не непосредственно на устранение последствий нанесенного вреда, либо по установленным законом таксам и методикам исчисления размера вреда[11].

Руководствуясь данной правовой позицией, природоохранный прокурор при решении вопроса о выборе способа компенсации вреда исходил из того, что восстановление нарушенного состояния окружающей среды не идентично процедуре устранения отрицательных изменений вследствие порчи земель, восстановление реализуется после мероприятий по устранению последствий порчи, поэтому и компенсация причиненных убытков в денежном выражении, и возложение на ответчика обязанности по приведению первоначального, не подвергшегося негативному воздействию, состояния окружающей среды путем проведения рекультивационных работ являются правомерными.

Анализ судебной практики доказывает законность вышеуказанного решения. Аналогичные исковые требования удовлетворены Советским районным судом Кировской области (решение от 05.07.2017 по делу № 2-4/88/2017)[22], Арбитражным судом Ярославской области (решение от 16.07.2016 по делу № А82-16784/2015)[33].

Во исполнение требований природоохранного законодательства[44] вред почвам возмещается в соответствии с Методикой исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды[55].

По формулам в указанной Методике в стоимостной форме исчисляется размер вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды. В соответствии с протоколами лабораторных исследований проб почв, площадью загрязненного участка,

---

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 03.06.2015 по делу № 310-ЭС15-1168. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf_ec.php?id=1340564 (дата обращения 19.04.2020).

[2] URL: https://sudact.ru/regular/doc/PjHYe85g3JYP/ (дата обращения 07.04.2020).

[3] URL: http://yaroslavl.arbitr.ru/cases/cdoc?docnd=2002204433 (дата обращения 07.04.2020).

[4] См.: п. 1 ст. 77 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. – № 2. Ст. 133.

[5] Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 8 июля 2010 г. № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» (зарегистрировано в Минюсте России 7 сентября 2010 г. № 18364) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.04.2020).

категорией земель специалистами, осуществляющими контроль в указанной сфере, по требованию прокурора выполняется расчет причиненного ущерба.

Лицам, действия которых способствовали детериорации качеств почв, надлежит произвести процедуры, направленные на их реанимирование посредством проведения мероприятий по рекультивации. Земельным законодательством определено[16], что рекультивация земель представляет собой меры, направленные на устранения последствий нарушенных земель путем оздоровления плодородия почв, приведения земель в состояние, пригодное для их использования.

При формулировании исковых требований следует помнить, что разработка проекта рекультивации загрязнённого участка предшествует проведению рекультивационных работ. Необходимо отметить, что в соответствии с Правилами проведения рекультивации и консервации земель[27], разработать проект рекультивации земель надлежит в срок не позднее чем 7 месяцев со дня окончания мероприятий, в результате которых произошла порча земель; со дня совершения действия, которое привело к порче земель; со дня обнаружения факта порчи земель; со дня получения предписания, выданного органами, осуществляющими контрольно-надзорные мероприятия в указанной сфере, об обязательности проведения работ, направленных на рекультивацию земель.

Прокурор в своем исковом заявлении определяет, с какого момента следует исчислять срок разработки проекта рекультивации с учетом возможности реального исполнения решения суда ответчиком, подробно описывает характеристики рекультивируемого загрязненного участка — площадь, угловые точки координат, кадастровый номер (квартал), адрес или указывает географические ориентиры.

Без внимания не должны остаться положения пункта 3.21 приказа Генерального природоохранного прокурора от 01.04.2014 г. № 165 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании»[31].

---

[1] См.: п. 5 ст. 13 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. 29 ноября. – № 44, ст. 4147.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2018 г. № 800 «О проведении рекультивации и консервации земель» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 29. Ст. 4441.

[3] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 01.04.2014 г. № 165 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании» // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2014. 10 октября, часть II.

Порча земли веществами, оказывающими негативные изменения качеств почв, вследствие нарушения правил обращения с указанными веществами, повлекшее причинение вреда окружающей среде, образует состав преступления, предусмотренный частью 1 статьи 254 Уголовного кодекса Российской Федерации[12]. Компенсация причиненного ущерба окружающей среде не является освобождением от уголовной ответственности.

Учитывая то, что законодатель не ограничивает прокурора как истца в выборе способа компенсации вреда, причиненного почве, как компоненту окружающей среды, необходимо предъявлять исковые требования с использованием всех возможных форм компенсации: и в форме взыскания причиненных убытков, и в форме возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды (проведению работ по рекультивации нарушенных земель). Наличие противоречивой правоприменительной практики, неоднородных доктринальных мнений, представляют необходимость формирования единообразной позиции судов по указанному вопросу.

УДК 349.4

Н.С. ИШУТИНА

научный руководитель
доцент И.В. РЫЖИХ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

В соответствие с ч. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации[23] земля и другие природные ресурсы, следовательно и недра, используются и охраняются в нашей стране как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

На сегодняшний день приобретают большую актуальность вопросы, направленные на повышение эффективности участия органов местного самоуправления в сфере недропользования, в том

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. – № 25, ст. 2954.

[2] Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993, 25 декабря.

числе эффективности правового регулирования соответствующих отношений. Вместе с тем, прослеживается несовершенство отдельных норм отраслевого законодательства, которые регулируют общественные отношения, возникающие при осуществлении органами местного самоуправления полномочий в сфере недропользования.

Так, нормами российского законодательства о недрах среди полномочий органов местного самоуправления в сфере регулирования отношений недропользования предусмотрен контроль за использованием и охраной недр при добыче общераспространенных полезных ископаемых, а также при строительстве подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых[14].

Органы прокуратуры Российской Федерации наделены полномочиями, которые направленны на осуществление надзора за исполнением законов органами местного самоуправления, а также за издаваемыми правовыми актами в указанной сфере[25].

В ходе реализации вышеуказанных полномочий и проведении анализа состояния законности на поднадзорной территории в сфере недропользования, Ивановской межрайонной природоохранной прокуратурой установлено, что администрацией Горковского сельского поселения Кинешемского района Ивановской области не разработан и не утвержден правовой акт, регламентирующий осуществление муниципального контроля за использованием и охраной недр при добыче общераспространенных полезных ископаемых, а также при строительстве подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых.

В указанной связи прокуратурой в адрес главы администрации Горковского сельского поселения Кинешемского района Ивановской области внесено представление об устранении нарушений, направленное на разработку и утверждения правового акта в сфере недропользования.

Аналогичные нарушения выявлены прокуратурой еще в 56-ти сельских поселениях Ивановской области, по которым в адрес всех глав администрации внесены представления с соответствующими требованиями.

---

[1] См.: п. 5 ст. 5 Закона Российской Федерации от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства РФ. 1995. – № 10. Ст. 823.

[2] См.: ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. – № 47. Ст. 4472.

В дальнейшем органы местного самоуправления в 26-ти случаях отказали в удовлетворении внесённых в их адрес представлений, аргументируя это тем, что принципы организации их деятельности в Российской Федерации устанавливаются специальным Федеральным законом от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[11] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ).

Данные отказы были обусловлены тем, что в Федеральном законе № 131-ФЗ за органами местного самоуправления не закреплена обязанность по осуществлению муниципального контроля в сфере недропользования. Определяя бездействие указанных органов как незаконные, прокуратурой поданы исковые заявления в Арбитражный суд Ивановской области с целью обязать органы исполнительной власти исполнить требования, изложенные в Законе РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах».

Для каждого уровня муниципальных образований субъектов Российской Федерации Федеральный закон № 131-ФЗ определяет круг вопросов, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно – вопросы местного значения. Условием правомерности муниципального контроля и его отличительной чертой является отнесение соответствующего вида контроля к вопросам местного значения[22].

Виды муниципального контроля должны быть взаимосвязаны с деятельностью органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. В ч. 1 ст. 18 Федерального закона № 131-ФЗ указанно, что перечень вопросов местного значения не может быть изменен иначе как путем внесения изменений и дополнений в данный Федеральный закон, за исключением определенных случаев, к которым исследуемая ситуация не относится.

Однако Федеральный закон № 131-ФЗ не предусматривает возложение на органы местного самоуправления полномочий по осуществлению муниципального контроля в сфере недропользования.

Несмотря на отсутствие должного правового регулирования в данной сфере сформировалась неоднозначная и противоречивая судебная практика по возложению на органы исполнительной

[1] Собрание законодательства РФ. 2003. – № 40. Ст. 3822.

[2] Бурылова Л.А. Муниципальный контроль: проблемы правового регулирования и реализации // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2014. – № 2. – С. 78-85.

власти местного самоуправления каждого уровня обязанности по осуществлению данного вида контроля и разработки соответствующей документации, из которой представляется возможным выделить следующие позиции судов:

отсутствие прямого указания в федеральном законе № 131-ФЗ на полномочия, перечисленные в ст. 5 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» не может свидетельствовать об отсутствии соответствующих полномочий и контроля как такового, поскольку возможность его осуществления может быть закреплена в иных федеральных законах[13];

муниципальный контроль в сфере недропользования является делегированным государственным полномочием[24];

муниципальный контроль в сфере недропользования – это не самостоятельный вид контроля, но полномочие, осуществляемое в рамках такого вопроса местного значения, как земельный контроль. Иными словами, муниципальный контроль в сфере недропользования является одним из элементов муниципального земельного контроля[31];

муниципальный контроль в сфере недропользования тождественен геологическому контролю[42].

Последствия формирования не единообразной судебной практики приводят к противоречивому толкованию основополагающих норм, регулирующих сферу недропользования и муниципального управления, а также увеличение фактов возложения

---

[1] Решение Арбитражного суда Свердловской области от 22.10.2018 по делу № А60-50778/2018// http://www.consultant.ru/; Решение Арбитражного суда Свердловской области от 21.03.2019 по делу № А60-4399/2019 // http://www.consultant.ru/.

[2] Решение Гудермесского городского суда Чеченской Республики от 21.09.2012 по делу № 2-1300/2012~М-1338/2012// http://www.consultant.ru/.

[3] Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 17.04.2014 по делу № А12-1024/2014// http://www.consultant.ru/; Решение Центрального районного суда города Волгограда от 29.04.2011 по делу № 2-3949/11// http://www.consultant.ru/; Решение Невельского городского суда Сахалинской области от 29.05.2014 по делу № 2-382/2014~М-325/2014// http://www.consultant.ru/; Решение Арбитражного суда Амурской области от 19.08.2010 по делу № А04-2473/2010// http://www.consultant.ru/.

[4] Решение Инсарского районного суда Республики Мордовия от 29.01.2015 по делу № 2-17/2015~М9/2015// http://www.consultant.ru/; Решение Атюрьевского районного суда Республики Мордовия от 07.05.2014 по делу № 2-76/2014~М-70/2014// http://www.consultant.ru/; Решение Старошайговского районного суда Республики Мордовия от 20.03.2014 по делу № 2-61/2014~М-60/2014// http://www.consultant.ru/.

дублирующих друг друга полномочий на все уровни муниципальных образований субъектов РФ.

На данный пробел в законодательстве обратило своё внимание Минэкономразвития России, которое еще в 2011 году констатировало, что контроль за использованием и охраной недр при добыче общераспространенных полезных ископаемых, а также при строительстве подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, относится к видам муниципального контроля, установленном в отраслевом законодательстве, и не имеет нормативных оснований среди вопросов местного значения. Минэкономразвития России предложило исключить данный вид муниципального контроля, передав его на региональный уровень[13]. Однако, соответствующее решение до настоящего времени не принято.

Формирующаяся юридическая практика нуждается в совершенствовании законодательства в этой сфере, несмотря на признание во многих случаях муниципального контроля в сфере недропользования в качестве безусловного полномочия органов местного самоуправления и устранение неопределенности в правовом регулировании.

По справедливому замечанию Ненашевой И.А. формирование единообразного подхода в практике правоприменения и дальнейшая гармонизация законодательства РФ в сфере недропользования (включая подзаконные акты) с иными отраслями права, будет способствовать пресечению попыток злоупотребления правом[24], бездействия органов местного самоуправления в указанной сфере.

Представляется, что передача контрольных полномочий в данной сфере на региональный уровень не будет способствовать решению проблем в области использования и охраны недр, в отличие от совершенствования российского законодательства, предопределяющего формирование единообразной правоприменительной практики, например посредством закрепления муниципального контроля в сфере недропользования в Федеральном законе № 131-ФЗ в качестве вопроса местного значения муниципального района и муниципального (городского) округа.

---

[1] Муниципальный контроль в Российской Федерации (аналитический доклад). Подготовлен Министерством экономического развития Российской Федерации. М., 2011. С. 8, 37.

[2] Ненашева И.А. Проблемы применения отдельных норм законодательства РФ о недрах//Вестник Международного института экономики и права. Право. 2013. С. 96.

УДК 349.4

К.С. ПАВКОВА

научный руководитель
доцент В.В. ЛАВРОВ

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В БЕРЕГОВОЙ ПОЛОСЕ ОБЩЕГО ДОСТУПА

В современный период происходит интенсивное развитие земельных отношений, их усложнение. Повышение стоимости земельных участков влекут за собой возникновение земельных споров, а также ряда правонарушений. Одной из проблем в данной области является распространение практики ограничения доступа населения к береговым полосам и водным объектам со стороны лиц, использующих примыкающие к водоемам земельные участки.

В ст. 6 Водного кодекса[1] РФ (далее – ВК РФ) закреплена общедоступность пользования водными объектами общего пользования и береговой полосой водных объектов общего пользования[2]. Данная статья определяет водные объекты общего пользования (общедоступные водные объекты) как поверхностные водные объекты, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, с оговоркой, если иное не предусмотрено ВК РФ. Отметим, что предоставление в пользование по договору водопользования или по решению органа государственной власти, органа местного самоуправления либо пользование без принятия таких правовых актов водного объекта на наличие статуса общедоступного не влияет (ст. 11 ВК РФ). Отметим, что береговая полоса представляет собой полосу земли шириной 5 или 20 метров вдоль береговой линии водных объектов (ч.6 ст. 6 ВК РФ), режим которой предполагает жесткие ограничения ее использования[3]. Исключение из общего правила составляют случаи уста-

[1] Водный кодекс РФ от 03.06.2006 № 74-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) [Элек-тронный ресурс] URL: https://legalacts.ru/kodeks/VodniyKodeks-RF/.

[2] Перечень водных объектов закреплен в статье 5 ВК РФ.

[3] Действующее законодательство регулирует использование земель и земельных участков путем установления общего запрета и единичных дозволений (разрешительный тип правового регулирования). В ст. 6 ВК РФ указывается, что на водных объектах общего пользования могут быть запрещены забор (изъятие) водных ресурсов для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, купание, использование маломерных судов, водных мотоциклов и др. технических

новления режима обособленного водопользования на основании ч. 2 ст. 38 ВК РФ. На основании ч. 5 ст. 6 ВК РФ информация об ограничении водопользования на таких объектах предоставляется гражданам органами местного самоуправления через СМИ и посредством специальных информационных знаков, устанавливаемых вдоль берегов водных объектов. Также могут быть использованы и иные способы предоставления такой информации. В то же время в законодательстве иной отраслевой принадлежности содержатся нормы, фактически ограничивающие право на свободный доступ к водным объектам (например, на рыбопромысловых участках, предоставленных юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям для организации любительского и спортивного рыболовства на основании договоров, любительское и спортивное рыболовство осуществляется гражданами при наличии путевки[14]).

Гарантией доступности общего водопользования граждан является установление государственной (федеральной) собственности на водные объекты (ч. 1 ст. 8 ВК РФ). Более того, земельные участки, в пределах которых расположены водные объекты, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, ограничиваются в обороте (пп. 3 п. 5 ст. 27 ЗК РФ). Данный запрет, однако, не исключает предоставления земельных участков береговой полосы в пользование или владение (п. 4 ст. 39.8 ЗК РФ закрепил правило о возможности заключения договора аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности и расположенного в границах береговой полосы водного объекта общего пользования, при условии обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе). Несмотря на наличие всех ранее упомянутых ограничений[25], их, зачастую, недостаточно для обеспечения

средств, предназначенных для отдыха на водных объектах, водопой, также могут быть установлены иные запреты в случаях, предусмотренных законодательством РФ и субъектов РФ. Касаемо купания, на водных объектах общего пользования купаться можно только в строго отведенных и оборудованных надлежащим образом местах (определение ВС РФ от 16.12. 2015 по делу № 117-АПГ15-6).

[1] Федеральный закон РФ от 20.12. 2004 N 166-ФЗ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов (с изм. и доп. от 01.01.2020) [Электронный ресурс] URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-20122004-n-166-fz-o/.

[2] При этом следует отметить, что действующая редакция ВК РФ не содержит понятия водно-го сервитута, что, безусловно, не способствует обеспечению надлежащей защиты прав граждан на свободный и бесплатный доступ к водным объектам.

свободного пользования гражданами береговой полосой. Препятствия такому пользованию создаются, во-первых, владельцами строений, расположенных вблизи водоемов, во-вторых, пользователями водных объектов и арендаторами примыкающих к воде земельных участков. Довольно часто в правоприменительной практике встречаются случаи незаконного ограничения до-ступа к водным объектам общего пользования[16]. Так, туристического объект — «Горный парк РУСКЕАЛА», расположенный в Республике Карелия, большей частью расположен как раз на землях береговой полосы (т.е. в 20-метровой зоне от обводненного карьера). Платность посещения самого маршрута вокруг карьера противоречит земельному законодательству, т.е. платным может быть использование только дополнительной инфраструктуры – использование лодок, посещение музея, возможность совершить прыжок с тарзанкой и т.д., на данное обстоятельство необходимо обратить внимание органов прокуратуры. Согласно статистике в РФ за 2018 г. по ст. 8.12.1. КоАП[27] было подвергнуто наказанию 86 человек[38], а это только выявленные и доказанные случаи. Случаи незаконного строительства в зонах береговой полосы также имеют массовый характер, и нередко застройка или специально возведенные ограждения препятствуют доступу населения к водным объектам общего доступа.

Базовое понятие самовольной постройки с 2018 г. содержится в п. 1 ст. 222 ГК РФ. До этого считалось, что самовольная постройка представляет собой имущество, подпадающее под признаки объекта недвижимости, но создание которого обусловлено нарушением установленных норм земельного законодательства, регулирующего предоставление земельного участка под строительство, а также градостроительных норм, регулирующих проектирование и строительство (Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1873-О).

---

[1] Постановление суда по ст. 8.12.1 КоАП РФ № 5-596/2017 [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1090443/; апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 22.11.2019 № 33-4460/2019 [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=247004#049561135329037076.

[2] КоАП от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2020) [Электронный ресурс] URL: https://rg.ru/2001/12/31/admkodeks-dok.html.

[3] Статистика по ст. 8.12.1. КоАП [Электронный ресурс] URL: http://stat.апипресс.рф/stats/adm/t/31/s/1.

Количество административных производств и исков прокуратуры[11] о сносе самовольно возведенных строений весьма значительно[2]. Зачастую данные нарушения сопряжены с самозахватом земельного участка, под которым понимается пользование чужим земельным участком при отсутствии воли собственника этого участка (иного управомоченного им лица), выраженной в установленном порядке[33]. Самовольное занятие земельного участка, в большинстве случаев расположенных именно в береговой полосе общего доступа, ввиду экономических аспектов, а также его использование без оформленных в установленном порядке правоустанавливающих документов на землю, а в случае необходимости - без документов, разрешающих осуществление хозяйственной деятельности является правонарушением. Согласно ст. 7.1 КоАП, данное поведение влечет наложение административного штрафа в случае, если определена кадастровая стоимость земельного участка, на граждан в размере 1-1,5 % кадастровой стоимости земельного участка, но не менее 5000 руб. Соответственно, санкция за использование земельного участка без регистрации для физических лиц является неэффективной и установленный запрет не сдерживает злоумышленников осуществлять неправомерные действия. Более того, доход от использования в предпринимательских целях незаконно занятого участка в большинстве случаев значительно превышает суммы уплаченных штрафов.

---

[1] Например: в Московской области прокуратура в судебном порядке истребовала из неза-конного владения юр. лица часть земельного участка, занятую береговой полосой водного объекта [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1736880/; по иску прокурора признана незаконной продажа гражданину земельного участка в преде-лах береговой полосы Калининградского залива [Электронный ресурс] URL: https://prokuratura39.ru/2019/03/19/po-isku-prokurora-priznana-nezakonno/.

[2] При выявлении земельного правонарушения в виде самовольного занятия земель, право-охранительные органы испытывают сложности правового, организационного и процессуального характера. К проблемам квалификации относятся: определение предмета правонарушения; разграничение самовольного занятия земельного участка со смежными составами ввиду схожести квалифицирующих признаков правонарушений, установление сроков давности привлечения к ответственности, что обусловлено затруднениями в определении момента совершения правонарушения, связанного с понятием длящегося деяния, установление последствий самовольного занятия земельного участка при продолжении противоправного поведения.

[3] Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 11 (ред. от 25.01.2013) «О некоторых во-просах применения Особенной части КоАП» [Электронный ресурс] URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100423/.

Анализ материалов правоприменительной практики показывает, что в целях защиты права граждан на общее землепользование преимущественно используется именно административный порядок защиты права на общее земле-пользование, что связано с достаточно детальной (хотя и неполной) проработкой института административной ответственности за нарушения в данной сфере, важным элементом которого стала ст. 8.12.1 КоАП РФ (для усиления эффективности воздействия санкций, установленных ст. 8.12.1 КоАП РФ за нарушение условий по обеспечению свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе, целесообразно увеличить размера штрафа с дифференциацией для различных водных объектов). Так же, административная ответственность за самовольное ограничение доступа на земельные участки общего пользования предусматривается в региональном законодательстве об административных правонарушениях (например, ст. 6.5 КоАП г. Москвы)[14]. Однако, привлечение гражданина к административной ответственности само нарушение фактически не устраняет, что ставит под вопрос эффективность санкции, ведь, например, для устранения ограждения, соответствующим органам приходится обращаться в суды с исковыми заявлениями с просьбой о признании действий собственника земельного участка по размещению ограждения незаконными, а также возложении на собственника земельного участка обязанности обеспечить свободный доступ граждан к водному объекту.

Отметим, что зарубежный опыт регулирования доступности прохода населения к береговым полосам водных объектов неоднороден. В ряде стран (Кипр) береговые полосы и расположенные на них пляжи находятся исключительно в публичной собственности и пользование ими доступно для неограниченного круга лиц, в других странах (Турция) пользование береговой полосой ограничено, доступ разрешен для правообладателей прибрежных территорий. Тем не менее, в большинстве стран мира установление каких-либо ограничений в виде заграждений до уреза воды правообладателями прибрежных зоны запрещается, что является благоприятным фактором для обеспечения экологических прав граждан.

---

[1] Д. С. Гриц. Право на общее землепользование: проблемы защиты и юридической ответ-ственности за нарушение права // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 227-234 [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-obschee-zemlepolzovanie-problemy-zaschity-i-yuridicheskoy-otvetstvennosti-za-narushenie-prava/viewer.

Таким образом, несмотря на наличие различных гарантий, право население на бесплатное пользование береговой линией зачастую нарушается. Необходимо законодательно ужесточить ответственность за данный вид правонарушения (например, для обеспечения надлежащего нормативного регулирования и формирования единообразной практики по реализации права граждан на беспрепятственный и бесплатный доступ к береговой полосе водных объектов дополнить ЗК РФ ст. 56, закрепив в ней особенности изъятия земельных участков, предназначенных для обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе в случае неисполнения или не-надлежащего исполнения его собственником обязанностей, предусмотренных законодательством), а также разработать механизм, который будет позволять правоохранительным органам своевременно выявлять такие нарушения.

УДК 349.4

Л.А. СОРОКИНА,
М.Ю. ШАДУРА,

научный руководитель
доцент Ф.П.РУМЯНЦЕВ

ПРОБЛЕМА ПОДНЯТИЯ УРОВНЯ ВОДЫ НА НОВОЧЕБОКСАРСКОЙ ГЭС

Проблема, связанная с поднятием уровня воды на Чебоксарской ГЭС относится к числу актуальных уже не одно десятилетие, активно обсуждается не только на региональном уровне, но и на федеральном ввиду своей значимости для экологической обстановки, нормального функционирования экосистемы, сохранения видового разнообразия растений и животных.

Для того, чтобы определить основные вопросы, которые являются предметом научных дискуссий, необходимо рассмотреть исторический аспект строительства Чебоксарской ГЭС.

Строительство Чебоксарской ГЭС было начато в 1969 году в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1968 года № 2. К 1980 году русло Волги перекрыли, чтобы создать Чебоксарское водохранилище, которое эксплуатируется с 1981 года на отметке подпорного уровня 63 метра (НПУ63) в соответствии с распоряжением Совета министров

СССР от 6 января 1978 года № 28-р и «Временными основными правилами использования водных ресурсов Чебоксарского водохранилища на р. Волге (на период начальной эксплуатации) РВ -249-82, утверждёнными приказом Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР от 2 сентября 1982 года № 531. Тем не менее, изначально проектом предусматривалось, что уровень воды составит 68 м. В 1989 году ГЭК Госплана СССР, Управлением государственной экспертизы Госстроя СССР и Главгосэкспертизой Госкомприроды СССР была проведена экспертиза материалов по обоснованию целесообразности перехода от отметки водохранилища Чебоксарской ГЭС в 63 м к проектному подпорному уровню - 68 м. В постановлении Госэкспертизы (№ 7/76/79 от 26.04.1989) отмечалось: «ГЭС экономически неэффективна как при отметке НПУ водохранилища 63 м, так и при НПУ 68 м; необходимо принять отметку НПУ водохранилища для постоянной работы Чебоксарской ГЭС 63 м». В соответствии с рассмотренным постановлением было принято Распоряжение Правительства РФ от 12 марта 1992 года № 468-р, которое действует и в настоящее время, устанавливая отметку 63 метра в качестве нормального подпорного уровня Чебоксарского водохранилища[13].

В 2010 году к проблеме повышения уровня воды на Чебоксарской ГЭС вернулись вновь: в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 21.04.2010 № 600-р было дано поручение о подготовке изменений в проектную документацию «Строительство Чебоксарской ГЭС на реке Волге», предусматривающих возможность повышения уровня Чебоксарского водохранилища до отметки 68 метров (на 5 метров). Заказчик проекта (ОАО «РусГидро») в 2010 году утвердил техническое задание по завершению разработки проектной документации.

В течение нескольких лет ПАО «РусГидро» лоббировало повышение уровня воды в водохранилище, чтобы вывести Чебоксарскую ГЭС на проектную мощность (сейчас станция работает на 60% от установленной мощности 1404 МВт). При этом примечательно, что ПАО «Русгидро» при утверждении технического задания, во-первых, не согласовал его с правительством Нижегородской области, а, во-вторых, в техническом задания была указана формулировка ««по завершению разработки проектной документации», вместо «подготовка изменений в проектную документацию...», в связи с

[1] Нижегородский низконапорный гидроузел и завершение строительства Чебоксарской ГЭС URL: http://mineco-nn.ru/nizhegorodskij-nizkonapornyj-gidrouzel-i-zavershenie-stroitelstva-cheboksarskoj-ges/.

чем допускается подмена понятий в результате чего фактически презюмируется решенность вопроса о поднятии уровня воды в Чебоксарской ГЭС[11]. Проект поднятия уровня Чебоксарского водохранилища в 2013 году получил отрицательное заключение государственной экологической экспертизы.

В 2015 году Правительство РФ приняло решение оставить уровень воды в водохранилище на отметке 63 м, но спустя три года, в 2018 году, к этому вопросу вновь вернулись.

В дальнейшем проблема повышения уровня воды на Чебоксарской ГЭС, а конкретно, целесообразности повышения ее уровня с отметки 63 до 68 м., неоднократно обсуждалась как рамках проведения различного уровня экспертиз, а также представителями общественности и научного сообщества.

Безусловным сторонником повышения уровня Чебоксарской ГЭС выступает правительство Чувашии, которое отмечает, что поднятие уровня воды до 68 м. позволит улучшить экологию водохранилища, поскольку на данный момент значительная часть территории водохранилища -мелководье, глубина которого не превышает 2-ух метров, что приводит к таким негативным последствиям как отсутствие естественного самоочищения, активный рост водорослей. Кроме того, поднятие уровня воды экономически целесообразно ввиду возможности осуществления судоходства.

В свою очередь Правительство Нижегородской области, отмечает, что поднятие уровня воды повлечет за собой такие негативные последствия как затопление сельскохозяйственных угодий и лесов, подтопление населенных пунктов, ухудшение химического состава, и, как следствие, качества воды и кислородного режима, деградации экосистем.

В научной литературе предпринимаются попытки определить потери сельскохозяйственного производства Нижегородской области в результате реализации мероприятий по подъему уровня воды в Чебоксарском водохранилище до планируемой отметки. Так, коллектив авторов (В.И. Титов, А.Г. Самоделкин, Е.В. Дабахов, Н.С. Еремин), произведя расчеты пришли к выводу, что в целом величина убытков, ущерба от затопления, упущенная выгода в случае подъема уровня водохранилища Чебоксарской ГЭС до отметки 68 м, составит 8605,7 млн руб.

---

[1] Орехов В.Ф., Краснов А.Н. Проблемы Чебоксарского водохранилища «Проект 68»- прыжок с разбега на гигантские грабли // Астраханский вестник экологического образования. – 2013. – № 3 (25). – С. 170-184.

К слову, проблемы Чебоксарской ГЭС обсуждались в рамках Международного научно-промышленного форума «Великие реки-2012» на круглом столе на тему «Экологические и социально-экономические последствия подъема уровня Чебоксарского водохранилища до отметки 68 метров».

Проведение научно-промышленного форума имело практические результаты, а именно, была принята резолюция и обращение к Президенту РФ, Председателю Правительства РФ о недопустимости повышения уровня Чебоксарского водохранилища.

Рассмотрев различные точки зрения по указанному вопросу нельзя не отметить того, что аргументы каждой из сторон дискуссии, безусловно, заслуживают внимания, являются результатом осуществления масштабной подготовительной работы, основаны на проведении экспертиз различного уровня, тем не менее, в дальнейшем, учитывая, что проблема поднятия уровня воды не утратила своей актуальности, при ее дальнейшем обсуждении должны быть учтены следующие моменты: открытость информации о проекте, рассмотрение альтернативных вариантов и обсуждения различных аспектов проблемы.

Именно комплексный подход к многогранной проблеме поднятия уровня воды на Чебоксарской ГЭС позволит обеспечить устойчивое развитие регионов в условиях сохранения окружающей природной среды для нынешнего и будущих поколений.

УДК 349.4

В.В. СТРАХОВА

научный руководитель
доцент О.Л. ВЕРБИНА

О ПРАВАХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ В РФ

Российская Федерация, как и любое другое государство, отвечает за соблюдение безопасности и интересов своей страны, а также за неприкосновенность, целостность и единство всей территории, принадлежащей государству. Так, преследуя данные цели, в Земельном Кодексе РФ (далее ЗК РФ) и иных актах предусмотрены нормы, регламентирующие вещные права иностранных граждан и лиц без гражданства на земельные участки, а также особенности реализации этих прав.

В первую очередь следует обратиться к основному закону нашего государства – Конституции РФ[11]. В данном нормативно-правовом акте указано, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут те же обязанности, что и граждане РФ. Таким образом, российским законодательством фактически закреплено право этих лиц на приобретение в собственность земельных участков, находящихся на территории Российской Федерации, однако, как говорит ч. 4 ст. 39.4. ЗК РФ, исключительно за установленную законом плату.

Для дальнейшего изучения в рамках данной статьи особенностей вещных прав лиц, не являющихся гражданами РФ, на наш взгляд, необходимо определить понятия «иностранные граждане» и «лица без гражданства». Они регламентируются отдельным Федеральным Законом «О правовом положении иностранных граждан в РФ» от 25.07.2002 № 115-ФЗ. Так, согласно ст.2, под иностранными гражданами подразумеваются физические лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации и имеющие доказательства о наличии у них гражданства (подданства) иностранного государства, а под лицами без гражданства понимают физических лиц, которые не выступают в качестве граждан Российской Федерации и при этом не имеют никаких доказательств наличия у них гражданства (подданства) иностранного государства. Тем не менее, данные лица всё же являются субъектами правоотношений законодательства Российской Федерации, в частности, участниками земельных правоотношений. Как справедливо отмечают, Д.А. Лукьянов и Е.А. Гринь, регулирование земельных отношений с иностранным участием обладает определенными юридическими особенностями[22].

К числу таких особенностей необходимо отнести ограничения в приобретении земельных участков, расположенных на территории РФ, иностранными гражданами и лицами без гражданства, указанные в ч. 3 ст. 15 ЗК РФ. Данная статья устанавливает, что на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных территориях, лица, не являющиеся гражданами РФ, обладать не могут. Данный запрет был установлен согласно Указу Президента РФ от 09.01.2011 № 26.

---

[1] «Конституция Российской Федерации» от 12.12. 1993, № 237. «Российская газета», 21.01.2009, - № 7.

[2] Лукьянов Д.А., Гринь Е.А. Права иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на земельные участки //Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. – №5. – С.113.

В ч. 3 ст. 15 ЗК РФ употребляется понятие «приграничные территории», однако, отсутствие в законе его определения приводит к многочисленным спорам в юридической литературе. Например, А.Г. Гранберг, считает, что ими являются территории, находящиеся под влиянием государственной границы[13]. Н.С. Мироненко и В.А. Колосов подразумевают, что это территории, способствующие человеку или социальной группе самоиндентифицироваться[24]. Общим же воззрением является понимание приграничных территорий в пределах административно-территориальных единиц, примыкающих к Государственной границе РФ.

Состав таких территорий многообразен. Так, в ст.3 в Законе РФ «О Государственной границе РФ» от 01.04.1993 № 4730-I содержится перечень территорий, прилегающих к Государственной границе РФ:

пограничная зона,

российская часть вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации, где установлен пограничный режим, пункты пропуска через Государственную границу РФ,

территории административных районов и городов, санаторно-курортных зон, особо охраняемых природных территорий, объектов и других территорий, прилегающих к Государственной границе РФ, пограничной зоне, берегам пограничных рек, озер и иных водоемов.

Существуют и отдельные приграничные территории, определяющиеся нормативно-правовыми актами РФ или устанавливающиеся законами субъектов РФ.

Что касается вопроса применения ч. 3 ст. 15 ЗК РФ, то он, на наш взгляд, представляет определенную сложность. Диспозиция статьи является императивной, исключения в указанном случае не подразумеваются, здесь явно просматривается интерес государства в сохранении суверенитета территории Российской Федерации. Хотя данная статья и отсылает к перечню приграничных территорий, но, ни Указ Президента РФ, ни статья ЗК РФ не объясняет, как поступать в таких ситуациях, на-

[1] Гранберг А. Г. Основы региональной экономики / Гос. ун-т; Высш. шк. экономики. М., 2000. (Tacis). 495 с.

[2] Колосов В. А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект пресс, 2002. 479 с.

пример, когда к иностранному гражданину или лицу без гражданства, путем наследования, переходит право собственности на земельный участок, расположенный на приграничных территориях РФ. В данной ситуации, следует руководствоваться ч. 1 ст. 238 Гражданского Кодекса РФ от 30.11.1994 №51-ФЗ, где установлено, что если имущество оказалось в собственности у лица, не имеющего такого права, то в течение года (если законом не установлено иное) с момента возникновения права, данное имущество должно быть отчуждено. Реализация этого демонстрируется в решении Акбулакского районного суда Оренбургской области от 27 июля 2015 г. гражданского дела № 2-484/2015 по иску прокурора Акбулакского района к Д. об обязании произвести отчуждение земельного участка. В судебном заседании установлено, что на основании свидетельства о праве на наследство по завещанию Д., являясь иностранным гражданином, зарегистрировала право собственности на земельный участок, расположенный на территории Муниципального образования Акбулакского района Оренбургской области, включенного в Перечень приграничных территорий, что запрещено законом. По итогу дела, суд решил удовлетворить исковые требования прокурора и произвести отчуждение данного земельного участка.

Законом установлено и то, что земельные участки, расположенные на приграничных территориях и находящиеся на праве собственности у иностранных граждан и лиц без гражданства, должны быть отчуждены в установленном законом порядке и сроке. Так, если срок отчуждения нарушен, то земельный участок по решению суда подлежит принудительной продаже, с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику стоимости имущества, определенной судом. Таким образом, действующим законодательством предусмотрена определенная процедура принудительного прекращения права собственности на имущество, которое не может находиться в собственности граждан. Это подтверждает и судебная практика. Дело Каменского районного суда Ростовской области от 27 ноября 2017 г. гражданского дела № 2-1887/2017. по иску Комитета по управлению имуществом г. Каменска-Шахтинского к Г. об отчуждении земельного участка и жилого дома с публичных торгов суд разрешил путем

принудительного прекращения Г. (иностранным гражданином) права собственности на земельный участок и жилой дом, находящихся на приграничной территории. Земельный участок подлежал принудительной продаже, а вырученная сумма принадлежала Г.

Земельные участки, расположенные в пределах РФ, данным лицам, согласно ст. 22 ЗК РФ, могут предоставляться в аренду, кроме случаев, указанных в законе. Стоит упомянуть, что исключительно на праве аренды иностранные граждане и лица без гражданства могут обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения, также кроме случаев, предусмотренных в законе[11]. К этим случаям можно отнести запрещение и ограничение оборотоспособности участков, согласно ч. 4 и 5 ст. 27 ЗК РФ[22]. Под оборотоспособностью земельного участка понимается способность данного участка свободно отчуждаться или переходить от одного собственника к другому в порядке универсального правопреемства. Соответственно, эти нормы применяются аналогично к российским гражданам. В то же время, для лиц, не являющихся гражданами РФ, действуют и иные запреты. Так, законодательством РФ им запрещено иметь на праве собственности участки недр[31], участки континентального шельфа, участки Лесного фонда[42].

Таким образом, регламентация вещных прав иностранных граждан и лиц без гражданства содержится в нормах российского законодательства. Несмотря на предоставление им равных прав в сфере земельных отношений, наряду с гражданами РФ, иностранные граждане и лица без гражданства имеют ряд ограничений. В случае приобретения права собственности в нарушение закона, такие земельные участки должны быть отчуждены добровольно или в судебном порядке. Для отдельных категорий земель допускается только заключение ими договоров аренды.

---

[1] Минина Е. В. Приобретение земельных участков иностранными гражданами и лицами без гражданства // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2017. С. 100-102. URL https://moluch.ru/conf/law/archive/226/12149/ (дата обращения: 22.03.2020).

[2] «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 №136-ФЗ. «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, – №44, ст. 4147.

[3] Закон Российской Федерации «О недрах» от 21.02.1992 №2395-1. «Собрание законодательства РФ» от 06.03.1992, №10, ст. 823.

[4] «Лесной кодекс Российской Федерации» от 04.12.2006 №200-ФЗ. «Собрание законодательства РФ», 11.12.2006, № 50, ст. 5278.

УДК 349.4

А.А. ЦЫПЛЕВА

научный руководитель
В.В. ПУЖАЕВ

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РАЗРЕШЕНИЙ

Современный этап в развитии российского экологического права отмечен процессами постоянного совершенствования природоохранного законодательства. В ежегодном послании Федеральному Собранию, озвученном в начале 2020 года, Президент России Путин В. В. отдельное внимание уделил экологическим вопросам, подчеркнув, что «бизнес, компании, особенно крупные, обязаны помнить о своей социальной и экологической ответственности».[1]

В числе важнейших экологических целей, стоящих перед нашей страной, глава государства назвал необходимость массового перехода хозяйствующих субъектов на наилучшие доступные технологии и получение комплексных экологических разрешений (далее – КЭР).

КЭР является единым разрешительным документом, который регулирует выбросы в атмосферу, водные ресурсы, вред от захоронения и хранения отходов, который учитывает достижения международной практики по внедрению наилучших доступных технологий (далее – НДТ). Появление КЭР обусловлено тем, что существовавшая ранее практика анализа вреда от сбросов в водные ресурсы и выбросов в атмосферный воздух, захоронения и хранения отходов производства не дает целостного и комплексного понимания вреда, который причиняется окружающей среде. Существовавший ранее подход имел ситуационный характер и не мотивировал предприятия сокращать выбросы и снижать негативное воздействие своей деятельности. Именно КЭР позволит решить указанные противоречия между развитием производства и сохранением благополучия окружающей среды.

[1] Официальные сетевые ресурсы Президента России: Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582.

Само понятие КЭР присутствует в природоохранном законодательстве с 2014 года, впервые появившись в Федеральном законе от 21.07.2014 № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» <...>».[1] Новая система нормирования воздействия на окружающую среду подразумевает деление объектов на четыре категории.

Для объектов первой категории именно КЭР становятся главным разрешительным документом. За 2020 год планируется получение комплексных экологических разрешений (далее - КЭР) 80 предприятиями (общее их количество на сегодня равняется 300), на долю которых приходится 60% загрязнений. В 2019 году КЭР были получены 16 предприятиями.[2]

Проведенный анализ говорит о недостаточности существующей на данный момент нормативно-правовой и методической базы для получения КЭР, несмотря на то, что у Минприроды РФ было около 5 лет для разработки всех необходимых НПА. Однако положительно можно охарактеризовать тот факт, что комплекс ключевых НПА для выдачи КЭР уже принят, в том числе и формы заявки и самого разрешения (приказ Минприроды России от 11 октября 2018 г. № 510)[3], порядок выдачи, переоформления, корректировки и отзыва КЭР (постановление Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 143.[4] Однако все этапы получения КЭР в форме административного регламента пока не утверждены, хотя именно они должны определить и закрепить такие важнейшие процедуры получения КЭР, как консультации по процедуре вы-

[1] Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Собр. закон. РФ, 28.07.2014, – № 30 (Часть I), ст. 4220.

[2] Экономика и жизнь: Комплексные экологические разрешения: скоро на всех опасных производствах страны: электрон. журн. 2018. № 21 (1022). URL: https://www.eg-online.ru/article/373791/ (дата обращения: 21.02.2020).

[3] Приказ Минприроды России от 11.10.2018 № 510 «Об утверждении формы заявки на получение комплексного экологического разрешения и формы комплексного экологического разрешения» [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

[4] Постановление Правительства РФ от 13.02.2019 № 143 «О порядке выдачи комплексных экологических разрешений, их переоформления, пересмотра, внесения в них изменений, а также отзыва» (вместе с «Правилами выдачи комплексных экологических разрешений, их переоформления, пересмотра, внесения в них изменений, а также отзыва») // Собр. экологических разрешений, их переоформления, пересмотра, внесения в них изменений, а также отзыва») // Собр. закон. РФ, 25.02.2019, № 8, ст. 777.

дачи и процедуры отказа и выдачи КЭР (проект документа размещен на федеральном портале проектов нормативных правовых актов, ID: 01/02/07-19/00092738).[1]

На сегодняшний день необходимо развитие правоприменительной практики и максимально быстрая идентификация сложностей в получении КЭР. Правила разработки программы повышения экологической эффективности (далее – ППЭЭ), как важнейшей части КЭР, утверждены. Однако процедура согласования проекта программы со специально созданной межведомственной комиссией, которая является обязательной (п. 8 ст. 67.1 закона об охране окружающей среды) на данный момент неоднозначна.[2]

Стоит отметить, что в настоящее время у некоторых предприятий есть практически полное непонимание требований для получения КЭР. Также нельзя отрицать наличие сложностей в процессах согласования с требованиями Роспотребнадзора. Причины указанной ситуации Росприроднадзор видит в длительном прохождении этапов, предшествующих получению КЭР (межведомственные согласования, рассмотрение ППЭЭ), оценки воздействия на окружающую среду, общественные обсуждения, проведение ГЭЭ и т.д.). При этом большинство процедур могут осуществляться только последовательно, что еще более увеличивает общий срок. Профильные структуры совместно с Роспотребнадзором должны сформировать единую позицию на направления развития и гармонизации законодательства по КЭР. Положительно можно оценить тот факт, что в соответствии с поправками в закон «Об охране окружающей среды» исключено требование о проведении государственной экологической экспертизы материалов заявки на КЭР. Чтобы сократить сроки оформления документов для получения технологического разрешения, роль «экспертов» госэкоэкспертизы будут выполнять заинтересованные органы государственной власти. Так, в проекте Постановления чётко указывается, за что будут отвечать Минпромторг, Минприроды, Роспотребнадзор, Росрыболовство и Росводресурсы, рассматривая заявления от природопользователей, намеренных

[1] Административный регламент выдачи комплексных экологических разрешений [Электронный ресурс]: Паспорт проекта. URL: https://regulation.gov.ru/Npa/Print/92738. (дата обращения 27.02.2020).

[2] Гаевская Е.Ю., Вагина О.В., Проблемы получения комплексного экологического разрешения (КЭР) хозяйствующими субъектами на объектах 1-й категории в переходный период // Бизнес, менеджмент и право. – 2019. – № 3 (43). – С. 49-52.

перейти на нормирование, основанное на требованиях НДТ. С точки зрения улучшения экологической ситуации данное решение позволит наиболее полно учитывать специфические угрозы окружающей среде, информация о которых аккумулируется соответствующими ведомствами.

Получение КЭР должно быть максимально прозрачным, так как затрагивает интересы огромного количества граждан Российской Федерации, что обуславливает необходимость общественного обсуждения материалов заявки на получение КЭР. Общественность должна иметь доступ и к нормам общего действия. Данная система эффективно реализована в законодательстве Финляндии, где процедура имеет четкий и прозрачный характер. После публикации заявки собираются заявления, мнения и жалобы общественности, на которые заявитель дает письменный ответ. Далее, происходит рассмотрение заявки и публикация решения. Природопользователи также должны иметь возможность подачи апелляции по принятому решению.

В заключение хотелось бы отметить большую роль внедрения КЭР как для населения, так и для государства, и для природопользователей. КЭР позволят сконцентрироваться на контроле основных загрязнителей окружающей среды, достичь международного уровня подходов к нормированию, а широкое практическое применение НДТ позволит значительно улучшить экологическое состояние окружающей среды. Природопользователи же смогут снизить размер платежей, увеличить сроки действия разрешений, оптимизировать количество разрешительных документов, а также получить поддержку государства для внедрения НДТ в соответствии с ч.3 ст. 17 федерального закона №7-ФЗ.

СЕКЦИЯ XII

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.125

М.А. БЕЛОВ

научный руководитель
А.В. ЗАКРЕВСКИЙ

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ: К ВОПРОСУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРИРОДЫ ПРАВА

Право есть явление цивилизации, а значит и наука о нем есть общественная наука. Тем не менее, отечественная юриспруденция сегодня, кажется, очень сильно противится и не хочет включать социологические подходы в свои методы. Видные представители петербургской школы права пишут о том, что в новой эпистемологической ситуации (ситуации постклассики и постмодерна) важно избежать соблазна дискредитировать право, идентифицировав его с мифом[1], тем самым уничтожив его основание. В связи с этим предлагается вернуть в гуманитарный научный дискурс вопрос истины[2], т.е. догматических постулатов, что, конечно, является довольно наивной целью, поскольку сегодня относительность признана и в естественных науках, главным отличием которых как раз и являлось познание объективной истинны окружающего мира. С чем можно согласиться, так это с тем, что размышления ученых следует признать способными изменять социально– правовую реальность, а значит осознать их ответственность за это[3].

---

[1] Тимошина Е.В. Классика, постклассика… неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права. – Правоведение. 2014. – № 4 (315). – С. 26.

[2] См.: Там же. С. 27.

[3] См.: Там же. С. 29.

Однако главным остается вопрос о том, как формируется общественное мнение о праве, а что самое важное – кем? Почему мы мыслим справедливость (основной термин при разговоре о праве) так, а не иначе? Возможно ли вообще дать хоть какое-нибудь более-менее устойчивое понятие всем словам, которыми мы обосновываем честный, моральный, опять же, справедливый порядок? «… приходится заключить, что универсально и содержательно обосновать справедливость как принцип права невозможно, так как критерии содержательности права контекстуально обусловлены[1]» – пишет И.Л. Честнов. Кажется, что современные исследователи совершенно не обращают внимания на то, как формируется правовой дискурс, создающий мнение, предпочитая описывать установленные модели легитимации закона. Конечно, ведь очень сложно обратиться в себя и сделать объектом изучения собственные речи, поэтому данное исследование видит своей целью показать зависимость формирования права от социальных условий.

Далее приведен краткий обзор социального конструктивизма, достижения которого должны быть приняты во внимание при изучении правопонимания, а также предпринята попытка применения этих теорий к праву.

«Конструктивизм – это разнородная группа теорий, созданных в психологии, социологии, философии, которые подчеркивают идею неотражательной, конструктивной природы познания, языковую и культурно историческую обусловленность сознания, опосредствованность познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе, идею конструктивного альтернативизма (множества способов концептуализации событий) и плюрализма истины[2]». Современная социальная теория конструктивизма выделяет три направления: конструктивизм в узком смысле, радикальный конструктивизм и социальный конструкционизм. В данной статье мы рассматриваем только социальный конструкционизм, поскольку он, на наш взгляд, является самым обоснованным и перспективным методом на данный момент.

Итак, «социальный конструкционизм – это направление в социальных науках, признающее первостепенную роль дискурса и отношений между людьми в конструировании ими мира и соб-

[1] Честнов И.Л. Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // Правоведение. – 2013. – № 2 (307). – С. 40.

[2] Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 36.

ственного «я», необходимость отказа от представления о всеобщих абсолютных истинах, эталонах поведения и психологических процессах, рассматривающее последние в привязке к культуре и истории конкретных сообществ, призывающее к многоголосию и взаимообогащению различных дискурсов (языков и способов интерпретации мира), демократизации и социальному преобразованию сознания людей»[1]. Большое внимание социальный конструкционизм уделяет герменевтике, постструктурализму, литературным (М.М. Бахтин и его теория диалога) и языковым (Л. Виттгенштейн) концептам[2]. Диалог между субъектами ведется постоянно, и его, конечно же, не стоит ограничивать лишь речевыми актами. Даже в самом тоталитарном государстве правительство не общается со стенкой. Существуют группы сопротивления, поддержки, отдельные активисты. Все это диалог и он формирует представление о реальности не только у его участников, но и у третьих лиц, с той лишь разницей, что мы оказываемся подглядывающими, если наблюдаем со стороны, что приводит к определенному искажению общей картины. Это противоречие также существует внутри каждой общности. Осуществляя символическую власть и выступая в роли анонимных экспертов, правоведы и бюрократы навязывают обывателю свои релевантности. Индивиду, которому с детства навязываются чужие релевантности, не остается ничего, кроме как принять их на веру. Принимаемое на веру определяется А. Шюцем как то, что до опровержения считается просто «данным» и «данным– таким– каким– оно– мне– является», т.е. таким, каким я или другие, кому я доверяю, всегда его переживали и интерпретировали[3].

Юридическое поле закрыто, непрозрачно. Легитимный узус, существующий в обществе, обрекает всех на следование одним правилам. «Особенность родовых полей — пишет П. Бурдье — заключается в том, что специфичность ставок игры маскирует объективно существующий тайный сговор касательно ее принципов, а говоря точнее, эта борьба за специфический выигрыш постоянно приводит к производству и воспроизводству самой игры

[1] Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 38.

[2] Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 38.

[3] Шюц А. Хорошо информированный гражданин // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. – 2004. – С. 561.

и ее ставок, приучая — в первую очередь тех, кто напрямую в нее втянут, но не их одних, — на практике признавать ценность игры и ставок, а такое признание равносильно признанию их легитимности[1]». Не знающий язык, а значит и правил игры, оказывается исключен из поля. Профаны вынуждены обращаться к юристам, а те в свою очередь преобразовывают социальные факты в юридические, после чего используют капитал компетенцию для эксклюзивного контроля над ситуацией[2]. У одного из основоположников конструктивизма К. Дж. Гергена есть социальная конструкция цивилизованного голоса в тексте. «Оратор снова делает безличные, монологические заявления, чтобы просветить и осведомить незнающую аудиторию[3]» — пишет автор. Обращение к закону происходит таким же образом. К примеру, можно рассмотреть основную норму, в которой законодателем выступает обезличенный народ. Народ этот полностью воображаем, как и нация у Б. Андерсона. Народ (нация в оригинале) это воображаемое политическое сообщество, члены которого никогда не будут знать большинства своих собратьев, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности[4]. Пишет ли народ Конституцию? (Успешным примером является опыт Исландии) Или, быть может, хотя бы делегирует право на ее написание рабочей группе? Ответ один – нет. Народ намеренно исключается с помощью языка и создания научной реальности. К. Дж. Герген пишет: «Когда группы крайне цивилизованно создают научные реальности, те, кто не разделяет их язык, либо «заблуждается», либо символически уничтожается, потому что никто не обращает на него внимания[5]». Этому способствует разделение толкования закона на официальное (суды), научное (юристы) и неофициальное (все остальные люди), где во внимание принимается лишь официальное толкование.

Мы придаем такое большое значение языку вслед за постструктуралистами и считаем, что социальные объекты существуют лишь в той степени, о которой о них говорят. Но как происходит констру-

[1] Бурдье П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). – URL: http://www.strana– oz.ru/2005/2/o– proizvodstve– i– vosproizvodstve– legitimnogo– yazyka (Дата обращения 20.03.2020).

[2] Бурдье П Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М. – 2005. – С. 96, 99.

[3] Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте. Х. – 2016. – С. 126.

[4] Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М. – 2016. – С. 47.

[5] См.: Герген К. Дж. Указ. соч. С. 128.

ирование этих объектов? Генетический структурализм призывает вернуться к началам, туда, где начиналась борьба за формирование полей[1]. Теоретически этот процесс в полной мере показан в трактате П. Бергера и Т. Лукмана. Социальный порядок, который мы имеем сегодня, постоянно воспроизводится всеми участниками социальных отношений. Это не противоречит нашим предыдущим словам о том, что господствующее понимание права держится за счет корпуса юристов. Обыватели участвуют в этом процессе пассивно, не интересуясь тем, как и почему сформированы те или иные правила. Весь этот процесс находится вне зоны их релевантности.

Согласно социальному конструкционизму формирование любого института начинается с хабитуализации, то есть опривычивания[2]. Следствием этого служит сужение всех возможных вариантов действия до минимума[3], что приводит индивида к ощущению стабильности. Принимая во внимание теорию личностных конструктов Дж. Келли, которая говорит о том, что системы истолкования мира всегда личны, но при передаче от одного человека другому могут получить широкое распространение среди населения[4], можно предположить, что право, которое мы знаем сегодня – случайность. Конечно, выше мы уже обозначили, что важен диалогизм и коммуникация, и автор статьи сам придерживается этой позиции, но мы также не забываем об относительности истины.

Типизация действий влечет за собой появление типичных деятелей или корпуса, если исходить из терминологии П. Бурдье. Задачей этих деятелей, как не трудно предположить, является поддержание устойчивости института путем выполнения типичных действий[5]. К примеру, институт права предусматривает, что только юристы (типичные деятели) способны толковать (типичное действие) законы.

Финальным этапом является объективация, ведущая к постулированию института как данного на подобие природы. Природа существовала до нашего рождения и, скорее всего, будет существовать после, так же, как и институциональный мир[6]. Этот

---

[1] Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989 – 1992). М. – 2017. – С. 197.

[2] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. – 1995. – С. 89.

[3] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. – 1995. – С. 90.

[4] Келли А. Дж. Теория личности. СПб. – 2000. – С. 19.

[5] См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 92.

[6] См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 100.

процесс осуществим после передачи знания о мире детям, что с каждым новым поколением скрывает инструменты его воспроизводства. В конечном итоге это приводит к реификации социального института. Реификация – это восприятие продуктов человеческой деятельности как чего– то совершенно от этого отличного, вроде природных явлений, следствий космических законов или проявлений божественной воли. Реификация означает как то, что человек может забыть о своем авторстве в деле создания человеческого мира, так и то, что у него нет понимания диалектической связи между человеком– творцом и его творениями[1]. Люди утверждают, что решение суда справедливо так, как будто они могут видеть эту справедливость настолько четко, насколько зеленый свет на светофоре, при этом совершенно забывая о дальтониках.

Использование социального конструктивизма в праве и обращение юриспруденции к социальным наукам дают возможность обнаружить бессознательные практики управления и подчинения, открыть конвенциональность установленных норм, рассмотреть природу права с совершенно новой стороны.

УДК 340.1

Н.Е. БОГДАНОВ

научный руководитель
профессор И.Б. ЛОМАКИНА

ЮРИДИЧЕСКИЙ НЕОПОЗИТИВИЗМ: ОТ РУДОЛЬФА ШТАММЛЕРА К ГАНСУ КЕЛЬЗЕНУ

История юридического неопозитивизма (он же логический позитивизм) начинается в XX веке, когда начал сменяться акцент позитивистской концепции. Необходимо заметить, что на смену эмпирическим фактам пришли гипотезы, с которых начинается научное исследование и конструирование «идеальных» теорий, после чего они ограниченно и выборочно проверяются фактами. Таким образом, юридический позитивизм стал акцентироваться на логике, в связи с чем появился логический позитивизм или неопозитивизм.[2]

[1] См.: Там же. С. 146.

[2] Сапельников А.Б. Теория государства и права: учебник / А.Б. Сапельников, И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург: СПбИВЭСЭП. – 2006. – С. 131.

По мнению автора, основным и главным направлением логического позитивизма является юридический нормативизм, теоретиком и основателем которого является Ганс Кельзен. Однако правильным было бы сказать, что он выступил как талантливый систематизатор уже накопленного юридического опыта. Нормативизм не возник спонтанно, для «Чистой теории права» уже был подготовлен основательный фундамент.

Как отмечают правоведы, зачатки концепции нормативизма зарождаются в XVIII веке с категорического императива Иммануила Канта: «Поступать внешне так, чтобы свободное проявление произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной с всеобщим законом». То есть нормы права находятся в каждом человеке, а закон (как внешнее право) касается только действий и обозначает внешние границы общедоступного поведения. Категорический императив говорит о естественном праве (право внутри нас) и выделяет в особую систему позитивное право (законы).[1]

Следует акцентировать внимание на ключевом моменте нормативистской концепции – отделении позитивных (внешних) правовых норм от социальной, политической, экономической и других сфер. Иными словами, система права оторвана от различных сфер человеческой деятельности. Таким образом, речь идёт о предпосылке основания концепции юридического позитивизма, которая, в свою очередь, и была положена в основу нормативизма.

Рудольф Штаммлер — немецкий юрист, правовед, а также первый, кто сформулировал теоретические положения будущей концепции нормативизма в следующем виде: право определяет путь развития общества, при этом закономерность социальной жизни есть закономерность ее правовой формы.

Российский правовед Николай Михайлович Коркунов разделял взгляды Рудольфа Штаммлера на главную роль позитивного права в обществе. Согласно его концепции, право относится к самой сути общества, выступает основой любого социума и отражает взаимозависимость уровней позитивного права и развития общества. Также, Н.М. Коркунов затронул вопросы соотношения естественного и позитивного права, при этом аргументированно выделяя главенствующую роль последнему. Естественное право не способно обеспечить общественный порядок: оно слишком индивидуально и субъективно (зависит от национальных особенностей, исторического развития и от любой другой общности).

[1] Ваина Е.В. Нормативистская теория права Ганса Кельзена как пирамида независящих от сущего норм / Е.В. Ваина, В.С. Курчеев // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 15.

Похожего мнения придерживался Павел Иванович Новгородцев. Именно он увидел в позитивном праве средство удовлетворения общественных потребностей и прогрессивных социальных преобразований. Однако он же высказал некоторые замечания о позитивном праве. В частности, о его бедности и ограниченности в нравственной и моральной сторонах.

Возвращаясь к Гансу Кельзену, автору представляется необходимым обратить внимание на последовательный и фундаментальный подход к рассмотрению нормативистских идей, который обобщил весь материал, созданный предшественниками. Ганс Кельзен создал собственную концепцию нормативистского подхода, что и является в нашем понимании классическим нормативизмом.

Стоит отметить, что среди правоведов превалирует точка зрения, согласно которой влияние нормативизма было обусловлено и гносеологическими, и мировоззренческими факторами. Законотворческая государственная деятельность подвержена политической конъюнктуре и лоббированию, а значит не может быть надёжным критерием права. Именно этим обусловлена попытка объяснения права с помощью логики и системы.

В своём «Чистом учении о праве» Ганс Кельзен обращает внимание, что право способно регулировать свой процесс создания, когда одна норма создаёт другую норму, а, следовательно, первая является вышестоящей по отношению ко второй. Отсюда следует вывод, согласно которому право — это система со множеством уровней правовых норм, где происходит взаимосвязь всех элементов: действие одной нормы зависит от действия другой, которая, в свою очередь, действует на основе иной нормы. Подобный регресс приводит нас к так называемой основной норме (Grundnorm), которая является наивысшем основанием действительности процесса создания законченной и непротиворечивой системы права: основная норма (Grundnorm) — конституция — законодательство (также подзаконные акты и индивидуальные акты).[1]

Конституции многих государств в писаной форме выражаются в нормах, которые изменяются или отменяются не как обычные законы, а при соблюдении более строгих условий. Однако стоит отметить, что в случае отсутствия писаной конституции, нормы с характером материальной конституции изменяться или отменяться будут обычаем, поскольку сама конституция создана им.

[1] Кельзен Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен; перевод с немецкого М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – Санкт-Петербург: ООО Издательский Дом «Алеф—Пресс». – 2015. – С. 278.

По мнению Ганса Кельзена, конституция регулирует процесс создания общих норм и определяет содержание законов. Представляется необходимым обратить внимание на то, что законы, противоречащие конституции, не имеют юридической силы. В свою очередь конституция, как уже было отмечено нами выше, имеет особый порядок изменения или отмены, отличный от обычного законодательного процесса (наряду с формой закона также должна существовать особая форма конституции).

Согласно «Чистому учению о праве», за конституцией идут общие нормы или законы (являющиеся, несомненно, установленными нормами), созданные в результате законодательного процесса или обычая, а также основанные на конституции. Законодательный процесс осуществляется особым законодательным органом, устанавливаемым также конституцией. Автору кажется необходимым обратить внимание на важное отличие закона от обычая: первый создаётся относительно централизованной системой, а второй — относительно децентрализованной системой.

Таким образом, вся система права представляет собой пирамиду, в которой каждая отрасль и институт права выступают в качестве правильной кристаллической решетки[1]. Любая пустота в пирамиде — ненормальна. Это так называемый «пробел в праве», подлежащий устранению или восполнению по аналогии. Однако стоит заметить, что самого пробела в праве в нормативистской концепции права не существует. Он постулируется лишь в юридико-техническом смысле, а право по определению беспробельно.

Право, согласно нормативистской концепции Ганса Кельзена, должно быть очищено от различного влияния со стороны внеюридического знания — того, что правом не является: политики, психологии, социологии, религии, нравственности и других сфер социума. Именно в этом заключается суть «чистоты» учения о праве. Как уже было отмечено автором выше, общие нормы (законы) полностью вытекают из конституции (основной нормы), от чего и зависит их юридическая сила (соответствие или несоответствие общих норм политике или нравственности не оказывает на их действенность никакого влияния). Недопустимо вмешательство политики и религии, нравственности в право, в котором нет категорий «добро» и «зло».

По нашему мнению, важно обратить внимание на положительные и отрицательные стороны нормативистского подхода к пониманию права. К положительным относятся: структурирование

[1] Васев И.Н. Нормативистская концепция права Х. Кельзена: облик современной юриспруденции / И.Н. Васев // Известия АлтГУ. 2017. – № 6 (98). – С. 14.

правовой системы и соподчинение правовых норм по степени их юридической силы; соответствие всего законодательства одной основной норме; признание нормативного характера права и того, что позитивное право незыблемо, не может быть нарушено.

Однако в нормативизме, как и в других типах правопонимания, есть недостатки. К ним, в первую очередь, можно отнести искусственную изоляцию позитивного права от других сфер действительности, тем самым игнорируя те проблемы социума, которые и должно регулировать право. Также следует заметить, что право, навязанное сверху, становится для человека внешним и искаженным. Для людей важны не правовые нормы, а блага, которые ими обеспечиваются.

В заключение надо сказать, что многие современные правоведы указывают на ограниченность, узкость и специфичность нормативизма. Конечно, с этим нельзя не согласиться, из чего мы делаем вывод, что для полного понимания права и его сущности нужно рассматривать все типы правопонимания в комплексе, а не по отдельности каждую концепцию. В таком случае возможно определить сходства и различия между теориями правопонимания.

УДК 340.1

Д.Т. ДАВАР

научный руководитель
профессор И.Л. ЧЕСТНОВ

ЭВОЛЮЦИЯ «ВОЗРОЖДЁННОГО» ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В РОССИИ: ОТ «ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА» В.С. НЕРСЕСЯНЦА К «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА» В.А. ЧЕТВЕРНИНА

Рассматривая либертарно-юридический тип правопонимания в развитии, невозможно не обратить внимания на своеобразную и интересную теорию, которая развилась в рамках юслибертарной парадигмы, а именно — институциональную теорию права, сторонником которой является В.А. Четвернин. Рассмотрим наиболее значимые дифференциации в положениях институциональной и либертарно-юридической теорий права и выделим наиболее перспективные идеи, положенные в фундамент дальнейшего развития юслибертарной парадигмы правопонимания.

Сперва необходимо выделить различие в онтологическом аспекте. В.С. Нерсесянц обозначил его диалектически: юридический позитивизм, юснатурализм и либертарно-юридический тип правопонимания воспринимаются как тезис, антитезис и синтез, в ходе последнего (синтеза) происходит диалектическое снятие (по Гегелю, к которому В.С. Нерсесянц относился с особым пиететом) и закону в его легистском смысле (официально выраженному прескриптивному тексту, не зависящему от содержания, но с соблюдением формы и процедуры) придается правовое содержание, образуя «правовой закон»[1]. В либертарно-юридической концепции правопонимания В.С. Нерсесянца из юспозитивизма заимствуется форма, которой будет являться официальный прескриптивный текст, принятый с использованием установленной процедуры, а содержанием внутри формы должна закрепляться объективная сущность права как принцип формального равенства, означающий что право — всеобщая равная мера, всеобщая свобода и справедливость[2]. В своей институциональной теории права В.А. Четвернин определяет строгую дихотомию в виде формально-догматического подхода, понимающего «право» в совокупности прескриптивных официальных текстов (законов), как специфическую модель социальной реальности — в отличие от «правопорядка», эту реальность составляющего, в то время как социологический подход отождествляет понятия «право» и «правопорядок»[3], характеризуя право как систему социальных норм (причем социальные нормы здесь понимаются не как в формально-догматическом подходе, а с точки зрения институционализма, определяя под ними правила, которым реально подчиняется социальная действительность)[4] или институтов (в социальных науках такой подход к праву именуется институционализмом), которые могут не совпадать с записанными в законах официальными текстами. Важнее всего усматривается реальное поведение людей в социуме, насколько функционально значимыми оказываются закрепленные в текстах нормы и как они оцениваются адресатами этих норм (субъектами, взаимодействие которых в рамках жиз-

[1] Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсесянц. — М. : Норма : ИНФРА — М, 2015. — 560 с. – С. 71.

[2] Нерсесянц В.С. Философия права : учебник / В.С. Нерсесянц. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА— М, 2013. — 848 с. – С. 50.

[3] Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория права. – М, 2009. – С.1

[4] Яковлев А.В. Институциональный подход в юридической теории теории государства: автореф... дис. кан. наук. — М., 2009. – С. 16.

недеятельности общества необходимо подвергнуть регуляции на основании наибольшей функциональной значимости именно той модели поведения, закрепление которой в официальном тексте законодатель считает обязательным). Акцент при этом делается на сложившиеся в обществе социокультурные доминирующие ментальные модели, на непосредственно реализуемом на практике массовом поведении, являющимися отражением эффективности закрепления в официальных прескриптивных текстах социальных норм[1]. Таким образом, мы наблюдаем смещение либертарно-юридического типа правопонимания в концепции В.А. Четвернина в сторону институционально-социологического подхода, что ярко демонстрирует использование идей, выработанных социологическим подходом правопонимания, при этом оставаясь в рамках юслибертализма. Так, действительно важное значение получает реальное взаимодействие субъектов права, которое составляет реально сложившийся правопорядок, что составляет существенное отличие в основных постулатах от либертарно-юридической концепции правопонимания В.С. Нерсесянца. Также вслед за В.В. Лапаевой, которая прокламирует, что содержание формального равенства изменчиво, тем самым сближаясь с теорией «возрожденного» естественного права, как метко заметил А.В. Поляков[2], В.А. Четвернин пишет о том, что социальные институты, а с ними симультанно и социальные нормы изменяются в рамках лабильности социокультурного контекста (социокультурного типа) в зависимости от преобладания потестарного или либертарного типа институтов, о которых речь пойдет далее[3].

Еще одно проявление развития либертарно-юридической парадигмы правопонимания составляет разделение институтов в рамках социальной и правовой действительности.

По типу институтов в рамках институциональной теории В.А. Четвернин выделяет правовые (либертарные) и потестарные. Различие между этими видами институтов заключается в том, что правовые институты обеспечивают общую для этих двух видов институтов функцию удовлетворения потребностей по принципу эквивалентного обмена, основанного на свободе и равенстве в свободе (формальное равенство) и вытекающий отсюда запрет

[1] Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория права. – М., 2009. – С. 2— 3.

[2] Поляков А.В. Возможно ли возрождение идеи естественного права в России? / Правоведение. – 2015. – № 5 (322). – С. 13

[3] Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория права. М. – 2009. – С. 8— 9

агрессивного насилия. Потестарные институты, в свою очередь, подавляют свободу, нарушают свободный социальный обмен, вмешиваясь в него, упорядочивают принудительное публично-властное распределение ресурсов, необходимых для жизнедеятельности в масштабах общества[1].

В отличие от либертарианской идеологии (требующей от всех взаимного признания самопринадлежности, настаивающей на том, что законы должны быть правовыми), как указывает В.А. Четвернин, социальная наука, развивающаяся в либертарной парадигме, не различает в социальном устройстве правильные и неправильные институты. При этом она фиксирует два исторически проявившихся типа социального порядка, которые в соответствии с западной традицией можно обозначить как правовой и потестарный типы социокультуры. Вместе с тем она (социальная наука) отнюдь не отрицает сам факт превалирования (исторически сложившегося) потестарного типа социокультуры.

Институциональная теория права смело предлагает делать акцент на альтернативе потестарному типу социокультуры — либертарному типу, построенному на свободных обменах, на запрете агрессивного насилия (принцип не-агрессии/принцип ненападения по отношению к личности и собственности в либертарианстве, являющийся одним из основных понятий в либертарианском дискурсе)[2]. Здесь мы сталкиваемся с тем, что получаем две диаметрально противоположные модели социальной деятельности: либо одни люди управляют другими как объектами, и в таком случае первые обладают ресурсами возможного принуждения (силы, насилия) и социально значимые ресурсы, предназначенные для удовлетворения общественных потребностей перераспределяются коерсивным (принудительным) способом (совершая агрессивное насилие), что лишает субъектов права способности производить равноценный, свободный, эквивалентный обмен, либо субъекты производят равноценный и свободный обмен на основании сложившихся договоров (призванными упорядочить социальное взаимодействие для создания условий эквивалентного обмена и принципе не-агрессии) между равноправными субъектами[3].

---

[1] Четвернин В.А. Проблемы теории права. М. – 2010. – С. 14.

[2] Четвернин В.А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования НУЛ теории права НИУ ВШЭ. – Вып. 13. – 2013. – №1. – С. 5.

[3] Четвернин В.А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования НУЛ теории права НИУ ВШЭ. – Вып. 13. – 2013. – №1. – С. 5.

С принципом запрета агрессивного насилия коррелирует принцип самопринадлежности. Понятие самопринадлежности есть более высокая ступень развития понятия свобода, ибо исторически сложившееся понимание свободы (как феномен социального взаимодействия) сначала было связано как «непринадлежность другому человеку»[1] (status libertatis) после же либертарианство выводит идею свободы как самопринадлежности, то есть человек признается собственником себя самого, признавая при этом других собственниками их самих, из этого положения следует, что тот, кто нарушает самопринадлежность другого, распоряжается другим без его согласия (осуществляет внеэкономическое принуждение), тот совершает агрессивное насилие в отношении другого человека. При этом В.А. Четвернин добавляет, что равенство может быть только формальным, так как все люди неодинаковы по своим социальным и биологическим параметрам, кроме одного — самопринадлежности.[2]

Используя принципы запрета агрессивного насилия и самопринадлежности, положенные в основу либертарианского политического течения, исследуя социальную и правовую действительность сквозь призму институционально-социологического подхода, разделяя институты на потестарные и либертарные, рассматривая принцип формального равенства в рамках динамики социокультурного контекста, делая акцент на реально сложившееся взаимодействие субъектов права, пытаясь тем самым преодолеть абстрактность и метафизичность принципа формального равенства, составляющим сущность права по В.С. Нерсесянцу, В.А. Четвернин делает значительный шаг в развитии либертарно-юридической парадигмы правопонимания.

В заключении хотелось бы акцентировать внимание на том, что и потестарный, и правовой типы институтов позволяют удовлетворять одни и те же потребности, однако, отмечает В.А. Четвернин, разница заключается в одном очень значимом моменте: так как либертарные институты позволяют удовлетворять потребности в условиях свободной конкуренции и потенциально всем, а потестарный тип институтов, основанный на агрессивном наси-

[1] Четвернин В.А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования НУЛ теории права НИУ ВШЭ. – Вып. 13. – 2013. – №1. – С. 14.

[2] Четвернин В.А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования НУЛ теории права НИУ ВШЭ. – Вып. 13. – 2013. – №1. – С. 11.

лии смещает баланс в сторону наименее конкурентноспособных субъектов, то есть в соответствии с их выгодным или невыгодным статусом в системе силового распределения[1].

Таким образом, институциональная теория права В.А. Четвернина является одним из наиболее перспективных направлений в рамках развития либертарно-юридической парадигмы, достигая такого преимущества путем обращения к институционально-социологическому подходу, рассматривая право в динамике как комплекс социальных институтов (в рамках реального действия права), выделяя их по правовым принципам — запрету агрессивного насилия и самопринадлежности, соответственно в зависимости от преобладания правового или потестарного типа институтов получается социокультура (или цивилизация) правового или потестарного типа[2].

УДК 340

А.Д. ЛУКИН

научный руководитель
профессор И.Б. ЛОМАКИНА

ИСТОЧНИКИ ИУДЕЙСКОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ ДО ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

В современном мире каждое государство имеет свое право, а в некоторых из них действуют параллельно различные правовые системы. Кроме того, свое право могут иметь различные негосударственные общности (каноническое право, иудейское право, мусульманское право). Если существование мусульманской правовой системы с ее уникальными особенностями признается и изучается многими учеными-правоведами, то еврейская правовая система, существовавшая с 70 года нашей эры до образования государства Израиля в 1948 году, очень редко становится предметом изучения. Даже в знаменитом труде Рене Давида «Основные

[1] Четвернин В.А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования НУЛ теории права НИУ ВШЭ. – Вып. 13. – 2013. – №1. – С. 14— 15.

[2] Четвернин В.А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования НУЛ теории права НИУ ВШЭ. – Вып. 13. – 2013. – №1. – С. 10.

правовые системы современности» об иудейском праве сказано крайне мало: «Иудейское право, при всем интересе, которое оно представляет, оставлено нами в стороне, ибо сфера его влияния куда более ограничена. В этом плане иудейское право не играет такой роли, как, например, мусульманское право»[1]. Однако иудейская правовая система сложнее и интереснее, ведь на ее формирование оказали огромное влияние традиции еврейского народа, основанные на иудаизме. Некоторые исследователи ошибочно отождествляют право еврейское и израильское (современное право израильского государства), но это совсем не так, потому что эти системы дополняют друг друга в современном Израиле. Без понимания сущности иудейского права невозможно понять право израильское, которое составлено под влиянием особенностей религиозных, национальных и исторических. Данный факт является уникальным, привлекающим мое внимание начинающего исследователя.

В своей работе я попытаюсь ответить на следующие вопросы: какие существуют источники еврейского права? Как иудейское право могло функционировать и развиваться на протяжении двух тысячелетий при отсутствии государства? Для ответа на них будут использованы как труды отечественных и зарубежных ученых, так и религиозные источники.

Обратимся к основам еврейского права.

Главным источником иудейского права является Танах — свод библейских текстов Ветхого Завета, представляющий собой акроним трёх главных его частей: Тора (Пятикнижие Моисеево: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие), Невиим («Пророки»), Ктувим («Писания»). В Невиим включены, кроме книг пророков (Книга пророка Исай, Книга пророка Иеремии, Книга пророка Иезекииля и другие книги пророков), Книга Иисуса Навина, Книги судей, Книги царств. В Ктувим входят следующие книги: Псалмы, Притчи Соломоновы, Книга Иова, Песня Песней, Руфь, Плач Иеремии, Екклесиаст, Есфирь, Книга пророка Даниила, Книга Ездры, Книга Неемии, Книги Паралипоменон (I и II). В своем нынешнем виде Танах оформился благодаря трудам масоретов («масора»— предание) в VIII веке нашей эры.

Второй по значимости книгой является Талмуд, обладающий высочайшим статусом Устного Закона, «поскольку исторически сложился как интерпретация Торы применительно к нуждам и

[1] Давид Р., Жоффре— Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения. – 1996. – С. 26.

обстоятельствам жизни разных эпох»[1]. Согласно верованиям еврейского народа, Господь даровал 613 заповедей (мицв), 248 из которых — предписывающие, а 365 — запретительные. Талмуд традиционно состоит из двух «пластов»: Мишна и Гемара. Мишна — свод 63 трактатов, структурированных выдающимся ученым-раввином Иегудой га-Наси в начале III века нашей эры, в которых зафиксированы споры древних знатоков традиции, живших в I-II веках нашей эры. В данном своде все предметно разделено. Например, в трактате Моэд, в котором прописаны правила поведения во время праздников, есть глава «Шаббат», в которой специально регламентированы все нормы поведения, необходимые для жизни каждого еврея в субботу. Гемара же содержит свод комментариев к текстам Мишны. Существуют «Иерусалимский Талмуд» (более краткий — Талмуд Ерушалми) и «Вавилонский Талмуд» (более авторитетный — «Талмуд Бавли»).

Еврейская правовая система преимущественно выражается в Галахе, являющейся нормативной частью иудаизма на основе Торы и Талмуда. Галаха — тексты, имеющие отношение к правовым вопросам нормирующего и регламентирующего характера. Термин «галаха» противостоит термину «аггада», что включает в себя легенды, сказания, поучения еврейских мудрецов. Крупнейший исследователь еврейского права Менахем Элон считал, что еврейское право (соответствующее другому термину «мишпат»-טפשמ) в его современном понимании включает в себя такие части Галахи, который свойственны любой культуре, то есть законы, регулирующие отношение людей между собой и с обществом, «но отнюдь не отношения между людьми и Богом»[2].

Израильский юрист и политик Хаим Коэн считал, что понятие мишпат связано с совокупностью законодательных актов и судебных справедливых решений: «Третья Книга Царств 3:28 И услышал весь Израиль о судебном решении (мишпат), который вынес царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость божья в нем, чтобы производить суд (мишпат)»[3].

Существуют еще два термина, в которых тоже вложен правовой смысл: «дин» (осуждение, судебный процесс) и «хок» (установление). Здесь стоит понимать, что те исследователи, которые хотят

[1] Митрополит Иларион (Алфеев), протоиерей Корытко О., протоиерей Васечко В. История религий. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. – 2016. – С.423.

[2] Примаков Д. Я. История еврейского и израильского права: монография. М.: Инфотропик Медиа. – 2015. – С.24.

[3] Там же. С.25—26.

подчеркнуть религиозность норм, будут использовать термин «галаха», а те ученые-правоведы, которые хотят подчеркнуть особенности национальной составляющей права, будут использовать категорию «мишпат иври». Многие исследователи также отмечают, что в Галахе есть своеобразное деление на части, одна из которых соответствует делам имущественным – «мамона», а другая являет собой ритуальные обряды, что соответствует термину «исура».

Обратимся к Ветхому Завету (Вторая Книга Моисеева. Исход). «21:2 Если купишь раба Еврея, пусть онъ работаетъ тебе шесть летъ, а в седьмой годъ пусть выйдетъ на волю даромъ. 21:12 Кто ударитъ человека, такъ что онъ умретъ, да будетъ преданъ смерти»[1]. Данные выдержки из Ветхого Завета показывают, что имеются также галахот юридические, регулирующие имущественные и общественные отношения. Однако существуют и галахот религиозные: «20:23 Не делайте предо Мною боговъ серебряных, или боговъ золотыхъ, не делайте себе: 20:24 Сделай Мне жертвенникъ изъ земли и приноси на немъ всесожжения твои и мирныя жертвы твои, овецъ твоихъ и воловъ твоихъ; на всякомъ месте, где Я положу память имени Моего, Я приду къ тебе и благословлю тебя»[2]. На наш взгляд, данная особенность уникальна, ведь нормы Ветхого Завета не противостоят друг другу, а дополняют друг друга. Таким образом, основным источником права является Галаха, являющаяся нормативной частью Торы (часть Танаха) и Талмуда (толкование Торы).

При изучении еврейского права невольно возникает главный, на наш взгляд, вопрос: как при отсутствии государства иудейское право продолжало функционировать и развиваться? Исследователи, стоящие на позиции позитивизма, полагают, что вне государства нет права. Например, известный русский юрист Габриэль Феликсович Шершеневич писал:« Так как нормы права отличаются от других социальных норм тем, что соблюдение их поддерживается требованием, исходящим от государства, то отсюда следует: 1) что вне государства нет права и 2) что действие норм права ограничивается пределами власти государства»[3]. Представитель постклассического правопонимания, доктор юридических наук, профессор Честнов Илья Львович в своей монографии пишет, что формирование пра-

[1] Книги священнаго писания Ветхаго и Новаго Завета. М.: Синодальная типографія. – 1904. – С.100.

[2] Книги священнаго писания Ветхаго и Новаго Завета. М.: Синодальная типографія. – 1904. – С.99.

[3] Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 / сост. П.В. Крашенинников. М. – Статут. – 2016. – С.250.

ва государством является спорным вопросом: «Однако достаточно сомнительным представляется тезис о формировании права государством. Фактически государство (в современном смысле слова) - явление достаточно позднее. Сам термин государство (State, der Staat, l'Etat) появился не раньше 16 в. Очевидно, что право существовало и до этого времени, когда организованное принуждение стало осуществляться суверенной властью»[1]. Британский антрополог Бронислав Малиновский считал сущностью права не существование принудительной власти, а реальную сумму обязательств, обязанностей и привилегий, связывающих людей[2]. Еврейское право по этой причине представляет собой модель, в которой отражены обязательные действия для каждого еврея, не взирая на институт государственного принуждения. В галахе законы направлены на каждого члена общины и детально структурированы обязательства каждого перед окружающими и Богом, что дает право соблюдать свои обязанности и пользоваться правами (последние, однако, зависят от места пребывания человека) без посредников. Именно община принимает на себя функцию государства и регулирует внутренние процессы, а не исполнение тех или иных норм ведет к исключению из нее. Например, Третья Книга Моисеева: «19:3 Бойтесь каждый матери своей и отца своего и субботы Мои храните. 18:4 Мои законы соблюдайте и Мои постановления исполняйте, поступая по нимъ. »[3]. Необходимо понимать, что еврейское средневековое право представляло собой самопроизвольную систему, субъекты которой лишь должны были в добровольном порядке соблюдать данные нормы, а качество соблюдения контролировалось общиной. Стоит отметить, что огромную роль в сохранении наследия играли также различные школы права еврейского народа. Например, школа Гилеля стремилась облегчить выполнение предписаний и приспособить их к условиям жизни, что, безусловно, способствовало укреплению и дальнейшему развитию норм еврейского права. Школа Шамая отличалась нетерпимостью к малейшим отклонениям от норм. Например, «Вторая Книга Моисеева. Исход 23:6 «Не суди превратно тяжбы беднаго твоего. 23:7 Удаляйся отъ неправды и не умершвляй невиннаго и праваго, ибо Я не оправдаю беззаконника. 23:25 Служите Господу, Богу ваше-

[1] Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб. – Издательский Дом «Алеф— Пресс». – 2012. – С.307.

[2] Примаков Д. Я. История еврейского и израильского права: монография. М. – Инфотропик Медиа. – 2015. – С.30.

[3] Книги священнаго писания Ветхаго и Новаго Завета. М. – Синодальная типографія. – 1904. – С.156—157.

му, и Онъ благословитъ хлебъ твой (и вино твое) и воду твою; и отвращу отъ васъ болезни»[1]. Данные нормы предписывают судить праведно, не взирая на материальное положение ближнего твоего. Необходимо верно служить Господу Богу, а отступление от этого грозит болезнями и голодом, наказанием от общины. Еще одним фактором, способствующим сохранению еврейского права на протяжении веков, являются признание различных взглядов (школ) и осознание плюралистической природы права. Но выдающийся еврейский философ Маймонид стоял на позиции запрета толкования норм пророками: «не человек—Бог, чтобы ему лгать»[2]. На наш взгляд, Маймонид придерживается естественно-правовой концепции права, но в своеобразной интерпретации: законы, данные народу Израиля Богом через Моисея на горе Синай, имеют высшую силу, а законы человеческие не должны противоречить им. Еще одной особенностью в развитии еврейского права является единство закона и морали Английский философ, член Палаты лордов Д. Ллойд утверждал: «Во-первых, иудейский взгляд на божественный закон действительно возник, как результат отождествления права и морали, поскольку единственным подлинным законом признавался тот, в котором воплощалась воля Божья. Все же другие указы, исходившие от властей, не признавались таковыми»[3]. Итак, основными факторами, способствующими развитию права на протяжении двух тысячелетий, являлись руководящая роль общины, которая обладала и обладает правом наказания за отступление от норм; единство закона и морали; плюралистический подход к праву; существование различных правовых школ.

Таким образом, еврейская правовая система является уникальной, потому что ее основу составляли религиозные Книги (Талмуд и Тора), в которых было отражено Слово Божье, отраженные в Галахе, отступить от которого было нельзя, ведь, с одной стороны, этот закон превыше всяких человеческих, а с другой стороны, община постоянно контролировала своих членов, не допуская малейшего отступления от норм. Однако факторами, способствующими сохранению этого правового наследия, являлись плюралистическое понимание права, возможность его толкования мудрецами, максимальная приближенность норм к реальной жизни людей и, безусловно, глубокая религиозность еврейского народа.

[1] Книги священнаго писания Ветхаго и Новаго Завета. М. – Синодальная типографія. – 1904. – С.106—107.

[2] Примаков Д. Я. История еврейского и израильского права: монография. М. – Инфотропик Медиа. – 2015. – С.34.

[3] Ллойд Д. Идея права. М. – «КНИГОДЕЛ». – 2009. – С.49.

УДК 327.39

М.А. ЛЮЛЕВ,
Р.М. УШАКОВ

научный руководитель
доцент Л.С. ГИМИШЯН

ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕОЛОГИИ ПАНСЛАВИЗМА И ОПЫТ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

История панславизма начинается с организации Всеславянского съезда в Праге в 1848 г., на котором присутствовали представители славянских народов (чехи, словаки, хорваты, поляки, сербы, черногорцы), в том числе русские эмигранты, среди которых был М. Бакунин. По этому поводу Ф. Энгельс отмечал: «Панславизм возник в июне 1848 г. не в России, а в Праге и Загребе». Однако данный съезд не выработал единой позиции по общеславянскому вопросу и не оказал реальной поддержки славянам в их национальной борьбе с гнетом Австрийской и Османской империй. Он был, по выражению Бакунина, «решительно пуст и бессмысленен»[1].

Особое развитие идеология панславизма получила в Российской империи. Импульсом к развитию отечественного панславизма и самим его прообразом стали идеи славянофильства, предполагающие особый путь русского народа, его самобытность и обособленность от западной Европы. В период после завершения Крымской войны 1853–1856 гг. в славянских народах образуются национальные движения, призывающие восстановить независимость государств от Османской и Австро-Венгерской империй. Специфика развития панславизма в России заключается в том, что он оформился как идейно-политическое течение, отражающее стремление к политическому объединению и духовному единению славян именно в русле российской гегемонии над славянскими народами[2].

Основные теоретики российского панславизма ставили целью построение идеального государства именно в русле гегемонии Российской империи над остальными славянскими государствами.

[1] Бакунин М.А. Исповедь и письмо Александру II. М. – 1921. – С. 76.

[2] Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соб. соч. – Т. 6. – С. 182.

Ф.И. Тютчев считал экспансию Российской империи абсолютно закономерным процессом, включая поглощение Россией исконно славянских земель восточной Германии, Австрии, «возвращение» Константинополя[1]. Схожий взгляд на данную проблему изложил в своем проекте Н.Я. Данилевский. Он придерживался прагматического подхода в деле объединения славян на основе гегемонии Российской империи[2]. В этом исследователь видел возможность получения выхода России к теплым морям. Особый взгляд изложил панславист В.И. Ламанский. Ученый считал естественные природные и этнические границы более важными, чем искусственные политические и отдавал приоритет именно культурному сближению славянских народов. Ядром этой культуры должен был стать общеславянский язык, основанный на русском. По мнению автора, это позволило бы в будущем создать единое этнополитическое образование[3]. Исходя из системного анализа данных позиций, можно сделать вывод, что теоретики отечественного панславизма имели в целом идеалистический взгляд на проблему достижения единства славян и построения идеального государства, что подтвердила практика их реализации во внешнеполитической деятельности Российской империи второй половины XIX века.

Рассматривая влияние панславизма на формирование военной и культурной экспансии, мы можем выделить два периода в развития данного течения, которые непосредственно связаны с событиями во внешней политике Российской империи второй половины XIX в. Начало идеям панславизма в стране дало поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. В этот период зарождается именно военный, политический панславизм, ставивший своей целью освобождение славянских народов и создание славянской федерации со столицей в Константинополе. Второй период начинается после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С этого момента распространялись идеи именно культурной экспансии. Под напором общественности были созданы славянские комитеты, которые отправляли на Балканы полевые лазареты, готовили добровольцев, а также собирали деньги на покупку оружия и снаряжения

[1] Тютчев Ф.И. Материалы к трактату «Россия и Запад» // Тютчев, Ф.И. Полн. собр. соч. в стихах и прозе. М. – 2000. С. – 444.

[2] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо— Романскому. СПб. – Тип. братьев Пантелеевых. – 1895. – С. 421.

[3] Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1865. С. 91.

для славян – всего была пожертвована сумма в 1,5 млн. рублей[1]. «Низы» и «верхи» общества слились в стремлении освободить славян, не останавливаясь перед войной.

Однако освобождение славянских народов Балкан с участием России не привело к ожидаемому результату – объединению всех славян. Проявились противоречия в отношениях между родственными народами, обозначилась прозападная геополитическая ориентация части славяно-балканских элит[2]. Таким образом, концепция объединения славян после освободительной войны так осталась лишь идеей, на практике каждое государство преследовало свои национальные интересы, что позже привело к двум Балканским войнам начала XX века. Идеальное государство, теоретически обоснованное отечественными панславистами, не имело возможности реализации, поскольку не был разработан экономический аспект, как доминирующий инструмент славянской интеграции в эпоху бурно развивающихся капиталистических отношений.

УДК 340

А.М. МАЛЫШЕВСКАЯ

научный руководитель
доцент А.А. БЕРЗИНА

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЕРМАНИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА РОССИИ

Становление административной науки и административного права в России во многих аспектах соприкасается с историей зарождения и становления административного права в Германии. Изначально это связано с тем, что наука об управлении государством возникла во Франции и Германии. Благодаря многочисленным исследованиям этих государств началось становление административного права в России.

[1] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине в 1875— 1878 гг. Документы. / отв. ред. Никифоров К.В. М. – 2008. – С. 171, 183, 217.

[2] Задохин А.Г. Русское национальное сознание и внешняя политика России // Научно— аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2012. – № 8 (271). – С. 15.

Ученые в области государственного администрирования Германии начали описывать процесс управления государством, а конкретнее – управление государством абсолютизма, еще в конце 17 - начале 18 веков. Управление государством этого времени описывалось желанием монархов противостоять дворянству и собрать в свое подчинение как можно большее количество руководящих возможностей. Базой этого тотального управления являлось стремление сосредоточить материально-финансовые источники для обеспечения армии и внутреннего двора при оказании содействия ремеслам и экономике в целом[1].

Помимо прочего в социуме по-прежнему господствовало представление о государстве в духе патриархата. Существовало мнение, что государство должно помогать не только всему социуму, но и каждому человеку в отдельности. Государство с абсолютной монархией того времени нередко представляется как государство «всеобщего блага» или «полицейское государство»[2]. Стоит отметить, что термин «полиция» тогда подразумевал под собой полное внутреннее руководство. Именно поэтому управление государством в то время представляется всеобъемлющем и чрезмерно интенсивным. Такое явление абсолютно гармонично сочеталось с размытыми законодательными границами по отношению к административному руководству, иными словами – отсутствием четкого правового контакта внутри всех звеньев государственного управления.

Первоначальным этапом развития административного права выступает 17 век. В этот период появляется камералистика, которая представляет собой науку об экономике, хозяйстве, финансах и управлении. Она зародилась в ответ на увеличение нужды в материальных средствах для обеспечения двора, т.е. государства, а также военнослужащих и чиновников. Эта наука сосредоточила в себе политические, экономические основы, а также финансовую и полицейскую грамотность.

Уже в начале 18 века камералистика начала активно развиваться: область деятельности расширилась, а теоретические аспекты углубились. Во многих европейских университетах появились кафедры камералистики, в России же преподавать эту дисциплину начали после середины 19 века.

---

[1] Мицкевич Л.А. Развитие административного права Германии // Административное право: Хрестоматия. Красноярск: СФУ. – 2007. – С. 37.

[2] Там же.

Конечно, взаимодействие русской и немецкой правовых систем в области государственного управления возникло еще раньше, во времена Петра I. Об этом свидетельствуют даже заимствованные из немецкой лексики слова: «армия», «канцлер», «штаб», «вахта»… А все потому, что Петр проводил решительные реформы в вооружённых силах и администрации, и для этого были приняты на работу экономические и административные специалисты из Германии. А в 1716 году Петр приказал административным служащим учить немецкий язык.

Многие ученые современности стремятся назвать науку того времени не административным правом, а «камеральным правом», поскольку она только проходила свой путь становления и превращалась в базу административного права, формировала свою терминологию и правовые нормы.

Источником возникновения административного права таким, каким оно представлено в современности, принято считать полицейское право, выделяющееся в ходе развития камералистики, а также нашедшее отражение в работах немецких исследователей Г. фон Берга, Е. фон Зонненфельса и И. Юсти. Ученые Германии активно трудились над вопросами совершенствования работы полиции, исправительных учреждений и финансовыми вопросами. А знаменитый ученый И. Пюттер определил связь между полицейским управлением и целями, которые стояли перед публичным правом. Он стремился установить конкретную позицию полиции в комплексе правового государства. Термин «полиция» теперь значительно видоизменяется и сужается до границ обеспечения безопасности, тем самым давая возможность возникнуть самостоятельной категории управления.

Понятие административного права появляется к середине 19 века (в «Учении об администрации»[1]). В это время активно работали над своими исследованиями Л. Штейн и Р. Моль. Основами системы управления в либеральном правовом государстве должны быть законы прав и обязанностей административного руководства, разделение властей и сужение рамок государственного управления, а также правовые нормы, регулирующие отношения между государством и гражданином. Именно поэтому первые этапы в становлении административной науки начались под действием государственного права. В исследованиях этого периода прослеживается конкуренция в работах К. фон Гербера и

[1] Stein L. Von. Die Verwaltungslehre. Bd. 1— 8. Stuttgart.1865— 1884.

Л. фон Штейна. Исходя из современных научных исследований, такое противоборство отражает разнящиеся методы описания единого процесса, которые равнозначно обогатили административную науку.

Разгром революционного движения в Германии в середине 19 века, и как результат, возникновение новых общественно-экономических условий повлияли на создание наиболее важных представлений в науке о сущности государственного управления, его целях и задачах, а также – организации деятельности по управлению государством в середине 19 века в целом. В это время была сформирована цель по развитию догматики публичного права и его применению в деле. Помимо этого, стояла задача по отделению государственного права от административного. Как считал К. фон Гербер, «административно-правовые предписания не должны служить простым приложением к государственному праву»[1].

Говоря о немецких исследователях, можно сказать, что они внесли ценный вклад в становление административной науки и оказали значительное влияние на русских ученых. Н. Рождественский под воздействием Р. фон Моля в 1840 году написал большую работу «Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам». Критически изучить уже сформированные данные в сфере полицейского права стремился И. Платонов, написавший книгу «Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном». Развитие идеи Р. фон Моля в 1871 году осуществлял И. Андреевский, который выпустил труд «Полицейское право», применив его к российским данным.

На сегодняшний день, в условиях глобальной интеграции, трудно представить отказ от взаимодействия немецких и российских исследователей в области административной науки. Беспрерывно осуществляется обмен опытом, коллективное решение насущных научных проблем, например, разделение частного и публичного права, выявление сущности и характерных особенностей государственного управления, его взаимоотношения с исполнительной властью, а также административная документация, суды и административно-процессуальное право.

[1] Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. — 3— е изд., пересмотр, и доп. — М. – Норма. – 2008. – С.90

УДК 340.1

А.Д. МИХАЙЛОВА

научный руководитель
доцент Н.В. МАМЧЕНКО

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время в научном сообществе активно поднимается проблема включения прецедентного права в правовую систему Российской Федерации. Вопрос о возможности существования в Российской Федерации судебного прецедента в качестве источника права рассматривается учеными-правоведами уже достаточно давно, однако, в связи с усилением процессов глобализации и интеграции правовых систем различных государств, дискуссии о допустимости судейского правотворчества в Российской Федерации ведутся всё более активно. В связи с этим актуальность проведения современных исследований на поднятую проблему чрезвычайно высока.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы определить возможность существования прецедентного права в правовой системе Российской Федерации.

В работе были использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, функциональный, статистический методы, методы анализа и синтеза информации. Использование указанных методов позволило провести комплексное исследование и выделить наиболее важные аспекты рассматриваемой проблемы.

Российская Федерация, ввиду объективных исторических особенностей развития государства и складывания национальной правовой системы, общепризнанно входит в романо-германскую правовую семью. Особенности указанного типа правой семьи заключаются в том, что основным источником права является нормативный правовой акт, существует единая иерархическая система источников права, законодательство носит кодифицированный характер, в системе законодательства ведущая роль принадлежит конституции, обладающей высшей юридической силой[1].

Действительно, в России ядром правовой системы является нормативный правовой акт. Согласно ст.4 Конституции РФ Кон-

[1] Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. – Изд. 2— е, перераб, доп. – М. – Эксмо. – 2007. – 267 с.

ституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Кроме того, в соответствии с закрепленным в ст.10 Конституции РФ принципом разделения властей соответствующими полномочиями по созданию правовых норм наделены исключительно органы законодательной власти Российской Федерации.

В свою очередь, прецедентное право является одной из главных особенностей англо-саксонской правовой семьи. В качестве основных характеристик общего права можно выделить следующие: верховным источником права выступает судебный прецедент; ведущая роль в формировании права (правотворчестве) отводится суду, который в этой связи занимает особое положение в системе государственных органов; отсутствие кодифицированных отраслей права; приоритет процессуального права над материальным[1]. Таким образом, процесс включения прецедентного права в правовую систему Российской Федерации ввиду указанных выше различий между двумя правовыми семьями достаточно сложен.

Вместе с тем, элементы прецедентного права в российской правовой системе, по мнению ряда исследователей, всё же существуют. Так, в соответствии со ст.6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения Конституционного Суда обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений[2]. Конституционный Суд обладает полномочиями принимать решения о признании конкретного нормативного правового акта неконституционным, в результате чего данный акт утрачивает свою юридическую силу. При этом Конституционный Суд поясняет, как должен действовать правоприменитель до устранения образовавшегося юридического пробела. Подобное «негативное» правотворчество и последующее разъяснение Конституционного Суда фактически создает предпосылки для применения норм права на основе решений судебного органа. Тем не менее, необходимо отметить, почему решения Конституционного Суда нельзя считать судебным прецедентом с точки зрения юридической науки:

[1] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – Юристъ. – 2004. – 88— 89 с.

[2] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1— ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

в системе общего права решения вышестоящих судов обязательны для нижестоящих судебных органов. Решения Конституционного Суда обязательны для исполнения не только иными судебными органами, но и органами государственной власти, органами местного самоуправления, гражданами, их объединениями. Это говорит о том, что решения Конституционного Суда носят более общий характер, чем обычный судебный прецедент в англо-саксонской правовой семье;

судебный прецедент – это, как правило, решение суда по конкретному делу. Конституционный Суд, в свою очередь, рассматривает вопросы права в рамках своей компетенции, не вникая в сущность конкретного судебного дела[1];

при реализации «негативного» правотворчества Конституционным Судом нормативный правовой акт, признанный неконституционным, теряет свою юридическую силу, подлежит при этом отмене органом, издавшим этот акт. Это порождает ситуации, когда утративший силу акт некоторое время формально остается действующим[2]. Таким образом, даже «негативное» правотворчество Конституционного Суда не является абсолютным, оно требует дополнительных действий со стороны органов государственной власти.

Верховный Суд Российской Федерации обобщает судебную практику, дает судам разъяснение касательного применения того или иного законодательного акта, а также отменяет в порядке надзора постановления нижестоящих судов в случае, если данное постановление нарушает единообразие в толковании и применении судами норм права, то есть, по сути, устоявшуюся судебную практику[3]. Учитывая, что Пленум Верховного Суда систематизирует судебную практику и своими разъяснениями относительно применения норм права в конкретной правовой ситуации оказывает значимое влияние на формирование судебной практики, нижестоящие судебные органы ставятся законодательством в косвенное подчинение Верховному Суду Российской Федерации.

Руководящие указания Верховного Суда в ряде случаев устанавливают положения, которыми суды должны руководствоваться при применении норм права, формулируют некоторые общие

---

[1] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов. М. – Норма. – 2007. – 669 с.

[2] Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. М. – Норма: ИНФРА— М. – 2014. – 788 с.

[3] «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138— ФЗ ст.391.9 // СПС КонсультантПлюс

принципы, необходимые для правильного применения норм права судами. Однако и в этом случае нельзя утверждать, что решения Верховного Суда являются де-факто судебными прецедентами[1]. Для этого решениям Верховного Суда не хватает ряда формальных признаков, характеризующих судебный прецедент. Так, одним из главных признаков выступает общеобязательность судебных решений вышестоящего судебного органа, у Верховного Суда законодательно закреплена лишь косвенная возможность устанавливать определенные стандарты применения права в судебной практике. Именно поэтому, по мнению ряда исследователей, Верховный Суд лишь толкует и применяет нормы права, но не занимается непосредственно правотворчеством.

С другой стороны, по мнению заместителя Председателя Верховного Суда РФ В. М. Жуйкова, судебная практика, выраженная в разъяснениях Пленума Верховного Суда, практически «всегда признавалась источником права, поскольку в судебных решениях допускались ссылки на них как на правовую основу разрешения дела». В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» Суду также следует учитывать:

а) постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании положений Конституции Российской Федерации, подлежащих применению в данном деле, и о признании соответствующими либо не соответствующими Конституции Российской Федерации нормативных правовых актов, перечисленных в пунктах «а», «б», «в» части 2 и в части 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации, на которых стороны основывают свои требования или возражения;

б) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятые на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации и содержащие разъяснения вопросов, возникших в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих применению в данном деле;

в) постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле.

[1] Рассолов М.М., Малахов В.П., Иванов А.А. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» М. – ЮНИТИ— ДАНА: Закон и право. – 2011. – 182 с.

Таким образом, указанные выше положения наряду с позицией известных ученых дают основания отнести судебную практику к источникам права в Российской Федерации[1]. Кроме того, можно сделать вывод, что в правовой системе России существуют некоторые элементы прецедентного права и с формированы определенные предпосылки для узаконения судейского правотворчества в Российской Федерации.

Включение судебного прецедента в правовую систему Российской Федерации позволит более эффективно и своевременно устранять пробелы в праве, адекватно конкретизировать содержание правовых норм в процессе их применения судебным органом, системно и рационально подходить к разрешению юридических коллизий. Решения нижестоящих судов станут более грамотными с юридической точки зрения, поскольку судебные органы будут напрямую ориентироваться на решения Верховного Суда Российской Федерации, судьи которого обладают наиболее высокой квалификацией.

Однако необходимо указать и на ряд отрицательных последствий признания судебного прецедента в качестве источника права в российской правовой системе. Так, по мнению некоторых ученых, будет нарушен закрепленный в Конституции РФ принцип разделения властей, баланс системы «сдержек и противовесов». Придание судебной власти правотворческих функций действительно может привести к неоправданному усилению судебной власти, росту злоупотреблений со стороны судебных органов. Кодифицированный характер системы законодательства позволяет минимизировать число противоречий в праве, система общего права позволит как относительно оперативно устранить существующие коллизии, так и породить новые.

В заключение хотелось бы отметить, что при анализе возможности применения судебного прецедента в качестве источника права в Российской Федерации необходимо учитывать, что судебное правотворчество всегда осуществляется исключительно в рамках закона и на основе закона, исходящего от высших законодательных органов, не вступая с ним в противоречия[2].

---

[1] Долинская В.В. Судебная практика как источник гражданского права // Цивилист. – 2007. – № 2.

[2] Желдыбина Т.А. Судебный прецедент: современный взгляд // Российское право: образование, практика, наука. – 2015. – № 3. – С. 56.

УДК 340.1

М.И. НОВИКОВА

научный руководитель
профессор И.Л. ЧЕСТНОВ

СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Тема соотношения юридической ответственности и мер государственного принуждения признана одной из дискуссионных, поэтому широко рассматривается отраслевыми юридическими дисциплинами и общей теорией права. Можно так же отметить, что дальнейшее развитие теории юридической ответственности имеет как научное, так и практическое значение для современной юриспруденции. Актуальность понятия юридической ответственности подчеркивает отсутствие «единого научного теоретического подхода к содержанию ответственности, что неизбежно сказывается на деятельности правоприменителя».[1] Во многом это объясняется тем, что на данный момент определение понятия «юридическая ответственность» как таковое не может законодательно установлено.

Изначально необходимо отметить, что мы будем рассматривать лишь одну из сторон юридической ответственности – ретроспективную, то есть ответственность, за совершенное правонарушение, так как государственное принуждение применяется только в случае реализации негативной ответственности как вспомогательное средство, которое нельзя распространять на все виды ответственности в целом.[2] Позитивная юридическая ответственность в данном ключе не вызывает особого интереса к более детальному её рассмотрению, так как позитивный аспект юридической ответственности есть ни что иное как добросовестная и неукоснительная реализация субъектами возложенных на них обязанностей, иными словами – их правомерное поведение.

Как известно, существует несколько точек зрения, по поводу соотношения юридической ответственности и мер государственного принуждения. Ряд теоретиков права отождествляют эти понятия, другие - видят юридическую ответственность непосред-

[1] Хохлов, В.А. Гражданско— правовая ответственность за нарушение договора: Автореф. дис. … д— ра юрид. наук. — Саратов. – 1998. – С. 8.

[2] Матузов, Н. И. Теория государства и права: курс лекций / Н.И. Матузов, А.А. Воротников, В.Л. Кулапов ; под ред. Н.И. Матузова, А. В. Малько. — 3— е изд., перераб. и доп. – М.: Юр. Норма: НИЦ ИНФРА— М. – 2017. — С. 601.

ственно самим применением мер государственного принуждения, третьи – рассматривают юридическую ответственность как длящееся правоотношение.

В условиях отсутствия единства и согласования мнений необходимо рассмотреть аспекты каждого из них, выделить существенные преимущества и недостатки всех вышеперечисленных суждений, сопоставить юридическую ответственность и меры государственного принуждения.

Если мы отождествляем понятия ответственность и принуждение, то мы тем самым ставим под сомнение необходимость существования в праве самостоятельной категории ответственности. Однако, поскольку такая категория самостоятельно существует и имеет свои отличительные признаки, то, в этом случае, смешение понятий принуждение и ответственность становится неправильным как методологически, так и содержательно.[1]

Критикуя суждение о тождественности понятий юридической ответственности и иных мер государственного принуждения, можно дополнить так же, что, применение мер государственного принуждения к соблюдению норм права и есть непосредственно следствие принудительного привлечения лица к юридической ответственности. Таким образом, мы можем отметить, что привлечение к юридической ответственности правонарушителя и применение к нему мер государственного принуждения не одномоментные явления и не совпадают по времени. Применение мер пресечения, установленных в законодательных актах Российской Федерации, к лицу, непосредственно предшествуют установлению вины и привлечению к юридической ответственности.

Если мы будем рассматривать юридическую ответственность как применение к правонарушителю мер государственного принуждения, то, в этом случае, опять же, возникает ряд вопросов, в результате рассмотрения которых понимание юридической ответственности таким образом также нельзя считать достаточно убедительным по некоторым причинам.

Во-первых, в этом случае ответственностью предлагается именовать применение предусмотренной санкцией правовой нормы меры государственного принуждения к правонарушителю. Таким образом, претерпевание негативных последствий правонарушителем есть ни что иное, как реализация одного из элементов нормы права – санкции.

[1] Устинова, О. Н. Юридическая ответственность как мера государственного принуждения / О. Н. Устинова // Молодой ученый. — 2016. — №27. — С. 621— 624.

Во-вторых, можно так же отметить, что некоторые теоретики права отмечают, что в сфере частного права, юридическая ответственность может быть реализована и без применения мер государственного принуждения и осуществления правоприменительной деятельности государственными органами. Так, например, если мы обратимся к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 года № 102-ФЗ, то в пятой статье мы можем увидеть, что меры гражданско-правовой ответственности могут применяться и третейскими судами. Кроме того, меры юридической ответственности в трудовом праве могут быть применены работодателями и комиссиями по трудовым спорам.[1] Опять же, приведенное выше суждение подвергается определенной критике: одновременно высказывается мнение, что в таком случае имеет место делегирование государством права на принуждение специализированным субъектам.

Таким образом, представленные суждения по поводу соотношения юридической ответственности и мер государственного принуждения не являются в полной мере убедительными и достаточно аргументированными для того, чтобы исключить существование иных, более обоснованных. В современной юриспруденции наиболее перспективным видится представление юридической ответственности как охранительного длящегося правоотношения, включающего в себя все виды мер принуждения как стадий этого правоотношения[2]. Это правоотношение возникает ввиду совершенного и, необходимо это обязательно отметить, зафиксированного правоохранительными органами правонарушения. Субъектами данного правоотношения, в свою очередь, являются, с одной стороны – государство, в лице его компетентного органа, применяющего на основании закона и в соответствии с ним меры принуждения, а с другой, соответственно, правонарушитель, на которого возлагается обязанность претерпеть неблагоприятные последствия за совершенное им правонарушение. Объект данного правоотношения – это взаимные действия субъектов, а содержание, соответственно, их взаимные права и обязанности.

Рассматривая юридическую ответственность таким образом, мы включаем как материальное основание юридической ответ-

[1] Филатов, Е. Ю. Понятие юридической ответственности / Е. Ю. Филатов // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2009. — №3. — С. 34.

[2] Честнов, И. Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория права / И. Л. Честнов. Санкт— Петербург: Санкт— Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – С. 114— 115.

ственности т.е. совершение правонарушения, а также процессуальное – вступление в силу правоприменительного акта, а котором реализуется санкция соответствующей нормы права. Сама же юридическая ответственность – это процесс или механизм применения мер юридического принуждения, включая санкции, к лицу, совершившему правонарушение.

УДК 340.00

С.Л. ОНУЧИНА

научный руководитель
профессор И.Л.ЧЕСТНОВ

ГОСУДАРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

«Политическая система» – одно из ключевых понятий теории государства и базовое понятие политологии. На сегодняшний день существует многообразие его трактовок. Политическую систему представляют, в первую очередь, с точки зрения системного анализа. Также можно встретить структурно-функциональные, коммуникативные, социально-психологические и другие интерпретации политической системы. Многообразие дефиниций обусловлено сложностью данного феномена. Политическая система определяется как вполне самостоятельное существующее образование. В некоторых случаях политическую систему трактуют как политическую сферу жизнедеятельности общества.[1]

Во-первых, политическая система – это реальное функционирующее образование, способное к развитию и удовлетворению основных потребностей общества. В зарубежной литературе доминирует мнение, что система как таковая, в первую очередь связана с процессуальными характеристиками своего существования.[2] Речь идет о вопросах власти как процесса распределения ресурсов среди конкурирующих групп. Преследуя цель удовлетворить свои интересы, отдельные лица и группы становятся участниками политического процесса. В таком понимании политика через разнообразные формы государственного законодательства интерпретируется как общественный результат взаимодействия между властью и интересами.

[1] Политическая система: учебное пособие / Петрозаводск. – 2015. – С.16.
[2] Там же. С.25.

Данный подход к структуре политической системы позволяет выявить относительно самостоятельные подсистемы. Преобладающей точкой зрения среди современных ученых на структуру политической системы является выделение в ее составе таких подсистем, как организационная (институциональная), нормативная, коммуникативная, культурно-идеологическая. Несмотря на некоторую самостоятельность этих элементов политической системы, они тесно взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Пробел в какой-либо из подсистем отражается на результате функционирования всей системы в целом.

Важнейшей из подсистем в контексте темы статьи является институциональная. Она включает в себя совокупность организаций и учреждений, выполняющих определенные функции для достижения общей социальной идеи: государство, общественно-политические организации и движения, СМИ. Поскольку именно в данном компоненте политической системы содержится властная опора общества как важнейшей социальной системы в целом, постольку политологи считают, что она занимает доминирующее положение среди других подсистем.

Традиционно считается, что общество состоит из четырех уровней, слоев.[1] Первый уровень – уровень воспроизводства человека. Это своеобразный первичный слой, когда человек не просто рождается, а становится личностью во взаимодействии с основными институтами этого уровня – семьей, школой, средствами коммуникации. Второй уровень – это уровень воспроизводства материальных благ. На этом уровне воспроизводится полный цикл производственных отношений через институты, представленные производственными предприятиями.

Третий уровень общества – это и есть политическая сфера общества, которая состоит из институтов, способствующих участию индивидов – членов гражданского общества в политике. К таким институтам следует отнести политические партии, народные фронты и другие организации, принимающие участие в политике. Эта сфера (уровень) общества порождает и воспроизводит государство. Воспроизведение государства означает «наполнение» государственных органов и должностей конкретными людьми, которые выдвигаются институтами политической системы.[2]

---

[1] Честнов И.Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч.1. Теория государства / СПб. – 2016. – С.8.

[2] Честнов И.Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч.1. Теория государства / СПб. – 2016. – С.9.

Рассматривая государство как политическое сообщество нельзя отождествлять государство и общество в целом. Смешение этих явлений было присуще авторам, писавшим свои работы до XVII в. Государство – это регулятивный политический институт в обществе данной страны. Оно удовлетворяет потребности общества с тех пор, как оно стало стратифицированным в интегрированное. Его государственный аппарат выступает как некая «машина». Выше уже говорилось, что государство регулирует общественные (но не всякие) отношения между людьми и их группировками. Эти отношения образуют «динамику» политической системы, включая нормы. Из норм политической системы следует выделить законодательные, регулирующие выборы, организацию и процесс деятельности государственной власти, а также корпоративные нормы общественных организаций, закрепляемых, например, в уставах политических партий. На основе этих норм складываются политические отношения. «Выходом» данных отношений является политика.[1] Ее определяют как управление обществом, как отношения между классами, как управление делами государства. Обобщая, политику можно определить как деятельность государства в целом, его органов, политических партий. Сущность этой деятельности заключается в интеграции общества, а также решение вопросов по поводу формирования, распределения и осуществления государственной власти.

Основу политической системы общества составляют государственные органы. Государственный орган выполняет одну из функций государства, выступает от имени государства. Получается, государственные органы, а также, государственные служащие выполняют государственные функции и составляют «аппарат» государства, «машину» государственной власти. М. Вебер в целом определяет политику как стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами или внутри его между группами людей, которые оно в себе заключает. А государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное насилие как средство.[2]

Важным связующим звеном общества и государственной власти являются политические партии, так как не являются государственным органом, не применяют насилие, а формируются обще-

[1] Честнов И.Л. Указ.соч. – С.10.

[2] Вебер.М. Политика как призвание и профессия / М. – 2006. – С. 486.

ством. Очевидно, что определенные социальные и иные группы людей имеют общие жизненные интересы. Партии призваны выделить, сформулировать эти интересы, выразить их на уровне политики. Поэтому партия обычно выступает как авангард определенной социальной и иной общности, как организация, наиболее отчетливо формулирующая интересы всего народа или определенных групп и отстаивающая их.

Однако не всякая деятельность партии допустима. Партии, которые выдвигают цели насильственного свержения конституционного строя, применяют террористические методы для достижения своих целей, запрещаются конституциями и законами и действуют нелегально, в частности, это относится к революционным партиям.[1] Так, в Конституции Российской Федерации, ч.5 ст.13 гласит: запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации. Однако, не стоит путать насильственное изменение строя, и легальное принятие изменений строя, за которое проголосовало на референдуме или на выборах. Действия во втором случае не будут классифицироваться как незаконные.

Возникает вопрос – где граница этой противоправности? В частности, считается ли массовый выход на митинг по насущному вопросу противоправным, если учитывать то, что в законодательстве митинг является вполне допустимой формой выражения интересов. И где критерий «насильственности» партии и ее идей – несовпадение с распространенной, господствующей идеологией? Но в основном законе прописано, что в России признается идеологическое многообразие и многопартийность. Видимо, тут работает страх правящей элиты за свое положение: не будет ли оно «пошатано» оппозицией, которая выдвигает вполне правильные, нужные идеи? Поэтому в реальности она старается пресекать любые «движения», отклоняющиеся от ее намеченного правления.

Как уже было сказано, политическая система – это государство и негосударственные институты. Возникает вопрос: что больше играет роль в современной политике – партия или государство? С одной стороны, очевидно, что ни одна партия не сможет существовать в стране без санкционирования правящей элиты – должна быть закреплена многопартийность, а также наличие

[1] Чиркин, В. Е. Сравнительное государствоведение: учебное пособие / М. – 2011. – С. 313.

нормативно-правовых актов, с которыми должна считаться формирующаяся партия или общественное движение. Данные акты принимаются государством. С другой стороны, государство в виде определенной верхушки, как правило, изначально являлись членами какой-либо партии – то есть и государство не может существовать без негосударственных образований. Я считаю, что их соотношение определяется множеством фактором, например, в зависимости от политического режима. Очевидно, что в фашистской Германии, где была закреплена единственная правящая партия в условиях тоталитарного режима, политический курс определяется этой самой партией и даже речи не шло о каком-либо соотношении – в стране есть одна правящая партия и государственный аппарат, то есть эта партия «огосударственна». В то же время, в современной Германии на выборах в Бундестаг (Федеральное Собрание) в 2017 году принимали участие 42 политические партии в условиях демократического политического режима и многопартийности, следовательно, можно говорить о соотношения влияния каждой из них на власть. Измерить количество влияния отдельно взятой партии можно, например, по количеству мандатов, полученных ею на выборах в государственный орган. Соответственно, чем больше людей в госоргане, тем больше шансы повлиять на принятие нужных партии решений и тем самым формировать «свой» политический и идеологический курс.

Дискуссионный вопрос – кто должен формировать политический курс страны? В существующих политических системах основой политического курса выступает предвыборные программы или партийные программы. Тезисы, указанные в них, классифицируют как ориентиры, а не целевые показатели в строгом смысле слова. Получается, что его формируют партии, а путем выборов утверждается наиболее выгодный и понравившийся избирателям курс. Сложность в том, что практически невозможно отследить – следуют ли своим предвыборным ориентирам выбранные депутаты в уже осуществляемой ими государственной политике, а еще более сложно указать им на их несоблюдение.

В политологической литературе существует довольно интересное мнение, что политический курс должны формировать ученые данной страны. [1]Суть в том, что политический курс – это сверхсложная система, и сторонники этой идеи считают, что политики

[1] Федотова М.А., Будович Ю.И. Формирование и развитие курса политической экономии: историческая ретроспектива // Journal of Institutional Studies. –2014. – №2. – С. 119.

не могут полностью охватить все ее аспекты, а нужно создавать группу высококвалифицированных специалистов из разных областей: экономисты – для исследования экономической обстановки страны, юристы – для проверки проекта на законность и т.д. Я считаю, что это довольно прогрессивная идея современной политологии.

Подводя итог, государство является особым звеном в сложной структуре политической системы общества, взаимодействуя с негосударственными образованиями. Партия, как основная такая организация, выступает первичным звеном в формировании политического курса страны, одновременно являясь посредником между властью и обществом.

УДК 343.25

А.С.ОРИЩЕНКО

научный руководитель
профессор В.Ю.СОЛОВЬЁВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СМЕРТНОЙ КАЗНИ В СОСЛОВНО–ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗЦА

Смертная казнь как институт всегда представляла интерес с историко-правовой точки зрения. Виднейшие деятели исторической науки в своих трудах рассматривали различные аспекты генезиса смертной казни в Отечественной истории государства и права. Однако, несмотря на наличие многочисленных публикаций, посвященных анализу данного института относительно национального и модернизационного путей развития России, существует необходимость комплексного исследования института смертной казни как феномена. Так, затрагивается не только политико-правовая, но и нравственно-религиозная, культурно-психологическая и другие сферы жизнедеятельности, находящие своё отражение в исторической науке. Для рассмотрения комплекса вышеперечисленных аспектов целесообразно провести глубокий анализ путей формирования и окончательного утверждения института смертной казни в периоды становления Древнерусского государства, политической раздробленности, образования Московского царства, его теоретических и практических основ.

Согласно общим положениям истории Отечественного государства и права, институт смертной казни возник в системе обеспечения коллективного благополучия вне рамок уголовной системы наказаний и собственно уголовного права в современном смысле понятия. Очевидно, что с образованием и развитием государственности на Руси верховная власть проявляла определенную заботу о жизни, собственности и правах граждан. В связи с этим смертная казнь вводилась в целях обеспечения безопасности всего общества и оптимального функционирования государственного механизма при условии протекания начальной стадии его развития.

Прообразом института смертной казни являлась кровная месть. Ей был присущ всеобъемлющий характер, поскольку она применялась на всех стадиях развития общества, в том числе на ранней стадии, в образовавшемся суверенном государстве, которое постепенно монополизировало право на осуществление наказания как формы государственно-правового принуждения. Известно, что кровная месть представляла собою право на причинение вреда преступнику, принадлежавшее пострадавшему либо его членам семьи вследствие и по факту совершения действий, посягающих на его жизнь, здоровье, собственность или иные интересы, то есть «обиды». Краткая редакция Русской Правды является законодательно-документальным подтверждением существования института кровной мести: «Убьетъ мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будетъ кто мьстя, то 40 гривен за голову…»[1].

С развитием российской государственности возникла необходимость ограничения, а затем и замены кровной мести. Это в значительной степени сопряжено с тем, что монополия государства на систему мер принуждения преодолевала «стихийность» применения данного института. Введён институт смертной казни уже в качестве исключительной, санкционированной властью меры наказания.

Отмена и последующий запрет кровной мести стали закономерной вехой в развитии системы государственного принуждения. С появлением неравенства в российском обществе институт кровной мести уже не мог удовлетворять интересы правящих слоёв, сосредоточивших в своих руках власть и материальные ценности, так как предоставлял равные права по защите интересов всем лицам, вне зависимости от их имущественного или социального положения.

[1] Правда Русская / АН СССР, Институт истории; под общ. ред. Грекова Б.Д. М; Ленинград. – Издательство АН СССР. – 1940— 1963. – С.363.

Следовательно, смертная казнь благодаря своим истокам имела образ «народной расправы», впоследствии чего начало её применения нельзя установить доподлинно, в особенности путём обозначения конкретной датировки.

Наибольший научный интерес для специалистов в области историографии при исследовании данного вопроса представляет период, при котором на Руси не существовало наказания в виде лишения жизни. Это относится к новому этапу развития государственности, ознаменовавшемуся запретом кровной мести в середине XI века сыновьями князя Ярослава Мудрого Изяславом, Святославом и Всеволодом на съезде. Данное положение закреплено в ст.2 Пространной редакции Русской Правды: «...и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша…».

Впервые правовые основы института смертной казни в Древней Руси законодательно закреплены в Уставной Двинской грамоте 1397 года, историческом документе, основанном на Русской правде. Наказание через повешение вводилось за кражу, совершаемую в третий раз: «…а уличат втретьие, ино повесити…» Особенностями данного правового акта являются направленность на защиту феодальной собственности и наличие первого упоминания о способе осуществления (повешении).

Псковская судная грамота 1467г. расширила круг преступлений, совершение которых влекло применение смертной казни. Уже в начальных статьях указано: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати»[1]. Известный специалист по истории России XIV-XVI Юрий Георгиевич Алексеев высказал мнение о том, что в документе названы «тягчайшие преступники, которых знает Псковская Судная грамота», а именно: два вида воров («татей») -кримской и коневой, поджигатель («зажигалник») и лицо, оказавшее помощь врагу («переветник»). Алексеев также отмечал, что в Псковской судной грамоте известное Русской правде явление под названием «поток и разграбление» то есть гражданская смерть, объявление вне закона, заменено смертной казнью[2].

[1] Савченко Д.А. Ответственность за наиболее опасные правонарушения по Псковской судной грамоте // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – №2 (12). – [Электронный ресурс] URL:https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost— za— naibolee— opasnye— pravonarusheniya— po— pskovskoy— sudnoy— gramote

[2] Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л.: Наука. – 1980. – С 46— 47.

Обратимся к практическому аспекту вопроса существования института смертной казни на данном этапе. Новгородская летопись свидетельствует о совершенной в 1230 г. казни человека, обвиненного в покушении на поджог: «...а Волоса Блуткиниця на вечи убиша, рече посадник: ты еси мои двор хотел зажечи»[1]. В Псковских летописях 1476 г. рассказывается о том, как жители Псковского пригорода казнили (повесили) конокрада. Псковская летопись 1496 г. упоминает о казни преступника, признанного виновным в умышленном поджоге города: «загорелося на Крому... и клетеи много погорело, и ржы много и платья. а зажег Чюхно, закратчися, а послаша его ... Немцы зажечь и посулиша емоу дароу много. Изымаша его на Кромоу и сожгоша его огнем» [2].

Принятые впоследствии нормативно-правовые акты последовательно расширяли сферу применения смертной казни и объем преступлений, составы которых подразумевали применение данной санкции. Так, первый общероссийский Судебник 1497 г. грозил смертной казнью за татьбу, разбой, ложный донос, государственную измену, впервые за убийство (своего господина). Казнь применялась к «церковному татю», «головному татю» (совершившему хищение, сопряженное с убийством), «подымщику» (подстрекателю), «зажигалнику (совершившему поджог). В Судебнике 1550 г. список преступлений, за которые назначался приговор в виде смертной казни, дополнился. Так, смертная казнь вводилась за «подписку» (подделку документов), сдачу города неприятелю и «подмет» (подбрасывание вещи или письма в целях обвинения).

В 1606 г. издается закон, в истории известный как крестоцеловальная запись, согласно которому власть в лице Василия Шуйского обязывалась не предавать никого смерти без приговора «истинного суда с боярами» и проводить начало субъективного вменения[3]. Этот принцип был противопоставлен изжившему себя в силу развития уголовного законодательства и, разумеется, собственной архаичности началу объективного вменения, подвергающего лицо наказанию без установления вины.

---

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Издательство АН СССР. – 1950. – С. 69, 276.

[2] Псковские летописи. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. С.82.

[3] История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV— XVII вв. / Рогов В.А. М.: Юристъ, 1995. С.235— 236.

В дальнейшем формирование и окончательное закрепление абсолютной монархии как новой формы правления обозначило защиту интересов монарха как общегосударственную ценность. Это привело ко включению в сферу уголовно-правовой охраны заботу о интересах церкви и царя. С целью обеспечения охраны данных интересов в законодательстве сохранена смертная казнь.

Для того, чтобы исторически достоверно оценить целесообразность положений русского уголовного права с точки зрения законодательного регулирования смертной казни, необходимо обратиться к сравнительно-правовому методу. За рубежом правовые основы смертного наказания были закреплены в Законе XII таблиц – документе, созданном в 450-е гг. до н.э. В истории же Российского государства имеет место длительный временной отрезок (фактически, до II половины XIV в.), при котором института смертной казни не существовало.

Сопоставив Отечественное уголовное законодательство XIV–XVII вв. с современным ему германским в лице Уложения «Каролины», составляющего базис для образования общего германского права, можно проследить широту составов преступлений, предполагающих назначение смертной казни у германцев – 29 видов. Среди них - богохульство, нарушение «присяги не мстить такими делами и деяниями», колдовство, связанное с причинением вреда или ущерба, фальшивомонетничество и так далее. Карались смертной казнью лжесвидетели. Так, повышенная репрессивность германского законодательства, в сравнении с русскими сводами, связана не только с более широким перечнем преступлений, но и с более изощренными ее способами и неподобающим принципам человечности отношением населения к акту наказания. Англия и вовсе получила название «классической страны смертных казней». Счёт казненных шел даже не на десятки, а на сотни тысяч людей.

Смертные приговоры в российском государстве санкционировались в исключительных случаях и выносились только посредством тщательного расследования. Казнь зачастую не приводилась в исполнение в силу сложившегося ещё в древности обычая «печалования», то есть ходатайства о помиловании преступников. Данный принцип охватывал абсолютно все категории преступлений, в том числе и государственные. Так, становится очевидным, что карательной практике Киевской и Московской Руси были присущи здравый смысл, политический такт и дух христианского милосердия.

УДК 340.1

Д.О. ЧИКАРЕВА

научный руководитель
профессор И.Л. ЧЕСТНОВ

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА КАК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

В связи с переходом от индустриального общества к обществу постиндустриальному, информационному, к эпохе постклассики, со сменой картины мира тематика антропологии права становится все более актуальной. Если сегодня происходит переход к совершенно новой исторической эпохе, то неизбежен вывод о том, что новой эпохе должна соответствовать иная концепция права. Как писал в начале XX в. Г. Радбрух: «Каждая новая эпоха лишает факты, относящиеся к ценности прошлой эпохи, их существенности, и, наоборот, выдвигает на первый план факты, до сих пор малозначимые с точки зрения их отношения к ценности. И поэтому нет ничего удивительного также и в том, что каждая эпоха должна заново создавать свою науку права»[1].

Сейчас начинает иметь все большее значение такая научно-исследовательская программа как антропология права. В условиях современного мира именно она становится наиболее адекватной социокультурному контексту общества. Известный ученый-юрист А. Х. Саидов замечает, что все возрастающее значение данного подхода обусловлено целым рядом объективных предпосылок: увеличивающимся значением гуманизации сферы права, утверждением свободы человека, порождающей свободу возникновения правовых культур, развитием институциональных элементов правового государства и гражданского общества, возрастающей ролью развивающихся государств и традиционных правовых систем, расширением экономических и культурных, научно-технических и правовых связей между государствами.[2]

Изучая содержательную составляющую данного феномена, необходимо определиться с тем, что же такое антропология права. Антропология права – это научно-исследовательская программа, которая путем анализа устных или письменных памятников права, практики общественной жизни исследует процессы про-

[1] Радбрух Г. Философия права. М. – 2004. С. 139

[2]2 Саидов А.Х. О предмете антропологии права // Государство и право. – 2004. – № 2. – С.25— 26

никновения права в человеческое бытие, стремится выяснить закономерности, которые лежат в основе социального и правового быта человеческих общностей.

В понятие предмета данной научно-исследовательской программы, как писал В. С. Нерсесянц, «…входят, правовые системы и в целом весь комплекс правовых явлений, которые складываются в различных сообществах, у разных этносов, в разные эпохи и в разных регионах мира.»[1] Таким образом, в поле исследовательского внимания данной научной программы находится все правовое многообразие человечества в его становлении и развитии, в его социально-историческом бытии. То есть, обобщенно можно сказать, что предмет антропологии права — это «человеческое измерение» права в контексте культуры. Кроме того, необходимо отметить, что, как пишет Честнов И.Л., предмет антропологии права «…контекстуален: исторически изменчив и обусловлен соответствующей исторической эпохой.».[2]

Объектом данной научно-исследовательской программы выступает право как социальное явление, правовая реальность, т.е. люди, социализированные в данной культуре, конструирующие господствующие сегодня социальные представления о праве, включая знаковое их воплощение в законодательстве и других формах нормативности права, и их реализацию в юридически значимых практиках. Действие права — это всегда деятельность людей, воспроизводящих информацию, которая содержит в своей знаковой форме определенное правило поведения. При этом знаковая форма социальных представлений взаимодополняет юридические практики: последние существуют только тогда, когда о них известно, а это возможно, только если они опосредованы знаковой формой, задающей значения и смыслы[3].

Методологическая основа юридической антропологии обширна и разнообразна. Прежде всего эта научно-исследовательская программа использует сравнительный анализ разнообразных правовых явлений, а также метод включенного наблюдения за поведением субъектов права. Еще одним методологическим при-

---

[1] Нерсесянц В. С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина. Предисловие // Рулан Н. Юридическая Антропология. Учебник для вузов. Москва. – 2000. – С. 1.

[2] Честнов И.Л. Социокультурная антропология права как постклассическая научно— исследовательская программа. // Российский журнал правовых исследований. – № 4 (1). – 2014. – С.83

[3] Н.А. Исаев, И.Л. Честнов. Социокультурная антропология права: коллективная монография— СПб.: Алеф— Пресс. – 2015. – С.252

емом является антрополого-правовое исследование - то есть соотнесение первоначального произвола[1] с конкретным механизмом легитимации. Невозможно не согласиться с тем, что для формирования социального института необходимо признание со стороны широких слоев населения. Выявление условий, влияющих на процесс легитимации—важное направление антропологии права, позволяющее объяснить, почему одни реформы достигают желаемого результата, а другие — нет. Для изучения институтов, связанных, например, с урегулированием конфликтов, в антропологии права применяется специальный метод институционального анализа устного права. С помощью данного метода осуществляется анализ неформальной системы нормативного регулирования и происходит обнаружение так называемого живого права, которое сопровождает систему позитивно-правового регулирования социальной сферы. В целом юридической антропологии присущи совмещение теоретического анализа с практическими. В последнее время в рамках антропологических исследований наметилась позитивная тенденция к соединению нормативного анализа с процессуальным подходом к познанию права. По мнению Н. Рулана, необходимо изучать не только само содержание норм, но и то, как они воспринимаются субъектами правоотношений-людьми, нужно выявлять причины их соблюдения или же наоборот игнорирования и нарушения. Для этого существует еще один метод, применяемый юридической антропологией –процессуальный анализ, приспособленный к исследованию изменений и предназначенный для более широкого познания правовых явлений. Таким образом, антропология права требует не единого универсального метода, а использования нескольких методов, причем важно не то, какой из них является лучшим, а то, какое место в процессе исследования занимает каждый из них.

Юридическая антропология возникла во второй половине XIX в. Зарождение данной научно-исследовательской дисциплины связано с именами британского юриста и историка Генри Мейна и философа, социолога и антрополога Герберта Спенсера, которые впервые предприняли попытку использовать антропологический подход к изучению права. Первые представители строили свои теории на основе прямого опыта наблюдения обществ на предгосударственном уровне развития, поэтому не случайно,

[1] Данный термин был предложен П. Бурдье, который утверждал, что указанный «произвол» лежит в основе всякого социального института. С течением времени люди забывают о том, что указанный институт возник благодаря насилию, и воспринимают его как законный и традиционный.

что правовой антропологией занимались сначала антропологи и социологи. Теоретики права же открыли для себя эту дисциплину только в пятидесятых годах XX века. В данном столетие представителями антропологии права являлись Бронислав Малиновский и Леопольд Поспишил. Постепенно происходило усиление интереса к антропологии права, обусловленное изменением атмосферы в обществе; уже к концу столетия произошло расширение научной базы, кроме культурной антропологии начали использоваться и знания о человеке с точки зрения биологии, генетики, психологии и т.д. Из традиционного центра (то есть США), антропология права переместилась и в Европу (например, в Германию), где подход к антропологии права стал более ориентированным на выявление связи с естественными науками. Представителем немецкой школы является Эрнст-Иоахим Лампе[1], который пытался использовать модель биологической эволюции в эволюции права, а также Христиан Лауе, анализировавший право и нарушение правовых норм с точки зрения сущности человека, культурной и биологической эволюции и психологии. [2]

Как и в других европейских метрополиях, в России развитие юридической антропологии во многом стимулировалось колонизацией земель. Уже тогда многие авторы вставали на позиции признания одновременного действия как норм права, исходящих от государства, так и норм обычного права народов, населяющих многонациональное государство. Как исследователь обычного права начинал свою научную деятельность М.М. Ковалевский, приравненный позже к юристам-антропологам мировой величины. Вообще следует отметить, что на рубеже XIX и XX вв. российская антропология права развивалась преимущественно в русле истории права и частично-социологии права. На стыке социологии и правоведения творили Л. Петражицкий и П. Сорокин. По концепции Л. Петражицкого право действует не только там, где его фиксирует юриспруденция, но и в любом пространстве, где существуют личностные отношения и отношения подчинения. К числу антропологов права относят и российского ученого, социолога - Питирима Сорокина. Один из его трудов можно смело считать антропологическим, так как, рассматривая проблемы преступления и наказания, он прежде всего анализирует само

[1] Lampe E.— J. Genetische Rechtstheorie. München: Verlag Karl Alber Freiburg. – 1987. – C.327

[2] Смихула Д. Историческое развитие антропологии права.// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 6. – С. 151

понятие «преступного» в сознании человека.[1] Другой, не менее яркой и еще «более антропологичной» работой П. Сорокина стал учебник по теории права.[2] Можно долго продолжать обзор российской дореволюционной юриспруденции, поскольку в трудах Г. Ф. Шершеневича, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева и многих других обнаруживается большое количество теоретических положений, которые и сейчас могут быть усвоены отечественной антропологией права. Несмотря на упадок юридической антропологии в советский период, антропология в целом продолжала стремительно развиваться. Не был утрачен высокий научный уровень исследований, сохранялись традиции комплексного подхода к изучаемым объектам, уточнялся понятийный аппарат, был накоплен огромный по объему эмпирический материал, созданы большие исследовательские коллективы, выходила научная периодика. В конце столетия понятие "юридическая антропология" стало обозначать конкретную научно-исследовательскую программу, утвердившуюся на стыке антропологии, этнологии и правоведения. В обновляющемся российском обществе данная дисциплина стала еще более востребованной в условиях создания федерации с правосубъектностью территориальных образований и необходимостью решения проблем населяющих ее народов.

Одним из основных упреков, адресуемых антропологии права как научно-исследовательской программе является упрек в практической неприменимости подобных доктринальных разработок. На самом же деле, данная программа является не только общетеоретическим концептом, но и практически применимым, особенно в условиях наличия определенного количества проблем в юриспруденции, конструктом. Практическое значение антропологии права состоит прежде всего в выработке нового, адекватного историческому и социокультурному контексту постиндустриального общества типа правопонимания, придании человеко-культурно-размерности юриспруденции.[3] Это не отрицает важности прагматических задач и социокультурной антропологии права

[1] Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб. – 1914. [Электронный ресурс]. URL: https://socioline.ru/book/pitirim— sorokin— prestuplenie— i— kara— podvig— i— nagrada (дата обращения 10.03.2020)

[2] Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль. – 1919. [Электронный ресурс]. URL: http://read.virmk.ru/s/Sorokin_pravo_7.htm (дата обращения 20.03.2020)

[3] Честнов И.Л. Социокультурная антропология права как постклассическая научно— исследовательская программа. // Российский журнал правовых исследований. – № 4 (1). – 2014. – С.83

как научно-исследовательской программы в подготовке кадров, способных регулировать конфликты, выступать прежде всего посредниками в них, между органами государственной власти и представителями коренных народов и других культурных меньшинств. Не менее значимой является роль антропологии права в правоприменении, так как именно этот тип правопонимания помогает лучше разобраться в мотивах правоприменителя – человека. Хотелось бы отметить, что антропология права находит свое практическое применение и непосредственно в предупреждение преступности, ведь в данном процессе необходимо учитывать не просто субъективную сторону состава правонарушения, но и культуру, которая социализирует человека на соблюдение права. Этим и занимается рассматриваемая мною научно-исследовательская программа.

В заключение хотелось бы сказать, что в настоящее время юридическая антропология – одна из перспективных, развивающихся дисциплин. Она помогает осознать многообразие и равноценность существующих общественных и правовых систем, осмыслить юридический аспект бытия человека в общем историческом и современном контексте, и, самое главное, она способствует пониманию права не просто как свода принципов властвования, а как выражение правового существования человека в практиках правовой субъективации.

УДК 340

И.С. ЭПОВ

научный руководитель
профессор И.Б. ЛОМАКИНА

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ИНДИВИДА

Изучение данной темы основывается на западной правовой традиции, характерной чертой, которой является индивидуализм. Эта традиция ориентирована непосредственно на человека, который является приоритетной и первичной ценностью. Такое видение предполагает, что человек не теряет своей индивидуальности в социальной массе, но и в некотором смысле даже и противостоит ей.

Как личности, человеку присущи такие свойства как равенство и свобода. В таком ракурсе важно отметить, что данная тема затрагивает рассмотрение личных прав, в связи с чем, считаю уместным не разделять права и свободы гражданина и человека. При ограничениях прав и свобод индивида во благо безопасности социума мы должны учитывать противостояние интересов личности и государства и именно эти интересы должны быть уравновешены таким образом, чтобы с одной стороны, государство в лице законодателей, ссылаясь на международно-правовые нормы и Конституцию, могло вводить вынужденные ограничения определенных прав, а с другой — при таких ограничениях гражданам была бы гарантирована защита фундаментальных прав от государственного произвола.

В данной работе будет предпринята попытка рассмотреть следующие вопросы: какой существует опыт ограничения прав и свобод индивидов во имя общественной безопасности в Российской Федерации, зарубежных странах, а также какие критерии ограничений должны учитываться отечественным законодательством.

Как уже говорилось ранее, взамен на предоставление общественной безопасности страны зачастую стали прибегать к ограничению прав и свобод своих граждан. Поэтому, рассматривая политику отдельных государств в этой области необходимо понимать, что любые ограничения гражданских прав и свобод индивида не самоцель, а следствие объективных условий, действительности существования государства.

Наглядным примером в этом отношении являются США. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в таких городах страны, как Нью-Йорк и Вашингтон стали новой вехой в стратегии борьбы с терроризмом. Стало очевидно, что террористические организации стали иметь значительные ресурсы для проведения масштабных операций практически по всему миру, вследствие чего перед государством, а также мировым сообществом была поставлена новая задача: разработать и принять законодательство, способное совмещать превентивные меры, направленные на уничтожение терроризма, но к тому же гарантируемые соблюдение прав человека, поскольку даже такая держава как США, обладающая мощным полицейским и военным потенциалом, может стать объектом атаки.

Ответной реакцией США стала разработка и принятие закона – Акта «О сплочении и укреплении страны путём обеспечения необходимыми средствами, которые нужны для пресечения и

воспрепятствования терроризму», который знаком нам как «Акт о патриотизме». Этот нормативно-правовой предполагал внесение существенных поправок в «Акт о негласном наблюдении в целях внешней разведки» за иностранными державами и их агентами. Его действие было распространено и на американских граждан, которые подозреваются в шпионаже. Так, основные претензии к Акту о патриотизме сводились к нарушению 4-й поправки к Конституции США: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков, и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту»[1]. В связи с этим, действие Акта о патриотизме подвергалось жесткое критике со стороны общественных и политических деятелей и в 2015 он был сменен Актом о свободе - документом, ограничивающим дарованные прошлым законом полномочия спецслужбам, и несущим в себе большую идеологическую нагрузку.

Важно отметить, что многие элементы данного документа заслуживают внимания. Во-первых, та общественная дискуссия, которая предшествовала принятию Акта, усиливает доверие к правоохранительной системе. Необходимо придерживаться принципа открытости в ряде вопросов борьбы с терроризмом и экстремизмом. Во-вторых, в США присутствует разделение уровней защиты гражданских прав собственных граждан и иностранцев, заподозренных в террористической деятельности. В-третьих, подтверждение принципа экстраординарности по отношению к террористам не был подвергнут сомнению.

Введение специального суда, который имел полномочия на выдачу ордера на проведение оперативных мероприятий в отношении террористов и шпионов – распространенная мировая практика. Выдачей судебного ордера на электронное наблюдение ведает специально созданный суд, либо специально назначенный Верховным Судом США судья. Запрос может оформить как Генеральный прокурор США, так и глава Центральной разведки. В запросе должны быть четко указаны данные лица, в отношении которого вводится электронное наблюдение. При появлении каких-то общих сомнений в обоснованности наблюдения, судья может назначить эксперта, который известен своими достижени-

[1] См.: USA PATRIOT Act of 2001. Public Law. – № 107— 56.

ями в сфере защиты права на неприкосновенность частной жизни. Этот специалист, в свою очередь, представляет личное независимое заключение, которое либо поддерживает запрос, либо указывает на его недочеты. Отметим, что срок действия судебного ордера ограничен. Он выдается на 90 дней, но может быть продлен еще на 90 дней, но также присутствует исключение: если слежка осуществляется в отношении иностранной организации или иностранного гражданина, то ордер может быть выдан на один год. Тем самым, акт создает такие условия, при которых тотальная слежка за всеми гражданами и лиц, проживающих в государстве, попросту не предоставляется возможным со стороны государства.

Как было отмечено, на сегодняшний день исключительным условием, объясняющим ограничение государством прав и свобод человека, является оказание сопротивление терроризму. Сейчас эта международная проблема не ограничена определенными географическими рамками. Главная цель террористических актов – наибольшее количество жертв среди населения, причинение другого существенного вреда странам и привлечение внимания международной общественности. Поэтому, международное сообщество в лице суверенных государств мира активно разрабатывает механизмы противостояния данному явлению, поскольку права и свободы человека, в свою очередь составляющие одну из первооснов любого современного демократического государства, зачастую становятся главной мишенью терроризма.

Проанализировав отношение США к проблеме, поднимаемой в данной статье, нам необходимо признать, что борьба с терроризмом становится более эффективной тогда, когда спецслужбы действуют на шаг впереди, предотвращают теракты, а не реагируют на случившиеся трагические события. С учетом интернет-технологий и активности в информационной среде экстремистских организаций, очевидно, что без определенного контроля трудно достичь ожидаемого результата. Вмешательство в частную жизнь – это неизбежное и необходимое последствие от расширения полномочий правоохранительных органов по профилактике преступной деятельности. Как мы уже говорили, законодатель имеет право использовать ограничение прав и свобод в условиях противодействия таким проблемам как терроризм во благо безопасности общества, но при чётком соблюдении условий законности введенных ограничений, а также их согласования с международно-правовыми нормами. Ко всему, ограничениям должен быть присущ временный характер и оправдываться целями их введе-

ния, они должны осуществляться в определенных необходимых пределах и с использованием законных и оправданных средств.

Всякие меры, направленные на борьбу с терроризмом, в особенности если они доказали свою пользу, могут быть внимательно проанализированы российским законодателем. С учетом требований Российской Конституции, особенностей правовой системы, те или иные меры, возможно, могут найти свое воплощение и в наших, отечественных, законодательных актах, направленных на противодействие терроризму. В России особую актуальность данная проблема приобрела в связи с относительно недавними событиями в столице Республике Северная Осетия - Беслане, тем самым, на первое место выдвинув общественную безопасность и в нашей стране. В данном контексте мы напрямую подходим к проблеме ограничения прав человека в целях общественной безопасности, предотвращения несоразмерного ущерба общественной жизни и общественной безопасности

Обратимся к конституционным положениям, отражающим институт ограничения прав и свобод человека. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ гласит: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»[1]. Ограничения прав и свобод индивида в лице государства подразумевают решение таких задач, как: обеспечение личной безопасности; обеспечение внутренней и внешней безопасности общества и государства; поддержание правопорядка; создание благоприятных условий для экономической деятельности и охраны всех форм собственности; учет минимальных государственных стандартов по основным показателям уровня жизни; культурное развитие граждан.

Очевидно, что смыслом правового ограничения является побуждение социума в лице определенных индивидов к социально полезному поведению, с одной стороны, и сдерживанию социально негативного поведения - с другой. Так, наглядна специфика ограничений государством прав и свобод индивидов: права ограничиваются во имя предотвращения противозаконных посягательств на полноценную реализацию прав и свобод индивидов.

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 21 июля 2014 г. — Доступ из справ.— правовой системы «КонсультантПлюс».

Отсюда можно вывести два принципиальных условия ограничения прав и свобод граждан: предусмотрены законом конкретного государства и соответствуют нормам международного права. Эти требования должны стать базой для разработки определенного антитеррористического законодательства, а принятие законодателем жестких мер для предупреждения террористической деятельности на территории страны, связанных с ограничением прав и свобод индивида, обязано в точности соответствовать нормам Конституции и не выходить за её границы. Если же под действием обстоятельств появляется необходимость в более жестких подходах к вопросу ограничения прав и свобод индивида, то в таком случае надлежит вносить соответствующие поправки в Конституцию.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит сказать, что используя разные меры по борьбе с терроризмом, необходимо принимать во внимание обязательство уважать права индивида, в частности такие, как недопущение дискриминации, свобода объединения и свобода выбора конфессии, а также судебные гарантии, которые включают в себя презумпцию невиновности, право на объективный и беспристрастный суд, на защиту и т.д.

Противодействие терроризму и доскональная защита прав человека — приоритеты, которые не противоречат друг другу и которые являются неотделимой частью единого длительного противостояния за мир и безопасность. Тем не менее, к сожалению, стоит признать, что порой государственный ответ терроризму может непроизвольно нарушить права и свободы, которые оно, свою очередь, призвано защищать, а также представить угрозу мировой безопасности.

Международно-правовые нормы, а также созданные на их базе нормы внутригосударственного характера, регулирующие законное ограничение прав и свобод человека, в свою очередь направлены на предотвращение подобных нарушений и по своей правовой сути призваны поддерживать сохранение безопасности и мир. В ситуациях, когда государства все же вынуждены прибегать к законным ограничениям прав и свобод человека с целью обеспечения общественной безопасности и противодействия терроризму, их действия, как уже ранее говорилось ранее, должны быть оправданы объективными условиями и должны быть остро необходимы в определенной ситуации. В противном же случае никакие ограничения прав и свобод человека недопустимы.

СЕКЦИЯ XIII

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 341.94

А.Г. АЛЬБИЦКИЙ,
А.Г. МИРОШНИЧЕНКО

научный руководитель
доцент Е.Е. АМПЛЕЕВА

ФОРС-МАЖОРНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ КОРОНАВИРУСА (COVID-19)

Pacta sunt servanda – именно так звучит один из фундаментальных, признаваемый практически всеми правовыми системами принцип обязательности договора. Он гласит, что сторона по договору принимает ответственность за неисполнение взятого обязательства, даже если причина неисполнения не прописана в договоре и, более того, не могла быть предусмотрена во время подписания договора. Вместе с тем, порой на практике доскональное исполнение этого принципа может привести к противоположному цели его существования результату. Так, стороны, действуя как разумные люди, могли бы не заключать данное соглашение или заключить его на иных условиях, если бы знали о наступлении изменений или могли их предвидеть[1].

Подобное предположение наиболее актуально именно для международной торговли, где большинство существующих правоотношений имеют сложную структуру, существуют в течение длительных временных промежутков и предметом которых могут

[1] Цит. по: Кондратьева Е.М. Форс-мажорная оговорка во внешнеторговом контракте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – С. 238.

являться блага крайне существенных размеров. Стоит отметить, что международных торговых сделки, и так обладающих рисковым элементом в силу своей предпринимательской природы, предполагается наличие ещё большего количества неустойчивых, непостоянных факторов в силу того, что стороны подчинены политическим и экономическим веяниям своих государств.

Проблема подчинения договорным обязательствам, освобождения от них в силу непредвиденных обстоятельств издревле известна юридическому сообществу. Существует возможность урегулирования международных частноправовых отношений с помощью норм различных экономико-правовых систем, имеющих различные концепции определения невозможности исполнения обязательств. Вместе с тем разнообразие и часто встречающаяся неопределённость в определении обстоятельств, позволяющих не нести ответственность при невозможности исполнения обязательств, свидетельствуют о неурегулированности института форс-мажорных обстоятельств, чьи нормы в непредвиденных обстоятельства имеют ключевое значение.

В современном международном частном праве существует серьёзная правовая проблема: до сих пор отсутствует «обязательный и законченный перечень форс-мажорных обстоятельств, которого нет ни в национальном законодательстве, ни в нормах международного права»[1], следовательно, между непосредственными участниками международных правоотношений всегда возможны разногласия относительного того, считать ли то или иное событие форс-мажором или нет. Вместе с тем, с одной стороны, pacta sunt servanda – именно так звучит один из принципов международного права, предполагающий обязательность исполнения сторонами добровольно взятых на себя обязательств, а, с другой стороны, в действительности, стороны не всегда в состоянии исполнить свои обязательства из-за возникновения независящих от их воли обстоятельств чрезвычайного характера.

Обратимся к нормам международного права. В ст. 79 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. говорится, что всегда существует возможность

[1] Цит. по: Зацепина Т.Н., Нагорная Э.Н. Форс-мажор в судебно-арбитражной практике на пространстве СНГ: сравнительный анализ норм национального законодательства и международного частного права экономическим судом СНГ (Часть 2) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – № 3. – С.137. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fors-mazhor-v-sudebno-arbitrazhnoy-praktike-na-prostranstve-sng-sravnitelnyy-analiz-norm-natsionalnogo-zakonodatelstva-i-1/viewer (дата обращения: 13.03.2020).

освобождения одной из сторон договора от исполнения обязательства, в случае если она сможет доказать, что «оно было вызвано препятствием вне её контроля и что от неё нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчёт при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий»[1]. Указанную норму следует считать общепризнанной в сфере международного частного права при возникновении обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажора). Однако заметим, что в ст. 79 Конвенции не отмечены критерии для определения наличия обстоятельств непреодолимой силы.

Не существует однозначного определения критериев форс-мажора и в доктринах международного частного права. Так, например, Э.Э. Первиц в своё время выделял субъективную и объективную теории (непреодолимой силы) форс-мажора. Однако сам же автор приходит к выводу, что то под «непреодолимой силою, освобождающею лицо от ответственности, несмотря на существование внешней причинной связи между вредом и означенным лицом, следует понимать не всякое неотвратимое (вообще или для данного лица) событие или не всякую непредотвратимую причину вреда (например, дождь, испортивший груз; мороз, повредивший колесо вагона; молния, причинившая пожар), но лишь такое событие или такую причину, которая равносильна физическому принуждению лица к причинению или допущению вреда»[2]. Другими словами, во главу угла, как и в субъективной теории, ставится вопрос отсутствия или наличия вины сторон, что, думается, не в полной мере раскрывает суть феномена непреодолимой силы. Иные современные правоведы рассматривают непреодолимую силу с одной стороны как объективное стихийное или социальное обстоятельство, с другой – как основание освобождения от ответственности, другими словами, граница ответственности, тем самым предлагая синтез субъективной и объективной теорий[3].

---

[1] Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вена 11.04.1980) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2020).

[2] Цит. по: Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2010.– № 6. – С. 186, 193.

[3] Дмитриева О.В. Ответственность без вины в гражданском праве: Учеб. пособие. Воронеж. – 1997. – С. 88, 96.

Если же в поисках критериев форс-мажора (непреодолимой силы) обращаться к национальному законодательству[1], появляются неизбежные трудности в её практическом применении, по причинам разрозненности национальных правовых систем различных государств.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Кондратьева Е.М., при создании текста Венской конвенции 1979 года для придания ей гибкости использовали абстрактные категории, в частности вместо понятия «форс-мажор», «непреодолимая сила» вводится категория «препятствие», выражение «вне контроля» вместо слова «вина»[2]. Поэтом представляется разумным обратиться к некоторым практическим примерам.

Рассмотрим конкретную ситуацию, связанную с масштабным распространением коронавирусной инфекции COVID-19 в конце 2019 и начале 2020 г. и, на ее примере, попытаемся определить, возможно ли считать распространение коронавируса обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором) в общеправовом смысле.

Так, п.4 § 54 «Общих условий поставок товаров из СССР в КНР и из КНР в СССР» от 13.03.1990 г. настоятельно требует «о наступлении обстоятельства непреодолимой силы сторона, для которой создалась возможность выполнения контракта, должна немедленно известить другую сторону в надлежащей форме»[3]. Исходя из этого, следует сделать вывод, что первоначальный момент уведомления иностранного контрагента зависит лишь от того, когда противоположная сторона оценит возникшие трудности для реализации контракта как обстоятельство непреодолимой силы. Следовательно, существует вероятность, что одна из сторон попытается злоупотребить сложившейся ситуацией в свою пользу, объявив о возникновении форс-мажора до того, как исполнение договорных обязательств оказалось невозможным или

[1] Информация по результатам изучения национального законодательства, норм международного частного права и материалов судебной практики по установлению форс-мажорных обстоятельств при разрешении хозяйственных (экономических) споров. – С.22. – URL: http://sudsng.org (дата обращения: 13.03.2020).

[2] Цит. по: Кондратьева Е.М. Форс-мажорная оговорка во внешнеторговом контракте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – С. 240.

[3] Общие условия поставок товаров из СССР в КНР и из КНР в СССР. – Пекин. – 1990. – URL: https://chinalaw.center/international_treaties/china_ussr_general_conditions_of_delivery_1990_russian/ (дата обращения: 13.03.2020).

же, наоборот, отсрочить объявление форс-мажора, тем самым значительно ухудшив положение контрагента. В случае, как обоснованно отмечает Д. Куликов, когда «оставалась возможность выполнить поставку, пусть и дорогостоящим способом, коронавирус будет признан не препятствием, а затруднением»[1]. Таким образом, контрагенту необходимо правильно определить именно тот момент времени, после наступления которого исполнение существовавшего ранее обязательства в полной мере не представляется возможным. Pacta sunt servanda, как принцип, предполагает обязательность исполнения сторонами своих обязательств по международному коммерческому контракту, но на практике это не всегда получается реализовать.

В соответствии с законодательством КНР «…сторона, которая желает сослаться на появление форс-мажора, должна обратиться за сертификатом (свидетельством) в соответствующий орган страны, где и возникло обстоятельство неопределимой силы»[2]. В КНР таким органом является Китайский комитет содействия развитию международной торговли (ККСРМТ), современный аналог российской Торгово-промышленной палаты. В результате нарастающей пандемии, по официальным данным, на 21.02.2020 г. ККСРМТ выдал более 1600 сертификатов для подтверждения наличия обстоятельств форс-мажора[3] в связи с распространением коронавирусной инфекции нового типа, однако сам механизм реализации указанных положений не представляется однозначным.

По мнению многих российских правоведов, на форс-мажорные обстоятельства возможно ссылаться лишь в том случае, если контрагент сможет доказать невозможность исполнения договора именно в связи с распространением коронавируса COVID-19[4].

---

[1] Цит. по: Куликов Д. Коронавирус и срывы сроков поставки товаров: что делать? – 2020. – URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/kulikov/1331565/ (дата обращения: 13.03.2020).

[2] Цит. по: Как вести бизнес с Китаем в условиях чрезвычайной ситуации. – 2020. – URL: https://news.tut.by/economics/674226.html (дата обращения: 13.03.2020).

[3] Там же.

[4] Цит. по: Изотов А. Бизнесу придётся доказывать влияние коронавируса на невыполнение контрактов для признания форс-мажора – юристы. – URL: https://interfax.com.ua/news/economic/645135.html (дата обращения: 13.03.2020).

Например, французская нефтяная компания Total не согласилась с предложением Китайской национальной оффшорной нефтяной компании признать вспышку коронавируса форс-мажорным обстоятельством, позволяющим приостановить выполнение контракта[1], так как «карантин» не был введен во всех портах погрузки и разгрузки на территории КНР. Следовательно, Total не считает доказательством признания наличия форс-мажора сертификаты, предоставленные китайской стороной, а это означает, что обе стороны ждут судебные иски и разбирательства.

Приведем обратный пример. Вице-президент Торгово-промышленной палаты России В.И. Падалко считает «обоснованным введение определённого форс-мажора в сфере внешнеэкономической деятельности с Китаем по контрактам, которые подлежат исполнению в настоящий период»[2], а значит, сама инициатива о приостановлении исполнении обязательств принадлежит не только представителям наиболее пострадавшей стороны.

Таким образом, если на начальном этапе распространения коронавирусной инфекции на территории КНР не существовало общего подхода для определения наличия форс-мажорных обстоятельств, то в настоящий момент указанный форс-мажор соответствует всем критериям, которые установлены правом, используемым по соглашению сторон в заключённом ранее контракте[3]. Однако, как показывают примеры из международной практики, контрагенты не всегда с доверием относятся к наличию у одной из сторон непреодолимой силы, ведь в нормах национального права не указан исчерпывающий перечень форс-мажорных обстоятельств. Учитывая это, необходимо доработать нормы двусторонних и многосторонних международных договоров для более чёткого определения критериев объявления форс-мажора во внешнеторговой договорной практике.

---

[1] Коронавирус приводит к перебоям в цепочках поставок и к «форс-мажорным обстоятельствам» // Казахстанский портал о страховании. – 2020. – URL: http://www.insur-info.ru/press/153322/ (дата обращения: 13.03.2020).

[2] Цит. по: Падалко В.И. ТПП просит сдвинуть сроки исполнения бизнес-контрактов с Китаем из-за коронавируса. – URL: https://tass.ru/ekonomika/7670297 (дата обращения: 13.03.2020).

[3] Курило Ю. Теория форс-мажоров: как доказать обстоятельства непреодолимой силы в разных странах. – 2020. – URL: https://mind.ua/ru/openmind/20193086-teoriya-fors-mazhorov-kak-dokazat-obstoyatelstva-nepreodolimoj-sily-v-raznyh-stranah (дата обращения: 13.03.2020).

УДК 341.16

М.А. АРТЕМЬЕВА,
Д.А.ФЕДЕЙКИНА

научный руководитель
доцент Р.В. ВИННИКОВА

ПРЕДЕЛЫ ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ДОСТАТОЧНОСТЬ

В 2019 году Европейский Суд по правам человека вынес 198 решений по жалобам против Российской Федерации. Из них 43 решения касались нарушений права на эффективные средства правовой защиты, гарантированного статьей 13 Европейской конвенции. Нарушение данного права входит в пятерку самых частых нарушений по делам против России. И не только в прошлом году. С 1959 г. по 2019 г. насчитывается 2 699 обращение российских граждан, из которых нарушение права на эффективное средство правовой защиты составляет 633 жалоб[1]. В связи с этим представляется актуальным анализ содержания права на эффективные средства защиты и практики её применения Европейским Судом и на национальном уровне.

Система Европейской конвенции в целом рассматривает средства правовой защиты в целях подкрепления материальных прав человека. Контрольный механизм, созданный на основе Конвенции, обладает процессуальной направленностью. Предметом международного контроля и его отправной точкой, как правило, являются внутренние средства правовой защиты. В делах по нарушению материальных прав, которые закреплены Конвенцией, международное рассмотрение сфокусировано на результате применения относящихся к делу внутренних процедур, а в делах по нарушению процессуальных прав - непосредственно на организации и проведении процедур. Следует заметить, что процессуальные нормы европейского права не являются самостоятельными в отличие от материальных, поскольку факт их применения обусловлен необходимостью наличия нарушения права или предполагаемого факта нарушения права. В то же время материальные нормы формулируются без ссылки на специальные средства правовой защиты, так как существование таких средств предпо-

[1] The table «Violations by Article and by State» - 2019. – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_ 2019. ENG.pdf

лагается Конвенцией. Это следует из п. 1 статьи 35 ЕКПЧ, в соответствии с которым подаче жалобы в Европейский суд должно предшествовать исчерпание всех имеющихся внутренних средств правовой защиты.

Реализация данного конвенционного положения осложняется тем, что перечень эффективных средств правовой защиты отсутствует, его нет ни в Европейской Конвенции по правам человека, ни в национальном законодательстве государств. Требования, выработанные в ходе осуществления практической деятельности Европейским Судом по правам человека, о том, какие средства правовой защиты должны существовать в государстве, и где проходит грань исчерпания внутренних средств правовой защиты, формируется благодаря критериям, которые определяют эффективность средств правовой защиты, зависящие от специфики конкретного нарушения. К ним относят доступность, целесообразность и действенность средства правовой защиты. Собственно, именно эти критерии и определяют пределы исчерпания внутренних средств правовой защиты, необходимые и достаточные для обращения с жалобой в Европейский Суд по правам человека.

Доступность обусловливается отсутствием ограничений в применении средства правовой защиты. Целесообразность раскрывается как предполагаемый положительный исхода дела, наличие шанса на разрешение создавшейся ситуации в пользу заявителя. Действенность средства правовой защиты предполагает способность удовлетворить существующие претензии. Применяемое средство защиты должно формировать обязательные прямые правовые последствия, то есть должно обладать способностью само по себе гарантировать искомый результат, а также исправить ситуацию непосредственно, а не косвенно.

Примерами, где в качестве основного нарушения рассматривается ст. 13 Конвенции, могут являться следующие Постановления и решения Европейского суда по правам человека

Дело № 35210/16 «Степанов и другие против России»[1]. Жалоба была подана на основании ст. 3 ЕКПЧ, требования относились к установленным нормами условиям содержания в СИЗО. Заслуживает внимания, что обращающиеся в своих жалобах использовали в обосновании своих требований в основном ст. 3 и 5 ЕКПЧ, и лишь 3 человека из 7 обратившихся в своих доводах указали

[1] Подборка решений Европейского суда (ЕСПЧ) по делам с устоявшейся судебной практикой. – 2018. – URL: http://european-court-help.ru/podborka-reshenii-evropeiskogo-suda-espch-po-delam-s-ustoiavsheisia-sudebnoi-praktikoi/

ст. 13 ЕКПЧ. Дело в том, что право на эффективное средство правовой защиты, закрепленное в ст. 13 Конвенции, обуславливает цель исключить такие ситуации, когда заявитель в случае нарушения его прав не имеет средств правового воздействия на национальный государственный (в том числе судебный) орган, деятельность которого нарушает его права, установленные Конвенцией и Протоколами к ней[1]. Указанный судебный прецедент является примером того, что для применения ст. 13 ЕКПЧ основанием послужили ст. 3 и 5 ЕКПЧ. В качестве отсутствия эффективного средства правовой защиты выступает игнорирование жалоб лиц, находящихся в СИЗО как судебными органами, так и органа исполнительной власти ФСИН.

Тем самым, определив отсутствие в российской правовой системе эффективных средств правовой защиты, которые имели бы возможность пресечь затягивание судебного разбирательства или принудительного исполнения окончательного судебного решения, Европейский суд подчеркнул, что в подобных условиях допускаемые государственными органами нарушения разумного срока, вытекают в структурную проблему, и в связи с чем требуют принятия «исчерпывающих и сложных мер, возможно, законодательного и административного характера, затрагивающих различные органы государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровне»[2] . Проведя анализ дела, приведенного выше, имеется возможность сформулировать следующий вывод: граждане (подозреваемые и обвиняемые), к которым была применена такая мера как содержание под стражей, были практически лишены возможности устранить негативные условия содержания в СИЗО путем обращения к государственному органу, что в свою очередь является моментом исчерпания национальных средств и запускает процедуру обращения в ЕСПЧ.

Центральное место среди внутригосударственных средств правовой защиты занимает обращение в судебные инстанции. Но не каждое обращение будет соответствовать критериям доступности, целесообразности и действенности. Считается верным мнение, что исчерпание эффективных средств правовой защиты заканчивается использованием кассационного производства или же

[1] Рожкова М., Афанасьев Д. О присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок (на основе анализа судебной практики по гражданским делам) // Журнал: «Хозяйство и право». – 2014. – № 6.

[2] Постановление от 15.01.2009 по делу «Бурдов против России» (№ 2) (Burdov v. Russia), жалоба № 33509/04 // СПС «КонсультантПлюс».

использование такой экстраординарной стадии как обращение к Председателю или заместителю председателя кассационной инстанции. Что касается надзорной стадии, обращение в надзорную инстанцию не является эффективным средством правовой защиты, так как «не в равной мере доступно каждому»[1], а также не содержит сроков для рассмотрения обращений, тем самым порождая правовую неопределенность.

Примером такой неопределенности является дело «Батаев и другие против России»[2]. Десять заявителей – граждане Российской Федерации – являются членами шести семей. Семеро мужчин, являющиеся родственниками, заявителей были задержаны в городе Грозном и его окрестностях в ходе двух различных происшествий, имевших место в 2000 году, после чего они пропали без вести. В лице государства существовало препятствие на реализацию эффективного средства правовой защиты, выражавшееся в том, что дело о пропаже было возбуждено лишь в 2004 году (другими словами, через 4 года после пропажи).

Аналогичным примером может служить дело, рассмотренное ЕСПЧ – «М.А. и другие против Литвы»[3]. По материалам постановления Европейского суда по правам человека от 11 декабря 2018 года заявителями по делу являлась семья из семи граждан Российской Федерации, ранее проживавшая в Чеченской Республике. В Европейском Суде заявители жаловались на то, что в период с апреля по май 2007 года они трижды делали попытку подать ходатайства о предоставлении убежища, однако каждый раз пограничные власти Литвы отказывались принять указанные ходатайства и возвращали заявителей в Республику Беларусь. В дальнейшем заявителям удалось подать ходатайство о предоставлении убежища, и они были допущены в центр по приему беженцев в Польше, где ожидали принятия решения.

Правовой основой решаемого вопроса выступали ст. 3 и ст. 13 Конвенции, при этом стоит отметить, что в судебном постановлении ст. 13 рассматривалась, только как самостоятельная норма и не имела взаимосвязи с другими статьями как в приведённых выше примерах. По делу было допущено нарушение требований

[1] Решение по вопросам приемлемости жалобы «Тумилович против России» (Tumilovich v. Russia), жалоба № 47033/99 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Батаев и другие против России» (BatayevandOthers v. Russia) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Информация о Постановлении ЕСПЧ от 11.12.2018 по делу «М.А. и другие (M.A. and Others) против Литвы» (жалоба № 59793/17) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2019. – № 6.

статьи 3 Конвенции (принято четырьмя голосами «за» при трех – «против»), а также наблюдалось затягивание сроков. Европейский Суд постановил четырьмя голосами «за» при трех – «против». Наличие нарушений ст. 13 Конвенции проявилось в том, что обжалование в административном порядке отказа во въезде не являлось эффективным внутригосударственным средством правовой защиты по смыслу Конвенции.

Следует обратить внимание и на то, что «п. 1 ст. 35 Конвенции говорит только о внутригосударственных средствах правовой защиты: он не требует исчерпания средств правовой защиты в рамках международных организаций. Напротив, в случае представления дела заявителем на рассмотрение иного наднационального органа в соответствии с другой процедурой международного расследования или урегулирования, жалоба может быть отклонена на основании пп. b п. 2 ст. 35 Конвенции. В связи с этим ЕСПЧ самостоятельно решает вопрос о том, является ли та или иная инстанция национальной или международной».[1]

Положения ст. 13 Конвенции закрепляют, что во внутреннем правовом порядке должны присутствовать эффективные средства защиты от нарушений прав, гарантированных Конвенцией и, прежде всего, задача правила исчерпания внутренних средств правовой защиты состоит в том, чтобы дать возможность национальным органам (прежде всего судам) предотвратить либо исправить предполагаемое нарушение Конвенции. Именно поэтому можно говорить о том, что характер установленного Конвенцией механизма является субсидиарным.[2]

Если ситуация такова, что в распоряжении заявителя имеется несколько потенциальных эффективных средств правовой защиты, то ему необходимо использовать лишь одно из них[3]. Если же одно средство было использовано, то обращения к другому средству, задача которого практически совпадает с задачей первого, не требуется[4]. Выбор наиболее подходящего средства защиты остается лишь за заявителем. И только в том случае, если национальное право предусматривает несколько параллельных средств защиты, различных по своей правовой природе, то от

[1] Application no. 41183/02, Jelicic v. Bosnia and Herzegovina, judgment of 31 October 2006.

[2] Application no. 25803/94, Selmouni v. France, judgment of 28 July 1999.

[3] Application no. 65681/01, Moreira Barbosa v. Portugal, judgment of 21 December 2004.

[4] Application no. 29787/03, Riad and Idiab v. Belgium, judgment of 24 January 2008.

заявителя, который попытался добиться устранения предполагаемого нарушения Конвенции путем обращения к одному из этих средств, не следует непременно требовать обращения к иным средствам защиты, которые по своему принципу работы выполняют ту же задачу[1].

Следует отметить, что так же существуют моменты, когда не требуется исчерпания средств правовой защиты.

В корреспонденции с общепринятыми принципами международного права заявитель может при конкретных условиях освобожден от прямой обязанности исчерпывать доступные внутренние средства защиты.[2].Условие об исчерпании не используется только в случаях, если ранее доказано наличие административной практики, выражающейся в повторении нарушающих Конвенцию деяний, а также попустительстве официальных властей, которая обращает любую процедуру в напрасную или неэффективную.[3] В процессах, где требование к заявителю применять какое-либо средство стало бы на практике неразумным, а также сформировало бы несоразмерные препятствия с целью реализации гарантированного ст. 34 Конвенции права на индивидуальное обращение, Суд принимает решение, что заявитель освобождается от прямой обязанности применять данное средство.[4] В случае если за обращение в ту или иную инстанцию взимается штраф в зависимости от итога рассмотрения дела и этот штраф никоим образом не сопряжен с злоупотреблением или нарушением, то такая инстанция уже прекращает расцениваться обязательной для использования.

Таким образом, пределы исчерпания внутренних средств правовой защиты являются очень подвижными и зависят одновременно от многих факторов: оценки Европейским Судом национального процессуального законодательства, правоприменительной практики, конкретных обстоятельств дела и др. При этом соблюдение требования об исчерпании внутренних средств остается одним из главных условий обращения в Европейский суд по правам человека, являющийся признанным эффективным средством правовой защиты только уже на международном уровне.

---

[1] Application no. 45744/08, Jasinskis v. Latvia, judgment of 21 December 2010.
[2] Application no. 56581/00, Sejdovic v. Italy, judgment of 1 March 2006.
[3] Application no. 21987/93, Aksoy v. Turkey, judgment of 18 December 1996.
[4] Application no. 31508/07, Veriter v. France, judgment of 14 October 2010.

УДК 347

Р.Э. БОЙКО

научный руководитель
доцент О.М. КУНИЦКАЯ

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЕАЭС И ЕГО СТРАН-УЧАСТНИЦ

В отсутствии системного подхода к установлению определения электрической энергии открываются пути для возникновения правовых пробелов и коллизий и дестабилизации гражданского оборота. Для того, чтобы правильно понимать и разрешать практические правовые проблемы, необходима их глубокая теоретическая проработка, выражающаяся в раскрытии их сущности[1].

В Федеральном законе от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» правовое понятие «электроэнергии» в широком смысле не раскрывается. В то же время, электрическая энергия и мощность определяются в качестве «особых товаров».

В проекте закона Республики Беларусь «Об электроэнергетике» статус правового закрепления имеет понятие электроэнергетики, включающее в свое обозначение электрическую энергию. Однако правового закрепления последнего определения, как ни странно, нет.

Понятие «электроэнергия» не закреплено ни в Законе Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 588-II «Об электроэнергетике», ни в Законе Республики Казахстан от 13 января 2012 г. № 541-IV «Об энергосбережении и повышении энергоэффективности».

В Межгосударственном стандарте ГОСТ 19431–84 «Энергетика и электрификация», утвержденном Постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 27 марта 1984 г. № 1029 содержится определение электроэнергетики. Под ним понимается раздел энергетики, обеспечивающий электрификацию страны на основе рационального расширения производства и использования электрической энергии. Но последнее понятие не раскрывается.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., понятие «электрической энергии» не закреплено, однако, согласно ст. 79 данного Договора она относится к энергетическим ресурсам.

[1] Двинин О.А. Вопросы теории и практики договора электроснабжения в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. – 2006. – С. 5

В научной технической литературе существует предложение рассматривать электрическую энергию в качестве материального энергоресурса, который производится в энергетическом источнике методом преобразований первичных природных энергоресурсов в упорядоченное движение электрических зарядов и электромагнитных полей – электрический ток. По мнению авторов, сформировавших такое определение электроэнергии, оно проявляется, во-первых, как материальное образование (вещества и/или поля), во-вторых, производной первичных энергоресурсов, в-третьих, разновидностью вторичных энергоресурсов, в-четвертых, она распространяется в виде электрического тока от производителя к потребителю, и ее процессы производства и потребления взаимосвязаны и взаимообусловлены[1].

В Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК) термин «электрическая энергия», сам по себе не выделяется, а входит в понятие энергии. Согласно статье 510 ГК, по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии. Данный договор рассматривается, как отдельный вид договора купли-продажи.

Можно сделать заключение о том, что под энергией понимается движимое имущество (вещь, товар, продукция).

Вышеупомянутый проект закона Республики Беларусь «Об электроэнергетике» предполагает тот факт, что электрическая энергия является товаром, а договор электроснабжения относится к отдельному виду договора энергоснабжения. Однако, в ряде нормативных актов Республики Беларусь электрическая энергия рассматривается как услуга энергоснабжения, продажа электрической энергии осуществляется на основании тарифов, в том числе на коммунальные услуги. По нашему мнению, из видов жилищно-коммунальных услуг требуется исключить электроснабжение, так как под термином «электроэнергия» определяют не услугу, а непосредственно товар.

По п. 2 Правил электроснабжения, утвержденных Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября

[1] Гуртовцев А.Л., Толок И.Е. О правовом статусе электроэнергии в Республике Беларусь // Электрика. – 2006. – № 12. – С. 4.

2011 г. № 1394 (далее – Правила электроснабжения) необходимость утверждения Правил обусловливается спецификой снабжения и пользования электрической энергией исходя из условия, что электрическая энергия и мощность являются товаром, который производится, передается, распределяется и потребляется в республике. Согласно п. 3 Правил электроснабжения, под термином «электрическая энергия (активная)» понимается материальный энергоресурс, производимый энергоисточником путем преобразования первичных природных и других топливно-энергетических ресурсов в упорядоченное движение электрических зарядов и электромагнитных полей – электрический ток, имеющий особые потребительские качества и физико-технические характеристики, которые определяют необходимость регламентации использования активной электрической энергии как товара.

При сложившихся обстоятельствах для устранения различных толкований требуется правовое закрепление исследуемого понятия в одном из основополагающих актов электроэнергетики, а именно в проекте закона «Об электроэнергетике», раскрывающего всю специфику и особенности электроэнергии.

На данный момент в юридической литературе также отсутствует единый подход к определению электроэнергии, и проблема установления ее места в системе объектов гражданских прав остается неразрешенной[1].

По мнению И.А. Лукъянцевой, энергия не является вещью, хотя является объектом гражданских прав и особым товаром, важные свойства, создающие ограничения по его использовнию в гражданском обороте[2].

Согласно собственным физиологическим свойствам электроэнергия и мощность до такой степени специфичны, что отнесение их к тому или иному виду объектов может быть только исходя из их характеристик как особых видов имущества, без признания их объектами права собственности. Мощность и электрическая энергия являются движимым имуществом по решению законодателя распространить на эти специфические объекты особенности правового режима, устанавливаемого для движимых вещей, а не в силу признания объектами права собственности[3].

---

[1] Тебенькова С.А. Электрическая энергия как объект гражданских прав // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право» . – 2013. – № 4. – С. 185.

[0] Лукъянцева И.А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав // Журнал российского права. – 2008. – № 3. – С. 61.

[3] Матиящук С.В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского прав. –. 2008. – № 12. – С. 97.

По мнению П.Г. Лахно, под энергией рассматривается самостоятельное явление материального мира и независимый объект гражданских прав, не тождественный имуществу[1].

Необходимо учитывать привязку энергии к конкретным субъектам правоотношений, источникам, средствам получения и передачи через присоединительную сеть должной энергии, в таком случае необходимо предусмотреть необходимое единое урегулирование всех отношений, которые связаны энергией. Энергия является товаром особого рода, обращение которого должно быть подчинено конкретным правилам[2].

На сегодняшний день вышеупомянутый подход не был реализован в действующем законодательстве. Для того, чтобы претворить его в жизнь, необходимо внести изменения, в том числе в ст. 128 ГК, закрепить энергию как самостоятельный объект прав. Необходимо отметить, что изменения обязаны быть комплексными, в данном случае, введения нового объекта прав считается недостаточным, по причине того, что на настоящий момент регламентация правоотношений в сфере энергетического права обширна, и сосредоточена преимущественно в специальном законодательстве. До внедрения изменений в действующее законодательство, более логичным является помещение энергии в вид «иное имущество» в качестве объекта особого рода и распространение на нее имущественного правового режима.

С.А. Свирков под энергией в целом предлагает понимать особый, новый вид объектов гражданских прав, который в свою очередь не укладывается в установленную законодательством систему объектов прав и требует особого правового режима[3].

Отметим немаловажный факт, что непосредственно трактовка квалификации электроэнергии в качестве вещи, как правильно указано в литературе, не обозначает овеществления таковой. Поэтому, речь идет о обширно использующемся приеме так называемой юридической фикции, которая в свою очередь приводит к использованию в обороте энергии инструментов, которые свойственны для оборота товаров вещной природы[4].

---

[1] Лахно П.Г. Энергия как объект правового регулирования // Экология и энергетика. – 2007. – № 40. – С. 11.

[2] Матиящук С.В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 96.

[3] Свирков С.А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения. Дис. д-ра юрид. наук. – М. – 2019. – С. 104.

[4] Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор. – 2010. – С. 30.

Таким образом, в правовой литературе отмечается наличие четырех концепций: вещной, обязательственной, смешанной и автономной, и предлагается определять энергию (в первую очередь – электрическую) в качестве самостоятельного объекта гражданских и иных прав[1]. Имеются иные точки зрения.

Электроэнергетика, как мы знаем, является базовой отраслью экономики страны, однако, если мы рассматриваем непосредственно ее продукцию – электрическую энергию, то отсутствие определения в законодательстве является безусловным препятствием для определения ее правового статуса, наряду с этим следует определить место энергии в системе объектов гражданских прав в ст. 128 ГК.

УДК 341.1/.8

Г.В. ГАЛЕКБАРОВ,
И.Н. МИХАЙЛОВ

научный руководитель
доцент М.В. ДАВЫДОВА

ПОЗИЦИЯ ООН ПО ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В КОСОВО: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Косовский конфликт, продолжающийся по факту и в настоящее время, достиг своей крайней точки в так называемой Косовской войне, вспыхнувшей в феврале 1998 г. между албанскими повстанцами и Союзной Республикой Югославией. Боевые действия были инициированы косовскими албанцами, стремившимися к независимости Косова и Метохии, и привели к многочисленным жертвам среди гражданских лиц с обеих сторон.

Однако причины этого противостояния зародились ещё задолго до 1998 г. Данный конфликт начался на религиозной почве. Состав населения Косова и Метохии ещё до Второй мировой войны был смешанным, состоящим из албанцев-мусульман и сербов-христиан. Несмотря на длительное совместное проживание, отношения между ними были крайне враждебными. По окончании Второй мировой войны эти территории были насильственно присоединены к Югославии, хотя большинство жителей относилось к этому крайне отрицательно. Их не удовлетворил даже

[1] Куницкая О.М., Каменков В.С. Объекты общественных отношений в сфере энергетики (частноправовой аспект) // Юстиция Беларуси. – 2018. – №9. – С. 54.

формально предоставленный в 1963 г. статус автономии, и после смерти главы государства И. Б. Тито они выступили с требованием предоставления независимости. Несмотря на требования населения, в конце 80-х автономия была ликвидирована, а властные полномочия были переданы Белграду[1].

Албанское население бойкотировало новую власть и в 1990 г. учредительное заседание самопровозглашенного парламента Косово приняло декларацию о независимости, а затем – Конституцию Республики Косово[2]. В 1991 г. состоялся непризнанный Белградом референдум, на котором албанское большинство высказалось за независимость края. В мае 1992 г. избраны «парламент» и «президент» так называемой Республики Косово.

Равновесие в Косово было нарушено в феврале 1998 г. В районе Дреницы произошли крупные столкновения войск и полиции с боевиками так называемой Освободительной армии Косово (ОАК), повлекшие многочисленные жертвы, в том числе среди гражданских лиц. В результате интенсивных дипломатических усилий международного сообщества к осени 1998 г. были прекращены крупномасштабные вооруженные столкновения.

6 февраля 1999 г. в Рамбуйе (Франция) на заседании Контактной группы (НАТО и Россия) прошли переговоры между Югославией и косовскими албанцами. США и Великобритания представили проект по урегулированию конфликта, предусматривавший полную политическую автономию края, ввод войск НАТО на его территорию и вывод оттуда югославской армии и сил МВД. Кроме того, в проект был включён пункт об утверждении окончательного статуса Косово через три года на конференции. Югославия отказалась признать такое соглашение (Россия также отвергла), хотя не была против политического урегулирования конфликта[3].

В период с 24 марта по 10 июня 1999 года была проведена военная операция НАТО против Союзной Республики Югославия. Причиной интервенции войск НАТО была названа волна этнических чисток в регионе. Результатом операции было завершение Косовской войны. Контроль над регионом перешёл к силам НАТО и албанской администрации. Прошли этнические чистки среди сербского населения Косова и Метохии.

---

[1] Анашкина А. Г. Этнополитический фактор косовского конфликта // Вестник МГОУ. Серия «Исторические и политические науки». 2014. № 3. С. 53–59.

[2] Там же.

[3] Воробьев С. В., Каширина Т. В. Сербские параллельные структуры власти как элемент урегулирования косовского конфликта // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 2 (8). С. 87–97.

Вышеуказанный анализ исторического аспекта конфликта в Косове позволяет установить причины, ссылаясь на которые, страны НАТО применили международно-правовой механизм принуждения государства, а именно, – применение силы. Однако в отношении законности и обоснованности данных действий в международном сообществе возникает множество вопросов. Так, основное, на что обращается внимание – проведение операции без соответствующей санкции ООН, соответственно, Советом Безопасности ООН эта военная операция должна была квалифицироваться, как агрессия, согласно ст. 39 Устава ООН и с учетом Резолюции 3314 Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии»[1].

В связи с этим по инициативе России состоялось заседание Совета Безопасности ООН 24 марта 1999 г., на котором рассматривался вопрос о незаконности применения силы странами НАТО в отношении Югославии, и 26 марта 1999 г. был предложен проект Резолюции с требованием немедленного прекращения применения силы в отношении Югославии. Резолюция не была принята. Представляется, что в данном случае сыграл свою роль политический фактор, поскольку в Совете Безопасности ООН членов НАТО, безусловно, большее количество.

Позже, 9 июня 1999 г. под давлением войск НАТО в Куманове между представителями Армии Югославии и блока НАТО было подписано Военно-техническое соглашение, основными положениями которого были:

прекращение бомбардировок Югославии странами НАТО;

прекращение боевых действий югославскими силовиками в Косове;

вывод югославской армии и сил МВД с территории Косова в течение 11 дней;

создание на территории Союзной Республик Югославии зоны безопасности вдоль административной границы с Косовом шириной 5 км на суше и 25 км в воздухе;

размещение в крае миротворцев.

Понимая необходимость урегулирования косовского конфликта 10 июня 1999 г. теперь уже Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 1244 (далее – Резолюция) по гл. VII Устава ООН, согласно которой нарушителем международного мира и международной безопасности являлась Югославия.

[1] Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Так, в Резолюции утверждается, что от Югославии требуется немедленно прекратить насилие и репрессии в Косово, а также начать поэтапный вывод военных, военизированных и полицейских сил с территории Косово, а в этот момент синхронизировано должно производиться развертывание международного присутствия по безопасности.

Интересным представляется тот факт, что в Резолюции не упоминается о нарушениях со стороны косовских албанских сил. Таким образом, абсолютно не были учтены нарушения, совершенные с их стороны против сербского населения.

Далее Резолюция предусматривает введение международного присутствия на территории Косово, на которых возлагаются обязанности[1]:

предотвратить возобновление боевых действий, обеспечить соблюдение прекращения огня, а также гарантировать выводы и предотвращение в Косово союзных и республиканских военных, полицейских и военизированных сил, за исключением тех сил, которые необходимы для охраны сербских святынь, разминирования минных полей, поддержания связи с международными силами по вопросам безопасности и несения службы на ключевых погранзаставах;

демилитаризировать вооруженные группы косовских албанцев, т.е. требовать от них прекращения вооруженного наступления;

создать условия безопасности для возращения беженцев в свои дома и для доставки гуманитарной помощи;

обеспечить общественную безопасность;

осуществить надзор за разминированием минных полей;

обеспечить защиту и свободное передвижение своих сил, международного гражданского присутствия;

по мере необходимости выполнить пограничный контроль.

Таким образом, политический и правовой кризис вокруг событий в Косово обозначил серьёзную потребность в получении однозначного ответа на вопрос о том, что важнее: право народа на самоопределение или территориальная целостность государства, в котором эти народы проживают.

Также была отмечена проблема возможности вмешательства третьего государства в дела суверенного государства в случае возникновения в последнем гуманитарной катастрофы, не имея при

[1] Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности ООН: принята в г. Нью-Йорке на 4011-ом заседании Совета Безопасности ООН 10 июня 1999 г. // СПС «КонсультантПлюс».

этом санкции Совета Безопасности ООН (иначе говоря – право на гуманитарную интервенцию)[1]. Как известно, данная концепция поддерживается только большинством стран Европейского союза и не является общепризнанной. В связи с чем возникает вопрос о законности и обоснованности данных действий.

Конфликт в Косово показал слабость ООН как международной организации в том плане, что, во-первых, несмотря на обязательность установленных ООН правовых принципов и норм, решения Совета Безопасности ООН зачастую носят сугубо геополитический характер, и, во-вторых, эти решения не имеют под собой реальной силы принуждения (и, как следствие – обязательности), поскольку ООН как организация не располагает своими собственными силами и средствами, а использует силы и средства входящих в нее государств, интересны которых зачастую могут не совпадать с интересами ООН.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что механизму деятельности ООН необходима существенная модернизация, в противном случае действия таких межрегиональных организаций, как, в частности, НАТО, войдут в общепринятую практику, что станет существенной угрозой миру и безопасности человечества.

УДК 341.9

Л.А. ГОЛОВИЗНИНА,
К.А. ПОСТРИГАНЬ

научный руководитель
доцент Е.Е. АМПЛЕЕВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Во всем мире люди все чаще стали прибегать к заключению брачных соглашений, чтобы избежать различных трудностей в будущем и, конечно, юридических, при разделе имущества супругов. Ведь для создания крепкой семьи необходимо быть твердо уверенным в указанных вопросах, и помнить, что брак – союз мужчины и женщины, соединение всей жизни, общность боже-

[1] Жирнов О. А. Гуманитарная интервенция НАТО в Косово и её последствия для мирового сообщества: взгляд из России // Актуальные проблемы Европы. – 2001. – № 3. – С. 6–21.

ственного и человеческого права, как говорил римский юрист Модестин[1], а на сегодняшний день брачный союз уже выступает в роли некоего соглашения, которое влечет за собой взаимную ответственность. Эффективным средством защиты личного имущества во время брака или после его расторжения выступает брачный договор, позволяющий избежать судебной волокиты и дополнительных финансовых издержек. Брачный договор существует для брака, а не наоборот, поскольку предназначен для укрепления института семьи, позволяя более полно учитывать интересы каждого из супругов, уменьшить количество споров и конфликтов между ними, а на случай развода и раздела имущества — решить это цивилизованным способом[2].

На сегодняшний день наиболее сложные вопросы брачно-семейных отношений ставит ситуация, когда супруги являются гражданами разных стран, а значит возникает проблема применения того права, той правовой системы, которая бы регламентировала их личные имущественные и неимущественные отношения наиболее приемлемым для них способом. Так, в современном международном частном праве при регулировании брачно-семейных отношений широко применяется принцип автономии воли (lex voluntatis). Иными словами, лица, вступающие в брак или, будучи уже супругами, имеют право выбрать право страны, которое будет определять их права и обязанности по брачному договору при его заключении. Это представляется эффективным и целесообразным действием, когда вследствие разнообразных событий и фактов супруги временно или на постоянной основе проживают на территории иностранного государства и вынуждены подчиняться правопорядку нескольких государств одновременно, примиряясь с императивными коллизионными привязками.

Институт брачного договора (брачного контракта) в каждой стране отличается определённой спецификой, но суть его всегда одинакова: возможность изменения по своему усмотрению правового режима имущества супругов. Брачный договор вступает в законную силу с момента заключения брака или может быть заключен после. Анализируя опыт европейских стран, можно с

---

[1] Римский юрист Модестин. – URL: http://fraza.pp.ua/mark-tullij-ciceron/ (дата обращения 12.04.2020)

[2] Левушкин А.Н. Проблемы применения и пути совершенствования законодательного регулирования института брачного договора // Нотариус. – 2011. – №4. – С. 31.

уверенностью говорить о том, что институт брачного договора широко развит и распространен в современном западном мире. В других странах, например странах Ближнего Востока или в России, этот институт только еще набирает силу.

Если рассматривать содержание брачного договора, например, в Германии, то можно выделить некоторые общеправовые признаки. Так, в ст. 1410 Германского гражданского уложения упоминается о том, что брачный договор устанавливает «имущественные отношения супругов», тем самым позволяя изменять или вовсе отменять совместный режим имущества после заключения брака. В противовес выступает законодательство стран англо-американского общего права, где сторонам представлены более широкие права, касающиеся предмета договора. Например, в США брачный контракт подписывается практически всегда, а его предметом могут выступать как имущественные, так и личные неимущественные права супругов.

В рамках регионального развития коллизионного права выделяются регламенты Европейского Союза, среди которых наиболее известны: Регламент Европейской комиссии «О юрисдикции, применимом праве, признании и приведении в исполнение решений по делам о режиме имущества супругов»[1] 2011 г., Регламент Совета Европейского Союза «Об имплементации расширенного сотрудничества в сфере юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам режима имущества супругов» 2016 г. Подчеркнем, что в первом из них проводится признание единства режима имущества супругов, без разделения на движимое и недвижимое[2], а конкретное содержание брачного договора определяется супругами. Однако регламент предусматривает определенные рамки реализации принципа автономии воли: предмет брачного договора и его ограничения; иные существенные условия брачного договора; вступление брачного договора в силу; порядок изменения, расторжения, а также признания брачного договора недействительным.

Среди многосторонних международных соглашений, регламентирующих эту сферу, можно назвать Гаагскую конвенцию о праве, применимом к режиму собственности супругов от 14 мар-

[1] Proposal for a Council Regulation of 16 of March 2011 on Jurisdiction, Applicable Law and the Recognition and Enforcement of Decisions in Matters of Matrimonial Property Regimes // COM (2011) 126 final.2011/0059 (CNS).

[2] Марышева Н.И., Муратова О.В. Брачный договор в международном частном праве: правовое регулирование в России и ЕС // Журнал российского права. – 2014. – № 6.

та 1978 г. (далее – Конвенция). Регулируя режим собственности супругов, Конвенция не рассматривает вопросы алиментов, наследования и правоспособности супругов, но в статье 3 указывает, что режим собственности регулируется внутренним правом, выбранным супругами до вступления в брак[1]. Следовательно, на международном уровне, презюмируя автономию воли в выборе применимого права, указывается, во-первых, возможность выбора права любого государства, гражданином которого является один из супругов, во-вторых, право выбора государства места жительства одного из супругов, либо где он обычно проживает. Однако, в статье 4 Конвенции указано, что общепримени мой коллизионной привязкой будет являться место жительства супругов после вступления в брак, а субсидиарной – применение права страны гражданства. Указанная Конвенция, все-таки, значительно расширяет права супругов, давая им возможность определения применимого права к разному своему имуществу вне зависимости от его местонахождения и их места жительства или гражданства, оставляя супругам волю и в дальнейшем менять положения брачного договора. Аналогичные позиции содержатся и в Семейном Кодексе РФ (далее – СК РФ), закрепляющим возможность выбора применимого права самими супругами (п.2 ст. 161).

Как это соотносится с императивным вещным статутом? Практика российских судов утверждает примат lex rei sitae иначе, указанный в ст. 1205 Гражданского кодекса (ГК РФ – далее) вещный статут. Так, при прекращении производства по делу суд первой инстанции руководствовался ст. ст. 1205, 1206 ГК РФ, исходит из того, что спорное имущество расположено на территории Республики Болгария, поэтому и заявленные требования подлежат рассмотрению местными компетентными органами[2]. Продолжая такую практику, суды делают выводы о том, что споры об имуществе супругов, в т.ч. недвижимом – есть исключительная подсудность судов Российской Федерации[3].

Сфера действия вещного статута определена в статье 1205.1 ГК РФ и разъяснена Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 09.07.2019 г. Специфика этой

[1] Гаагская конвенция о праве, применимом к режиму собственности супругов от 14 марта 1978 г. – URL: http://docs.cntd.ru/document/901898365 (дата обращения 12.04.2020)

[2] Определение Московского городского суда от 4 февраля 2015 г. № 4г/5-547/2015 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Решение Никулинского районного суда г. Москвы. – URL: http://sudact.ru/regular/doc/nuLw9K3Iqdru/ (дата обращения: 24.01.2018).

коллизионной нормы связана с соединением коллизионной привязки lex rei sitae с особым моментом – моментом, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для возникновения либо прекращения права собственности.

Применение к вещным правам закона места нахождения вещи дополняется также императивными положениями ГК РФ о том, что форма сделки в отношении недвижимого имущества и наследование недвижимости подчиняются праву страны места нахождения этого имущества, а в отношении недвижимости, внесенной в государственный реестр Российской Федерации, – только российскому праву (п. 4 ст. 1209, п. 1–2 ст. 1224 ГК РФ). В таком случае, учитывая положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также п.5 ППВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8, а также п.3 ст. 5 ФЗ РФ «О международных договорах Российской Федерации», рассматриваемая международные договоры действуют на территории России непосредственно и обладают более высоким статусом, нежели национальный закон.

Однако в п.1 ст.4 Конвенции 1978 г. сказано, что государство до момента ратификации может заявить о применении внутреннего права. Помимо того, имеется мнение, согласно которому положения гражданского права, в частности lex rei sitae применить в семейном по аналогии нельзя[1]. И разрешает этот вопрос Верховный Суд РФ, который, рассматривая требование о признании права на долю в общей собственности на земельный участок, указал на несостоятельность выводов суда апелляционной инстанции об определении необходимости руководствоваться нормами ГК РФ, совершенно забыв о положениях СК РФ[2].

Таким образом, даже спасительный п.2 ст. 161 СК РФ является несколько не поспевающим за международным нормотворчеством, а различия между регламентами Евросоюза, конвенцией и правом Российской Федерации по-прежнему достаточны, чтобы ввести изменения в семейное и гражданское право, укрепив положения автономии воли супругов при выборе режима совместного имущества для максимальной процессуальной и материально-правовой экономии при определении применимого права.

[1] Войтович Е.П. Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранцев в РФ: итоги и перспективы // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5 (78). – С. 139.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 21 января 2014 г. № 78-КГ13-35 (документ опубликован не был). - URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/e618bb3f795f8e1f1986afb6ed6c8436/ (дата обращения: 12.04.2020)

УДК 341.1/.8

Д.О. ДЕМЕНТЬЕВ,
В.В. ДОБРОРОДОВА

научный руководитель
доцент Е.Е.АМПЛЕЕВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Коррупция, как тяжкое преступление, признано мировым сообществом особым элементом современной жизни, которое, с одной стороны, угрожает национальной безопасности государств, а, с другой стороны, препятствует их социально-экономическому развитию и стабильности.[1]

На сегодняшний день правовые основы противодействия коррупции включают разветвленную систему нормативных правовых актов универсального, регионального и локального, т.е. двустороннего характера. К наиболее значимым из них в области противодействия коррупции относятся: Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г., Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенция ООН против коррупции 2003 г. и т.д.

Все названные межгосударственные соглашения регламентируют не только основные вопросы международного сотрудничества компетентных органов иностранных государств в предупреждении и борьбе с коррупцией, но и определяют направления развития национального законодательства в этой сфере, поскольку повсеместная имплементация конвенционных положений в национальное законодательство государств–участников способствует формированию универсального правового пространства, характеризующегося наличием единых международных стандартов в сфере противодействия коррупции.

Отметим, что само понятие «противодействие коррупции» охватывает деятельность всех органов государственной власти по выявлению, предупреждению и устранению причин и условий,

[1] Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Сборник методических рекомендаций. Генеральная прокуратура Российской Федерации. – М. – 2017. - URL: http://genproc.gov.ru/anticor/met/sbornik.pdf.

способствующих возникновению коррупции, раскрытию и расследованию коррупционных преступлений, устранению негативных последствий, а значит обеспечению прав и свобод человека и гражданина, повышению уровня жизни граждан, развитию экономики и обеспечению безопасности страны.

Генеральная прокуратура Российской Федерации всегда уделяла особое внимание вопросам противодействия коррупции, а с 2007 г. это становится одной из приоритетных задач органов прокуратуры на современном этапе. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15.05.2010 г. № 209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации Национальной стратегии противодействия коррупции» констатируется необходимость создания «прочной законодательной базы для организации эффективного противодействия коррупции в Российской Федерации, отвечающей международным стандартам».[1]

Рассмотрим международное взаимодействие в сфере противодействия коррупции с участием органов прокуратуры на примере постсоветского пространства и близких для России по своей правовой системе государств-членов СНГ. Так, 20 сентября 2018 г. в ходе Координационного совета генеральных прокуроров государств-членов СНГ на 2019–2023 гг. и на основе сведений, поступивших из Генеральных прокуратур Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Молдовы и Российской Федерации,[2] был утвержден План по вопросам совершенствования сотрудничества в борьбе с коррупцией, а также по защите прав граждан, находящихся за пределами своего государства и по исполнению международных договоров в этой сфере.

Например, Республика Беларусь, являясь участницей ряда конвенций ООН и Совета Европы в области борьбы с коррупцией, одна из первых, начала проводить значительную работу по совершенствованию антикоррупционного законодательства, обеспечению действенных механизмов противодействия коррупционным проявлениям. Основным документом в этой сфере стал Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства»[3], который минимизирует вмеша-

[1] Приказ Генеральной прокуратура РФ от 15 мая 2010 г. № 209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации Национальной стратегии противодействия коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Информационное сообщение о 28-м заседании КСГП СНГ // Электронный ресурс: http://www.ksgp-cis.ru/about/obzory/informacionnoe-soobschenie-o-28.

[3] Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства». – URL: http://mintrud.gov.by/system/extensions.pdf

тельство должностных лиц в работу субъектов хозяйствования и усиливает механизмы саморегулирования бизнеса, его ответственность за свою работу перед обществом.

Что касается, Республики Казахстан, то в государстве коррупция рассматривается в «качестве прямой угрозы национальной безопасности». 26 декабря 2014 г. Указом Президента утверждена Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 гг.,[1] которая определяет основные направления антикоррупционной политики государства.

29 мая 2018 г. Правительством Республики Казахстан утвержден План реализации указанной стратегии на 2018 – 2020 гг. (далее – План), который сформирован с учетом анализа трехлетней практики, коррупционных рисков, выводов и рекомендаций, выработанных в рамках Национального доклада о противодействии коррупции, а также рекомендаций ряда международных организаций, среди которых ООН, ОЭСР и многие другие.

План согласован со всеми заинтересованными государственными органами и организациями получил положительную оценку со стороны представителей общественных объединений, бизнес-сообщества и политических партий; предусматривает более сотни различных мероприятия, из которых 38 подлежали реализации в 2018 г., 21 – в 2019 г., 14 – в 2020 г. и далее по 30 ежегодно.[2] Таким образом, благодаря инициативам главы государства по реализации Плана «100 конкретных шагов» в Казахстане проведена масштабная реформа государственной службы, нацеленная на создание профессионального госаппарата. Кроме того, в целях исключения коррупционных проявлений в стране активно работает онлайн-портал «Электронное правительство», посредством которого уже сегодня оказываются многие государственные услуги. Важным этапом стало и создание государственной корпорации «Правительство для граждан» как единого провайдера предоставления ряда значимых услуг.

Более того, в Казахстане модернизирована не только система госслужбы, но и противодействия коррупции, которая максимально ориентирована на предупреждение коррупционных проявлений. Так, Министерством внутренних дел Казахстана реализованы

[1] Указ Президента республики Казахстан «Об Антикоррупционной Стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы» (с изменениями от 04.08.2018 г.) // СПС «ЮРИСТ».

[2] Об утверждении Плана мероприятий на 2018 – 2020 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015 – 2025 годы от 10 июля 2018 // СПС «ЮРИСТ».

проекты по организации функционирования специализированного Центра обслуживания населения по вопросам регистрации транспортных средств, приема экзаменов и выдачи водительских удостоверений, где все услуги осуществляются в автоматизированном режиме, что полностью исключает контакт сотрудника полиции с получателями госуслуг. Введена услуга по оплате штрафа за нарушение Правил через портал Электронного правительства. Во всех городах республики применяются автоматические системы фиксации нарушений Правил дорожного движения, что позволяет минимизировать коррупционные проявления на дорогах и исключить конфликтные ситуации. Более 80% автомашин дорожно-патрульной полиции оснащены видеорегистрирующими устройствами, которые в постоянном режиме осуществляют запись дорожной ситуации по маршруту движения экипажа.

В Казахстане принят Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности»,[1] который также предусматривает новеллы, направленные на сокращение сроков задержания граждан, обязанность уведомления граждан о проведенных в отношении них негласных следственных действий, расширении полномочий адвокатов по внесению ходатайств и сбору доказательств, введен институт приказного производства и предусмотрена возможность осуществления уголовного судопроизводства в электронном формате. Работа в этом направлении продолжается и находится на постоянном контроле органов прокуратуры Республики Казахстан.

Таким образом, в последние десятилетия противодействие коррупции является составной частью внутренней и внешней политики каждого государства-члена СНГ, что обеспечило единогласное принятие Концепции сотрудничества государств-членов СНГ в борьбе с коррупцией.[2] Во всех государствах СНГ осуществляется активная работа по совершенствованию национального законодательства в сфере борьбы с коррупцией и приведению его в соответствие с международными стандартами. Участие стран-членов СНГ в работе мониторинговых механизмов позволяет своевременно выявлять и устранять недостатки в нормативном регулировании отношений по противодействию коррупции.

[1] О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан от 22 января 2018 года № 7-р по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности // СПС «ЮРИСТ».

[2] Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств - участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции» (Принято в г. Сочи 11.10.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 341.1/.8

Е.А. ЖЕЛЕЗНЯК,
Т.А. ЖЕЛЕЗНЯК

научный руководитель
доцент Е.Е. АМПЛЕЕВА

О ПОПРАВКАХ К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2020 г., КАСАЮЩИХСЯ ВОПРОСОВ СООТНОШЕНИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

Одним из главных животрепещущих событий начавшегося 2020 г. стало ежегодное послание Президента Российской Федерации В. В. Путина, на котором было предложено рассмотреть вопрос о внесении ряда конституционных поправок в Конституцию 1993 г., в том числе касающихся вопросов взаимодействия и соотношения российской правовой системы с нормами международного права. Это событие вызвало немало юридических споров и разногласий как среди общественности, так и среди политических и юридических кругов современной России.

Отметим, что полный текст проекта Закона Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[1] (далее – Проект) был опубликован на официальном Интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru 14 марта 2020 г.

По вопросам международного права проект Федерального закона вносит изменения в отдельные положения Конституции Российской Федерации, в частности, в ст. 79 Основного Закона России. На данный момент в существующей редакции она выглядит так: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации».

[1] Полный текст Закона «О поправке к Конституции Российской Федерации». – URL: http://duma.gov.ru/news/48045/ (дата обращения: 15.04.2020).

В предложенном Проекте указанная формулировка Конституции в целом сохранена, однако дополнена следующим содержанием: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Конституционные нормы, как правило, носят декларационный, общеправовой характер и раскрываются в специальном федеральном законодательстве. Конституционные положения ст. 79 находят свое продолжение в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 г. №101-ФЗ[1], где наибольший интерес имеют статьи 22 и 34 Федерального закона 1995 г.

Ст.ст. 22 и 34 в свою очередь регламентируют, что «…если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке. Международные договоры, не вступившие в законную силу для Российской Федерации, подлежат проверке на соответствие Основного Закона Конституционным Судом Российской Федерации. Соответственно, в случае же признания таких международных договоров в установленном порядке противоречащими Конституции Российской Федерации, они не подлежат применению», что явно говорит о верховенстве и примате Конституции над нормами международного права, что сохраняется уже на протяжении последних двадцати пяти лет.

Обсуждаемое на всех уровнях мнение о том, что в тексте Проекта Закона о поправках речь идет не о международных договорах, а об обязательных решениях межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров, неверно. Поскольку Российская Федерация «не признает», т.е. не ратифицирует международные договоры, противоречащие Конституции Российской Федерации, то и решения межгосудар-

[1] О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля1995 г. (ред. от 12.03.2014) // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2020)

ственных органов, принятые на основании таких международных договоров, соответственно, признаны быть не могут. В новых условиях, следовательно, будет поставлен вопрос о выходе России из ряда международных организаций, имеющих подобные наднациональные полномочия.

Кроме того, Проектом Закона о поправках планируется внести изменения в статью 125 Конституции России, согласно которой в новой редакции Конституционному Суду Российской Федерации будут предоставлены «полномочия в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

В свою очередь, в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации говорится о примате общепризнанных норм и принципов международного права над национальным, т.е. российским правом, а также «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Данное конституционное положение вытекает из принципа добросовестного выполнения международных обязательств России, закрепленного в Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г.[1] При этом важно понимать, что по нормам Конвенции «страна не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения ею международного договора». Отметим, что вносимые поправки входят в явное противоречие с обычными и конвенционными нормами международного права.

Конечно, существует разница между статьями 15 и 125 Конституции Российской Федерации, поскольку в первом случае речь идет об исполнении положений международных договоров, а во

[1] Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/ conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 15.04.2020).

втором – об исполнении решений межгосударственных органов и судов, полномочия которых основываются на международных договорах.

Закономерно возникает вопрос, почему данное положение не было включено в ст. 15 Основного закона, не стало ее дополнением?

Ответ достаточно прост. Напомним, что ст. 15 Конституции Российской Федерации находится в первой главе Конституции, которая имеет особое значение и не может быть пересмотрена без принятия новой Конституции. По нашему мнению, законодатель решил пойти по «пути наименьшего сопротивления», внося лишь декоративные поправки в статью главы 7, касающуюся полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, т.е. речь идет о создании некоего конституционного противовеса ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, как справедливо утверждает А. С. Исполинов, профессор МГУ. В создаваемой ситуации Конституционный Суд будет призван нивелировать риски и пробелы, связанные с ч. 4 ст. 15, «о возможном переходе от абсолютного приоритета международного права к его приоритету под условием»[1]. Иными словами, законодатель специально вводит новую норму, завуалированно устраняя возможность расширительного толкования норм международного права.

Кроме того, не совсем понятным представляется, что понимается под «основами публичного правопорядка Российской Федерации», поскольку на данный момент отсутствует какое-либо его официальное определение. Справедливости ради отметим, что существует некое упоминание публичного порядка в ст. 1193 ГК РФ, в которой презюмируется, что «норма иностранного права, подлежащая применению… в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации», однако это положение относится к международному частному праву и не может быть принята во внимание в публичных отношениях.

В Определении Верховного суда РФ от 19 августа 2008 г. № 91-Г08-6 «под публичным порядком Российской Федерации понимаются установленные государством основополагающие нормы

[1] Исполинов А.С. Поправки в Конституцию и приоритет международного права: в поисках новой формулы // Информационно-правовой портал Закон.ру. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/1/22/popravki_v_konstituciya_i_prioritet_mezhdunarodnogo_prava_v_poiskah_novoj_formuly (дата обращения: 15.04.2020).

об экономическом и социальном устройстве общества, главные устои основ правопорядка, закрепленные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством Российской Федерации»[1]. Определение, на наш взгляд, представляется слишком расплывчатым, а подобная «законодательная нечеткость» обусловлена невозможностью предусмотреть все потенциально возможные варианты коллизий между отечественным и международным правопорядком, которые в условиях глобализации только нарастают. Тот факт, что Конституционному Суду Российской Федерации дают новые широкие полномочия, свидетельствуют о новых возможностях России «блокировать» исполнение решений международных органов, направленных против ее национальных интересов.

Таким образом, в современных условиях противостояния суверенитета государства и новых глобальных вызовов научно-технический прогресса, усиления взаимовлияния национальных культур и военно-политического противостояния государств роль международного права как «универсальной площадки переговоров», с одной стороны, непомерно возрастает, а, с другой стороны, каждое государство должно сохранить свой государственный суверенитет, а свои национальные интересы скорреллировать с интересами других государств и международным сообществом в целом. Причем способы подобного налаживания международных взаимоотношений, на наш взгляд, должны быть обоюдными и рациональными.

К сожалению, новые поправки к Конституции не только вносят неопределенность и в без того «размытую» ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, но и порождают новые вопросы, в частности, установление большого поля для судейского усмотрения судей Конституционного Суда Российской Федерации. Возможно, следует привести все конституционные нормы к единообразию понимания «соотношения с нормами международного права», чтобы исключить различное толкование международно-правовых норм в собственных интересах некоторых «нечистоплотных» субъектов международного права, например США и их западноевропейских союзников, выдающих свою политику за интересы мирового сообщества.

[1] Определении № 91-Г08-6 Верховного суда РФ от 19 августа 2008 г. – URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_ big_40300.htm (Дата обращения: 16.04.2020).

УДК 341.9

А.А. ПОЛЯК,
Д.И. ШИЛЯЕВА

научный руководитель
доцент Е.Е. АМПЛЕЕВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКОВ ЗА РУБЕЖОМ И ИХ ПРИЗНАНИЕ

В условиях глобализации и расширяющихся интеграционных процессов современных государств в обычной жизни и юридической практике всё чаще можно встретить случаи заключения брака с иностранцами, однако за красивыми фотографиями с райских уголков земли и разноцветными свидетельствами о браке нередко скрываются сложности правового характера, возникающие при признании такого брака в других государствах.

Браки, осложненные иностранным элементом – это распространенное явление в современном мире. Данные статистики свидетельствуют о том, что 32% всех заключенных браков в мире приходятся на долю именно межнациональных союзов. Российские граждане не стали исключением и также активно используют возможности заключения брака за рубежом. Более того, среди русского населения процент межэтнических семей выше, чем у других народов. Популярные союзы: жених – американец, невеста – русская[1].

Согласно общему правилу, отношения, осложнённые иностранным элементом, регулируются разделом 6 части III Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и главой VII Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). При этом, форма и порядок заключения брака на территории Российский Федерации устанавливается национальным законодательством, что обусловлено сложившейся юридической практикой и историческими традициями.

В современном международном частном праве под формой заключения брака понимается установленный порядок, определяемый правовыми нормами конкретного государства. К числу традиционных порядков относят: во-первых, гражданскую форму брака, т.е. регистрацию брака, осуществляемую в компетентных

[1] Статистика браков. – URL: https://vawilon.ru/statistika-brakov/ (Дата обращения: 28.03.2020).

органах государства, например органах ЗАГС, что характерно для России; во-вторых, религиозную форму брака, распространенную, например, в мусульманских странах (страны Ближнего Востока, Северной Африки, Иран и др.); в-третьих, альтернативную форму, согласно которой заключение брака возможно как по религиозным обрядам, так и в уполномоченных органах государства, например, в Великобритании[1].

Общеизвестно, что иностранный элемент в брачно-семейных отношениях может выражаться в наличии иностранного гражданства или отсутствии какого-либо гражданства хотя бы у одного из участников; в проживании участников правоотношения за границей; в нахождении объекта прав (например, недвижимости, принадлежащей супругам) или локализация юридического факта (например, заключение брака) за границей[2]. Сложность правового регулирования таких отношений состоит в том, что они одновременно связаны с несколькими национально-правовыми системами, зачастую по-разному подходящими к вопросам семьи и брака. Именно поэтому для регулирования брачных отношений необходимо выбирать компетентный правопорядок при помощи коллизионных норм, либо обращаться к унифицированным материальным нормам международных договоров[3].

В России регистрация брака с иностранцами осуществляется в соответствии с национальным законодательством в органах ЗАГС. Вместе с тем, значительные сложности возникают, если брак был зарегистрирован в другом государстве и соответствовал закону места заключения, т.е. есть опасность, что такой брачный союз не будет признан в России и не будет порождать никаких правовых последствий, хотя в государстве места заключения брака такой союз правомерен. Данная ситуация представляет собой разновидность «хромающих» отношений[4], наглядным примером которых является регистрация однополых браков за рубежом, которые в Российской Федерации не регистрируются.

---

[1] Цитович, Л. В. Правовое регулирование брачных отношений, осложненных иностранным элементом / Л. В. Цитович, А. Б. Никишов, Ю. И. Мишакова // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, апрель 2019 г.). – Казань. – 2019. – С. 33.

[2] Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. – Москва: ВолтерсКлувер – 2007. – С. 34.

[3] Алешина А.В., Косовская В.А. Браки с иностранцами: современное состояние правового регулирования // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). -2013. – С. 134.

[4] Чибирикова С. Н. Коллизионное регулирование заключения и расторжения брака // Бюллетень науки и практики. -2019. – №2. – С. 158.

В данном контексте уместно привести пример нашумевшего в 2018 г. случая заключения такого брака российскими гражданами в Дании. После регистрации брака, нотариально заверив перевод свидетельства, «новобрачные» подали документы в многофункциональный центр (далее – МФЦ) для внесения штампа во внутренний паспорт гражданина РФ. Сотрудница МФЦ проставила все необходимые штампы и молодые люди дали интервью «о первом в России случае признания однополого брака». Новость получила размах и, естественно, не осталось незамеченной органами внутренних дел. В итоге, паспорта граждан России признали недействительными, в отношении них возбудили административное дело по ст. 19.16 Кодекса об административных правонарушениях, а сотрудницу МФЦ уволили. Позднее мужчины переехали заграницу[1].

Подчеркнем, что согласно п. 2 ст. 158 СК РФ браки между иностранными гражданами, заключенные за границей с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, признаются действительными в России в полном объеме, а вот браки с участием российских граждан могут быть признаны только при условии отсутствия обстоятельств, препятствующих заключению брака (ст. 14 СК РФ). Таким образом, де-юре однополые браки с участием российских граждан могут быть заключены за границей, но де-факто признания в нашем государстве они не получат в силу оговорки о публичном порядке, предусмотренной в ст.1193 ГК РФ[2].

Для урегулирования семейных отношений, осложненных иностранным элементом на международном уровне подписано несколько десятков международных соглашений, в частности в рамках Гаагской конференцией по международному частному праву, во многих из которых, к сожалению, Россия не участвует. Например, Конвенция о заключении и признании действительности браков от 14 марта 1978 г. (далее – Конвенция 1978 г.)[3], главная цель которой – «облегчение заключения браков», т.е. законно заклю-

[1] Однополый брак признали в России. – URL: https://www.interfax.ru/russia/597612 (Дата обращения: 04.04.2020 г.).

[2] Цитович, Л. В. Правовое регулирование брачных отношений, осложненных иностранным элементом / Л. В. Цитович, А. Б. Никишов, Ю. И. Мишакова // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, апрель 2019 г.). – Казань. – 2019. – С. 35.

[3] «Конвенция о заключении и признании действительности браков» [рус., англ.] (Заключена в г. Гааге 14.03.1978) из информационного банка «Международное право» // СПС «КонсультантПлюс».

ченный и действительный в одном из государств-участников брак «признается таковым во всех Договаривающихся государствах». Кроме того, Конвенция 1978 г. закрепляет общую презумпцию действительности брака при наличии выданного компетентным органом государства свидетельства о заключении брака и устанавливает основания отказа в признании действительности брака[1]. Очевидно, что подписание и ратификация такой конвенции снизило бы остроту проблемы «хромающих браков», а также упростила бы процедуру признания в России браков, заключенных на территории других государств.

На сегодняшний день в сфере семейных правоотношений особая роль в правовом регулировании принадлежит другой Гаагской Конвенции 1961 г., ратифицированной Россией (далее – Конвенция 1961 г.), отменяющей требование легализации (т.е. проверки документа на соответствие требованиям отечественного законодательства) иностранных официальных документов. Для подтверждения брачного союза необходимо провести процедуру апостилирования, которая производится в стране места заключения брака. Таким образом, выдаваемый уполномоченными органами документ о заключении брака признаётся и обладает юридической силой на территории всех стран-участников Гаагской конвенции[2].

Более упрощённый порядок предусмотрен для признания браков, заключенных на территории государств – членов СНГ. В 1993 году между странами СНГ была подписана Минская конвенция о взаимопомощи по семейным, уголовным, правовым и гражданским делам, а в 2002 г. обновленная Кишиневская конвенция по аналогичному кругу вопросов. По смыслу Конвенции 1993 г. все официальные документы, оформленные на территории стран СНГ, признаются действительными и в России. Кроме того, у нашего государства имеется более 30 двусторонних договоров, отменяющих легализацию, например, с такими странами, как Алжир, Болгария, Вьетнам и др.[3]

---

[1] Григорьева О.Г. Гаагские конвенции «семейно-правового» характера: анализ положений и перспективы ратификации Россией // Социально-политические науки. – 2018. – № 2. – С. 128.

[2] Официальная регистрация брака за границей: все особенности и нюансы. – URL: http://wedding-fabric.ru/podgotovka/registraciya/za-granicej.html (Дата обращения: 27.03.2020).

[3] Кудрявцева Л. В., Шевченко В. С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве // Актуальные проблемы современности. – 2018. – №3 (21). – С. 40.

Вместе с тем, остается вопрос, как поступить, если государство, в котором лица заключили брак, не является участником Конвенции 1961 г. и не имеет с Россией двусторонних договоров о правовой помощи? В данном случае, обязательной становится консульская легализация документов, по общему правилу, проводимая органом, выдавшим документ о заключении брачного союза. Как правило, это или орган Минюста государства, где проходило бракосочетание, или орган МИДа – консульство в стране заключения брака[1]. Причём такой документ будет признаваться только в стране, орган или консульство которой поставило свою отметку. После этого, например, по прибытию в Россию, гражданам потребуется перевести у нотариуса свидетельство о браке на русский язык и представить его в органы ЗАГСа для признания.

Помимо формальных требований к официальным бумагам, может существовать ряд ограничений к каждому из брачующихся. Например, на Бали могут заключать браки только лица одного вероисповедания, а чтобы сыграть свадьбу на Сейшелах, необходимо прожить там как минимум 11 дней, в Шри-Ланке – 4 дня до свадебной церемонии, а во Франции – 40 дней до бракосочетания. Для церемонии в некоторых европейских странах (Австрия, Германия, Швейцария) нужно ждать специального разрешения властей, на что может уйти от двух до шести месяцев[2]. Кстати, как и в российском ЗАГСе: после подачи соответствующего заявления, устанавливают срок от 1 месяца или больше, прежде чем брак зарегистрируют.

Таким образом, вопросы заключения брака, осложненные традициями, религиозными обычаями и особенностями национального законодательства, требуют детального урегулирования как самой процедуры вступления в брак, так и его легализации. Следовательно, нашему государству необходимо тесно взаимодействовать в сфере частных гражданско-правовых отношений с иностранными государствами. И первыми шагами на пути к этому, на наш взгляд, является ратификация основных конвенций Гаагской конференции, инициирование совместной работы государств по унификации норм международных соглашений и стремление к созданию более гибкой системы законодательства, отвечающей всем требованиям современных семейных союзов.

---

[1] ст. 27 Консульского устава РФ; п. 10 Административного регламента, утв. Приказом МИД России от 18.06.2012 № 9470.

[2] Официальная регистрация брака за границей: все особенности и нюансы. – URL: http://wedding-fabric.ru/podgotovka/registraciya/za-granicej.html (Дата обращения: 27.03.2020).

УДК 341.1/.8

К.В. РАДИОНОВ

научный руководитель
Ю.И. ИВАНОВА

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Эффективность системы международного права в целом и отдельных его отраслей и институтов предопределяется полнотой, всесторонностью и добросовестностью выполнения международных обязательств участниками международных отношений, в первую очередь, государствами. Коллизии в данной сфере обусловлены спецификой, присущей публичной отрасли международного права, что определяет актуальность исследования особенностей данного явления в рамках межгосударственного сотрудничества.

Относительно содержания юридической коллизии необходимо учитывать двойственную природу данного явления в предметном плане. С одной стороны, в собственно правовой сфере, когда ее предмет сугубо нормативен, он выражается в коллизии актов, различиях в правопонимании, толковании, расхождениях в применении правовых норм. С другой стороны, юридическая коллизия почти всегда «присутствует» в других противоречиях и конфликтах (межнациональные противоречия, споры в экономической, трудовой, социальной, экологической, политической, международной, семейной и иных сферах общественной жизни).

Особенность юридических коллизий международного уровня заключается в том, что они являются закономерным результатом многообразия правопорядков. Возможным выходом из коллизионной проблемы выступает, как правило, ее преодоление (урегулирование) путем заключения международного договора (в том числе, носящего специальный характер). Вместе с тем, разрешение коллизионной проблемы не является обязательным и редко возможно ее исключение на международном уровне (кроме унификации международного права)[1].

По мнению Морозова А.Н., на высшей ступеньке иерархии международно-правовых актов находятся межгосударственные договоры, далее идут договоры межправительственные, и третий

[1] Толстых В.Л. Коллизионное регулирование в международном частном праве: проблемы толкования и применения раздела VII части третьей ГК РФ / В.Л. Толстых. – М. – 2002. – С. 24.

уровень занимают международные договоры межведомственного характера. Элементы этой системы взаимосвязаны между собой. Межгосударственные договоры заключаются по наиболее важным политическим вопросам, определяющим вектор международных отношений; межправительственные договоры охватывают преимущественно вопросы социально-экономического сотрудничества, а межведомственные договоры посвящены реализации обязательств, взятых на более высоком уровне, то есть они являются частью механизма взаимодействия между государствами, позволяющего реализовать взятые международные обязательства[1].

Вместе с тем, наука международного права, в основе своей, исходит из отсутствия иерархии норм международных договоров. Следуя данному утверждению, возможно возникновение противоречия, когда договор, заключенный на более низком уровне, будет противоречить договору, заключенному на более высоком уровне, что может причинить вред интересам государства, а также привести к дезорганизации международных отношений. Иерархия международных договоров имеет место в практике межгосударственного взаимодействия, однако, в доктрине ей не уделяется достаточного внимания[2]. На наш взгляд, деятельность Комиссии международного права Организации Объединенных Наций должна способствовать урегулированию данного вопроса, что благоприятно скажется, в последующем, на этапе правоприменения норм международных соглашений.

При изучении вопроса коллизий в международном праве необходимо обратить внимание на общие принципы международного права, регулирующие вопросы международного нормотворчества и правоприменения. Так, статья 103 Устава Организации Объединенных Наций (далее – Устав ООН) предусматривает, что в том случае, когда обязательства членов организации, закрепленные Уставом ООН, окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу ООН[3]. Принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН и других

[1] Тиунов О.И., Манов Б.Г. Принцип соблюдения международных договоров: коллизии международного и национального права / О.И. Тиунов, Б.Г. Манов // Журнал российского права. – 2008. – №6. – С. 124-142.

[2] Тиунов О.И., Манов Б.Г. Принцип соблюдения международных договоров: коллизии международного и национального права / О.И. Тиунов, Б.Г. Манов // Журнал российского права. – 2008. – №6. – С. 124-142.

[3] Устав Организации Объединенных Наций // Действующее международное право: Сборник. – М. – 1997. – Т. 1. – 154 с.

значимых международных договорах, носят императивный характер, обязательны для соблюдения любым государством, независимо от того, является ли оно участником договора, в котором закрепляется принцип[1]. Любая норма международного права, противоречащая принципу, признается недействительной. Кроме того, если возникнет новая норма jus cogens, то любой договор, который противоречит этой норме, будет также признан недействительным[2]. Таким образом, в международном публичном праве предусмотрен ряд механизмов для преодоления коллизий между общими нормами (принципами) международного права и нормами иных международных договоров.

Вместе с тем, в практике Суда Европейского Союза (далее – Суд ЕС) встречается иная позиция. Так, в деле Kadi v Commission Суд ЕС стал первым судом в мировой практике, признавшим незаконными Резолюции Совета Безопасности ООН и решение Комиссии Европейского Союза. В своем решении Суд ЕС признал приоритет норм учредительных договоров ЕС перед Уставом ООН, как и над любым другим международным договором, подкрепляя это примерами из прецедентного права ЕС. На примере данного дела, Суд ЕС показал, что в иерархии источников права ЕС, Устав ООН находится ниже, чем учредительные договоры ЕС[3].

В международной практике коллизии между нормами разных правопорядков могут возникать лишь тогда, когда государства принимают на себя международные обязательства, которые противоречат ранее принятым обязательствам («дефект воли субъекта международного права»)[4].

Так, в решении по делу «Новокраматорский машиностроительный завод» (Украина) против Комиссии Таможенного союза» от 24 июня 2013 г. Суд Евразийского экономического союза определил, что в правовой системе Таможенного союза (далее — ТС) исследуемые им правоотношения регулируются международными договорами, заключенными в рамках Всемирной торговой организации (далее – ВТО) и в рамках ТС. Нормы международных

[1] Устав Организации Объединенных Наций // Действующее международное право: Сборник. – М. – 1997. – Т. 1. – 154 с.

[2] Вылегжанин А.Н. **Международное право**: учебник. 2-е изд. / А.Н. Вылегжанин; Ответ. ред.: Вылегжанин. А.Н. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт. – 2010. – 1003 с.

[3] Исполинов А., Суд Европейского Союза, Яссин Кади и Статья 103 Устава ООН / А. Исполинов // Российский юридический журнал. – 2013. – № 6 (93). – С. 25-37.

[4] Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы: монография / М. А. Занина. — М.: РАП, 2009. — 134 с.

договоров, принятые в установленном порядке в рамках обеих организаций, имеют равную юридическую силу. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Договора о функционировании ТС от 19 мая 2011 года (далее – Договор о функционировании ТС) международные договоры, заключенные в рамках ВТО и ТС, хотя и являются частью правовой системы ТС, но не находятся в иерархической подчиненности друг другу[1].

Кроме коллизии правовых норм в юридической науке также выделяется термин «конкуренция норм права». При коллизии нормы права находятся в отношении противоречия, а при конкуренции норм — в отношении соперничества различных по объему и степени обобщенности, но единых по сущности и направленности норм[2]. В отличие от противоречий между нормами, когда необходимо отдать приоритет одной из них, при конкуренции отсутствуют явно выраженные приоритеты — допустимо применение и той и другой нормы права.

На наш взгляд, поскольку исполнение государствами положений международных договоров, участниками которых они являются, подчиняется принципу pacta sunt servanda, т. е. добросовестного соблюдения всех международных обязательств, охватывающих не только нормы международных договоров, но и международно-правовые обычаи, решения международных организаций – тех источников, с которыми связано понятие международного права. Следовательно, в данном случае возможно появление лишь правовых коллизий. Выбор же применимых норм характерен больше для международных частных правоотношений. Таким образом, система международного права представляет собой развитую и модернизированную структуру, которая, вместе с тем, отличается множеством проблем, противоречий и несовершенств в отдельных отраслях, некоторые из которых требуют незамедлительного решения. Коллизии в международном публичном праве имеют общие признаки юридических коллизий, выделяемые в рамках общей теории права, но, в то же время, характеризуются специфическими особенностями, которые прослеживаются как на этапе международного нормотворчества, так и в процессе разрешение международно-правовых противоречий. Кроме того, необходимо разграничивать понятия «коллизия» и «конкуренция» норм права, а также характер правоотношений, в которых они возникают.

[1] Решение Суда Евразийского экономического сообщества от 24 июня 2013 г. – URL: http://courteurasian.org/page-20941 (дата обращения: 14.12.2019).

[2] Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы: монография / М. А. Занина. — М.: РАП. – 2009. — 134 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ИНДЕКСА НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

АЗИЗОВА Арина Ильгаровна, студент 2 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И Лобачевского	**AZIZOVA Arina I.,** 2nd year student of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod - National Research University (UNN)
СОЛОВЬЕВА Светлана Викторовна, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент	**SOLOVYOVA Svetlana V.,** Associate Professor of the Department of labor and environmental law of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod - National Research University (UNN), PhD (Law), associate Professor
ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ТРУДОВЫХ СПОРАХ	**CONCILIATION PROCEDURES IN LABOR DISPUTES**
Настоящая статья посвящена рассмотрению примирительных процедур, используемых в настоящий момент в процессе судебного разбирательства. Рассмотрен новый, наиболее эффективный вид примирительных процедур – судебное примирение. Также затрагивается актуальный на данный момент вопрос, можно ли заменить медиатора или судебного примирителя искусственным интеллектом?	This article addresses the conciliation proceedings currently in use in the trial process. A new, most effective type of conciliation procedure is considered - judicial reconciliation. It also raises the current issue, is it possible to replace the mediator with artificial intelligence?
Ключевые слова: примирительные процедуры, трудовой кодекс, посредник, судебный примиритель, медиация, Российская Федерация, искусственный интеллект, индивидуальные трудовые споры	**Key words:** conciliation procedures, labor code, mediator, judicial mediator, mediation, Russian Federation, artificial intelligence
АЛЬБИЦКИЙ Александр Георгиевич, МИРОШНИЧЕНКО Антон Геннадьевич, студенты 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ALBITSKY Alexander G., MIROSHNICHENKO Anton G.,** 4th year students of the St. Petersburg law Institute (branch) of the Prosecutor's office University of the Russian Federation

АМПЛЕЕВА Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**AMPLEYEVA Elena E.,** Head of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D., associate Professor
ФОРС-МАЖОРНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ КОРОНАВИРУСА (COVID-19)	**FORCE MAJEURE CIRCUMSTANCES IN INTERNATIONAL PRIVATE LAW OF CONTINENTAL CHINA ON THE EXAMPLE OF CORONAVIRUS (COVID-19)**
В данной статье рассматриваются особенности влияния форс-мажорных обстоятельств на исполнение обязательств в рамках международного частного права. На примере распространения коронавируса Covid-19 анализируются проблемы признания контрагентами факта существования форс-мажора. Рассматриваются недостатки современного международного законодательства в данной сфере	This article discusses the features of the influence of force majeure circumstances on the fulfillment of obligations under private international law. On the example of the spread of the coronavirus Covid-19, the problems of recognition by contractors of the fact of the existence of force majeure are analyzed. The disadvantages of modern international legislation in this area are considered
Ключевые слова: форс-мажор, обстоятельства непреодолимой силы, коронавирус, обязательства, контрагенты, контракты	**Key words:** force majeure, force majeure circumstances, coronavirus, obligations, counterparties, contracts
АНДРОПОВА Ольга Игоревна, ГОЛУБЕВ Георгий Андреевич, студенты 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ANDROPOVA Olga I., GOLUBEV Georgii A.,** 4nd year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ПОРОХОВ Михаил Юрьевич, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**POROKHOV Mikhail Y.,** Associate Professor at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of law, docent
ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФССП РОССИИ И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ	**THE PROBLEM OF OPERATING EFFICIENCY FSSP OF RUSSIA AND SOLUTION**

Деятельность Федеральная службы судебных приставов является крайне важной в современном российском обществе. Однако насколько эффективна работа судебных приставов? В статье раскрываются основы деятельности ФССП России. Эффективность института судебных приставов в настоящее время находится на неудовлетворительном уровне. На основе действующего законодательства и правоприменительной практики выдвигаются предположения о причинах низкой эффективности, а также происходит поиск решений данной проблемы	The activities of the Federal Bailiffs Service are extremely important in modern Russian society. However, how effective is the work of bailiffs? In article explain the legal and organizational basis of the Federal bailiff service of the Russian Federation. The operating of the institute of bailiffs service of Russia is at an unsatisfactory level. On the base of the current legislation and law enforcement practice, assumptions are made about the causes of low efficiency, and a search is also being made for solutions to this problem
Ключевые слова: судебный пристав, Федеральная служба судебных приставов России, правовой статус, государственная служба	**Key words:** the bailiff, bailiff service of Russia, legal status, public service
АНТОНОВ Иван Игоревич, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ANTONOV Ivan I.,** 2nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ШАДРИН Виктор Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**SHADRIN Victor S.,** Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, doctor of law, full professor
ОСОБЕННОСТИ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ПРОКУРОРА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	**SOME FEATURES OF THE PROSECUTOR'S ACCUSATORY SPEECH IN A JURY TRIAL**
В статье на основе анализа точек зрения, высказанных в научной литературе, действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики осуществляется рассмотрение специфики выступления государственного обвинителя в судебном заседании суда присяжных	Based on the analysis of the points of view expressed in the scientific literature, the current criminal procedure legislation and law enforcement practice, the article examines the specifics of the public prosecutor's speech in a trial by jury

Ключевые слова: суд, присяжные заседатели, прокурор, поддержание государственного обвинения, содержание обвинительной речи	**Key words:** court, jurors, prosecutor, support of the public prosecution, content of the accusatory speech
АРЕФЬЕВА Екатерина Викторовна, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**AREFEVA Ekaterina V.,** 3rd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
КРАЕВ Денис Юрьевич, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**KRAEV Denis Y.,** Associate professor at the Department of criminal law, criminology and criminal Executive law St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of Law, docent
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ 131 УК РФ	**PROBLEMS OF APPLYING THE NOTE TO ARTICLE 131 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье рассматриваются проблемы применения примечания к статье 131 УК РФ. На основе анализа соответствующих положений Уголовного кодекса РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также научных публикаций и судебной практики по рассматриваемым вопросам предлагается внесение изменений в действующее уголовное законодательство	The article deals with the problems of applying the note to article 131 of the criminal code of the Russian Federation. Based on the analysis of the relevant provisions of the Criminal code of the Russian Federation, resolution of the Plenum of the Supreme Court of 04.12.2014 № 16 «About court practice on cases on crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the person» as well as scientific publications and judicial practice on the issues proposed amendments in the existing criminal law
Ключевые слова: возраст уголовной ответственности, беспомощное состояние, развратные действия, изнасилование	**Key words:** age of criminal responsibility, helpless state, depraved acts, rape
АРТЕМЬЕВА Мария Артемовна, ФЕДЕЙКИНА Дарья Андреевна, студенты 3 курса Челябинского государственного университета	**ARTEMYEVA Maria A., FEDEIKINA Darya A.,** 3nd year students of the Chelyabinsk State University

ВИННИКОВА Рушания Василовна, Челябинский государственный университет, кандидат юридических наук	**VINNIKOVA Rushania V.,** Chelyabinsk state University, candidate of law
ПРЕДЕЛЫ ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ДОСТАТОЧНОСТЬ	**LIMITS ON THE EXHAUSTION OF DOMESTIC REMEDIES: NECESSITY AND SUFFICIENCY**
В статье рассматривается проблема определения пределов исчерпания внутренних средств правовой защиты, анализируется судебная практика Европейского суда по правам человека в аспекте изучаемой проблематики	The article considers the problem of determining and understanding the limits of exhaustion of domestic remedies, analyzes the judicial practice of the European court of human rights in the aspect of the studied problem
Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, Европейская конвенция по правам человека, пределы исчерпания внутригосударствен-ных средств правовой защиты, эффективность средств правовой защиты	**Key words:** European court of human rights, European Convention on human rights, limits on the exhaustion of effective remedies, domestic remedies
АРХИПОВА Анастасия Юрьевна, студентка 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ARKHIPOVA ANASTASIYA Y.,** 3rd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
АРХИПОВА Алёна Юрьевна, студентка 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ARKHIPOVA ALENA Y.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
НИКИТИН Евгений Львович, профессор кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**NIKITIN EVGENIY L.,** Professor of the Department of Prosecutor's supervision and participation of the Prosecutor in criminal, civil and arbitration cases, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of law, docent
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ ЗА ЛИЦАМИ, УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОДИВШИМИСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	**PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LAWS IN MONITORING PERSONS WHO HAVE BEEN RELEASED FROM PRISON ON PAROLE**

В статье рассматриваются проблемы, которые возникают в ходе осуществления контроля за лицами, условно-досрочно освободившимися из мест лишения свободы. На основе анализа правовых норм выявлены пробелы в действующем законодательстве, а именно в части отсутствия конкретного органа, в обязанности должностных лиц которого входило бы осуществление контроля за исполнением возложенных судом обязанностей на условно-досрочно освободившихся, а также принятие мер в отношении последних в случае уклонения от их исполнения	The article deals with the problems that arise in the course of monitoring persons who have been released from prison on parole. Based on the analysis of legal norms, gaps in the current legislation have been identified, namely, in the absence of a specific body whose officials would be responsible for monitoring the performance of duties imposed by the court on parolees, as well as taking measures against the latter in case of evasion from their performance
Ключевые слова: прокурорский надзор, прокурор, условно-досрочное освобождение из мест лишения свободы, уполномоченный специализированный государственный орган, осуществляющий контроль за поведением условно-досрочно освободившихся лиц	**Key words:** prosecutorial supervision, prosecutor, conditionally-early release from places of deprivation of liberty, an authorized specialized state body that monitors the behavior of parolees
АРЯМИНА Валерия Александровна, ЦОВЯН Павел Гагикович, студенты 3 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского	**ARIAMINA Valeria A., Tsovyan Pavel G.,** 3nd year students of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod - National Research University (UNN)
РУМЯНЦЕВ Федор Полиектович, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук	**RUMYANTSEV Fedor P.,** Associate Professor, Department of Labor and Environmental Law, f the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod - National Research University (UNN), Doctor of Law
ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	**IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF STATE ENVIRONMENTAL SUPERVISION AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS**
В статье рассматриваются общие положения государственного экологического надзора, а также предлагаются рекомендации по повышению его эффективности	The article discusses the general provisions of state environmental supervision, as well as offers recommendations to improve its effectiveness

Ключевые слова: экологический надзор, институт права, общественный институт, конституционные права человека и гражданина, общественные объединения, государственные органы	**Key words:** environmental control, institute of law, public institute, constitutional rights of man and citizen, public associations, state bodies
АСТРАТОВА Анастасия Дмитриевна, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ФИРСОВ Виталий Викторович,** доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ASTRATOVA Anastasia D.,** 3rd year student of the faculty of law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **FIRSOV Vitaly V.,** Associate Professor at the Department of state and legal disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of Law, Associate Professor
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В статье рассматриваются вопросы обеспечения налоговой безопасности в Российской Федерации. Анализируются факторы, способствующие снижению эффективности налогового контроля и налогового администрирования. Выдвигаются предложения по совершенствованию механизма реализации налоговой безопасности **Ключевые слова:** налоговая безопасность, налоговый контроль, налоговое администрирование, уплата налогов и сборов, сокрытие доходов	**SOME PROBLEMS OF ENSURING TAX SECURITY** The article deals with the issues of ensuring tax security of the Russian Federation. The article analyzes factors that contribute to reducing the effectiveness of tax control and tax administration. Proposals are put forward to improve the mechanism for implementing tax security **Key words:** tax security, tax control, tax administration, payment of taxes and fees, concealment of income
АФАНАСЬЕВА Алина Алексеевна, студент 3 курса Курского государственного университета **ВЕРБИНА Оксана Леонидовна,** доцент кафедры финансового и предпринимательского права Курского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент	**AFANASYEVA Alina A.,** 3rd year student of Kursk state University **VERBINA Oxana L.,** Associate Professor, Department of financial and business law, Kursk state University, candidate of historical Sciences, associate Professor

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЯХ «СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА» И «СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ	**ON THE ISSUE OF THE LEGAL CATEGORIES «SOCIAL PROTECTION» AND «SOCIAL SECURITY» THROUGH THE PRISM OF CONSTITUTIONAL PROVISIONS**
В статье проанализированы конституционные нормы, связанные с социальной защитой и социальным обеспечением человека и гражданина. Исследованы подходы правоведов к пониманию таких правовых категорий как «социальная защита» и «социальное обеспечение». Выявлены пробелы в законодательстве РФ, регулирующем социальную сферу жизнедеятельности человека и предложены пути заполнения таких пробелов	The article analyzes the constitutional norms related to social protection and social security of a person and a citizen. The approaches of legal experts to understanding such legal categories as «social protection» and «social security» are studied. Gaps in the legislation of the Russian Federation regulating the social sphere of human activity are identified and ways to fill such gaps are proposed
Ключевые слова: Конституция РФ, социальная защита, социальное обеспечение, правовая категория	**Key words:** Constitution of the Russian Federation, social protection, social security, legal category
БАКАНОВА Яна Владимировна, НАРДИНА Анна Викторовна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ПОРОХОВ Михаил Юрьевич,** доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**BAKANOVA Yana V., NARDINA Anna V.,** 3rd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **POROKHOV Mikhail Y.,** Associate Professor at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of law, docent
ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	**ELECTRONIC JUSTICE IN CIVIL PROCEEDINGS**
В статье рассматриваются проблемы развития электронного гражданского судопроизводства. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего гражданско-процессуального законодательства выдвигается и аргументируется подход о значении электронного правосудия, а также предложение о совершенствовании его реализации	The article discusses the problems of the development of electronic civil proceedings. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current civil procedure legislation, an approach is put forward and argued on the importance of e-justice, as well as a proposal to improve its implementation

Ключевые слова: электронное правосудие, гражданский процесс, видеоконференцсвязь, система электронных извещений	**Key words:** e-justice, civil process videoconferencing, electronic notification system
БЕЛЕВА Мария Олеговна, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ДАНИЛОВА Наталья Алексеевна,** профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**BELEVA Maria O.,** 2st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **DANILOVA Natalia A.,** Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
ИЗУЧЕНИЕ ПРОКУРОРОМ ПРОТОКОЛА ВЫЕМКИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ В статье рассматривается комплексный подход к изучению прокурором протокола выемки по уголовному делу о получении взятки. На основании анализа позиций ученых и правоприменительной практики приводятся рекомендации по изучению прокурором протокола выемки по уголовному делу о получении взятки	**STUDYING BY PROSECUTOR OF PROTOCOL OF SEIZURE ON CRIMINAL CASE ABOUT RECEIVING A BRIBE** A comprehensive approach to prosecutor's study of protocol of seizure in criminal case of receiving a bribe is discussed in this article. The author provides recommendations for the prosecutors to study of protocol of seizure in the criminal case of receiving a bribe based on the analysis of the positions of scientists and law enforcement practice
Ключевые слова: прокурор, протокол выемки, получение взятки, комплексный подход	**Key words:** prosecutor, protocol of seizure, receiving a bribe, comprehensive approach
БЕЛИКОВА Анастасия Денисовна, студент 4 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского **СОСИПАТРОВА Надежда Евгеньевна,** доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент	**BELIKOVA Anastasia D.,** 4nd year student of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod **SOSIPATROVA Nadezhda E.,** Professor at the Department of civil law and procedure of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, candidate of law, associate Professor

ПАРОДИЯ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКИХ ПРАВ	**PARODY AS AN OBJECT OF COPYRIGHT**
Статья посвящена вопросу реализация принципа баланса интересов автора и общества в отечественном законодательстве. Для иллюстрации используется пункт 4 статьи 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором выявлены следующие проблемные вопросы, осложняющие правоприменение: отсутствие официальной дефиниции термина «пародия» в гражданском законодательстве и отсутствие нормативно закреплённых характеристик, отличающих пародию от остальных производных произведений	The article is devoted to the implementation of the principle of balancing the interests of the author and society in domestic legislation. For illustration, we use paragraph 4 of article 1274 of the Civil code of the Russian Federation, which identifies the following problematic issues that complicate law enforcement: the lack of an official definition of the term «parody» in civil law and the lack of normative characteristics that distinguish parody from other derivative works
Ключевые слова: пародия, авторское право, баланс интересов автора и общества, оригинальное произведение, производное произведение, случаи свободного использования	**Key words:** parody, copyright, balance of interests of the author and society, original work, derivative work, cases of free use
БЕЛИСОВА Алиса Андреевна, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BELISOVA Alisa A.,** 3nd year undergraduate student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ШАРАПОВ Роман Дмитриевич, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**SHARAPOV Roman D.,** Professor at the Department of criminal law, criminology and criminal enforcement law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
ПРИСВОЕНИЕ НАЙДЕННОГО: НАХОДКА ИЛИ КРАЖА?	**ATTRIBUTION OF THE FOUND: FINDING OR THEFT?**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие при квалификации присвоения найденного как кражи или же находки. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе,	The article discusses the problems that arise when classifying the assignment of found items as theft or finds. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, criminal legislation

уголовном законодательстве и правоприменительной практики выдвигается подход в разграничении понятий «кража» и «находка» для наиболее верной квалификации содеянного **Ключевые слова:** находка, кража, уголовно-правовая ответственность, присвоение, забытое имущество	and law enforcement practice, an approach is put forward to distinguish the concepts of «theft» and «finding» for the most correct qualification of what was done **Key words:** find, theft, criminal liability, misappropriation, the forgotten property
БЕЛОВ Марк Антонович, студент 2 курса Национального Исследовательского Университета Высшей Школы экономики - Санкт-Петербурге **ЗАКРЕВСКИЙ Александр Васильевич,** старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Национального Университета Высшей школы экономики– Санкт-Петербург **СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ: К ВОПРОСУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРИРОДЫ ПРАВА** В работе рассматривается социальный конструкционизм как перспективный подход к изучению права. Автором поставлена задача показать зависимость формирования права от социальных условий. На примере использования конструктивизма применительно к праву выдвигается предположение о дальнейших перспективах развития данного направления **Ключевые слова:** Пьер Бурдье, методология, право, символическая власть, социальный конструкционизм, социальный конструктивизм	**BELOV Mark A.,** 2nd year student of the Law Faculty of the National Research University Higher School of Economics - St.-Petersburg **ZAKREVSKII Alexander V.,** Senior Lecturer, Department of Theory and History of Law and State, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics - St. Petersburg **SOCIAL CONSTRUCTIONISM: TO THE QUESTION OF RETHINKING THE NATURE OF LAW** The paper considers social constructionism as a promising approach to the study of law. The author's task is to show the dependence of the formation of law on social conditions. By the example of the use of constructivism as applied to the law, an assumption is made about further prospects for the development of this direction **Key words:** Pierre Bourdieu, law, methodology, social constructionism, social constructivism, symbolic power
БЕРДАШКЕВИЧ Светлана Андреевна, магистрант 2 курса Университета прокуратуры Российской Федерации	**BERDASHKEVICH Svetlana A.,** 2nd year master student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

КАРДАШОВА Ирина Борисовна, профессор кафедры основ прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**KARDASHOVA Irina B.,** Professor at the Department of the basics of prosecution, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
ПРОВЕДЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФУНКЦИЙ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ	**CARRYING OUT ANTI-CORRUPTION EXAMINATION OF REGULATORY LEGAL ACTS AND THEIR PROJECTS THROUGH THE PRISM OF FUNCTIONS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE**
В статье поднимается вопрос об отнесении института антикоррупционной экспертизы, проводимой органами прокуратуры, к определенным функциям прокурорской деятельности. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, выдвигается тезис о сущности данного института, а также предлагается вниманию анализ некоторых его проявлений в действующем законодательстве	The article raises the issue of classifying the institution of anti-corruption expertise carried out by prosecution authorities as part of the specific functions of prosecutorial activities. Based on analysis positions expressed in scientific literature, the thesis about the essence of this institution is advanced, and an analysis of some of its manifestations in the current legislation is also offered
Ключевые слова: экспертиза нормативных правовых актов и их проектов антикоррупционная экспертиза, прокуратура, функции органов прокуратуры	**Key words:** examination of regulatory legal acts and their projects, anti-corruption examination, prosecutor's office, functions of the prosecutor's office
БЕССОНОВА Маргарита Алексеевна, СИМОНЯН Наре Александровна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BESSONOVA Margarita A., SIMONYAN Nare A.,** 3nd year students of the St.-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент	**FIRSOV Vitaliy V.,** Associate Professor at the Department of State Law disciplines, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
НЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ КАК ОСНОВА БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**OIL AND GAS REVENUES AS THE BASIS OF THE BUDGET SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье акцентируется внимание на актуальной в современной России проблеме зависимости бюджетной системы государства от нефтегазовых доходов. Авторы не только затрагивают острые вопросы по теме работы, но и пытаются дать на них ответы, которые имеют важное практическое значение. Целью исследования является изучение последствий построения финансовой политики, при которой лидирующую позицию занимает лишь одна отрасль экономики	The article focuses on the actual problem of dependence of the state budget system on oil and gas revenues in modern Russia. The authors consider not only sharp questions on the topic of work, but also try to give them answers that have an important practical orientation. The purpose of the research is to study the implications of building financial policy in which only one sector of the economy takes the leading position
Ключевые слова: нефтегазовые доходы, государство, бюджет, добыча нефти	**Key words:** oil and gas revenues, state, budget, oil production
БЕСПАЛОВА Оксана Владимировна, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BESPALOVA Oksana B.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Professor at the, Department of civil law disciplines St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
УЧЕНИЧЕСКИЙ ДОГОВОР — ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ	**STUDENT AGREEMENT — PROBLEMS OF APPLICATION IN PRACTICE**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие при заключении, действии и прекращении ученического договора. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего трудового законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется подход о значении ученического договора в современном мире, а также предложение о совершенствовании его применения на практике	The article deals with the problems that arise during the conclusion, operation and termination of a student contract. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, current labor legislation and law enforcement practice, an approach is put forward and argued about the significance of the student contract in the modern world, as well as a proposal to improve its application in practice

Ключевые слова: ученический договор, испытательный срок, компенсация денежных средств, профессиональное обучение, трудовой договор	**Key words:** student agreement, probation period, compensation of funds, professional training, employment contract
БИЧЕГКУЕВА Зарина Керменовна, ЕВСЕЕВА Дарья Юрьевна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**EVSEEVA Daria Y., BICHEGKUYEVA Zarina K.,** 3rd year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ГРИГОРЬЕВА Мария Александровна, доцент кафедры криминалистики и уголовного процесса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**GRIGORYEVA Maria A.,** docent at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, docent
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ФОТОГРАФИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	**THE PROBLEMS OF USING DIGITAL PHOTOGRAPHY IN PROCESS OF PROCEEDING INVESTIGATION MEASURES**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие при использовании цифровой фотографии во время производства следственных действий. На основе позиций, высказанных в научной литературе и действующего уголовно-процессуального законодательства, анализируется роль цифровых фотоснимков в системе доказательств по уголовному делу, а также предлагаются пути решения проблемных вопросов в данной сфере	In the article the problems arising when digital photography being used in process of proceeding investigation measures are considered. Being based on scientific opinions and up-to-date Criminal Procedural Code, the analysis of the role of digital photography in the system of proof according to criminal case is given. Solutions of the problems are also prohibited
Ключевые слова: цифровая фотография, фальсификация доказательств, следственные действия, формат цифрового изображения, протокол следственного действия, электронный носитель	**Key words:** digital photography, falsification of proof, investigation measures procedure, form of digital image, protocol of investigation action, electronic storage
БОГАРЕВИЧ Елена Игоревна, студент 2 курса Юридического факультета Белорусского государственного университета	**BOGAREVICH Elena I.,** 2nd year student of the Law Faculty of the Belarusian State University

ВЕРХОВОДКО Ирина Ивановна, старший преподаватель кафедры уголовного права Белорусского государственного университета	**VERHOVODKO Irina I.,** Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Belarusian State University
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СОСТАВА ИЗНАСИЛОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН	**SOME ASPECTS OF COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CORPUS DELICTI OF RAPE IN THE LEGISLATION OF DIFFERENT COUNTRIES**
В статье рассматриваются проблемы, связанные с определением понятия изнасилования в действующем законодательстве, а также вопросы соучастия при совершении изнасилования. На основе изучения зарубежного, советского и действующего законодательства с учётом позиций, высказанных в научной литературе, предлагается иной подход к определению изнасилования с целью устранения дискриминационного характера нормы	The problems associated with the definition of rape in the current legislation, as well as issues of complicity in the commission of rape is being discussed in this article. Based on the study of foreign, Soviet and current legislation, taking into account the positions expressed in the scientific literature, a different approach to the definition of rape is proposed in order to eliminate the discriminatory nature of the norm
Ключевые слова: уголовное право, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, субъект преступления, соучастие	**Key words:** criminal law, rape, actions of sexual character, perpetrator, complicity
БОГДАНОВ Никита Евгеньевич, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BOGDANOV Nikita E.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЛОМАКИНА Ирина Борисовна, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**LOMAKINA Irina B.,** Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
ЮРИДИЧЕСКИЙ НЕОПОЗИТИВИЗМ: ОТ РУДОЛЬФА ШТАММЛЕРА К ГАНСУ КЕЛЬЗЕНУ	**LEGAL NEOPOSITIVISM: FROM RUDOLF STAHMMLER TO HANS KELSEN**

В статье рассматривается нормативистский подход к пониманию права. Автор акцентирует внимание на предпосылках возникновения нормативистской концепции права, а также на первоначальных идеях и их дальнейшей систематизации. Также рассматриваются как положительные стороны данного подхода, так и отрицательные	The article discusses a regulatory approach to understanding law. The author focuses on the prerequisites for the emergence of a normative concept of law, as well as on initial ideas and their further systematization. The positive aspects of this approach as well as the negative are also considered
Ключевые слова: Рудольф Штаммлер, Ганс Кельзен, юридический позитивизм, неопозитивизм, юридический нормативизм, догматика, классические типы правопонимания	**Key words:** Rudolf Stammler, Hans Kelsen, legal positivism,neopositivism,legal normativism, dogma, classical types of legal understanding
БОЙКО Римма Эдуардовна, студент 4 курса Белорусского государственного университета **КУНИЦКАЯ Ольга Михайловна,** доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент	**BOYKO Rimma E.,** 4th year student of the Belarusian state University **KUNITSKAYA Olga M.,** Associate Professor at the Department of financial law and legal regulation of economic activities, Faculty of Law of the Belarusian State University, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЕАЭС И ЕГО СТРАН-УЧАСТНИЦ	**THE CONCEPT OF ELECTRIC ENERGY AND ITS CONSOLIDATION IN THE LEGISLATION OF THE EEU AND ITS MEMBER COUNTRIES**
В статье проанализированы характерные черты электрической энергии как объекта гражданских прав, выделены основные подходы к ее правовому статусу, рассмотрены предложения, которые будут способствовать разработке нового комплексного подхода к решению данного вопроса	The article analyzes the main characteristics of electric energy as an object of civil rights, highlights the main approaches to its legal status, and considers proposals that will contribute to the development of a new comprehensive approach to solving this issue
Ключевые слова: электрическая энергия, ЕАЭС, электроэнергетика, электроэнергетические отношения, вещь, товар	**Key words:** electric energy, EEU, electric power industry, electric power relations, thing, good

БОЛДЫРЕВСКАЯ Юлия Павловна, студент 4 курса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

СОСИПАТРОВА Надежда Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА ДЛЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА

В статье говориться о негативных правовых последствиях пандемии коронавирусной инфекции для российских туристов и туроператоров (турагентов). На основе анализа российского законодательства, регулирующего сферу туризма, а также гражданского законодательства и актов исполнительных органов Российской Федерации предлагаются различные выходы из сложившейся ситуации, в частности расторжение или изменение договора об оказании туристских услуг в связи с существенным изменением обстоятельств на основании ст. 451 ГК РФ. А также перебронирование тура на другие даты с переносом денежных средств по фиксированному курсу валюты, что в нынешних условиях является более эффективным решением, как для туристов, так и для туроператоров

Ключевые слова: пандемия коронавируса, правовые последствия, турист, туроператор, турагент, договор об оказании туристских услуг, расторжение договора, изменение договора, существенное изменение обстоятельств, перебронирование тура, фиксированный курс валюты, эффективное решение, компромисс

BOLDYREVSKAYA Julia P., 4 year bachelor of Law of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

SOSIPATROVA Nadezhda E., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky

LEGAL IMPLICATIONS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC FOR TOURISM BUSINESS

The article talks about the negative legal implications of the coronavirus pandemic for Russian tourists and tour operators (travel agents). Based on an analysis of Russian legislation governing tourism, as well as civil law, law enforcement and acts of the executive bodies of the Russian Federation, various ways out of the current situation are proposed, in particular the termination or amendment of the contract for the provision of tourist services in connection with a significant change in circumstances on the basis of Art. 451 of the Civil Code of the Russian Federation. As well as re-booking the tour to other dates with the transfer of funds at a fixed exchange rate, which in the current conditions is a more effective solution for both tourists and tour operators

Key words: coronavirus pandemic, legal implications, tourist, tour operator, travel agent, contract for the provision of tourist services, termination of the contract, amendment of the contract, significant change in circumstances, re-booking a tour, fixed exchange rate, effective solution, compromise

БОМБЕЛА Юлия Игоревна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BOMBELA Yulia I.,** 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ШАРАПОВ Роман Дмитриевич, профессор кафедры уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**SHADRIN Victor S.,** Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст.ст. 285 И 286 УК РФ	**ABOUT SOME ISSUES OF DIFFERENTIATES OF CRIMES PROVIDED BY ART. 285 AND 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье рассматриваются некоторые вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ. Анализируется влияние на квалификацию корыстного мотива	The paper considers some issues of qualification of crimes under articles 285 and 286 of the criminal code. The influence on the qualification of a selfish motive is analyzed
Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, корыстный мотив	**Key words:** abuse of office, exceeding official power, selfish motive
БОНДАРЧУК Андрей Дмитриевич, специалист 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BONDARCHUK Andrew D.,** 1st year speciallist student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ДЫТЧЕНКО Геннадий Владимирович, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**DYTCHENKO Gennady V.,** Senior lecturer of the Department of prosecutorial supervision and the participation of the Prosecutor in handling criminal, civil and arbitration cases St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
СУД ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ	**JURY TRIAL IN RUSSIA: DEVELOPMENT TRENDS, ARGUMENTS FOR AND AGAINST**

В статье рассматривается история развития суда присяжных в России, современные тенденции, сравнение суда присяжных в России и Англии, аргументы за и против работы суда присяжных	The article deals with the history of jury trial development in Russia, current trends, comparison of jury trial in Russia and England, arguments for and against jury work
Ключевые слова: суд присяжных, история развития суда присяжных, достоинства суда присяжных, недостатки суда присяжных, аргументы за и против суда присяжных	**Key words:** jury trial, history of the development of the jury trial, advantages of the jury trial, disadvantages of the jury trial, arguments for and against the jury trial
БОРИСОВ Игорь Дмитриевич, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ПОПОВ Александр Николаевич,** заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**BORISOV Igor D.,** 2nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **POPOV Alexander N.,** Head of the Department of criminal law, criminology and criminal enforcement law of the St. Petersburg law Institute (branch) of the Prosecutor's office University of the Russian Federation Doctor of law, Professor
СООТНОШЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ ХИЩЕНИЙ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ	**CORRELATION OF SPECIAL TYPES OF THEFT WITH CRIMES AGAINST PROPERTY**
В статье затрагиваются проблемы соотношения хищения, как преступления против собственности, от иных уголовно-правовых деяний, предусматривающих уголовную ответственность за хищение предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте. Раскрыты признаки таких видов хищений. Дано авторское понятие специальных видов хищений, предусмотренных IX разделом Уголовного кодекса Российской Федерации	The article deals with the problems of correlation between theft as a crime against property and other criminal acts that provide for criminal liability for theft of items seized or restricted in civil circulation. The signs of such types of theft are revealed. The author's concept of special types of theft provided for in section IX of the Criminal code of the Russian Federation is given
Ключевые слова: преступления против собственности, квалификация, хищение, признаки хищения, специальные хищения	**Key words:** crime against property, qualification, theft, signs of theft, special theft

БОРОВЦОВ Илья Владимирович, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BOROVTSOV Ilya V.,** 3rd year student of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation
МАКОВ Борис Васильевич, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат философских наук, доцент	**MAKOV Boris V.,** Associate Professor of the Department of General humanitarian and socio-economic disciplines, candidate of philosophy, Associate Professor
ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ МИШЕЛЯ ФУКО	**MICHEL FOUCAULT'S DECONSTRUCTIVISM**
В статье рассматриваются взгляды Мишеля Фуко на деконструктивизм – философское течение второй половины XX века, а также с учетом позиций философов-постмодернистов делаются выводы о его основной проблематике	The article discusses the views of Michel Foucault on deconstructivism – the philosophical course of the second half of the XX century, and draws conclusions about its main problems taking into account the positions of postmodern philosophers
Ключевые слова: деконструктивизм, Мишель Фуко, постмодернизм, дискурс, эпистемология	**Key words:** deconstructivism, Michel Foucault, postmodernism, discourse, epistemology
БУБЁНОВ Максим Геннадьевич, ДАНИЛОВ Даниил Александрович, магистранты 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BUBENOV Maxim G., DANILOV Daniil A.,** 1nd year master students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ВАСИЛЬЧИКОВА Нина Александровна, заведующий кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**VASILCHIKOVA NINA A.,** Head of the Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
ВСТУПЛЕНИЕ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС С ЦЕЛЬЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ	**ENTRANCE OF THE PROSECUTOR IN THE ARBITRATION PROCESS IN ORDER TO ENSURE LAW**

В статье рассматриваются основания и порядок вступления прокурора в арбитражный процесс в целях обеспечения законности, обосновывается необходимость составления мотивированного заключения по делу, указываются основные источники информации, содержащие сведения о необходимости вступления в процесс	The article discusses the grounds and procedure for the prosecutor to join the arbitration process in order to ensure legality, justifies the need for a reasoned opinion on the case, indicates the main sources of information containing information about the need to enter the process
Ключевые слова: арбитражный процесс, прокурор, заключение прокурора, законность, публичные интересы	**Key words:** arbitration process, prosecutor, opinion of the prosecutor, legality, public interests
БУКИНА Валерия Олеговна, СИДОРЕНКО Алина Сергеевна, студенты 3 курса Саратовской государственной юридической академии **БАРАНОВА Марина Александровна,** доцент, кандидат юридических наук кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии	**BUKINA Valeria O., SIDORENKO Alina S.,** 3rd year students of the Saratov State Law Academy **BARANOVA Marina A.,** Associate Professor, Ph. D.(law), Department of criminal procedure, Saratov State Law Academy
ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЩИТНИКОВ С ПОМОЩЬЮ ЭЛЕКТРОННОЙ СИСТЕМЫ	**ISSUES OF APPOINTMENT OF PUBLIC DEFENDERS USING THE ELECTRONIC SYSTEM**
Данная работа посвящена изучению перспектив применения электронной системы назначения государственных защитников. Автором анализируются основные преимущества данной системы, а также выделяются проблемы, которые могут возникнуть на практике в связи с ее внедрением. Подчеркивается необходимость внесения поправок в уголовно-процессуальное законодательство	This work is devoted to the study of the prospects for the use of an electronic system for the appoint-ment of public defenders. The author analyzes the main advantages of this system, as well as highlights the problems that may arise in practice in connec-tion with its implementation. The need to amend the criminal procedure legislation is emphasized
Ключевые слова: государственный защитник, адвокат, уголовный процесс, подзащитный, электронная очередь	**Key words:** public defender, a lawyer, a criminal trial, the defendant, the electronic part

ВАСИЛЬЕВ Никита Александрович, КАРАВАЕВ Глеб Алексеевич, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**VASILYEV Nikita A., KARAVAEV Gleb A.,** 3nd year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**FIRSOV Vitaly V.,** Associate professor at the Depart-ment of state legal disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecu-tor's Office of the Russian Federation, associate professor
КВАЛИФИКАЦИЯ СТРУКТУРЫ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДРОБЛЕНИЯ КАК ЗАКОННОЙ ОПТИМИЗАЦИИ И КАК НАЛОГОВОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ	**QUALIFICATION OF THE STRUCTURE OF DOING BUSINESS: DESTINATION OF CRUSHING AS LEGAL OPTIMIZATION AND AS A TAX OFFEND**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие при оптимизации налогообложения путем дробление бизнеса. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего налогового законодательства приводятся критерии разграничения дробления бизнеса как законной оптимизации от налогового правонарушения. В результате исследования поставленных вопросов автором выдвигается позиция о необходимости внесения соответствующих изменений в ст. 54.1 НК РФ	The article discusses the problems that arise when optimizing taxation by splitting the business. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current tax legislation pro-vides criteria for distinguishing business fragmenta-tion as a legitimate optimization from a tax offense. As a result of the research the author puts forward a position on the need to make appropriate changes to article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation
Ключевые слова: дробление бизнеса, налоговая оптимизация, налоговое правонарушение, необоснованная налоговая выгода	**Key words:** business fragmentation, tax optimization, tax offense, unjustified tax benefit
ВАСИЛЬЕВА Анастасия Сергеевна, ПЕРЕКОСОВА Арина Александровна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**VASILEVA Anastasiya S., PEREKOSOVA Arina A.,** 3rd year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**FIRSOV Vitaliy V.,** Associate Professor at the De-partment of state law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ	**PROBLEM ASPECTS OF APPLICATION OF SIMPLIFIED TAXATION SYSTEMS**
В статье исследуются вопросы относительно сложности и недостатков применения упрощенной системы налогообложения. Анализируются позиции, высказанные в научной литературе, действующее налоговое законодательство и правоприменительная практика. Представляются пути решения проблем, возникающих при использовании УСН	The article studies the issues regarding the complexity and disadvantages of applying the simplified tax system. Analyzes the positions expressed in the scientific literature, current tax legislation and law enforcement practice. The ways of solving problems that arise when using the USN are presented
Ключевые слова: упрощенная система налогообложения, налоговый режим, уровень дохода, расходы, налог, кассовый метод	**Key words:** simplified taxation sys-tem, special tax regime, income level, expenses, tax, cash method
ВАСИЛЬЕВА Надежда Андреевна, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**VASILEVA Nadezhda A.,** 2nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ГОЛОВКО Ирина Ивановна, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**GOLOVKO Irina I.,** Associate Professor of the Department of procuratorial supervision and procurator's participation in criminal, civil and arbitral proceedings of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
К ВОПРОСУ ОБ ОСПАРИВАНИИ ПРОКУРОРОМ СДЕЛОК В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	**ON THE CONTESTING DEALS BY THE PROSECUTOR IN ARBITRATION PROCESS**

В статье рассмотрены некоторые проблемы, возникающие при обращении прокурора в арбитражный суд с исковым заявлением о признании недействительными сделок. На основе анализа действующего арбитражного процессуального законодательства и правоприменительной практики выработано предложение о необходимости конкретизации данного полномочия прокурора в статье 52 Арбитражного процессуального кодекса РФ, дачи разъяснения высшей судебной инстанцией	The article discusses some of the problems that arise when a prosecutor appeals to an arbitration court with a statement of claim for invalidating deals. Based on the analysis of the current arbitration procedural legislation and law enforcement practice, a proposal has been developed on the need to concretize this power of the prosecutor in article 52 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, giving clarifications to the highest court
Ключевые слова: прокурор, арбитражный процесс, полномочия прокурора, оспаривание сделок, публично-правовое образование, индивидуальный предприниматель	**Key words:** prosecutor, arbitration process, powers of the prosecutor, contestation of deals, public law formation, individual entrepreneur
ВАСИЛЮК Валерия Юрьевна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ЛАВРОВ Вениамин Владимирович,** заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент	**VASILYUK Valeriya Y.,** 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **LAVROV Veniamin V.,** Head of the Department of state and law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПИЧНЫХ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕДР, ВЫЯВЛЯЕМЫХ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**CLASSIFICATION OF TYPICAL LEGAL VIOLATIONS IN THE FIELD OF PROTECTION AND USE OF THE SUBSIDIARIES IDENTIFIED BY THE PROSECUTOR'S BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье рассматриваются различные классификации типичных нарушений законодательства в сфере охраны и использования недр, выявляемых	The article discusses various classifications of typical violations of the law in the field of protection and use of subsoil identified by the prosecution authorities

органами прокуратуры Российской Федерации. На основе изучения научной литературы, действующего законодательства и судебной практики предлагается выявляемые нарушения классифицировать по субъекту, объекту и конкретному виду полезных ископаемых	of the Russian Federation. Based on the study of scientific literature, current legislation and judicial practice, it is proposed to classify detected violations by subject, object and specific type of mineral
Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, недра, недропользование, экологическое законодательство	**Key words:** prosecutor, prosecutor's supervision, subsoil, subsoil use, environmental legislation
ВОЛЬНЫХ Алина Артёмовна, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**VOLNYKH Alina A.,** 3nd year students of the St. Pe-tersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
КРАВЧЕНКО Роман Михайлович, старший преподаватель кафедры, Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	**KRAVCHENKO Roman M.,** Senior lecturer, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law
СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА» ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ	**THE SUBJECT OF THE CONCEPT OF «MEDICAL MISTAKE» FOR THE GOALS OF APPLYING THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье рассмотрена проблема юридической квалификации ошибочных действий медицинских работников. Проанализирована правовая природа врачебных ошибок и их причин, а также критериев отграничения врачебных ошибок от медицинских деликтов. Дано конкретизированное понятие «врачебной ошибки», аргументирована необходимость его законодательного закрепления и нецелесообразность принятия специальных норм в отношении медицинских работников	Problem of jurisdiction qualification of doing of medical workers was addressed in the article. The legal nature of medical mistakes and reasons, also the delamination criteria of medical mistakes from the tort of medical were analyzed in the article. There is a concretized definition of «medical mistake», the article includes necessary of legislative consolidation and the inappropriateness of adopting special rules for medical workers
Ключевые слова: врачебная ошибка, причины врачебных ошибок, медицинский деликт, ответственность медицинских работников	**Key words:** medical mistake, reasons of medical mistakes, tort of medical, liability of medical workers

ВОРОНИНА Наталия Александровна, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**VORONINA Nataliia A.,** 2nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЛАВРОВ Вениамин Владимирович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент	**LAVROV Veniamin V.,** Head of the Department of State Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ	**TYPICAL VIOLATIONS OF LEGISLATION IN THE SCOPE OF PROTECTION AND USE OF WATER BIORE-SOURCES COMMITTED BY USERS**
В статье систематизированы типичные нарушения законодательства в сфере охраны и использования водных биоресурсов, совершаемые лицами, которые осуществляют вылов водных биоресурсов или используют водоемы, имеющие рыбохозяйственное значение	The article classifies typical violations of the law in the field of protection and use of aquatic biological resources committed by persons who catch aquatic biological resources or use water bodies of fishery importance
Ключевые слова: водные биоресурсы, пользователи водных биоресурсов, типичные нарушения законодательства в сфере рыболовства, прокурорский надзор	**Key words:** aquatic biological resources, users of aquatic biological resources, typical violations of legislation in the scope of fisheries, the prosecutor
ВОРЫШЕВА Кира Владимировна, ДРЕСВЯННИКОВА Анастасия Алексеевна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**VORYSHEVA Kira V., DRESVYANNIKOVA Anastasia A.,** 3rd year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**FIRSOV Vitaly V.,** Associate professor, Department of State Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of Law, associate professor

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ.116 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В статье рассматриваются проблемы, возникающие при привлечении к ответственности по ст. 116 НК РФ. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего налогового законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется подход об изменении редакции ст. 116 НК РФ и п. 3 ст. 83 НК РФ **Ключевые слова:** налоговая ответственность, учет в налоговых органах, налоговый контроль, налогоплательщик, налоговый орган	**PROBLEMS OF RESPONSIBILITY UNDER ART. 116 OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION** The article discusses the problems that arise when brought to justice under Article 116 of the Tax Code. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current tax legislation and law enforcement practice, an approach is put forward and argued to amend the revision of Article 116 of the Tax Code and paragraph 3 of Article 83 of the Tax Code **Key words:** tax liability, tax accounting, tax control, taxpayer, tax authority
ГАЛЕКБАРОВ Герман Викторович, МИХАЙЛОВ Иван Николаевич, студенты 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ДАВЫДОВА Марина Витальевна,** заместитель директора Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**GALEKBAROV German V., MIKHAILOV Ivan N.,** 4-year students of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **DAVYDOVA Marina V.,** Deputy Director of Irkutsk law Institute (branch) University Prosecutor's office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor
ПОЗИЦИЯ ООН ПО ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В КОСОВО: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ В статье рассматриваются проблемы урегулирования вооруженных конфликтов международно-правовыми средствами. Авторами проанализирована ситуация, возникшая на территории Союзной Республики Югославия в конце девяностых годов двадцатого века, законность действий вооруженных сил государств-членов НАТО	**THE UN POSITION ON THE QUESTION OF MILITARY ACTION IN KOSOVO: LEGAL ASPECT** The article deals with the problems of settlement of armed conflicts by international legal means. The authors analyzed the situation that arose on the territory of the Federal Republic of Yugoslavia in the late nineties of the twentieth century, the legality of the actions of the armed forces of NATO member States against Yugoslavia, as well as the effectiveness

против Югославии, а также эффективность механизма принятия решений Советом Безопасности ООН по вопросу урегулирования международных конфликтов	of the decision-making mechanism of the UN Security Council on the settlement of international conflicts
Ключевые слова: вооруженный конфликт, международное публичное право, международная организация	**Key words:** armed conflict, public international law, international organization
ГИБТЕНКО Николай Алексеевич, студент 2 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского	**GIBTENKO Nikolay A.,** 2nd year student of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
НАЗАРОВА Надежда Александровна, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент	**NAZAROVA Nadezhda A.,** Associate Professor, Department of Civil Law and process, Faculty of Law, National Research Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Candidate of Law, Associate Professor
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ И ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	**TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP OF IN-TANGIBLE GOODS AND PERSONAL PROPERTY RIGHTS IN CIVIL LAW**
В статье рассматриваются такие понятия как нематериальные блага и личные неимущественные права, вопрос равнозначности которых до сих пор вызывает бурную дискуссию среди российских цивилистов. Таким образом, из-за отсутствия единого консенсуса в многочисленных диспутах, пробел в гражданском законодательстве, так или иначе продолжает существовать. Проанализировав доктринальные работы юристов-правоведов, автор озадачился разрешить столь спорную дискуссию, найдя в ней сбалансированное единое мнение, касающееся спорных вопросов, связанных с определением нематериальных благ и выделения в них специфичных особенностей, позволяющих разграничивать их от других объектов гражданского права	The article discusses such concepts as intangible goods and personal non-property rights, the issue of equivalence of which still causes a heated discussion among Russian civilians. Thus, due to the lack of a single consensus in numerous disputes, a gap in civil law, one way or another, continues to exist. After analyzing the doctrinal work of legal lawyers, the author was puzzled to resolve such a controversial discussion, finding in it a balanced consensus on controversial issues related to the definition of intangible goods and the allocation of specific features in them that make it possible to distinguish them from other objects of civil law

Ключевые слова: нематериальные блага, личностные блага, личные неимущественные права, идеальные объекты субъективного права, идеальный характер благ	**Key words:** intangible goods, personal goods, personal non-property rights, ideal objects of subjective law, the ideal nature of goods
ГЛАЗИСТОВА Дарья Алексеевна, студент 3 курса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации **ИГБАЕВА Гузель Римовна,** заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**Glazistova Daria A.,** 3nd year student of the St. Pe-tersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation **IGBAEVA Guzel R.,** Head of the Department of civil law disciplines of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
ТЕНДЕНЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАДРОВЫХ ВОПРОСОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ ПЛАТФОРМ В статье рассмотрены актуальные проблемы законодательного регулирования: кадрового электронного документооборота, использование социальных сетей, а также удаленной работы **Ключевые слова:** удаленная работа, электронный кадровый документооборот, работник, работодатель	**TENDENCY OF LEGAL REGULATION OF PERSONNEL ISSUES WITH THE USE OF THE INTERNET PLATFORM** The article deals with current problems of legislative regulation: personnel electronic document management, the use of social networks, as well as remote work **Key words:** remote work, electronic personnel document management, employee, employer
ГОЛОВИЗНИНА Любовь Алексеевна, ПОСТРИГАНЬ Кирилл Андреевич, студенты 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **АМПЛЕЕВА Елена Евгеньевна,** заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**GOLOVIZNINA Liubov A., POSTRIGAN Kirill A.,** 4th year students of the St. Petersburg law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation **AMPLEEVA Elena E.,** Head of the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	**ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF A MARRIAGE CONTRACT IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW**
На сегодняшний день весьма распространена практика брачных отношений с иностранцами, в том числе и путем заключения брачного договора. В статье проанализированы коллизионные принципы lexvoluntatis и lexreisitaев контексте российского законодательства, новейших европейских регламентов и международных договоров универсального характера	To date, the practice of marital relations with foreign countries is very common, including through the introduction of a prenuptial agreement. The article procollision principles lex voluntatis and lex rei sitae in the context of Russian legislation, the latest European-European regulations and international treaties of a universal nature
Ключевые слова: международное частное право, брачный договор, личные неимущественные права, иностранный элемент, автономия воли	**Key words:** international private law, marriage con-tract, personal non-property rights, foreign element, lex voluntatis
ГОРЕЛИК Данила Юрьевич, УСТАВЩИКОВА Анастасия Андреевна, студенты 4 курса, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации	**GORELIK Danila Y., USTASCHIKOVA Anastasia A.,** 4th year students, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor of the Russian Federation
БУЛГАКОВА Луиза Сираждеддиновна, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BULGAKOVA Louise S., Senior Lecturer,** Department of Public Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	**PROSECUTORIAL OVERSIGHT OF THE IMPLEMENTATION OF THE LEGISLATION ON THE PROCUREMENT OF GOODS (WORK, SERVICES) FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS IN THE FIELD OF EDUCATION**

В статье анализируется надзорная деятельность органов прокуратуры в рамках исполнения законодательства о закупках товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд в сфере образования. Авторы определяют наиболее проблемные сегменты данного типа правоотношений, указывая на значимость и соответствующую ответственность, возложенную на субъекты деятельности	The article analyzes the supervisory activities of prosecution authorities in the framework of the legislation on the procurement of goods (works, services) for state and municipal needs in the field of education. The authors identify the most problematic segments of this type of legal relationship, indicating the significance and corresponding responsibility assigned to the subjects of activity
Ключевые слова: государственные закупки, прокуратура, образование, контрактная система, социальные права	**Key words:** public procurement, prosecutor's office, education, contract system, social rights
ГОЛУБИНА Александра Андреевна, КОТИНА Илона Дмитриевна, студенты 3 курса бакалавриата Санкт-Петербургского юридического Института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**GOLUBINA Alexandra A., KOTINA Ilona D.,** students of the 3rd course of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЕЛАГИНА Елена Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ELAGINA Elena V.,** Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ	**PROBLEMS OF IDENTIFICATION OF PERSONALITY OF UNKNOWN UNDERSTANDING**
Тема статьи посвящена наиболее действенным методам идентификации личности. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в практической деятельности при идентификации личности неопознанных трупов, а также представлены возможные пути их решения	The topic of the article is devoted to the most effective methods of personal identification. The article discusses the problems that arise in practical activities in identifying the identity of unidentified corpses, and also presents possible solutions
Ключевые слова: идентификация личности неопознанных трупов, методы идентификации личности, молекулярно-генетический метод	**Key words:** identification of unidentified corpses, methods of identification, molecular genetic method

ГОСТЕВА Дарья Дмитриевна, студентка 2 курса Российского государственного университета правосудия	**GOSTEVA Daria D.,** 2nd year student of the Russian State University of Justice
ХАПСИРОКОВА Елена Анатольевна, доцент кафедры конституционного права им. Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент	**HAPSIROKOVA Elena A.,** Associate Professor of the Department of constitutional law N. V. Vitruk Russian State University of Justice, candidate of law, associate Professor
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ДОНОРСТВЕ ОРГАНОВ И ИХ ТРАНСПЛАНТАЦИИ	**PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON DONATION OF BODIES AND THEIR TRANSPLANTATION**
В статье рассматриваются проблемы, связанные с совершенствованием российского законодательства в сфере донорства органов и тканей человека	The article discusses the problems associated with the improvement of Russian legislation in the field of donation of human organs and tissues
Ключевые слова: трансплантация, донорство органов, презумпция согласия на изъятие органов, законодательство о донорстве органов, права человека	**Key words:** transplantation, organ donation, the presumption of consent to organ removal, legislation on organ donation, human rights
ГРИГОРЬЕВ Михаил Александрович, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университете прокуратуры Российской Федерации	**GRIGOR`EV Mikhail A.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университете прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Associate Professor of the Department of civil law disciplines, St. Peters-burg Law Institute (branch) of the University
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**SOME QUESTIONS OF LEGAL REGULATION OF LABOUR CONVICTS OF THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье затрагиваются проблемы правового регулирования труда осужденных в Российской Федерации.	The article deals with the problems of legal regulation of labor of convicts in the Russian Federation. Based on the analyzed

На основе проанализированного научного материала и действующего трудового и уголовно-исполнительного законодательства, рассмотрены некоторые вопросы, затрагивающие труд осужденных	scientific material and current labor and criminal enforcement legislation, some issues affecting the work of convicts are considered
Ключевые слова: трудовое право, труд осужденных, проблемы регулирования в трудовом законодательстве, уголовно-исправительное право	**Key words:** labour law, labour convicts, challenges to the regulating in the labour law, criminal executive law
ГРИГОРЯН Нарек Гургенович, адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России **ТЮНИН Владимир Ильич,** профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор	**GRIGORYAN Narek G.,** Graduate St.-Petersburg University of MIA of Russia **TYUNIN Vladimir I.,** Professor, criminal law Department, St. Petersburg University of MIA of Russia, doctor of legal Sciences, Professor
К ВОПРОСУ О ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ В ДАЧЕ И ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ	**ON THE ISSUE OF MEDIATION IN GIVING AND RECEIVING BRIBES IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ARMENIA**
В статье рассматривается уголовно-правовое регулирование состава «посредничество во взяточничестве» в российском законодательстве. Автор приходит к выводу, что в УК РФ оно определено более удачно, охватывает «физическое» и «интеллектуальное» посредничество, а квалифицирующие признаки состава сопоставляются с аналогичными признаками составов дачи/получения взятки	The article deals with the criminal law regulation of the «mediation in bribery» in the Russian legislation. The author comes to the conclusion that in the criminal code of the Russian Federation it is defined more successfully, covers «physical» and «intellectual» mediation, and the qualifying features of the composition are compared with similar features of the composition of giving/receiving a bribe
Ключевые слова: дача/получение взятки, посредничество во взяточничестве, уголовный закон, взяткодатель, посредник, соучастник	**Key words:** giving/receiving a bribe, mediation in bribery, criminal law, bribe taker, intermediary, ac-complice

ГУМЕРОВА Айгуль Шамилевна, студент 2 курса Казанского филиала Российского государственного университета правосудия	**GUMEROVA Aigul S.,** 2nd year student of the Kazan branch of the Russian state University of justice
МИФТАХОВ Ренат Ленарович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук	**MIFTAKHOV Renat L.,** Associate Professor of the Department of state and legal disciplines of the Kazan branch of the Russian state University of justice, candidate of jurisprudence
ИНТЕГРАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО И МЕДИЦИНСКОГО АСПЕКТОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ДЕЕСПОСОБНОСТИ, КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ	**INTEGRATION OF LEGAL AND MEDICAL ASPECTS IN DETERMINING LEGAL CAPACITY AS A CONSTITUTIONAL AND LEGAL CATEGORY**
В статье раскрывается особенность правового регулирования в сфере конституционных правоотношений, затрагивающих вопрос дееспособности гражданина лишь на основании возрастного ценза. Выдвигается предположение о внесение в Конституцию Российской Федерации норм, регламентирующих реализацию основных прав и свобод человека и гражданина не только на основании достижения индивидом определённого возраста, но и на основании психической стабильности лица	The article reveals the peculiarity of legal regulation in the field of constitutional legal relations that affect the issue of a citizen's legal capacity only on the basis of age qualification. It is suggested that the Constitution of the Russian Federation should include norms regulating the implementation of basic human and civil rights and freedoms not only on the basis of an individual's reaching a certain age, but also on the basis of a person's mental stability
Ключевые слова: дееспособность, медицинский и юридический критерий определения дееспособности, реализация основных прав и свобод гражданина, Конституция Российской Федерации	**Key words:** legal capacity, medical and legal criteria for determining legal capacity, implementation of basic rights and freedoms of a citizen, Constitution of the Russian Federation
ГУСАКОВА Ирина Александровна, студент 3 курса Института государства и права Тюменского государственного университета	**GUSAKOVA Irina A.,** 3nd year student of the Institute of State and Law of the Tyumen State University
СИДОРОВА Наталья Вячеславовна, доцент кафедры уголовного права и процесса Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент	**SIDOROVA Natalya V.,** Full Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Institute of State and Law, Tyumen State University, Candidate of law, Full Professor

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ АДВОКАТА В статье рассматривается институт свидетельского иммунитета адвоката в уголовно-процессуальном законодательстве. Исследуется вопрос отнесения данного иммунитета к определенному виду. Выделяются условия допроса адвоката как свидетеля **Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, свидетельский иммунитет, адвокат, адвокатская тайна, юридическая помощь, допрос адвоката, свидетель	**THE WITNESS IMMUNITY OF THE LAWYER** The article considers the institution of witness immunity of a lawyer in the criminal procedure legislation. The issue of assigning this immunity to a specific species is being investigated. The conditions for questioning a lawyer as a witness are highlighted **Key words:** criminal proceedings, witness immunity, lawyer, lawyer secret, legal aid, interrogation of the lawyer, witness
ДАВАР Джебраил Таймурович, студент 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ЧЕСТНОВ Илья Львович,** профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**DAWAR Jeebrail T.,** 1st year student of the St. Pe-tersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **CHESTNOV Ilya L.,** Professor at the Department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
ЭВОЛЮЦИЯ «ВОЗРОЖДЕННОГО» ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В РОССИИ: ОТ «ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА» В.С. НЕРСЕСЯНЦА К «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА» В.А.ЧЕТВЕРНИНА В статье рассматривается развитие либертарно-юридической теории в России, выделяются основные дифференциации между институциональной теорией права В.А. Четвернина и либертарно-юридической теорией права В.С. Нерсесянца, исследуются основные положения институциональной теории права В.А. Четвернина как одного из наиболее перспективных подходов в рамках либертарно-юридической парадигмы правопонимания	**EVOLUTION OF THE "REBORN" NATURAL LAW IN RUSSIA: FROM V.S. NERSESIANTS'S THE "LIBERTARIAN-LEGAL THEORY OF LAW" TO V.A. CHETVERNIN'S THE "INSTITUTIONAL THEORY OF LAW"** The article considers the development of libertarian legal theory in Russia, highlights the main differentiations between the V.A. Chetvernin's institutional theory of law and the V.S. Nersesyants's libertarian legal theory of law, explores the main provisions of the V.A. Chetvernin's institutional theory of law one of the most promising approaches within the framework of the libertarian legal paradigm of legal understanding

Ключевые слова: либертарно-юридическая теория права, институциональная теория права, потестарные и либертарные институты, социокультура, принципы запрета агрессивного насилия и самопринадлежности, либертарианство, принцип формального равенства	**Key words:** libertarian legal theory of law, institutional theory of law, potestarian and libertarian institutions, social culture, principles of prohibition of aggressive violence and selfbelonging, libertarianism, the principle of formal equality
ДАЛЬХЕЕВ Андрей Аркадьевич, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **КУЗБАГАРОВ Асхат Назаргалиевич,** профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**DALKHEEV Andrey A.,** 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **KUZBAGAROV Ashat N.,** Professor at the Department of Civil Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕМЕНТА ВОЛИ В СОСТАВЕ ВИНДИКАЦИОННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ В статье рассматриваются проблемы, связанные с определением воли на передачу владения в рамках виндикационного правоотношения. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего гражданского законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется предложения по совершенствования правоприменительной практики **Ключевые слова:** воля, владение, виндикация, презумпция, добросовестность	**FEATURES OF THE WILL IN COOPERATION PUTTING VINDICATORY LEGAL RELATIONSHIP** The article deals with problems related to the determination of the will to transfer ownership within the framework of a vindication legal relationship. On the basis of analysis of positions expressed in the scientific literature, current civil legislation and law enforcement practice, proposals for improvement of law enforcement practice are put forward and argued **Key words:** will, possession, vindication, presumption, good faith
ДЕМЕНТЬЕВ Дмитрий Олегович, студент магистратуры 1 курса Университета прокуратуры Российской Федерации	**DEMENTYEV Dmitry O.,** 1st year master student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ДОБРОРОДОВА Вероника Валерьевна, студент 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

АМПЛЕЕВА Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся системы государственных органов, осуществляющих меры антикоррупционной направленности, где особое место занимают органы прокуратуры, которые наделены рядом полномочий в этой сфере. Во многих странах Содружества на прокуратуру возложена задача координации деятельности правоохранительных органов, а также взаимодействие между этими органами для решения главной проблемы - борьбы с коррупцией

Ключевые слова: противодействие коррупции, международное сотрудничество, Содружество Независимых Государств, органы прокуратуры

DOBRORODOVA Veronika V., 4 year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

AMPLAYEVA Elena E., Head of the department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University, candidate of law, associate professor, junior counselor of justice

INTERACTION OF PROSECUTOR'S OFFICES IN THE POST-SOVIET SPACE IN THE SPHERE OF COUNTERING AND FIGHTING CORRUPTION

A special place in the system of state bodies implementing anticorruption measures is taken by prosecution bodies, which are endowed with a number of powers in this area. In many countries of the Commonwealth, the prosecutor's office is entrusted with the task of coordinating the activities of law enforcement agencies, as well as the interaction between these bodies to solve the main problem - the fight against corruption

Key words: counteraction of corruption, international cooperation, the Commonwealth of Independent States, prosecution bodies

ДЕНИСЕНКО Надежда Вячеславовна, студент 4 курса юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

ИВАНОВА Юлия Игоревна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

DENISENKO Nadezhda V., 4th year student of the law faculty of Francisk Scorina Gomel State University

IVANOVA Julia I., Senior lecturer of the department of theory and history of state and law of Francisk Scorina Gomel State University

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЖЕНЩИН-ИНТЕРСЕКСОВ НА УЧАСТИЕ В СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ	**ON THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF WOM-EN-INTERESXES TO PARTICIPATE IN SPORTS COMPETITIONS**
В статье анализируются проблемы участия женщин с повышенным уровнем тестостерона в спортивных соревнованиях. Рассматриваются документы, регулирующие правила такого участия. Делается вывод о необходимости изменения Международным Олимпийским комитетом критериев допуска женщин-интерсексуалов к спортивным соревнованиям	The article analyzes the problems of the participation of women with high levels of testosterone in sports competitions are being discussed in this article. Based on the analysis of views present in the criminal and procedural law, as well as established practices in applying the law, as expressed in the literature, an approach to the significance of the presumption of innocence and protecting the defendant's rights is being presented, argumented for, and an approach for their improvement is being discussed
Ключевые слова: права интерсексуалов, спортсмены-интерсексуалы, правила спортивных соревнований, уровень тестостерона, Кастер Семеня, Международный Олимпийский комитет	**Key words:** intersex rights, intersex athletes, rules of sporting events, testosterone level, Custer Semenia, International Olympic Committee
ДУДЫРИНА Екатерина Сергеевна, магистрант 2 курса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации **САРЫГИНА Элина Сергеевна,** преподаватель кафедры судебных экспертиз и оперативно-розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета РФ, кандидат юридических наук **К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАПАХОВЫХ СЛЕДОВ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**	**DUDYRINA Ekaterina S.,** 2nd year master student of the Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation **SARYGINA Elina S.,** Lecturer, Department of Forensic Examination and Operational Investigation Activities of the Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, candidate of law **THE USE OF THE RESULTS OF A JUDICIAL EXPERTISE OF ODOR TRACES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES**

В данной статье рассматриваются теоретические и практические основы назначения и производства судебных экспертиз запаховых следов человека. Автором предлагаются критерии оценки заключения эксперта	This article discusses the theoretical and practical basis for the appointment and production of forensic examinations of human odor traces. The author proposes a definition of the term «human odor traces», as well as criteria for evaluating the expert opinion
Ключевые слова: судебная экспертиза, запаховые следы человека, биологический детектор, ольфакторный метод	**Key words:** forensics, human odor traces, biological detector, olfactory method
ЕВТОДЬЕВА Анастасия Олеговна, студент юридического факультета 3 курса Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина **ГОРУПА Татьяна Александровна,** заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина	**EVTODIEVA Anastasia O.,** 3rd year law student of the Brest state university named after A. S. Pushkin **GORUPA Tatiana A.,** Head of the Department of Civil Law, PhD in Law, Associate Professor of the Brest State University named after A.S. Pushkin
СУДЕБНАЯ НЕУСТОЙКА (АСТРЕНТ): ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	**JUDICIAL PENALTY (ASTREINT): FOREIGN MODELS AND PROSPECTS FOR THE REPUBLIC OF BELARUS**
В данной работе рассматривается институт судебной неустойки (астрента) и проблема ее отсутствия в белорусском гражданском законодательстве. В ходе работы было проанализировано зарубежное гражданское законодательство и рассмотрены различные подходы к пониманию судебной неустойки. Введение указанной меры должно стать для Республики Беларусь успешной денежным способом обеспечения исполнения обязательств по судебным решениям	In this paper, explores the institution of astreinte and the problem of its absence in the Belarusian civil law. In the course of the work, foreign civil legislation was analyzed and were considered various approaches to understanding the judicial penalty. The introduction of this measure should become a successful monetary sanction for the Republic of Belarus and a popular way to ensure the fulfillment of obligations by judicial decisions
Ключевые слова: неустойка, судебная неустойка, астрент, исполнение обязательств	**Key words:** forfeit, judicial penalty, astreinte, performance of obligations

ЕГОРОВА Анастасия Владимировна, ЛЕВЧЕНКОВА Александра Валерьевна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**EGOROVA Anastasia V., LEVCHENKOVA Alexandra V.,** 3rd year students of the St. Petersburg law Institute (branch) of the Prosecutor's office of the Russian Federation University
КУСТОВ Михаил Николаевич, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**KYSTOV Mikhail N.,** Senior lecturer of the Department of Prosecutor's supervision and participation of the Prosecutor in criminal, civil and arbitration cases, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation
ПРОКУРОРСКАЯ ПРОВЕРКА В СФЕРЕ ЛЬГОТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН ЛЕКАРСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ И МЕДИЦИНСКИМИ ИЗДЕЛИЯМИ	**PROSECUTOR'S CHECK IN THE SPHERE OF PREFE-RENTIAL PROVISION OF CITIZENS WITH MEDICINES AND MEDICAL DEVICES**
В статье рассматриваются вопросы проведения проверки исполнения законодательства о льготном обеспечении граждан лекарствами и медицинскими изделиями. На основе анализа прокурорской практики, научной литературы, действующего законодательства приводятся некоторые проблемы проведения проверки, наиболее эффективные проверочные мероприятия и наиболее результативные акты прокурорского реагирования на выявленные нарушения	The article deals with the issues of checking the implementation of legislation on preferential provision of medicines and medical devices to citizens. Based on the analysis of Prosecutor's practice, scientific literature, and current legislation, some problems of verification, the most effective verification measures, and the most effective acts of Prosecutor's response to detected violations are presented
Ключевые слова: прокурорская проверка, льготное обеспечение лекарствами, проверочные мероприятия, акты реагирования	**Key words:** prosecutor's check, preferential provision of medicines, verification measures, response acts
ЕГОРОВА Екатерина Владиславовна, студентка 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**EGOROVA Ekaterina V.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В данной статье рассматривается проблема регулирования сравнительно нового для нашей страны дистанционного характера труда, одной из особенностей которого является отсутствие контроля работника со стороны работодателя. В связи с этим возникает вопрос о поддержании соответствующей дисциплины, без которой не обходится ни одно производство. Предложено решение данного вопроса путем использования дистанционных методов взаимодействия сторон, закрепляемых в соответствующем трудовом договоре и дающих возможность защитить свои права каждому из его субъектов

Ключевые слова: дистанционный труд, особенности дистанционной работы, регулирование дистанционного характера труда, трудовой договор о дистанционной работе

CHERNYSHEVA Liudmila A., Associate professor of the department of civil law disciplines of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in law, associate professor

ABOUT SOME PECULIARITIES OF REMOTE WORKERS LABOR REGULATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

This article deals with the problem of regulation of a relatively new for our country remote form of labor, which is featured by the lack of control of the employee by the employer. This raises the issue of maintaining the relevant discipline, which is indis-pensable for any production. It is proposed to solve this issue by using remote methods of interaction between the parties, which are enshrined in the relevant employment contract and make it possible for each of them to protect their rights

Key words: remote work, features of remote work, regulation of remote work, labor contract on remote work

ЕГОРОВА Елизавета Юрьевна, студент 3 курса Саратовской государственной юридической академии

БАРАНОВА Марина Александровна, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент

EGOROVA Elizaveta Y., 3rd year student Saratov state law Academy

BARANOVA Marina A., Associate Professor of the Department of criminal procedure Saratov state law Academy, candidate of law, associate Professor

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	**ON THE PROSPECTS OF USING ELECTRONIC CRIMINAL CASES**
Актуальность выбранной темы заключается в том, что информационные технологии внедряются во все сферы общественной жизни. Одним из направлений развития уголовного процесса является возможность использования электронных уголовных дел. В статье приведены различные точки зрения ученых по поводу использования электронных уголовных дел. Автором подробно рассмотрены преимущества и недостатки подобного нововведения. А также приведены примеры из судебной практики	The Relevance of the chosen topic is that information technologies are being implemented in all spheres of public life. One of the directions of development of the criminal process is the possibility of using electronic criminal cases. The article presents various views of scientists on the use of electronic criminal cases. The author considers in detail the advantages and disadvantages of this innovation. Examples from court practice are also provided
Ключевые слова: информационные технологии, уголовное судопроизводство, электронные уголовные дела, преимущества, электронный документооборот	**Key words:** information technologies, criminal proceedings, electronic criminal cases, advantages, electronic document management
ЕГОРОВА Злата Сергеевна, студент 2 курса МГИМО МИД России	**EGOROVA Zlata S.,** 2nd year undergraduate student of the MGIMO University
ОСИНА Дина Матвеевна, старший преподаватель кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России	**OSINA DINA M.,** Senior Lecturer, the Department of Theory of Law and Comparative Law, MGIMO University
ПРЕДЕЛЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОГОРИИ)	**THE LIMITS OF REGULATION OF RELIGIOUS FREEDOM (BASED ON THE EXAMPLE OF MONTENEGRO)**
В статье исследуются отношения государства к религии, рассматривается обеспечение государством реализации права человека на религию. Автор изучает и анализирует статьи принятого закона Черногории о свободе вероисповедания. На основе проделанного анализа автор предпринимает попытки определять границы регулирования свободы человека на право вероисповедания	In the article the state's attitude to religion to get it with enforcement by the state of the human right to religion are explored. The author examines and analyzes the articles of the adopted Montenegrin law on the religious freedom. Based on the analysis, the author attempts to determines the boundaries of the regulation of human freedom of religion

Ключевые слова: право человека на религию, свобода совести, свобода вероисповедания, Черногория, протесты	**Key words:** human right to religion, freedom of conscience, freedom of religion, Montenegro, protests
ЕЛЬКИН Станислав Владимирович, магистрант 2 курса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридический университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **КОНОНОВ Павел Иванович,** судья Второго арбитражного апелляционного суда, доктор юридических наук, профессор	**ELKIN Stanislav V.,** 2nd year master student of the Volgo-Vyatkski Institute (Branch) of the O. E. Kutafin Moscow State Law Academy **KONONOV Pavel I.,** Judge of the Second arbitration court of appeal, Doctor of Law, Full Professor
ПРЕДЕЛЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ В статье рассматриваются различные токи зрения на понимание категории «пределы прокурорского надзора», значение сферы здравоохранения при реализации надзора прокуратуры, особенности пределов надзора прокуратуры за органами исполнительной власти в сфере охраны здоровья. В конце научной статьи предлагаются различные варианты по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего меры прокурорского реагирования для расширения полномочий должностных лиц органов прокуратуры	**LIMITS OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OF BODIES EXECUTIVE POWER IN THE FIELD OF HEALTH PROTECTION** The article discusses the features of different points of view on understanding the category «limits of Prosecutor's supervision», the importance of the health sector in the implementation of the Prosecutor's supervision, the features of the limits of the Prosecutor's supervision of Executive authorities in the field of health protection. At the end of the scientific article, various options are proposed for improving the current legislation regulating the measures of the Prosecutor's response to expand the powers of officials of the Prosecutor's office
Ключевые слова: прокурорский надзор, пределы прокурорского надзора, охрана здоровья, меры прокурорского реагирования	**Key words:** Prosecutor's supervision, limits of Prosecutor's supervision, health protection, measures of Prosecutor's response
ЕРМОШКИН Владлен Владимирович, СОЛЯКОВ Василий Евгеньевич, курсанты 3 курса командного факультета Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации	**Ermoshkin Vladlen V., SOLYAKOV Vasily E.,** 3rd year cadets of the command faculty of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation

ЕВСТРАТОВА Юлиана Айратовна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского военного ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук	**YEVSTRATOVA Yuliana A.,** Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, PhD in Law
ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ПРЕСТУПНИКОВ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ (СОТРУДНИКАМИ) ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ	**LEGALITY OF CAUSING HEALTH WHEN DETAINING CRIMINALS BY MILITARY SERVICE (EMPLOYEES) NATIONAL GUARD TROOPS**
Проблема правомерности причинения вреда жизни и здоровью граждан является одной из наиболее сложных и неоднозначных в уголовном праве. Она порождает коллизии в правовых актах, регулирующих права сотрудников правоохранительных органов по применению оружия и существование множества подходов к данной проблеме предопределяют необходимость привести их к единообразной системе	The problem of the legality of causing harm to the life and health of citizens is one of the most complex and controversial in criminal law. It gives rise to conflicts in legal acts regulating the rights of law enforcement officers to use weapons and the existence of many approaches to this problem predetermines the need to bring them to a uniform system
Ключевые слова: военнослужащий, сотрудник, преступление, правоохранительные органы, оружие, специальные средства	**Key words:** serviceman, employee, crime, law enforcement, weapons, special means
ЖБАНКОВ Серафим Викторович, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации	**ZHBANKOV SERAFIM V.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor`s Office of the Russian Federation
ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor`s Office of the Russian Federation Professor`s Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА	**ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PAYMENT OF LABOR**

В статье рассматриваются проблемы, связанные с задержкой выплаты заработной платы работникам. Благодаря анализу статистических показателей, а также позиций, представленных в научной литературе, в статье выявлены причины данной проблемы и предложены возможные пути решения **Ключевые слова:** оплата труда, задержка выплаты заработной платы, работодатель, работник, инспектор труда	The article discusses the problems associated with the delay in the payment of wages to employees. Thanks to the analysis of statistical indicators, as well as the positions presented in the scientific literature, the article identifies the causes of this problem and suggests possible solutions **Key words:** wages, delayed payment of wages, employer, employee, labor inspector
ЖЕЛЕЗНЯК Екатерина Александровна, ЖЕЛЕЗНЯК Татьяна Александровна, студенты 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **АМПЛЕЕВА Елена Евгеньевна,** заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ZHELEZNYAK Ekaterina A., ZHELEZNYAK Tatiana A.,** 4th year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **AMPLEEVA Elena E.,** Head of the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor
О ПОПРАВКАХ К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2020 г., КАСАЮЩИХСЯ ВОПРОСОВ СООТНОШЕНИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ	**ON AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION 2020, CONCERNING MATTERS OF RELATIONSHIP WITH INTERNATIONAL LAW**
В январе 2020 г. началась большая работа по внесению поправок в Конституцию России 1993 г. В статье проанализированы некоторые вопросы соотношения международного и российского права с целью устранения негативной практики расширительного толкования международных договоров и решений международных органов. Авторы рассматривают предоставление Конституционному Суду Российской Федерации новых широких полномочий как попытку «блокировать» международные решения, направленные против национальных интересов страны	In January 2020, a lot of work began to amend the Constitution of Russia in 1993. The article analyzes some issues of the relationship between international and Russian law in order to eliminate the negative practice of a broad interpretation of international treaties and decisions of international bodies. The authors consider the provision of new broad powers to the Constitutional Court of the Russian Federation as an attempt to "block" international decisions against the country's national interests

Ключевые слова: Конституция, международно-правовые нормы, международный договор, межгосударственные объединения, полномочия Конституционного Суда	**Key words:** Constitution, international legal norms, international treaty, interstate associations, powers of the Constitutional Court
ЗАЙЦЕВА Полина Алексеевна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **КРАЕВ Денис Юрьевич,** доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ZAYTSEVA Polina A.,** 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **KRAEV Denis Y.,** Associate Professor of the Department of criminal law, criminology and criminal enforcement law of the St. Petersburg legal Institute (branch) of the University Prosecutor's office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor
СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА В статье рассматриваются проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, связанные с определением субъективной стороны доведения до самоубийства. На основе анализа научных публикаций, действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики формулируется и аргументируется авторская позиция о формах вины при совершении доведения до самоубийства	**THE SUBJECTIVE SIDE OF INCITEMENT TO SUICIDE** In the article problems of qualification of crime provided by article 110 of the criminal code relating to the definition of the subjective side of incitement to suicide. Based on the analysis of scientific publications, current criminal legislation and law enforcement practice, the author's position on the forms of guilt in committing of incitement to suicide is formulated and argued
Ключевые слова: доведение до самоубийства, субъективная сторона доведения до самоубийства, форма вины, умысел, неосторожность, суицид, статья 110 Уголовного кодекса Российской Федерации	**Key words:** incitement to suicide, subject side of incitement to suicide, form of guilt, intent, negligence, suicide, article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation
ЗАРЯ Александр Андреевич, студент 2 курса Юридического факультета Южного Федерального Университета	**ZARIA Aleksandr A.,** 2nd year bachelor student of the Faculty of law of Southern Federal University

ДМИТРИЕВА Ольга Викторовна, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Южного Федерального Университета, кандидат юридических наук, доцент	**DMITRIEVA Olga V.,** Associate Professor at the Department of civil law, Faculty of law of Southern Federal University, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ	**PROBLEMS OF APPLYING THE INSTITUTE OF ESSENTIAL CHANGE OF CIRCUMSTANCES**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации института существенного изменения обстоятельств. На основе анализа позиций, высказанных в отечественной и зарубежной научной литературе, действующего гражданского законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется подход о необходимости снижения значимости критерия «предвидимости» при осуществлении правоприменения и расширения практики судебного изменения договора при существенном изменении обстоятельств	Problems arising from the application of the institute of essential change of circumstances are being discussed in this article. Based on the analysis of the positions expressed in the domestic and foreign scientific literature, current civil legislation as well as established practices in applying the law, an approach of the need to reduce the significance of the «foreseeability» criterion in implementation of established practices in applying the law and expanding the practice of judicial modification of a contract by virtue of essential change of circumstances is being discussed
Ключевые слова: существенное изменение обстоятельств, предвидимость, восполнительное толкование, условия договора, изменение договора	**Key words:** essential change of circumstances, foresee ability, supplementary interpretation, contract terms, modification of a contract
ЗАХАРОВА Екатерина Дмитриевна, магистрант 2 курса Университета прокуратуры Российской Федерации	**ZAKHAROVA Ekaterina D.,** 2nd year master student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
РЫЖИХ Игорь Викторович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**RYZHIKH Igor V.,** Docent at the Department of Civil law disciplines, the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate Of Law, Docent
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРОКУРОРОМ СПОСОБА КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА ПОЧВАМ, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ	**TO THE QUESTION OF DETERMINING THE COMPENSATION WAY OF ENVIRONMENTAL DAMAGE TO SOILS BY THE PROSECUTOR**

В статье рассматриваются вопросы, возникающие при определении прокурором форм компенсации вреда, причиненного экологическими правонарушениями. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего природоохранного законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется подход о применении прокурором всех форм компенсации вреда, причиненного окружающей среде, одновременно	The article discusses the issues that arise when the prosecutor determines the forms of compensation for harm caused by environmental violations. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current environmental legislation and law enforcement practice, the approach is put forward and argued about the use by the prosecutor of all forms of compensation for harm to the environment, simultaneously
Ключевые слова: способы компенсации вреда окружающей среде, рекультивация земель, прокурор, гражданский процесс, негативное воздействие на окружающую среду	**Key words:** compensation methods of environmental damage, land reclamation, prosecutor, civil trial, negative impact on the environment
ЗВЕРЕВА Екатерина Дмитриевна КАРАПЫШ Юлия Александровна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ZVEREVA Ekaterina D., KARAPYSH Julia A.,** 3rd year students St. Petersburg law Institute (branch) University Of The Prosecutor's Office Russian Federation
КУСТОВ Михаил Николаевич, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**KUSTOV Mikhail N.,** Senior Lecturer, Department of Prosecutorial Supervision and the participation of the prosecutor in criminal, civil and arbitration cases, St. Petersburg law Institute (branch) University Of The Prosecutor's Office Russian Federation
ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ	**PROBLEMS OF PROSECUTOR SURVEILLANCE FOR THE EXECUTION OF LAWS ON MINORS AND YOUTH**
В статье анализируются пробелы законодательства о несовершеннолетних и молодежи. Обращается внимание на вопросы правового регулирования положения незащищенного слоя населения. Актуальность данной темы обосновывается чрезвычайной важность прокурорского надзора в данной сфере	The article analyzes the gaps in legislation on minors and youth. Attention is drawn to the issues of legal regulation of the situation of the unprotected layer of the population. The relevance of this topic is justified by the extreme importance of prosecutorial supervision in this area

Ключевые слова: прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи, несовершеннолетние и молодежь проблемы прокурорского надзора	**Key words:** prosecutorial supervision of the implementation of laws on minors and youth, minors and youth, problems of prosecutorial supervision
ЗЛОБИНА Юлия Александровна, студент 2 курса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации **ИГБАЕВА Гузель Римовна,** заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ZLOBINA Yulia A.,** 2nd year student of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation **IGBAEVA Guzel R.,** Head of the Department of civil law disciplines of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
НЕТРАДИЦИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации правоотношений, которые касаются нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего законодательства выделяются их основные признаки, а также особенности правового режима объектов интеллектуальной собственности	**NONTRADITIONAL OBJECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY** The article considers the problems that take place in the implementation of legal relations of nontraditional intellectual property objects. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature and the current legislation highlights their main characteristics, as well as the features of the legal regime of intellectual property objects
Ключевые слова: интеллектуальная собственность, нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности, патентное право	**Key words:** intellectual property, nontraditional objects of intellectual property, patent law
ЗУБЕНКО Вера Викторовна, КИРЮХИНА Софья Михайловна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского Юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ФИРСОВ Виталий Викторович,** доцент кафедры, кандидат юридических наук, советник юстиции, Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ZUBENKO Vera V., KIRYUKHINA Sofia M.,** 3nd year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **FIRSOV Vitaliy V.,** Associate Professor, Candidate of Law, Counselor of Justice, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ	**CRYPTOCURRENCY AS AN OBJECT OF TAXATION**
В настоящее время особую актуальность представляют проблемы налоговоправового регулирования в сфере цифровой экономики. В статье проанализирована правовая природа криптовалюты в РФ, сделан вывод о необходимости налогового регулирования цифровых финансовых активов. Определены перспективы налогообложения операций, связанных с криптовалютой, и предложены решения, направленные на совершенствование механизма их налогообложения	Currently, the problems of tax and legal regulation in the field of the digital economy are of particular relevance. The article analyzes the legal nature of cryptocurrency in the Russian Federation, concludes that tax regulation of digital financial assets is necessary. The prospects for taxation of transactions related to cryptocurrency are determined, and solutions aimed at improving the mechanism of their taxation are proposed
Ключевые слова: налоговое законодательство, налоги, криптовалюты, налогообложение, крипторынок, криптовалюта	**Key words:** tax legislation, taxes, cryptocurrencies, taxation, cryptocurrency market, cryptocurrency
ИШУТИНА Надежда Сергеевна, магистрант 2 курса Университета прокуратуры Российской Федерации **РЫЖИХ Игорь Викторович,** доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ISHUTINA Nadezhda S.,** 2nd year master student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **RYZHIKH Igor V.,** Docent at the Department of Civil law disciplines, the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate Of Law, Docent
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ	**LEGAL REGULATION OF AUTHORITIES OF LOCAL SELF-GOVERNANCE BODIES IN THE FIELD OF SUBSOIL**
В статье рассматриваются вопросы, возникающие при осуществлении органами местного самоуправления контроля в сфере недропользования. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего законодательства и правоприменительной практики акцентировано внимание на необходимости совершенствования норм российского законодательства	The article discusses issues that arise when local authorities exercise control in the field of subsoil use. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, current legislation and law enforcement practice, attention is focused on the need to improve the norms of Russian legislation

Ключевые слова: недропользование, органы местного самоуправления, прокурор, судебная практика, правовое регулирование	**Key words:** subsoil use, local authorities, prosecutor, judicial practice, legal regulation
КАЛИНИНА Елена Михайловна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **СЕРОВА Елена Борисовна,** заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРОКУРОРОМ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ** В статье рассматриваются необходимость и основания применения прокурором специальных психологических знаний при производстве по уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности личности. Приводится классификация психологических приёмов, используемых в уголовном судопроизводстве. Анализируется современное состояние способов приобретения прокурорскими работниками знаний в изучаемой сфере в ходе обучения **Ключевые слова:** прокурор, практическая психология, преступление против половой неприкосновенности личности, уголовный процесс, личность преступника	**KALININA Elena M.,** 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **SEROVA Elena B.,** Head of the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of Juridical Sciences, Associate professor **THE USE OF SPECIAL PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE BY PROSECUTOR IN PROSECUTING THE OFFENCE AGAINST SEXUAL INVIOLABILITY** The importance and causes of the prosecutor's use of the special psychological knowledge in criminal proceeding about the offence against sexual inviolability are being discussed in this article. Major classes of psychological techniques which could be used in criminal procedure are outlined there. There is an analysis of current situation in the field of getting this knowledge by prosecutors **Key words:** prosecutor, practical psychology, offence against sexual inviolability, criminal procedure, offender's personality

КАРЦОВ Петр Алексеевич, МЕДВЕДЕВА Дарья Юрьевна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ДЫТЧЕНКО Геннадий Владимирович, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ПРОВЕРКЕ ПРОКУРОРОМ ЗАКОННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В статье рассматриваются проблемы оценки правомерности ограничения прав и интересов граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий органами прокуратуры и судом. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе и правоприменительной практики, выдвигается и аргументируется подход о проверке прокурором оперативно-розыскных мероприятия, ограничивающих конституционные права граждан, а также предложения по реформированию законодательства

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, оценка правомерности осуществления ОРД, судебный контроль ОРД, прокурорский надзор ОРД

KARTSOV Peter A., MEDVEDEVA Darya Y., 3rd year bachelor's degree from the St. Petersburg law Institute (branch) of the Prosecutor's office University of the Russian Federation

DYTCHENKO Gennady V., Senior lecturer of the Department of prosecutorial supervision and the participation of the Prosecutor in handling criminal, civil and arbitration cases St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

TO THE QUESTION OF VERIFICATION OF THE PROSECUTOR OF THE LEGALITY OF RESTRICTIONS OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS WHEN IMPLEMENTING OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

The article deals with the problems of assessing the legality of restricting the rights and interests of citizens when conducting operational search activities by the Prosecutor's office and the court. Based on the analysis of positions expressed in the scientific literature and law enforcement practice, the approach of checking by the Prosecutor of operational search measures that restrict the constitutional rights of citizens, as well as proposals for reforming legislation, is put forward and argued

Key words: investigative measures, assessment of the legality of the implementation of the ORD Procedure, judicial control of the ORD, procurator supervision of the ORD

КОЗУЛИНА Диана Владимировна, студент 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ШИХАНОВ Владимир Николаевич, доцент кафедры уголовного права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

О ПРОБЛЕМЕ ПРАВОМЕРНОСТИ БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки правомерности боевых операций по предупреждению и пресечению преступлений террористической направленности. В связи с тем, что Уголовный закон и соответствующие акты Правительства РФ оставляют открытым вопрос о допустимости целого ряда фактически совершаемых оперативно-боевых мероприятий, автор приходит к выводу о необходимости дополнения главы 8 УК РФ новыми обстоятельствами, исключающими преступность деяния, признающими правомерным причинения вреда противнику в ходе проведения оперативно-боевых операций по противодействию терроризму

Ключевые слова: противодействие терроризму, обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона, причинение вреда

KOZULINA Diana Vl., 4th year student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

SHIKHANOV Vladimir N., Associate Professor, Department of Criminal Law Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

ON THE PROBLEM OF LEGALITY OF BATTLE OPERATIONS FOR PREVENTING AND CRIMINING CRIMES OF TERRORIST DIRECTION

The article discusses the issues of criminal law assessment of the legitimacy of military operations to prevent and combat terrorist crimes. Due to the fact that the Criminal Law and the relevant acts of the Government of the Russian Federation leave open the question of the admissibility of a number of actually carried out operational-combat measures, the author concludes that it is necessary to supplement Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation with new circumstances that exclude the crime of deed, which recognize the legitimacy of harming the enemy during the conduct of combat operations to counter terrorism

Key words: countering terrorism, circumstances precluding criminal acts, necessary defense, causing harm

КОРЕЦКИЙ Даниил Аркадьевич, магистрант 1 курса Южного Федерального Университета	**KORETSKIY Daniil A.,** 1st year master student of the Southern Federal University
ЯЦЕНКО Татьяна Сергеевна, заведующая кафедрой гражданского права Южного федерального университета, доктор юридических наук, доцент	**YATSENKO Tatiana S.,** Chief of the Civil Law Department Southern Federal University Doctor of Jurisprudence, Associate Professor
ПРИНЦИП ЭСТОППЕЛЬ КАК СРЕДСТВО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ	**THE PRINCIPLE OF ESTOPPEL AS A MEANS OF ABUSE OF LAW**
Статья посвящена проблеме использования эстоппеля в российском праве. В основе применения принципа лежит оценочное понятие «добросовестность», которое неоднозначно толкуется судами. По мнению автора, пока не будет решена проблема единообразного понимания добросовестности, то применение принципа эстоппель может влечь негативные последствия для добросовестных участников гражданского оборота, в том числе, конвалидацию очевидно незаконной сделки	The article is devoted to the problem of using estoppel in Russian law. The principle is based on the value judgement «good faith», which is ambitiously interpreted by the courts. According to the author, until the problem of a uniform understanding of good faith is solved, the application of the principle of estoppel may result in negative consequences for bona fide participants of civil circulations, including the convalidation of an obviously illegal contract
Ключевые слова: обязательственное право, Гражданский кодекс РФ, эстоппель, добросовестность, англо-американская правовая система	**Key words:** law of contracts, Civil Code of Russia, estoppel, good faith, English-American system of law
КОСЫРЕВ Евгений Вячеславович, аспирант 3 курса Всероссийского государственного университета юстиции	**Kosyrev Evgeny V.,** 3rd year postgraduate student of the all- Russian state University of justice
РОССИНСКИЙ Борис Вульфович, профессор кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции, доктор юридических наук, профессор	**ROSSINSKY Boris V.,** Professor of the Department of administrative and financial law of the all- Russian state University of justice, Doctor of Law, Full Professor
ВИДЫ СРЕДСТВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ	**TYPES OF OUTDOOR ADVERTISING DISTRIBUTION MEDIA**

В статье рассматриваются различные виды средств распространения наружной рекламы, изучается, какие из них выделяются на федеральном уровне, какие на муниципальном, выявляются определенные проблемы такого выделения, делаются некоторые выводы	The article considers various types of outdoor advertising distribution means, examines which of them are allocated at the Federal level, which at the municipal level, identifies certain problems of such allocation, and makes some conclusions
Ключевые слова: наружная реклама, рекламная конструкция, средство распространения, рекламная листовка, реклам на асфальте	**Key words:** outdoor advertising, advertising design, means of distribution, advertising leaflet, advertising on asphalt
КОТЮСОВА Елена Николаевна, студент 4 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского	**KOTYUSOVA Elena N.,** 4th year student of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
СОСИПАТРОВА Надежда Евгеньевна, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского, кандидат юридический наук, доцент	**SOSIPATROVA Nadegda E.,** Associate Professor at the Department of civil law and process, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Candidate of law, Docent
ПРИМЕНЕНИЕ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ «НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА»	**APPLICATION BY ARBITRATION COURTS THE LEGAL CONSTRUCTION OF UNFAIR CONTRACT CONDITIONS**
В статье приводится понятие и раскрываются признаки несправедливых условий договора. Анализируя различные подходы арбитражных судов при применении указанной правовой конструкции, можно отметить неоднозначность судебной практики. На основании оценки позиций судов сделан вывод: поскольку несправедливые договорные условия используются в предпринимательских договорах, где стороны имеют равный материальный и процессуальный статус, патернализм судов, проявляемый в рамках осуществления ex post контроля, ведёт к нарушению принципа свободы договора	The article reveals the term and the signs of unfair contract conditions. Analyzing the various approaches of arbitration courts in applying this legal structure, we can note the ambiguity of judicial practice. Based on the assessment of the positions of the courts, the conclusion is made: since unfair contract conditions are used in business contracts where the parties have equal material and procedural status, the paternalism of the courts, manifested in the framework of ex post control, leads to a violation of the principle of freedom of contract

Ключевые слова: несправедливые условия, предпринимательские договоры, ex post контроль, слабая сторона договора, недопустимость нарушения принципа свободы договора	**Key words:** unfair conditions, contracts b2b, ex post control, the weak party of the contract, the principle of freedom of contract must not be violated
КРАВЧЕНКО Ксения Олеговна, студент 4 курса Государственного института экономики, финансов, права и технологий **ГОЛОВАНОВ Николай Михайлович,** профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, профессор	**KRAVCHENKO Ksenia O.,** 4 year bachelor of the State Institute of Economics, Finance, Law and Technology **GOLOVANOV Nikolay M.,** Professor, Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Candidate of Legal Sciences, Professor
**ВОПРОСЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ГРАЖДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**ISSUES OF ACQUISITION OF THE STATUS OF THE INDIVIDUAL OWNER OF THE MINOR CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье рассматриваются проблемы правового регулирования, возникающие при создании индивидуального предпринимательства несовершеннолетними гражданами. В наше время все чаще и чаще несовершеннолетние граждане желают стать индивидуальными предпринимателями, создать свой бизнес для продвижения производимой продукции или предоставления услуг. В связи с этим возникает вопрос, каковы условия, чтобы в столь юном возрасте начать заниматься предпринимательством и какие документы необходим для регистрации в качестве субъекта предпринимательской деятельности	The article discusses the problems of legal regulation that arise when creating individual entrepreneurship by minor citizens. Nowadays, more and more underage citizens want to become individual entrepreneurs, create their own business to promote their products or provide services. In this regard, the question arises of what are the conditions for starting entrepreneurship at such a young age and what documents are required for registration as a business entity
Ключевые слова: несовершеннолетний, индивидуальный предприниматель, законный представитель, орган опеки и попечительства, документы, необходимые для регистрации в качестве индивидуального предпринимателя	**Key words:** minor, individual entrepreneur, legal representative, guardianship authority, documents required for registration as an individual entrepreneur

КРУГЛИКОВА Дария Александровна, магистрант 1 курса Южного Федерального Университета	**KRUGLIKOVA Dariia A.,** 1st year master student of the Southern Federal University
КЕЙДУНОВА Елена Резовна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Южного Федерального Университета, кандидат юридических наук, доцент	**KEYDUNOVA Elena R.,** Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Southern Federal University, PhD in Law, Associate Professor
ВОЗМОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**OF THE KORONAVIRUS INFLUENCE ON THE STATE OF CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION**
Статья посвящена влиянию пандемии на состояние преступности в Российской Федерации. Особое внимание автор обращает на то, что преступность это социально-правовое явление, воздействовать на которое нужно больше социальными средствами. Автором анализируются разновидности преступлений, рост которых с высокой долей вероятности можно спрогнозировать	The article is devoted to the pandemic influence on the level of crime in the Russian Federation. The author pays special attention to the fact that crime is a social and legal phenomenon which needs to be influenced more by social means. The author analyzes the types of crimes the growth of which is highly likely to be predicted
Ключевые слова: пандемия, преступность, киберпреступность, мошенничество, коронавирус	**Key words:** pandemic, crime, cybercrime, fraud, coronavirus
КРЫШТОПИН Сергей Анатольевич, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**KRYSHTOPIN Sergey A.,** 3rd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**FIRSOV Vitaly V.,** Associate Professor of the Department of State Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СПЕЦИАЛЬНОМ НАЛОГОВОМ РЕЖИМЕ «НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД»	**PROBLEMS OF IMPLEMENTING LEGISLATION ON THE SPECIAL TAX REGIME «PROFESSIONAL INCOME TAX»**

В статье обоснована необходимость дополнения нормативной базы, регулирующей деятельность «Самозанятых», предложены варианты реформирования ФЗ №422 от 27.11.2018 г., содержатся результаты исследования, направленного на анализ мнения самозанятых граждан **Ключевые слова:** налог на профессиональный доход, самозанятые, налоговое законодательство	The article substantiates the need to Supplement the regulatory framework governing the activities of the «self-employed», suggests options for reforming Federal law No. 422 of 27.11.2018, contains the results of a study aimed at analyzing the opinions of self-employed **Key words:** professional income tax, self-employed, tax legislation
КУЗНЕЦОВ Сергей Сергеевич, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ГРУШЕВАЯ Елена Петровна,** профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА** В статье рассматриваются некоторые моменты генезиса защиты прав участников долевого строительства. Анализируется законодательство в сфере обеспечения исполнения обязательств застройщика перед участником долевого строительства. Изучается деятельность компенсационного фонда, эффективность его работы, а также спорные моменты в его функционировании; выдвигаются предложения об изменении законодательства **Ключевые слова:** долевое строительство, дольщик, застройщик, компенсационный фонд, жильё, страхование, защита прав	**KUZNETSOV Sergey S.,** 1nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **GRUSHEVAYA Elena P.,** Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of law, Docent **SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL PROTECTION OF PARTICIPANTS IN SHARED-EQUITY CONSTRUCTION** The article discusses some aspects of the Genesis of protection of the rights of participants in shared-equity construction. The article analyzes the legislation in the sphere of ensuring the fulfillment of obligations of the developer to the participant of shared construction. The activity of the compensation Fund, its effectiveness, as well as controversial issues in its functioning are studied; proposals are made to change the legislation **Key words:** shared-equity construction, co-owner, developer, compensation Fund, housing, insurance, protection of rights

КУЛЕШОВА Дарья Андреевна, студент 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**KULESHOVA Darya A.,** 1st year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
БУЛГАКОВА Луиза Сираджеддиновна, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**BULGAKOVA Luiza S.,** Senior lecturer at the Department of state-legal disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО И БЕСПРИЗОРНОСТЬ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	**SOCIAL ORPHANHOOD AND HOMELESSNESS AS A FACTOR IN COMMITTING ADMINISTRATIVE OFFENSES AMONG MINORS**
Статья посвящена анализу влияния социального сиротства и беспризорности на склонность несовершеннолетних к совершению административных правонарушений. Автор рассматривает факторы, оказывающие особое влияние на формирование предрасположенности к совершению правонарушений. В качестве иллюстративного материала представлены статистические данные по проблеме правонарушений среди несовершеннолетних и численности отбывающих наказание в воспитательных колониях	The article analyzes the impact of social orphanhood and homelessness on the propensity of minors to commit administrative law violations. The author considers the factors that have a special influence on the formation of predisposition to commit offenses. As an illustrative material, statistical data on the problem of juvenile delinquency and the number of people serving sentences in educational colonies are presented
Ключевые слова: социальное сиротство, беспризорность, несовершеннолетние, административное правонарушение	**Key words:** social orphanhood , homelessness, minors, administrative offense
КУСКОВА Виктория Анатольевна, ЧУГУНОВА Александра Олеговна, студенты 3 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского	**KUSKOVA Viktoria A., CHUGUNOVA Alexandra O.,** 3nd year students of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

ПОЛЯКОВА Анастасия Васильевна, младший научный сотрудник кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского	**POLYAKOVA Anastasia V.,** Junior Researcher at the Department of Forensic Examination, the Law Faculty of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
ПРИМЕНЕНИЕ КАМЕРЫ 360 ГРАДУСОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	**PRACTICAL APPLICATION OF THE CAMERA 360 DEGREES IN THE CARRYING OUT OF INVESTIGATIVE ACTIONS**
В статье рассмотрены технология съемки 360 градусов и основные камеры и системы 360 градусов, а также обосновывается необходимость внедрения камеры 360 градусов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности	The article considers the technology of shooting 360 degrees and the basic cameras and systems of 360 degrees, also proves the need for the implementation of the camera 360 degrees in the carrying out of criminal procedure activities
Ключевые слова: камера 360 градусов, следственные действия, фотофиксация, видеофиксация, панорама 360 градусов	**Key words:** camera 360 degrees, investigative actions, photo fixation, video recording, panorama 360 degrees
КУСТОВА Анастасия Андреевна, студентка 2 курса Национального исследовательского Томского государственного университета	**KUSTOVA Anastasia A.,** 2nd year student of the National Research Tomsk State University
ВЕДЯШКИН Сергей Викторович, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, административного права, кандидат юридических наук, доцент	**VEDYASHKIN Sergey V.,** Head of the Department of Theory and History of State and Law, Administrative Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	**ABOUT THE LEGAL NATURE OF ADMINISTRATIVE LEGAL PROCEEDINGS**
В статье рассматривается вопрос правовой природы административного судопроизводства. На основе анализа существующих в юридической доктрине позиций выдвигается подход, согласно которому административное судопроизводство носит административно-правовой характер, а также исследуются вопросы целесообразности создания специализированных административных судов	The article addresses the legal nature of administrative proceedings. Based on the analysis of the positions existing in the legal doctrine, an approach is put forward according to which administrative legal proceedings are of an administrative-legal nature, and the issues of the feasibility of creating specialized administrative courts

Ключевые слова: административное судопроизводство, правовая природа, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, административная юстиция, специализированные административные суды	**Key words:** administrative court proceedings, legal nature, Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation, administrative justice, specialized administrative courts
ЛАВРЕНТЬЕВА Юлия Алексеевна, студент 4 курса Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Казань) **ДОЛОТИНА Регина Рашидовна,** заведующая кафедрой гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия» (г. Казань), кандидат юридических наук, доцент	**LAVRENTIEVA Yulia A.,** 4year bachelor of the Kazan branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice» (Kazan) **DOLOTINA Regina R.,** Head of the Department of Civil Procedure Law, Kazan Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice» (Kazan), Ph.D., Associate Professor
ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В статье приводится анализ применения информационно-технических средств, порталов и ресурсов, в качестве одной из основ наиболее качественного оказания услуг в сфере социального и пенсионного обеспечения граждан, основываясь на опыте Российской Федерации и Республики Казахстан **Ключевые слова:** социальное обеспечение, пенсионное обеспечение, электронное правительство, государственные и муниципальные услуги, социальная помощь	**INTRODUCTION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PROVISION OF CERTAIN TYPES OF SOCIAL SECURITY** The article provides an analysis of the use of information technology tools, portals and resources, as one of the foundations of the highest quality services in the field of social and pension provision of citizens, based on the experience of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan **Key words:** social security, pensions, e-government, state and municipal services, social assistance
ЛЕМЕХОВ Сергей Витальевич, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**LEMEKHOV Sergey V.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**FEATURES OF REGULATION OF OFFICIAL RELATIONS OF DIPLOMATIC WORKERS IN THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье рассматриваются проблемы регулирования служебных отношений дипломатических работников. Анализируются положения Трудового Кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов и локальных нормативно-правовых актов Министерства Иностранных Дел РФ. Автор классифицирует использование конкретных отраслей при регулировании служебных отношений	The article discusses the problems of regulation of official relations of diplomatic workers. The author analyzes the provisions of the Labor Code of the Russian Federation, as well as federal laws and local regulatory legal acts of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. The author classifies the use of specific industries in the regulation of service relations
Ключевые слова: служебные отношения, дипломатические работники, трудовое законодательство	**Key words:** official relations, diplomatic workers, labor law
ЛЕНЮСКИЙ Андрей Александрович, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского Института (филиала) Всероссийского государственного Университета юстиции (РПА Минюста России)	**Lenusky Andrey A.,** 2nd year master's student St. Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University Justice (RPA of the Russian Ministry of justice)
ХАРЧЕНКО Анастасия Олеговна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского государственного университета	**KHARCHENKO Anastasia O.,** 1st year master's student at St. Petersburg state University
ПОПОВ Александр Николаевич, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**POPOV Alexander N.,** Head of the Department of criminal law, criminology and criminal enforcement law of the St. Petersburg law Institute (branch) University Prosecutor's office of the Russian Federation, doctor of law, Professor

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ И ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОСВОБОЖДАЮЩИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	**COURT FINE AND DAMAGES AS CIRCUMSTANCES, EXEMPTING FROM CRIMINAL LIABILITY**
В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы, возникающие в связи с введением в УК РФ судебного штрафа и возмещения ущерба как обстоятельств, освобождающих от ответственности. Авторы приходят к выводу о том, что расширение круга обстоятельств, хотя и внешне направлены на улучшение положения обвиняемого, не являются таковыми по своей сути. Отказ государства от уголовного преследования подменяется использованием репрессивных мер в упрощенном порядке, которые дублируют уголовное наказание	The article deals with theoretical and practical problems arising in connection with the introduction of a court fine and compensation for damages in the criminal code of the Russian Federation as circumstances that release from liability. The authors conclude that the widening of the circle of circumstances, although outwardly aimed at improving the situation of the accused, are not inherently so. The state's refusal to prosecute is replaced by the use of repressive measures in a simplified manner, which duplicate the criminal penalty
Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; судебный штраф; возмещение ущерба; наказание; экономические преступления	**Key words:** exemption from criminal liability; judicial fine; compensation for damages; punishment; economic crimes
ЛОГАНОВА Анна Юрьевна, студент 3 курса Саратовской государственной юридической академии	**LOGANOVA Anna Y.,** 3nd year student of the Saratov state academy of law
ЧЕБОТАРЕВА Татьяна Владимировна, ассистент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии	**CHEBOTAREVA Tatyana V.,** Assistant at the Department of criminal procedure, Saratov state academy of law
О ВОПРОСАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ БЛИЗНЕЦОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	**ON QUESTIONS OF IDENTIFICATION OF TWINS IN CRIMINAL PROCEEDINGS**
В статье рассматриваются вопросы, возникающие при установлении личности подозреваемого или обвиняемого при совершении преступлений близнецами. Обобщаются проблемы установления личности в обозначенной ситуации, поднимается вопрос об эффективности производства некоторых следственных действий	The article discusses issues that arise when identifying a suspect or accused in committing crimes by the twins. The problems of identifying a person in the indicated situation are summarized, the question is raised about the effectiveness of the production of certain investigative actions

Ключевые слова: близнецы, установление личности участника уголовного процесса, обвиняемый, подозреваемый	**Key words:** twins, identification of the participant in criminal proceedings, accused, suspect
ЛУКИН Артём Дмитриевич, студент 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**LUKIN Artyom D.,** 1st year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЛОМАКИНА Ирина Борисовна, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**LOMAKINA Irina B.,** Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
ИСТОЧНИКИ ИУДЕЙСКОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ ДО ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА	**SOURCES OF JEWISH LAW AND PECULIARITIES OF ITS DEVELOPMENT BEFORE FORMING A MODERN ISRAELI STATE**
В данной статье рассматриваются основные источники еврейского права, которые тесно связаны с нормами иудаизма. Кроме того, анализируются факторы, способствовавшие сохранению иудейского правового наследия в условиях отсутствия национального государства	This article discusses the main sources of Jewish law, which are closely related to the norms of Judaism. In addition, factors that contributed to the preservation of the Jewish legal heritage in the absence of a national state are analyzed
Ключевые слова: иудейское право, галаха, мишпат, дин, хок, Тора, Талмуд, Мишна, Гемара, Ветхий Завет	**Key words:** Jewish Law, Halacha, Mishpat, Dean, Hawk, Torah, Talmud, Mishnah, Gemara, Old Testament
ЛУСТАЧ Константин Дмитриевич, студент 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**LUSTACH Konstantin D.,** 4th year bachelor of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
БЕЗБОРОДОВ Дмитрий Анатольевич, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**BEZBORODOV Dmitriy A.,** Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ	**SOME ISSUES OF QUALIFICATION OF ILLEGAL FELLING OF FOREST PLANTATIONS**
В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с объективными признаками преступления, предусмотренного статьёй 260 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе положений дендрологии и с использованием сравнительно-правового анализа автором выдвигаются предложения о совершенствовании уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений	The article discusses some issues related to objective signs of a crime under Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the provisions of dendrology and comparative legal analysis, proposals are made to improve criminal law provisions criminalizing illegal logging of forest stands
Ключевые слова: незаконная рубка, лесные насаждения, лесные насаждения, ущерб, уголовная ответственность	Key words: illegal felling, forest plantations, damage, criminal liability
ЛЮЛЕВ Максим Александрович, УШАКОВ Руслан Михайлович, студенты 3 курса Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии	**LYULEV Maxim A., USHAKOV Ruslan M.,** 3rd year students of the Institute of Public Prosecutions of the Saratov State Law Academy
ГИМИШЯН Лилиана Седраковна, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридическая академии, кандидат юридических наук	**GIMISHYAN Liliana S.,** Associate Professor, Department of History of State and Law, Saratov State Law Academy, Candidate of Law
ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕОЛОГИИ ПАНСЛАВИЗМА И ОПЫТ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)	**THE PERFECT STATE THROUGH THE PRISM OF IDEOLOGY OF PANSLAVISM AND THE EXPERIENCE OF ITS IMPLEMENTATION (MID-XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)**
В статье рассматриваются различные аспекты теории и практики реализации идеологии панславизма в России (середина XIX – начало XX вв.). На основе исследования исторических источников авторами объясняется неуспех политики, направленной на	The article discusses various aspects of the theory and practice of implementing the ideology of panslavlism in Russia (mid-19th - early 20th centuries). Based on a study of historical sources, the authors explain the failure of the policy aimed at building a single all-Slavic state

построение единого всеславянского государства под эгидой России, проводимой в обозначенный период. Аргументируется, что каждое новообразованное южнославянское государство преследовало прежде всего собственные национальное интересы	under the auspices of Russia, carried out in the indicated period. It is argued that each newly formed South Slavic state pursued primarily its own national interests
Ключевые слова: панславизм, идеальное государство, неославизм, Российская империя, Россия, внешняя политика	**Key words:** pan-Slavism, ideal state, neo-Slavism, Russian Empire, Russia, foreign policy
МАКСИМОВ Артем Михайлович, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ТРУШАНОВА Наталья Валерьевна,** доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	**MAKSIMOV Artem M.,** 2nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **TRUSHANOVA Natalia V.,** Docentat Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Laws
К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПРОКУРОРА ПО ДЕЛУ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	**TO THE QUESTION OF THE PROSECUTOR'S CONCLUSION ON A CASE IN CIVIL PROCEEDINGS**
Автором рассмотрены теоретические и практические проблемы дачи прокурором по делу заключения в гражданском судопроизводстве. В статье не только анализируются представленные в научной литературе подходы, но и представлены собственные выводы автора по тем или иным вопросам	The author considers the theoretical and practical problems of giving a Prosecutor's conclusion in civil proceedings. The author does not only analyze the approaches presented in the scientific literature, but also presents the author's own conclusions on various issues
Ключевые слова: прокурор, гражданское судопроизводстве, заключение прокурора	**Key words:** prosecutor, civil proceedings, prosecutor's conclusion

МЕДВЕДЕВА Анна Сергеевна, соискатель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**MEDVEDEVA Anna S.,** graduate student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЕЛАГИНА Елена Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	**ELAGINA Elena V.,** Aassociate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
СВЕДУЩИЕ ЛИЦА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	**KNOWLEDGEABLE PERSONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WITH PARTICIPATION OF MINORS**
В статье рассматриваются особенности привлечения сведущих лиц в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних. Отдельное внимание уделено задачам привлечения данных лиц и возможностям их решения для обеспечения максимально эффективного правосудия	The article discusses the features of attracting knowledgeable persons in criminal proceedings involving minors. Special attention is paid to the tasks of attracting these people and the possibilities of solving them to ensure the most effective justice
Ключевые слова: сведущие лица, несовершеннолетние, уголовный процесс, задачи	**Key words:** knowledgeable persons, minors, criminal trial, tasks
МАЛЫШЕВСКАЯ Анна Михайловна, студент 1 курса Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)	**MALYSHEVSKAIA Anna M.,** 1st year specialist student of the Institute of Prosecutor's office of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
БЕРЗИНА Анжелика Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)	**BERZINA Angelika A.,** PhD in Historical science, associate Professor at the Department of history of state and law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЕРМАНИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА РОССИИ	**INFLUENCE OF GERMAN LEGAL STUDIES ON THE FORMATION OF ADMINISTRATIVE LAW IN RUSSIA**

В статье рассматривается влияние правовых исследований Германии на становление и развитие административного права России, прослеживается взаимодействие немецкой административной науки и отечественной	The article examines the influence of German legal studies on the formation and development of administrative law in Russia, and traces the interaction of German administrative science and domestic science
Ключевые слова: административное право, административная наука, камералистика, правовые исследования Германии, управление государством	**Key words:** administrative law, administrative science, cameralistics, German legal studies, state administration
МАМЕДОВА Алмаз Фарасаткызы, студент 2 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И Лобачевского	**MAMEDOVA Almaz F.,** 2nd year student of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod - National Research University (UNN)
СОЛОВЬЕВА Светлана Викторовна, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент	**SOLOVYOVA Svetlana V.,** Associate Professor of the Department of labor and environmental law of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod - National Research University (UNN), PhD (Law), associate Professor
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	**LEGAL REGULATION OF ADDITIONAL LABOR ACTIVITY**
В статье раскрываются особенности формирования правового института дополнительной трудовой деятельности. На практических примерах рассматривается реализация основного и дополнительного трудового правоотношения, обозначается алгоритм регламентации дополнительной трудовой деятельности. Аргументируется необходимость правовой регламентации дополнительной трудовой деятельности, формулируются предложения, направленные на совершенствование института дополнительной трудовой деятельности	The article reveals the features of the formation of the legal institution of additional labor activity. On practical examples, the implementation of the main and additional legal relationship is considered, the algorithm for regulating additional labor activity is indicated. The necessity of legal regulation of additional labor activity is argued, it is proposed to fix in the law a special type of labor contract - a contract on staff recruitment
Ключевые слова: трудовой договор, трудовая функция, основное место работы, дополнительная трудовая деятельность, привлечение персонала, гарантии, компенсации	**Key words:** labor contract, labor function, main place of work, additional labor activity, atypical labor relations, staff recruitment, guarantees, compensations

МАТВЕЕВА Софья Владиславовна, студент 2 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И Лобачевского	**MATVEEVA Sofya V.,** 2nd year student of law of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod - National Research University (UNN)
СОЛОВЬЕВА Светлана Викторовна, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент	**SOLOVYOVA Svetlana V.,** Associate Professor of the Department of labor and environmental law of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod - National Research University (UNN), PhD (Law), associate Professor
ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЛИЦ, ЗАНЯТЫХ НА РАБОТАХ С ВРЕДНЫМИ И ОПАСНЫМИ УСЛОВИЯМИ ТРУДА: О ЧЕМ ГОВОРИТ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА?	**FEATURES OF LABOR REGULATION OF PERSONS ENGAGED IN WORK WITH HARMFUL AND DANGEROUS WORKING CONDITIONS: WHAT DOES JUDICIAL PRACTICE SAY?**
Научная статья посвящена особенностям условий труда лиц, занятых на работах с вредными и опасными производственными факторами. В работы подробно рассматривается правовое регулирование рабочего времени, времени отдыха и оплаты труда данных лиц, а также выделены основные вопросы трудовых споров по данной теме	The scientific article is devoted to the peculiarities of working conditions of persons engaged in work with harmful and dangerous production factors. The article deals in detail with the legal regulation of working time , rest time and remuneration of these persons , as well as highlights the main issues of labor disputes on this topic
Ключевые слова: вредные и (или) опасные условия труда, специальная оценка условий труда, условия труда с наличием вредных и (или) опасных производственных факторов, медицинские освидетельствования, рабочее время, дополнительный оплачиваемый отпуск, оплата труда	**Key words:** harmful and (or) dangerous working conditions, special assessment of working conditions , working conditions with the presence of harmful and (or) dangerous production factors, medical examinations, working hours, additional paid leave, remuneration
МАЦКЕВИЧ Роман Валерьевич, магистр 1 курса Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина	**MATSKEVICH Roman V.,** 1st year master student of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin
АНТОНОВ Антон Геннадьевич, профессор кафедры уголовного права и процесса Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент	**ANTONOV Anton G.,** Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Doctor of Law, Docent

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ В статье рассматриваются подходы к определению правовой природы условного осуждения. На основе анализа научной литературы и действующего законодательства раскрывается понятие условного осуждения **Ключевые слова:** уголовная ответственность, уголовное наказание, условное осуждение	**THE LEGAL NATURE OF PROBATION** The article discusses approaches to determining the legal nature of probation. Based on the analysis of scientific literature and current legislation, the concept of probation is revealed **Key words:** criminal liability legal nature, criminal penalty, probation
МАШАНОВА Василина Сергеевна, РОМАНОВ Антон Сергеевич, студенты 4 курса бакалавриата Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ПОРОХОВ Михаил Юрьевич,** доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ГРУППЫ ЛИЦ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ** В статье анализируются проблемы практической реализации института группового иска в арбитражном процессе. Авторы приводят проводят сравнительный анализ принятых изменений в АПК РФ, рассматривают примеры сложившейся судебной практики по вопросам защиты прав определенной группы лиц. Основываясь на положениях действующего законодательства делают вывод о целесообразности существования такого института в арбитражном судопроизводстве **Ключевые слова:** групповой иск, арбитражный процесс, защита прав определенной группы лиц, проблемы правоприменительной практики	**MASHANOVA Vasilina S., ROMANOV Anton S.,** 4th year bachelor student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **POROKHOV MICHAIL Y.,** Assistant professor at the Department of civil law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences, assistant Professor **THE QUESTION ABOUT DEFENCE OF RIGHTS OF THE PARTICULAR GROUP IN ARBITRAL PROCEEDING** The article presents the analysis of problems which appear during the realization of the defense by class suit in arbitral proceeding. Authors compare states of previous redaction of Arbitral Procedural Code of the Russian Federation with novelty, use caselaw to demonstrate arising problems. Relying on states of legislation in power, authors draw a conclusion about the necessity of the institute of the defense of rights of the particular group in arbitral proceeding **Key words:** class suit, arbitral proceeding, defense of rights of the particular group, arising problems

МЕЛЬНИКОВ Александр Игоревич, ПРОХОРОВ Денис Андреевич, студенты 4 курса Санкт-Петербургского государственного университета

КУШНИРЕНКО Светлана Петровна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук

МАТЕРИАЛЫ НАЛОГОВОГО ОРГАНА КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В настоящей статье описывается механизм участия налогового органа в формировании повода для возбуждения уголовного дела, а именно рассматриваются особенности возбуждения уголовного дела по материалам, поступившим в следственные органы в рамках статьи 32 Налогового кодекса Российской Федерации. Анализируется перечень таких материалов, а также порядок и правовые основания их направления. Указывается на специфический статус налогового органа на первоначальной стадии уголовного судопроизводства. Затрагиваются вопросы применения преюдиции на этапе возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: налоговые преступления, сообщение о преступлении, возбуждение уголовного дела, налоговая проверка, налоговая декларация, преюдиция, налоговый орган

MELNIKOV Alexander I., PROKHOROV Denis A., 4th year students the St. Petersburg State University

KUSHNIRENKO Svetlana P., Assistant professor of the criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg State University, candidate of legal sciences, assistant professor

TAX DEPARTMENT FILES AS A BASIS FOR INITIATION OF CRIMINAL CASE

This article describes a participatory mechanism of a tax department in the formation of a pretext for initiating a criminal case, namely, it considers the features of initiating a criminal case based on files received by the investigating bodies under Article 32 of the Tax Code. The list of such files is analyzed as well as the procedure and legal grounds for their direction. Indicates the specific status of a tax department at the initial stage of criminal proceedings. There addresses the issues of prejudice at the stage of initiating of criminal case

Key words: tax crimes, report of a crime, initiation of criminal case, tax audit, tax return, prejudice, tax department

МИХАЙЛОВА Анастасия Дмитриевна, студент 1 курса Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

МАМЧЕНКО Нелли Владимировна, доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

MIKHAYLOVA Anastasya D., 1st year student of Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

MAMCHENKO Nelly V., Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. of Juridical Sciences, Docent

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**JUDICIAL PRECEDENT IN THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье исследуется возможность включения судебного прецедента правовую систему Российской Федерации. Определяются предпосылки для установления общего права в российской правовой действительности. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, приводятся положительные и отрицательные последствия признания судебного я прецедента в качестве источника права в Российской Федерации	The article deals with the possibility of including a judicial precedent of the legal system of the Russian Federation. The author singles out the prerequisites for establishing common law in Russian legal reality are determined. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the positive and negative consequences of recognizing the judicial precedent as a source of law in the Russian Federation are given
Ключевые слова: судебный прецедент, Конституционный Суд Российской Федерации, система общего права, романо-германская правовая семья, Верховный Суд Российской Федерации	**Key words:** judicial precedent, Constitutional Court of the Russian Federation, common law system, Romano- Germanic law, Supreme Court of the Russian Federation
МОСКАЛЕВ Георгий Александрович, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**MOSKALEV George A.,** 2nd year student of the St. Petersburg law Institute (branch) of the Prosecutor's office University of the Russian Federation
ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
ПРОБЛЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ – ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПРИ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА	**PROBLEMS OF REMUNERATION OF EMPLOYEES IN BANKRUPTCY OF AN EMPLOYER-LEGAL ENTITY WITH INSUFFICIENT PROPERTY OF THE DEBTOR**
В статье рассматриваются проблемы оплаты труда работников при процедуре банкротства работодателя – юридического лица возникающие при недостаточности имущества должника.	The article deals with the problems of remuneration of employees in the bankruptcy procedure of an employer-legal entity that arise when the debtor's property is insufficient. The urgency of the

Подчеркивается актуальность проблемы. Приводятся мнения исследователей по данному вопросу. На их основе предлагаются пути решения проблемы	problem is emphasized. The opinions of researchers on this issue are given. Based on them, we propose ways to solve the problem
Ключевые слова: работник, банкротство, работодатель, гарантии	**Key words:** employee, bankruptcy, employer, guarantees
НИКОЛОВА Виктория Игоревна, студентка 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**NIKOLOVA Viktoria I.,** 4th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
БЕЗБОРОДОВ Дмитрий Анатольевич, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уго-ловно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**BEZBORODOV Dmitry A.,** Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ УЩЕРБ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ	**SIGNIFICANT DAMAGE IN CRIMES AGAINST PROPERTY**
В статье автор, используя российское законодательство, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, научную литературу и судебную практику, раскрывает критерии, используемые при определении значительности ущерба и приходит к выводу, что необходимо заменить признак «значительного ущерба» на «значительный размер», исчисляемый в точно фиксируемой сумме	In the article, the author, using Russian legislation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, scientific literature and judicial practice, discloses the criteria used to determine the significance of damage and concludes that it is necessary to replace the sign of «significant damage» «with significant size», calculated exactly fixed amount
Ключевые слова: преступления против собственности, значительный ущерб, имущественное положение, значимость имущества, финансово-экономическое состояние	**Key words:** crimes against property, significant damage, property status, significance of property, financial and economic condition

НОВИКОВА Мария Ильинична, студентка 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**NOVIKOVA Maria I.,** 1st year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЧЕСТНОВ Илья Львович, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, заслуженный юрист Российской Федерации	**CHESTNOV Ilia L.,** Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor, Senior Counselor of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation
СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	**THE RELATIONSHIP OF LEGAL RESPONSIBILITY AND MEASURES OF STATE FORCE**
В статье проводится попытка наиболее содержательно изложить сущность понятия «юридическая ответственность», посредством сопоставления юридической ответственности с мерами государственного принуждения. На основании исследованной юридической литературы и курса теории государства и права в статье так же высказывается мысль о рассмотрении юридической ответственности как длящегося правоотношения	The article attempts to most meaningfully expound the essence of the concept of "legal liability" by comparing legal liability with measures of state coercion. Based on the studied legal literature and the course of the theory of state and law, the article also expresses the idea of considering legal responsibility as a continuing legal relationship
Ключевые слова: юридическая ответственность, меры государственного принуждения, длящееся правоотношение, ретроспективная ответственность санкция, правонарушитель, государство	**Key words:** legal liability, state coercive measures, ongoing legal relationship, retrospective liability sanction, offender, state
ОВЧАРЕНКО Яна Андреевна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**OVCHARENKO Yana A.,** 1nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С ЛИЦАМИ, НЕДОСТИГШИМИ ВОЗРАСТА ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ	**PROBLEMS THAT ARISE WHEN REGISTERING LABOR RELATIONS WITH PERSONS UNDER THE AGE OF EIGHTEEN**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие при заключении трудового договора работниками в возрасте до восемнадцати лет. Анализируется порядок и форма получения согласия родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства и выявляются существующие пробелы в регулировании данного вопроса	The article deals with the problems that arise when employees under the age of eighteen enter into an employment contract. The author analyzes the procedure and form of obtaining the consent of parents (guardians) and the guardianship authority and identifies existing gaps in the regulation of this issue
Ключевые слова: трудовые правоотношения, несовершеннолетние, трудовой договор, занятость молодежи	**Key words:** labor relations, minors, employment contract, youth employment
ОНУЧИНА Софья Леонидовна, студент 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ONUCHINA Sofya L.,** 1st year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЧЕСТНОВ Илья Львович, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ	**CHESTNOV Ilya L.,** Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor, Senior Counselor of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation
ГОСУДАРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА	**STATE IN THE POLITICAL SYSTEM OF THE SOCIETY**

В статье рассматривается сущность и структура политической системы общества и государства как главного составляющего элемента этой системы. Выдвигаются проблемные вопросы, такие как соотношение государства и негосударственных институтов политической системы, важность политических партий, а также формирование политического курса страны. На основе научной литературы, действующего законодательства показаны примеры проблемных вопросов и возможные их решения	The article considers the essence and structure of the political system of society and the state as the main component of this system. Problem questions are raised, such as the relationship between the state and non-state institutions of the political system, the importance of political parties, and the formation of the country's political course. Based on the scientific literature, current legislation, examples of problematic issues and their possible solutions are shown
Ключевые слова: политическая система общества, государство, политическая партия, государственные и негосударственные институты, политический курс, власть, институциональная подсистема	**Key words:** political system of society, state, political party, state and non-state institutions, political course, power, institutional subsystem
ОРИЩЕНКО Анастасия Сергеевна, студент 1 курса Саратовской государственной юридической академии	**ORISHCHENKO Anastasia S.,** 1st year student of the Saratov State Law Academy
СОЛОВЬЁВ Валерий Юрьевич, профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор исторических наук, профессор	**SOLOVYOV Valery Y.,** Professor at the Department of History of State and Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Historical Sciences, Full Professor
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СМЕРТНОЙ КАЗНИ В СОСЛОВНО – ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗЦА	**TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF DEATH PENALTY IN THE ESTATEREPRESENTATIVE MONARCHY IN THE RUSSIA**
Статья посвящена комплексному исследованию генезиса института смертной казни в Киевской, а впоследствии и Московской Руси, основных этапов его становления в российской историко-правовой традиции. Анализируются этапы возникновения и формирования института как феномена российской общественной жизни, особенности его функционирования как элемента репрессивной системы государства	The article is devoted to a comprehensive research of the genesis of the institute of capital punishment in Kievan Rus, and later Moscow Rus, the main stages of its formation in the Russian historical and legal tradition. The stages of the emergence and formation of the institution as a phenomenon of the Russian society's life, peculiarities of its functioning as an element of the repressive system of the state are analyzed
Ключевые слова: смертная казнь, Киевская Русь, Московская Русь, кровная месть, уголовное законодательство	**Key words:** death penalty, Kievan Rus, Moscow Rus, blood feud, criminal legislation

ОТЧЕНАШ Анастасия Юрьевна, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**OTCHENASH ANASTASIIA Y.,** 3rd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЕЛАГИНА Елена Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ELAGINA Elena V.,** Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	**THE PROBLEMS OF PARTICIPATION OF PEDAGOGUE AND PSYCHOLOGIST IN CRIMINAL PROCESS**
В статье рассматриваются проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе, а также предлагаются пути их решения с целью обеспечения эффективности участия указанных участников уголовного процесса	Problems arising from the application of the participation of pedagogue and psychologist in criminal proceedings are being discussed in this article. Also, some ways to solve them are offered for ensuring effectiveness of these subjects
Ключевые слова: педагог, психолог, несовершеннолетний, следственные действия, защита прав	**Key words:** pedagogue, psychologist, underage, investigative actions, protection of rights
ПАВКОВА Ксения Сергеевна, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**PAVKOVA Kseniya S.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЛАВРОВ Вениамин Владимирович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, советник юстиции	**LAVROV Veniamin V.,** Head of the Department of state and legal disciplines of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of legal Sciences, candidate of historical Sciences, associate Professor, adviser of justice
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В БЕРЕГОВОЙ ПОЛОСЕ ОБЩЕГО ДОСТУПА	**THE LEGAL REGIME FOR THE USE OF LAND PLOTS LOCATED IN THE COASTAL STRIP OF PUBLIC ACCESS**

В статье рассматриваются правовое регулирование использования участков, расположенных в береговой полосе общего доступа и проблемы, связанные с нарушением установленных гарантий на общедоступность водопользования. Поднимаемся вопрос об эффективности санкций для подобного вида нарушений	The article deals with the legal regulation of the use of sites located in the coastal strip of public access and the problems associated with the violation of established guarantees for the General availability of water use. We raise the question of the effectiveness of sanctions for this type of violation
Ключевые слова: земельные участки, береговая полоса общего доступа, водопользование	**Key words:** land plots, coastal strip of public access, water use
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА Наталья Дмитриевна, студентка 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ФИРСОВ Виталий Викторович,** доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**PEREVEZENTSEVA Natalya D.,** 3rd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **FIRSOV Vitaliy V.,** Associate Professor of the Department of State Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ «ДРОБЛЕНИЯ» БИЗНЕСА НЕЗАКОННЫМ	**TO THE QUESTION ABOUT RECOGNITION OF "CRUSHING" BUSINESS UNLAWFUL**
В статье рассматривается вопрос о правомерности «дробления» бизнеса в целях перехода на упрощенную систему налогообложения. Автором анализируется судебная практика. Делается вывод о наличии многообразия критериев признания «дробления» бизнеса незаконным	The article considers the issue of the legality of «splitting up» a business in order to switch to a simplified taxation system. The author analyzes the judicial practice. The conclusion is made that there are a variety of criteria for recognizing the «splitting» of a business as illegal
Ключевые слова: «дробление» бизнеса, упрощенная система налогообложения, налоговые выгоды	**Key words:** business fragmentation, simplified taxation system, tax benefits

ПОГОМИЙ Илья Николаевич, ФИЛИППОВА Александра Игоревна, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**POGOMIY Ilia N., FILIPPOVA Alexandra I.,** 3rd year students St. Petersburg Law Institute (branch) University of Prosecutor's Office Russian Federation
ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**FIRSOV Vitaly V.,** Associate Professor of the Department of state and legal disciplines,St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of law, Associate Professor
К ВОПРОСУ ОБ ОБЛОЖЕНИИ В РФ НАЛОГОМ ПРОЦЕНТНОГО ДОХОДА ГРАЖДАНИНА ОТ ВКЛАДОВ НА СУММУ СВЫШЕ 1 МЛН РУБЛЕЙ	**ON THE ISSUE OF TAXATION IN THE RUSSIAN FEDERATION TAX INTEREST INCOME CITIZEN'S DEPOSITS IN EXCESS OF 1 MILLION RUBLES**
В статье рассматриваются некоторые проблемные последствия для налогоплательщиков при обложении налогом нового вида дохода в России. Внимание при этом акцентируется прежде всего на обоснованности таких нововведений, их влияние на экономическую самостоятельность налогоплательщиков в РФ, а также на налоговую нагрузку в Российской Федерации	The article considers some problematic consequences for taxpayers when taxing a new type of income in Russia. Attention is focused primarily on the validity of such innovations, their impact on the economic independence of taxpayers in the Russian Federation, as well as on the tax burden in the Russian Federation
Ключевые слова: налог, процентный доход, вклад, долговые ценные бумаги, налоговая нагрузка	**Key words:** tax, interest income, deposit, debt securities, tax burden
ПОДГАЙНАЯ Алёна Игоревна, студент 3 курса юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета	**PODGAYNAYA Alena I.,** 3rd year student of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrova Kuban State University
КОРОСТЕЛЁВА Юлия Александровна, доцент кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук	**KOROSTELEVA Julia A.,** Associate Professor Department of Civil Procedure and International Law, Faculty of Law named after A.A. Khmyrova, Kuban State University, Candidate of Law

СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИИ	**STANDARDS OF EVIDENCE IN THE CIVIL PROCESS IN RUSSIA**
В статье представлен анализ стандартов доказывания с учетом складывающейся практики российских судов. Автор приходит к выводу о том, что стандарт доказывания не только отражает ту степень убежденности судьи, которая позволяет ему признать факт установленным, но и показывает, какую степень достоверности факта требуется доказать сторонам, чтобы дело было разрешено в их пользу	The article presents an analysis of evidence standards taking into account the emerging practice of Russian courts. The author comes to the conclusion that the standard of proof not only reflects the degree of conviction of the judge that allows him to recognize the fact as established, but also shows what degree of reliability of the fact is required to be proved to the parties so that the case is resolved in their favor
Ключевые слова: стандарты доказывания, внутренняя убежденность, оценка доказательств, предмет доказывания, бремя доказывания	**Key words:** standards of evidence, internal conviction, assessment of evidence, subject of evidence, burden of proof
ПОДТЫННИКОВ Иван Алексеевич, студент 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**PODTYNNIKOV IVAN A.,** 4nd year student of the St.-Petersburg law institute (branch) University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation, student of faculty of law
ГУРЕЕВА Ольга Андреевна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**GUREEVA OLGA A.,** Associate professor of department of state and legal disciplines of St.-Petersburg law institute (branch) University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation, student of faculty of law, candidate of law, associate professor
ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АВТОМОБИЛЬНОГО ПЕРЕВОЗЧИКА ЗА ДОСТОВЕРНОСТЬ СВЕДЕНИЙ, СООБЩАЕМЫХ ТАМОЖЕННОМУ ОРГАНУ	**LIABILITY LIMITS OF THE ROAD TRANSPORTER FOR THE VALIDITY INFORMATION, AS REPORTED BY CUSTOMS AUTHORITIES**
В статье рассматривается сложившаяся практика привлечения автомобильных перевозчиков грузов к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ, выразившегося в	The article deals with the current practice of bringing road freight carriers to administrative responsibility for committing an administrative offense under part 3 of article 16.1 of the Code of administrative offenses, expressed in the message of false information about the

сообщение недостоверных сведений о весе брутто груза. Определяется перечень обстоятельств, при наличии которых возможно говорить о принятии перевозчиком достаточных мер для надлежащего выполнения обязанностей перед таможенными органами, исключающих в его действиях состав указанного административного правонарушения	gross weight of the cargo. It is defined under what conditions it is necessary to approve about acceptance by the carrier of sufficient measures for proper performance of the duties before customs authorities, excluding in its actions constitute an administrative offense
Ключевые слова: перевозчик, вес брутто, достоверность сведений	**Key words:** transporter, the gross weight, validity information
ПОЛЯК Арина Алексеевна, ШИЛЯЕВА Диана Игоревна, студенты 4 курса бакалавриата, Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**POLYAK Arina A., SHILYAEVA Diana I.,** 4th year bachelor's degree students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
АМПЛЕЕВА Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**AMPLEEVA ELENA E.,** Head of the Department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКОВ ЗА РУБЕЖОМ И ИХ ПРИЗНАНИЕ	**CURRENT PROBLEMS OF MARRIAGE ABROAD AND THEIR RECOGNITION**
В статье рассматриваются некоторые особенности правового регулирования заключения браков за границей. Авторами проведен сравнительно-правовой анализ норм действующего российского законодательства и международной практики в данной сфере, рассмотрены основные тенденции упрощения процедуры легализации документов при заключении брачных союзов за рубежом и их признании в своем государстве	The article discusses some features of legal regulation of marriage abroad. The authors conducted a comparative legal analysis of the norms of current Russian legislation and international practice in this area, considered the main trends in simplifying the procedure for legalizing documents when entering into marriage unions abroad and recognizing them in their own country
Ключевые слова: брачный союз, легализация, апостиль, публичный порядок, хромающие отношения	**Key words:** marriage, legalization, apostille, public order, limping relationships

ПОПОЛИТОВ Денис Игоревич, СЕВЕРЧУКОВ Даниил Владимирович, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**POPOLITOV Denis I., SEVERCHUKOV Daniil V.,** 3rd year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции	**FIRSOV Vitaliy V.,** Associate Professor at the Department of state law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУКМЕКЕРСКИХ КОНТОР НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF THE BOOKMAKERS OFFICE IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье рассматриваются проблемы и специфика функционирования игорного бизнеса, применительно к его конкретной разновидности, касающейся деятельности букмекерских контор на территории Российской Федерации. На основе анализа деятельности указанных организаций, действующего законодательства и судебной практики делаются выводы о наличии проблем в данной сфере. Авторами предпринимается попытка предложить возможные пути решения существующих проблем	The article discusses the problems and specifics of the functioning of the gambling business, in relation to its specific variety, concerning the activities of bookmakers in the Russian Federation. Based on the analysis of the activities of these organizations, current legislation and judicial practice, conclusions are drawn about the existence of problems in this area. The authors attempt to suggest possible solutions to existing problems
Ключевые слова: букмекерские конторы, налоги, игорный бизнес, ставки, судебная защита	**Key words:** bookmakers, taxes, gambling, bets, judicial protection
ПОРЕЧНЫЙ Егор Михайлович, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**PORECHNY Egor M.,** 3rd year student at St.-Petersburg Law Institution (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**FIRSOV Vitaly V.,** PhD in Law, lecturer at St.-Petersburg Law Institution (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА «САМОЗАНЯТЫХ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПУТИ РЕШЕНИЯ, ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	**ISSUES IN SELF-EMPLOYED INSTITUTE DEVELOPMENT IN RUSSIAN FEDERATION, SOLUTIONS, INTERNATIONAL EXPERIENCE**
В статье рассматриваются проблемы, определения правового статуса «самозанятых» граждан, проблемы связанные с адаптацией зарубежного законодательства в сфере регулирования института «самозанятых» под российскую правовую систему, а также уделяется большое внимание проблеме определения системы налогообложения «самозанятых» граждан, перспектив такого налогоблажения	The article contains: Ways of defining legal status of self-employed, issues associated with the adaption of foreign legislation in the field of regulation of the institution of «self-employed» under the Russian legal system, as well as self-employed tax system definition and it's perspectives
Ключевые слова: «самозанятые», институт «самозанятых» за рубежом, проблемы развития института «самозанятых» в Российской Федерации, налогообложение «самозанятых»	**Key words:** self-employed, institute of self-employed abroad, issues of self-employed institute development in Russian Federation, self-employed tax system
ПРЯЖЕНЦОВА Кристина Андреевна, студент 2 курса Национальный исследовательский Нижегородского государственного университета им. Н.И Лобачевского	**PRYAZHENTSOVA Kristina A.,** 2nd year student of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
ОСТРОУМОВ Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Национальный исследовательский Нижегородского государственного университета им. Н.И Лобачевского	**OSTROUMOV Nikolai V.,** Candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department of civil law and process of the faculty of law of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА КАРШЕРИНГА	**THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF THE CONTRACT OF CARSHARING**

В данной научной статье поднимается наиболее актуальная в последнее время проблема правовой природы договоров. Актуальность обусловлена тем, что цифровизация внедряется в различные сферы общества с космической скоростью. Исключением не стала и сфера перевозки людей. К какому виду договоров стоит относить договор каршеринга? Именно этому вопросу посвящена данная статья. Исследование проводится путем выявления основных признаков каршеринга и проведения сравнительного анализа каршеринга с похожими договорами	This scientific article raises the most urgent problem of the legal nature of contracts in recent times. The relevance is due to the fact that digitalization is being implemented in various spheres of society with cosmic speed. The sphere of transportation of people was no exception. What type of agreement should I include a carsharing agreement? This article is devoted to this issue. The research is carried out by identifying the main features of carsharing and conducting a comparative analysis of carsharing with similar contracts
Ключевые слова: каршеринг, транспортное средство, договор перевозки пассажиров, договор аренды транспортного средства без экипажа, цифровые технологии	**Key words:** carsharing, vehicle, passenger transportation agreement, vehicle rental agreement without a crew, digital technologies
РАБОТЯГОВА Инна Игоревна, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета **КУНИЦКАЯ Ольга Михайловна,** доцент кафедры финсового права и правового регилирования хозяйственной деятельности юридичсекого факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент	**RABOTYAGOVA Inna I.,** 1st year master student of the Belarusian State University **KUNITSKAYA Olga M.,** Associate Professor at the Department of financial law and legal regulation of economic activities, Faculty of Law of the Belarusian State University, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ВЛИЯНИЕ	**CONCEPT AND LEGAL ESSENCE OF INVESTMENTS: HISTORICAL AND LEGAL INFLUENCE**
В статье исследуется историко-правовое влияние на формирование правовой сущности и понятия «инвестиции». На основе анализа научной литературы и соответствующего законодательства, обосновывается вывод об обусловленности появления рассматриваемого понятия и инвестиционного законодательства экономическими	The article examines the historical and legal influence on the formation of the legal essence and the concept of «investment». Based on the analysis of scientific literature and relevant legislation, the conclusion is substantiated that the occurrence of the concept in question and investment legislation is conditioned by the economic characteristics of the

особенностями развития страны в определенный исторический период, а также, необходимостью отграничения инвестиционных от сходных правоотношений, понятия «инвестиции» от иных объектов гражданских прав **Ключевые слова:** инвестиции, инвестиционная деятельность, историко-правовой опыт, экономика, инвестиционное законодательство, объекты гражданских прав	country's development in a certain historical period, as well as the need to distinguish between investment relations and similar legal relations, the concept of "investment" from other objects of civil rights **Key words:** investments, investment activities, historical and legal experience, economics, investment legislation, objects of civil rights
РАВИНСКАЯ Анна Владиславовна, магистрант 1 курса Юридического института Томского государственного университета **КАРЕЛИН Дмитрий Владимирович,** доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент **ТОРГОВЛЯ ДЕТЬМИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ** Статья посвящена криминологической характеристики торговли детьми. Рассмотрены латентность, причины, условия, цели такой преступности **Ключевые слова:** торговля детьми, несовершеннолетние, криминологическая характеристика, преступность, латентность	**RAVINSKAYA Anna V.,** 1 year master student of the Law Institute of Tomsk State University **KARELIN Dmitry V.,** Associate professor of the Department of Criminal Executive Law and Criminology of the Tomsk State University, candidate of legal sciences, associate professor **CHILDREN TRAFICKING: SOME QUESTIONS OF THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS** The article is devoted to the criminological characteristics of children trafficking. Latency, causes, conditions, goals of such crime are considered **Key words:** children trafficking, minors, criminological characteristics, crime, latency
РЕМИННАЯ Александра Евгеньевна, студент 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ПОРОХОВ Михаил Юрьевич,** доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**REMINNAYA Alexandra E.,** 4nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **POROKHOV Mikhail Y.,** Docent of the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of law, docent

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО ДОЛЖНИКА	**PROBLEMS OF APPLICATION OF PENALTIESON THE DEBTOR'S REAL ESTATE**
В статье представлен анализ некоторых проблем в сфере исполнительного производства, складывающейся в связи с обращением взыскания на имущество граждан-должников. В частности, рассмотрены ситуации при обращении взыскания на единственное пригодное жилое помещения должника, поднят вопрос об уплате государственной пошлины взыскателем при обращении в суд с заявлением для реализации имущества должника	The article presents an analysis of some problems in the area of enforcement proceedings arising in connection with foreclosure of property of debtor citizens. In particular, situations were considered when foreclosing on the only suitable residential premises of the debtor, the issue of paying the state fee by the claimant when applying to the court with a statement for the sale of the property of the debtor was raised
Ключевые слова: исполнительное производство, обращение взыскания, судебный пристав-исполнитель, должник, взыскатель, имущество, жилое помещение, непригодное для проживаия, государственная пошлина	**Key words:** enforcement proceedings, enforced collection, court bailiffs, the debtor, the claimant, property, the premises are not habitable, the individual, amount of debt, government duty
РАДИОНОВ Константин Владимирович, студент 4 курса юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины	**RADZIVONAU Kanstantsin V.,** 4th year student of the faculty of law of Francisk Scorina Gomel State University
ИВАНОВА Юлия Игоревна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины	**IVANOVA Julia I.,** Senior lecturer at the Department of theory and history of state and law, faculty of law of Francisk Scorina Gomel State University
ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ	**THE FEATURES OF LEGAL CONFLICTS OF NORNS IN PUBLIC INTERNATIONAL LAW**
Преодоление последствий любого негативного явления, его устранение, обусловлено сущностью возникновения и детерминированностью данного явления. Не являются исключением и коллизии в международном публичном праве.	Overcoming the consequences of any negative phenomenon, its elimination, is conditioned by the essence of the occurrence and determinacy of this phenomenon. Conflicts of norms in public international law are no exception.

В статье рассматриваются особенности правовых коллизий в сфере межгосударственных правоотношений **Ключевые слова:** коллизия в международном публичном праве, иерархия норм международных договоров, juscogens, конкуренция норм права	The features of legal conflicts of norms in the sphere of interstate legal relations are considered in the article **Key words:** conflict of norms in public international law, hierarchy of norms of international treaties, jus cogens, competition of legal norms
РОСЛЯКОВ Владислав Дмитриевич, студент 2 курса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **РОГАЛЕВА Галина Анатольевна,** доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент	**ROSLYAKOV Vladislav D.,** 2nd year student of the Moscow state law University named after O. E. Kutafin (MSAL) **ROGALEVA Galina A.,** Associate Professor of the Department of labor law and social security law of the Kutafin Moscow state law University (MSAL),-candidate of law, associate Professor
РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В БОРЬБЕ С НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТЬЮ: МОДЕЛЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В статье рассматриваются проблемы организации и деятельности профессиональных союзов в Российской Федерации. На основе анализа научной литературы и действующего законодательства предлагается решение проблемы неэффективной работы профессиональных союзов в Российской Федерации, а также прогнозируется влияние их новой модели организации и деятельности на неформальную занятость **Ключевые слова:** профессиональный союз, неформальная занятость, представители руководства, работники, традиционный профсоюз, альтернативный профсоюз	**THE ROLE OF TRADE UNIONS IN THE FIGHT AGAINST INFORMAL EMPLOYMENT: A MODEL FOR IMPROVING THEIR ACTIVITIES** The article deals with the problems of organization and activity of trade unions in the Russian Federation. Based on the analysis of scientific literature and current legislation, a solution to the problem of inefficient work of trade unions in the Russian Federation is proposed, and the impact of their new model of organization and activity on informal employment is predicted **Key words:** a trade Union, informal employment, representatives of the management, the employees, the traditional Union, an alternative Union

РУМЯНЦЕВА Ирина Вячеславовна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**RUMYANTSEVA Irina V.,** 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЗАРУБИН Андрей Викторович, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ZARUBIN Andrey V.,** Associate Professor, Department of criminal law, criminology and criminal Executive law, St. Petersburg law institute (branch), University of Prosecutor's office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor
ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ, ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	**PROBLEMS OF DISTINGUISHING THEFT OF ITEMS OF SPECIAL VALUE FROM RELATED CRIMES**
В статье анализируется проблема применения ст.ст. 243.2 и 243.3 УК РФ. Особое внимание уделяется вопросам разграничения специальных статьей со ст. 164 УК РФ, предусматривающей ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность. Автор считает, что схожесть данных составов приводит к неразрешимым на практике вопросам и предлагает свои пути решения	The article analyzes the problem of applying articles 243.2 and 243.3 of the criminal code of the Russian Federation. Special attention is paid to the issues of distinguishing special items from article 164 of the criminal code of the Russian Federation, which provides for liability for theft of items of special value. The author believes that the similarity of these compositions leads to unsolvable issues in practice and offers his own solutions
Ключевые слова: археологический предмет, культурные ценности, хищение, уклонение, поиск и изъятие	**Key words:** archaeological object,cultural values, stealing, evasion, search and seizure
РЯБОВ Илья Михайлович, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**RYABOV Ilya M.,** 3nd year student of the St.-Petersburg law institute (branch) University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation
ШАРАПОВ Роман Дмитриевич, профессор кафедры Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук, профессор	**SHARAPOV Roman D.,** Professor of the Department of St.-Petersburg law institute (branch) University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation, doctor of law, Professor

ИНСТИТУТ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ	**INSTITUTION OF VOLUNTARY RENUNCIATION OF CRIME: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION**
В статье анализируется место добровольного отказа от преступления в системе институтов уголовного права; признаки добровольного отказа от преступления; возможность совершения добровольного отказа на разных стадиях реализации преступного намерения	The article deals with analyzing the place of voluntary renunciation of crime in the system of the concepts of penal law; the features of voluntary renunciation of crime; possibility of renunciation of criminal intent at different stages of implementing the criminal intent
Ключевые слова: добровольный отказ от преступления, проблема добровольного отказа в хищениях, добровольный отказ на стадии оконченного покушения	**Key words:** voluntary renunciation of crime, the problem of voluntary renunciation in embezzlement, voluntary renunciation at the stage of the completed attempt
САМОНЧЕНКО Евгения Ивановна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SAMONCHENKO Evgenia I.,** 1nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ДАНИЛОВА Наталья Алексеевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**DANILOVA Natal'ya A.,** Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОКУРОРОМ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОТОКОЛОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	**TO THE QUESTION OF THE USE BY THE PROSECUTOR OF CRIMINALIST PRINCIPLES IN THE STUDY OF INVESTIGATIVE PROCEDURES**
В научной публикации рассматриваются проблемы использования прокурорами криминалистических знаний в досудебном производстве. Автором на основе анализа научной литературы, положений ведомственных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации делается вывод об обязательности использования криминалистических знаний при изучении протоколов следственных действий	The scientific publication addressed the problems of prosecutors 'use of forensic knowledge in pre-trial proceedings. The author concludes, on the basis of an analysis of the scientific literature and the provisions of the relevant acts of the General Procedure of the Russian Federation, that it is mandatory to use forensic knowledge in the study of investigative activities

Ключевые слова: прокурор, криминалистические знания, протоколы следственных действий, досудебное производство	**Key words:** prosecutor, forensic knowledge, investigative protocols, pretrial proceedings
САРАКУЗ Анастасия Сергеевна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ГОЛОВКО Ирина Ивановна,** доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН** В статье рассмотрены некоторые вопросы защиты прокурором жилищных прав граждан. Исследованы надзорные и ненадзорные полномочия прокуроров, роль прокуратуры в механизме защиты прав жилищных прав граждан **Ключевые слова:** жилищные права, защита, средства защиты, механизм защиты, прокуратура	**SARAKUZ Anastasiia S.,** 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **GOLOVKO Irina I.,** Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and the participation of the prosecutor in criminal proceedings, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor, Counselor of Justice **ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE PROTECTION OF HOUSING RIGHTS OF CITIZENS** The article discusses some issues of protection of the housing rights of citizens by the prosecutor. The supervisory and non-supervisory powers of prosecutors, the role of the prosecutor's office in the mechanism for protecting the rights of housing rights of citizens are investigated **Key words:** housing rights, protection, remedies, defense mechanism, prosecutor's office
СЕЛИВЕРСТОВА Мария Александровна, студент 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **КРАВЧЕНКО Роман Михайлович,** старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	**SELIVERSTOVA Maria A.,** 4th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **KRAVCHENKO Roman M.,** Senior lecturer at the Department of criminal law, criminology and penitentiary law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Juridical sciences

НЕОСТОРОЖНЫЕ ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	**GRAVE CRIMES WITH CARELESS FORM OF GUILT**
В статье на основе анализа российского законодательства, статистических данных и научной литературы рассматривается категория неосторожных тяжких преступлений, причины и правовые последствия ее возвращения в Уголовный Кодекс Российской Федерации, а также перспективы ее превентивного воздействия на население	Based on the analysis of Russian legislation, statistics and scientific literature, the article considers the category of grave crimes with careless form of guilt, the reasons and legal consequences of returning this category to the Criminal Code of the Russian Federation and perspective for its preventive effect on the population
Ключевые слова: категории преступлений, неосторожная форма вины, транспортные преступления, превенция	**Key words:** categories of crime, careless form of guilt, transport crimes, prevention
СЕРГЕЕНКО Роман Алексеевич, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SERGEENKO Roman A.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
МАКОВ Борис Васильевич, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических наук Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент	**MAKOV Boris V.,** Associate Professor of the Department of General Humanities and Social and Economic Sciences of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Philosophy, Associate Professor
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ	**ABOUT SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT SOCIAL STATES IN RUSSIA**
В данной статье представлена общая характеристика современного этапа построения модели государства всеобщего благосостояния в России. Приводится сравнительный анализ проблем социального государства стран Запада и Российской Федерации. Автор выделяет наиболее уязвимые, по его мнению, места в отечественной социальной политике и возможные последствия, вызванные неправильными решениями. Предлагается выбрать	This article presents a general description of the current stage of building a model of the welfare state in Russia. A comparative analysis of the problems of the social state of the countries of the West and the Russian Federation is given. The author identifies the most vulnerable, in his opinion, places in domestic social policy and the possible consequences caused by incorrect decisions. It is proposed to choose a different development vector in maintaining justice in public relations.

иной вектор развития в поддержании справедливости в общественных отношениях. В частности, предоставления гражданам справедливой доли в общем национальном богатстве посредством их личного трудового участия	In particular, providing citizens with a fair share in the total national wealth through their personal labor participation
Ключевые слова: социальное государство, справедливое общество, социальная сфера, государство всеобщего благосостояния, неравенство, солидарность	**Key words:** welfare state, fair society, social sphere, welfare state, inequality, solidarity
СИДОРЕНКО Ксения Сергеевна, студент 3 курса Института юстиции, Саратовской государственной юридической академии	**SIDORENKO Ksenia S.,** 3rd year student of the Institute of justice, Saratov State Law Academy
ПЕРЕТЯТЬКО Наталья Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии	**PERETYATKO Natalya M.,** Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy
ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ	**PROHIBITION OF SPECIFIC ACTIONS AS AN ALTERNATIVE TO SECURITY CONCLUSION**
В статье рассматривается и анализируется мера пресечения в виде запрета определенных действия как альтернатива заключению под стражу. Выделяются основные виды ограничений, налагаемых при запрете определенных действий. Отмечаются основные проблемы, возникающие при применении данной нормы. Приведена практика назначения судом меры пресечения запрета определенных действий	The article discusses and analyzes a preventive measure in the form of a ban on certain actions as an alternative to detention. The main types of restrictions imposed upon the prohibition of certain actions are highlighted. The main problems that arise when applying this rule are noted. The practice of assigning by the court a measure of restraint on the prohibition of certain actions is given
Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, мера пресечения, запрет определенных действий, заключение под стражу	**Key words:** criminal-procedural legislation, the measure of restraint, the prohibition of certain actions, and incarceration

СИЛЬВЕНОЙНЕН Тимо Константинович, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SILVENOINEN Timo K.,** 3d year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ПОРОХОВ Михаил Юрьевич, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**POROKHOV Mikhail J.,** Docent at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences, Docent
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	**THE MAJOR ASPECTS OF THE PROCEDURE OF JUDICIAL CONCILIATION. COMPARATIVE ANALYSIS**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации процедуры судебного примирения. На основе анализа позиций, высказан-ных в научной литературе, действующего гражданского процессуального законодательства, а также зарубежного опыта выдвигается и аргументируется подход о необходимости адаптации анализируемого института в соответствии с отечественным законодательством, а также предложение о совершенствовании его реализации	Problems arising from the application of the procedure of judicial conciliation are being discussed in this article. Based on the analysis of views expressed in the literature, as well as existing civil procedure laws and foreign practice, an approach to the necessity of adaptation of the procedure of judicial conciliation in conformance with national legislation and an approach for their improvement is being discussed
Ключевые слова: примирительные процедуры, судебное примирение, судебный примиритель	**Key words:** conciliation, the procedure of judicial conciliation, court conciliator
СИНЯВСКАЯ Светлана Павловна, магистрант 2 курса Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина	**SINYAVSKAYA Svetlana P.,** 2nd year master's student of Pushkin Leningrad State University
ПАВЛИК Михаил Юрьевич, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор	**PAVLIK Michail J.,** Professor at the Department of Criminal law and Criminal Procedure of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Full Professor

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	**CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION**
Данная статья посвящена анализу российского и зарубежного законодательства в сфере компьютерной информации. Автор предпринял попытку сравнить правовое регулирование отношений, связанных с привлечением к уголовной ответственности за мошенничество в сфере компьютерных информации в России и в зарубежных странах	This article is devoted to the analysis of Russian and foreign legislation in the sphere of computer information. The author made an attempt to compare the legal regulation of relations related to criminal liability for fraud in the sphere of computer information in Russia and in foreign countries
Ключевые слова: преступление, уголовное право, уголовная ответственность, мошенничество в сфере компьютерной информации, хищение, экономическое преступление	**Key words:** crime, criminal law, criminal liability, fraud in the sphere of computer information, theft, economic crime
СКУРЛАТОВ Владислав Сергеевич, ТРУДНИКОВ Алексей Витальевич, студенты 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SKURLATOV Vladislav S., TRUDNIKOV Alexey V.,** 3rd year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**FIRSOV Vitaly V.,** Docent at the Department of State Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Docent
МЕДИАЦИЯ ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РОССИИ	**ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION FOR THE SETTLEMENT OF TAX DISPUTES: PROBLEMS OF APPLICATION, PROSPECTS OF DEVELOPMENT AND LEGISLATIVE IMPROVEMENT IN RUSSIA**

В статье рассматриваются проблемы применения процедуры медиации для разрешения налоговых споров в условиях изменений, внесенных в законодательство об альтернативных способах урегулирования конфликтов с участием посредника. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего налогового законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется предложение по внесению конкретных изменений в Налоговый кодекс РФ с целью лучшей детализации и удобного применения института медиации для разрешения споров, возникающих из налоговых правоотношений	The article discusses the problems of applying the mediation procedure to resolve tax disputes in the context of changes made to the legislation on alternative methods of conflict resolution with the participation of an intermediary. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current tax legislation and law enforcement practice, the proposal is put forward and argued for making specific changes to the Tax Code of the Russian Federation with the aim of better detailing and convenient use of the mediation institution for resolution of disputes arising from tax legal relations
Ключевые слова: медиация, налоговый спор, налоговое правоотношение, правоприменительная практика, досудебные способы урегулирования налоговых споров	**Key words:** alternative dispute resolution, tax dispute, tax relations, law enforcement practice, pre-trial methods of settlement of tax disputes
СМАКАЕВА Регина Альфредовна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ИСЛАМОВА Эльнара Рафисовна,** доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	**SMAKAEVA Regina A.,** 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **ISLAMOVA El'nara R.,** Associate Professor at the Department of procuratorial supervision and procurator's participation in criminal, civil and arbitral proceedings, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВА ИНВАЛИДОВ НА ЛЕКАРСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ	**ACTUAL QUESTIONS OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OF OBSERVING THE RIGHT OF DISABLED PEOPLE TO MEDICINAL SUPPORT**

В статье проанализирована сущность права инвалидов на лекарственное обеспечение, а также выделены основные проблемы, возникающие при его реализации. Автором приводится классификация типичных нарушений, проанализированы возможные причины их возникновения, а также предложены некоторые пути совершенствования прокурорского надзора за соблюдением прав инвалидов на лекарственное обеспечение	The article analyzes the essence of the right of persons with disabilities to medication, and highlights the main problems that arise in its implementation. The author provides a classification of typical violations, analyzes possible causes of their occurrence and suggests some ways to improve the Prosecutor's supervision of the observance of the rights of persons with disabilities to medication
Ключевые слова: прокурорский надзор, законность, меры прокурорского реагирования, охрана здоровья, медицинская помощь, лекарственное обеспечение, права инвалидов	**Key words:** prosecutorial supervision, legality, prosecutorial measures, health protection, medical aid, provision of medicines, rights of persons with disabilities
СМИРНОВ Владимир Анатольевич, ЮДИН Александр Михайлович, студенты 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SMIRNOV Vladimir A., YUDIN Alexander M.,** 2nd year students of the St. Petersburg law Institute (branch) of the Prosecutor's office University of the Russian Federation
ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Associate Professor of the Department of civil law of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University Prosecutor's office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor
РАСТОРЖЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ОСНОВАНИЯМ п. 7.1 ст. 81 ТК РФ	**TERMINATION OF AN EMPLOYMENT CONTRACT ON THE GROUNDS OF CLAUSE 7.1 ARTICLE 81 OF THE LABOR CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие в связи с применением п. 7.1 ст. 81 ТК РФ. На основе анализа нормы, её правоприменительной практики делается вывод о несовершенстве рассматриваемого основания для расторжения трудового договора.	The article deals with the problems arising in connection with the application of clause 7.1 of article 81 of the labor code of the Russian Federation. Based on the analysis of the norm and its law enforcement practice, the conclusion is made about the imperfection of the considered

Более того, аргументируется позиция, согласно которой неопределенность дефиниций, содержащихся в норме, порождает новые коррупциогенные риски **Ключевые слова:** трудовой договор, коррупционные риски, конфликт интересов, утрата доверия	grounds for termination of an employment contract. Moreover, it is argued that the uncertainty of definitions contained in the norm creates new corruption risks **Key words:** employment contract, corruption risks, conflict of interest, loss of trust
СОРОКИНА Диана Алексеевна, ШАДУРА Маргарита Юрьевна, студенты 3 курса ННГУ им. Лобачевского **РУМЯНЦЕВ Ф. П.,** доктор юридических наук **ПРОБЛЕМА ПОДНЯТИЯ УРОВНЯ ВОДЫ НА НОВОЧЕБОКСАРСКОЙ ГЭС** Статья посвящена проблеме, связанной с поднятием уровня воды на Чебоксарской ГЭС. Проблема относится к числу актуальных, активно обсуждается на региональном уровне и на федеральном ввиду своей значимости для экологической обстановки. Авторами проведена серьезная работа по рассмотрению различных точек зрений по указанному вопросу **Ключевые слова:** Чебоксарская ГЭС, Чебоксарское водохранилище, поднятие уровня воды	**SOROKINA Diana A., SHADURA Margarita Y.,** 3rd year students of the Nizhny Novgorod State University Lobachevsky **RUMYANTSEV F. P.,** Doctor of law **THE PROBLEM OF RAISING THE WATER LEVEL AT NOVOCHEBOKSARSKAYA HYDROELECTRIC STATION** The article is devoted to the problem associated with raising the water level at the Cheboksary hydroelectric station. The problem is one of urgent ones, it is actively discussed at the regional level and at the federal level due to its significance for the environmental situation. The authors carried out serious work to consider various points of view on this issue **Key words:** Cheboksary hydroelectric station, Cheboksary reservoir, rising water level
СПИРОВА Ксения Вадимовна, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ГРУШЕВАЯ Елена Петровна,** профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**SPIROVA Kseniya V.,** 2nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **GRUSHEVAYA Elena P.,** Professor at the Department of Civil Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА КАЧЕСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)	**LEGAL ASSESSMENT OF THE ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS THAT PROTECT CONSUMER'S RIGHTS TO THE QUALITY AND SAFETY OF GOODS (WORKS, SERVICES)**
В статье проанализирована практика осуществления некоммерческими организациями полномочий по защите прав граждан-потребителей на качество и безопасность товаров (работ, услуг). Сделан вывод о недостаточной эффективности их деятельности, сформулированы предложения по решению выявленных проблем в целях обеспечения реальной защиты интересов потребителей	The practice of protection of consumer's rights to the quality and safety of goods (works, services) by non-profit organizations is analyzed in this article. The conclusion about the lack of effectiveness of their activities is made, suggestions for solving problems are proposed to ensure real protection of consumer's interests
Ключевые слова: защита прав потребителей, некоммерческая организация, качество товаров (работ, услуг), безопасность товаров (работ, услуг)	**Key words:** consumer rights protection, non-profit organization, quality goods (works, services), safe goods (works, services)
СТАДНИКОВ Александр Александрович, студент 3 курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»	**STADNIKOV Aleksandr A.,** 3rd year student of Saratov State Law Academy
ПЕРЕТЯТЬКО Наталья Михайловна, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент	**PERETYATKO Natalya M.,** Associate professor, Department of criminal procedure, Saratov State Law Academy, Candidate of Law
ЗАЛОГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	**BAIL AS A PREVENTIVE MEASURE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS**
В статье раскрываются сущность залога как меры пресечения в уголовном процессе. Исследованы возможные причины, препятствующие активному применению меры на современном этапе развития уголовного процесса. Представлен анализ возможных путей решения проблемного аспекта	This article is devoted the legal basis of bail as a preventive measure in criminal proceedings. The possible causes that impede the active application of the measure at the present stage of development of the criminal process are investigated. Presents an analysis of the possible solutions to the problematic issue

Ключевые слова: залог, мера пресечения, уголовный процесс, заключение под стражу, судебная практика, размер залога, процессуальные обязанности, статистика	**Key words:** bail, preventive measure, criminal procedure, detention, judicial practice, amount of bail, procedural obligations, statistics
СТРАХОВА Виктория Викторовна, студент 4 курса юридического факультета Курского Государственного Университета **ВЕРБИНА Оксана Леонидовна,** доцент кафедры финансового и предпринимательского права Курского Государственного Университета, кандидат исторических наук, доцент	**STRAKHOVA Viktoriia V.,** 4th year student of the law faculty of Kursk State University **VERBINA Oksana L.,** Associate Professor of the Department of financial and business law of Kursk State University, candidate of historical Sciences, associate Professor
О ПРАВАХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ В РФ Статья посвящена анализу правовых норм и проблеме реализации вещных прав иностранных граждан и лиц без гражданства на земельные участки, находящихся на территории РФ. Автором определены допустимые права на землю для иностранцев в рамках российского законодательства, а также изучены особенности данных прав **Ключевые слова:** земельные участки, вещные права, аренда, иностранные граждане, лица без гражданства, приграничные территории РФ	**ON THE RIGHTS OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS TO LAND PLOTS IN THE RUSSIAN FEDERATION** The article is devoted to the analysis of legal norms and the problem of realization of real rights of foreign citizens and stateless persons to land plots located on the territory of the Russian Federation. The author defines the permissible rights to land for foreigners within the framework of Russian legislation, and also studies the features of these rights **Key words:** land plots, real rights, lease, foreign citizens, stateless persons, border territories of the Russian Federation
СТУПАК Екатерина Сергеевна, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ФИРСОВ Виталий Викторович,** доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции, доцен	**STUPAK Ekaterina S.,** 3rd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **FIRSOV Vitaliy V.,** Associate Professor at the Department of state-legal disciplines St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Juridical, counselor of justice, Sciences, Associate Professor

НАЛОГОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	**TAX CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION: CRIMINOLOGICAL ASPECT**
В статье рассматривается налоговая преступность в Российской Федерации в криминологическом аспекте. Внимание акцентировано на динамике налоговой преступности, причинах совершения налоговых преступлений, проанализировано состояние преступности. На основе этого сделан вывод о необходимости решения этической и общественной стороны проблемы	The paper deals with tax crime in the Russian Federation in the criminological aspect. Attention is focused on the dynamics of tax crime, the reasons for committing tax crimes, and the state of crime is analyzed. Based on this, it is concluded that it is necessary to solve the ethical and social side of the problem
Ключевые слова: налоговая преступность, социально-правовое явление, причины налоговой преступности, динамика	**Key words:** tax crime, social and legal phenomenon, reasons of the tax crime, dynamics
СЫНКОВ Владимир Владимирович, студент 3 курса бакалавриата юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SYNKOV Vladimir V.,** 3rd year student, Bachelor of Law Faculty of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation
ФИРСОВ Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент	**FIRSOV Vitaliy V.,** Associate Professor of the Department of State Law Disciplines, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	**CURRENT PROBLEMS OF APPLICATION OF THE MEDIA PROCEDURE IN PROCEEDINGS IN CASES ON TAX OFFENSES**
В статье рассматриваются актуальные проблемы применения процедуры медиации при производстве по делам о налоговых правонарушениях. На основе действующего законодательства, а также с учетом позиций ученых-правоведов делаются выводы о существовании проблем в применении данного института. В статье	The article discusses the current problems of the application of the mediation procedure in the proceedings of tax offenses. Based on the current legislation, as well as taking into account the positions of legal scholars, conclusions are drawn about the existence of problems in the application of this institution. The article attempts to propose possible solutions

предпринята попытка, с учетом зарубежного опыта применения института медиации, предложить возможные пути решения существующих проблем	to existing problems, taking into account foreign experience in the application of the institution of mediation
Ключевые слова: медиация, налоговый спор, налоговое правонарушение, досудебная стадия урегулирования споров, медиатор	**Key words:** mediation, tax dispute, tax violation, pre-trial stage of dispute settlement, mediator
СЫТНИК Александр Николаевич, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ГОЛОВКО Ирина Ивановна,** доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт- Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**SYTNIK Aleksandr N.,** 2nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **GOLOVKO Irina I.,** Associate Professor at the Department of prosecutor supervision and participation of the prosecutor in the examination of criminal, civil and arbitration cases by the courts, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
ПОДГОТОВКА ПРОКУРОРОМ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ	**PREPARATION THE CLAIM OF PROSECUTOR FOR THE PROTECTION OF AN INDEFINITE CIRCLE OF PERSONS IN THE SPHERE OF ECOLOGY**
В статье рассматриваются вопросы подготовки прокурорами исковых заявлений в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц в сфере экологии. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего законодательства и правоприменительной практики предлагаются методические основы рассматриваемой деятельности прокуроров	In article questions of improvement of preparation the claim of prosecutor for the protection of an indefinite circle of persons in the sphere of ecology. Based on the analysis of views present, as well as established practices in applying the law, are offered methodological foundations this activity
Ключевые слова: подготовка искового заявления, прокурор, защита неопределенного круга лиц, сфера экологии	**Key words:** preparation the claim, prosecutor, protection of an indefinite circle of persons, sphere of ecology

ТЕРНО Диана Александровна, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**TERNO Diana A.,** 3nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЕЛАГИНА Елена Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ELAGINA Elena V.,** Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ «УЛИК ПОВЕДЕНИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ	**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF «EVIDENCE OF BEHAVIOR» IN MODERN FORENSIC**
В статье рассмотрены существующие в науке взгляды на «улики поведения» и необходимость формирования частной криминалистической теории, охарактеризованы ее элементы. Высказаны и обоснованы предположения о целесообразности использования в ходе расследования информации, полученной при изучении «улик поведения»	The article examines the existing scientific views on «evidence of behavior» and the need to form a private forensic theory and describes its elements. Suggestions are made and substantiated about the expediency of using information obtained during the investigation of «evidence of behavior»
Ключевые слова: улики поведения, частная криминалистическая теория, личность, расследование	**Key words:** evidences of behavior, private forensic theory, identity, inquiry
ТИМОШЕНКО Илона Михайловна, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**TYMOSHENKO Ilona M.,** 2nd year master's student of St. Petersburg law Institute (branch) of the Prosecutor's office University of the Russian Federation
НИКОЛАЕВА Татьяна Геннадьевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**NIKOLAEVA Tatyana G.,** Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University Prosecutor's office of the Russian Federation, doctor of law, Professor

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАССМОТРЕНИИ ХОДАТАЙСТВА О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА	**SOME ISSUES OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE LEGAL CONSIDERATION OF THE APPLICATION FOR TERMINATION OF THE CRIMINAL CASE FOR THE PURPOSE OF THE JUDICIAL PENALTY**
В статье проанализированы некоторые проблемы, с которыми сталкивается прокурор, участвующий в судебном рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, в частности расхождение позиций государственного обвинителя, следователя, суда. Автором предложены рекомендации прокурору, участвующему в судебном рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, которые могут быть использованы в случае расхождения с позицией следователя и руководителя следственного органа, суда	The article analyzes some of the problems faced by the prosecutor participating in the judicial review of the criminal case, which ends with the appointment of a fine, in particular, the divergence of the position of the public prosecutor, investigator, and court. The author made recommendations to the prosecutor participating in the judicial review of the criminal case, which ends with the appointment of a judicial fine, which can be used in case of a discrepancy with the position of the investigator and the head of the investigative body, court
Ключевые слова: уголовный процесс, прекращение уголовного дела, судебный штраф, прокурор, судебное разбирательство	**Key words:** criminal procedure, termination of a criminal case, judicial fine, prosecutor, trial
ТИХАНОВА Кристина Александровна, студентка 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ПОРОХОВ Михаил Юрьевич,** доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**TIKHANOVA Kristina A.,** 4nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **POROKHOV Mikhail Y.,** Associate Professor of the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА КРИПТОВАЛЮТУ	**PROBLEMATIC ASPECTS OF FORECLOSURE ON CRYPTOCURRENCY**

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при наложении взыскания на цифровые финансовые активы (криптовалюту) в рамках исполнительного производства и делах о банкротстве. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего законодательства и правоприменительной практики обосновывается необходимость правового регулирования от-ношений, связанных с использованием криптовалют	The article discusses the problems that arise when foreclosing on digital financial assets (cryptocurrency) in the framework of enforcement proceedings and bankruptcy cases. Based on the analysis of positions expressed in the scientific literature, current legislation and law enforcement practice, the need for legal regulation of relations related to the use of cryptocurrencies is justified
Ключевые слова: криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровой кошелёк, должник, взыскание	**Key words:** cryptocurrency, digital financial assets, digital wallet, debtor, penalty
ТОКИНА Яна Викторовна, студентка 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**TOKINA Yana V.,** 4th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ФЕДЫШИНА Полина Викторовна, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции	**FEDYSHINA Polina V.,** Senior lecturer at the Department of criminal law, criminology and penitentiary law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Councilor in Justice
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ	**SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED BY A MANNER DANGEROUS TO THE PUBLIC**
В статье отражены некоторые проблемные аспекты уголовно-правовой характеристики преступлений, совершаемых общеопасным способом. Были проанализированы отдельные вопросы установления круга объектов, подвергающихся опасности, а также специфика субъективной стороны составов преступлений, включающих	The article reflects some problematic aspects of the criminal law characteristics of crimes committed in a generally dangerous way. Some issues of establishing the range of objects at risk, as well as the specifics of the subjective side of the offenses including the specified qualifying attribute, were analyzed. Based on judicial practice and scientific literature,

указанный квалифицирующий признак. На основе судебной практики и научной литературы были предложены возможные пути совершенствования реализации норм Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляющих в диспозиции общеопасный способ совершения преступления	possible ways of improving the implementation of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, enshrining in a disposition a generally dangerous way of committing a crime, were proposed
Ключевые слова: способ совершения преступления, общеопасный способ, объекты уголовно-правовой охраны, оценочные признаки в уголовном праве	**Key words:** way to commit a crime, common way, objects of criminal law protection, appraisal features in criminal law
ТОМИЛОВА Полина Николаевна, студентка 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **КУСТОВ Михаил Николаевич,** советник юстиции, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел	**TOMILOVA Polina N.,** 3rd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **KUSTOV Mikhail N.,** Counselor of Justice, Art. Lecturer in the Department of Prosecutorial Supervision and the participation of the prosecutor in criminal, civil and arbitration cases
УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	**PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE APPEAL PROCEEDINGS**
В статье рассматривается важность участия прокурора в рассмотрении дела апелляционной инстанции, которое должно в полной мере соответствовать его роли в обеспечении законного, обоснованного и справедливого приговора. Также делается вывод об активно роли прокурора при рассмотрении уголовного дела в апелляционной инстанции	The article considers the importance of the Prosecutor's participation in the consideration of an appeal case, which should fully correspond to his role in ensuring a lawful, reasonable and fair sentence. The conclusion is also made about the active role of the Prosecutor in the consideration of a criminal case in the appellate instance
Ключевые слова: прокурор, апелляционное представление, апелляционное производство уголовное судопроизводство, уголовное преследование	**Key words:** prosecutor, appeal representation, appeal proceedings criminal proceedings, criminal prosecution

ТРЯКШИН Данила Сергеевич, магистрант 2 курса Челябинского государственного университета	**TRYAKSHIN Danila S.,** 2nd year master student of the Chelyabinsk State University
ВИННИКОВА Рушания Василовна, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Челябинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент	**VINNIKOVA Rushania V.,** Associate Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Chelyabinsk State University, PhD in Law, Associate Professor
О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОКУРОРОВ	**ON THE ROLE OF THE INTERNATIONAL ASSOCIATION OF PROSECUTORS**
В статье рассмотрены основные положения, касающиеся деятельности международной ассоциации прокуроров, предпосылки создания, цели деятельности	The article discusses the main provisions relating to the activities of the international association of prosecutors, the prerequisites for creation, the purpose of the activity
Ключевые слова: МАП, международная ассоциация прокуроров, международноправовое сотрудничество, международные связи, прокуратура РФ, генеральная прокуратура, международный договор	**Key words:** IAP, international association of prosecutors, international legal cooperation, international relations, the prosecutor's office of the Russian Federation, the prosecutor general's office, and an international treaty
УЛАНОВА Александра Валерьевна, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**ULANOVA Alexandra V.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Candidate of Law, Associate Professor, Counselor of Justice Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ПРОБЛЕМА ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ	**THE PROBLEM OF DISCRIMINATION OF WOMEN IN LABOR RELATIONS**

В статье рассматривается правовая основа для проведения различия между понятиями «дискриминация» и «дифференциация» в правовом регулировании труда женщин; проводится анализ критериев дискриминации и оснований для дифференциации этой категории лиц, он охватывает как международные, так и национальные подходы к запрещению дискриминации в области трудовых отношений по признаку пола	The article discusses the legal basis for distinguishing between the concepts of "discrimination" and "differentiation" in the legal regulation of women's labor; the analysis of discrimination criteria and the grounds for differentiation of his category of persons. It covers both international and national approaches to the prohibition of discrimination in the field of labor relations based on sex
Ключевые слова: дискриминация, женщины, трудовые отношения, проблематика	**Key words:** discrimination, women, labor relations, problems
УСТЮГОВА Виктория Сергеевна, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ВАСИЛЬЧИКОВА Нина Александровна,** заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**USTYUGOVA Viktoriya S.,** 2nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **VASILCHEKOVA Nina A.,** Head of the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ РЕШЕНИИ ПО ДЕЛАМ О СНОСЕ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ	**TO A QUESTION OF THE COURT DECISION ON THE DEMOLITION OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTIONS**
Статья посвящена рассмотрению некоторых теоретических и практических вопросов, связанных с определением видов решений, которые могут быть вынесены по такой категории дел, как снос самовольных построек, и практическими аспектами их реализации	The article is devoted to the consideration of some theoretical and practical issues related to the identification of the types of decisions on such category of cases as demolition of unauthorized constructions and the practical aspects of enforcement
Ключевые слова: гражданский процесс, снос самовольной постройки, альтернативное решение, исполнение судебного решения	**Key words:** civil procedure, demolition of unauthorized construction, alternative court decision, enforcement of court decision

ФЕДОРОВ Максим Витальевич, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**FEDOROV Maxim V.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гра-жданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РУКОВОДИТЕЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ	**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TERMINATION OF AN EMPLOYMENT CONTRACT WITH THE HEAD OF AN ORGANIZATION**
Охрана труда – один из важнейших институтов современного Трудового права. Анализ законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод, что на данный момент существуют пробелы в регулировании данного института. Автор на основе действующей нормативно-правой базы, правоприменительной практики выявляет недостатки, касающиеся процедуры расторжения трудового договора с руководителем организации, а также предлагает пути совершенствования существующего законодательства	Labor protection is one of the most important institutions of modern Labor law. Analysis of the legislation of the Russian Federation allows us to conclude that at the moment there are gaps in the regulation of this institution. Based on the current legal framework and law enforcement practice, the author identifies shortcomings related to the procedure for termination of an employment contract with the head of an organization, as well as suggests ways to improve existing legislation
Ключевые слова: охрана труда, работодатель, руководитель организации, трудовой договор, дискриминация, компенсация	**Key words:** labor protection, the employer, the head of the organization, employment contract, discrimination, compensation
ФИЛИПЕНКО Дарья Сергеевна, студент 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**FILIPENKO Daria S.,** 4th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ГУРЕЕВА Ольга Андреевна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	**GUREEVA Olga A.,** Associate Professor at the Department of State Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Junior Counselor of Justice
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ ИНФОРМАЦИИ, РАЗМЕЩЕННОЙ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ», ЗАПРЕЩЕННОЙ	**SOME PROBLEMS OF CONSIDERATION OF ADMINISTRATIVE CASES ON RECOGNITION OF INFORMATION POSTED ON THE INTERNET NETWORK PROHIBITED**
В статье анализируются проблемы определения административного ответчика по делам о признании запрещенной информации, размещенной в сети «Интернет»; решается вопрос о возможных путях совершенствования законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере	The article analyzes the problems of determining the administrative defendant in cases of recognition of prohibited information posted on the Internet; the question of possible ways to improve legislation and law enforcement practice in this area is being resolved
Ключевые слова: административное судопроизводство, административный ответчик, административное дело, запрещенная информация	**Key words:** administrative proceedings, administrative defendant, administrative case, prohibited information
ФИСУН Анна Сергеевна, студент 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**FISUN Anna S.,** 4th year student of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation
ЗАРУБИН Андрей Викторович, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**ZARUBIN Andrey V.,** Associate Professor, Department of criminal law, criminology and criminal Executive law, St. Petersburg law Institute (branch), University of Prosecutor's office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И (ИЛИ) ОБОРОТ ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ	**SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL PRODUCTION AND (OR) TURNOVER OF ETHYL ALCOHOL, ALCOHOLIC AND ALCOHOL-CONTAINING PRODUCTS**

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 171.3 УК РФ и разграничении данной нормы со смежными составами. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется подход о внесении изменений в ряд Постановлений Пленума Верховного суда	The article deals with the problems that arise when classifying crimes under article 171.3 of the criminal code of the Russian Federation and differentiating this norm with related structures. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, current criminal legislation and law enforcement practice, an approach is put forward and argued for making changes to a number of decisions of the Plenum of the Supreme court
Ключевые слова: незаконное производство и оборот алкогольной продукции, фальсифицированная продукция, незаконная предпринимательская деятельность, этиловый спирт, безопасность, мошенничество	**Key words:** illegal production and turnover of alcoholic products, falsified products, illegal business activities, ethyl alcohol, security, fraud
ХВАН Ксения Сергеевна, студент 2 курса Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина	**KHVAN Ksenia S.,** 2nd year student of the Institute of law and national security of Tambov state University G. R. Derzhavina
ВОРОБЬЕВА Светлана Викторовна, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат юридических наук, доцент	**VOROBYOVA Svetlana V.,** Associate Professor of the Department of criminal law and procedure of the Institute of law and national security of Tambov state University. G. R. Derzhavina, candidate of law, associate Professor
ПРИНЦИПЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	**PRINCIPLES OF ELECTORAL LAW: HISTORY OF FORMATION AND CURRENT STATE**
В статье рассматриваются основные принципы избирательного права в Российской Федерации. Проводится исторический анализ становления и развития принципов избирательного права. На основе проведенного исследования, а также анализа российского законодательства, в частности Основного закона Российской Федерации,	The article discusses the basic principles of electoral law in the Russian Federation. The historical analysis of the formation and development of the principles of electoral law is carried out. On the basis of the conducted research, as well as the analysis of Russian legislation, in particular the Basic law of the Russian Federation, some problems

выдвигаются некоторые проблемы, которые предлагается исправить при дальнейшем конституционном реформировании	are put forward, which are proposed to be corrected in the future constitutional reform
Ключевые слова: избирательное право, принципы избирательного права, принцип всеобщности, принцип равных выборов, принцип прямых и непрямых выборов, принцип тайного голосования, проблемы принципов избирательного права	**Key words:** electoral law, principles of electoral law, the principle of universality, the principle of equal elections, the principle of direct and indirect elections, the principle of secret voting, problems of the principles of electoral law
ХУЧШОВ Александр Сергеевич, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**KHUCHSHOV Alexandr S.,** 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ШАДРИН Виктор Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**SHADRIN Victor S.,** Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
РОЛЬ ПРОКУРОРА ПРИ ИЗБРАНИИ СУДОМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО ХОДАТАЙСТВУ СЛЕДОВАТЕЛЯ	**THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN THE ELECTION OF A PREVENTIVE MEASURE BY THE COURT AT THE REQUEST OF THE INVESTIGATOR**
В статье рассматриваются вопросы, связанные с ролью прокурора при избрании судом меры пресечения на основании ходатайства следователя. На основе изучения научной литературы, действующего уголовно-процессуального законодательства предлагается мнение о необходимости совершенствования законодательства в части расширения полномочий прокурора при решении вопроса об избрании меры пресечения судом	The article discusses the issues related to the role of the Prosecutor in the election of a preventive measure by the court on the basis of an investigator's request. Based on the study of scientific literature and current criminal procedure legislation, the author suggests the need to improve legislation in terms of expanding the powers of the Prosecutor when deciding on the election of a preventive measure by the court
Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, меры пресечения, ходатайство следователя об избрании меры пресечения	**Key words:** prosecutor, prosecutor's supervision, preventive measures, investigator's request for election of a preventive measure

ЦЫПЛЕВА Анастасия Алексеевна, студент 3 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского	**TSYPLEVA Anastasia A.,** 3nd year bachelor student of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
ПУЖАЕВ Владимир Владимирович, преподаватель кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского	**PUZHAEV Vladimir V.,** Teacher of the department of labor and environmental law of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РАЗРЕШЕНИЙ	**REGULATORY AND LEGAL BASES, PROBLEMS AND PROSPECTS FOR APPLICATION OF INTEGRATED ECOLOGICAL PERMISSIONS**
Автором данной статьи проводится анализ основ и перспектив применения комплексных экологических разрешений, в том числероли внедрения комплексных экологических разрешений как для населения, так и для государства, и для природользователей. Также в статье рассматриваются проблемы получения комплексных экологических разрешений	The author of this article analyzes the basics and the prospects of the application of integrated environmental permissions and the role of introducing integrated environmental permissions for both the population and the state as nature users. The article also discusses the problems of obtaining integrated environmental permissions
Ключевые слова: комплексные экологические разрешения, система нормирования воздействия на окружающую среду, выбросы в атмосферный воздух, получение КЭР	**Key words:** integrated environmental permits, environmental impact rating system, atmospheric emissions, obtaining IEP
ЧИКАРЕВА Дарья Олеговна, студент 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**CHIKAREVA Daria O.,** 1st year student of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation
ЧЕСТНОВ Илья Львович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации	**CHESTNOV Ilya L.,** Doctor of Law, professor of the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation , Honored lawyer of the Russian Federation

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА КАК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА	**ANTHROPOLOGY OF LAW AS A RESEARCH AND DEVELOPMENT PROGRAM**
В статье рассматривается проблематика антропологии права как научно-исследовательской программы. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе выдвигается и аргументируется подход о значении антропологии права как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Кроме того, рассматривается история, методология и практическое назначение данной научно-исследовательской программы	The article deals with the problems of the anthropology of law as a research program. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, an approach is put forward and argued about the significance of antrhropology of law in both theoretical and practical aspects. In addition, the history, methodology and practical purpose of this research program are considered
Ключевые слова: антропология права, человекомерность, культура, субъект права	**Key words:** anthropology of law, human dimension, culture, subject of law
ЧУГАЙНОВА Екатерина Александровна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **КОРШУНОВА Ольга Николаевна,** доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции	**CHUGAINOVA Ekaterina A.,** 1nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **KORSHUNOVA Olga N.,** Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice
ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ДОШКОЛЬНЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ	**PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF PROSECUTOR SUPERVISION FOR PERFORMANCE OF LAWS BY PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS**
В статье рассматриваются проблемы осуществления прокурорского надзора за исполнением законов дошкольными образовательными учреждениями. На основе анализа научной литературы и действующего законодательства раскрывается понятие общедоступности дошкольного образования и его критерии	The article discusses the problems of prosecutorial supervision of the implementation of laws by preschool educational institutions. Based on the analysis of scientific literature and current legislation, the concept of the general accessibility of preschool education and its criteria is revealed
Ключевые слова: прокурорский надзор, доступность образования, дошкольные образовательные учреждения	**Key words:** prosecutorial supervision, access to education, preschool educational institutions

ЧУКЛИНА Валерия Михайловна, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**CHUKLINA Valeriya M.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**CHERNYSHEVA Lyudmila A.,** Candidate of Law, Associate Professor, Counselor of Justice Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ПРОБЛЕМА ВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОТНИКУ ПРЕДПРИЯТИЯ-БАНКРОТА	**PROBLEM OF PAYMENT OF WAGES BANKRUPT EMPLOYEE**
В статье рассматривается проблема, возникающая в процессе банкротства работодателя. На основе анализа позиций высказанных в научной литературе, действующего трудового и гражданского российского и зарубежного законодательства и практики предлагаются пути совершенствования процесса выплаты работнику заработной платы при процедуре банкротства	The article discusses the problem arising in the process of bankruptcy of the employer. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current labor and civil Russian and foreign legislation and practice, ways are proposed to improve the process of paying an employee wages in bankruptcy proceedings
Ключевые слова: заработная плата, банкротство работодателя, обязанность работодателя, права работника, работник-кредитор, работодательдолжник	**Key words:** wages, employer bankruptcy, employer obligation, employee rights, employee-creditor, employer-debtor
ЧУРАНОВ Денис Александрович, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**CHURANOV Denis A.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
МАКОВ Борис Васильевич, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент	**MAKOV Boris V.,** Associate Professor of the Department of General humanitarian and socio-economic disciplines, St. Petersburg law Institute (branch) of the University Of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of philosophy, associate Professor

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПОНИМАНИЯ ГЕНЕЗИСА РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ	**DIFFICULTIES OF UNDERSTANDING THE GENESIS OF RATIONALISTIC LEGAL THOUGHT**
В статье рассматриваются ключевые этапы развития политико-правовой мысли сущности рационализма в праве, анализируются наиболее важные теоретические направления, предвосхитившие идеи разумных оснований в праве, освещаются современные научные концепции правопонимания с их достоинствами и недостатками	The article discusses the key stages in the development of political and legal thought of the essence of rationalism in law, analyzes the most important theoretical directions that anticipate the ideas of reasonable foundations in law, highlights the modern scientific concepts of legal understanding with their advantages and disadvantages
Ключевые слова: генезис, правовой рационализм, разумное основание, признание права, юснатурализм	**Key words:** genesis, legal rationalism, reasonable basis, recognition of law, jurisprudence
ШЕЙКО Анастасия Николаевна, студент 3 курса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации	**SHEYKO Anastasia N.,** 3nd year student of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
ИГБАЕВА Гузель Римовна, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**IGBAEVA Guzel R.,** Head of the Department of civil law disciplines of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ В УЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА	**NON-STANDARD EMPLOYMENT FORMS UNDER CONDITIONS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC**
В статье рассмотрены перспективы развития трудового законодательства в ближайшие годы, проанализированы актуальные формы занятости будущего в условиях цифровизации экономики и сделаны выводы о необходимости внесения изменений о мягком законодательном регулировании труда	The article discusses the prospects for the development of labor legislation in the coming years, analyzes the current forms of employment of the future in the context of the digitalization of the economy, and draws conclusions about the need to introduce amendments to the soft legislative regulation of labor
Ключевые слова: нестандартные формы занятости, цифровизация, искусственный интеллект, роботизация, трудовое законодательство, гибкий рынок труда	**Key words:** non-standard forms of employment, digitalization, artificial intelligence, robotics, labor legislation, flexible labor market

ШЕСТАВИН Денис Андреевич, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SHESTAVIN Denis A.,** 3rd year the St.-Petersburg legal Institute (branch) of the University Prosecutor of the Russian Federation
КУСТОВ Михаил Николаевич, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**KUSTOV Mikhail N.,** Senior lecturer of the Department of prosecutorial supervision and participation of the Prosecutor in criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University Prosecutor's office of the Russian Federation, adviser of justice
ПРОВЕДЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНО – ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	**ANTICORRUPTION EXAMINATION OF LEGAL ACTS BY THE PROSECUTOR'S OFFICE: THEORY AND PRACTICE**
В статье рассматриваются проблемы соотношения теории и практики осуществления антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, а также обобщённых результатов прокурорской практики, автор высказывается о необходимости принятия конкретных мер по реформированию законодательства	The article deals with the problems correlation of theory and practice of anti-corruption expertise by the Prosecutor's office. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, as well as the generalized results of Prosecutor's practice, the author speaks about the need to take specific measures to reform legislation
Ключевые слова: прокуратура, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы	**Key words:** Prosecutor's office , anti-corruption expertise, corruption factors
ШИЛОВА Наталья Александровна, студент 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SHILOVA Natalya A.,** 3rd year bachelor of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor of the Russian Federation
ПОРОХОВ Михаил Юрьевич, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**POROKHOV Mikhail Y.,** Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ГРУППОВЫХ ИСКОВ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ	**PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF GROUP SUITS IN CIVIL AND ARBITRATION PROCESSES**

В статье на основе анализа научной литературы, действующего законодательства и правоприменительной практики обращается внимание на недостаточность специального регулирования института группового иска, выделяются противоречия общих и специальных норм и предлагаются возможные пути их решения	Based on the analysis of scientific literature, current legislation and law enforcement practice, the article draws attention to the insufficiency of special regulation of the class action institute, identifies contradictions of general and special norms and suggests possible solutions
Ключевые слова: групповой иск, диспозитивность, мировое соглашение, истец-представитель	**Key words:** class action, dispositivity, settlement, claimant-representative
ШИНКЕВИЧ Полина Александровна, студент 2 курса юридического факультета Белорусского Государственного Университета	**SHINKEVICH Polina A.,** 2nd year student of the Law Faculty of the Belarusian State University
МОТИНА Евгения Владимировна, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского Государственного Университета, кандидат юридических наук, доцент	**MOTINA Eugenia V.,** Associate Professor at the Department of civil procedure and labour law, Belarusian State University, Candidate of Law, Associate Professor
ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИСПЫТАНИЯ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ	**THE LEGAL CHARACTERISTICS OF THE PRELIMINARY RECRUITMENT TESTING**
В статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации предварительного испытания при приеме на работу. Исходя из анализа подходов, предложенных в научной литературе и действующего трудового законодательства выдвигается и аргументируется подход о значении предварительного испытания в трудовых правоотношениях, а также предложения о совершенствовании его реализации	Problems arising from the application of the preliminary recruitment testing are being discussed in this article. Based on the analysis of approaches proposed in the scientific literature and in the labour law, an approach to the significance of the preliminary recruitment testing in labor relations is being presented, argumented for, and an approach for its improvement is being discussed
Ключевые слова: предварительное испытание, испытание при приёме на работу, дополнительные условия трудового договора, трудовой договор, прекращение трудовых правоотношений, порядок исчисления сроков, работник, наниматель	**Key words:** preliminary testing, testing for employment, additional conditions of the employment contract, employment contract, termination of labour legal relations, the procedure for calculating the terms, employee, employer

ШИШКИН Олег Евгеньевич, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**SHISHKIN Oleg E.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
МАКОВ Борис Васильевич, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент	**MAKOV Boris V.,** Associate Professor of the Department of General humanitarian and socio-economic disciplines, St. Petersburg law Institute (branch) of the University Of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of philosophy, associate Professor
КОНЦЕПЦИЯ МИРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ	**THE CONCEPT OF WORLD GOVERNMENT IN MODERN REALITIES**
В статье рассматривается проблема существования международных организаций, которые способны оказывать воздействие на мировые процессы во всех сферах общественной жизни, будь то в экономической, политической, социальной и духовной. На основе анализа их текущей деятельности и проектов будут выдвинуты тенденции дальнейшего развития данных организаций, которые претендуют на роль мирового арбитра	The article deals with the problem of the existence of international organizations that can influence world processes in all spheres of public life, be it in the economic, political, social and spiritual spheres. Based on the analysis of their current activities and projects, trends in the further development of these organizations that claim to be the world's arbiter will be put forward
Ключевые слова: мировое правительство, транснациональная корпорация, политика, Бильдельбергский клуб, Римский клуб	**Key words:** world government, multinational Corporation, politics, the Bilderberg club, the club of Rome
ЭПОВ Иван Сергеевич, студент 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**EPOV Ivan S.,** 1st year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor of the Russian Federation
ЛОМАКИНА Ирина Борисовна, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**LOMAKINA Irina B.,** Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ИНДИВИДА	**THE PROBLEM OF UNDERSTANDING PUBLIC SECURITY IN THE CONTEXT OF RESTRICTIONS ON INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS**
В статье рассматривается вопрос соотношения общественной безопасности с правами человека в ключе западной правовой культуры, в основе которой лежит индивидуализм, то есть она ориентирована на человека, который рассматривается как приоритетная и первичная ценность	The article considers the relationship between public safety and human rights in the key of Western legal culture, which is based on individualism, that is, it focuses on a person who is considered as a priority and primary value
Ключевые слова: права человека, свободы человека. ограничение прав и свобод человека, безопасность	**Key words:** human rights, human freedoms. restriction of human rights and freedoms, security
ЯКИМЧУК Екатерина Сергеевна, студентка 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**YAKIMCHUK Ekaterina S.,** 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ЧЕРНЫШЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции	**CHERNYSHEVA Ludmila A.,** Associate Professor of the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of legal Sciences, adviser to the justice system
МОББИНГ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ТРУДА	**MOBBING AS A FORM OF DISCRIMINATION AT WORK**
Статья посвящена вопросам регулирования общественных отношений в сфере труда. Особое внимание уделено проблеме дискриминации, а именно моббинговых действий в отношении работника. На основе обобщения материала по данной теме делается вывод о том, что сегодня в Российской Федерации данная проблема не урегулирована на законодательном уровне. Предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования в области защиты прав работника от моббинга	The Article is devoted to the regulation of social relations in the field of labor. Special attention is paid to the problem of discrimination, namely mobbing actions against an employee. Based on the generalization of the material on this topic, it is concluded that today in the Russian Federation this problem is not settled at the legislative level. Recommendations on improvement of legal regulation in the field of protection of the rights of the worker from mobbing are offered
Ключевые слова: моббинг; сфера труда; насилие на работе, дискриминация работника; трудовые отношения	**Key words:** mobbing; sphere of labor; violence at work; employee discrimination; labor relations

Научное электронное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

XI МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

25 апреля 2020 года

М а т е р и а л ы

Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более;
512 Mb и более; CD/DVD-ROM дисковод;
Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более;
Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

Подписано к использованию 10.06.2020.
Печ. л. 54,87. Тираж 11 экз. (2-й з-д 7—11). Заказ 24/20.
1 электрон. опт. диск (CD-R). 41,1 Мб.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44